

С. Н. ЧЕРНЯВСКИЙ

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ

Император и его век

С. Н. Чернявский

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ

Император и его век

Санкт-Петербург
2015

УДК 94(495).03
ББК 63.3(0)4
Ч49

Ч49 **Чернявский, С. Н.**
Юстиниан Великий : Император и его век / С. Н. Чернявский. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. — 528 с.
ISBN 978-5-86007-789-8

Книга знакомит читателя с Юстинианом Великим (527–565) — самым знаменитым и загадочным императором Византии. Опытный политик и блестящий стратег, он сформировал стабильное правительство, принял новые законы и сумел восстановить Римскую империю.

Автор пытается доказать, что Юстиниан воспринял идеи иранской секты маздакитов, которую некоторые ученые называют «коммунистической». Именно маздакиты оказали огромное влияние на судьбу императора.

Книга содержит множество параллелей с современностью, а ее основная идея — социальное обновление и восстановление имперских границ — актуальна для современного российского общества.

УДК 94(495).03
ББК 63.3(0)4

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-789-8

© Чернявский С. Н., 2015
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ ВИЗАНТИЮ.....	5

Часть первая

КРЕСТЬЯНИН НА ТРОНЕ

Глава 1. УТРО ВИЗАНТИИ	10
Глава 2. РЕВОЛЮЦИЯ.....	44
Глава 3. ЛЮБОВЬ ЮСТИНИАНА.....	77
Глава 4. МАЗДАКИТЫ ПРОТИВ СТАСИОТОВ.....	89

Часть вторая

УТРАТА ИЛЛЮЗИЙ

Глава 1. РЕВОЛЮЦИЯ КАТИТСЯ ПОД ОТКОС	105
Глава 2. ИРАН И БАЛКАНЫ	129
Глава 3. ПОБЕДА ПРИ ДАРЕ, ПОРАЖЕНИЕ ПРИ КАЛЛИНИКЕ	138
Глава 4. ВОССТАНИЕ «НИКА»	148

Часть третья

ВАНДАЛЫ И ГОТЫ

Глава 1. ГИБЕЛЬ ВАНДАЛОВ	170
Глава 2. ДЕЯНИЯ ГОТОВ	200
Глава 3. БИТВА ЗА РИМ	214
Глава 4. АФРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. ПЕРВЫЙ АКТ	224
Глава 5. БИТВА ЗА РИМ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).....	231
Глава 6. АФРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. ВТОРОЙ АКТ.....	255
Глава 7. ПОБЕДА В ИТАЛИИ.....	260

Часть четвертая
ИМПЕРАТОР У СЕБЯ ДОМА

Глава 1. РАБОТА И ЗАБОТЫ	276
Глава 2. БОРЬБА ЗА ДУШИ	303

Часть пятая
В ВИХРЕ ВОЙН

Глава 1. ПЕРСЫ И ЧУМА	320
Глава 2. ГОТЫ ВСТАЮТ НА НОГИ	346
Глава 3. НОВЫЙ БУНТ В АФРИКЕ	355
Глава 4. ВЕЛИСАРИЙ В ИТАЛИИ	362
Глава 5. КОНЕЦ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ	371
Глава 6. ОПЯТЬ ПЕРСЫ	376
Глава 7. ГИБЕЛЬ ОСТГОТОВ	391

Часть шестая
НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Глава 1. ВИЗАНТИЙЦЫ В ИСПАНИИ	419
Глава 2. ВОЙНА С ФРАНКАМИ	427
Глава 3. ВОЙНА С ПЕРСАМИ	436
Глава 4. НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ	445
Глава 5. ВОЙНА В НЕБЕ	457
Глава 6. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЦАРСТВА	474
Глава 7. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЮСТИНИАНА	496
Послесловие	507
Список литературы	511
Указатель имен	514

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ ВИЗАНТИЮ

I

В двадцатые годы VI века жители Константинополя, имеющие доступ в царские покои, могли видеть странное зрелище. Ночью в садах Большого дворца появлялся загадочный человек. Он был облачен в варварский плащ, штаны, сапоги и рубаху. Немногочисленная дворцовая стража пропускала его повсюду и отдавала честь. Было удивительно видеть это по отношению к простолюдину, но на этом чудеса не кончались.

Человек подолгу гулял среди кустов и деревьев, любовался цветами. Его походка то замедлялась, то ускорялась. Человек был невысок, но хорошо сложен. Вот появляется луна из-за туч, и тайные дворцовые наблюдатели могут хорошо рассмотреть лицо этого мужчины. Его темные выющиеся волосы тщательно уложены и стянуты обручем на голове, брови сурово сдвинуты, огромные глаза смотрят по сторонам деловито и внимательно. Небольшие изящные губы строго сжаты, на щеках — легкая седая щетина. Этот человек, гуляющий по саду в одежде простолюдина, — государь Византийской империи Флавий Петр Саббатий Юстиниан. Он, как обычно, допоздна работал в своем кабинете и вышел на свежий воздух, еще не успев побриться и принять ванну.

Император заходит в дальний уголок сада, долго смотрит на молодую луну, а потом... о ужас! — снимает собственную голову, как будто устал от нее. Лишенное головы тело императора бродит по дорожкам, наполняя страхом случайных свидетелей из числа любопытных евнухов и прислуги.

По столице пошел слух, что царем ромеев является демон.

В те же годы в Константинополь прибыл святой подвижник с Востока. Он удостоился аудиенции у Юстиниана, вошел в тронную залу... и затрясся от ужаса. На царском троне сидело туловище, облаченное в парадные одежды, а над ним вместо головы находился безобразный кусок мяса с оскаленной пастью. Монах бежал быстро, как только мог.

...Обе истории об императоре-демоне рассказал юрист и историк Прокопий Кесарийский, вращавшийся во властных кругах в эпоху Юстиниана. Впрочем, рассказы были настолько неправдоподобны, что автор версии постоянно ссылается на мнение других, подчеркивает,

что сам этого не видел, но есть очевидцы, которые утверждают: всё сказанное — правда.

Между тем Православная церковь не согласилась с наветами. Она причислила «демона» после смерти его телесной оболочки к лику святых. Именины святого Иустиниана (таково каноническое написание его имени) обозначены 27 ноября.

Кем же всё-таки был император Флавий Петр Саббатий Юстиниан? Демоном или святым? Диалектическая бесовщина, присущая современным исследователям, подсказывает выход: может быть, перед нами — противоречивая личность, у которой имеются темные и светлые стороны? Но ответить так — значит уйти от ответа. Следуя этой логике, мы придем к выводу, что любой обыватель неотличим от преступника: у обоих есть темные и светлые стороны. Историк должен понимать, что от него ждут иной оценки. Любой человек противоречив, тем более политик. Но чего в нем больше — хорошего или плохого? И как отразилась его деятельность на жизни страны, которой этот человек управлял?

Каждому ясно, что Юстиниан не ходил с отвалившейся головой, он не скалился демонической улыбкой на троне. Но каким был результат его правления? Позитивным или негативным? Ответ на вопрос — в этой книге.

II

Работа историка трудна, а цель зачастую недостижима. Прошлое скрыто непроницаемой пеленой. Нам не хватает сведений для того, чтобы сорвать покров тайны, окутывающий историю отдельных людей и целых народов. Исключений из этого правила крайне мало.

Казалось бы, византийский император Юстиниан — один из людей, о которых мы знаем почти всё. Ему повезло. Деяниям этого императора посвящены целые три талантливые книги, написанные в его эпоху: это двухтомные «Войны», небольшой трактат «О постройках» и политический памфлет «Тайная история». Достаточно их прочесть, и работа историка станет излишней.

Однако всё не так просто. Перечисленные книги написаны одним человеком. Их автор — Прокопий из Кесарии. Это выходец из современного Израиля (именно там находилась область Самария, откуда происходил Прокопий). По национальности — не то грек, не то сириец, не то еврей, по профессии — юрист, по должности — секретарь знаменитого в те времена византийского полководца Велисария, а впоследствии

крупный государственный чиновник. Мы не раз встретимся с ним на этих страницах.

Книги Прокопия сделали бы честь любому современному журналисту или PR-менеджеру. Официальные произведения, написанные Кесарийцем («Войны» и «О постройках»), прославляют Юстиниана. В некоторых местах автор буквально захлебывается верноподданническим восторгом. Зато третья из книг — «Тайная история» — проникнута ненавистью к Юстиниану и граничит с похабным анекдотом. Долгое время ученые были убеждены, что вышеуказанные произведения написали разные люди: слишком велик был контраст. Однако современная история знает и не такие повороты. Многие из нас служат идеям и людям, которые вызывают лишь отвращение. Возможно, кто-то и хотел бы написать свою «тайную» историю про нынешних управленцев, политиков и чиновников. Но сможет ли хоть один из героев ненаписанных книг вызвать интерес историков через тысячу лет? Есть ли среди современных политиков хоть один, равный по масштабу императору Юстиниану?

Предполагают, что Прокопий был обижен на императора, из-за этого собрал и кодифицировал сплетни, ходившие при царском дворе. Но те ученые, что поверили официальной истории Юстиниана и отвергли тайную, ловко обходят вопрос: были основания для сплетен или нет?

В спор ученых вмешивается Церковь. Она уже давно канонизировала великого царя и его жену Феодору. Так что же, вопрос закрыт? Перед нами — святые?

Попробуем взглянуть на проблему с другой стороны и расширим круг источников. По мнению Прокопия, всё окружение Юстиниана — это взяточники, мерзавцы и негодяи. Зато другой хронист того времени, Иоанн Малала, превозносит государственные деяния императора, хотя и в его книге Юстиниан достаточно суров. Например, он без малейших колебаний приказывает отрезать пенисы священникам-педофилам, когда узнает об их сексуальных преступлениях. Современным адептам свободной любви трудно понять: за что? Но в те времена этот жестокий поступок считался признаком добродетели.

Агафий Миринейский, Евагрий Схоластик, другие авторы придерживаются средней линии при описании деятельности великого императора: иногда критикуют его, но в целом относятся нейтрально. Задумаемся еще раз: может, правда как раз в этом: Юстиниан не демон и не святой? Тогда перед нами — обычный человек с уравновешенными страстями, соответствующий запросам эпохи и состоянию общества.

Этакий образец английского джентльмена XIX столетия. Но страстный и энергичный император совсем не таков!

Когда мы говорим о Юстиниане, ключевым понятием становится «государство», а не личность правителя. И тут мы видим удивительную картину. При Юстиниане империя переживает небывалый взлет. Это взлет творческой мысли, военного искусства, правоведения, строительства, богословия, подъем экономики, расширение границ...

Может быть, это сделал не вождь, а некие «византийские народные массы»? Об этом часто говорили вульгарные марксисты эпохи позднего СССР. Юстиниан был для них нелюбимым героем. По их мнению, византийский царь возрождает рабовладение и являлся представителем античной реакции. Если византийцы чего и добились в его царствование — то сами, за счет героизма и жертвенности.

Но и эти утверждения не выдерживают критики. Ни народ без него, ни он без народа не смогли бы достичь великих свершений. Юстиниан был всего лишь самым умным, страстным, энергичным из миллионов византийцев. Ему невероятно повезло возглавить этот пассионарный этнос в героическую эпоху становления.

III

В университетские годы на истфаке автор слушал лекции по истории Византии с полным набором обвинений по адресу Юстиниана и его преемников, но уже тогда начал задумываться: правда ли то, что нам говорят о Византии?

Возник интерес. Из документов, хроник и свидетельств современников сложилась любопытная картина. Из тумана неизвестности появлялась уникальная цивилизация, не похожая ни на что. Византия действительно ничем не напоминала ни католический Запад, ни мусульманский Восток.

Люди Западной Европы всегда жили в рабстве. Европейское Средневековье — мир сотен тысяч крепостных, над которыми возвышаются феодалы, и лишь в маленьких городах оперируют свободные купцы и трудятся ремесленники, да и те пытаются эксплуатировать подмастерьев и слуг. Это было наследие Древнего Рима, который когда-то применял рабский труд в промышленных масштабах. Западная Европа стала более или менее свободной лишь за последние 200 лет. Забавно, что, едва выйдя из рабства, она пытается учить жизни других.

Мусульманский мир с его Кораном, джихадом, обрезанием и политическим хаосом, когда династии создавались и рушились с потрясаю-

щей быстротой, опять-таки кажется чем-то иным, по-своему уникальным, интересным, но абсолютно чужим.

А Византия была страной свободных людей. Даже в античные времена на ее территории не было тотального рабства, за исключением отдельных очагов рабовладения в Афинах, Эфесе, Александрии или Антиохии. Она оставалась свободной и в Средневековье.

В то же время государство активно вмешивалось в управление промышленностью, торговлей, сельским хозяйством, регулировало цены и пыталось обеспечить равенство всех перед законом. Порядка престолонаследия не существовало, простые граждане часто становились императорами. Плохо это или хорошо — разговор беспредметный, но очевидно, что перед нами нечто особенное. Кто создал эту систему? Император Юстиниан Великий в VI веке новой эры.

Его биографию хотелось написать давно, но тема была слишком серьезна. Она потребовала многолетней подготовки. Однако уже после того, как автор взялся за исследование вплотную, начались сюрпризы. На каком-то этапе стало ясно, что плавного перехода между эпохами «до» и «после» Юстиниана в Византии не было. В VI веке страна пережила резкий пароксизм, революцию со сменой форм собственности, с гибелью старых сословий и рождением новых. Эту революцию возглавил Юстиниан — тот самый, которого принято считать реакционером, деспотом и подавителем свободомыслия.

Для ее жертв император был безголовым демоном, куском мяса, ухмылявшимся на троне в предвкушении кровавого пира. Для историков — это человек, создавший оригинальную и по-своему замечательную империю, в которой уважали законы и права личности, а государство жестко вмешивалось в экономическую жизнь во имя гарантий для простых граждан на кров, одежду, еду и свободу. Духовной наследницей этой империи является Россия.

Конечно, данная книга не относится к жанру биографии в чистом виде. Это история Византии в бурное и великое время ее становления. История страны и людей, лидером которых являлся Флавий Юстиниан. История деяний, подвигов, сражений, дипломатии, завоеваний, интриг, внутренней борьбы. Византийцы заслуживают того, чтобы потомки помнили и знали о них. Одна из задач историка — вырвать из мрака забвения как можно больше имен. О людях, построивших великую империю — эта книга.

Часть первая

КРЕСТЬЯНИН НА ТРОНЕ

Глава 1. УТРО ВИЗАНТИИ

1. ГИБЕЛЬ ДРЕВНЕГО РИМА

В 363 году единая Римская империя распалась на две — Гесперию и Византию. С тех пор в западной и восточной частях страны правили самостоятельные императоры. В 394 году Феодосий Великий объединил государство на несколько месяцев, но после его смерти в январе 395 года произошел новый раздел. Этот раздел и остался в школьных учебниках как дата окончательного распада Великого Рима. Западная Римская империя (Гесперия) просуществовала после этого 80 лет и погибла под натиском варваров.

Восточная Римская империя — Византия — выстояла в борьбе. Но это была уже новая страна, вышедшая из Древнего Рима, как бабочка из кокона. Древний Рим был языческим. Новый — христианским.

Столица Восточной империи называлась Константинополь. Древнее название этого города — Византий. Поэтому всю империю современные ученые часто зовут Византийской. Однако сами жители именовали ее Ромейской — Римской. А себя — ромеями.

После падения Старого Рима во всем мире остался только один император, и правил он в Константинополе. Варварские короли Запада, обосновавшиеся в Галлии, Испании, Африке, считались федератами Рима (союзниками). Они заключали «федеративные договоры» с имперским правительством. Такой договор назывался по-латыни foedus (отсюда произошло слово «феод» — феодал ведь тоже заключал договор со своим сюзереном). По договору варвары получали часть римских земель, а взамен обязались охранять римские рубежи, то есть были кем-то вроде казаков. От императора они получали выплаты, которые назывались «стипендия».

Примеров можно привести много. Король франков Хлодвиг (481—511) имел звание патриция и управлял Галлией как уполномоченный императора. Испанию разделили другие федераты — вестготы и свевы, которые ни от кого не защищали эту страну, но исправно требовали «стипендию». Знаменитый итальянский правитель Одоакр, которому выпала сомнительная честь расправиться с последним западным импе-

ратором, был всего лишь римский генерал германского происхождения. Он носил должность «магистр милитум» («военачальник», «генерал армии») и был интегрирован в систему империи. Юридически все эти люди являлись римлянами. А фактически? Ослабевшая империя тешила себя иллюзиями. Франк, вандал, гот вовсе не были римлянами. Всюду торжествовал этнический принцип. Гот поддерживал гота, вандал беспокоился за вандала. Свои продвигали своих. Постепенно на месте Западного Рима возникла конфедерация.

Многие римляне считали, что это временно. Они по-прежнему владели собственностью в разных частях Средиземноморья. Вилла в Сиде, латифундия под Неаполем, усадьба на Ибице... По сравнению с этим власть германских военных вождей казалась пустяком. Сколько вандалов привел в Африку захвативший ее в первой трети V века Гензехрих? Не более 10 тысяч бойцов. Чуть больше могли выставить вестготы в Аквитании. Свевов (осевших в нынешней Галисии и Северной Португалии) имелось и того меньше, тысяч восемь. Только франки могли выставить серьезную армию в 20–30 тысяч воинов. Зато все они (кроме, разве что, вандалов) признавали римское гражданство и приоритет императора. Римская империя жива! Рано или поздно она переварит пришельцев, как случалось уже не раз. Никто из римлян не думал, что распад страны — это навсегда.

Долгое время сохранялись экономические связи между Западом и Востоком. Кулцы свободно передвигались со своими товарами, таможен не было, даже императорские эдикты издавались одновременно для Запада и Востока. Эти связи разрушат гораздо позднее арабы. Единство тогдашнего мира хорошо показал бельгийский историк Анри Пиренн в своей монографии «Мухаммед и Шарлемань» (в русском переводе — «Империя Карла Великого и Арабский халифат»), поэтому воздержимся от приведения множества доказательств и отошлем читателя к этой работе, которая недавно переиздана и доступна широкой публике.

Империя жива. В самом деле, разве может пасть Вечный город? Каждому обывателю настоящее кажется вечным. Да и не только обывателю. Западную часть империи населял в то время единый народ, говоривший на латыни. Этот народ назывался *вельски*. Правда, он был апатичен, равнодушен и не имел единого прошлого. Вельски — это этническая солянка. Среди их предков — иберы, галлы, иллирийцы, бритты, германцы, которые забыли собственные обычаи и усвоили латинский язык. Неужели горстка варваров способна разрушить это единство?

Но разница между вельсками всё-таки была. В нюансах поведения, во взаимодействии с природой — словом, в тех мелочах, которые образуют национальный характер. Вот этот факт и оказался ключевым. Произошло то, чего не могли предвидеть обыватели и кабинетные ученые. Потомки разных племен разбрелись по отдельным «квартирам» и смешались со своими завоевателями. Сперва появились галлоримляне, испаноримляне, италийцы; сегодня на месте древних вельсков мы видим итальянцев, французов, испанцев...

После распада империи судьбы людей разошлись. Ситуация та же, что в современной Латинской Америке. Ее населяют метисы, говорящие по-испански. Однако эти метисы разбежались по разным государствам в границах прежних индейских «империй». Объединить их не может пока никто. То же произошло с античным Римом. После варварских нашествий население Западной Европы приняло новых завоевателей и смирилось с судьбой.

А на востоке, в Византии, жили другие люди. Они обладали богатым воображением, невероятным упорством и сильной волей. Многие из них мечтали восстановить империю. Одним из таких людей был Юстиниан. Но прежде чем рассказать о нем, окинем взглядом страну, породившую этого человека.

2. МОЛОДАЯ ИМПЕРИЯ

В то время, когда Гесперию населяли пресыщенные патриции, безучастные земледельцы, продажные люмпены, в Ромейской империи — Византии кипели страсти. В муках и боли на свет появлялся великий народ — жертвенный, одаренный и творческий. То был этнос «братьев во Христе». Они говорили на разных языках, но жадно слушали Благоую весть, которую несли людям адепты нового культа. Разница с вельсками очевидна! Те общались на одном языке, но были друг другу чужими. А византийцы разговаривали на разных наречиях, но ощущали внутреннее единство. Впрочем, оно быстро пропало, но не от равнодушия, а от кипения страстей. Об этом мы еще поговорим.

Лев Гумилев предположил, что Византию поднял пассионарный толчок I века новой эры. Именно тогда в Римской империи появились первые общины христиан. Прошло время, и они стали решающей силой.

В научной литературе считается, что первым императором собственно Византии был **Константин Великий (306—337)**, который построил Константинополь и перенес туда столицу. Он декларировал равенство людей перед законом, выступал в роли покровителя средних

и низших слоев общества (хотя и не очень удачно), а государство видел надклассовой силой, которая уравнивает притязания социальных групп. Многие из этих идей восприняли более поздние императоры, в том числе герой нашей книги.

Константин первым из римских государей принял христианство. Церковь признала его Равноапостольным.

Конечно, этот император был бы крайне удивлен, если бы узнал, что является первым византийцем. По происхождению он иллириец (иллирийцы — предки современных албанцев). По духу — римлянин. Даже христианство Константин принял на смертном одре, зная, что новообращенному простятся на исповеди все грехи. А грехов у него было много, включая убийство сына. По этой причине император тянул с выбором веры до последнего. Коллизию с принятием христианства Константином иронично описал английский историк Эдвард Гиббон. Правда, Гиббон был масон и враг христианства, он не понимал ни Византию, ни византийцев. Вся тысячелетняя история этой страны для него — «история упадка и разрушения Римской империи». Поэтому верить этому историку можно далеко не всегда, но временами он делает очень меткие выводы.

Впрочем, не будем отвлекаться. Являлся Константин византийцем или нет, но он стал символом Нового Рима. Без таких символов, мифов, легенд не может жить ни один народ. Так немец Карл Великий стал символом Франции, француз Вильгельм Завоеватель — Англии, а кавказец Сталин — России.

Утро Византии — это «вечер» Древнего Рима. Империя Константина — это борьба между старым равнодушным язычеством и молодым культом христиан. Борьба двух группировок, которые совершенно по-разному видят мир и потому не могут ужиться друг с другом. Всё остальное для них — вторично. Но вот Константин умер, исчезла его династия, прошло 200 лет, наступил век Юстиниана. Что же мы видим? Расстановка сил изменилась. Империя Юстиниана — это кипящий котел, где не только новое и старое боролись друг с другом, но и между новыми людьми началась борьба. Требовались стальная воля, громадный ум, нечеловеческая работоспособность, чтобы удержать эту империю. Юстиниан смог не только удержать, но и раздвинуть границы.

* * *

Противоречия буквально разрывали Восточную Римскую империю. В ней жили два этноса. Старый, усталый народ говорил по-латыни в суде, по-гречески на базаре, молился эллинским богам, в армии слу-

жить не хотел и ко всему на свете относился скептически. Это были люди уходящей античности. Им противостояли энергичные христиане, но всё же долгое время победа креста не была очевидна для современников.

Общественный строй Византии тоже хранил печать старины. Основной экономики являлось земледелие. Латифундии крупных землевладельцев обрабатывали свободные арендаторы и крепостные крестьяне. Многие ученые полагают, что на Востоке, в отличие от Запада, свободные находились в большинстве.

Аристократии не было, как и закона о престолонаследии. Любой гражданин мог выдвинуться, разбогатеть и даже стать императором. Сама империя называлась «республикой». В ней сохранялись сенат, консулы, преторы и префекты... словом — весь набор прежних должностей. Только назывались они всё чаще по-гречески. Городской претор (мэр) превратился в *эпарха*. *Префект* (генерал) — в *стратилата*. Самого императора стали звать на греческий манер *базилевсом* (если перевести на русский — царем). Римский *патриций* преобразился в греческого *патрикия*. Это звание давали отличившимся гражданам или выдающимся варварам, как, например, конунгу франков Хлодвигу или болгарскому хану Кубрату.

Кстати, здесь будет уместно сказать пару слов о «греческом» и «латинском» произошении. Латиняне произносили некоторые звуки в жесткой огласовке — не «вэ», а «бэ», не «эс», а «зэ». Греки поступали наоборот, особенно в позднее Средневековье. Допустим, латиняне говорили «базилевс», а греки — «василевс». Латиняне — «Белезар», а греки — «Велисарий». Латиняне — «Бизантин», а греки «Византия». Но и это еще не всё. Греческую букву «тэта» мы в основном читаем как «эф», а для англичан это межзубный звук «th». Мы говорим «Маратфон», англичане — «Marathon». Мы — «Афины» и «Фивы», а древние греки — «Атены» и «Тебей». С другой стороны, твердой системы не существует. Например, возьмем слово «горячий» — «терм». О сохраняющем тепло сосуде мы говорим «термос», римские бани называем «термы», но известное греческое местечко «горячие ключи» называем «Фермопилы», а не «Термопилы». Еще сильнее путаница с названиями медицинских специальностей. Например, мы говорим «офтальмолог» и «ортопед». В обоих словах присутствует греческая «тэта». Если бы названия были унифицированы, следовало говорить «офтальмолог» и «орфопед». Или, соответственно, «отгальмолог». Поэтому читатель должен простить автора за отсутствие системы в написании греческих названий. Ряд слов я пишу в «жесткой», латинской версии; например,

«базилевс». Ряд — в «мягкой», греческой. Например, «Велисарий». Это тем более уместно, что в ранней Византии, населенной вельсками и греками, обе формы соседствовали.

То же самое касается географических названий и производимых от них теминов. Мы пишем в этой книге *Халкедон*, *Мавретания*, *демы*, *Протектор*, а не *Халкидон*, *Мавритания*, *димы*, *Протиктор*. Первые варианты более архаичны, и в VI веке преобладали именно они, особенно среди латинизированного населения, то есть среди таких людей, как Юстиниан. Единственное исключение в чередке имен и названий — *Кесария* и *Прокопий Кесарийский*, а не *Цезаря* и *Прокопий Цезарейский*. Первый вариант прочтения имени историка и его родного города прочно утвердился в литературе, и замена означала бы крайнюю степень неуважения к читателю.

А теперь вернемся к рассказу.

В ромейских войсках служили наемники. Туда охотно записывались германцы, аланы, славяне, болгары, герулы... Так повелось издавна. Еще римский историк Аммиан Марцеллин, перечисляя имена офицеров, всё чаще говорит о германцах на службе у императора. Военный теоретик Флавий Вегетий Ренат с горечью пишет, что граждане больше не хотят служить в легионах. Римляне давно кормили чужую наемную армию и не замечали этого.

А что делали новые люди, появившиеся в результате пассионарного толчка, преобразившего империю? Они молились Христу, не желали подчиняться варварам и ненавидели рабство. Это и были византийцы. Им и их потомкам принадлежало будущее.

3. КАРЬЕРА ПРОВИНЦИАЛА

Одним из этих «новых» людей был Юстин — простой крестьянин, ставший императором Византии. Таким же «новым» оказался и его племянник Юстиниан — герой этой книги.

Дядя и племянник стали одними из тех, кому повезло. Простолюдины из балканской деревни сделались императорами ромеев. Но — обо всем по порядку.

Юстин родился в многодетной православной семье в селе Бедериана во Фракии. Кем он был по национальности? Место рождения ни о чем не говорит. Этого человека разные византийские историки зовут то фракийцем, то иллирийцем. Но это не национальность, а место жительства. Империя делилась на префектуры, диоцезы, провинции. Балканский полуостров входил в префектуру Иллирик. В ее составе

имелся диоцез Фракия. Это означает лишь то, что Юстин и его родня происходили с Балкан.

В поздних сербских легендах представителей этого семейства называют славянами, но это неправда. Массовое переселение славян на Балканы началось через несколько десятков лет после смерти Юстина.

Сербы утверждали, что настоящее имя Юстиниана — Управд. По сути, это калька его латинского имени. Так сказать, вольный перевод. Юстиция — по-латыни «справедливость». Юстиниан — это блюститель юстиции, «Управд».

Эдвард Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» замечает, что по-английски «Управд» звучало бы как «upright»; всё это варианты одного и того же прозвища.

Но легенда возникла довольно поздно, в XVII веке, и противоречит всему, что мы знаем об этнической истории Балканского полуострова. По меткому замечанию известного русского византиниста Ф. И. Успенского, мнимый «серб» Юстиниан вообще не проявил себя как славянин. Дальнейшая дискуссия на эту тему становится беспредметной.

И всё же, если не славянин, то кто? Скорее всего, Юстин и Юстиниан были *вельски*, то есть валахи, румыны. Сами они называли себя ромеями. Их родным языком была разговорная латынь. Та самая, что легла в основу «романского» или «румынского» языка. Ведь и «ромей», и «румын» означает одно и то же: «римлянин». Однако это были особенные вельски: одаренные харизмой и множеством талантов. Их соплеменники на Западе вырождались и были равнодушны ко всему, кроме хлеба и зрелищ. Представители православной семьи Юстина отличались деятельным характером и богатым внутренним миром. Это были люди нового склада — пассионарии.

Вернемся, однако, к судьбе основателя династии.

Юстин родился около 450 года. Еще не погиб Западный Рим. Впрочем, темных крестьян на Востоке империи мало интересовала большая политика.

У свободной семьи православных земледельцев, к которой принадлежал будущий император, не было будущего. Чем больше у крестьянина детей — тем меньше надежд выбиться в люди. Поэтому Юстин и двое его братьев, как только подросли, решили записаться в армию. Вероятно, это произошло в начале 70-х годов V века.

Знаменитый историк Прокопий Кесарийский (мы будем многократно обращаться к его сочинениям) очень живо описывает, как три брата — Зимарх, Юстин и Дитивист — отправились на военную службу

«чтобы избавиться от нужды и всех сопутствующих ей бед, с которыми вечно приходилось бороться дома».

Всё убранство этой нищей троицы составляли войлочные шляпы, льняные штаны да козьи тулупы. В котомках за спиной — сухари (Прокопий не знает этого слова и пишет: «дважды пропеченный хлеб»). С таким багажом Юстин и его братья собирались покорить столицу.

Заметим, что Юстин и его родня — ромеи, а не варвары, вольные люди, а не крепостные. Сколько таких ромеев служило в армии? Неясно. Однако как раз в это время на них возник спрос. Если западные римляне не желали служить и добровольно отдали власть в руки германских военных вождей, то на Востоке дела обстояли иначе. С определенного времени военная служба становится престижной, а коренные ромеи получают возможность дослужиться до высших чинов. Но эта возможность появилась далеко не сразу. Понадобился дворцовый переворот с кровавыми жертвами, прежде чем ромеи почувствовали себя хозяевами в своей стране.

В Византии боролись за власть несколько группировок. Поначалу, во время всеобщего упадка, армейское командование захватили варвары-ариане (это еретическое ответвление христианства). Естественно, они старались не допускать ромеев на командные должности. Однако постепенно ситуация менялась. Ромеев становилось всё больше, и действовали они всё активнее. Никто не желал служить иноземцам и тем более иноверцам. Именно вера становилась способом отличить своих от чужих.

В середине V века византийской армией командовали Аспар и его сын Ардаур. По происхождению они были аланы, но руководили разноплеменными отрядами, в которых служили готы, древние болгары-кочевники, герулы и представители множества иных племен. По вере оба являлись арианами.

По-латыни командующий армией назывался *магистр милитум*. «Магистр» — это предводитель. «Милиция» — армия. В переводе на русский будет «военачальник». Пройдет 26 лет со дня рождения Юстина, и один из таких «военачальников» — Одоакр — свергнет последнего римского императора в Италии. Римляне безропотно примут эту перемену, потому что рисковать жизнью во имя абстрактных идей патриотизма и независимости будет некому.

Казалось, аналогичная судьба ждала Византию. Здесь тоже правили иноземцы-военные. Они назначали императоров по своему усмотрению. Однако ромейский этнос был другим, непохожим на западнорим-

ский. В Византии рождалось всё больше людей, которые хотели жить в великой империи и которым было не всё равно, кому подчиняться. Поэтому варвары какое-то время правили через посредство подставных императоров-базилевсов.

Когда Юстин и его братья решили начать карьеру военных, императором сделался **Лев I Мясник (457—474)** — престолюдин из Малой Скифии на Дунае, который в молодости занимался рубкой мяса, но затем подался в армию. Его заметил и выдвинул Аспар, чтобы управлять страной от имени своей ромейской марионетки. Карьера Мясника развивалась стремительно: с подачи Аспара он занял престол.

Варварам требовались послушные фигуры на троне. Как раз в это время Италией правил *комес* («граф») Рецимер — наполовину свев, наполовину вестгот; одним словом, германец. Он обладал безграничной властью, но не мог занять трон, так как являлся иноземцем. По этой причине он возводил и свергал императоров по своему усмотрению. То же самое проделывал Аспар на Востоке.

Однако император Лев Мясник оказался хитрым и сообразительным малым. Он почуял опасность, которая исходила от «варварских» покровителей, и упредил их. Аспар и Ардавур были казнены по обвинению в подготовке государственного переворота. Их родственники продолжали службу в византийской армии, но уже на вторых ролях.

Истребление военной верхушки не означало, что ромеи устроили массовую резню иноземцев; это было не в их характере. Истребили только командный состав, то есть национальная революция свершилась в формате дворцового переворота. Наемники в армии остались, но сменилось командование: вместо германцев начальниками стали ромеи. Армия постепенно становилась не варварской, а ромейской.

Варварские войска стоили дорого. Дешевле было содержать собственных солдат, хотя и от наемных дружин никто не отказывался. Правда, Лев Мясник попытался изгнать Дьявола с помощью Вельзевула.

Для того чтобы вытеснить аланов и германцев из столицы, он призвал отряды *исавров*. Небольшой, но воинственный горный народ исавров был вроде наших чеченцев и жил в горах Тавра в Малой Азии. Исавры то занимались грабежом, то мирились с имперским правительством. В Константинополе о них ходила дурная слава как о бандитах и забияках, однако они пользовались известностью как свирепые воины. Лев Мясник заменил аланов исаврами в своей столице. Вождя исавров, который навел порядок, звали Т а р а с и к о д и с с а. Это имя звучит дико не только для современного читателя. Его не воспринимали даже

привычные к «варварству» ромеи. Поэтому Лев Мясник переименовал своего спасителя в Зенона. И всё же это был «свой», домашний варвар. Армия становилась национальной.

Поэтому Юстин и его братья оказались в нужное время в нужном месте. Лев и Зенон любили красивых сильных солдат. Их тщательно отбирали. Любовь к армии — один из показателей, что государство начало выздоравливать.

Юстин, Зимарх и Дитивист были как на подбор — рослые, физически развитые красавцы. Их скоро заметили и забрали в гвардию.

Рослые воины вообще были редкостью среди ромеев, а потому ценились безумно. Римский военный теоретик Вегетий, живший в V веке, писал, что в его время солдаты низкорослы, да и служить не хотят, поэтому приходится отдавать предпочтение варварам.

Вообще, вся книга Вегетия «Краткое изложение военного дела» наполнена сетованиями и причитаниями о том, что военное искусство Западного Рима погибло. Никто уже не умеет держать строй, разведка в армии налажена плохо, солдаты настолько ленивы, что не разбирают лагерь и становятся жертвами внезапных нападений. Они даже ленятся надевать доспехи, им тяжело носить панцирь. Легче погибнуть, чем утруждать себя военными упражнениями или ношением брони. Вот это и есть субпассионарность. Старый Рим подвергся вырождению.

На Востоке дела обстояли иначе, но и там мало кто из коренных жителей мог похвастать высоким ростом и красивым телосложением.

Поэтому статный и атлетически сложенный Юстин имел все шансы сделать карьеру в этом море пигмеев. Он воспользовался первой возможностью и стал продвигаться по службе. А его братья — нет. Они стигнули на государевой службе и умерли в неизвестности.

Политические коллизии в Ромейской империи развивались своим чередом.

4. ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Лев Мясник умер в 474 году. Перед этим он успел женить Зенона на собственной дочери Ариадне. У молодых родился ребенок, названный Львом в честь деда. Этого младенца и провозгласили царем после смерти Мясника. Слишком многие ромеи не желали видеть на престоле исавра. Поэтому на трон возвели Льва II, рассчитывая, что тот вырастет цивилизованным ромеем.

Вероятно, среди тех, кто не любил исавров, был Юстин. Горцы вели себя в столице нагло, однако сила была на их стороне.

Маленький **Лев II (474—475)** царствовал всего год и умер от болезни. Тогда Зенон отбросил ложную скромность и провозгласил государем ромеев самого себя.

Его не приняли. Зенон являлся чужаком в Константинополе. Конечно, это был свой чужак, имперский. Но столичные жители не любили ни самого Зенона, ни его нахальных земляков.

В 475 году против исаврийского царя восстал полководец Василиск. Это был неудачливый воин, но способный интриган. В своей борьбе он не гнушался ничем и охотно использовал варваров. Он привлек остготов, живших на Балканах. Варвары поддержали мятеж, Зенон бежал в Малую Азию.

Василиск принадлежал к числу коренных ромеев и считался «патриотом». Но этот «патриот» оказался хуже иноземца. Василиск был тугодум, взяточник и лентяй. Он обладал весьма скромными способностями, и этот прискорбный факт стоил ему трона.

Зенон собрался с силами и бросил армию на Константинополь. Высланные навстречу войска Василиска перешли на сторону исавров. Их примеру последовали остготы. Зенон вошел в столицу. Василиск с женой и сыном укрылся в храме Святой Софии. Исавр обещал не проливать его крови, и Василиск покинул убежище. После этого Зенон без всяких колебаний приказал заточить Василиска с семьей в крепость, где всех уморили голодом. Оказывается, обещание не проливать кровь вовсе не означало, что Зенон подарил сопернику жизнь.

Такие коллизии происходили на Востоке. Этим воспользовался западный полководец Одоакр, который совершил военный переворот в Италии и сверг последнего императора Гесперии (476). Западный Рим пал.

Переворот был не только социальным, но и национальным. Западная армия состояла из варваров, а возглавлявший ее «магистр милитум» Одоакр происходил из германского племени скиров. Возможно, он не хотел начинать мятеж, но солдаты заставили его это сделать. Гражданский правитель Италии — Орест — был убит солдатней. «Одоакр убил патрикия Ореста в Плаценции, а брата его Павла [убил] близ Пинеты», — уточняет историк той эпохи, известный под именем Аноним Вalezия. Юный император Ромул Августул — сын Ореста — сохранил жизнь. Этого никчемного юношу пожалел и спас Одоакр. Он не желал быть цареубийцей и сохранял пути для возможного примирения с Византией.

Гесперия прекратила существование. Вероятно, та же судьба ждала бы и Византию, если бы Лев Мясник заблаговременно не вырезал варваров в Константинополе.

История любит жестокие шутки. Распад империи юридически выглядел, как объединение. Одоакр вернул в Константинополь императорские регалии, а сам правил Италией в должности «военного магистра». На Апеннинах возникла военная диктатура: всё общество служило чужеземной армии. Лев Гумилев удачно назвал такой порядок «этническая химера».

Император Зенон принял от Одоакра императорские инсигнии (знаки), хотя и считал магистра наглым узурпатором. Так оно и было, но вмешаться в дела Запада базилевс не мог. Зенон провел жизнь в борьбе с мятежниками и еретиками: бунт Василиска был первым, однако не единственным. Всё это учитывал Одоакр и — пользовался ситуацией. Но это был еще не конец античного мира.

5. СПОР О ВЕРЕ

Идея империи на Западе не умерла. Тот же Зенон после недолгих колебаний признал императором Запада одного из претендентов, Юлия Непота, который засел в Далмации. Незадолго до краха империи Непот уже занимал римский престол (в 474—475 годах). Тогда он захватил трон с помощью византийских войск, но властвовал недолго: был свергнут Орестом, который, в свою очередь, правил несколько месяцев от имени сына и был убит Одоакром.

В конце концов Непот отказался от «империума», то есть от императорской власти. Но это его не спасло. В 480 году он был убит по приказу епископа города Салоны, после чего Далмация отошла к Одоакру.

Но что было делать с самим Одоакром? Этого Зенон не знал. Вплотную заняться итальянскими делами ему помешали распри в Византии. Там разгорелись споры о вере.

* * *

Пассионарный перегрев для любого народа не менее опасен, чем всеобщее равнодушие. Энергичные люди желают самовыражаться. Когда желающих становится слишком много, каждый тянет в свою сторону и наступает раскол этнического поля. Лев Гумилев называет это «акматической фазой этногенеза». Такая фаза и наступила в Византии в конце V века.

Самовыражаться можно по-разному. Ромеи делали это в религиозных дискуссиях. Неизвестно, имелся ли другой путь для разрешения противоречий, но этот — оказался губителен. Тут и там появлялись разные толкователи Священного Писания. Из-за нюансов восприятия Библии возникали жестокие столкновения.

Время от времени какая-то секта захватывала лидирующие позиции, а проигравших объявляла еретиками. Перечислять всех ересиархов и все течения в тогдашнем христианстве бессмысленно, однако основные течения всё же стоит запомнить.

Читая византийские летописи той поры, временами трудно понять, кто прав, а кто нет в спорах о вере. Церковные иерархи, которые еще вчера считались праведниками, легко оступаются и впадают в ересь из-за пары неправильно выстроенных слов.

Разногласия между религиозными течениями кажутся мелкими и незначительными, но не нужно относиться к этим вопросам скептически. В религиозных дискуссиях рождались и обретали идентичность новые этносы. Религиозные вопросы помогали отличить своих от чужих.

Одним из первых и главных еретиков был знаменитый Арий (265—336). Он утверждал, что Христос сотворен Богом-Отцом, а значит, является лишь «подобосущным» ему. Проще говоря, ариане полагали, что Христос — человек, который только после вознесения стал Богом. Это утверждение довольно быстро отвергли римляне, но охотно приняли варвары, особенно германцы. Бог в интерпретации Ария становился для них ближе и понятнее. Кроме того, принятие арианства казалось хорошим способом для германцев отличаться от римлян. Сам Арий трагически погиб. По преданию, он умер в отхожем месте, когда внутренности ересиарха вывалились через задний проход. Он скончался от кишечной инфекции или же был отравлен религиозными противниками. Несмотря на «позорную» смерть, его учению было суждено яркое будущее. Арианами сделались готы, лангобарды, вандалы, а также практически все германцы-наемники, служившие в Римской империи.

Противниками ариан стали *православные*, то есть «правильно славящие» Бога. Иначе их называли католиками («вселенцами», приверженцами Вселенской церкви, ведь разницы между католиками и православными еще не было).

Единство православных оказалось мнимым и вскоре было нарушено. На Востоке выделились две больших секты: *несториане* и *монофизиты*.

В этнической системе наступил перегрев, и ее разорвало в клочья. Единый христианский суперэтнос распался на несколько этносов. Некоторое время они жили в одном государстве, но враждовали друг с другом, считая еретиками всех, кто на них не похож.

К V веку расстановка сил сложилась так. Население Балкан и западной части Малой Азии исповедовало православие, принятое на Хал-

кедонском вселенском соборе 451 года. В Армении, Западной Сирии и Египте обосновались *монофизиты* в двух разных вариациях — умеренной и крайней. Эти люди не признавали человеческое начало в Христе и настаивали только на одной сущности — божественной.

В Восточной Сирии постепенно возобладала еще одна версия христианства, названная по имени патриарха *Нестора*, отвергнутого и низложенного официальной Церковью. *Несториане* отрицали божественность Девы Марии и называли ее Христородицей.

В центральной части Малоазийского полуострова, в Афинах и на Пелопоннесе преобладали язычники (или, как тогда говорили, «эллины»).

Между прочим, и несториане, и монофизиты считают православными именно себя. А приверженцев Божественной Троицы, догмат которой признан Халкедонским собором, называют *диофизитами* — сторонниками двух природ Христа.

Убежденность в собственной правоте была у еретиков полная. Один из них как-то изрек проклятие: до тех пор, пока в Константинополе будут царствовать императоры-диофизиты, они не смогут передать престол от отца к сыну. Проклятие сбылось. Ни Зенон, ни его преемники не могли основать династию. Они или не имели детей, или погибали вместе с ними... Но сейчас речь не об этом.

Религиозные споры кипели на всей территории Византии. Германцы-ариане жили обособленно от ромеев. То же самое делали армяне в своих горах, копты — в Египте, арамеи — в Сирии. Удерживать эти народы в рамках одной империи было сложно. Не помогали ни императорские указы, ни дипломатия. Лилась кровь. Весь Восток полыхал ересями. В самом Константинополе между православными и еретиками шла ожесточенная борьба за первенство. Этим пользовались язычники-«эллины». В столице они действовали тайно, в провинциях — явно. Возле больших городов стояли языческие алтари, где по-старому приносили жертвы богам Олимпа.

Пока были улажены религиозные споры, Зенон не мог начать отвоевание Рима у Одоакра. Императору пришлось действовать с помощью дипломатии и сделать вид, что терпит господство варвара в Италии. Были и другие проблемы, сотрясавшие страну. В империи углублялось неравенство. Постепенно усиливалось сословие крупных землевладельцев. Крестьяне и городские низы теряли имущество из-за их происков. С другой стороны, многие винили в своих проблемах корумпированную государственную власть, бюрократов. «Справедливые»

отцы-латифундисты казались недалеким людям лекарством от этой болезни, как сегодня нефтяной олигарх кажется лекарством от произвола и неэффективности бюрократии. Эти настроения опасны для империи. Византия была на развилке, за которой виделись два выхода: гибель или спасение.

6. МЯТЕЖИ И ВОССТАНИЯ

Зенон боялся усиления латифундистов. Император сделал ставку на союз с представителями торгового капитала. Влияние крупных землевладельцев он пытался ограничить законодательно, защищал крестьянские общины от посягательств магнатов и опирался на армию.

Однако авторитет императора среди значительной части византийцев был низок, заговоры в столице и восстания на окраинах не прекращались.

В 479 году часть столичных войск попыталась совершить переворот и убить Зенона. Во главе заговорщиков стоял аристократ Маркиан. Перед Большим дворцом закипела схватка. Было много убитых. Императора защищали дворцовые гвардейцы — *эскубиторы*, в число которых входил Юстин. Эти «королевские мушкетеры» сражались храбро, но понесли громадные потери. Однако и заговорщики потеряли убитыми не меньше людей. Маркиан побоялся продолжать наступление. Это его погубило.

Зенон подтянул верных исавров, подкупил часть сторонников Маркиана и подавил мятеж. Сам Маркиан отделался ссылкой.

На востоке вспыхнуло восстание *самаритян*. Это странное имя народ получил по имени областной столицы — города Самария. На самом деле область называлась Израиль. К югу от нее лежала Иудея с центром в Иерусалиме. Иудеи считали израильтян еретиками. Точно так, как «диофизиты» считали еретиками монофизитов. На самом деле израильтяне и иудеи были частью единого еврейского суперэтноса. Христиан они ненавидели. Последние платили тем же.

Восстание израильтян началось в 484 году. Они напали на христиан во время религиозной процессии, многих перебили, а местному епископу отрубили пальцы на руке. Потом захватили Кесарию (родину историка Прокопия), истребили христиан и провозгласили одного из своих предводителей, Юста, императором. Заметим, что этот израильтянин имел вполне «ромейское» имя. Следовательно, евреи удачно мимикрировали, выдавая себя за римлян, но не сливаясь с ними.

Восстание было подавлено византийскими войсками, расквартированными в Палестине. После этого в столице Сирии — городе Антиохии — прошел еврейский погром. Христиане преследовали без разбора иудеев и израильян, не делая разницы между ними. Многие иудеи бежали на Запад, найдя спасение в Италии и Испании.

Наконец, в том же 484 году против Зенона восстала часть исавров. Они выдвинули своего императора из рядов византийской служилой знати и взбунтовали несколько городов в Малой Азии.

Тяжелая война с мятежниками продолжалась четыре года. Возможно, в ней участвовал Юстин. В источниках, правда, упоминается, что он принимал участие во второй войне с исаврами, о которой мы еще расскажем. Но не исключено, что и в первый раз его направили на исаврийский фронт, тем более что борьба была трудной и понадобилось вмешательство гвардии. С большим трудом бунт удалось подавить; его последние участники были схвачены только в 488 году. Тогда же Зенон решился вернуть Италию, находившуюся под властью варваров уже 12 лет. Царь натравил на Одоакра своих союзников-готов, которые жили в Паннонии и подчинялись конунгу Теодориху. Теодорих явился на Апеннины, сражался пять лет, убил Одоакра и захватил Италию. Но византийцам не удалось воспользоваться плодами войны. Когда Теодорих одержал победу, Ромейской империей правил уже другой базилевс.

Зенон умер страшной смертью. Он страдал эпилепсией. Один из припадков, случившийся в начале апреля 491 года, стал для него смертельным. Ходили слухи, что его похоронили заживо по приказу жены — императрицы Ариадны, которая не любила мужа. Говорят, из гроба доносились сдавленные стоны, когда его опускали в могилу.

7. «ТИШАЙШИЙ» БАЗИЛЕВС

Преемником Зенона сделался Анастасий Дикор (491—518), ставленник крупных землевладельцев. Ариадна вышла за него замуж, обеспечив царю легитимность. Новый император происходил из Диррахия в современной Албании. Считается, что его родным языком была латынь. То есть перед нами «римлянин», а не «ромей». Он дезавуировал аграрные законы Зенона и практиковал послабления для магнатов.

До своего восшествия на трон Анастасий пребывал во дворце в должности *силенциария* (буквально — «блюстителя тишины»). Он отвечал за соблюдение дворцового этикета, готовил перечень вопросов для обсуждения на государственном совете, организовывал император-

ские аудиенции. Словом, был искушен в интригах и обладал влиянием во дворце.

К тому времени, когда Анастасий занял престол, ему исполнился 61 год. Византийский историк Евагрий Схоластик описывает базилевса как рослого красивого мужчину с седыми волосами и разными глазами: один глаз был голубой, а другой — черный. За это базилевса и прозвали Д и к о р (Разноглазый).

Вскоре Анастасий выяснил, что управлять империей гораздо сложнее, чем следить за порядком императорских церемоний. Царствование «тишайшего» базилевса прошло в войнах и бунтах. Константинополь превратился в арену борьбы между представителями разных конфессий и политических партий. В одной из уличных схваток погиб сын Дикора от первого брака. Выиграл от этого единственный человек — гвардеец Юстин, который возвысился при Анастасии.

* * *

Дела в Италии обстояли не лучшим образом. Теодорих добивал Одоакра, который заперся в Равенне с остатками войск и не желал капитулировать.

Но Анастасий не мог вмешаться в конфликт на Западе, потому что против него началось восстание на Востоке. Взбунтовались исавры. При Зеноне они находились на привилегированном положении, несмотря на омрачивший дружбу мятеж части племени.

Маленькая горная область Исаврия получала громадные государственные дотации. Чтобы не утратить уверенность в завтрашнем дне, исавры желали возвести на трон своего соплеменника.

Началась жестокая война (492—498), в ней принял участие Юстин. Неизвестно, в какой должности он прибыл в армию. Вероятно, ему доверили командовать воинским подразделением численностью до одного полка. Это было обычно для дворцового гвардейца.

Всей армией командовал византийский полководец Иоанн Кирт (Горбун). Легенда гласит, что он наказал Юстина за какую-то провинность и посадил будущего императора на гауптвахту. Проступок был настолько серьезен, что Горбун думал казнить гвардейца. «Но совершить это помешало явившееся ему между тем видение», — пишет Прокопий в «Тайной истории». Во сне Горбуну привиделся «некто громадного роста» и приказал освободить Юстина. Испуганный Иоанн немедленно исполнил предписание. Если это не чистейший вымысел, то объясняется всё довольно легко. За Юстина вступились боевые товарищи.

«Некто громадного роста» — это, скорее всего, *экскубитор*, гвардеец. Возможно, даже один из братьев Юстина. Ведь именно *экскубиторы* отличались громадным ростом. Корпоративная солидарность у них была очень велика, а общее состояние армейской дисциплины в византийской армии оставляло желать лучшего.

Инцидент, произошедший с Юстином, никак не повлиял на карьеру гвардейца. Не старый еще «румын» продолжал восхождение по карьерной лестнице. Почему? Вероятно, проступок, за который Горбун хотел казнить Юстина, не был связан с изменой. Тогда с чем?

Возможно, здесь замешаны амурные дела. Думаю, что во время этого похода Юстин женился.

К началу исаврийской войны нашему гвардейцу исполнилось 42 года. Пора было обзавестись семьей. Полагаю, что именно в этом походе он нашел женщину по имени Луппикина — бывшую рабыню. Имя «Луппикина» имеет корень «лупа» — «волчица» по-латыни. Так называли проституток, которые были волчицами во время половых актов. Не исключено, что Юстин выкупил ее из публичного дома — *лупанария*, причем сделал это наперекор военному долгу. То есть ослушался каких-то приказов Горбуна ради того, чтобы взять понравившуюся женщину. За это Горбун и приговорил его к смерти.

Впрочем, это всего лишь догадка, не имеющая документального подтверждения. Известно, что некоторое время Юстин сожительствовал с Луппикиной вне брака, а затем обвенчался. Детей у них не было.

А что же война против исавров? Осенью 492 года византийские войска разгромили мятежников. Два исаврийских полководца погибли. Однако война затянулась на несколько лет, потому что остатки исавров укрылись в горных крепостях, которые осаждали ромеи.

Вероятно, в это время Юстин и его *конкубина* (сожительница) уехали в столицу. Здесь гвардеец продолжал продвигаться по службе. Анастасию требовались верные люди. Малограмотный, но исполнительный Юстин демонстрировал верность.

Мятеж исавров был окончательно подавлен в 498 году. За это время конунг Теодорих укрепился в Италии...

В год окончательной победы над исаврами Анастасий издал указ об отмене гладиаторских боев в цирке. С той поры слово «цирк» означало мирные развлечения. Кровавые побоища гладиаторов заменили гонками колесниц (поэтому цирк стали часто называть ипподромом — местом лошадиных бегов, хотя и старое название еще не вышло из употребления). Конные ристания тоже представляли собою довольно

рискованный спорт, но не столь откровенно жестокий, как бои насмерть между вооруженными спортсменами. Нравы христианской империи смягчались.

Анастасий был столь же искусным дипломатом, что и Зенон. Он не обладал ресурсами, чтобы подчинить Запад, и потому пытался лавировать между варварскими правителями, подчинившими Галлию, Италию и Испанию. Лишь далекая Британия, захваченная англосаксами, осталась вне сферы интересов византийской дипломатии.

Против Теодориха и испанских готв Анастасий попытался использовать франков. Их король Хлодвиг принял православие. Анастасий немедленно даровал ему консульскую власть и титул патриция. Хлодвиг разъезжал по захваченным галльским городам в консульской тоге и тем самым пытался склонить на свою сторону местное население. С готами-арианами он враждовал. Это обезопасило Византию со стороны Теодориха.

Однако самого Анастасия подозревали в том, что он еретик. Император симпатизировал монофизитам. Через некоторое время это приведет к религиозной войне.

8. «КРАСНАЯ АРМИЯ» ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

А пока византийцы вступили в войну совсем на другом фронте: восточном. Давним врагом ромеев был Иран. Социально-экономическую систему этой страны можно было охарактеризовать как «загнивающий феодализм». Шаханшах (император) конфликтовал с феодалами, а те притесняли крестьян и стремились максимально ограничить власть шаханшаха. Кризис продолжался до тех пор, пока не вспыхнула социальная революция. Во главе бунта встал маг (жрец) по имени Маздак. Он провозгласил социальное равенство и пресловутую общность жен, после чего начал расправу над местными феодалами. Маздакиты воевали под красными знаменами. Это дало повод многим ученым, включая русского академика В. В. Бартольда, назвать режим маздакитов «коммунистическим».

Социальная система Ирана настолько прогнила, что это понимал даже шаханшах. Он перешел на сторону маздакитов и принял участие в истреблении феодалов. Часть самих феодалов поддалась обаянию идей Маздака. История сохранила имя знатного иранца Сиявуша, который перешел к революционерам и возглавил народную армию.

«Общность жен», о которой впоследствии с ужасом писали историки, была вынужденной мерой. Иранские феодалы завели громадные

гаремы. Возможно, женщинам жилось в них неплохо, но работали на них простолюдины, которые даже одну жену взять не могли — не было средств. В то же время иранское общество было устроено строго по кастовому принципу. Если ты родился в низшей касте — пути наверх не было, какими бы талантами ты ни обладал. Социальные лифты отсутствовали. Это была арийская идея в чистом виде, ведь Иран — страна арийцев. В результате такой политики рождаемость падала; коренные иранцы начали вымирать.

Маздак был намерен покончить с несправедливостью в вопросах секса, когда одним достается всё, а другим — ничего. Гаремных затворниц раздали простому люду вместе с другим имуществом богатых. Вот это и называлось «обобществление жен». Женщины, конечно, проиграли. Им пришлось трудиться, как простым смертным. Зато восторжествовала справедливость. Кроме того, они получили любовь и внимание мужей, ведь в гаремах затворницы могли месяцами не видеть своего господина.

Армия Ирана после революции резко усилилась. Ее пополнили новобранцы из числа бедноты. Сиявуш принялся обучать их военному делу, чтобы превратить разношерстную толпу в организованное войско.

Эту «краснознаменную» армию персы бросили на запад — против Византии. В 502 году ромеи потерпели несколько поражений от «революционных» персидских войск. Социальный переворот — всегда мучительная и болезненная вещь. Но он высвобождает огромные творческие силы в обществе, которые не находят выхода в обычной системе.

Союзниками персов стали арабы, жившие в Иракских степях, — *лахмиды*. С ордой всадников на верблюдах они форсировали пустыню и напали на Сирию. Персидский шаханшах К о б а д (или Кавад, в византийской огласовке) атаковал в свою очередь Месопотамию, Малую Азию и Армению. Бои развернулись на огромном фронте. Действия «революционеров» отличались размахом.

Царь Анастасий поспешно собрал несколько армий и бросил их на Восток. В числе тех, кто отправился воевать с персами, был и Юстин.

Гвардеец не попал в число высших командиров. Он носил звание *комита*, который ведал вопросами снабжения. Правда, эта должность не исключала боевых столкновений, и комит отважно бился с врагом. Вероятно, на иранском фронте Юстин получил опасную рану стрелой в ногу. Много позже последствия этого ранения сведут его в могилу.

Понятно, что Юстин не только воевал с персами, но и внимал их идеям. Его, как и многих мыслящих византийцев, не могла не заинте-

ресовать доктрина маздакистов. Почему иранская армия обрела силу и начала побеждать на фронтах? Не потому ли, что персы догадались казнить несколько сот феодалов и вернули простым людям право завести семью, обрабатывать землю, не зависеть от продажных чиновников?

Думаю, что как раз в эти годы маздакизм просочился в Ромейскую империю и увлек многих. Уже через полтора десятка лет это увлечение обернется для Византии серьезными потрясениями.

Во время персидской войны Юстин свел дружбу с одним из главных полководцев Византии — Ипатием. Этот человек приходился племянником Анастасию.

Царский племянник был отвратительным полководцем. Он докажет это еще не раз. Никаких успехов в борьбе с персами Ипатий не достиг, а сама война завершилась вничью. Иранцев победила византийская дипломатия. Ромеи сумели натравить на персов кочевое племя *саби-ров*, жившее в Дагестане. Сабирь форсировали кавказские проходы и ударили иранцам по тылам. Шаханшах отвел войска, чтобы отразить нападение новых врагов.

Византийские армии закрепились на прежней границе, а в Месопотамии на персидском рубеже выстроили мощную крепость. Она возникла на месте деревушки Дара. Крепость назвали Анастасиополь в честь императора. Запомним это место. Через много лет полководец Юстиниана — знаменитый Велисарий — одержит здесь одну из самых громких побед.

В апреле 506 года с персами был подписан мир, подтвердивший статус-кво. Он оказался лишь передышкой. Персия будет одним из главных врагов ромеев еще на протяжении 130 лет, пока иранцев не смеют арабы.

9. ПОЯВЛЕНИЕ ЮСТИНИАНА

По окончании персидской войны Юстин вернулся в столицу и получил должность начальника гвардии. Ипатий замолвил слово за Юстина перед царем, и гвардейца продвинули по службе. Решение окажется роковым. В 532 году Ипатия казнит племянник Юстина — Юстиниан.

После персидской кампании Юстин больше не ходил в походы, ибо стал инвалидом из-за ранения. Гвардеец пребывал в Константинополе и с головой окунулся в интриги. Для того чтобы выдвинуться, недостаточно таланта и скромности. Чем выше должность, тем больше на нее желающих. Следовательно, необходимо устранять конкурентов, бороться с наветами, приобретать выгодных друзей. Юстин научился

придворным хитростям и чувствовал себя в тайной борьбе как рыба в воде.

Во время войн и дворцовых походов он накопил богатство, но управлять им было некогда. Поэтому Юстин вызвал из провинции своего молодого племянника. Того звали П е т р С а б б а т и й. Вероятно, родной отец юноши к тому времени умер. Юстин усыновил племянника. После чего, по римскому обычаю, пасынок взял имя отца с суффиксом усыновления. Под этим именем он и получил известность в истории: Ю с т и н и а н. Это — герой нашей книги.

Юстиниан родился в 483 году в местечке Тавресий возле Бедерианы. Оба названия идентифицированы с большой долей вероятности. Считается, что Тавресий — это Таор, а Бедериана — Бадер в окрестностях Скопье в современной Республике Македония. Первым эту идею выдвинул английский археолог Артур Эванс.

Отца Юстиниана звали Саббатий. Именно это имя называет Прокопий в «Тайной истории». Имя матери дано только в сербских источниках. По мнению сербов, эту женщину звали Вигилянция. Она приходилась сестрой Юстину.

Об этом говорится в славянской книге «Жизнь Юстиниана», которую издал греческий гуманист XVI—XVII веков Никколо Аламанни.

Кстати говоря, этот же человек открыл сочинение Прокопия «Тайная история» и издал его. Причем долгое время книгу считали если не подделкой, то произведением другого автора, не Прокопия.

Автором книги «Жизнь Юстиниана» был некий священник Богумил, живший задолго до Аламанни. В этой книге Богумил и называет базилевса славянским именем Управд, что является калькой с латыни. Кстати, самого Богумила переводчик переименовал на греческий манер в Теофила. На наш взгляд, это окончательно снимает все вопросы к калькированию имени Юстиниана в сербском источнике.

Но указанное в книге имя матери Юстиниана — Вигилянция — скорее всего, подлинное. И вот почему: оно латинского происхождения, и Богумил не стал переводить его на славянский.

...Юстин выписал племянника в столицу не позже весны 506 года — сразу как вернулся с Востока. Юстиниану в это время едва исполнилось двадцать три.

А Юстину было уже пятьдесят шесть. Большая часть жизни прожита, детей нет, денег и имущества — много. Братья сгнули (погибли или умерли своей смертью). Поэтому начальник дворцовой гвардии решил передать свои накопления сыну сестры.

Неясно, что явилось причиной выбора. Съездил ли Юстин к своей родне в деревню? Или уже давно наблюдал за тем, как подрастает племянник? Так или иначе, выбор был сделан на редкость удачно. Юстин не только не ошибся, он нашел человека, который станет подлинным творцом Византии — тысячелетнего православного царства, знакомого нам по учебникам.

Молодой «румын» Петр приехал в столицу. Он был невысок ростом, склонен к полноте, но имел правильные и приятные черты лица: округлый подбородок с небольшой ямочкой, большие серьезные глаза и темные вьющиеся волосы. С годами волосы поредеют, и наш герой будет скрывать небольшую плешь на макушке.

Еще живя в провинции, Юстиниан не бедствовал. Всё-таки быть племянником видного гвардейского офицера — это почетно. На родине юный Петр получил начальное образование, то есть прибыл в столицу с некоторым интеллектуальным багажом.

Самое главное: Петр Саббатий получил от матери и отца строгое православное воспитание и рос очень набожным. Юстиниан с детства интересовался богословием, впитывал библейские истории, читал Евангелия и находил в них пищу для своего бурного воображения. В ту пору, когда религия не была чем-то отвлеченным, а пронизывала всю жизнь человека, это представлялось очень важным. Юстиниан прекрасно знал все тонкости и различия между монофизитами, халкедонитами, арианами, несторианами. Впоследствии он будет писать вполне компетентные религиозные трактаты и пытаться примирить Церковь с еретиками.

В то время образование византийца стартовало в начальной школе. Там детей учили читать и писать, преподавали пение, знакомили с основами греческой и библейской мифологии. Подобные школы имелись даже в захолустье, поэтому большая часть византийцев росла грамотными людьми. Учителей звали «грамматистами». К такому *грамматисту* и отдали Петра Саббатия в 6 или 8 лет от роду. Отучившись три года, мальчик продолжил образование уже у *грамматика*. Здесь он учил латынь, аттический диалект эллинского языка, сочинения древних авторов, богословие. Вероятно, Юстиниан был двуязычен и хорошо понимал греческий язык, хотя и не достиг в нем совершенства. Столичные интеллигенты посмеивались над его «народной» речью, тогда как для настоящего аристократа считалось обязательным знание древнего языка эллинов и умение объясниться на чистом аттическом диалекте времен Перикла. Но у родителей Петра не было денег для

того чтобы нанять дорогого учителя. Да никто и не готовил молодого ромея в императоры.

Юноша продолжил образование в Константинополе. Он учился юриспруденции, теологии, экономике, много читал. Духовная, светская литература, сочинения античных философов — Юстиниана интересовало буквально всё.

Вероятно, дядя отдал его учиться в так называемый «Константинопольский университет», открытый императором Феодосием II в 425 году. Здесь готовили будущих чиновников, и потому упор делался на гуманитарные предметы. Ученики должны были сочинять басни, небольшие рассказы, изречения и тезисы с обязательным их анализом, опровержения или подтверждения тезисов, похвальные речи (*энкомии*), сравнения двух персон, подробные описания памятников архитектуры или искусства, готовить семинары по специальным научным вопросам, делать обоснования предложенного закона. То есть у студентов развивали абстрактное мышление, память, логику, диалектику.

Затем переходили к составлению речей. Ученики выступали от имени легендарных героев, вели диалоги, составляли политические речи, импровизировали, учились правильно говорить, интонировать текст, избавлялись от провинциального акцента.

Затем студентов учили вести деловую переписку. Стиль должен быть кратким, содержательным, понятным. В нем использовались устойчивые обороты и фигуры речи, изречения, афоризмы. Чиновник должен был искусно пользоваться всем этим, но не утратить индивидуальность. Впоследствии Юстиниан выработает собственный стиль, с цветистыми оборотами и обращениями к Богу и справедливости.

Студентам преподавали также физику, математику, их посвящали в тайны и философию чисел, преподавали основной курс произведений классической философии... Думается, что на этом образование будущего императора закончилось. Существовали более углубленные курсы правоведения, юриспруденции, а самое главное — философских наук, но на это у Юстиниана просто не было времени. Дядя оплатил всё то, что пригодилось бы его воспитаннику для практической жизни и управления людьми, а остальным пренебрег. Он хотел видеть в своем племяннике управленца и набожного человека, а отнюдь не греческого философа.

В ходе обучения выяснилось, что будущий император феноменально работоспособен и схватывает знания на лету. Впоследствии он стал одним из самых эрудированных людей своего века. Это был

необычный человек. Такие «сверхлюди» встречаются и в нашей жизни. Природа щедро наделяет их умом, волей к власти, изворотливостью, работоспособностью. Обычный человек быстро устает, не может найти верное решение проблемы, не в силах усвоить знания. «Сверхлюди» делают напряженный труд смыслом жизни.

Юстиниан принадлежал к таким людям. У этого юноши-ромея были три мечты. Одна из них — вернуть Церкви первозданную чистоту и восстановить православие, потому что императора Анастасия считали монофизитом, и он приводил религиозные дела в беспорядок. Вторая мечта — социальная справедливость. Крестьянский сын остро переживал неравенство, которое окружало его, и жаждал переустроить мир. Возможно, к этому же стремился его дядя Юстин. Эти стремления вызовут страшное социальное потрясение в Византии, о котором мы расскажем в следующей главе. Мы бы условно назвали его «революцией Юстиниана». Оно имеет параллели с движением маздакитов в соседнем Иране.

Наконец, третья мечта — восстановление Римской империи. Петр Саббатий рос имперским патриотом и много размышлял о том, как возродить великую Римскую империю, рухнувшую в результате военного переворота, произведенного Одоакром. Эта империя простиралась в мечтах юноши от Евфрата до Пиренеев.

Юстиниан был такой не один. Многие молодые византийцы мечтали о том же. Их энергия искала выхода. Они записывались в армию, как Велисарий, или делали карьеру юристов, как Прокопий, или даже посвящали себя Богу, уходя в монастырь, но мечтали об одном: о восстановлении великой империи. Неправильно приписывать эту идею одному Юстиниану или противопоставлять царя-«римлянина» подданным-«грекам». Идея восстановления державы витала в воздухе. Без поддержки талантливых соратников Юстиниан ничего бы не добился. Имперски мыслящие люди нашли друг друга и сумели прийти к власти. Возможно, Юстиниан был лучшим из них.

10. ПАРТИИ ИППОДРОМА

Однако оставим Юстиниана в Константинополе постигать науки и вернемся к судьбе Ромейской империи. Ей суждено пережить новую бурю.

После окончания войны с персами выдалось несколько спокойных лет, но покой был только внешний. В государстве нарастали противоречия. Старая римская система сжимала новую Византию, как стальной

обруч. Римская бюрократия с ее демагогией относительно строительства социального государства никого не могла удовлетворить. Этот лозунг придумал еще император Константин, но в него мало кто верил. В обществе царило неравенство. Крупные землевладельцы вели наступление на мелких, а городская верхушка разворовывала средства муниципальных бюджетов. Простолюдинов возмущали огромные латифундии, всех раздражало взяточничество чиновников, колебания цен, неповоротливость государственного аппарата, запутанность законов.

Мыслители и политики искали нечто новое для управления страной, но никто не мог понять, что именно. Император Анастасий пытался найти это новое в религиозной сфере. Он всё больше склонялся к монофизитам, но православная константинопольская чернь считала их еретиками и готова была восстать против императора. Даже многие столичные сенаторы выступали против базилевса-еретика. Анастасий был вынужден скрывать свои религиозные предпочтения.

Имелся еще один фактор, который ограничивал власть императора. Это партии цирка, *демы*. Их было четыре: «голубые» (*венеты*), «зеленые» (*прасины*), «белые» (*левки*) и «красные» (*русии*). Названия возникли от костюмов возниц и символизировали четыре стихии — огонь, воздух, землю и воду. Ученые до сих пор спорят, какие социальные силы стояли за этими партиями. Однако спор неконструктивен. Являлись ли голубые (*венеты*) партией сената, а зеленые (*прасины*) — партией торговцев? Вероятно, нет. В партиях состояли представители всех общественных слоев. Причина выбора гражданами «голубых» или «зеленых» состояла в каких-то политических нюансах, которые ускользают от нас. Возможно, перед нами традиция. Или следствие дележа городов на сферы влияния сенаторами и торговцами.

Но ведь, рассуждая о политической системе современных США, средний человек тоже вряд ли сумеет найти отличия между республиканцами и демократами. Я уже не говорю о партиях, представленных в Государственной думе России. В чем разница с византийскими группировками цирка?

Демы превратились в политические партии в первой половине V века, после того как начал угасать античный полис с его языческими мистериями и общественными обязанностями граждан. Цирковые партии обладали большим влиянием. Самыми сильными были *венеты* и *прасины*.

Большой цирк Константинополя вмещал 60 тысяч человек и был лучшим местом для проведения досуга. Народных собраний в городах

больше не было, дела решал небольшой горсовет — «курия», но стадные инстинкты греков никуда не делись, и роль народных собраний стали выполнять общества спортивных болельщиков ипподрома. Во время игр они подавали императору петиции, где могли требовать кадровых перемен или государственных преобразований. Они выражали одобрение или неодобрение выбору кандидатуры на императорский трон, а могли и сами выдвигать императоров. Всякого нового базилевса утверждали в то время сенаторы, *демы* и патриарх. Следовательно, перед нами — далекий прообраз парламентских партий, еще очень примитивный, но всё же оригинальный.

Одной из партий обязательно покровительствовал император. Это были *венеты* или *прасины*. Оттуда набирались чиновники, которые лоббировали партийные интересы. «Красные» и «белые» были слабее и обычно примыкали к более сильным партиям.

Византия и здесь развивалась по-своему. Она соединила высокую политику с выступлениями группировок «ипподромных фанатов». Ведь ипподромные партии были не только политическими объединениями, но и сообществами болельщиков.

Филиалы партий работали во всех крупных городах Византии. Свои *венеты* и *прасины* были в Александрии Египетской, Антиохии Сирийской, в десятках других городов. Все они управлялись из центра.

Анастасий покровительствовал *прасинам*. Историки сделали из этого ложный вывод, что «зеленые» были партией монофизитов. На самом деле партии не имели отношения к религии. На это не указывает ни один источник. Зато, как уже говорилось, они представляли «кадровый резерв». Если Анастасий покровительствовал *прасинам*, то он набирал чиновников преимущественно из этой партии. Менялся император — менялись представители партий во власти.

Однако к концу правления Анастасия Дикора система стала давать сбои. Это произошло из-за религиозных предпочтений царя. Значительная часть населения Константинополя придерживалась православия. Монофизитские убеждения Анастасия ни для кого не были тайной. В 510 году певчие в дворцовом храме Архангела стали петь «Трисвятое» в монофизитской версии. Православный канон звучал так: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Монофизиты отредактировали начало молитвы по-своему: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, *что распялся ради нас*, помилуй нас». Место, выделенное курсивом, означало, что на кресте погиб не человек, но Бог, природа которого была едина,

а значит, чужда материальному миру. Был, правда, один момент, который серьезно подрывал авторитет монофизитов. Считалось, что «Трисвятое» поют ангелы в потустороннем мире. Православные указали монофизитам, что ангелы не могут петь «распялся за нас». Это нелогично. Однако монофизиты игнорировали эту аргументацию. Назревал конфликт.

Монофизитская молитва произвела фурор в Константинополе. Православные, которых фактически поддержал патриарх, напали на певчих и избили их.

Анастасий обвинил в инциденте патриарха **Македония (496—511)**. Базилевс принародно оскорбил патриарха, обвинив в беспорядках и неповиновении властям. В ответ Македоний обозвал Анастасия манихеем. Разрыв между патриархом и базилевсом произошел полный, но выступить в открытую против высшего церковного иерарха было нельзя. Тогда против него начали интригу. Патриарха обвинили в педофилии — растлении мальчиков. Македоний не растерялся. Он потребовал медицинского освидетельствования. В ходе него выяснилось, что патриарх — евнух и насиловать мальчиков по этой причине не может. Но император был непреклонен. Македония всё-таки свергли с патриаршего престола и выслали из столицы. Новым главой Восточной церкви сделался **Тимофей (511—518)**. Он полностью подчинился воле базилевса. Последствия не заставили ждать: «Трисвятое» запели в монофизитской редакции уже в храме Святой Софии.

В Константинополе тотчас вспыхнул новый бунт православных. Толпы горожан ходили по городу, жгли дома монофизитов и низвергали статуи Анастасия. Дело было настолько серьезное, что сам «Разноглазый» царь выступил на ипподроме перед толпой. Он пришел без диадемы, с развевающимися седыми волосами, точно простой гражданин, и уговаривал прекратить бунт.

Не каждый день базилевс выходит к народу. Видно, опасность была велика. В этот острый момент царь не растерялся. Анастасий был очень убедителен в своих речах. Мятежники прониклись к нему жалостью и разошлись. Часть из них по приказу императора впоследствии схватили и подвергли казни или отправили в ссылку.

Но эта расправа не могла скрыть главного: социальная база Анастасия сужалась. Постепенно ему стали отказывать в повиновении представители всех цирковых партий. Самое страшное, что недовольство перекинулось в армию. Вскоре православные полки взбунтовались. Началась гражданская война.

11. МЯТЕЖ ВИТАЛИАНА

Во главе мятежа встал *комит федератов* (генерал) Виталиан. Он командовал мобильными войсками на Нижнем Дунае, в современной Добрудже. Тогда эта провинция называлась «Малая Скифия». Сам Виталиан был наполовину варвар. Его отцом называют гота по имени Патрикиол. Имя это, кстати сказать, не готское. Скорее это византийское прозвище, то есть отец Виталиана тоже был не чистых готских кровей. Матерью же его называли римлянку — то есть «румынку».

Варвары считали его своим, потому что определяли родство по отцу. Это помогло Виталиану наладить связи среди федератов, служивших империи. Ромей тоже считали его своим: ведь обычно варвары-наемники исповедовали арианскую ересь, а Виталиан был православным. Это и есть ключевое определение национальной принадлежности. Православный — значит, ромей. Этот полуварвар вступился за интересы православных, поправленных коренным «римлянином» Анастасием.

Восстание началось спонтанно. Общее командование византийскими войсками на Балканах осуществлял племянник Анастасия — Ипатий (в должности «магистр милитум»). Магистр заподозрил Виталиана в нелояльности и лишил его войска денежного довольствия. Недолго думая, Виталиан убил нескольких эмиссаров Ипатия, завладел армейской казной и распустил слух, что назначен императором новым магистром, а Ипатий смещен. Этой плохо исполненной интриге многие хотели верить, а значит, поверили. Анастасием были недовольны. В короткий срок Виталиан собрал шестидесятитысячную армию. (Так оценивает ее численность один из историков той поры, Марцеллин Комит.) Мятежный полководец объявил себя заступником за истинную веру и в мае 513 года повел войска прямо на столицу. Лозунг был выбран очень точно. Он помог завоевать симпатии православного населения Балкан. Монофизитские гнезда на полуострове были разорены во время этого мятежа, и с тех пор православие окончательно утвердилось в этих местах.

В армии Виталиана служили не только православные. В его войсках имелось много варваров, которые жаждали награды и добычи и были готовы поддержать любую смуту, если она сулила карьерный рост и обогащение. Население Балкан видело в вожде повстанцев заступника веры.

Однако при царском дворе так думали далеко не все. Например, начальник императорской гвардии Юстин хранил верность монофизитскому императору, хотя и был православным. Во-первых, он присягал

Анастасию и не мог нарушить присягу. Во-вторых, не хотел развала страны. Можно думать, что Юстин опасался разрушить собственную карьеру, но дело, конечно, не только в этом. Он не посмел нарушить присягу императору, каким бы тот ни был.

На Балканах разгорелась гражданская война. Мятежники двинулись на юг и разорили Фракию до Одесса и Анхиала. Конечной целью бунтовщиков был Константинополь.

Анастасий не на шутку перепугался. Он приказал выставить на стенах Константинополя медные кресты, распустил слухи о своей верности православию и направил к Виталиану ловких агентов, чтобы договориться с мятежниками. Воинам обещали восстановить жалованье. Спор о вере предлагалось разрешить римскому папе как третейскому судье, независимому от императора.

Виталиан прекратил мятеж и распустил часть войск. От него ушли все посторонние, примкнувшие уже после начала бунта. Остались солдаты подразделений, расквартированных в Скифии. Численность войск Виталиана резко сократилась. Это ввело в искушение сторонников Анастасия. Не уничтожить ли мятежника пока не поздно?

Император назначил нового полководца в чине магистра войск для балканской армии. Его звали Кирилл. Этот человек прибыл в Одесс и захотел арестовать Виталиана. Однако о его плане стало известно мятежнику. Виталиан опередил Кирилла: ночью захватил Одесс с помощью хитрости. «А Кирилла, военачальника скорее медлительного, чем энергичного, Виталиан нашел спящим с двумя наложницами и, вытащив его, заколол готским ножом», — добавляет в своей «Хронике» Марцеллин Комит.

Весть о гибели Кирилла вызвала в столице переполох. Царь Анастасий объявил Виталиана врагом государства. Гражданская война возобновилась.

Наспех собрали правительственную армию. В ней было 80 тысяч человек (вероятно, вместе с прислугой). Во главе этого воинства встал неудачливый Ипатий — племянник царя. Вероятно, это назначение было со смыслом. Анастасий думал приучить подданных к своему племяннику и дать возможность Ипатию показать себя, чтобы впоследствии заслужить престол.

Но Ипатий оказался недостойн верховной власти. Это был слабый и неудачник. Если бы такой человек возглавил империю, для нее настали бы невеселые времена. Но время работало против него: молодой Византии не требовались ипатии, она нуждалась в юстинианах.

Племянник Анастасия действовал как всегда плохо: выступил навстречу Виталиану, угодил вместе с войском в засаду и потерпел страшное поражение.

Виталиан не стеснялся в средствах. Чтобы получить перевес, этот адепт православия призвал на подмогу конную армию язычников из-за Дуная.

Степи нынешней Украины и Валахии в ту эпоху занимали кочевники-*кутургуры* (западные болгары). Это были угры, дальние родственники современных венгров. Тогда угры селились гораздо шире, чем теперь. Их племена жили на Кубани, на реке Урал, в нынешней Башкирии (эту страну называли «Великая Венгрия») и даже на Алтае. Угорские племена часто враждовали между собой. Впоследствии эту вражду использует Юстиниан. А покамест Виталиан использовал их силу.

Кутургуры кочевали от Дона до Дуная. Они помогли одержать Виталиану победу. Что касается Ипатия, то он угодил в плен, откуда был выкуплен через некоторое время за крупную сумму.

Расстановка сил изменилась в пользу мятежников. Виталиан двинулся на Константинополь. Анастасий, который не любил риск, попытался вступить в переговоры и уладить дело миром. Виталиан вместо ответа ограбил императорских послов. Весной 514 года мятежники осадили имперскую столицу.

Терпеливый базилевс снарядил дипломатическую миссию. На сей раз во главе посольства встал сохранивший верность императору юный племянник Виталиана, сын сестры мятежника. Он носил имя Иоанн и заслужил репутацию честного человека.

Да простит нас читатель, но мы будем употреблять это имя (и другие имена в аналогичных случаях) в «восточной» конструкции — то есть *Иоанн племянник Виталиана*, а не *Иоанн, племянник Виталиана*. Мы ведь не пишем *Усама, бен Ладен* или *Хасдай, ибн Шафрут*. Между тем многие византийцы пользовались именно восточным вариантом конструирования имен.

Бунтовщики согласились на переговоры, и Виталиан продиктовал племяннику условия мира. Он просил 5000 фунтов золота для армии и должность *магистра милитум* Фракии — для себя. Среди прочих условий числилось подтверждение императором православных догматов.

Но самым важным был пункт о командовании во Фракии. Виталиан не повторил прошлых ошибок, сохранил армию и мог держать под ударом Константинополь.

Анастасий принял все пункты ультиматума, только бы мятежники сняли осаду столицы. Виталиан отвел войска и разместил их во Фракии. Он выиграл тактически, но проиграл по большому счету. Нужно было ковать железо, пока оно горячо, и захватить власть. Почему он этого не сделал? Может быть, сознавал, что полуварварское происхождение помешает занять трон? Или не хотел чувствовать себя обязанным кутургурам, которые грабили Балканы? Так или иначе, Виталиан выжидал.

Анастасий воспользовался передышкой, чтобы стянуть под стены столицы войско и флот. На это потребовалось около года. Почувствовав силу, император лишил Виталиана должности командующего.

Немедленно последовал новый мятеж. В 516 году Виталиан призвал на помощь кутургуров и снова выступил на Константинополь. На сей раз он не собирался мириться с Анастасием. Вероятно, он хотел либо сам занять трон, либо выдвинуть подставного императора. Но как быть с кутургурами? Отдать им на разграбление столицу империи было бы самоубийственно. Виталиан сознавал, что в этом случае останется в глазах ромеев врагом государства, а не защитником православия. Нужно было что-то придумать. И он придумал захватить столицу с моря. Для этого к стенам Константинополя мятежники подвели крупную морскую эскадру.

Анастасий принял вызов. Адмиралом он сделал своего приближенного Марина Сирийца, которому доверял. Прозвище указывает на происхождение адмирала. Он родился в восточных провинциях и наверняка был монофизитом. На это прямо намекает Марцеллин Комит в своей «Хронике». По его словам, именно Марин от имени императора приказал монахам константинопольских церквей добавить в «Трисвятое» монофизитскую формулу «распятый за нас». Следовательно, Анастасий мог положиться на его верность в борьбе против православного Виталиана.

Однако численное преимущество было на стороне мятежников, и Марин опасался вступить в открытый бой. Тогда Анастасий вспомнил, что в Афинах живет знаменитый философ Прокл — наследник эллинской мудрости. Это был философ в духе Архимеда: не только теоретик, но и военный инженер. Император вызвал его в столицу и спросил:

— Что я могу сделать против этого пса, который вредит и мне, и государству?

Под псом подразумевался Виталиан.

Прокл отвечал в лучших традициях придворного, то есть как заправский льстец.

— Не отчаивайся, царь, ибо он обратится в бегство и удалится, как только ты пошлешь кого-нибудь против него.

Подхалимству и унижению византийцы научились у древних римлян. Впоследствии цивилизованные европейцы тоже усвоили эти правила общения с начальством и назвали их «этикетом».

Перешли к делу. Прокл сообщил, что в принципе может посодествовать разгрому врага — для этого у него есть несколько технических новинок.

При разговоре присутствовал Марин Сириец. Философ Прокл обернулся к нему и сказал:

— Возьми то, что я даю тебе, и выходи против Виталиана.

«И приказал философ принести большое количество так называемого божественного апирона (серы), повелев растереть его в мельчайший порошок, и отдал Марину», — пишет историк Иоанн Малала, который донес до нас эту беседу.

— Где бы ты ни посыпал этим порошком, — присовокупил философ, — в доме ли, на корабле ли, — тотчас загорится дом или корабль и будет уничтожен огнем.

Вероятно, это был прообраз пороха.

Марин Сириец выступил со своим флотом против Виталиана и начал сражение. Император с тревогой следил за ним с городских стен.

Дела развивались как нельзя лучше. Корабли мятежников удалось забросать снарядами с «божественным апироном» и поджечь. «Внезапно и одновременно все корабли мятежника Виталиана занялись огнем и пошли на дно», — пишет Иоанн Малала.

Сухопутные войска Виталиана тотчас отступили от стен столицы. Отставших истребляли в предместьях правительственные отряды. Виталиан ушел в Анхиал. Он был еще силен, но о захвате столицы больше не помышлял.

Двое ближайших соратников Виталиана попали в плен к Анастасию и были обезглавлены по его приказу. Во Фракии настало равновесие. Виталиан командовал войсками, а император словно не замечал его присутствия.

12. ИПАТИЙ, ПОМПЕЙ, ПРОБ

Анастасию оставалось жить два года, его здоровье ухудшилось. Остро встал вопрос: кого назначить наследником?

У императора было трое племянников: Ипатий, Помпей, Проб. Первого из них царь готовил к власти, давал ему должности, назна-

чал командовать войсками, но всё без толку. Популярностью Ипатий не обладал, в войнах терпел поражения, администратором был бестолковым. У него отсутствовала харизма — искра Божья. Что это такое, никто не может объяснить толком, но наличие самого фактора сомнений не вызывает.

Базилевс обратил внимание на второго племянника — Помпея. Однако против него были настроены придворные. Представителям служилой знати не нравился бездеятельный и неопытный Помпей. А одних родственников связей было недостаточно, чтобы возглавить империю. Последний племянник, Проб, кажется, вообще ни на что не годился. Впоследствии его не тронул даже Юстиниан, казнивший Ипатия и Помпея.

Но кого-то надо было выбрать преемником. Еще один византийский автор, которого условно называют «Аноним Вalezия», привел забавный анекдот о выборе царя. Однажды Анастасий накормил своих племянников плотным обедом, а затем предложил вздремнуть. В спальном покое были приготовлены три ложа. В изголовье одного из них император положил некий царский знак. Анастасий загадал, что передаст власть тому, кто найдет знак.

Племянники отобедали и отправились спать. Один улегся на «пустое» ложе, а двое других (из братской любви, уточняет Аноним) заняли соседнее, в котором тоже не было сюрприза. Ложе с царским знаком осталось не занятым.

Поразмыслив, Анастасий сделал вывод, что судьба против того, чтобы племянники унаследовали его власть. Император стал молить Бога, дабы тот указал на будущего преемника царской власти.

Молитвы были услышаны. Однажды Анастасий увидел во сне человека, который изрек:

— Первый, о ком будет сообщено завтра в покоях, и примет от тебя власть твою.

Император проснулся в крайнем удивлении. Утром блюститель опочивальни, могущественный евнух Амангий, доложил, что к царю прибыл с докладом *комит экскубиторов* (начальник дворцовой гвардии). Этим начальником был Юстин.

Ясно, что все эти байки распространили сторонники Юстина уже после того, как удачливый комит сделался императором. Это обычные царские легенды, призванные оправдать восшествие на трон случайного человека или случайной династии.

Другой инцидент, возможно, имел место. Однажды Юстин, охваченный желанием оказать почтение царю, наступил на край его багря-

ных одежд. Анастасий пошутил над неловкостью старого служаки-гвардейца:

— Куда ты спешишь? Еще успеешь...

Позднее этой невинной шутке придали особый смысл: Анастасий, мол, предвидел восшествие Юстина на трон. На самом же деле ничто не было предрешено.

Император умер в начале июля 518 года в сильную грозу. Говорили, что он испугался удара грома, и сердце остановилось.

За наследство столкнулись три группировки. Одну возглавляли племянники покойного базилевса. Другую — Юстин вместе с дворцовыми военными. Третью — евнух Амантий и придворная камарилья. От победы одной из партий зависело будущее Ромейской империи. Выживет она или нет? Это должно было выясниться совсем скоро.

ГЛАВА 2. РЕВОЛЮЦИЯ

1. ЛУППИКИНА МЕНЯЕТ ИМЯ

Еще не остыл труп почившего императора, а при дворе уже началась грызня. Племянники Анастасия имели все основания для того, чтобы претендовать на власть. Ипатий успел побывать в должности магистра милитум, а Помпей и Проб избирались консулами. Эта должность была унаследована от Древнего Рима и давно являлась республиканской декорацией империи, но в то же время многие политики домогались консулата. Он являлся ступенькой к другим, более важным назначениям.

Казалось бы, созданы все условия для передачи власти одному из племянников покойного Анастасия. Но очень похоже, что даже консульство не прибавило популярности Помпею и Пробу. Точно так Ипатий не обрел поддержки армии, хотя и командовал ею. Помимо личной бездарности племянникам мешала репутация их дяди-монофизита. Против них активно боролись православные.

В самой группировке монофизитов возник раскол. Эту группировку возглавлял евнух Амантий — тот самый, которому легенда приписывает доклад о прибытии Юстина после того, как Анастасию привиделся вещий сон. Евнух носил должность *препозита* (управляющего) *священной опочивальни*. Все дворцовые евнухи состояли у него в подчинении. Он докладывал царю о прибытии придворных, то есть имел доступ к государеву уху. Следовательно, обладал огромным влиянием. У него была личная охрана и штат прислуги; помимо прочего, Амантий обладал правом доступа к дворцовой казне.

Видеть во главе империи бездарного Ипатия евнух не хотел. А может быть, понимал, что провести во власть непопулярного политика попросту не удастся. Так или иначе, Амантий задумал сыграть свою игру. После смерти Анастасия евнух решил воспользоваться ситуацией и поставить во главе империи своего человека. «Поскольку не было позволено мужу, лишенному мужского достоинства, получить власть над римлянами», пишет Евагрий Схоластик, евнух задумал возвести на престол одного из своих телохранителей. Этого молодца звали Феокрит. Теперь следовало обеспечить лояльность гвардии.

Однако лояльность при дворе стоит больших денег. Никто не присягнет неизвестному проходимцу из соображений чистого альтруизма. Амантий хотел задобрить гвардейцев-экскубиторов. Денег для этого было достаточно, но как передать золото в нужные руки? Евнух вызвал для разговора начальника гвардии — Юстина.

Этому воину уже исполнилось 68 лет — преклонный возраст. Он жестоко страдал от старых ран. Не давала покоя нога, пораженная стрелой во время персидской кампании. Амантий даже не подозревал, что у военного пенсионера могут быть свои политические амбиции.

Может быть, их и не было. Но за спиной Юстина стоял его племянник Юстиниан, который, вероятно, подстрекал дядю к решительным действиям. Но не только. На стороне гвардейца оказалась часть правительственных чиновников, которая исповедовала православие.

Почти все наши источники молчат об участии Юстиниана в дальнейших событиях, но выдвигают самого Юстина на первый план (исключение, как всегда, одно: «Тайная история» Прокопия Кесарийского, в которой Юстиниан представлен злым демоном Византии). Это не случайно. Похоже, православные чиновники и землевладельцы решили произвести дворцовый переворот, отстранить монофизитов и на этом закончить предполагаемую «революцию».

Амантий встретился с Юстином и предложил раздать гвардейцам богатые денежные подарки, чтобы экскубиторы признали императором Феокрита. Юстин не возражал. Амантий отправился за деньгами. «Итак, — пишет Евагрий Схоластик, — призвав Юстина, он передает ему великие богатства, приказав распределить их среди людей, особенно полезных и способных [помочь] Феокриту облечься пурпурной одеждой».

После передачи денег события немедленно вышли у евнуха из-под контроля. «Подкупив этими богатствами то ли народ, то ли так называемых экскубиторов... Юстин захватил власть», — сообщает Евагрий.

Юстина поддержал православный *магистр оффиций* Келер. Должность магистра оффиций была очень важна. Это был управляющий дворца. Еще магистру оффиций подчинялись внутренние войска в провинциях, а это немало. Келер и Юстин совершили операцию по захвату престола. Сперва обратились к гвардии с вопросом, кого бы она желала видеть царем. Гвардейцы выдвинули Юстина. Тот начал отказываться для вида. Тогда экскубиторы легкомысленно выкрикнули базилевсом какого-то трибуна Иоанна. Другая группа дворцовой гвардии — *схоларии* — предложила Ипатия, но их группировка оказалась слаба: в схоларии шли сынки магнатов, это подразделение как военная единица имело низкую ценность.

Ввиду появления новых кандидатов Юстину и его сторонникам пришлось срочно мобилизовать горожан. Следовало обратиться за помощью к одной из партий ипподрома. Без нее окончательная победа была невозможна.

Анастасий покровительствовал партии *прасинов* (зеленых). Юстин обратился к *венетам* (голубым). Те собрались на митинг перед дворцом и устроили потасовку. В ней погибло несколько гвардейцев. Митингующие выступали против обоих кандидатов — трибуна Иоанна и пресловутого Ипатия.

Наконец кто-то из числа венетов выкрикнул имя Юстина. Старый воин вновь начал отказываться, однако представители венетов настаивали на своем. Начались консультации с представителями другой ведущей партии цирка — прасинов. «Зеленые» тоже высказались за Юстина, чтобы прекратить беспорядки и погасить смуту. Созвали сенаторов, пригласили патриарха. И первые, и второй согласились на кандидатуру Юстина. Все уже поняли, что партии цирка устроят бунт и резню, если старик Юстин не станет царем.

Согласился принять царский венец и сам кандидат. Юстина повели на ипподром, куда уже слетелись представители партий. Претендент явился в цирк в окружении гвардейцев, был увенчан золотой цепью и поднят на щите под восторженные крики толпы.

Юстин I (518–527) достиг вершины власти. Он стал императором «и был всем любезен, как пламенный ревнитель Православной веры и муж, опытный в деле военном», — пишет в своей хронике византийский историк начала IX века Феофан Исповедник. Сожительница нового императора — Луппикина — сделалась базилиссой. Юстин обвенчался с ней и заставил сменить имя. Женщина со смешным прозвищем не могла править страной. Она превратилась в Евфимию. Сам Юстин принял «царскую» фамилию Флавий.

Древнеримская династия Флавиев, правившая империей несколько десятилетий в I веке новой эры, оставила по себе добрую память. В IV веке эту же фамилию принял император Константин Равноапостольный и передал потомкам. Последующие императоры подражали уже Константину. Быть Флавием означало обеспечить преемственность власти. Флавий — это незыблемость империи. Как ни странно, Флавиями иногда становились даже варварские короли. Во всяком случае, самые дальновидные из них. Например, такую фамилию принял готский король Теодорих после захвата Италии или конунг Тевдис в Испании. Варварские лидеры хотели приспособиться к вкусам и привычкам большинства своих подданных.

Вместе с Юстином «царскую» фамилию принял и его племянник. Теперь он звался Флавий Петр Саббатий Юстиниан.

2. ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ

Какова была Византия в то время? Какие проблемы испытывала страна и какими ресурсами располагали дядя и племянник для своей политики?

Империя насчитывала 64 мелких провинции. Пятьдесят одна из них входила в огромную префектуру Восток (Малая Азия и Египет), остальные тринадцать — в балканскую префектуру Иллирик, изрядно разоренную во время войн и мятежей. Префектуры, в свою очередь, делились на несколько диоцезов. Эту громоздкую систему когда-то создал Диоклетиан. Он образовал множество провинций и несколько уровней власти, чтобы уберечь империю от мятежей. Однако мятежи продолжались, а огромный бюрократический аппарат съедал львиную долю налогов.

Ресурсы империи были довольно пестрыми. В Греции, на островах Эгейского моря, во Фракии и в прибрежных районах Малой Азии процветала культура оливок, было распространено виноградарство. Здесь до сих пор делают неплохое вино. Египет был житницей страны. На узкой полосе плодородной земли, расположенной вдоль Нила, собирали богатые урожаи пшеницы, которую затем везли в другие области империи.

На высоких плато Малой Азии паслись тучные стада скота. На островах добывали мрамор. В Египте, Сирии, Палестине производились льняные и шерстяные ткани, в том числе тончайший *синдоний*, искусство изготовления которого перешло от древних финикийцев. В горных областях имелись залежи металлов. Балканы и Кавказ были богаты серебром, золотом, железом и медью.

В общем, Византия обладала большими богатствами, и в этом было несомненное преимущество перед другими странами. Но в наследство от старой Римской империи достались и проблемы. Это порождало вопросы эффективности использования ресурсов. Если этой эффективности нет, а средства разбазариваются, ресурсы превращаются в ничто, а сама империя — в объект завоевания для внешних сил.

Первый срез проблем — этнический и религиозный. В Византии жили разные этносы, и не все понимали и любили друг друга. Север Балкан от фракийских гор до реки Дунай занимали латиноязычные вельски (позднее переселившиеся на север, в Карпаты, и образовавшие этнос румын); на юге полуострова обосновались греки. Эти два народа еще могли поладить. По-гречески говорило и население почти всей Малой Азии. Только в горах Исаврии жили особые племена со своим языком и обычаями. Сирию населяли семитоязычные арамеи, которых в науке принято называть «сирийцами».

После арабского нашествия в VII веке часть сирийцев примет ислам и арабизируется, а часть — выселится в византийскую Италию и станет разговаривать на вульгарной латыни, которую сегодня мы зовем итальянским языком. Современные итальянцы в большинстве своем — потомки этих семитов-христиан.

Египет был разделен. Города населяли греки, сельскую местность — копты, потомки древних египтян. В Палестине обитало два еврейских народа — самаритяне (вернее говорить — израильтане) и иудеи. Наконец, последним крупным этносом были армяне, которые расселились от Киликии до озера Севан.

Второй срез проблем — социально-экономический.

Империя была синтезом демократии и авторитаризма. В ней возникло несколько центров силы: бюрократия и сенат, армия, а также *демы* — партии цирка, которые выдвигали из своей среды крупных чиновников и участвовали в избрании императоров.

В экономике боролись несколько укладов, и было неясно, какой из них победит. Со времен старой Римской империи существовал небольшой государственный сектор с его продуктовыми магазинами, промышленными предприятиями и мастерскими. Однако имелся класс крупных земельных собственников. В нем крылась опасность.

В IV и V веках крупные землевладельцы развернули мощное наступление против мелких. Латифундисты пытались присвоить если не свободу, то землю тружеников: на Балканах, в Малой Азии, в Сирии

было много свободных крестьянских общин, владевших собственными наделами.

Доставшийся Византии в наследство от Рима государственный аппарат оказался громоздким и коррумпированным. Свободных крестьян заставляли платить тяжелые налоги и нести государственные повинности, причем размеры налогов и объемы повинностей часто могли увеличивать местные чиновники. Это создавало почву для злоупотреблений. Возможно, бюрократы даже договаривались с латифундистами, чтобы вынуждать общины расставаться с землей, и получали за это мзду.

Латифундисты рвались к власти и пытались захватить ключевые позиции в сенате, в бюрократии, в экономике. Кстати, среди них было много тайных язычников, и это придавало борьбе с ними религиозную окраску. Похоже, крупные землевладельцы принадлежали к партии «зеленых» и при Анастасии почти победили. Им противостояли «синие», среди которых было много свободных предпринимателей, крестьян, горожан. Прimitивно говоря, земледельческая знать выступала против городской «буржуазии» и «пролетариата».

Магнаты заставляли крестьян отдавать землю, но тотчас возвращали ее на правах аренды. Они брали гораздо меньшую плату, чем государство, и не обременяли крестьян повинностями, тем более что сами имели налоговые послабления. Следовательно, имперская казна теряла налоги после того, как крестьяне уходили к латифундистам. Не хватало средств ни на армию, ни на реализацию социальных программ (на бесплатное элементарное образование или медицинскую помощь). Чтобы восполнить потери, приходилось усиливать налоговый гнет в отношении свободных крестьян, но это приводило к тому, что они разорялись или в свою очередь уходили к магнатам. Создавался замкнутый круг. Этот процесс пытались остановить некоторые императоры — скажем, Зенон, но успехов не добились. Реформы и осторожные законы буксовали там, где требовалась революция.

Магнаты создавали свои частные армии. Они могли дать отпор правительственным войскам или принудить крестьян сдать свои участки. Или, напротив, защитить своих клиентов от нападений другого магната. Мы видим зародыш феодальной системы. Появляются крупные землевладельцы со своими армиями, есть частная собственность на землю, не хватает только феодальной лестницы. Этот путь означал бы постепенное закрепощение крестьян, натурализацию хозяйства и распад страны, потому что аграрные регионы ничто бы не связывало между собой. Для императора оставался единственный вариант — пре-

вернуться в марионетку феодалов. А для простых людей — стать рабами магнатов, то есть тех, кому повезло. Империя не имела бы единых вооруженных сил и общенационального бюджета. Такую страну легко уничтожили бы варвары даже до появления на исторической сцене непобедимых армий Арабского халифата.

Однако Византии суждено пойти совсем другим путем. Ее спасли города.

Феодализм — довольно примитивная система, основанная на аграрном хозяйстве и внеэкономических методах принуждения. В Западной Европе он прижился за счет простоты экономической модели и отсутствия городов. Как только города начали расти и превратились в крупные экономические центры, феодальные монархии стали разваливаться.

Но Византия — страна городов. Здесь жили мануфактурные рабочие и кустари, действовали купеческие корпорации, обитала творческая интеллигенция; наконец, всю эту систему цементировала бюрократия. Плохая ли, хорошая, но она была, и ее наличие объединяло страну.

В наличии городов были плюсы и минусы. Главный плюс мы уже назвали — активное городское население не было заинтересовано в распаде страны. Теперь перейдем к минусам. Во-первых, в городах сохранялись пережитки полисной демократии: муниципалитеты с общественной казной и народные сходки. Казалось бы, чем плоха демократия? А тем, что низы постепенно были оттерты от власти. Тем, что муниципальная верхушка была куплена землевладельцами. Тем, что она разворовывала городские деньги, предназначенные для ремонта дорог, организации городских увеселений, строительства больниц и стадионов... Люди только и слышали рассказы городского начальства о недостатке средств. Кроме того, произошло имущественное расслоение. В центре городов поселилась знать: хозяева строительных корпораций, владельцы поместий и прочие уважаемые люди.

Они занимают роскошные особняки с садами, бассейнами, портиками... На окраинах ютится рабочий люд. Там высятся многоэтажки с тесными квартирами, которые строительные магнаты предназначают для бедных. Ремесленники предпочитают снимать жилье в первых этажах, там живут и трудятся; иногда они открывают даже лавочки в портиках (это всё равно, что развернуть торговлю в подземных переходах, которые предназначены совсем для других целей). Но это еще относительное благополучие.

На ступень ниже стояли сезонные рабочие. Летом они трудились грузчиками, подмастерьями, чернорабочими, а зимой проедали накопления.

Были и те, кто жил хуже. Это люмпены, которые существовали за счет подачек, перебивались случайными заработками и уповали на бесплатные раздачи хлеба, которые проводило государство. Известный богослов Иоанн Златоуст вспоминал, что столица буквально кишит нищими, которые живут прямо на улице.

В одном Константинополе было свыше сотни бесплатных пунктов выдачи хлеба. Хлеб шел с приправами — оливковым маслом, рыбой, специями. По сути, это прообраз позднейших бутербродов. То есть известное требование люмпенов «хлеба и зрелищ!» правильнее было переименовать в «зрелищ и бутербродов!». Такой бесплатный обед позволял выжить и утолить голод. Но вообще, люмпены являлись самой опасной категорией населения. Например, их было легко купить, чтобы устроить в городе беспорядки, причем не важно, в чью пользу: главное заплатить. У них не осталось ни принципов, ни убеждений. Перед нами потенциальная пехота «феодалов» и муниципальной верхушки, которая станет бороться против правительства или против кого укажут — допустим, против одного магната в пользу другого. Люмпены были тяжелым наследием древнего мира. Античный полис медленно умирал. Города должны были обновиться и стать другими. Но какими?

...Не будем, однако, забегать вперед и вернемся в Большой дворец (или, как его называли византийские придворные, в *Священный Палатий*), где правит Юстин. Его восшествие на трон ознаменовалось грозным явлением в небе. Там появилась «страшная комета, пускавшая лучи свои вниз, а потому астрономы называли ее бородатою», свидетельствует Феофан Исповедник. Знамение вскоре оправдалось. Новое царствование началось с кровавых событий.

3. РАСПРАВА С ЕВНУХАМИ

Известную поговорку «лжет как очевидец» можно применить и к византийским историкам. Иногда разночтения касаются вещей вроде бы простых. Например, внешности императора Юстина. Мы говорили, что в молодости Юстин попал в гвардию благодаря высокому росту. Это известие основано на сообщении Прокопия Кесарийского, от которого редко можно услышать доброе слово по адресу Юстина и его семьи. Однако другой историк, Иоанн Малала, описывает внешний вид царя совсем по-другому. Малала говорит, что император не отличался высоким ростом, но был «широкогрудый, с седыми кудрявыми волосами, с красивым носом, румяный, благообразный, опытный в военных делах, честолюбивый, но безграмотный». Малала весьма доброжелателен

к Юстину и его племяннику, но в описании внешности может и ошибаться. Например, рост Юстина мог не быть выдающимся на фоне других дворцовых гвардейцев — красавцев-гигантов. А может быть, преувеличил Прокопий, чтобы затушевать другие качества Юстина: ум, смекалку, военные таланты.

Для столичной служилой знати Юстин был компромиссной фигурой. Все понимали, что он достаточно стар и править будет недолго. Только поэтому его и согласились признать государем.

Юстина многие ненавидели. Базилевс объединился с партией православных. Это были зажиточные и преуспевающие люди, которые хотели не столько социальных, сколько религиозных перемен. Им претило монофизитство. Сам Юстин подчеркивал свое православие и с места в карьер начал насаждать его на просторах империи. Некоторые монофизиты называли его Юстин Жестокий. Ясно, что царь действовал не один. Правящая группировка, которая привела его к власти, видела проблемы страны и пыталась решить их по-своему. Главными виновниками кризиса посчитали монофизитов, которые занимали ключевые должности в правительстве Анастасия и погрязли в коррупции. Кажется, достаточно покончить с «еретиками», и жизнь наладится.

Первоначально Юстин был всего лишь пешкой в руках православной партии. Над ним откровенно смеялись придворные — все эти сенаторы, философы, чиновники. К кругу этих людей принадлежал Прокопий Кесарийский. В своей «Тайной истории» Прокопий не жалеет сарказма, чтобы высмеять старого императора. Первый порок Юстина — то, что он занял престол, «уже будучи стариком, близким к могиле». Это ложь; точнее, тенденциозность. Таким же стариком был, например, Анастасий. Тот вступил на трон в возрасте 61 года, а в 88 отбыл в лучший мир.

Кроме того, Юстин отвратителен Прокопию и ученым чиновникам за солдатские замашки и безграмотность. «Чуждый всякой учености, он, как говорится, даже не знал алфавита, чего раньше у римлян никогда не бывало», — презрительно цедит Прокопий.

Опять преувеличение. В эпоху солдатских императоров в III веке престол старого Рима часто захватывали неграмотные ребята из армии. Другое дело, что Византия такого еще не знала: даже исавр Зенон умел писать по-гречески. По словам Прокопия, Юстин не мог поставить автограф на документе. Для того чтобы преодолеть этот конфуз, придумали одно приспособление, которое Прокопий описывает с издевательским наслаждением. «Прорезав на небольшой гладкой дощечке

контур четырех букв, означающих на латинском языке “прочитано” (legi), — сообщает историк, — и обмакнув перо в окрашенные чернила, какими обычно пишут базилевсы», секретари брали Юстина за руку и «обводили пером контур этих четырех букв так, чтобы оно прошло по всем прорезям в дереве». Прокопий Кесарийский много лжет в своей «Тайной истории», но делает это умно: берет какой-то факт и усиливает его разными нелепицами.

Подробности про Юстина он присочинил, позаимствовав их у Анонима Вalezия, который говорит про короля Теодориха Великого: «Теодерих был неграмотен и настолько груб умом, что за десять лет своего правления так и не смог научиться писать четыре буквы, чтобы подписывать свои эдикты. Поэтому он приказал изготовить золотую пластину с вырезанными в ней четырьмя буквами LEGI (прочитано), и когда он хотел что-то подписать, то, положив таблицу на лист, водил по ней, в результате чего на листе оставалась его подпись».

Однако на безграмотность Юстина указывает не один Кесариец. Об этом пишет Иоанн Никиусский — монофизит, который называет Юстина Жестоким. «Придворные не поддержали его, — говорит о Юстине Иоанн, — ибо он не знал грамоты». Сказано сухо, но по делу. Однако Прокопий делает штришок, который сразу меняет отношение к престарелому царю и вызывает у читателя презрение к беспомощному Юстину. В «Тайной истории» рассказывается, что рукой императора водят секретари, будто он сам не в силах закрасить прорези в дощечке. Может, царю и преподали первый урок в таком роде. Но Прокопию необходимо унижить нелюбимого правителя из новой династии, и это вполне удается.

Вообще, благодаря «Тайной истории» мы стали обладателями не столько фактов, сколько спорных версий, противоречащих друг другу. Из-за этого современный историк уподобляется дотошному следователю. Мы вынуждены скрупулезно сравнивать показания нескольких «свидетелей», чтобы добиться истины. Читатель проигрывает от этого. В тексте появляется много незнакомых имен авторов, оставивших сочинения о тех событиях. Впрочем, это и есть обычная работа историка.

* * *

Первые дни нового правления — это торжество православия и разгул страстей. Уже 15 июля 518 года огромная толпа столичных жителей явилась в собор Святой Софии и устроила дебош. Православные

жители Константинополя выдвинули ряд требований: предать анафеме несториан, монофизитов и отлучить от Церкви главного идеолога еретической оппозиции — патриарха Севера Антиохийского, которому покровительствовал Анастасий. Требования были адресованы константинопольскому патриарху **Иоанну II Каппадокийцу (518—520)**, который сменил своего предшественника Тимофея еще при жизни Анастасия и считался твердым православным. Иоанна продвинула православная партия при дворе, к которой принадлежали магистр оффиций Келер, видный юрист Прокл и, конечно, Юстин. То есть усиление «правильно верующих» началось еще при «Разноглазом» императоре. Это был способ утихомирить столчиное население, но ненависть к монофизитам всё равно выплеснулась наружу.

— Многая лета патриарху, многая лета государю, многая лета царице! — редела толпа. — Вон Севера!

Евнух Амантий и его сторонники-монофизиты верно уловили сигнал. Они поняли, что им грозит скорое изгнание, а возможно, и смерть. Нужно было опередить врагов в правительстве, то есть уничтожить их раньше. Вероятно, первым шагом должна была стать дискредитация патриарха. Амантий вступил с Иоанном в какую-то дискуссию, которая была призвана показать, что патриарх — враг Церкви и государства. О чем конкретно говорили евнух и патриарх, неясно. Понятно лишь, что стычка была жесткой. Думается, разговор шел о «Трисвятом». Амантий отстаивал монофизитскую редакцию, мотивируя это политической необходимостью. Мол, если отказаться от монофизитской приставки «распятый за нас», в стране вспыхнет недовольство. Ведь монофизиты очень сильны, за них весь восток империи. Патриарх Иоанн отказался идти на компромисс, чем открыл себя для ударов еретиков.

Но результат беседы оказался совсем не таким, на какой рассчитывал Амантий. Царь арестовал евнухов. Заодно схватили и Феокрита, которого Амантий прочил на царский престол.

Аресты прошли гладко, никто не взбунтовался. Врагов нового императора побросали в тюрьмы. Вскоре над ними расправились без суда. «Во всяком случае, он сразу же изъял из числа людей Амантия и Феокрита, — пишет Евагрий об императоре, — а вместе с ними и других». По сообщению Марцеллина Комита, Амантия зарубили мечом, а Феокрита забили камнями. Юстин показал, что шутить не любит. Старый офицер вцепился во власть намертво. Жалеть главного евнуха и его монофизитских приверженцев не за что, их победа означала бы гражданскую войну и распад империи.

Затем в столице открылся церковный поместный собор, на котором были реабилитированы все иерархи, пострадавшие во времена господства монофизитов, а патриарх Северу Антиохийскому провозгласили анафему. Правда, сам патриарх некоторое время игнорировал это постановление. Огромное число еретиков на Востоке позволяло ему это делать. Север называл себя православным, а константинопольского патриарха и его последователей — отступниками. Так что главная борьба была еще впереди.

Но тут Византию стало лихорадить. Религиозный поместный собор в Константинополе произвел среди ромеев эффект разорвавшейся бомбы. Накануне монофизиты чувствовали себя хозяевами империи. Казалось, еще немного, и они захватят власть. Но явился Юстин, и планам монофизитов пришел конец. Выяснилась неприятная для еретиков вещь. Не меньше половины населения империи исповедовало православие халекдонитского толка, то есть было «диофизитами». Затем возник еще один момент. Православная революция постепенно перерастала в революцию социальную. Народ почувствовал себя сильным. Высвободилось огромное количество творческой энергии. Всё началось с перестановок в правительстве.

4. СМЕНА КАДРОВ

Как сказано, новый царь опирался на партию венетов и рекрутировал из ее рядов кадры на государственные должности. Прокопий называет одного из таких венетов. Это Прокл, бывший адвокат (не следует путать его с афинским философом того же имени, который сжег флот Виталиана с помощью серы во времена Анастасия). Умный законник обрел большое влияние на государственные дела с первых дней прихода к власти нового царя. Впоследствии, в 522 году, Прокла назначили квестором (переводя на современный язык — «министром юстиции»).

Вероятно, юрист возглавлял при Анастасии умеренную правосладную оппозицию и был одним из тех, кто привел Юстина к власти. Прокл вовсе не желал социальных реформ и боялся связанных с ними погрязений. Поэтому вскоре Прокл станет врагом преобразований и объединит консервативное крыло в правительстве.

Второй опорой престола сделался герой этой книги — Юстиниан, который с самого начала правления дяди рвался к высшей власти. Племянник обрел должность, которая по-латыни называлась *comes domesticorum*: он руководил дворцовой охраной, а также получил право сформировать личную дружину. Но Юстиниан был настроен совсем

на другое. Его не устраивала сложившаяся государственная система. В борьбе с нею молодой политик, сам выходец из крестьян, был готов зайти очень далеко. Через некоторое время мы увидим его в необычной роли вождя радикальной молодежи, которая убивает богатых людей и захватывает власть в городах. На стороне этой молодежи выступают даже некоторые богатые византийцы, но нас не должно это смущать. Любой переворот привлекает разных людей...

Вскоре Юстин и его советники вспомнили про Виталиана. Могущественный полководец по-прежнему находился во Фракии, обладал огромным влиянием, а самое главное — крупной армией, которую можно было использовать для наведения порядка. От того, какую позицию займет Виталиан, зависели будущее императора и стабильность империи.

Полководец заявил о своей лояльности по отношению к новому правительству. Он был доволен, что к власти пришли православные. Дело, за которое сражался мятежник, наконец победило. По словам Феофана Исповедника, «Виталиан, по смерти Анастасия, совершенно прилепился к Юстину Великому».

Перед этим имели место тайные переговоры между Юстином и Виталианом. На современном языке это называется «политические консультации».

Овеянный славой борца за веру Виталиан явился в Константинополь и был встречен с почетом. Его назначили командующим войсками со штаб-квартирой в столице. Полководец участвовал в христианских таинствах вместе с царем и его племянником. Казалось, победила «православная революция».

Однако это вовсе не означало, что ее вожди едут в одной упряжке. Каждый преследовал свои цели. Виталиан был хорош в качестве мятежника, но этот полевой командир совершенно не годился для мирной жизни. В этом беда многих революционеров. Они приносят огромную пользу идее, побеждают, но затем становятся не нужны и даже опасны. Если вечного революционера вовремя не убить, он разрушит страну. Такова страшная и циничная диалектика революции. Виталиан продержится в правительстве всего пару лет...

Что касается приверженцев Анастасия, то их исключили от власти, включая Ипатия, который демонстрировал верность новому правительству. Быстро упало влияние партии «зеленых». Возможно, «зеленые» еще держались где-то в провинциях, но и там происходила смена кадров, причем не обходилось без столкновений с народом. Впоследствии эти

столкновения переросли в уличные бои. Венеты выступали против прасинов, потом выделилось радикальное крыло «голубых», которое атаковало умеренных, а городская стража не всегда понимала, на чьей стороне воевать. Судя по всему, ее заставляли действовать по обстоятельствам — смотря чья власть была в городах: «голубых», «зеленых» или радикалов. Но это начнется чуть позже, а пока правительство было внешне единым. Первую задачу оно видело в отстранении монофизитов и торжестве православия.

Это было непросто. При Анастасии широко практиковались частные армии. Вельможи-монофизиты (да и не только монофизиты) нанимали себе *ипастистов* — щитоносцев. Те охраняли хозяев и их имущество, как делают современные частные армии на службе у крупных корпораций. Для власти это порождало серьезные проблемы. Частные вооруженные формирования легче создать, чем ликвидировать. Хозяева *ипастистов* могли развязать гражданскую войну. Поэтому император не стал распускать прежние частные отряды, а создал новые с помощью верных людей. Например, Юстиниан принялся набирать собственную армию. Он вербовал лучших из лучших, невзирая на происхождение и имущественное положение. Юстиниан обладал хорошим чутьем на талантливых людей. Из его *ипастистов* выйдут два крупных византийских полководца — Флавий Велисарий и Урсикий Ситта. Об их подвигах мы еще расскажем.

Частная армия обезопасила Юстиниана. Теперь политические противники не могли его убить, и молодой политик стал действовать на пути реформ гораздо свободнее.

5. ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Правительство Юстина, Прокла с Келером и Юстиниана держало в поле зрения не только внутренние, но и внешние дела. По их замыслу, торжество православия должно было помочь восстановлению связей с христианами Запада. А может быть, привести к возрождению Гесперии.

Как уже говорилось, христианская Церковь имела еще одно название. Ее звали «католическая», то есть всеобщая. Дела «всеобщей» Церкви в начале VI века выглядели отнюдь не блестяще. Римлян повсюду теснили варвары. В лучшем случае они были арианами, а в худшем — язычниками. Британию захватили племена англов и саксов. Они поклонялись Одину. С христианством на берегах Темзы было покончено. На Пиренеях, в Галисии, обосновались свевы, остальной частью полуострова владели вестготы. Те и другие были арианами.

Остготы (тоже ариане) владели Италией, Провансом, Паннонией и Далмацией. В Африке власть захватило германское племя вандалов-ариан. Арианами сделались руги, живущие на территории современной Австрии, бавары в своей стране, лангобарды (они обитали в нынешней Словакии к северу от Дуная), гепиды в Трансильвании... К северу от них расселились славяне и анты, быстро набиравшие силу. Эти верили в Сварога и древних арийских богов. Кутургуры на Днепре, утургуры на Кубани хранили верность духам предков... К востоку от Византийской империи, в Иране и Закавказье, господствовали персы, которые исповедовали религию Зороастра.

Единственной страной кроме Византии, где господствовало православие, являлась Галлия. К тому времени ее захватили франки. Вождь франков **Хлодвиг** (точнее, Людвиг или Людовик) сообразил, что захватить эту страну будет легче, если принять ту же веру, что и его будущие подданные. Поэтому франкский предводитель принял православие. Императоры Зенон и Анастасий тотчас признали его своим, наделили титулом патриция и должностью консула. Государство франков обрело силу, равновесие, а заодно и поддержку Византии. Хлодвиг не возражал, что является имперским наместником в Галлии. Правда, ни он сам, ни его наследники совершенно не считались с интересами Византии.

В других странах бывшей Западной Римской империи горстка германцев-ариан правила огромными массами православных. Казалось бы, не всё ли равно? Однако вдумаясь. Современных европейцев несколько десятков лет приучали к толерантности. Но представим, что в нынешних католических странах — Италии, Испании, Франции — власть захватывают, например, православные сербы. Их немного, но они составляют верхушку общества, присваивают блага, наслаждаются предметами роскоши и не допускают к власти коренных жителей. Коренному населению даже запрещено носить оружие. Такой режим просуществует недолго.

В Гесперии образовалась типичная этническая химера. В одной нише жили два народа, причем малый народ (ариане) правил большим (православные). Это не означало, что еретики-германцы хотели уничтожить римлян. Совсем наоборот. Они были заинтересованы в процветании своих подданных, чтобы обильнее их доить. Но для самих римлян такая ситуация была оскорбительна.

Единственным прибежищем для православных оставалась Церковь. Ее главами были епископы провинций. Один из них, которого называли «римский папа» (то есть отец верующих в Риме) претендовал на власть

над умами всех христиан Запада и даже Востока. Претензии папства на вселенскую власть были основаны на том, что первым римским епископом считался апостол Петр. Правда, в Византии не признавали верховенство Рима. Главным на Востоке считался патриарх Константинополя.

Во времена Зенона и Анастасия папы поссорились с представителями Восточной церкви и прекратили общение. Причина — монофизитская ересь, в которую впали восточные императоры и их «карманные» патриархи. Папы не желали иметь с ними ничего общего.

Юстин, Юстиниан, Келер, Прокл и Виталиан полагали такую ситуацию нетерпимой. По их мнению, Церковь должна быть единой. Поэтому начались контакты с папством по поводу примирения.

6. ОБЩЕНИЕ С ПАПОЙ

Папы считали себя блюстителями православия. В основном это были римляне, но иногда попадались и греки. Привычного нам противостояния Запада и Востока еще не было. Имелся важный момент. Папы управляли христианским миром в условиях остготской оккупации. Поэтому для наместников Святого Петра было очень важно сохранить духовный авторитет, то есть чистоту веры. Когда восточную часть империи раздирали религиозные споры, папы придерживались строгой ортодоксии. Они сами верили в свою непогрешимость и претендовали на роль верховных арбитров в христианском мире. Из-за этого Византию ждали бедствия. Высокий моральный авторитет пап оказал плохую услугу ромейским политикам, которые вынуждены были с ним считаться.

Но пока Юстин и его племянник Юстиниан бросились в объятия римского понтифика, питая искреннюю надежду на воссоединение Церкви. Увы, оба — и дядя и племянник — будут жестоко разочарованы.

20 декабря 518 года в Рим были отправлены два послания — одно за подписью императора Юстина и другое — патриарха Иоанна. В них сообщалось о восстановлении православия на Востоке.

В то время римским епископом был **Гормизд (514—523)**. Он происходил из знатного рода вельсков, живших в Кампании, имел семью, детей, но однажды решил посвятить себя духовной карьере. Связи, удача, благочестие и организаторские способности помогли Гормизду занять папский престол. К тому времени, когда был избран этот папа, между Восточной и Западной церквями продолжался раскол. Западные епископы, и Гормизд вместе с ними, не признавали так называемый «Генотикон» — компромиссный символ веры между православными и монофизитами,

навязанный в Византии по инициативе императора Зенона. На Востоке его принимали, хотя и с оговорками. На Западе — осуждали.

Царь Юстин и патриарх Константинопольский просили папу Гормизда прислать своих легатов (уполномоченных) в Византию, дабы юридически закрепить единство Церкви.

Гормизд созвал в Риме церковный собор, чтобы выработать единую точку зрения в отношениях с восточными епископами. Эта позиция не учитывала равным счетом ничего: ни политических коллизий в Византии, ни настроений на окраинах великой империи. Действительно: какое дело папам и их советникам до того, что Византию раздирают противоречия между монофизитами, несторианами и православными? Важно было выработать единый догмат, а если его не примут окраины империи — тем хуже для них. Ну, воспользуются византийскими противоречиями враги, и что? Палестину захватят арабские князья из племени *лахмидов*. Сирию и Армению — персидские цари. В конце концов, Италия тоже подчинилась готам, но сохранила в чистоте свою веру. Царство Божие — не от мира сего. Эта близорукая позиция вскоре приведет к тому, что императоры и папы вступят в конфликт; но обыватели ждали воссоединения Церкви. Ожидания сбылись. В Константинополь прибыли послы римского понтифика. За десять верст от столицы их встречали первые люди империи: племянник императора Юстиниан, магистр оффиций Келер, племянник Анастасия — Помпей, а также Виталиан. Среди встречавших мы видим Помпея. Это значит, что партия Анастасия еще сильна. В то же время присутствие Помпея означало, что он отрекается от монофизитов. Юстин и Юстиниан вели тонкую игру со своими врагами, пытаясь внести раскол в монофизитскую партию.

25 марта 519 года папские легаты прибыли в Константинополь. Тотчас выяснилось, что римский понтифик готов примириться со своими восточными коллегами на довольно жестких условиях. Он требовал анафемы всем церковникам, которые признавали «Генотикон». В список попали и мертвые, и живые, и даже несчастный экс-патриарх Македоний, который при Анастасии пострадал за православные убеждения. Для папы было крайне важно, чтобы лишь он, папа, оказался блюстителем веры и высшим духовным авторитетом Церкви. Например, константинопольского патриарха он соглашался признать в церковной иерархии только вторым.

Эта непримиримая позиция и эта гордыня не нравились ни Юстину, ни Юстиниану, однако во имя единства и под давлением православного окружения они уступили. Тогда последовало новое требование Рима: все восточные епископы должны поставить подписи под документом,

в котором содержались примирительные формулы и анафематствования по адресу отступников, принимавших «Генотикон».

Это было очень опасно. Следствием примирения с Западом мог стать бунт и раскол на Востоке. Папу это не интересовало. Гордыня шла рука об руку с духовной твердостью.

Однако Юстин принял и это требование. За царем стояли массы православного населения. Его самого грела мысль выступить в роли объединителя Церкви. Правда, многие епископы отказывались ставить подписи под приговором своим коллегам, которые не были виноваты в отступничестве. Императору пришлось задействовать «административный ресурс». Под давлением Юстина, квестора Прокла и их единомышленников все требования Рима были выполнены.

Евхаристическое общение между римским папой и восточными патриархами оказалось восстановлено. Легаты вернулись в Рим. Но это не означало, что договоренности будут строго соблюдаться.

Юстин и особенно его племянник Юстиниан показали себя здравомыслящими политиками. Вскоре базилевс написал папе письмо с просьбой аннулировать анафемы по адресу восточных иерархов, сотрудничавших с властью в период «Генотикона». Папа ответил отказом. Тогда византийские клирики просто игнорировали запрет и продолжали чтить память многих епископов эпохи «Генотикона», включая Македония. Некоторых иерархов, отлученных папой, базилевс Юстин без лишней огласки восстановил в сане.

Папе наверняка доложили об этом. Но Юстин и его племянник наладили связи с римскими сенаторами, жившими в Италии под властью готов. Православные римляне снова считали византийцев своими, препятствия для общения исчезли, единство Церкви было восстановлено. Многие римляне шпионили в пользу ромеев и все поголовно ненавидели готов, мечтая уничтожить еретиков. Играть и дальше в принципиальность было для пап небезопасно.

В самом Константинополе произошли изменения. 25 февраля 520 года умер патриарх Иоанн. Новым главой Восточной церкви стал **Епифаний (520–535)**, в православии которого не сомневался никто. В это время один из столпов православия — полководец Виталиан — был коварно убит в царском дворце.

7. РАСПРАВА С ВИТАЛИАНОМ

Историк VI века Евагрий Схоластик утверждает, что Виталиан был крайне опасен. Для начала Юстин вызвал военачальника в столицу, «опасаясь и его могущества, и военного опыта, и всеобщей его

славы, и стремления к царской власти»; словом, держал его под прищотром.

Но проблема оставалась. Хотел ли Виталиан занять трон? Или это лишь казалось Юстину? Во всяком случае, такие разговоры ходили в столице. Конечно, храбрый мятежник не посмел бы отобрать трон у старика Юстина — православного императора и героя дворцового переворота, с помощью которого удалось уничтожить представителей секты монофизитов, засевших в Большом Дворце. Но Юстин не вечен. Все знали, что старика беспокоят старые раны и долго он не протянет. После смерти Юстина Виталиан вполне мог поднять мятеж и захватить трон. Для этого он обладал и силой, и популярностью, а на его варварское происхождение многие бы закрыли глаза: он был православным.

Но вспомним, что этот православный воитель был неразборчив в средствах. Он приглашал войска болгар из-за Дуная и с их помощью сражался против сограждан. Такой человек опасен для страны. Наверняка подобным образом рассуждали Юстин, его племянник Юстиниан, могущественный квестор Прокл и магистр официий Келер. В этом вопросе они сошлись.

С одной стороны, Виталиан представлял опасность для нового правительства, тем более что Юстиниан сам рвался к власти, а у Прокла могли быть свои соображения на этот счет. С другой — экс-мятежник был опасен для страны вследствие собственной непредсказуемости и контактов с варварами, от засилья которых Византия не так давно избавилась с большим трудом.

Виталиан прожил в Константинополе около двух лет. В 520 году он получил звание консула. Эта должность накладывала на ее носителя обязательства по раздачам хлеба и устройству зрелищ. Виталиан делал то и другое. Возможно, он использовал средства, награбленные во время гражданской войны и полученные в качестве выкупов за пленных византийских вельмож. В таком случае можно констатировать, что назначение Виталиана консулом для того и было задумано, чтобы он вернул государству хотя бы часть денег.

Однако Виталиан сделал это с таким размахом, что напугал правительство. Недавний мятежник транжирил деньги и осыпал горожан подарками. Константинопольская чернь обожала героического полководца, который за несколько лет до этого едва не взял Константинополь. Герой пожинал плоды популярности. Не исключено, что он встречался с руководителями цирковых партий и вел тайные переговоры о смене власти.

Делая это под носом у царя, полководец поступил неосторожно. Он не понимал, с кем имеет дело, и поплатился за свою беспечность. Однажды его вызвали в Священный Палатий и там убили шестнадцатью ударами меча.

«Когда [Виталиан], уже обладая консульством, явился во дворец, жизни его был положен предел, — пишет Евагрий, — он был жалким образом убит у одной из внутриворцовых дверей, уплатив такую плату за свои бесчинства по отношению к государству ромеев». Это произошло в 520 году.

Вместе с Виталианом погибли его секретарь, управляющий делами и, видимо, несколько телохранителей: во дворце возникла нешуточная потасовка.

Какова была непосредственная причина убийства? Византийские историки сразу начали спорить на этот счет. Монофизит Иоанн Никитусский утверждает, что православный генерал составил заговор против императора Юстина. «Виталиан потерял жизнь потому, — замечает наш источник, — что после того, как Юстин назначил его [магистром милитум], он замыслил поднять... мятеж, как он уже поступил по отношению к предшествующему императору. Вот почему [Юстин] приказал его казнить. Таким образом, Бог быстро наказал его».

Хронист Иоанн Малала уточняет, что убийство произошло сразу после конных ристаний, где консула Виталиана приветствовали дружным ревом партии ипподрома. Феофан Исповедник добавляет, что непосредственными убийцами стали родственники тех, кто погиб по вине Виталиана во время гражданской войны. Таким образом, Юстин и Юстиниан вроде бы и не виноваты в этом убийстве.

Ну а что говорит наш скептический Прокопий? По его мнению, виновник расправы с героем гражданской войны только один: Юстиниан, который «беспричинно убил его во дворце вместе с его близкими», после чего занял важную должность магистра милитум. С этого времени Юстиниан становится высокопоставленным государственным деятелем и окончательно выходит из тени. Возможно, версия Прокопия близка к истине.

Между тем в стране разгорался огонь бунта. Православные считали, что им теперь всё по плечу. В правительстве Анастасия было много коррупционеров. Самые богатые и влиятельные из них являлись монофизитами. Гнев против монофизитов породил острое желание установить социальную справедливость. В городах империи начались

сходки и митинги, на которых представители цирковых партий выясняли между собой отношения. Анастасий поддерживал «зеленых» (прасинов). Они получали государственные посты, привилегии, земли и деньги. Юстин стал покровительствовать их противникам из партии «голубых» (венетов). Кроме того, он вернул из ссылки многих прежних чиновников и политиков и назначил их на высокие должности. Всё это носило характер политического переворота. Похоже, инициатором этих перемен оказался молодой племянник императора — Юстиниан.

Повсюду начались волнения. Юстин и его племянник даже не подозревали, какие грозные силы пробудили ото сна.

Стало понятно, что крестьяне и горожане жаждут много большего, чем восстановление православия. Они выступают против латифундистов, едва не захвативших власть во времена Анастасия. В городах стихийно образуются народные советы (это не модернизация, а выражение из хроники Феофана Исповедника), которые пытаются взять власть. Их кое-как контролируют венеты из столицы, но революция из православной становилась социальной. Вскоре Юстин обнаружил, что сидит не на троне, а на вулкане. При этом его ждет сюрприз: племянник Юстиниан стал поддерживать бунты.

8. СТАСИОТЫ

Любой протест, даже облеченный в форму религиозных споров, является отражением социальной борьбы. Или, выразимся мягче, социальных противоречий. Одним лишь небесным жить нельзя, поэтому религиозные дискуссии рано или поздно принимают земную форму. Протест против взяточников, плохого управления, социального неравенства — вот во что вылилась православная революция. Люди хотели справедливости и видели ее в принятии правильных церковных норм. Кстати говоря, многие еще помнили раннехристианскую «бедную Церковь». Византийцы жаждали перемен. Столь же страстно хотел их один из молодых лидеров православной революции — Юстиниан. После прихода дяди к власти он выдвинулся на первые роли, причем как вождь самых отъявленных бунтарей.

Это звучит парадоксально. Никто и никогда не рассматривал Юстиниана как социального революционера. В нем видели святого, грешника, полководца, администратора и юриста, но революционера — никто. Кроме... Прокопия Кесарийского. Мне трудно понять, почему исследователи проходили мимо его свидетельств, в то же время забот-

ливо собирая всякую чепуху, разбросанную тут и там в сочинениях этого автора.

Вся «Тайная история» пронизана ненавистью к политику, который стремится к новшествам и разрушает старый порядок. Этот политик — Юстиниан.

Что же произошло? В книге Прокопия мы видим, как в ходе православной революции на улицах византийской столицы объявились какие-то люди из новой политической секты. Они называли себя *стасиотами*. Что означает это слово?

Обратимся к далекому прошлому. В 361 году к власти в Римской империи пришел император Юлиан *Апостат*. В переводе — Юлиан Отступник. Он порвал с христианством и попытался восстановить язычество. Поэтому и сделался отступником в глазах религиозных историков. Тот же корень, что и в его прозвище, — в греческом слове «*апостасия*» — «отступничество», «мятеж». Те, кто призывают к мятежу, называются *стасиоты*. И здесь мы приходим к одной догадке. Прокопий не тот, за кого себя выдает. Вряд ли этот человек — православный. Для него константинопольская молодежь, которая носится по улицам, громит монофизитов и поддерживает Юстиниана, — это *стасиоты*, отступники. Отступники от чего? Получается, от монофизитской ереси. Не симпатизировал ли сам Прокопий монофизитам? Если только и это не камуфляж, прикрывающий нечто другое... Но об этом — позже. Из сочинения Прокопия ясно одно: что Юстин и особенно Юстиниан поддерживают движение «отступников».

Кто же эти отступники? Перед нами молодые люди, которые чинили в столице разные беспорядки. Сперва они выступали под лозунгами чистого православия, а затем стали нападать на богачей, требовать равенства и справедливости. Изначально *стасиотами* были молодые венеты, но затем к ним присоединились люди из других партий. Перед нами радикальное крыло цирка.

Ситуация в столице и крупных городах стала постепенно выходить из-под контроля центральной власти. Из сообщенного Феофаном Исповедником в его «Хронографии» следует, что комитеты местного самоуправления брали власть в городах и свержали бюрократов. «Голубые» стояли во главе мятежа. Где-то побеждали умеренные, где-то — радикалы. Прокопий неоднократно утверждает, что Юстиниан кровопрольствовал именно этим сорвиголовам.

Разумеется, среди *стасиотов* были хулиганы, грабители, маргиналы. Такие персонажи есть в любом революционном движении, будь

то Иран времен маздакитов, Франция конца XVIII века, Советская Россия эпохи Гражданской войны. Но больше всего напоминают стасиотов хунвейбины времен «культурной революции» в Китае. Та же агрессия, то же стремление к переменам, та же безоговорочная поддержка верховного вождя.

* * *

Юстиниан добивался власти страстно и откровенно, как добивается пылкий любовник предмета обожания. С помощью дяди-царя он сделался консулом.

Это звание молодой политик получил в 521 году — в 38 лет. Он использовал консульство как средство для достижения цели, которая была проста: власть над Ромейской империей. Нужно оговориться: власть была нужна Юстиниану не для наслаждений. Этот человек был скромен и неприхотлив. Он мало ел, презирал роскошь. Власть требовалась для того, чтобы построить справедливое общество. Как понимал Юстиниан справедливость, — вопрос другой.

Сразу после избрания он разослал во все провинции так называемые *диптихи* (таблички-«раскладушки» из слоновой кости, напоминавшие раскрытый переплет книги) со своим именем. Таков был обычай. Имя молодого политика узнали во всей империи.

Затем молодой консул Флавий Юстиниан устроил пышные торжества по случаю своего вступления в должность. Он сорил деньгами, чтобы приобрести расположение черни — столичных люмпенов, живших на государственные подачки. Кое-что перепало и рабочему люду.

Чернь пришла в восторг, не подозревая, что уже через десять лет, во время восстания «Ника», полководцы Юстиниана станут резать ее, как скот.

Расходы на консульство составили астрономическую сумму в 280 тысяч золотых монет. Юстиниан практиковал хлебные раздачи и устраивал зрелища. «В глазах толпы это был предмет не менее священный и важный, чем Никейский или Халкедонский символ веры», — иронизирует по этому поводу британский историк XVIII века Эдвард Гиббон. При вступлении консула в должность в цирке вывели на арену 20 львов и 30 леопардов. Состоялись скачки квадриг, блиставших золотым и серебряным убранством. Народ рыдал от восторга, делал ставки, азартно вопил и без меры превозносил нового консула.

В это же время Юстиниан вел закулисные консультации с сенаторами. Он хотел сделаться соправителем своего дяди Юстина, но претендента

ждала неудача. Сенаторы отправились к базилевсу и просили его сделать Юстиниана соправителем. Однако просьба была изложена в такой форме, что Юстин отказал. Вероятно, православная верхушка страны (с Келером и Проклом во главе) иносказательно дала понять, что не хочет этого назначения. Юстиниану стало ясно, что компромисса с высшим сословием, увы, не добиться. Магнаты и крупные чиновники увидели в нем врага — покровителя стасиотов. Предстояла внутренняя война.

9. МАЗДАКИТЫ

С кого Юстиниан брал пример в своем неожиданном бунте? Ведь как-то странно всё вышло. Православные лидеры поднимают венетов, те выступают как организованная сила, но в ее недрах быстро образуются дружины стасиотов, и вот мы видим, что бунтами охвачены многие города. Религиозные лозунги перерастают в социальные. Такого упорядоченного погрома под флагом социального протеста в истории Византии еще не было. Были гражданские войны или восстания рабов, но синхронного выступления молодежи и обездоленных в десятках городов не случалось. Мы имеем дело с абсолютно новым явлением. Перед нами необычная технология политической борьбы в густонаселенном государстве с большим количеством городов.

С кого брали пример стасиоты и их вожди? Ответ парадоксален: с иранской секты маздакитов, о которой мы уже упоминали на этих страницах.

О ней мало что известно. Перед нами тайное общество, история которого, по некоторым данным, начинается в IV или даже в III веке новой эры. Его создателей иногда объявляют последователями другой тайной секты: манихеев, но это неверно. Манихеем, к примеру, числили Анастасия, да и самого Юстиниана, которого Церковь впоследствии провозгласила святым. Так что это ничего не значит, хотя обвинение для тех времен было страшное.

Для современных людей имя «Мани» — пустой звук, а то, что это имя употреблялось в качестве чудовищного ругательства, — экзотика и странность. Однако вспомним, что означало быть троцкистом в СССР в 1937 году. Это политический приговор, после которого человек считался обреченным. Было время, когда гонения против манихеев достигали того же накала, хотя в первом случае мы имеем дело с политикой, а во втором — с религией.

Пророк Мани жил в III веке, он проповедовал в Месопотамии — нынешнем Ираке (в то время Ирак был частью Ирана).

Мани объявил мир ареной борьбы между Светом и Тьмой. Причем вся Земля в ее многообразии красок и живых существ — это порождение Зла (Аримана). Вырваться из круга зла можно только одним способом: изнузив свою плоть развратом. Для этого манихеи собирались вместе и устраивали жуткие оргии в темноте: освобождали душу от тела и от земных привязанностей. Это показалось ужасным тогдашнему шаханшаху Ирана, и пророка казнили.

Наследниками Мани объявляли впоследствии и стасиотов, и коммунистов. Но ясно, что ни Юстиниан со стасиотами, ни маздакиты не имели отношения к этому отвратительному учению. Коммунистов и социалистов всегда обвиняли в чем ни попадя, причем оправдаться им, вероятно, уже не удастся. Однако скажем еще раз: манихеями объявляли также Анастасия и прочих монофизитов. Да и не только их. Ими стали все еретики в глазах православных. Естественно, к «чистой» манихейской ереси они не имели ни малейшего отношения. Это было именно политическое или церковное ругательство, которое использовали в пылу полемики. Так что историк должен быть крайне осторожен, когда встречается с подобными терминами, и отделять зерна от плевел.

Но что же произошло в Иране — соседней с Византией стране? Как мы говорили выше, там имела место социальная революция. Она случилась в конце V века.

К тому времени Персия прочно увязла в проблемах. Она была феодальной страной, которой управлял *шаханшах*. В переводе с персидского это означает «царь царей». Вокруг него группировалась аристократия. Она делила власть с сословием *магов* (жрецов культа единого Бога — А х у р а М а з д ы). Феодалы и маги обладали обширными землями, частными армиями и немалым богатством. Их мечтой был слабый шаханшах, которым можно манипулировать в собственных интересах. Того же хотели и византийские магнаты по отношению к своему императору. Вероятно, шахский Иран оставался их идеалом. Но это была крайне близорукая позиция.

Иран не являлся моноэтничной страной. В нем жило множество народов. Удержать их в покорности могла только сильная центральная власть.

А власть не умела справиться даже с проблемами внутри господствующего этноса — иранцев. Триумф феодализма привел к тому, что представители высших сословий постепенно утратили все ограничения. Они лишали земли свободных земледельцев — *азатов* — и оставляли их без средств к существованию. Иранцы стали вымирать.

Эту коллизию неплохо показал в своем романе «Маздак» известный советский беллетрист Морис Шамис-Симашко. Правда, этот роман — больше о сталинских репрессиях и о том, как чернь извратила идею социальной революции. Эту революцию начинает «большелобый Маздак», но однажды он исчезает во время смуты, и власть захватывают «люди в черных рубахах». Во времена, когда писался роман, говорить об «ужасах сталинизма» можно было только иносказательно. Поэтому критики называли выведенных в романе чернорубашечников фашистами. Но все понимали, что речь идет об НКВД и репрессиях 1937-го. Под «большелобым Маздаком» подразумевался, понятно, Ленин как автор «чистой» версии коммунизма.

В своем романе Симашко нарисовал и образы византийских маздакитов. Это «еврокоммунисты». Они рассуждают об отвлеченных идеях социализма и неспособны понять страдания, которые переживают настоящие маздакиты в Иране.

Ясно, что герои романа не имеют ничего общего ни с подлинными маздакитами, ни с византийскими стасиотами... Да, собственно, и с процессами, происходившими в СССР в 30-е годы. Книга просто дает понять, что думала по поводу коммунистического переворота какая-то часть советской интеллигенции. Хотя роман сам по себе хорош, если отрешиться от лишних намеков и привыкнуть к тягучему библейскому стилю Симашко.

В недрах иранского общества родилась тайная секта, которая жаждала переустроить общество на началах социальной справедливости. Ее основателем был маг З о р о а с т р (Зердушт, тезка древнего основателя зороастрийской религии). В его честь последователей секты называли *зердуштакан*. Это были средневековые коммунисты.

Разница с манихеями у них огромна. Мани объявлял действительность порождением дьявола и призывал людей к саморазрушению. Коммунисты считали видимый мир прекрасным, но сильно испорченным. По их мнению, главная беда — хаос и несправедливое разделение материальных ценностей, когда лавиной долей богатств владеет кучка довольно посредственных людей. Например, у богатых князей имеются огромные гаремы, а рядовые крестьяне не могут содержать жену в единственном экземпляре и умирают, не оставив потомства. По мнению адептов равенства, это неправильно. А с точки зрения государственников — даже вредно. Недальновидные аристократы беспокоились только о себе и не понимали угрозы демографического спада. А представители тайной секты видели это очень хорошо. Они не были оторваны от народа и умели объяснить людям, кто есть кто в стране. Не потому ли иранцы за ними пошли?

Средневековые иранские «коммунисты» воспринимали мир как арену борьбы между Злом и Добром. В общем, такой же взгляд на жизнь был и у православных. Зло они называли Сатаной, а добро — Богом. Но православные обещали своим адептам Царство Небесное после смерти, а коммунисты хотели перестроить мир уже при жизни и сделать его лучше. Ни о каком бегстве в иные миры не было и речи. В этом — отличие и от христиан, и от манихеев.

По мнению членов секты *зердуштакан*, Бог создал великолепный мир, но тот ухудшился вследствие происков Аримана, который принес людям неравенство, зависть и прочие пороки. Если устроить мир на началах разума и отобрать излишки у богатых, всё образуется. Увы, действительность оказалась бесконечно более сложной, чем представления о ней первых коммунистов...

Из этого ни в коем разе не следует, что мы осуждаем коммунистический эксперимент. Точно так же было бы глупо осуждать феодализм, капитализм или рабовладение. Это данность. Люди пытаются приспособиться к жизни на планете, а идеи Маздака ничуть не хуже идей Кольбера или Милтона Фридмана.

В конце V века во главе революционной секты встал зороастрийский маг М а з д а к. Он набрал и организовал большое число сторонников. Приверженцем тайной доктрины стал даже Кобад — наследник иранского престола. В 488 году Кобад занял трон... и неожиданно перешел на сторону маздакитов. Мысль шаханшаха понятна. Он видел, что страна погибает под гнетом аристократии, хотел освободиться от всевластия князей и построить империю на новых принципах. Очень похоже действовали Юстин и Юстиниан в 518 году. Вряд ли это случайность.

К слову сказать, у средневековых «коммунистов» было много сторонников даже через несколько столетий после этих событий. Например, автор рифмованного иранского эпоса «Шахнаме», великий Фирдоуси, отзываясь о Маздаке вполне благосклонно.

Муж некий — Маздак было имя ему —
Блистательный по красноречью, уму,
Явился. Был знанием всяким богат,
Внимал его слову отважный Кобад.

Правда, затем поэт дает несколько негативных характеристик, но это понятно: его заказчиком был могущественный султан Махмуд Газневи, который, естественно, не одобрял социальных экспериментов.

Фирдоуси подробно и последовательно излагает учение Маздака и основные этапы иранской революции. Подробно останавливаться на этой теме не будем, но общий ход событий уяснить следует.

Всё началось с того, что в Иране возник голод. Крупные землевладельцы попрятали хлеб, а бедняки умирали от недоедания. «Невидимая рука рынка» истребляла чернь, которой не повезло родиться во дворцах. Тут и возник Маздак. Он предложил изъять часть продовольствия у богачей и распределить его среди бедняков. Этого было достаточно для того, чтобы Маздак заслужил ненависть в веках. О нем лгали, его образ рисовали черной краской, ему приписывали то, чего этот политик вовсе не совершал. Покушение на собственность правящей группировки — святотатство. Попробуйте сделать это сегодня — последствия будут не менее ужасны.

После дележа еды и спасения голодающих Маздак обрел невероятную популярность, а Кобад «свернул с пути предков», как выражается Фирдоуси.

Пошли за Маздаком тогда бедняки —
И дети, и юноши, и старики.
Отняв у одних, оделял он других,
В отчаянье вверг умудренных, благих.

Вместе с шаханшахом Кобадом на сторону революции перешли некоторые аристократы. Вероятно, не все среди них были эгоистичны. Многие понимали, что нужны перемены, иначе Иран погиб. Правда, и перемены не спасли страну. Советский академик Е. В. Тарле остроумно заметил как-то: «наиболее опасный момент для плохого режима есть именно тот, когда он делает попытки стать лучше».

В итоге Маздак возглавил правительство по приказу самого шаханшаха.

Не стоит преувеличивать «коммунистический» размах движения. Все окраины управлялись по-прежнему. Армения с ее *ишаханами* (герцогами), Иверия с царем и князьками, вассальные арабские шейхи на окраинах — все оставались на своих местах. Но в Иране части вельмож пришлось расстаться с богатствами. Они обозлились, устроили заговор, поймали Кобада и спрятали его в «башню забвения» (499). В такие сооружения обычно бросали покойников. Обратного пути отсюда не было.

Но Кобад спасся и бежал на восток — в Хорасан. Этой страной, как и Согдом, Хорезмом и Афганистаном, владели тогда *эфталиты* — памирские горцы, родственные таджикам и персам, создавшие крупную империю. Эфталиты помогли Кобаду: дали войско, и шаханшах возвратился в родную страну, чтобы мстить (501). Своих врагов-вельмож он жестоко наказал за измену. Кровь лилась рекой.

Во время смуты Маздак бежал, а затем вернулся и собрал какие-то отряды из простолюдинов для защиты революции. Эти отряды возглавил старший сын шаханшаха — Кабус.

Постепенно Кобад стал разочаровываться в Маздаке и его приверженцах. Кабуса он не любил и предпочитал ему младшего сына — Хосрова. Последнего поддерживали состоятельные люди, которых маздакиты не сумели или не захотели добить. Феодалы свергнуты, а чернь пора обуздать; шаханшах должен обрести полноту власти. Таково было мнение умеренных. В стране установилось нечто вроде двоевластия, и маздакиты терпели эту систему. В общем, свирепость и ужасы революции сильно преувеличены ее противниками.

Часть проблем революционерам удалось решить. Простолюдины получили землю, хлеб и женщин. Была создана сильная армия, которая стала одерживать победы над византийцами. Удалось покончить со многими зверствами и злоупотреблениями феодального режима. Поэтому идеи Маздака надолго пережили своего создателя, а его имя сделалось паролем простолюдинов, которые боролись против озверевшего начальства на Востоке.

Принципы маздакизма проникли за пределы Ирана. Вероятно, под их влияние попали многие ромеи: уж очень похожи стасиоты на маздакитов.

10. ГИПОТЕЗА

Рискну высказать мысль, к которой читатель, конечно, уже готов. Не был ли Юстин тайным маздакитом? Он вполне мог им стать во время персидской войны. А затем приобщить к этой идее Юстиниана и еще многих других выскочек из крестьянского сословия, которым были симпатичны идеи разума и справедливости. Возможно, ими были созданы тайные организации стасиотов, сказавшие слово в 518 году, после прихода Юстина к власти...

Пожалуй, наличие таких организаций и является одним из весомых аргументов в пользу нашей версии. Вспомним: римские принцепсы во времена Калигулы и Домициана тоже истребляли знать, чтобы усилить собственную власть. Такой режим был в известном смысле выгоден массам, которые поддерживали императоров. Но был он также выгоден провинциальным латифундистам, крупным торговцам, хозяевам мастерских, то есть неримской элите. Какими средствами императоры Рима боролись с сенатской аристократией? Они практиковали государственные полицейские преследования, политические обвинения

и казни с конфискацией имущества. В Византии времен Юстина и Юстиниана мы наблюдаем не только это. Перед нами тайные дружины, которые терроризируют знать и убивают неугодных императору людей. Но помимо террористического крыла революционеров мы видим и политическое: его представители захватывают муниципалитеты, смещают старых чиновников, ставят новых, и всё это осуществляется с прямого благословения Юстина и Юстиниана, о чем имеются ясные указания в исторических источниках. Нет, перед нами не отдельные стихийные выступления, а хорошо организованный революционный процесс, который напоминает революцию маздактивов в Иране.

Эти тезисы могут вызвать возражения историков, которые занимаются изучением данной эпохи. Но «коммунизм» Юстиниана — лишь гипотеза, которую до конца нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Хотя аргументов «за» очень много.

Главный из них — свидетельства Прокопия. Этот человек именует Юстиниана Антихристом в своей «Тайной истории». С чего бы такой жесткий эпитет? Не проще ли назвать императора манихеем? Но это не отражает сути. Слово «манихей» превратилось в ругательство. Манихеем обзывали даже царя Анастасия. Требовалось что-то более жесткое. Так появляется Антихрист.

В устах Прокопия ругательство выглядит странно. Ведь Кесариец, если взглянуть на него повнимательнее, даже не христианин. Кто он на самом деле по убеждениям и вероисповеданию, вопрос спорный, и мы его разберем. Пока лишь скажем, что убеждения Кесарийца далеки от православия. Тогда зачем ему понадобилось называть Юстиниана Антихристом? Вероятно, чтобы подчеркнуть его «антисистемность», необычность, вражду к римской старине. Для старых римлян Юстиниан был чужаком. Он выступал против прежнего государственного устройства, прежних законов и прежней социальной иерархии. Будучи человеком неприхотливым и скромным, Юстиниан боролся за равенство и под этим лозунгом отбирал имущество у богатых. Вот что не нравится Прокопию! На протяжении всей «Тайной истории» мы видим причитания, что император грабит состоятельных и «уважаемых» (друг другом) людей.

Прокопий много лжет на эту тему, лжет изощренно, изобретательно, не стесняется подтасовывать факты, но смысл очевиден. Император — Антихрист, ибо покусился на священный закон собственности и грабит свой же народ; то есть горстку избранных, которые сумели наворовать денег при прошлом режиме.

И виноват в этом именно Юстиниан, а не его безграмотный дядя Юстин. Этот старик плохо соображал и поддался на уговоры своего племянника-«стасиота». Из-за этого старый царь попустительствовал всякой разбойной сволочи. Такова версия Прокопия.

Правда, вскоре мы увидим, что «коммунизм» Юстиниана весьма умеренный. Перед нами возникнет скорее приверженец социального государства. Но он отбирал собственность у супербогатых — и этого достаточно, чтобы обвинить его во всех смертных грехах.

С другой стороны, идея социальной справедливости многолика. Существует множество вариантов «коммунизма». Похоже, что ранний Юстиниан воплощал один из них.

Итак, за обвинением православного царя в «антихристианстве» кроется нечто большее, чем просто ругательство. Прокопий пытается убедить своих христианских читателей, что его герой творит нечто из ряда вон выходящее. Это «из ряда вон» называется «социальная революция». Только она, сопряженная с покушениями на собственность, убийствами политических противников и появлением «выскачек» у власти, способна вызвать такую ненависть у приверженцев старины.

Один из этих приверженцев — Евагрий Схоластик. Это крупный юрист, вращавшийся в высших кругах, и он не любит Юстиниана. Конечно, Евагрий далек от того, чтобы называть царя Антихристом. Схоластик — православный человек и понимает пользу, которую принес христианской ортодоксии Юстиниан. Зато внутреннюю политику императора он безоговорочно ругает и откровенно говорит, что Юстиниан принес Ромейской империи много зла. Почему? Дело опять же в экзекуциях против богатых и в покровительстве стасиотам.

Идем дальше. Кесариец постоянно сравнивает Юстиниана и его восточного соседа — шаханшаха Кобада. Сходство поражает. Оба — сторонники перемен. Оба — покровительствуют черни. Оба — ниспровергают привычные законы. Даже в области отношений между мужчиной и женщиной они в чем-то схожи. Кобад сластолюбив, и он объявил «общность жен». Юстиниан, как мы видим из сочинения Прокопия, тоже любит занятия сексом. До введения общности жен он не дошел, но в итоге женился на порноактрисе. То есть был чужд условностей и общался с женщиной сомнительного поведения. Для истинно православного в этом нет позора. Раннее христианство было религией угнетенных. Сам Христос общался с блудницами. Юстиниан возвращал христианству первоначальный облик. Всё так... но его дружба со стасиотами, ненависть к богатым, стремление исправить законы и уравнять граждан,

как быть с этим? Наконец, куда девать заявления Феофана Исповедника о «народоправстве», учрежденном венетами в крупных городах? Всё это слишком сильно напоминает маздакитов, чтобы быть простой случайностью.

Был ли Юстиниан завербован иранскими «коммунистами» или пришел к идее равенства и справедливости самостоятельно — не столь важно. Тем более что с персами он скоро поссорился и отчаянно воевал. Но была и разница. Если на востоке социальные идеи оказались облечены в форму зороастризма, то в Византии пригодилось «чистое» православное христианство.

Итак, маздакиты и стасиоты очень похожи. Кажется, это ветви одного дерева. Но почему мимо этого сходства проходили ученые? Полторы тысячи лет никому из них не приходило в голову усмотреть сходство между двумя политическими течениями.

На наш взгляд, ближе всех к решению проблемы подошли А. А. Васильев и А. А. Чекалова. Первый в своей «Истории Византии» написал, что политика Юстиниана была направлена против крупного землевладения... и его выводы тотчас оспорили научные комментаторы. Вторая много говорила о движении стасиотов в небольшой монографии, посвященной восстанию «Ника», но, как нам кажется, преуменьшила его масштабы, воздержавшись от слишком смелых выводов.

Современный образ Юстиниана сложился в XVIII веке, когда английский масон Эдвард Гиббон написал свою многотомную «Историю упадка и разрушения Римской империи». Великий базилевс в этой книге стал одним из тех, кто способствовал упадку Рима: деспотом, который стремится к мировому господству. Примечательно, что даже Гиббон не верит до конца сочинению Прокопия Кесарийского, хотя идейно близок этому автору. В то же время ничего «революционного» английский автор в поведении Юстиниана не усматривает.

Но ведь не сошелся же свет клином на сочинении Гиббона? Нет. Однако Православная церковь канонизировала византийского царя. Следовательно, русские православные историки не могли усмотреть сходства Юстиниана с «коммунистическим» режимом Маздака. Слово «коммунист» было для православных ругательным. Поэтому даже такой замечательный историк Византии, как Ф. И. Успенский, православный человек по вере и монархист — по убеждениям, оставляет в стороне революционное прошлое Юстиниана или не видит его. То же можно сказать о другом историке-монархисте — Ю. А. Кулаковском, чья нео-

конченная «История Византии» являлась бы лучшим произведением об империи, если бы ученый не умер в 1919 году, успев подготовить лишь три тома своей фундаментальной работы. Юстиниан представлен в ней великим человеком, реформатором, законодателем и завоевателем, но отнюдь не революционером.

Но почему же советские историки не разглядели в Юстиниане «своего»? Объяснить это легко. Когда в России пришли к власти коммунисты, взгляды на политику византийского базилевса никто и не думал пересматривать. Православный царь, милитарист, завоеватель и вдруг — борец за социальную справедливость? За такое высказывание можно было поплатиться научной карьерой даже в мягкие и либеральные времена советского «золотого века» — в 1970-е.

Но посмотрим на проблему с другой стороны. Так ли «ужасны» были сами маздакиты? Вероятно, нет. Это был первый длительный опыт построения коммунистического общества, он продолжался несколько десятилетий. Но он имел крайне мало общего с коммунистической моделью в том же СССР, которую можно считать классической. Маздакиты сохранили значительную часть собственной аристократии, только слегка ее «раскулачили». Сохранили власть шаханшаха, придворную иерархию и титулатуру. Оставили в неприкосновенности политические режимы и общественное устройство на окраинах и в вассальных царствах — Армении, Ираке, Иверии. Точно таким же образом развивались события и в Византии. Первый опыт коммунизма оказался крайне мягким и осторожным.

Зато противники революции действовали очень жестко и напоисто. О том, как разгромили движение Маздака, мы еще расскажем. Опишем и крах византийской революции (который наступил благодаря тому же Юстиниану). Оба политических потока — иранский и ромейский — оказались чересчур слабы. И уж во всяком случае не так чудовищны, как о том писали позднейшие авторы, которые выполняли заказ шаханшахов и императоров. Маздак остался в официальных исторических сочинениях воплощением зла, а в народной памяти — героем и светочем добра. Именно с него берет начало коммунистическая идея, которую пытались воплотить в разных странах. С революцией Юстиниана всё обстояло сложнее. О ней забыли. Причем первым забыл... сам Юстиниан. Но это не значит, что ее не было.

Подведем итог. Для автора этих строк ясна идентичность стасиотов и маздакитов. Другое дело, что радикализм маздакитов преувеличен, а радикализм стасиотов недооценен. Поэтому вовсе не было ничего

необычного в том, что Юстиниан позаимствовал идеи равенства у своих восточных соседей, ибо он видел: под властью «коммунистов» Иран добился впечатляющих успехов в решении внутривосточных проблем, не говоря о внешней политике. Искушение пойти тем же путем оказалось слишком велико. И вчерашний крестьянин Юстиниан сделал шаг вперед.

В это время он ненадолго отвлекся от государственных дел. Петр Саббатий влюбился. Это произошло в разгар политической и социальной борьбы, которая разрывала Византию. О его романе мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА 3. ЛЮБОВЬ ЮСТИНИАНА

1. ПОХОЖДЕНИЯ ПОРНОАКТРИСЫ

Похоже, что Юстиниан встретил свою любовь благодаря «православной революции». На площадях и в храмах столицы не прекращались массовые волнения. Горячо обсуждали послание папы, спорили насчет православия отлученных Римом епископов, требовали расправы с чиновниками императора Анастасия.

Но какое отношение всё это имеет к любви молодого Петра Саббатия? Как вскоре выяснится, самое прямое.

Юстиниан никогда не зазнавался. Он охотно общался с представителями разных социальных слоев, был прост и доступен для всех. Часто виделся с молодыми стасиотами, обсуждал церковные и юридические дела, разговаривал на сходках, полемизировал по социальным вопросам. Видимо, во время одной из дружеских бесед ему рассказали про молоденькую женщину, которая живет на окраине столицы, живо интересуется религией и политикой и хотела бы встретиться с ним. Возможно и другое. Он мог увидеть ее на тайном собрании, на площади, в храме... Женщина принадлежала к цирковой партии венетов и была безумно красива. Ее звали Феодора.

Биографию Феодоры принято писать по Прокопию Кесарийскому. Автор «Тайной истории» не поспешил на сплетни. В его описании Феодора предстает звездой порно. Между прочим, это не модернизация. Один из церковных деятелей того периода, Иоанн Эфесский, как-то в полемике назвал базилису словом «порнейон» или «порнион». В русском разговорном переводе это означает «вульгарная особа».

Прав или нет церковник в своей характеристике — вопрос особый. Его слова можно трактовать двояко. Зато Прокопий в своем пасквиле

смакует подробности интимной жизни базилиссы. Они настолько шокировали исследователей, что ни один из них не решился пересказать Прокопия до конца. И английский вольнодумец Эдвард Гиббон, и отечественный историк Федор Успенский, и классик византиноведения француз Шарль Диль не рискуют привести полные цитаты из Прокопия о жизни Феодоры, ссылаясь на запреты цензуры. Однако мы живем во времена, когда цензуру заменяет охранительная плашка «+18», которая никого ни от чего не охраняет. Поэтому для большинства современных читателей этот параграф будет просто забавным. А для тех, кто беспокоится за собственную нравственность и мораль, автор снабжает эту часть книги надписью «+21», после чего может спокойно заняться пересказом сочинения византийского классика.

Отца Феодоры звали Акакий. Он работал уборщиком в цирке и принадлежал к партии «зеленых» (прасинов). Исполнявших такие обязанности называли в Византии «медвежатниками». Дело было во времена царя Анастасия, который покровительствовал «зеленым». Неясно, принесло ли Акакию какие-то выгоды членство в «правлящей партии». Скорее всего, нет. Главную выгоду от членства имели торговцы, служилая знать, латифундисты и люди, получившие хорошее образование. Они могли сделать карьеру. Для представителей низов путь «наверх» был закрыт.

Случилось несчастье: Акакий заболел и умер. Он оставил жену и трех дочерей: Комито, Феодору и Анастасию. Имя последней показывает, что Акакий был подхалим или действительно уважал тогдашнего императора: девочка названа в его честь. Так или иначе, вдова Акакия оказалась с тремя дочерьми на руках, причем старшей, Комито, не исполнилось и семи лет. Женщина решила подыскать другого мужа, который унаследовал бы должность Акакия. Однако все планы смешала коррупция. Решением кадровых вопросов занимался начальник мимов (цирковых клоунов) из партии «зеленых». Он получил взятку от третьего лица и продал должность «медвежатника» без всяких раздумий. Вдова Акакия вместе с дочками осталась без средств к существованию. Коррупция — бич любой империи — разъедала тело Византии. Это было наследие дряхлого Рима.

Вдова Акакия решилась на крайний шаг. Во время одного из представлений, когда в цирке травили диких зверей, «она, надев девочкам на головы венки и дав им гирлянды в руки, поставила их (у входа в амфитеатр), как просящих защиты», пишет Прокопий.

«Зеленые» проигнорировали просьбу вдовы. Но неожиданно помогли «голубые» (венеты). Вряд ли из этого можно сделать вывод,

что коррупция в их рядах была ниже. Хотя именно этот факт мог бы объяснить, почему Юстиниан впоследствии поддержал именно венецов и рекрутировал из них часть чиновников... Так или иначе, венецы помогли семье «медвежатника». Как раз в это время у них умер надсмотрщик за зверями. Должность отдали вдове и ее дочерям.

Девочки росли красавицами. Ухаживать за зверьем они, естественно, не хотели, но в цирке было много других профессий. «Когда девочки подросли, мать тотчас же пристроила их к здешней сцене (мимов)... но не всех в одно время, а постепенно, по мере того, как каждая, на ее взгляд, уже созрела для этого дела», — свидетельствует Прокопий. Переводя на наш язык, девушки стали актрисами столичной комиктруппы. Шутки скоморохов никогда не отличались пристойностью, а нравы — целомудрием. Это правило всех времен. Лишь в XX веке, благодаря кинематографу, возник культ актеров, а наиболее удачливые из них стали зарабатывать столько, что могли пренебречь сообщениями таблоидов о своей личной жизни.

В VI веке нравы среди лицедеев царили те же, только денег они получали гораздо меньше. Прокопий рисует типичную сцену восхождения актрисы в своем сборнике анекдотов: «Старшая из них, Комито, — пишет историк о дочерях Акакия, — уже блистала среди своих сверстниц и сотоварок, следующая за ней Феодора, одетая в короткий хитон с длинными рукавами, как полагается служке-рабыне, следовала за своей сестрой... и постоянно носила за ней на своих плечах сиденье, на которое в разных собраниях обычно садилась Комито».

Возникает вопрос: откуда деньги у старшей сестры? Ответ банален: поклонники. Это плата за беспорядочные половые связи, которые в приличном обществе называются «дружбой с богатыми покровителями». Видя пример сестры, Феодора быстро пошла по наклонной, ибо с детства имела тягу к роскоши. И тут в рассказе Прокопия начинаются непристойности.

«В это время Феодора, будучи еще подростком, не могла сходиться с мужчинами и отдаваться им, как женщина; но за деньги протитуировала себя, как это делают мужчины, с людьми, одержимыми дьявольскими страстями, между прочим, и с рабами, которые, провожая своих господ в театры, между делом, имея свободное время, занимались такими гнусными делами. Долгое время жила она в этом блуде, предавая свое тело противоестественному пороку». Ясно, что Прокопий имеет в виду анальный секс. Отношение к нему в древнеримском языческом обществе было гораздо проще, чем к сексу оральному. Ранняя Византия унаследовала те же стандарты.

Эти драгоценные упоминания о тогдашних нравах важны для исследователя. Нет разницы, лгал Прокопий или говорил правду относительно Феодоры (скорее всего, лгал, преувеличивая степень разврата императрицы). Но мы видим привычки столичного общества. Здесь и взятки, и педофилия, и ханжеская мораль. Языческие и христианские принципы борются друг с другом, и пока неясно, кто победит.

Феодора подросла и сама пошла в актеры. «Как только она стала взрослой и цветущей видом, она тотчас пристроилась при сцене и стала простой блудницей», — злобно констатирует Прокопий. Высоко ценились актрисы-музыкантши, но Феодора не отличалась блистательными способностями в музыкальном жанре. Учить музыке ее было некому. Она пыталась хоть как-то заработать на кусок хлеба и хотела выжить в многолюдной бессердечной столице, где смерть соседа встречали равнодушно, а увольнение чиновника — с радостью.

Феодора не попала в актерскую элиту, но она отличалась живостью и остроумием. Поэтому пошла другим путем, решив делать карьеру в юмористическом жанре. «Она стала выступать с мимами во всех театральных представлениях... чтобы вызвать смех шутовскими выходками, — вспоминает Прокопий. — Она была исключительно изящна и остроумна. Поэтому она, когда была на сцене, тотчас обращала на себя всеобщее внимание». Шутки подобного уровня никогда не отличались пристойностью.

«Эта женщина не стыдилась ничего и никто не видал ее чем бы то ни было смущенной, но она без малейшего колебания проявляла себя в самых бесстыдных действиях; когда ее хлестали или били по щекам, она способна была, вызывая громкий смех, остроумно шутить; скинув с себя одежды, она показывала зрителям голыми и задние и передние части, что даже для мужей полагается быть невидимым и закрытым», — ужасается Кесариец.

Ее заметили и оценили. В столичной богеме прошел слух, что юная девушка не отличается скромным нравом. Феодора ложилась в постель с новыми партнерами и брала у них деньги.

«По отношению к своим любовникам она, возбуждая их своими развратными шутками и при помощи различных ухищрений отдаваясь им все новыми и новыми способами, умела навсегда привязать к себе души этих распущенных людей; она не считала нужным ожидать, чтобы к ней обращались со словами соблазна, но, наоборот, сама вызывающим остроумием и нетерпеливым движением бедер соблазняла всех первых встречных, особенно безухих мальчиков».

Как говорили тогда, Феодора служила в «пехоте»; так называли низкооплачиваемых проституток.

Интересно, видел ли это Прокопий, писал по слухам, предался воображению или вспоминал собственные похождения с какой-нибудь цирковой актриской, когда сам находился в столице по адвокатским делам (ибо наш автор был юристом по образованию и первой профессии)? В этом месте текст переходит в добротную литературу, которая сделала бы честь авторам эпохи Возрождения. В VI веке никто не писал так ясно и красиво, как Прокопий из Кесарии. Но может ли эта эротическая новелла претендовать на документальную подлинность? Конечно, нет. В лучшем случае это художественное переложение сплетен о Феодоре, которые Кесариец услышал краем уха и расцвел подробностями в меру своего понимания. А понимал он немного. Обладая наблюдательностью и живым слогом, Прокопий был недалек, циничен и злобен. Такой набор качеств часто встречается у представителей творческой интеллигенции. Поэтому прекратим искать абсолютную истину в его воспоминаниях о прошлом императрицы и насладимся художественным описанием любовных походов молодой небогатой византийки с условным именем «Феодора».

«Не было никого, — утверждает Прокопий, — кто бы меньше ее проявлял слабость и чувство пресыщения от всякого рода подобных наслаждений; часто, приглашенная на обед, даваемый вскладчину, или на пикник, где было десять, а то и больше юношей, отличающихся большой физической силой и выносливых в делах распутства, она в течение всей ночи отдавалась всем сотрапезникам; когда они, ослабев, уже все отказывались от этих дел, она шла к их слугам, — а их бывало человек тридцать, — “спаривалась” с каждым из них, но даже и при этом она не получала пресыщения от разврата».

Перед нами не жизнь актрисы, а эпический рассказ о подвигах Геракла в постели. Совершенно очевидно, что нормальному человеку в здравом уме он не по силам. Откуда Прокопий нахватался этих сведений и на какую читательскую аудиторию рассчитывал? Складывается ощущение, что его читателями была группа диссидентов (религиозных или социальных — без разницы).

Наконец молодая женщина устроилась в легкомысленный театр-кабачок с музыкой, песнями и непристойными шутками в духе тех, с которыми Феодора уже выступала перед публикой. Простолюдины заходили в такие места нечасто — не было денег и времени. Богатые

студенты, молодые философы, чиновники, юристы, состоятельные прожигатели жизни охотно искали в таких местах развлечений и удовольствий. После выступлений многие актрисы соглашались на продолжение знакомства с молодыми развращенными посетителями. Прокопий считает, что одной из легкомысленных женщин была Феодора.

«Приглашенная в дом кого-либо из знатнейших лиц, когда, говорят, во время попойки все собутыльники разглядывали ее со всех сторон, она садилась на переднюю часть ложа и не считала для себя стыдом, подняв спускающиеся до ног одежды, бесстыдно показывать всякое неприличие», — смакует подробности наш историк. То же самое повторялось и при большом скоплении народа. «Часто в театре на виду всего народа она скидывала платье и оставалась нагой среди всего собрания, повязав свои половые органы и низ живота маленькой повязкой, не потому, чтобы стыдилась показывать это народу, но потому, что никому не позволялось здесь выступать совершенно обнаженным, не имея повязок на половых органах. В таком виде, медленно сгибаясь назад, она ложилась на землю лицом кверху. И она поднималась после этого, не только не покрытая краской стыда, но даже ожидая похвал и прославления за такое зрелище. Она была не только сама бесстыдной, но и гениальной учительницей всякого бесстыдства». Связи с молодыми людьми иногда заканчивались проблемами. «Она часто бывала беременной, — пишет прекрасно осведомленный Прокопий, — но при помощи различных средств многократно умела делать выкидыши».

Феодоре нравилось обнажаться. Ее тело было красиво, а кроме того — составляло прекрасный товар, который можно было продать. Прокопий утверждает, что будущая царица (и христианская святая) по-прежнему предпочитала анальный секс.

«А о тех, которые сходились с ней, тотчас можно было со всей ясностью заключить, что общение с ней у них происходит не по законам природы, — указывает Прокопий. — Поэтому более приличные люди, встречаясь с нею на площади, уклонялись и поспешно уходили от нее, чтобы, коснувшись одежд этой женщины, не заразиться такой грязью и нечистью».

Уверен, что большинству людей нашего развращенного века абсолютно всё равно, в каких позах занималась любовью молодая актриса, какие варианты предпочитала и к каким видам сношений прибегала чаще. Однако считаю своим долгом поймать Кесарийца на слове. Он же писал абзацем выше о том, как Феодора делала выкидыши. Откуда,

в таком случае, выводы о предпочтении анального секса? Эти мелочи всегда ускользали от взгляда историков из-за ложного стыда. Но в таком случае мы не можем опровергнуть чиновного лгуна, который считает возможным говорить всё, что вздумается, а мы застенчиво обходим молчанием его откровения.

Прокопий пытается обвинить Феодору не только в разврате. Ей приписывается скверный характер. «К своим же сотоваркам по театру она обыкновенно относилась, как самый ядовитый скорпион: она обладала большим даром злоречия». Но мы уже начали понимать, что всё, сказанное Кесарийцем, следует делить надвое. То, что говорит Прокопий о Феодоре, можно, например, сказать практически обо всех современных журналистах. Может быть, в Феодоре погиб замечательный репортер?

2. ЗНАКОМСТВО С ЮСТИНИАНОМ

Как любая женщина, Феодора стремилась устроить свою жизнь. На молодую актрису обратил внимание чиновник Гекебол, происходивший из палестинского города Тир и служивший некоторое время в Константинополе. Наконец его назначили префектом Пятиградья — провинции в Кирениаке (на востоке современной Ливии). Похоже, Гекебол отличался большим сластолюбием, и юная звезда столичных театров могла его удовлетворить. Актриса и чиновник познакомились в Константинополе, позже Феодора последовала за любовником в Ливию «с тем, чтобы служить самым позорным его страстям», как выражается Прокопий. Но что-то не заладилось. Феодора разругалась с Гекеболом, и чиновник ее прогнал. Речь ни в коем случае не идет об измене молодой женщины. Прокопий не упустил бы случая рассказать об этом. Возможно, Феодора пыталась женить Гекебола на себе, а тот жениться не захотел.

В итоге будущая императрица оказалась на улице без гроша. Это произошло перед воцарением Юстина. «Ввиду этого она попала в тяжелое материальное положение и в дальнейшем добывала себе пропитание, торгуя по обычаю незаконно своим телом», — передает очередную сплетню Прокопий. Из Киренаики она бежала в Египет и обосновалась в его тогдашней столице Александрии.

«Затем, пройдя по всему Востоку, возвратилась в Византию, в каждом городе занимаясь такими делами, что не будет милости божьей над тем человеком, который только назовет их своим именем; как будто бы демон не хотел допустить, чтобы существовало такое место, кото-

рое не испытало на себе распушенности Феодоры. Так суждено было родиться и воспитаться этой женщине и стать прославленной среди многих городских блудниц и в глазах всех людей».

Во время путешествия по Востоку Феодора близко познакомилась с религиозными воззрениями тамошних людей. Восток был монофизитским. Женщина завела знакомства в этой среде и впоследствии много общалась с монофизитским духовенством. Наконец, после долгих месяцев скитаний, будущая базилисса возвратилась в столицу. К тому времени империей правил Юстин, и страна бурлила. Казалось, маленькому человеку, женщине, делать здесь нечего. На площадях клокотали многотысячные сходки, на улицах бандиты грабили прохожих, благо все грабежи можно было списать на «революционеров». В Константинополе Феодора поселилась где-то на окраине в маленьком домике.

Неожиданно для многих она стала интересоваться политикой. Для начала Феодора вспомнила, что принадлежит к партии венетов. Однако старые консервативные венеты ее не устроили. Феодора, бедная молодая женщина, примкнула к радикалам.

Стасиоты развернули настоящий политический террор в столице: убивали богачей и требовали реформ. Прокопий называет это разбоем, но перед нами политические убийства. Их тайно одобрял Юстиниан, а его дядя пытался дистанцироваться от сомнительных начинаний. По сути, помощь стасиотам можно квалифицировать как государственное преступление, но всё не так просто. Богатые люди не были невинными жертвами. Они имели штат клиентов, охрану, а некоторые даже содержали частные армии. Вероятно, уличные сходки проходили отнюдь не бескровно: стасиотов тоже убивали. Мы видим, что перед воцарением Юстина вокруг дворца шли настоящие бои. Богачи выступали против царя-крестьянина, опираясь на клиентов и наемников. Юстин и Юстиниан в свою очередь прибегли к поддержке стасиотов. Бунтари выступали на сходках и сражались на улицах Константинополя с приверженцами старых порядков. Такие же побоища шли во всех крупных городах империи. Новая Византия сражалась со старой.

И вот — стасиоты познакомили Юстиниана с одной из своих сторонниц, молодой женщиной по имени Феодора. Бывшая актриса теперь вела себя как набожная христианка и не предавалась разврату. Ее увлекла другая идея: идея политического переворота. Можно было отомстить старым врагам, всей этой золотой молодежи, которая властвовала над столицей при Анастасии и использовала Феодору как забаву.

Стасиоты отнеслись к Феодоре иначе, чем богатые хлыщии: в актрке видели человека, уважали за ум, готовы были закрыть глаза на прошлое и вместе с ней мечтали о будущем, которое виделось безоблачным и свободным.

Прокопий прямо увязывает роман Юстиниана и Феодоры со взрывом социального протеста в империи.

«Да и самые политические дела служили поощрением этой любви, — рассуждает Кесариец. — Вместе с ней Юстиниан еще больше стал развращать народ не только здесь (в Византии, то есть в Константинополе), но и во всей Римской империи. Они оба издавна были членами партии венетов (“голубых”), и в руки этих мятежных людей, на их полный произвол, они отдали весь государственный строй».

Феодора происходила из низов, но таким же выходцем из просто-народья был и сам Юстиниан. Скромный, деловитый, всегда простой в общении, он мог похвастать разве только образованием, но не происхождением. Да и образование получил лишь потому, что повезло: помог дядя. Среди стасиотов он был своим. Впрочем, отличия всё же были. Юстиниан обладал феноменальной энергией и работоспособностью. Он был хитрее, осторожнее, харизматичнее, жестче обычных людей. Стасиоты видели в нем вождя.

В случае с Феодорой политика переплелась с любовью. Встретившись однажды, молодые люди полюбили друг друга сразу и на всю жизнь. Несомненно, они понравились друг другу. Возникло физическое влечение, причем очень сильное. Феодора была опытна в сексе и могла показать Юстиниану такое, чего он не знал. Сам же Юстиниан был, по словам Прокопия, ненасытен в любви. Это единственная слабость, которую мог себе позволить этот человек. Ел и спал он крайне мало, поддерживал физическую форму, материальных пристрастий не имел, оставался скромен в быту. Но соития с Феодорой — это другое. Юстиниан отдавал этому без остатка всё свободное время, которого было немного. По мнению Кесарийца, это свидетельствует о сатанинском происхождении императора. Вместо того чтобы умерщвлять плоть, он, видите ли, предается похоти с бывшей блудницей.

Итак, молодых людей — Юстиниана и Феодору — объединили секс и политические убеждения. Но, кроме того, были общие взгляды на жизнь. Оба хорошо знали быт народа, симпатизировали стасиотам, исповедовали православие, обладали острым политическим чутьем. Если у мужчин это встречается довольно часто, то для женщины поли-

тическая интуиция и умение принимать грамотные решения в масштабах страны — редкость. Возможно, потому, что женщин не так часто допускают к власти. Юстиниан разглядел в Феодоре не только красивую женщину, но и блестящего политика. Огромная заслуга этого императора состоит в том, что он дал своей спутнице в полной мере раскрыть политический талант. И это вновь показывает Юстиниана с необычной стороны. Историки всегда пишут о его деспотических замашках, единоличном правлении. Но мы уже могли убедиться в том, что такой взгляд однокбок. Деспот возглавляет революционеров и переворачивает страну вверх дном, затеяв социальные реформы. Это уже непривычно. Да и властью своей Юстиниан охотно делился с теми, кому доверял. Правда, доверял он не всем. Феодора быстро попала в круг людей, к которым будущий император питал чувство доверия. Молодая женщина стала его опорой и единомышленником. Никогда Феодора не изменяла Юстиниану — ни политически, ни физически. Этот человек удивительно правильно выбрал спутницу жизни. Это не значит, что у Феодоры не имелось недостатков или качеств, которые вызывали бы неприятие. «Святая» царица вовсе не была святой. Но она не являлась и исчадием ада, которое рисует Прокопий.

Какими они были, Юстиниан и Феодора, когда встретились? Наилучшее представление об этом дает знаменитая мозаика Сан-Витале.

Если вы приехали в Италию, обязательно посетите Равенну. Старый город почти не тронут временем. Узкие улочки хранят память о последних императорах Гесперии и о готских королях, а византийские церкви VI—VII веков помогают ощутить атмосферу раннего Средневековья. Именно здесь находится церковь Сан-Витале, построенная в эпоху Юстиниана и украшенная великолепной мозаикой. Эта картина, изображающая базилевса, его супругу и приближенных, не менее знаменита, чем сам храм, она украшает страницы всех учебников по истории Византии. Но увидеть мозаику своими глазами — совсем другое дело. Давайте рассмотрим в лица людей.

Юстиниан и Феодора невысокого роста, но очень красивы. Он плотного телосложения, с волевым подбородком, украшенным ямочкой. Прямой нос, большие внимательные глаза, выющиеся темные волосы — настоящий византийский тип.

Эти благородные лица живьем сегодня можно увидеть разве что в болгарских исторических фильмах советской эпохи вроде картины «Хан Аспарух». Волевые подбородки, огромные глаза, красиво очер-

ченные губы, высокие лбы. Типажи словно сошли с византийских икон. Это не славянские, а ромейские лица.

...Столь же прекрасна и Феодора. Прокопий дополняет ее портрет, говоря, что женщина имела матовую кожу и быстрый взгляд. Маленькая, изящная, стройная и большеглазая, она исполнена чувства собственного достоинства и прекрасно понимает, какая великая историческая миссия выпала ей. Кажется, она поняла это сразу, как только встретила Юстиниана в Константинополе. Если эта женщина и вправду была в молодости шлюхой, то она полностью перечеркнула свое прошлое и блестяще сыграла роль великой царицы. Вернее будет сказать, что шлюха оказалась случайной ролью для той, кто была истинной царицей и одной из самых великих женщин в истории человечества.

Почти сразу после встречи они стали любовниками. Расчетливая Феодора немедленно попыталась сделать из любовника мужа. Юстиниан не возражал. Трудно поверить, что им владела одна только страсть. Она сочеталась с умением тонко разбираться в людях. Недовольная властью бунтарка, приятельница стасиотов, честолюбивая интриганка, бывшая актриска, которая, однако, сошла с неверной дороги — эта женщина подходила ему, вчерашнему провинциалу, который добился всего в этой жизни только благодаря случаю.

На Феодору излился дождь благодеяний. Юстиниан выхлопотал у своего дяди-императора титул патрикии для своей любимой. Патрикия — это патрицианка. Такой же титул носил, как мы уже говорили, франкский король Хлодвиг. Юстиниан уравнил в правах шлюху и короля. Тоже элемент революции, хотя и своеобразно поданный. Для молодого Юстиниана не существовало запретов.

Юстиниан видел себя в мечтах римским императором, а Феодору — императрицей. Однако, решив жениться, он обнаружил неожиданное препятствие. Юстин, человек простой и понимающий жизнь, не возражал против брака племянника с любимой женщиной. А вот Евфимия-Лупикина не хотела видеть рядом с собой грязную актрису. «Пока была жива императрица (Евфимия), Юстиниан никак не мог добиться того, чтобы сделать Феодору своей законной женой», — вспоминает по этому поводу Прокопий. Но жить старой царице пришлось недолго. Она заболела и умерла. Теперь ничто не мешало Феодоре и Юстиниану соединиться. Ничто, кроме действующего в Ромейской империи законодательства.

Сам Юстиниан в то время обладал званием патрикия, как и Феодора. Кроме того, он был членом сената. Людям, занимающим такое положение в обществе, законодательно запрещалось связывать себя бра-

ком с актрисами. Низкая нравственность театралок ни для кого не была секретом. Пришлось добиваться отмены закона. Перечить племяннику царь не стал, и сенаторы приняли новое постановление.

Юстиниан и Феодора тотчас отправились в церковь и стали мужем и женой перед Богом. Христианская мораль оказалась милосерднее языческой. Вероятно, скандальный брак осудил весь столичный бомонд, включая бывших любовников Феодоры. К Юстиниану они прониклись плохо скрытым презрением.

Прокопий не может уняться. Он передает то, что говорили в его кругу старые чиновники и ханжи: «Женившись на ней, Юстиниан даже не почувствовал всей оскорбительности своего положения, что он, который мог выбрать себе законной супругой из всей Римской империи женщину наиболее благородного происхождения, воспитанную в замкнутом кругу, исполненную чувства глубокой стыдливости и скромности, обладающую ясным и чистым разумом, кроме того — выдающуюся красотой и девической нежностью, бывшей поистине “прямогрудой” (с полными, пышными и прямыми грудями), он почел для себя наиболее достойным сделать своей собственной женой отверженную женщину, общую скверну всех людей, не стыдясь ничего, что было раньше».

Правда, ни один недовольный не высказался открыто.

Великий византинист Шарль Диль находит очень странным, что никто, кроме Прокопия, не писал о Феодоре как о публичной женщине, а потому сомневается в ее прошлом. Но это не аргумент. Одни боялись, другие стеснялись, третьи говорили вполголоса, а устные речи до нас не дошли. Более того, этой ситуацией удивлен не только Диль, но и сам Прокопий.

«Вот что действительно нужно отметить, — пишет он, — никто и из сенаторов, видя тот позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому: все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству. Больше того: ни один из церковнослужителей открыто и громко не протестовал. И беспрекословно они все готовы были провозглашать ее владычицей. И тот народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей».

Итак, богатые «уважаемые люди», которых понемногу убивали во время уличных потасовок, увольняли с должностей, штрафовали за преступления и проступки, — все эти люди тихонько осуждали Юстина

за его малодушие и царского племянника — за его брак. Зато стасиоты рукоплескали. Юстиниан был свой человек, настолько простой, что женился на обычной женщине. Над Византией дул ветер перемен.

Брак Юстиниана и Феодоры оказался на редкость удачным. Муж и жена счастливо прожили вместе четверть века, и разлучила их только смерть. Но первый год после брака наслаждаться друг другом Юстиниану и Феодоре пришлось недолго. Началась война с персами, которые хотели использовать беспорядки в Византии в своих целях.

Войне предшествовали напряженные и замысловатые переговоры в стиле персидской дипломатии.

ГЛАВА 4. МАЗДАКИТЫ ПРОТИВ СТАСИОТОВ

1. УДАР С СЕВЕРА

Казалось бы, очень странно: две державы, в которых побеждает социальная революция, начали воевать между собой. С точки зрения историков-марксистов этот факт вообще необъясним. Возможно, поэтому социальные волнения в Византии они предпочли не заметить или, заметив, не смогли правильно оценить.

Если придерживаться интернационалистской концепции истории с примитивно понятым лозунгом «пролетарии всех стран, соединяйтесь», мы действительно не сможем ничего объяснить. Однако по отношению к международным связям государств эта концепция не работает. Она лишь вывеска — такая же, как «свободное общество» Запада. Но если то и другое — элементы пропаганды, что же остается? Остаются имперские интересы крупных держав. Они-то и наполняют бесконечными конфликтами мировую историю. Причем идеология внутри империи не имеет значения для внешней политики.

Важный момент, который не позволял иранцам и византийцам понять друг друга, — этнопсихология. Перс и ромей по-разному видели мир. Различий между этими людьми больше, чем сходств. Сейчас, когда много говорят о толерантности и дружелюбии, понять это сложно, хотя разговоры остаются разговорами, а в межнациональных конфликтах по-прежнему льется кровь.

В Средние века отличить чужих от своих было легче, чем сегодня. Индикатором являлась религия. Иранцы исповедовали зороастризм. Они верили в добрых богов — Ахура Мазду, Митру, Анахиту. Им противостоял злой демон Ариман. Византийцы верили в Троидного Бога, с которым борется Сатана. Казалось, силы добра очень похожи

в этих религиях, как и силы зла. Но христианство — прозелитическая религия. Ее активно проповедают, чтобы уловить как можно больше душ на земле. Христианином (а значит ромеем) мог сделаться любой: славянин, грек, армянин.

Зороастрийцем стать невозможно, им нужно родиться. Арийцы были нацистами и не принимали к себе чужаков. Этот нюанс психологии отделял ромеев от иранцев, делал один этнос не похожим на другой. Если бы не религия, они придумали бы иные различия, которые помешали бы двум разным народам понять друг друга. Этнос — явление природы, а ее законы невозможно победить ни примитивной борьбой с национализмом, ни разговорами о толерантности.

В Византии национализм тоже был, но другой — имперский. Здесь не смотрели на цвет кожи, разрез глаз, форму носа. Если ты христианин и признаешь ромейского базилевса, исправно платишь налоги и живешь по закону, значит, ты — ромей. Такая система была очень гибкой, и она позволила Византии пережить Иран.

Вот почему маздакиты и стасиоты не могли друг друга понять. Идею они восприняли одну — социальную справедливость. Но воплощали ее по-своему, и тут разошлись окончательно.

* * *

Иранский шаханшах Кобад был политическим тяжеловесом и просчитывал свои поступки на много ходов вперед. Как только на престол Византии взошел Юстин, персидский правитель стал зондировать почву. Чего ждать от нового режима в Константинополе? Сообразив, что в Византии началась революция, иранский владыка замыслил войну. Он хотел воспользоваться нестабильностью, чтобы оторвать от Византии несколько провинций, а если получится — навсегда сокрушить враждебную империю. Сказано — сделано. Шаханшах начал искать союзников. Это произошло примерно в 520 году.

Подходящим союзником казались утургуры (восточные болгары), кочевавшие на Кубани. Вместе с ними шаханшах предполагал напасть на византийскую часть Армении.

В то время утургурами правил хан по имени З и л и н г д. Такова византийская транскрипция. Иногда она сильно расходилась с подлинными именами политиков, однако записи велись тогда лишь в Византии да в христианских монастырях Гесперии. Утургуры письменности не знали. Поэтому понять, как звали Зилингда на самом деле, вряд ли удастся.

К хану отправились сразу два посольства — от персов и от византийцев. Обе стороны склоняли Зилингда к союзу.

Первыми на Кубани оказались всё-таки византийцы. Они передали подарки и просьбу Юстина о союзе. Зилингд «склонился на его предложение и обещал клятвенно, по обычаю отцов, воевать с ними против Персов». Так пишет Феофан Исповедник.

Затем явились персы. Дипломаты шаханшаха действовали столь искусно, что хан Зилингд отказался от союза с ромеями и пообещал поддержать Кобада.

История на этом не кончилась. Разведка Юстина работала превосходно. Она донесла императору о предательстве кубанского хана. Император и его советники тотчас разыграли блестящую комбинацию. Юстин передал шаханшаху, что хан Зилингд подкуплен византийцами и готов предать персов. Не лучше ли прогнать Зилингда, жить в мире «и не дать этим псам играть собою»? Кобад был поражен. На чьей стороне Зилингд? Не предаст ли он персов, как предал византийцев?

Тем временем болгарский хан явился в Закавказье с двадцатитысячной конной армией. Шаханшах привел собственные войска на соединение с утургурами и встретился с ханом. Состоялись тайные переговоры, о которых толком никто ничего не знал. Ясен лишь итог: Кобад убил хана и перерезал его воинов. Спаслись немногие. Интрига византийцев полностью удалась. Они получили передышку, а утургуры сделались врагами персов. Правда, ромеи не смогли передышкой воспользоваться: страну лихорадило от борьбы партий и выступлений стасиотов. Но и персы медлили. В этот момент Кобад придумал план, как присоединить Византию вообще без боя.

2. ПИСЬМО ШАХАНШАХА

«Правитель Ирана и Неирана» (так именовали его придворные) направил послов в Византию с неожиданным предложением: не хотел бы Юстин усыновить принца Хосрова, сына Кобада? Шаханшах уже стар, а отпрыск его молод. Он нуждается в покровительстве. Ссоры кончились, недоразумения улажены. Надо дружить.

«То, что мы претерпели со стороны ромеев несправедливости, ты и сам знаешь, — писал шаханшах, обращаясь к Юстину, — но все обиды на вас я решил окончательно забыть... Я предлагаю тебе сделать моего Хосрова, который будет преемником моей власти, своим приемным сыном».

Поначалу Юстин и Юстиниан восприняли письмо как большую моральную победу над иранцами. Похоже, власть Кобада слаба, и он

ищет покровительства ромеев. Однако пыл императора и его племянника охладил квестор Прокл. Он сказал:

— Мы сейчас рассуждаем о том, чтобы под благовидным предлогом передать персам государство ромеев. Они, совершенно не стесняясь, выставляют свое требование отобрать у нас все государство, прикрывая обман личиной простодушия. Это посольство с самого начала имеет целью сделать Хосрова наследником ромейского базилевса. По естественному праву имущество отцов принадлежит их детям. Посему, если вы согласитесь на первое предложение, вам останется принять и всё остальное.

Замечание умного юриста отрезвило Юстина. Император и его племянник решили не торопиться с ответом.

Кобад занервничал. Он прислал другое письмо, где говорил о том, что собирается направить в Ромейскую империю большое посольство. Послы должны были заключить вечный мир и письменно оформить усыновление Хосрова. Всё это выглядело весьма подозрительно и подтверждало опасения Прокла.

Юстин ответил шаханшаху вежливым письмом. Условились, что следующие посольства Ирана и Византии встретятся на границе империй и там выработают принципы мирного договора.

Вскоре дипломаты отправились в путь. Византийскую делегацию возглавил Ипатий, племянник императора Анастасия. Это был тот самый Ипатий, что прославился военными неудачами. Теперь его способности проверили на дипломатическом поприще. К тому времени Ипатий занимал должность префекта Востока — одну из ключевых в стране. Он обладал большим влиянием и был опасным противником императора, если бы захотел поднять мятеж. К счастью, Ипатий и на сей раз упустил шанс.

Со стороны иранцев в переговорах участвовал некто Сеос; так его называет Прокопий. Современные исследователи полагают, что под этим прозвищем кроется знаменитый в то время иранский политик и полководец Сиявуш. Он принадлежал к старой знати, но перешел на сторону маздакитов и стал командовать вооруженными силами Иранской империи. Прокопий характеризует его как бескорыстного служаку, преданного идее социальной справедливости. Вместе с Сиявушем на переговоры отправился другой иранский военный, которого Кесариец называет «Мевод, имевший должность магистра». По-ирански его звали Махуд, и он происходил из знатной парфянской семьи Суренов (что заставляет опять-таки усомниться в пресловутой радикальности маздакитов).

Если верить традиции, то «коммунистические» последователи Маздака перебили всю аристократию. Однако иранское посольство возглавляют Махуд Сурен и Сиявуш — родовитые князья. Это значит, что гекатомбы репрессированных в ходе революции персидских дворян — обычное в таких случаях преувеличение.

Итак, Сиявуш и Махуд направились к ирано-византийской границе. Вскоре к ним прибыл молодой Хосров, чтобы отправиться в Константинополь на церемонию усыновления, если переговоры завершатся успешно.

Однако дискуссия между ромеями и иранцами зашла в тупик. Сиявуша втянули в спор о границах. Тогда иранец заявил, что ромеи незаконно захватили обширные земли и, в частности, распространяют свое влияние в Лазике (Западной Грузии), хотя эта страна тяготеет к Ирану.

Ипатий и его коллеги «сочли для себя глубоко оскорбительным то, что даже Лазика оспаривается персами». В ответ они сообщили, что усыновление Хосрова византийцы готовы произвести по обычаю варваров: с передачей почетного оружия и без всяких бумаг. «Это показалось персам нестерпимой обидой». Их планы по захвату Ромейской империи рушились. Что такое вручение оружия? Нечто вроде церемонии между вассалом и сюзереном. Иранцы рассчитывали совсем на другое. А именно, что во все города Византии поступят копии документа об усыновлении. И тогда Хосров сможет сыграть свою игру. Прокопий убежден, что с этого времени Хосров затаил злобу на коварных ромеев, которые не дали себя обмануть.

Показателен был и выбор византийцами самих дипломатов. Главой посольства стал Ипатий, связанный с прежним режимом, а не какой-нибудь стасиот. Персам дали понять, что, какие бы волнения ни происходили в Византии, разница между Ромейской империей и Ираном останется незыблемой.

Когда иранские дипломаты возвратились домой, в провале переговоров обвинили Сиявуша, который некстати потребовал Лазику. Государственный совет приговорил его к смерти.

Византийцы, со своей стороны, обвинили Ипатия в неудаче переговоров, ведь мир с персами заключить не удалось. Поступил донос с обвинением незадачливого префекта в государственной измене. Юстин приказал пытать нескольких советников Ипатия, но те ни в чем не сознались. Префект был отрешен от должности. Ипатий затаил злобу на императора. Правда, племянник Анастасия оказался ленив,

бездарен и долгие годы бездействовал. Иначе государство ожидали бы серьезные потрясения.

3. ПОВОД К ВОЙНЕ

Кобад не боялся войны. Его армия была сильна, а Эраншахр (Иранская страна), очищенный революцией, процветал.

Фронт грядущей войны между персами и ромеями был очень широк. Он начинался на Кавказе, проходил через Великую Армению, деля ее на две неравные части (две трети этой большой страны принадлежали персам и лишь одна треть — ромеям) и далее сворачивал в Месопотамию. Там он проходил в нынешнем Северном Ираке. Ромеи выстроили в этих краях мощную крепость Анастасиополь (Дара), которая преграждала путь в глубину их земель.

Еще южнее находилась Аравия. Византия и Иран поделили ее на сферы влияния. В нынешнем Западном Ираке правила арабская династия *лахми*. Ее представители подчинялись шаханшахам и постоянно нападали на ромейские земли. Византийцы противопоставили ей другое племя арабов, *гассани*, которое проживало на востоке Сирии и Палестины. Это племя приняло христианство в его монофизитской версии и вело постоянную борьбу с иракскими арабами. На юге Аравийского полуострова, в Йемене, находилось царство *химьяр*, за влияние в котором боролись персы и византийцы. Центральную часть Аравии занимал племенной союз *бану кинд*, опять же союзный византийцам. К западу от Аравии у ромеев имелся искренний друг — эфиопское царство Аксум, цари и народ которого являлись монофизитами.

Такова была протяженность фронта, вдоль которого Иран и Ромейская империя вели борьбу за господство.

Территориальные аппетиты двух империй были неодинаковы. Византийцы претендовали на «Персоармению», Иверию и Месопотамию. Все эти страны когда-то зависели от римлян. Так что экспансия выглядела как благородное стремление восстановить границы.

Не менее благородны были и намерения иранских шаханшахов. Они пытались восстановить древнюю империю Ахеменидов — первых царей Ирана. Это означало, что они претендуют на Сирию, Египет и Малую Азию, то есть почти на всю Византию. А если учесть, что в лучшие времена древние персы владели Фракией, Македонией и даже Афинами, византийцам было о чем задуматься. Враг зарился на всю их империю.

Военными операциями ромеев руководили Юстин и Юстиниан, причем последний выказал талант стратега. Юстиниан учился плани-

ровать операции, решать проблемы снабжения, просчитывать передвижения войск. Все эти навыки пригодятся в те времена, когда он станет императором и займется планированием грандиозных операций по завоеванию Гесперии.

Боевые действия между персами и византийцами начались на Кавказе в 522 году. Ключевую роль для господства в регионе играло обладание двумя царствами: причерноморской Лазики и горной Иверией. Первая из этих стран входила в сферу влияния Византии, вторая — Ирана. Иверы и лазы исповедовали православие халкедонского толка, то есть ощущали духовную близость с ромеями.

Чтобы пополнить армию, шаханшах Кобад заставил иверского царя **Цатия (?—522)** принять зороастризм (Прокопий называет иверийца другим именем — Гурген, но перед нами одно лицо). Возможно, Цатий был женат на иранской княжне или царевне. Да и основатель рода правителей Иверии принадлежал, по преданию, к числу иранских принцев. Цатию и его дружинникам предложили вернуться к вере предков — зороастризму, отвергнув яд христианства. Но царек остался православным и попросил помощи у византийцев.

Византийская армия находилась в плохом состоянии из-за «революции стасиотов». Поэтому Юстин и Юстиниан сделали ставку на дипломатию. Они отправили посольство на Кубань, к недавно побитым персами утургурам, с предложением напасть на Иран. Посольство возглавил племянник Анастасия — Проб. Оно потерпело провал. Тогда Юстин перебросил на Кавказ небольшой отряд наемных угров. Наемники прошли через Лазику и явились в Иверию.

Шаханшах «послал против Гургена и иверов весьма значительное войско во главе с военачальником, родом персом... по имени Вой», — пишет Прокопий. Угорских наемников оказалось крайне мало для того, чтобы отразить нашествие. Цатий бежал в Лазику вместе с женой, братьями и детьми. Там он организовал сопротивление, сражаясь в горных ущельях. Дальнейшая судьба Цатия неизвестна. Вероятно, он поступил вместе с семейством на службу ромейскому императору.

Кампания 522 года завершилась вничью. Чуть раньше персы попытались атаковать владения Византии на крайнем юге огромного фронта, в Йемене. Тамошний царек Юсуф зу-Нува с, еврей по происхождению, произвел государственный переворот, вырезал ромейских купцов и перебил 13 тысяч христиан, живших в его стране. Он пытался заручиться поддержкой маздакитов Ирана, однако Маздак и его после-

дователи встретили известие о резне с отвращением и отвернулись от кровавого союзника.

На Йемен напали друзья византийцев, эфиопы, исповедовавшие христианство монофизитского толка. Война продолжалась примерно с 515 по 525 год. Эфиопы победили, Йемен был razорен, зу-Нувас бросился в море в полном вооружении и утонул, а в Йемене воцарился арабский шейх *С у м а й ф А ш в а*, признавший зависимость от эфиопов. Византия получила опору на юге. Иран потерял еще один бастион.

Лишь в Сирийской степи персам сопутствовала удача. Здесь на византийцев напал арабский князь **ал-Мунзир III (505—554)**, который правил государством *лахмидов*. Византийцы звали его на свой манер *А л а м у н д а р*.

Войска ал-Мунзира форсировали пустыню и неожиданно обрушились на север Сирии. Они razорили окрестности Антиохии, Апамеи; особенно зверствовали у Эмесы. Там имелся крупный монастырь. Арабы захватили его, а 400 монахинь зарезали в честь звезды Узза — «Всемогущая» (это планета Венера, которой поклонялись иракские бедуины).

Для византийцев маневр врага оказался полной неожиданностью. Несколько районов Сирии были razорены, ал-Мунзир беспрепятственно удалился с добычей.

Но там, где пасовала византийская армия, выигрывала дипломатия. В ту пору арабы были раздроблены. Византийцы подкупили вождей племени *бану кинд* в Центральной Аравии, и те напали на *лахмидов*. Опасность от империи удалось отвести, но вместе с персами на византийцев обрушились силы природы. Страшные землетрясения прокатились по всей Ромейской империи. Юстин восстанавливал города и издавал приказы о строительстве «безопасных» домов (с точными предписаниями, на каком расстоянии должны находиться строения друг от друга, чтобы кварталы были просторны), но смерть от стихийных бедствий всё равно косила людей. Даже великая Антиохия, жемчужина Сирии, превратилась в груды развалин. Под руинами погиб антиохийский патриарх Евфрасий. «Не осталось ни дома, ни церкви, всё пало и красота города исчезла, — пишет Феофан Исповедник. — Такого гнева Божия не бывало во все веки ни в одном городе». Неизвестно, испытывал ли Иран подобные проблемы, но землетрясения в Византии пришлось персидскому правительству как нельзя кстати. Они ослабляли врага.

Ко всему прочему базилевс Юстин захворал: ныли старые раны. Особенно опасной оказалась та, что наснесли персы когда-то. Она болела и гноилась. Царь чувствовал приближение смерти. Возможно,

события в Антиохии ускорили его кончину. Базилевс очень страдал, узнав о землетрясении и о бедствии сограждан. Он «снял с головы свой венец, отложил багряницу и во вретисе плакал многие дни», — сообщает Феофан. Это не был показной государственный траур; в православной империи многие чувствовали сопричастность к страданиям ближнего.

На этом фоне продолжалась борьба иранцев и ромеев за господство на Ближнем Востоке.

4. ПОЯВЛЕНИЕ ВЕЛИСАРИЯ И ПРОКОПИЯ

Юстиниан всё активнее вмешивался в планирование операций, но какое-то время еще держался в тени. В конце 523 года Юстин направил в Лазику крупную армию под началом некоего Иривея. Ромеи заняли горные крепости, но поссорились с лазами, которым надоело содержать ромейские гарнизоны. Крепости тотчас попали в руки персов. Вероятно, это произошло в 524 году. Годом раньше иранцы утвердились в Иверии и назначили туда своего наместника — *марзпана* из числа местной знати. Первым марзпаном был Бакур, которому наследовал Фрасман.

Тогда Юстиниан разработал оригинальную стратегическую операцию против персов. Он предложил перенести военные действия на территорию противника. Предполагалось ударить на центральном участке огромного ирано-ромейского фронта: в Персоармении. Мысль была интересна: расколоть персидский фронт в центре, отрезать экспедиционный корпус иранцев в Закавказье и одним красивым ударом опрокинуть всю оборону Ирана.

Стали искать подходящего полководца. О заслуженных вояках никто не думал, да и заслуги их были сомнительны. Чего стоил один Ипатий, который проиграл все сражения и оказался вдобавок ничемным дипломатом!

Юстиниан предложил назначить полководцами новых людей из числа собственных *ипаснистов* (щитоносцев-телохранителей). Этих воинов звали Урсикий Ситта и Флавий Велисарий. Их происхождение неизвестно. «Оба они были молодыми людьми, у которых только что показывалась первая борода», — пишет Прокопий. Некоторые историки называют Велисария славянином, но это такой же миф, как славянское происхождение Юстиниана. Ясно, что оба военных являлись обычными ромейскими гражданами. Возможно, они вращались среди стасиотов и там обратили на себя внимание Юстиниана. Оба полководца обладали выдающимися способностями.

Правда, на войне многое зависело не только от полководцев. Молодые люди получили под свою команду полки старой армии, которые нужно было дрессировать. Их советники и подчиненные не всегда были единомышленниками.

Одного такого советника, молодого человека лет около 30, прикомандировали к Велисария в качестве секретаря. Его звали Прокопием из Кесарии, по профессии он был юристом. Но в бурное время мятежей юристы, обслуживавшие богачей, оказались не нужны, а вот грамотные люди — остро необходимы. Так Кесариец попал к Велисария.

О жизни и карьере Прокопия мы опять-таки ничего не знаем. Родился он в Кесарии. Городов с таким названием в Римской империи было много. На римский манер они назывались «Цезарями», царскими городами. Кесария, в которой родился Прокопий, располагалась в Палестине.

Кесариец происходил из состоятельной семьи и имел влиятельных друзей. Он поступил в школу права в Бейруте и сделался ритором (адвокатом). Что дальше? Попал ли он в столицу или начал карьеру в Восточной армии? Скорее всего — второе. Какие-то могущественные друзья продвигали его по службе. Он обзавелся связями среди служилой знати, завел знакомства в сенатских кругах и тайно поддерживал оппозицию. Во всяком случае, к царю Анастасию Кесариец относился лояльно, а к Юстину и Юстиниану — враждебно. Кроме того, ясно, что Прокопию симпатичен Ипатий, которого наш историк пытается выгородить при каждом удобном случае. Кесариец вообще сочувствует людям богатым и знатым. Иранских маздакитов он ненавидит, обвиняя в убийствах знати и обобществлении жен. Юстиниана не любит примерно за те же грехи: его антигерой покровительствует стасиотам точно так, как шаханшах Кобад — маздакитам. Впрочем, Кесариец умел скрывать свои взгляды и спокойно делал карьеру.

5. НЕУДАЧИ

В 525 году Сигта и Велисарий совершили набег на земли Персоармении. Они разорили большую часть страны, угнали пленных, взяли добычу и вернулись домой, успешно закончив кампанию. Этот набег показал мастерство молодых полководцев. Они действовали смело, грамотно и напористо. Словом, совершенно не так, как действовал в свое время вялый Ипатий.

Правда, набег имел скорее моральное значение. К большим успехам его отнести нельзя. Он показал византийцам, что персов можно бить, однако персы после него мобилизовались.

Персоармения была провинцией Ирана, ею правил арийский наместник. Отдельными областями страны распоряжались *ишханы* — старейшины, которые впоследствии образовали знатнейшие княжеские роды. Одним из самых знаменитых в то время был род Камсараканов. На них и решил опереться шаханшах Кобад в борьбе с византийцами.

Главных князей Камсараканов было двое: *Н а р с е с* и *А р а т и й* (Грагат). Их силой являлась тяжелая конница. Этот род войск армяне получили в наследство от парфян, захвативших страну в I веке новой эры и управлявших ею без малого 300 лет.

Армянские дружины надежно прикрыли границу, а у византийцев опять возникли проблемы.

Новая кампания персидской войны началась неудачно. В Армении войсками командовали Ситта и Велисарий. В Месопотамии византийцами распоряжался полководец Либералий — главнокомандующий Востока.

Этот человек прославился не столько военными успехами, сколько гонениями на монофизитов. Сам Либералий придерживался халкедонитского вероисповедания. Впоследствии он ушел в монахи, стал патриархом Антиохии под именем **Ефрема (545—572)** и сурово преследовал еретиков.

Обе византийские армии потерпели поражение. Армянская тяжелая кавалерия под командой Камсараканов заманила Ситту и Велисария в засаду и отбросила их. А на юге Либералий бежал вместе с войском, даже не вступив в соприкосновение с противником.

Либералия отстранили от командования. На его место Юстиниан поставил Велисария в чине *дукса* Месопотамии. *Дукс* или *дука* — это «герцог», то есть правитель и главнокомандующий пограничной области. В этой должности Велисарий начал приводить войска в порядок.

Главнокомандующим Востока сделался наш знакомец Ипатий. Что заставило назначить полководцем эту проверенную, крепкую бездарность?

6. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Чтобы лучше понять причину назначения Ипатия, нам нужно обратиться к событиям, которые происходили в тылу сражавшихся византийских армий. Эти события определялись двумя факторами: обострявшейся день ото дня болезнью Юстина и ожесточенной борьбой партий, главной из которых были стасиоты. Решался важный вопрос: по какому пути пойдет Ромейская империя?

На первом этапе любая революция слаба: рушатся старые связи, падает армейская дисциплина, страна, в которой происходит социальный переворот, на какое-то время становится бессильной в военном отношении. Напасть на нее хотят многие, она не может сопротивляться, армии терпят неудачи, в тылу бушуют страсти, плебс сваливает вину на предательство генералов. Пережить этот кризис бывает очень трудно, примеров не счесть: английская революция, когда парламент восстал против короля, Великая Французская и Великая Октябрьская революции, даже исламская революция в Иране — все развивались одинаково и поначалу терпели поражения на фронтах. Однако если кризис удастся преодолеть, революционные державы обретают небывалую мощь.

Византийской революции не удалось пережить кризис. Трудно понять, что произошло на самом деле. Ясно, что случилось нечто непоправимое. В хрониках мы находим смутные сообщения о мятежах, а потом известие, что в конце правления Юстина социальные волнения были подавлены. После этого развитие Византии пошло по другому пути. События можно реконструировать так.

В 525 году столкновения между стасиотами и их противниками достигли своего апогея. Бунтовщики расправлялись с «уважаемыми» людьми и требовали перемен. Сенаторы, предводители городской стражи, крупные чиновники в свою очередь добивались разрешения на расправу с византийскими хулиганами, но Юстин делал вид, что не может помешать распоясавшейся черни. За это императора презирали, обзывали простаком, за глаза укоряли в неграмотности. Но свергнуть не могли: строгое православие Юстина обеспечило ему популярность. К тому же все понимали, что за спиной базилевса стоит его энергичный племянник, который жаждет перемен. Возможно, сенаторы ставили условие Юстиниану: отрекись от стасиотов, и мы тебя примем. Юстиниан отказался.

События накалялись, и наконец произошел взрыв. «Случилось, что Юстиниан долгое время болел тяжелой болезнью», — пишет Прокопий. Диагноз и симптомы неизвестны, но дело было серьезным. В преданиях, зафиксированных православными, говорится, что будущий царь был практически безнадежен. Этим воспользовались его противники, чтобы совершить дворцовый переворот и покончить с «революцией стасиотов». Как повод использовали громкое убийство знатного человека по имени Ипатий (не путать его с племянником покойного императора Анастасия). Бедняга был убит стасиотами прямо в храме Святой Софии.

О причинах Прокопий, естественно, умалчивает. Что произошло? Потасовка, драка, столкновение представителей партий? Был ли Ипатий беззащитен или его сопровождали *инасписты* — частная армия? Имел место уличный бой, после чего проигравших загнали в храм? В изложении Прокопия мы читаем, что простой верующий уничтожен в церкви горсткой хулиганов. Однако тотчас видим, что дело гораздо шире, а этими хулиганами полон весь Константинополь. Речь идет о широких демонстрациях протеста и уличных боях.

Вопиющее убийство человека в церкви вызвало большой резонанс. «Уважаемые» люди, в главе которых стоял квестор Прокл, всполошились. Теперь для них нигде не было защиты! Обратились к базилевсу. Пользуясь отсутствием Юстиниана, придворные пытались раздуть скандал и преувеличить дело.

Осторожный Юстин поддался на уговоры. «Император, — пишет Кесариец, — приказал префекту города произвести расследование и наказать за всё совершенное». Префект Феодот по прозвищу «Тыква» (сторонник Прокла и умеренных) арестовал часть стасиотов, другие скрылись. «Надо разуместь, что остались они живы для того, чтобы в дальнейшем погубить ромеев страшными своими деяниями», — сетует Прокопий. Это прямое признание того, что часть стасиотов Юстиниан допустил во власть. Причем речь не идет о шайке преступников. Мы имеем дело с широким социальным движением.

Это подтверждает хронист Иоанн Малала, правовед из Сирии, написавший книгу по истории Рима и Византии. «В те времена партия венетов, — говорит он, — устроила беспорядки во всех городах и потрясала города убийствами, драками и бросанием камней [в прохожих]; они пошли даже против правителей городов, начав с Византия. Они совершали это, пока в Константинополе не был назначен на должность префекта города экс-комит Востока Феодот [...] Он употребил свою власть против восстания византийцев, многих, кто устраивал беспорядки, казнив по приказу царя Юстина. Среди них оказался некий Феодосий по кличке Циккас, который был очень богат и имел титул “сиятельного”; Феодот, схватив его, убил, не сообщив царю». Сообщение на первый взгляд выглядит странно. Почему один из стасиотов — богач? Да по той же причине, по которой командиром революционной армии Ирана оказался аристократ Сиявуш. Исключения подтверждают правило. Основная часть «высшего сословия» была против стасиотов, об этом свидетельствует Прокопий. Малала же далек от обобщений, он просто констатирует факты, что по-своему интересно.

Жизнь Юстиниана висела на волоске, он по-прежнему хворал. Ему предлагали лечиться с помощью магов и волхвов, но он с негодованием отверг этот неправославный способ исцеления. Юстиниану было видение: помощь окажет только знаменитый в то время святой человек — Сампсон Странноприимец, происходивший из знатной римской семьи, но оставивший светскую жизнь и посвятивший себя служению людям. О чудесах, совершенных Сампсоном, ходили легенды. В основном он лечил безнадежно больных. Это был необыкновенный человек, полный сострадания к ближним. Сампсон явился к Юстиниану и исцелил больного. Юстиниан хотел отблагодарить его серебром и золотом, но Сампсон отказался. Он попросил выстроить больницу, где мог бы лечить бедных. Разумеется, последовало согласие. Больницу выстроили за государственные деньги. Впоследствии ее сожгут во время восстания «Ника» и отстроят вновь.

Вернувшись к жизни, Юстиниан увидел дела своей партии в упадке. Он захотел восстановить позиции стасиотов, но столкнулся с противодействием властной верхушки.

Квестор Прокл выступал против бунтовщиков, его поддержали магистр оффиций Келер и префект Феодот «Тыква». Умеренные готовились разгромить врагов и дать Византии нового императора из своей среды. Юстиниан по-прежнему возглавлял радикальное крыло в правительстве. Две группировки столкнулись между собой. Предводитель радикалов нанес удар первым, причем с неожиданной стороны.

Юстиниан обвинил Феодота «в колдовстве, отравлениях и магии», пишет Прокопий. Молодой революционер и его сторонники действовали нагло, не разбирая средств. Прислугу Феодота подвергли пыткам, заставив давать «самые лживые и злостные показания». Один только квестор Прокл «громко заявлял, что этот человек ни в чем не виноват и ни за что не заслуживает смерти». Поэтому Феодот был отправлен по приказу императора Юстина в Иерусалим. «Узнав, что туда прибыли лица, которым поручено его убить, он всё время, пока был жив, скрывался в храме. Так он и умер». За этим сдержанным и драматичным рассказом Прокопия — кипение страстей, тайные стоворы и много того, о чем остается лишь догадываться. Иоанн Малала в своей хронике пишет примерно о том же, хотя и более лаконично. По его версии, префект Константинополя «был отстранен от должности, лишился титула и получил приказ отправиться на Восток. После того как он добрался до Востока... он бежал в Иерусалим и там скрывался». Тогда-то из столицы отправили на фронт Ипатия — злополучного племянника

базилевса Анастасия, подставив ссылку высокой должностью главнокомандующего восточными армиями. Из Константинополя требовалось удалить человека, который мог стать знаменем оппозиции. Вероятно, уже тогда умеренные рассматривали кандидатуру Ипатия как возможного императора. Ему припомнили родство с Анастасием, тем более что Ипатий обладал важными качествами: никчемностью и бездарностью. Теперь многие сенаторы считали это большим достоинством для императора.

Однако вернемся в столицу. Партия Прокла понесла серьезные потери, но политическая борьба продолжалась. Путем интриг квестору удалось провести во власть своих людей. Новым префектом столицы, по словам Малалы, был «назначен экс-консул Феодор по кличке Теганист». В Антиохии был поставлен наместником Ефрем из Амиды, который также боролся против восстания венетов; «наконец восстание прекратилось до полного исчезновения беспорядков в городах; общественные зрелища были запрещены». Заодно Юстин и умеренные запретили Олимпийские игры как пережиток язычества.

Лаконичное сообщение Малалы весьма ценно. Мы видим, что стасиоты группировались вокруг цирков, где бурлила общественная жизнь, и пользовались любой возможностью, чтобы поднять бунт. Для этого годились даже выступления танцоров. Цирковые партии выдвигали вожakov, которые звали к переменам: к переустройству общества по образцу маздакитов. При этом начинали резать богатых.

Однако текст Малалы не совсем ясен. Из него следует, что сам Юстиниан предал идею. Ведь после его выздоровления произведены новые назначения префектов, и эти префекты принялись с удвоенной яростью подавлять восстание. С одной стороны, мы имеем дело с интригой Прокла. Квестор сумел переиграть Юстиниана, стасиоты временно ушли в подполье, и первая волна смуты сошла на нет. Но всё не так просто.

Со своей стороны Кесариец заканчивает рассказ о революции как-то вяло. Движение стасиотов пошло на спад после смерти Феодота. «С этих пор стасиоты, мятежный элемент партии [венетов], оказались наиболее благоразумными из всех людей. Они уже не позволяли себе подобных правонарушений, хотя им было возможно еще более безнаказанно пользоваться всяким беззаконием в своей жизни».

Историк чего-то недоговаривает. Похоже, в этот момент Юстиниан попытался заключить соглашение с умеренными и отступил, чтобы получить императорскую диадему. Он остался верен личным друзьям

и соратникам, продвинул многих из них во власть, но перестал быть революционным вождем. То есть пообещал Проклу, что перестанет поддерживать мятежников, а взамен Прокл признает его наследником Юстина. После этого в городах начались репрессии властей против революционеров, и «восстание венетов», как его называет Малала, было подавлено.

Чиновники слишком боялись Юстиниана, чтобы попросту уничтожить. С ним пошли на компромисс. Богатые сенаторы, латифундисты, бюрократы — словом, хозяева жизни тогдашней Византии — были очень сильны. У них имелись лидеры — те же сенаторы. Они предложили Юстиниану сделку. Тот прекращает поддерживать революцию, а взамен получит статус официального наследника империи. Париж стоит мессы!

Юстиниан согласился и тем самым нанес сильнейший удар по революции. Она не пошла по иранскому пути. Византийский «коммунизм» остался мечтой реформаторов и лидеров стасиотов. Всюду начались казни, аресты. Мятежники уходили в подполье. Вот о чем пишут Иоанн Малала и Прокопий из Кесарии.

Дальше между историками — серьезное расхождение. Для Малалы Юстиниан — обычный политик, причем весьма эффективный. Для Прокопия он по-прежнему революционер. Прокопий знал ситуацию лучше, вращался в высших кругах и был несомненно прав. Юстиниан, видимо, и сам продолжал считать себя революционером, хотя на самом деле после болезни стал совсем другим человеком. Дело, конечно, не в больничной койке, к которой он был прикован, а в изменившейся политической ситуации. Юстиниан почувствовал перемены. Возможно, за время его болезни стасиоты понесли столь большие потери, что ситуация уравнилась. В этот момент Юстиниан сообразил, что может прийти к власти только в результате кровавой гражданской уособицы. Но это означало бы, что империи надолго придется отказаться от внешних войн и просто зализывать раны, тогда как Юстиниан вынашивал совершенно иные планы. Поэтому он решил пойти на временное соглашение с сенаторами, надеясь, что наверстает упущенное и довершит революционные преобразования мирным путем.

Часть вторая

УТРАТА ИЛЛЮЗИЙ

ГЛАВА 1. РЕВОЛЮЦИЯ КАТИТСЯ ПОД ОТКОС

1. ВОСХОЖДЕНИЕ НА ТРОН

Вскоре Юстиниан получил плату за то, что отвернулся от стаиотов (если только наша реконструкция верна). Император Юстин официально провозгласил его соправителем. Причем вместе с женой — бывшим «пехотинцем» Феодорой. Историк Прокопий вне себя. Он приписывает это и все другие решения слабоумию Юстина. «Был он на редкость слабоумен, — жалуется Кесариец, — и поистине подобен вьючному ослу, способному лишь следовать за тем, кто тянет его за узду, да то и дело трясти ушами».

Церемония провозглашения Юстиниана состоялась в Священном Палатии 1 апреля 527 года, за три дня до Пасхи. Вообще-то в такое время обычно не принимались важные государственные решения, но тут случай особый.

Старый базилевс был очень плох. Его мучили нестерпимые боли от старой раны в бедре. Поэтому Юстин торопился. Он призвал сенаторов, церковников, крупных чиновников, военных и провел церемонию посвящения. В торжественной обстановке Юстиниана провозгласили соправителем. Высшие чины государства безропотно приняли это, склонив головы. Но какова была цена признания? И надолго ли оно?

Юстиниан вышел в цирк и показался народу. Толпа ликовала. Далеко не все знали о сговоре между сенаторами и царским семейством. Людям казалось, что к власти приходит крестьянский император, революционер, который устроит Византию по христианским образцам равенства и братства. Действительность оказалась иной.

Сама церемония прошла довольно скромно. Современники упоминают о ней как-то вскользь, а Прокопий ворчит, называя Юстиниана «простоватым». Более поздние авторы, такие как Феофан Исповедник и Константин Багрянородный, приводят иную дату инаугурации — не 1, а 4 апреля. Возможно, 1 апреля было принято решение, а через три дня состоялось само венчание на царство. **Флавий Петр Саббатий Юстиниан (527—565)** сделался августом и соправителем империи. Его супруга Феодора стала августой. 1 августа 527 года Юстин умер, и его

наследник Юстиниан обрел полноту власти. После отпевания и похорон одного монарха последовало венчание на царство другого.

Правительство квестора Прокла было тотчас отправлено в отставку. Вскоре квестуру получит юрист Иоанн, которого сменит Фома, а затем Трибониан. Вместе с Проклом ушли магистр Келер и другие деятели «православной партии», то есть сторонники умеренных реформ. Их дальнейшая судьба неизвестна, однако они выжили. Вероятно, эти люди постепенно превратились в обычных политиков на пенсии и утратили влияние на государственные дела. Начался век Юстиниана Великого.

Юстиниан понимал, что нужно соблюдать осторожность во внутренней политике, иначе правящее сословие уничтожит «народного» императора. Во время недавней болезни он пережил неприятности, которые научили быть бдительным с представителями элиты. Но осторожность не означала, что царь отказался от своих «маздакитских» идей. Он должен был лавировать и провести государственный корабль между старой знатью и радикальными стасиотами, обеспечив стабильность, порядок и создав справедливое православное царство. Такова была конечная цель.

Затем начались перемены. Вместо отставленных чиновников царь окружил себя выходцами из партии стасиотов, преследовал богатых и выдвигал на первые роли простолюдинов. Мы видим это в столице; аналогичные процессы шли, конечно, и в провинциях. Но возникла странная ситуация, которую невозможно было предвидеть. Простолюдины потрясающе быстро интегрировались во власть и стали такими же коррупционерами, как и их предшественники. На первых порах государство Юстиниана оказалось столь же далеким от социальной справедливости, как империя Анастасия.

Политический порядок, включая должности и дворцовый церемониал, внешне остался прежним. Институт частной собственности тоже никто не тронул. Юридически уцелело рабство. Это разочаровало многих стасиотов. Получается, что Юстиниан оказался Робеспьером и Наполеоном в одном лице: он начал революцию и сам ее завершил.

Первым делом царь успокоил православное население империи, издав указ, что государственные должности могут занимать только христиане-халекдониты. «Эллины» (язычники) и иудеи получали трехмесячный срок для перемены веры; в противном случае им закрывалась дорога к государственной службе. В общем, император хотел опереться на надежных людей — единоверцев, но пожал бурю.

Первый заговор против базилевса возник почти сразу. Против него объединилась земельная знать, бюрократия времен Анастасия и, видимо, часть сената. Среди них было много «эллинов» и монофизитов.

Вождем недовольных стал Проб — один из племянников Анастасия Дикора. Но политическая разведка у нового императора работала прекрасно. Функции тайной полиции исполняли дворцовые чиновники, которых называли «*силенциарии*» — блюстители тишины. Шпионы донесли о поведении Проба. Юстиниан назначил разбирательство. Вина заговорщика была доказана, однако поскольку до мятежа дело не дошло, император проявил милосердие. Он вызвал Проба, зачитал ему обвинительный акт, а потом разорвал свиток с обвинениями и сказал заговорщику:

— Я прощаю тебе то, что ты сделал против меня. Молись, чтобы и Бог тебя простил.

«И восславил сенат василевса», — с умилением замечает Иоанн Малала.

Нам интересно другое: был заговор или нет? Возможно, Юстиниан счел Проба простым болтуном. Если так, царь ошибся. Заговорщики притаились на время, но продолжали свою работу. Они хотели свергнуть царя.

Какие аргументы шли в ход для разжигания страстей? Мы видим их в сочинении Прокопия Кесарийского. Византийские диссиденты толковали «на кухнях» о безголовом Юстиниане, который бродит по дворцовым покоем, рассуждали о блудном прошлом царицы Феодоры. Но самое главное — обвиняли царя и царицу в стремлении отобрать собственность у богатых и переделить всё имущество. Вот за что Юстиниана объявляли Антихристом!

А он проявил благодушие, свойственное многим революционерам. Отпустил Проба, захотел примириться с сенатом, искал соглашения с представителями бюрократии... Только все эти компромиссы не помогли, и через несколько лет Константинополь ожидала такая резня, какой еще не было.

Случай с Пробом показывает, что Юстиниан был, конечно, хитер, но не злобен и не злопамятен. Это не Калигула или Нерон, который казнит сенаторов направо-налево. Юстиниан считал себя мастером компромисса, «великим кормчим». Поэтому он пытался договориться с представителями разных группировок, прощал врагов, примирял друзей и даже порой закрывал глаза на неподобающее поведение ряда чиновников.

2. ПОРТРЕТ ЦАРЯ

Каким был Юстиниан в то время? Ему исполнилось 45 лет. Для мужчины это — зрелость. Для политика — молодость. Словесный портрет Юстиниана нам оставил Прокопий.

«Ростом он был не очень высок, но и не очень низок, можно сказать, среднего роста; он был не худым, скорее в надлежащей мере полным, — говорит Кесариец. — Лицо у него было круглое и не лишенное красоты; даже после двухдневного поста у него играл румянец». Перед нами вполне здоровый человек, среднего роста, румяный, с умным взглядом темных глаз. «Чтобы одним словом описать всю его фигуру, можно сказать, что он был очень похож на Домициана, сына Веспасиана», — уточняет Прокопий. Сравнение не случайно. Домициан считается одним из худших римских императоров, который уничтожал сенаторов и латифундистов, поощрял римскую чернь и пытался на новых принципах строить империю вместо прежней республики (хотя республиканский фасад сохранялся очень долго, и даже Византию нет-нет да и называли «республикой»). Эту империю роднила с Византией идея государственного вмешательства в экономику, хотя цели, средства и масштабы вмешательства были совершенно иными.

Домициан пал жертвой военного заговора, и все памятники непопулярного политика были уничтожены за исключением одного, который сделала его жена и разместила у Капитолия. Вероятно, это изображение видел Прокопий, посетив Рим в эпоху Готских войн, о которых мы еще расскажем. «Фигура Юстиниана, — свидетельствует Прокопий, — поразительно похожа на эту статую, как будто его двойник, равно как общий его облик, так и все характерные черты лица».

Дальше историк начинает описывать характер своего антигероя и здесь не жалеет красок. «Это был человек коварный и переменчивый, которого по справедливости можно назвать злобным дураком; сам он не был правдив с имеющими с ним дело и всегда во всех своих поступках и словах был лжив; с другой стороны, всякому, кто хотел его обмануть, он легко поддавался. В нем уживалось какое-то необычайное сочетание глупости и низости».

Итак, факты закончились, историка захлестнули эмоции.

Каким был Юстиниан на самом деле? Кесариец утверждает, что «был этот император полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел... способностью скрывать свои мысли, обладал искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужную минуту

по мере необходимости; лгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров, и при этом даже по отношению к своим же подданным. Он быстро отказывался от своих обещаний и клятв».

Этим не ограничивается перечень недостатков базилевса. Другьям он не верен, к врагам беспощаден, всегда жаждет крови и денег, очень любит «ссоры и всякие перемены». Итог печален: «казалось, природа собрала от всех людей все низкие качества и сложила их в душе этого человека».

Было ли, однако, в Юстиниане что-то доброе и хорошее? Вроде бы нет, но Прокопий постепенно начинает проговариваться.

Во-первых, базилевс удивительно работоспособен. Спит он мало, всего несколько часов в день. Всё остальное время работает: пишет документы, читает деловую почту, рассматривает жалобы, а самое главное — принимает решения, от правильности или ошибочности которых зависят судьбы империи.

С самого начала Юстиниан хотел взять дела государства в свои руки, а звание царя воспринимал как ответственность за жизнь и благополучие сограждан. Император прост в обращении. По мнению Кесарийца, это недостаток, хотя Прокопий в данном случае нелогичен и противоречит сам себе. В другом месте книги анекдотов историк утверждает, будто Юстиниан был оторван от масс и чванился императорским титулом. Но не будем удивляться: подобного рода противоречиями пестрит вся «Тайная история».

Ест император тоже умеренно. Едва притрагивается к фруктам, пьет воду, не злоупотребляет мясом и овощами. Иногда кажется, что он оставляет блюда вообще нетронутыми. Он и одевается просто, и вообще старается подчеркнуть скромность. В одном только базилевс неводержан: в сексе, утверждает Прокопий. Но и тут его не в чем упрекнуть. Юстиниан обожает жену и не имеет порочащих связей. Вот почему Прокопию требовалось унижить Феодору! Он хочет показать, что царица — не та женщина, которую стоит любить.

Но как обличить самого Юстиниана и перевернуть его достоинства, превратив их в недостатки? Выход есть. Прокопий придумал две версии: для язычников и для христиан. Для язычников он сообщает, что Юстиниан — таинственный демон, принявший человеческий облик. В старину про многих политиков говорили, что они порождение демона. Самый известный из этих людей — Александр Македонский, «отцом» которого был гностический змей. Так что сравнение не было непривычным.

Для христиан — другая версия. Юстиниан — это сам Антихрист. Ест мало, почти не спит, часто совокупляется, губит уважаемых людей. Вывод ясен.

Наконец Прокопий сообщает, что некоторые придворные видели Юстиниана блуждающим ночью по дворцу без головы. Но тут Прокопий соображает, что окончательно изолгался, и делает оговорку, что сам, мол, этим байкам не очень верит. Однако для очернения неприятного политика все средства хороши. А то, что император одновременно — простоватый дурак и хитрое, коварное, фантастически работоспособное порождение зла — читатель, может быть, не заметит. Хотя эти рассуждения отделяет всего пара страниц...

Кого же мы видим на троне? Грамотного политика, который не выдает эмоций; скромного человека, простого в общении; аскетичного и воздержанного православного христианина, который не злоупотребляет ничем, кроме половых сношений с законной женой (кстати говоря, Юстиниан очень хотел ребенка от Феодоры, и вскоре женщина родила, но ребенок оказался нежизнеспособен, а больше забеременеть царица не смогла). Православие Юстиниана — это отдельная тема. Прокопий и здесь пытается очернить базилевса и посеять сомнения в чистоте веры. Однако ясно, что Юстиниан верил искренне, был набожным человеком и неплохим богословом. Вскоре ему придется доказать свои познания в религиоведении на практике, и у читателя будет возможность оценить глубину подготовки императора в этих вопросах. Итак, перед нами, несомненно, выдающийся человек... или демон, если так угодно считать Прокопию Кесарийскому.

* * *

Юстиниан был аскетичен и трудолюбив, но Феодора вела себя как настоящая выскочка, дорвавшаяся до власти. Такое бывает часто. Правда, нужно заметить, что царица никогда не переходила границы дозволенного. Кроме того, она была набожна, православна и верна Юстиниану как женщина.

Однако у Прокопия, как легко догадаться, совершенно иной взгляд на царицу. Феодора, оказывается, обожает роскошь и красоту. «За своим телом она ухаживала даже больше, чем это было нужно, но меньше, чем ей хотелось, — рассуждает Прокопий. — Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала». Так начинался день. Царица не утруждала себя работой, зато пользовалась всеми царскими привилегиями. «За завтраком и обедом

она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее было всегда очень продолжительно, днем — до сумерек, ночью — до восхода солнца».

Странные фразы. Перед нами — царица. Что же удивительного в ее поведении? Но Феодора — покровительница стасиотов. Следовательно, в молодости она была приверженкой равенства и социальной справедливости. Тогда всё встает на свои места. Прокопий упрекает не базилиссу, но бывшую бунтарку, которая изменила своим идеалам.

И всё же читателю может показаться, что автор модернизирует ситуацию, а гипотеза о духовном родстве Юстиниана, Феодоры, стасиотов и маздакитов — слишком смела. Хорошо. Тогда давайте просто заменим одно слово на другое — например, понятия «коммунистический» и «маздакитский» на слова «эгалитарный» и «уравнительный». Наконец, будем говорить не о попытке революции, а о «стремлении к социальной справедливости». Получится громоздко, туманно и осторожно, но вполне допустимо.

Конечно, гнев императора и его супруги был направлен на представителей высшего сословия, планомерное уничтожение которого велось при Юстиниане. Но каковы были взгляды этого человека? Набор принципов достаточно прост. Император вышел из крестьян, он приучен к труду и желает, чтобы все его подданные трудились. Он не любит ни аристократию, ни люмпенов. Кстати, те и другие объединятся против него во время восстания «Ника». Как крестьянин, он уважает собственность. Частное владение для него священо. Однако всех людей он считает равными по рождению. Следовательно, богатству нужно положить предел. Но как? В этом и крылось противоречие. Кто определит справедливую меру? Сперва Юстиниан решил, что это делают законы. А также люди, управляющие страной. Он собрал из этих людей новую команду.

3. ПЕРВЫЕ ЛЮДИ ИМПЕРИИ

Список людей, которые окружали Юстиниана в первые годы его правления, хорошо известен. Император умел грамотно подбирать кадры. Главным критерием была эффективность для решения конкретных задач. Правда, увольняя одних воров, Юстиниан часто заменял их другими. В этом он напоминает русского императора Петра Великого, который тоже произвел великий социальный переворот. Но только в этом. В отличие от русского царя-еретика, Юстиниан отличался строгим православием и не поработщил крестьян, как это сделает Петр.

Базилевс открыл дорогу к власти для недавних «революционеров». Люди низкого звания могли легко при нем сделать карьеру, но так же легко — провороваться и пасть. Это случалось. В то же время за ними ревниво следили представители другой группировки — старые чиновники и землевладельцы, которых постепенно отодвигали от власти. Причем отодвигали так хитро, что сам момент утраты влияния был замечен не всегда и не всем.

Первым в отставку отправился юрист Прокл, советник Юстина и один из главных людей империи. Для нового правительства он уже не годился. Дальнейшая судьба квестора неизвестна.

Юстиниан решил исправить законы, чтобы ввести революцию в правовое русло. Он собрал команду молодых юристов. В группу законников попал Т р и б о н и а н, который вскоре выделился, стал квестором Священного Палатия («министром юстиции») и возглавил работу над новым законодательством.

Этот человек происходил из области Памфилия в Малой Азии. «Трибониан был талантлив от природы и достиг высокой степени учености... — говорит о нем Прокопий, — но он был безумно корыстолюбив и ради выгоды всегда был готов торговать правосудием». Нужно заметить, что Кесариец пишет об этом не в тайной истории, а в официальной — в «Войне с персами». Следовательно, эта характеристика опубликована еще при жизни Юстиниана.

Как сделал карьеру молодой юрист? Как попал ко двору? По каким причинам возвысился? Предполагают, что он родился около 500 года. Следовательно, к началу правовой реформы квестору не исполнилось и 30 лет. Вероятно, Трибониан закончил юридическую высшую школу в Бейруте. Затем вступил в партию венетов, примкнул к ее радикальному крылу — стасиотам — и помогал им избежать судебных расправ после беспорядков и убийств. Возможно, этим и вызваны нападки Прокопия, который не может сказать о них прямо в официальной истории, но ограничивается намеками. В истории тайной он вообще мало говорит о Трибониане. К моменту написания этой книги квестор умер, его начали забывать.

Возможно и другое. Юстиниан начал подбирать кадры, еще будучи простым управителем имущества своего дяди. Тогда он нашел часть своих соратников. Но никак не Трибониана: юрист был слишком молод в то время. Он выдвинулся именно в тот период, когда Юстиниан входил в имперское правительство и боролся за власть, используя движение стасиотов.

Юстиниан отставил Трибониана в 532 году, но затем опять взял на службу. Трибониан управлял квестурой до 542 года, когда умер от чумы. После этого вскрылись многочисленные злоупотребления, которые допускал предприимчивый юрист. Об этом открыто говорилось всеми, включая Юстиниана и его окружение.

Прокопий Кесарийский отчаянно завидовал Трибониану. Кесариец ведь тоже был юрист, тоже получил образование в Бейруте. А каков итог? Молодому квестору достались слава, почет, деньги. Прокопий тоже не мог жаловаться на бедность, но Трибониан обошел его по всем статьям. Кесариец сделался советником Велисария — и только. Нужно знать чиновников, чтобы понять, как высоко они себя ценят, как сильно завидуют соперникам и как рвутся к власти.

Еще один выдающийся человек, которого подобрал и возвысил Юстиниан, был финансистом. Его звали И о а н н Ка п п а д о к и е ц. Назначение Иоанна произошло в 531 году, когда в отставку отправили прежнего префекта претория Юлиана — проходную фигуру, поставленную на должность, как видно, в качестве компромисса с латифундистами и сенаторами.

Иоанн происходил из Малой Азии, а точнее, из Каппадокии. Эта высокогорная страна славится своими пастбищами и конями.

Кем был Каппадокиец? Крестьянином, пастухом, городским плебеем? Как попал в столицу? Кто мог порекомендовать его императору? Надо думать, те же стасиоты. Каппадокиец был малограмотен, толст, подвижен и очень умен. Академий он не кончал, обширными связями обладать не мог. Выдвигаться начал во времена всеобщих бунтов и борьбы партий. Ясно, что Иоанн принадлежал к радикальной группировке. Он был в числе тех, с кем запросто общался Юстиниан — этот «недалекий и грубый, но хитрый царь», по мнению Прокопия. Каппадокийца Прокопий рисует примерно такими же красками. Оба вылеплены из одного теста с Юстинианом: простолюдины, выскочки. Только Юстиниан стал царем, а карьера Каппадокийца со временем покатила под откос.

Для Иоанна Прокопий не пожалел черных красок в официальной истории. Каппадокиец оседлал фортуны. Коль скоро началась кампания по борьбе с богачами, почему бы не воспользоваться ею? Он разорял богачей и беззастенчиво присваивал себе часть их имущества, наживался на армейских поставках, находил другие способы воровства, но при этом умел изобретать новые налоги, выколачивать средства у населения, а самое главное — расширил налогооблагаемую базу.

Не слишком ли смелым будет предположить, что Иоанн и Трибониан всеми правдами и неправдами выводили крестьян из-под патронажа латифундистов, тем самым освобождая земледельца, но увеличивая число налогоплательщиков? Тогда многое станет понятным.

Третьей опорой императора был Ф л а в и й В е л и с а р и й (ок. 504—565), бывший телохранитель Юстиниана. Велисарий — это величайший полководец Византии за всю ее историю. Позднейшие ученые позволяли себе усомниться в его военном даровании, но зря. Велисарий часто побеждал врагов, причем действовал малыми силами и ограниченными ресурсами. Кабинетные теоретики приписывали его успехи простому везению, но это мнение может высказывать лишь дилетант, незнакомый с принципами управления людьми и основами военного дела.

О начале карьеры Велисария мы тоже ничего не знаем. Существуют гипотезы, что он славянин, хотя никаких доказательств нет. Скорее всего, Велисарий был ромей, то есть грек или вельск. Но это всё, что можно утверждать наверняка. Конечно, разница между греком и «румыном» не меньше, чем между французом и валлийцем, но точнее идентифицировать происхождение Велисария мы не можем. Он появился ниоткуда, как Иоанн и Трибониан. Следует в очередной раз удивиться чутью Юстиниана и умению подбирать кадры. Невозможно понять, как это происходило. По блату? По родственным связям? Вряд ли. Слишком виден почерк самого Юстиниана в формировании управленческой команды. И слишком она эффективна для того, чтобы состоять из случайных людей, вся доблесть которых — родство по крови с правящим домом или знакомство с родственниками императора.

Что касается Велисария, то он устроился на военную службу к Юстиниану в то время, когда последний возвысился, получил право собрать частную армию и воспользовался этим правом. Солдаты такой армии назывались «*ипасписты*» (щитоносцы, это название мы уже употребляли выше) и «*дорифоры*» (копьеносцы). Формально это был отряд телохранителей. Фактически — маленькое войско в несколько тысяч человек. А кроме того — кузница кадров: Юстиниан вырастил в своей гвардии несколько способнейших полководцев. Велисарий был среди них лучшим, но не единственным. Кстати, он нашел себе жену в императорском окружении. Его супругой стала бывшая актриса Антонина, женщина алчная, хитрая и развратная, наперсница Феодоры. Антонина уже имела сына и дочь от предыдущего брака, а новому мужу наставляла рога с его же солдатами. Однако Велиса-

рий словно ослеп. Прекрасный полководец оказался беззащитен перед альковными интригами.

Таковы были кадры, с которыми император приступил к реформам.

4. СВОД ЗАКОНОВ

Уже вскоре царь издал первые законы. Прежде всего он обрушил гонения на манихеев, что вполне объяснимо: православному человеку отвратительна секта жизнеотрицания и разврата.

Затем начались исправления финансовой и налоговой политики. Базилевс отменил налог на «готское дерево-масло» (в 528 году). Об этом пишет Малала. Его современные комментаторы считают, что речь шла о налоге, взимавшемся на востоке империи в пользу готов. Советский ученый З. В. Удальцова полагает, что это прибавка к ежегодному чрезвычайному налогу — *анноне*, состоявшая в поставках населением оливкового масла и дров для всех варварских отрядов, расквартированных в империи. Так или иначе, базилевс демонстрировал торжество национальных интересов и отменял несправедливые поборы. Одновременно с этим он ограничил права *архонтов* (правителей областей, вообще знатных людей) и запретил передавать наследство незаконным детям (это постановление было призвано ограничить круг наследников под видом соблюдения нравственности). Выморочное имущество поступало в казну.

Товарно-денежные отношения достигнут в Византии времен Юстиниана огромного размаха. Это один из косвенных признаков процветания страны. Следовательно, развивалась оптовая торговля, банковское дело и его более мелкая разновидность — ростовщичество. К моменту начала правления Юстиниана ссудными операциями занимались все, кто обладал капиталом, включая сенаторов. Это не считалось зазорным. Но банкиры утратили всякое представление о совести и логике. Они стремились получить сверхприбыль, норма в 20 % годовых на ссуженный капитал возмущала общественность.

Поэтому сразу после прихода к власти «крестьянский император» ударил по ростовщикам. В 528 году Юстиниан издал закон, согласно которому сенаторам разрешалось получать не более 4 % прибыли в год, ремесленникам и торговцам — не более 8 %, а прочим лицам — не более 6 %. Этот закон привел к появлению дешевых кредитов и оживлению экономики. Исключение было сделано только для венчурного (рискового) капитала — там банковский процент оставался высоким. Купцы и вообще деловые люди, начиная от строителей и заканчивая земледельцами средней руки, приветствовали это распоряжение.

Началась борьба с коррупцией. Юстиниан запретил губернаторам провинций покупать земли в тех же провинциях, где они служат. В 529 году он запретил частные тюрьмы. То есть у него есть чему поучиться даже сегодняшним правителям многих крупных держав, начиная с США и заканчивая Россией.

В 530 и 531 годах император издал два закона, которые уравнивали вольноотпущенников в правах с остальными гражданами, а саму процедуру освобождения рабов упростил.

То были первые законы Кодекса Юстиниана.

Однако всё это отдельные штрихи, исправления, а Юстиниану требовалась система. В то же время император преследовал политические цели. Ему нужно было срочно успокоить народ, взбудораженный революцией, и обуздать латифундистов с их частными армиями и купленным правосудием на местах.

13 февраля 528 года — менее чем через год после прихода к власти — император создал особым *эдиктом* (указом) комиссию для исправления законов. В ее состав вошли десять правоведов во главе с бывшим квестором Священного Палатия Иоанном. Число участников комиссии напоминало римские комиссии децемвиров, которые делили землю или исправляли законодательство. То есть решение апеллировало к глубокой древности и прикрывалось ее авторитетом. В состав комиссии вошел уже известный нам Трибониан.

Работали быстро, причем ритм задавал император, которого льстецы называли «Бессонным» за привычку трудиться по ночам. Задача была невероятно сложна: систематизировать законодательство, отбросить ненужное и оставить «живые» законы. Но не только. Имелся и политический аспект. С помощью законодательной работы нужно было успокоить латифундистов, показав, что никто не посягает ни на их латифундии, ни на их рабов. В этом крылось лицемерие императора. Он продолжал вести подпольную войну с земельными магнатами вопреки собственным законам. Поэтому работать с законодательством Юстиниана историку следует крайне осторожно, учитывая этот важный момент. Зачастую исследователи этого не делали и не делают, воспринимая все статьи буквально.

Через год и один месяц после создания комиссии законоведов Юстиниан объявил сенату Ромейской империи, что труд завершен. Был принят новый свод законов, который получил название «Кодекс Юстиниана». Император обладал тщеславием — это распространенный порок среди провинциалов. Окончание законодательного труда было обставлено с помпой и в самых пышных выражениях. Но гордиться

было нечем: Кодекс получился громоздким, законы противоречили один другому, а самое главное — он никого не удовлетворил. Книга до нас не дошла, и мы можем строить догадки, какой неудачной она оказалась. Ясно, что Кодекс оставил недовольными и сенаторов, и латифундистов, и стасиотов. Первые решили, что император слаб и заигрывает с ними, последние — что он окончательно предал революцию.

На этом правовая работа не закончилась. 30 декабря 530 года император собрал новую комиссию, на этот раз из 16 человек. В нее опять вошел Трибониан, который выдвинулся во время составления Кодекса как один из лучших законников Византии. Комиссии надлежало собрать все сочинения древних юристов, имевших силу закона, и свести их в многотомное издание. Византийцы должны были знать, на чем базируется правоведение. Как сказал сам Юстиниан, «не зная древних законов, нельзя понять современное право». Так в советских университетах на юрфаках изучали законы Двенадцати таблиц и уложения Хаммурапи...

Труд завершили за три года. В результате на свет появилось громоздкое произведение под названием «Дигесты» (или «Пандекты», то есть «извлечения»; от этого слова произошло современное английское «дайджест»; иначе говоря, юридические штудии времен Юстиниана были «дайджестом» античного правоведения). Эта книга бесценна для историка, но для рядового читателя интереса не представляет. Ее объем — 7 частей (томов), 50 книг, 432 титула (главы) и 9132 отдельных фрагмента. Впрочем, мы забежали вперед. Вернуться к юридическим изысканиям императора придется немного позже, после описания мятежа «Ника».

Законодательная деятельность Юстиниана постоянно прерывалась массой неприятных событий — природными бедствиями, войнами, апофеозом же стал грандиозный бунт в столице. Но прежде чем рассказать о нем, посмотрим на причины.

Для строительства городов внутри страны и ведения войн за ее пределами император остро нуждался в деньгах. Пронырливый Иоанн Каппадокиец доставал их всеми возможными способами, но в результате уронил престиж правительства и довел кипение народного недовольства до высшей точки.

5. ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ

В этом параграфе речь пойдет о деятельности Иоанна Каппадокийца. Его правильно было бы назвать злым гением императора и...

его спасителем. Без Иоанна были бы невозможны те грандиозные достижения первой половины царствования Юстиниана, о которых мы поведем речь.

Каппадокиец вошел в государственную элиту еще в самом начале правления Юстиниана; влияние хитрого финансиста ощущается с 528 года. Заняв важный пост *префекта претория* (или *эпарха двора*, как пишет Прокопий) в 531 году, Иоанн еще более рьяно взялся за дело. Должность не имеет аналогов в современности: тогда практиковались иные технологии управления. Иоанн ведал финансами и императорской почтой, чинил суд и контролировал работу наместников провинций (губернаторов), он собирал налоги и даже издавал эдикты (указы) в сфере своей компетенции. Для простолюдина, каким являлся Каппадокиец, это невероятный взлет. Ясно, что его вознес вверх политический переворот после падения правительства квестора Проба. Это был прямой результат мятежей и волнений стасиотов, которые образовали «народные правительства» в провинциях, по выражению Феофана Исповедника. Не в одном ли из таких правительств начал свой труд Иоанн? В общем, он обскакал по карьерной лестнице многих родовитых аристократов и могущественных сенаторов, включая самого Ипатия — племянника императора Анастасия. Пока аристократы дрожали за себя, Иоанн действовал.

Юстиниан поставил перед ним простую задачу: отладить расшатанную после «революции» систему управления и выкачать как можно больше денег из представителей всех сословий, включая магнатов, купцов и крестьян. Иоанн буквально за год произвел в своем ведомстве решительный переворот, но обрел всеобщую ненависть.

Он стремился централизовать финансовое и административное управление. Прежняя система, когда налоги собирали сами землевладельцы и значительную часть присваивали себе, должна была уйти в прошлое. Теперь эту функцию осуществляло государство. Кроме того, Иоанн стремился покончить с финансовой самостоятельностью полисов. Представители «народных правительств» в городах должны были подчиниться императорским фискалам и сдавать деньги в казну, а не оставлять их у себя якобы на городское развитие (ибо значительная часть средств при этом разворовывалась). Иоанн боролся с коррупцией и злоупотреблениями на местах. Он ликвидировал налоговые льготы магнатов. Деньги рекой потекли в казну. Правда, крупные землевладельцы пытались переложить повинности на плечи крестьян, но Юстиниан и Каппадокиец мешали этому, в том числе посредством

новых законов. Латифундистам запрещалось приобретать заброшенные государственные земли и расселять там своих клиентов. Наконец, Иоанн под покровительством императора начал борьбу с взяточниками в государственном аппарате. Казалось, простолюдины должны были возлюбить Каппадокийца, но произошло обратное. Почему? Прокопий утверждает, что Иоанн принялся воровать, брать взятки и вообще всячески пользоваться своим служебным положением. Кроме того, он притеснял не только богачей, но и чернь.

Начнем с последнего обвинения. Царь и его префект были феноменально трудоспособны и требовали работы от всех. Это означало, что государственные подачки люмпенам должны сократиться, а затем исчезнуть. Так и произошло. Пролетариат Константинополя заставляли искать работу и трудиться. Это восстановило против Каппадокийца столичных простолюдинов.

Затем Иоанн взялся выкачивать средства из провинций. Систематическое истребление знати во время «революции» привело к тому, что фонд государственных земель резко вырос. Это породило проблему управления государственным земельным сектором и повышения доходности государственных поместий, которые были разбросаны по всей стране. Юстиниан слил эти имения в единый комплекс, не делая разницы между личными и государственными владениями. Это упростило управление.

Иоанн придумывал новые косвенные налоги и чрезвычайные платежи. В этом смысле его можно сравнить с изобретательным канцлером Петра Великого — знаменитым Шафировым, который тоже добывал деньги «из воздуха».

Иоанн широко внедрял «монополии». Государство за известную сумму отдавало право частным корпорациям устанавливать цену на тот или иной товар; например, хлеб. Продавцы платили за это государству постоянный взнос — *монополиум*, но тотчас компенсировали его за счет конечной цены. Страдали покупатели, особенно бедный люд. Иногда товар продавали через государственные магазины. Тогда операции с хлебом становились еще беззастенчивее. Государство покупало зерно в Египте по принудительно низким ценам (эта закупка называлась *синона*), а затем продавало перекупщикам подороже или занималось производством низкокачественного хлеба, чтобы не нарушить монополию. Такой государственный хлеб был наполнен золой и невкусен, хотя и дешев. Естественно, потребителям это не нравилось, тем более что многие из них не могли постоянно

покупать дорогой хлеб. Кишащий люмпенами Константинополь и другие крупные города сделались рассадниками недовольства, но Юстиниан и его префект утратили контроль над реальностью. Всё происходило слишком быстро.

Иоанн был неистощим в своих выдумках. В 528 году он устроил внутреннюю таможенную на Дарданеллах. С купцов и судовладельцев взимались пошлины за перевоз товара в Европу из Азии и обратно. Официально таможенники боролись с контрабандой, но фактически обеспечивали казну поступлениями. Решалась и еще одна задача: разоренный войнами и набегами Балканский полуостров защищался от конкуренции богатых восточных провинций. Но популярности правительству эта мера не принесла. Купечество возненавидело Юстиниана и его префекта. Лишь впоследствии, уже после восстания «Ника», Юстиниан сделает выводы и создаст все условия для активности деловых людей.

Добавим к этому, что Иоанн ввел режим экономии государственных расходов, урезал затраты на содержание почтовой службы и пытался сократить военные расходы (в начале своего правления сам Юстиниан и его выдвиженцы с Велисарием во главе противились попыткам Каппадокийца урезать военный бюджет). Немудрено, что в короткое время префект вызвал всеобщую ненависть. Особенно отвратительно было видеть, что этот экономный финансист и борец с коррупцией живет на широкую ногу и берет взятки.

Но ведь Каппадокиец был только одним звеном системы, созданной Юстинианом. Она вызвала недовольство у многих — от революционных идеалистов до латифундистов и представителей деловых кругов. Начались тайные консультации представителей цирковых партий. Ситуация оказалась взрывоопасной — достаточно было поднести фитиль. Но император не заметил этого за государственными заботами, которыми занимался с удовольствием и жадностью нового человека. Одним из важных направлений была внешняя политика. Император активно воевал и интриговал. На это тратились значительные средства из тех, что добывал Иоанн.

6. ПОПУЛИЗМ

В то же время, чтобы усилить авторитет власти, Юстиниан и Феодора пытались реализовать, как бы мы сказали, «социальные программы» по поддержке неимущих слоев населения.

Базилевс отстраивает пострадавшие от землетрясений города, снижает налоги и продолжает репрессии против богатых, что позволяет

получать дополнительные ресурсы и освобождать крестьян. Отмена ряда налогов находится в вопиющем противоречии с обвинениями, сделанными Прокопием в «Тайной истории», однако — тем хуже для Прокопия. Со своей стороны Феодора замаливает грехи мужа и всюду демонстрирует благочестие.

«В то же самое время, — пишет Малала, — благочестивая Феодора после других своих добрых дел сделала следующее. Так называемые содержатели притонов шныряли вокруг, высматривая повсюду бедняков, имеющих дочерей, и, дав им обещания и немного номисм, они забирали тех [девиц] якобы на воспитание. [Сами же] выставляли их публично, пользуясь их несчастьем и получая низкую выгоду от [продажи] их тел». Городская стража переловила столичных содержателей притонов. После этого Феодора выкупила у них девушек, дала освобожденным «секс-рабыням» по одной номизме (золотой монете) и отпустила по домам. Неизвестно, понесли какое-то наказание торговцы женщинами или нет. Возможно, что нет. Император и его жена всячески демонстрировали свое милосердие в этот период. Лишь позднее придет понимание, что власть должна проявлять жестокость для устранения зла.

Богачей преследовали не всех. Иоанн Малала приводит трогательную историю, которая показывает Юстиниана и его жену с неожиданной стороны, как благотворителей и защитников состоятельного человека, который пострадал несправедливо.

Пострадавшим был некий Евлалий, *комит доместиков*. Эта должность означала предводителя гвардейцев, когда-то ее занимал сам Юстиниан.

Дом Евлалия сгорел по какой-то причине, и его хозяин утратил всё достояние. Чтобы прокормить семью, вояка набрал кредитов, но вскоре умер, а перед смертью составил завещание в пользу Юстиниана. «В завещании он написал, чтобы благочестивейший Юстиниан давал его дочерям ежедневно по 15 фоллов», — пишет Малала. *Фолл* или *обол* — медная монета. Сумма в 15 фоллов невелика. На нее можно было купить еду и одежду. Правда, в завещании имелось еще условие: когда девушки достигнут брачного возраста, пусть каждая получит в приданое десять фунтов золота. «И чтобы долги его были оплачены его наследником, — прибавляет Малала. — После этого Евлалий умер».

Чиновник-*куратор* отнес завещание базилевсу. Юстиниан приказал принять наследство. Куратор, придя в дом, где жил Евлалий, сделал тща-

тельную опись имущества. Он обнаружил, что все богатства умершего офицера составляют 564 золотые номизмы. Это было меньше того, что ожидалось.

Аккуратный чиновник сообщил царю, что наследство невелико.

— Принять наследство, — повторно распорядился Юстиниан.

Куратор заметил: оставленное имущество недостаточно для выполнения пожеланий завещателя. Царь отмахнулся:

— Почему ты мешаешь мне принять наследство и сделать благочестивое дело? Иди, оплати его долг и исполни то, что он завещал. Трех дочерей его повелеваю отвести к августе Феодоре и охранять их при царской опочивальне. Приказываю дать им в приданое по 20 фунтов золота и все имущество, которое оставил их отец.

Современные комментаторы ищут в этом распоряжении какую-то выгоду. Например, говорят, что Юстиниан был верховным собственником всего имущества в государстве, а значит, рассчитывал, что все пожертвования на семью Евлалия вернутся обратно... Это мнение просто вопиет своей некомпетентностью.

Произошло другое. Юстиниан помог человеку, которого уважал, — вот и всё. Малала приводит помощь как пример милосердия, и он прав. Евлалий был честный офицер, а потому заслужил уважение императора. Юстиниан не щадил другую категорию людей — ростовщиков и латифундистов.

Феодора при каждом удобном случае демонстрировала благочестие и смирение. Она устраивала религиозные моления, чтобы показать себя народу и продемонстрировать набожность. Судя по всему, ей это удалось. Большинство подданных любили Юстиниана и Феодору. Этот факт невероятно раздражал Прокопия Кесарийского и других оппозиционеров, которые норовили рассказать обжигающую «правду» о царе и царице.

А вообще, мы видим явную полемику двух историков — Прокопия и Малалы. Первый говорит о бедствиях империи и о финансовых вымогательствах, которые практиковал император. У Малалы читаем другое. Он пишет о снижении налогов, о введении законов против богатых людей (например, о законе против обогащения *архонтов*). Кто же прав?

Совершенно ясно, что реформы императора направлены против старых порядков и прежнего правящего класса. Другой вопрос, что пустующее место тотчас заняли представители новой элиты, и это возмущало старую знать.

7. МЕСТЬ ИУДЕЕВ

Император был ревностным христианином. Его идеал — православная империя, основанная на принципах социальной справедливости и взаимной помощи. Если он видел несоответствие идеалу, то жестоко наказывал отступников. В 528 году разразился скандал. Выяснилось, что некоторые православные иерархи занимаются утехами с мужчинами. Расправа последовала незамедлительно. «Император жестоко наказал Исаяю, епископа Родосского, и Александра, епископа Диоспольского во Фракии, обвиненных в мужеложстве, именно: низложивши их, велел отсечь им детородные уды», — пишет Феофан Исповедник. Об этом же свидетельствует Иоанн Малала. «Они были доставлены в Константинополь, — уточняет Малала про пойманных с поличным епископов, — и после расследования осуждены эпархом города Виктором, который подверг их наказанию. Исаяя после жестоких пыток был изгнан [из города], Александру же отсекали член и выставили его [Александра] на всеобщее обозрение, и тотчас василевс повелел, чтобы у тех, кого уличат в педерастии, отсекали член, и было в это время обнаружено много занимающихся мужеложеством. И возник тогда страх у страдающих этим злом».

Кроме всего прочего, схваченных епископов подвергли позору. Высокопоставленных геев водили по улицам и кричали:

— Вы, епископы, не бесчестите своего сана!

Между прочим, средневековых «коммунистов» вообще отличала ненависть к сексуальным меньшинствам. Маздакиты тоже не терпели однополый секс. Они были наследниками зороастрийских воззрений, по которым секс между мужчинами считался порождением мирового зла и карался смертью.

Но это были, так сказать, наказания «между делом». У императора имелись гораздо более серьезные враги, чем епископы, которые пятнали честь мундира. Это язычники, еретики и сепаратисты. Первые представляли агентуру влияния персов и питательную почву для оппозиции. Возможно, к числу таких людей принадлежал Прокопий Кесарийский. Если он был язычником, который маскировался под христианина, чтобы легче делать карьеру, многое встает на свои места.

Итак, с язычниками понятно. Перейдем к еретикам. Прежде всего мы говорим о монофизитах. Копты в Египте, арамеи в Сирии, армяне в своей стране — все они чувствовали себя особыми народами и все

были приверженцами монофизитской ереси. Юстиниан пытался договориться с монофизитами.

Третья беда — еврейские сепаратисты. В Палестине жили две ветви евреев: самаритяне (или израильяне, что то же) и иудеи. Они не любили друг друга, но византийцев — ненавидели и хотели отделиться от них. Эта ненависть объединяла евреев крепче любви. Кроме того, они обладали избыточной пассионарностью, которая толкала на жертвенные поступки.

В I веке на Ближнем Востоке произошел пассионарный взрыв, который обновил этносы. Такова гипотеза Льва Гумилева, и она не противоречит данным науки. Этносы действительно обновились. Мы видим это по смене веры. Греки сделались христианами. Евреи — талмудистами. Оба суперэтноса — ромеи и евреи — испытывали отвращение друг к другу и стали врагами.

Возникла серьезная проблема. На территории Ромейской империи жил еврейский народ, абсолютно враждебный по отношению к ромеям. Выселить его было нельзя — это противоречило ромейским законам. Предоставить независимость — тоже. Это противоречило имперским принципам. Истребить — такая чудовищная мысль даже не приходила в голову византийцам. Они пытались заставить евреев жить по византийским законам и не требовали обращения в христианство.

Многие евреи пошли на хитрость. Чтобы делать карьеру, они принимали греческие имена, называли себя православными, но тайно продолжали отправлять еврейские обряды. И тут следует в очередной раз упомянуть Прокопия Кесарийского. Прокопий родился в Кесарии — одном из городов Палестины. Не был ли он таким тайным, эллинизированным евреем, в сознании которого вера в Яхве причудливо переплелась со знаниями о древних богах эллинов? То, что он тайный язычник, историки замечали не раз. В мышлении Кесарийца нет ничего христианского. Еврейскую версию по каким-то причинам не выдвигали. Но думается, она тоже имеет право на существование. Прокопий сочувствует евреям. Впрочем, он слишком осторожен, чтобы высказывать свои симпатии открыто. Это мешает нам сделать окончательный вывод. Но и сказанного достаточно, чтобы высказать предположения.

Вернемся к событиям начала правления Юстиниана. Евреи подняли восстание. Произошло это так.

В июне 529 года в районе палестинского города Скифополь вспыхнул мятеж: израильяне и иудеи, объединившись, начали резню христиан. Это важный факт. Иудея и Израиль были частью одного

суперэтноса — еврейского. Они могли какое-то время враждовать между собой, но против главного врага — православных — выступали единым фронтом.

Правителем части Палестины, в которой вспыхнул мятеж, был архонт Басс (или Васс в «мягкой» византийской огласовке). Его провинция называлась Палестина Вторая; туда входили районы, населенные израильтянами. К югу располагалась Палестина Первая. Ее населяли иудеи. Столицей Палестины Первой был священный для христиан Иерусалим.

Похоже, виновником мятежа евреев являлся этот архонт. Возможно, он был яростный христианин и антисемит. Или беззастенчивый вор, который притеснял население. А может быть, то и другое вместе. Наконец, он мог принадлежать к партии противников Юстиниана. Восстание евреев могло стать в таком случае провокацией, с которой начались бы мятежи против императора. Наконец, Басс мог быть агентом Ирана, с которым Византия как раз начала войну (о ней мы расскажем в следующей главе). Спровоцировав восстание, наместник сорвал наступление византийских войск в Месопотамии.

Юстиниан пришел в бешенство от поведения Басса. Император сместил его с должности и вскоре казнил. Это беспрецедентный случай в административной практике базилевса! Мы видим, что даже Проба, который оскорблял его в кухонных разговорах, Юстиниан легко помиловал. Следовательно, архонт Басс должен был совершить нечто действительно серьезное.

Казнь архонта не означала, что император собирается оставить в покое евреев. Да и у самих повстанцев не было иллюзий на этот счет. Они решили создать собственное царство и отделиться от Византии. Евреи, пишет Иоанн Малала, «захватили власть и венчали [на царство] разбойника Юлиана, самаритянина; жгли поместья и церкви и убили многих христиан». Ни о каких договоренностях между евреями и ромеями речи не было. Еврейские повстанцы просто резали христиан, расчищая себе место под солнцем. Характерно римское имя вождя повстанцев — Юлиан. Евреи пытались скрыть истинное происхождение, но в нужный момент, когда было выгодно, вспоминали о нем. Например, тот же Юлиан носил вполне еврейское отчество бен Цабар, то есть сын Цабара.

Восстание вспыхнуло ярко, как внезапный пожар. Доходило до омерзительных эксцессов. «[Юлиан] с множеством самаритян пришел в Неаполь (Палестинский, расположенный на месте древнего израильского города Сихем. — С. Ч.) смотреть состязания на ипподроме, —

говорит Малала. — В первом же заезде победил некий возничий Никий, христианин. Были в Неаполе и другие возничие, самаритяне и иудеи, которых победил этот возничий Никий. Когда он пришел к тирану за наградой, [Юлиан] спросил его, какой он придерживается веры. Узнав, что [Никий] христианин и что в предстоящем сражении надеется на скорую победу христиан, как и случилось, [Юлиан] тотчас же приказал отрубить на ипподроме голову [этому] возничему». Такими действиями евреи лишь озлобляли христиан и доводили накал борьбы до предела. Но поступать иначе они не могли. Так мотыльки летят на огонь, не в силах ничего с собой поделаться. Впрочем, здесь происходило иное: в огонь швыряли христиан.

Юстиниан приказал стянуть войска против повстанцев. Бунт был опасен вдвойне, потому что на востоке сосредоточились персидские армии. Терять время нельзя. В 529 году войсками Палестины командовал *дука* или *дукс* Феодор Курносый. Он оказался энергичным военным. Быстро стянув силы и присоединив отряд палестинских арабов из племени *бану гассан*, Курносый выступил против мятежников.

Израильтянин Юлиан бросил свою столицу Скифополь и намерился уйти в горы. Произошла битва. «Многих самаритян дукс зарубил и захватил самого самаритянина Юлиана, так как Бог отвернулся от него», — замечает Малала. Курносый предводитель ромеев расправился с вождем мятежников быстро, радикально, без лишних допросов и пыток. Юлиану отрубили голову. Военачальник отослал ее вместе с диадемой узурпатора в Константинополь в подарок Юстиниану.

Резня евреев была страшная. Малала утверждает, что в сражении ромеи перебили 20 тысяч человек. Если цифра соответствует действительности, то нужно признать, что евреи под властью ромеев сильно размножились, коль скоро смогли выставить огромное по численности ополчение. Ведь помимо убитых должны быть пленные, раненые, бежавшие... А спаслось после той резни немало. «Некоторые [самаритяне], — пишет Малала, — бежали на гору по имени Арпаридза, другие в Трахон, на так называемую железную гору». Там они продолжали сражаться против византийских солдат.

Евреи перешли к партизанской войне. Они жгли поместья византийцев, нападали на деревни, убивали христиан и множили беспорядки. Юстиниан понял, что Курносый не справляется с задачей подавления мятежа.

Вместо Феодора новым дукой назначили Иринея, антиохийца, который хорошо знал местные нравы и географию. Иринея, «устремившись против находящихся в горах самаритян, жестоко им отомстил, убив многих». Восстание было подавлено.

8. РАСПРАВА С ЯЗЫЧНИКАМИ

Одновременно базилевс разгромил подразделение «пятой колонны» у себя в стране. Он предпринял «великое гонение на эллинов», как выражается Иоанн Малала. Эллины — это представители старого, языческого этноса, жившего в восточной части Римской империи до того, как появилось христианство. Они верили в силы природы, в многочисленных олимпийских богов, практиковали какие-то таинственные обряды, которые так и называли — *мистерии* (таинства). Педерастия и гомосексуализм у эллинов считались нормой.

Сперва это было как бы пропуском в элиту. Взрослые политики и философы лишали невинности подростков, а потом принимали их в круг избранных и даже иногда женили на своих дочерях. Так поступил, например, с одним из своих учеников Аристотель. Впоследствии практика гомосексуализма так распространилась, что мужчины перестали заводить детей, и земли Эллады обезлюдели.

Помимо гомосексуальных связей эллины практиковали беспорядочный секс. Например, во время вакханалий, с возлияниями вина и чувственными песнями, они выбирали партнеров и партнерш и совокуплялись кто с кем хотел, предвосхитив в этом нынешних свингеров.

Поздний эллинизм выродился в довольно странный эзотерический культ. Поговаривали, что язычники приносят человеческие жертвы. В сочетании с оргиями это навеивает мысли о том, что поздние верования эллинов бионегативны. Возможно, они превратились в разновидность поклонения Сатане под видом добрых олимпийских богов, которые, вообще говоря, требовали чего угодно, но не человеческих жертв. Но даже если на язычников наговаривали, с их верованиями пора было кончать. Жизнеутверждающая позиция Юстиниана не могла мириться с присутствием чуждых и вырождающихся религий. Современные историки свысока говорят, что Юстиниан желал создать универсальную жестко централизованную империю. Это не совсем так. Дисциплину Юстиниан действительно любил, в дела управления государством стремился вникать до мелочей, но не душил инициативу на местах. Его правление — это не всеобщая централи-

зация, а попытка создать новую систему. Ее частью была религия. В христианах, которые пропагандировали посты (то есть здоровое питание), моногамный брак и деторождение, Юстиниан видел пользу для империи. В гомосексуальных язычниках с непонятными культурами и жертвами император чуял врагов. В общем, предчувствия его не обманывали.

Первыми пострадали, как обычно, латифундисты, среди которых имелось большое число язычников. Репрессии коснулись также крупных чиновников. «И было подвергнуто конфискации имущество многих людей, среди которых умерли Македоний, Асклепидот, Фока, сын Кратера, и квестор Фома», — пишет Малала. Большинство преследуемых покончили самоубийством. Интереснее судьба квестора Фомы, который был отстранен от должности за языческие убеждения, но восстановлен в дни восстания «Ника». Вообще, кадровая чехарда была в те годы ужасная. В первое десятилетие правления Юстиниана сменилось около десятка епархов (градоначальников) в Константинополе. А ведь это — лишь один город. Трудно представить, что творилось в масштабах империи. Шла борьба с латифундистами, с воровством чиновников, со сверхдоходами граждан, с язычниками... Это дает основания Прокопию называть императора ниспровергателем устоев.

О гонениях на «эллинов» пишет и Феофан Исповедник. «Царь издал повеление, чтобы Эллинствующих не допускать в государственную службу, ни Еретиков, но одних только Православных Христиан; первым дана была отсрочка для размышления на три месяца».

Вскоре после этого, в 529 году, Юстиниан прикрыл афинскую Академию, созданную еще Аристотелем, и запретил язычникам преподавать науки.

Это умножило число врагов императора. Причем не за счет каких-нибудь деревенских простолюдинов; врагами Юстиниана стали тонкие интеллигенты, носители гностической мудрости, извращенные эллины. Главные преподаватели Академии вообще уехали в Персию и стали служить иранскому шаханшаху. Это навело некоторых современных ученых на мысль, что преподаватели Академии давно выполняли шпионские функции в Византии. Например, языческую Академию в Александрии Египетской император не тронул. Не потому ли, что ее ученые не совмещали основную работу со шпионажем в пользу Ирана? Избавиться от вражеских агентов было крайне важно: византийцы вновь воевали с персами.

ГЛАВА 2. ИРАН И БАЛКАНЫ

1. СХВАТКИ НА ГРАНИЦАХ

Едва придя к власти, Юстиниан предпринял наступление на Иран. Императору требовался военный успех, чтобы увеличить свою популярность. Иранский шаханшах Кобада был уже стар и полупарализован. Страной управляли маздакиты, которые делили власть с наследником Кобада — Хосровом, энергичным воином и хитрым политиком. По многим причинам Хосрову не нравились маздакиты, но наследник терпел их до поры до времени, а сам собирал силы. Ему требовалась верная армия, чтобы покончить с «коммунистическим» движением внутри страны и обрести полноту власти. А для того чтобы завоевать верность армии, Хосрову нужны были победы. Но до поры до времени наследник прикидывался правоверным маздакитом.

В 527 году персы прошли по землям Иверии и напали на правителя лазов Бакура, который восстал против шаханшаха. Иранцами руководил старший сын Хосрова Ануширвана — Пероз (Фируз).

Юстиниан приказал собрать войско и ударить по персам. Он назначил трех полководцев: Кирика, Иринея и Хильдериха. Они действовали так неудачно, что вскоре император уволил их, заменив на некоего Петра. Но восстановить фронт Петр не смог и отвел войска. Юстиниан приказал ему занять оборону в Трапезунде и оставить Западную Грузию — Лазу. Что касается Бакура, то он, вероятно, был свергнут персами в 527 или 528 году и бежал в Византию. Новым марзпаном Иверии сделался его сын Фарасман, который правил предположительно до 561 года.

Неудача ждала византийцев и на юге, в Месопотамии. Там распорядился молодой Велисарий. Он оборонял границу, но не выдержал натиска. Юстиниан получил сообщение, что 30 тысяч иранцев пересекли пограничный рубеж и начали наступление в Месопотамии. Персы действовали по всему фронту, сосредоточив огромные силы. Лишь Урсикий Ситта, бывший телохранитель Юстиниана, начальник византийских войск в Армении, смог удержать врага.

Юстиниан перебросил в Месопотамию подкрепления. К слову, командиром одного из крупных подразделений, направленных туда, был Куца — родной сын убитого полководца Виталиана. Из этого следует, что либо Юстиниан непричастен к устранению Виталиана, либо Виталиан действительно плел заговор с целью захватить власть, и вина его была доказана, а сын полностью оправдан.

Византийцы напали на персов в Месопотамии, но потерпели неудачу из-за соперничества командиров. Впрочем, победа далась иранцам дорогой ценой. Возник позиционный фронт. Император воспользовался передышкой, чтобы начать возведение оборонительных линий на Востоке. Эта работа займет несколько десятилетий, но результат оправдывает себя: восточная граница Ромейской империи надолго обретет безопасность.

В том же 527 году Юстиниан провел роскошные «консульские игры», чтобы сгладить впечатление от поражений и задобрить народ. Игры включали в себя бега колесниц, травлю зверей и раздачу подарков. Тем самым царь намекал, что потрясения закончились.

Тогда же ромейским дипломатам удалось склонить к союзу угорское племя *саби́ров*, жившее в Дагестане. «Присоединилась к римлянам Воа, предводительница гуннов-савиров, женщина по мощи и разуму подобная мужчине, вдова, мать двух малых сыновей, имевшая под своим началом сто тысяч», — говорит Иоанн Малала. Вероятно, имеется в виду общая численность народа; воинов среди них было тысяч десять. Юстиниан, «подарив ей много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег», велел напасть на двух вождей саби́ров, которые ориентировались на персов. Царица исполнила просьбу и уничтожила своих врагов. На Кавказе продолжалась непримиримая борьба между иранцами и ромеями; успех клонился то в одну, то в другую сторону.

* * *

Византийская дипломатия действовала на всех направлениях. Ромеев интересовал Крым. В античные времена здесь находилось Боспорское царство, зависимое от Рима. Впоследствии оно пришло в упадок и покорилось гуннам, но греки издавна жили в Крыму и на Кубани. Никуда не делись они и после краха старого Боспорского царства. Более того, над ними даже остались какие-то цари, носившие варварские имена. Вероятно, это были болгары или греко-болгарские метисы. Новое Боспорское царство подчинялось, видимо, кутургурам.

Юстиниан сумел отколоть Боспор от болгар. Местный царек

Г о р д (или Грод), который правил обитателями Боспора, «присоединился к императору, сделался Христианином и просветился, а император принял его, осыпал большими дарами и отправил в собственную его страну охранять Римские пределы и город Воспор», — пишет Феофан Исповедник. Византийцы получили от этого свою выгоду.

Они стали торговать с Крымом, закрепились на его берегах и угрожали кутургурам с тыла.

Впрочем, история Боспора и крымских владений империи никогда не была мирной. Тот же Горд вскоре погиб в борьбе со своими родичами, которые остались верны вере предков. Новым царьком боспорцев сделался брат Горда — М у а г е р. Он изменил внешнеполитический курс и начал войну с Византией.

Юстиниан послал в Крым небольшую армию из ромеев и варваров. Ею командовал консул Иоанн, внук ромейского полководца Иоанна Скифа. И, возможно, потомок крымских скифов, которые еще жили в этих краях. Он разгромил мятежников и восстановил вассальное по отношению к Византии Боспорское царство.

Последний известный в истории царь Боспора носил имя Диптун. Он правил в 550-е годы. Вероятно, после смерти Диптуна Боспорское царство присоединилось к Ромейской империи. Центром имперского наместничества стал город Херсонес в районе нынешнего Севастополя. На Кубани византийцы долго держались в Таматархе (Тмутаракань русских летописей).

2. ГИБЕЛЬ МАЗДАКИТОВ

Продолжались военные действия в Закавказье. Юстиниан приказал атаковать персов в Армении. Это нелегкое дело он поручил Ситте. Бывший телохранитель Юстиниана был другом и соперником Велисария. Император доверял им обоим, но Ситте, возможно, даже больше. Базилевс женил его на актрисе Комито — старшей сестре императрицы Феодоры. Таким образом царь привязал Ситту к правящей семье и обеспечил его преданность. Свадьба состоялась в столице, в квартале Антиох. Плодом этого брака станет дочь София — будущая императрица Византии.

Ситта получил звание *стратилата* (главнокомандующего) войсками Армении. По-латыни эта должность звучала как «магистр милитум». До той поры Армения не имела собственного магистра, войсками распоряжались местные *дуки*. «Юстиниан, — пишет Феофан Исповедник, — сверх того дал ему четыре Восточных полка, и это войско было для Римлян большою защитою и пособием».

Ситта набрал в войско много армян, прекрасно знавших местность. Они не любили иранцев втройне: как чужеземцев, маздакитов и иноверцев. Для части армянских князей этого оказалось достаточно, чтобы выступить против врага вместе с Ситтой.

Ситуация на армянском участке фронта переменялась, ромеи получили перевес, и Ситта перенес военные действия на территорию врага. Князья Персоармении стали переходить на его сторону.

В Иране было неладно. Доносили о каких-то смутах, о тайной борьбе разных группировок за власть. Под 528 годом мы встречаем странное известие в хронике Иоанна Малалы. Оно настолько ценно, что стоит привести его полностью.

«В персидских областях обнаружилась манихейская ересь, — пишет Малала. — Узнав об этом, царь персов разгневался так же, как и верховные маги персов. Ибо был у этих манихеев и епископ по имени Индарадзар. Персидский царь устроил совет и, собрав всех манихеев вместе с епископом, отдал приказание стоявшему вокруг вооруженному войску, и были зарублены мечами все манихеи и их епископ вместе со своим клиром. Все они были убиты на глазах самого царя и христианского епископа. Имущества их были конфискованы, а церкви переданы христианам. [Царь] разослал по своей стране божественный указ о том, чтобы сжигали уличенных в манихействе. Сжег он и все их книги. Обо всем этом рассказал бастагарий персов, после крещения принявший имя Тимофея».

Перед нами сообщение о смуте в царстве персов, но очень невнятное. Кто такие манихеи в данном сообщении? Вероятно, маздакиты. Напомним, что этим ужасным именем в Византии звали вообще всех религиозных диссидентов. Ясно, что в Иране случился государственный переворот. Маздакитов объявили врагами. Не исключено, что на них наклеили ярлык манихеев, чтобы вызвать отвращение обывателей.

Что же произошло на самом деле? Наследник престарелого шаханшаха Кобада, Хосров, собрал под свои знамена всех недовольных «коммунистическим» режимом и произвел путч. Маздак (или его преемник, носивший то же имя, ставшее титулом) был свергнут, арестован и убит. Опорой Хосрова были дети казненных маздакитами вельмож. Они устроили дикую резню политических противников. «Коммунистов» распинали, вешали, закапывали живьем. Маздакитам мстили так, как могут отомстить люди, которых лишили самого священного на земле: собственности. Трудно понять детали. Как произошел переворот? Какой отклик он вызвал в соседних странах? Известен лишь результат. Маздакитов зверски истребили. После этого революция пошла на спад и в соседних странах. Первый опыт строительства коммунистического

общества оказался смутным, неясным и плохо пересказанным историками, что вполне естественно.

Старый шаханшах Кобад уцелел после переворота. Он поддержал сына, а Хосров не стал убивать отца за его «революционное» прошлое. Зато погиб один из сыновей Кобада — Кабус. Во-первых, он искренне поддерживал маздакитов. Во-вторых, мешал Хосрову занять трон.

Кто выиграл в результате контрреволюции? Несомненно, Кобад и его потомки. В сущности, после переворота шаханшахи Ирана добились, чего хотели. Руками маздакитов Кобад истребил феодалов, ограничивавших царскую власть. Затем уничтожил маздакитов с помощью детей казненных феодалов. Но это был уже другой режим: дети превратились в наемников и служили за деньги. Земля осталась у крестьян, которые получили ее от «коммунистов» во время разделов и конфискаций.

Кобад, впрочем, недолго наслаждался успехом: он умер от инсульта через два-три года после контрреволюционного переворота, будучи глубоким стариком (ему исполнилось девяносто). Наследник Кобада — шаханшах **Хосров Ануширван (531—579)** — использовал все преимущества, которые дала революция. Он унаследовал от маздакитов жесткую централизованную систему управления собственно Ираном, а также — сильную армию. Прозвище «Ануширван» означает «бессмертный душой». Он и вправду очень долго управлял Персидской империей, хотя бессмертия, конечно, не обрел: законам биологии вынуждены подчиняться и цари, и простые смертные.

Новый шаханшах заменил революцию реформами. Вместо «коммунистического» государства он выстроил военную монархию, превратив страну в армейский лагерь. Заметим, что монархия Юстиниана эволюционировала в том же направлении. Это не может быть случайностью. Видимо, в VI веке революции деградировали по сходным законам. Да и вызваны были похожими явлениями.

Вкратце причины появления «коммунистических» режимов таковы. Растет население, появляются империи, для управления ими уже не годятся прежние методы, которыми управлялись архаические общины вроде полисов Древнего Рима или Эллады. Не подходит и феодализм. Для управления страной предлагается ранняя «коммунистическая» модель.

Смысл великих революций в том, что даже после собственной гибели они влияют на развитие общества. «Шаханшах-контрреволюционер» Хосров начал реформы.

Он разделил страну на крупные провинции (генерал-губернаторства), упорядочил налоговую систему. Вероятно, сохранились какие-то завоевания маздакитов. Хосров не смог забрать у крестьян землю, ранее отнятую у крупных помещиков и розданную землепашцам. Поэтому, чтобы прокормить своих сторонников, он вынужден был воевать и побеждать. Подходящим врагом оказалась Византия с ее социальными потрясениями и религиозными неурядицами. Хосров воевал с нею несколько десятков лет. Для войны он сформировал 12 полков тяжелой рыцарской кавалерии — *саваран*. Ее дополнили ополчениями племен и конными стрелками. Полководцы несли личную ответственность за успехи или неудачи кампании. Персидская армия была грозной силой.

Борьба византийцев с персами происходила на фоне бесконечных стихийных бедствий. Они придавали противостоянию привкус апокалипсиса. В 528 году «пострадал от Божьего гнева Помпейополь в Мизии: ведь когда произошло землетрясение, неожиданно раскололась земля и поглотила половину города вместе с жителями, и они оказались под землей, — вспоминает Иоанн Малала. — ...Василевс проявил большую щедрость, чтобы откопать и спасти находившихся под землей, а также для того, чтобы восстановить город для оставшихся в живых».

Бедствие настигло Лаодикею Сирийскую (нынешняя Латакия). От землетрясения погибло «семь с половиной тысяч людей: множество евреев и небольшое количество христиан», — говорит Малала. Тогда же «великая Антиохия снова испытала на себе гнев Божий», — подхватывает Феофан Исповедник. Ужасное землетрясение продолжалось целый час, здания и стены рушились до основания.

Люди молились. Кто-то бежал в горы, но и там не было спасения. Началась суровая зима. Верующие передавали из уст в уста знамения, ждали чуда, и наконец оно свершилось. Гнев Божий утих, землетрясения прекратились. Юстиниану оставалось только оно: вновь раскошелиться. «Царь и царица пожертвовали огромное множество денег на возобновление и постройку города Антиохии», — пишет Феофан.

Бедами ромеев активно пользовались враги. Ал-Мунзир, царек иракских арабов (*лахмидов*), начал наступление на союзные Византии племена Сирии и Аравии. Он разгромил союзное Византии аравийское царство *киндитов*. Заслона от иракцев больше не было.

В 528 году мы видим новое вторжение *лахмидов*. Ал-Мунзир дошел «до самых пределов Антиохийских», — сообщает Феофан Исповедник. Историк называет несколько имений знатных латифундистов, разграбленных арабами. Византийский правящий класс погибал под

ударами с двух сторон: изнутри его уничтожали стасиоты, а извне — арабы и персы.

Это побудило Юстиниана сменить командование на Востоке. Бездарный Ипатий, племянник Анастасия, был в очередной раз снят с должности командующего, которую он занял после событий в империи, описанных выше. Вместо него Юстиниан назначил «предводителем Восточных полков» Велисария. Но в это время возникли проблемы на дунайской границе. Перенесемся туда.

3. НА ДУНАЕ

Стратегическое положение Византии было крайне неудачным. Конфигурация границ оказалась такова, что империя на протяжении всей своей истории воевала на нескольких фронтах. Один из таких фронтов — дунайский.

Ко времени правления Юстиниана расстановка сил здесь сложилась следующим образом. Трансильванию занимало племя *гепидов* (одна из ветвей готов). К западу, в современной Словакии, обитали враги гепидов — *лангобарды*. Эта кличка означала в переводе с древнегерманского «длиннобородые». Над лангобардами смеялись соседи. Высмеивали всё: нелепую прическу этих людей с косами, свисавшими над ушами, неотесанность. А из-за белых портянок, которыми лангобарды обматывали ноги до щиколоток, этих воинов сравнивали с лошадьми. Но было у длиннобородых варваров одно качество, которое заставляло их уважать: беззаветная храбрость, доходящая до свирепости. Лангобарды славились как великолепные бойцы. Юстиниан привлек их на свою сторону. Племя «длиннобородых» считалось другом Византии. В то же время лангобардов удалось сравить с гепидами, начались межплеменные войны, и значительный участок дунайской границы был в безопасности.

В нынешней Валахии жили *герулы* — по-видимому, германское племя. Оно распалось. Часть герулов перешла на службу к византийцам, часть — к гепидам, остальные сохранили независимость и кочевали на Балканах. Одного из герульских вождей, Гретиса, крестил лично Юстиниан. «Император крестил его в храме в день Богоявления, восприявши сам от купели; с ним вместе крестились сенаторы его и двенадцать родственников», — пишет Феофан Исповедник.

Видя, что служить императору крайне выгодно, примеру Гретиса вскоре последовал вождь Мунд с частью гепидов. Юстиниан осыпал его милостями и сделал одним из первых по значению полководцев

империи. Так европейские монархи в XVIII веке принимали на службу полководцев из соседних стран и давали им высокие чины. Впрочем, при Юстиниане таких иноземцев на службе было немного. Он выдвинул во власть массу византийцев, и они делали успешную карьеру.

...К востоку от герулов, в нынешней Молдавии и Новороссии, обитали кутургуры. Севернее, на берегах реки Рось, жило германское племя *ругов* или, говоря по-другому, *россов*, *росомонов*. Похоже, именно этому племени мы, русские, обязаны названием своего народа. Если, конечно, верить танскрипции Иордана и опиравшимся на его работу российским ученым — таким, как Борис Рыбаков и Лев Гумилев. А у нас нет оснований не верить им в данном вопросе.

Росомоны вышли с острова Руяна в Балтийском море. Другая часть этого племени подчинилась готам и вместе с ними переселилась на Запад.

К югу от реки Рось и к северу от болгар находился крупный славянский союз антов. Он занимал также северную часть Молдавии. В него входили предки сербов, хорватов и «болгарославян», впоследствии переселившиеся на Балканы.

К западу от антов, на Волыни и в Южной Польше, поселились «склавины». Так их называли ромеи. Это слово — искаженное «славяне». Перед нами — предки чехов, поляков, словаков и восточных славян.

Границей между антами и «склавиной» стала река Буг. В начале VI века анты враждовали со «склавиной», дружили с ругами и кутургурами. Это определило расстановку сил на Балканах, ибо кутургуры стали союзниками Ирана и напали на Балканы вместе с антами.

Это произошло в 518 или 527 году. О вторжении вскользь упоминает Прокопий, но дата набега неизвестна. Кесариец пишет, что это произошло в начале правления Юстина.

Переводчики рукописи поправили текст и написали «Юстиниана». То есть событие, по их мнению, случилось в 527 году. В это время магистром войск в префектуре Иллирик был назначен Герман Аникий — «племянник» императора, как следует из текста. Однако на самом деле этот Герман был двоюродным братом базилевса. Следовательно, речь может идти и о 518 году, то есть о начале правления Юстина, племянником которому действительно приходился Герман. Либо же Прокопий допустил ошибку в степени родства (в латинском тексте это всего несколько букв) и поставил «*фратри*» (брат) вместо «*фратриелис*» (сын брата, племянник). Всё же более поздняя дата предпочтительнее, потому что укладывается в общую канву событий, когда персы, кутургуры и анты начали совместные атаки на Византию.

Так или иначе, анты вторглись на территорию Ромейской империи, но были разбиты полководцем Германом наголову. На некоторое время славяне притихли. Затем начались новые вторжения. Как звали первых антских вождей, мы не знаем. «Повесть временных лет» донесла имена Кия, Щека и Хорива, но это мифические персонажи, такие же, как предки славянских народов — Чех, Лех и Рус.

Известно другое имя — Хильбуд, но это слишком далеко от «Кий». Этот Хильбуд служил византийцам, причем его биография тесно связана с набегами славян на ромейские земли.

Карьера Хильбуда интересна прежде всего славяноведам, потому что многие русские исследователи упорно считают его славянином на ромейской службе, а некоторые даже пытаются трансформировать имя в «Хвалибуд» (это делает, в частности, В. В. Мавродин). Еще курьезнее попытка почтенного украинского националиста М. С. Грушевского сделать из Хильбуда... украинца. Современный читатель может найти соответствующие пассажи в легко доступной книге этого автора «Иллюстрированная история Украины» (см. § 11 первой главы, название которого: «Украинское расселение. Анты»), переизданной недавно на русском языке в авторизованном переводе Грушевского. Однако в лице византийского воеводы мы, скорее всего, имеем дело с германцем.

Стремление русских патриотов удревить собственную историю столь же бессмысленно, как, например, попытки сербов приписать Юстиниана к своему народу. Внимательному читателю ясно, что автор этих строк очень любит русских и сербов. Это генетическое чувство, и с ним ничего поделать нельзя. Но это не повод превозносить русских. Для нас история — не идеология, повернутая в прошлое, а способ разобраться в проблемах современности.

...Хильбуд был человек умный, храбрый, распорядительный, бескорыстный. Во времена Юстина он поступил на ромейскую службу, быстро выдвинулся и в 531 году назначен начальником войск во Фракии. Базилевс Юстиниан «поставил его для охраны реки Истра (Дунай), приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку», пишет Прокопий.

Оборона ромеев, возглавляемых Хильбудом, оказалась настолько успешной, что варвары больше не решались переходить Дунай. Наоборот, сами ромеи стали тревожить болгар-кутургуров и славян своими набегами. Дунайский рубеж был на какое-то время обеспечен от напа-

дений врагов. После этого византийцы могли возобновить активные действия на Востоке.

ГЛАВА 3. ПОБЕДА ПРИ ДАРЕ, ПОРАЖЕНИЕ ПРИ КАЛЛИНИКЕ

1. ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В 530 году персы перешли в наступление. Ход кампании подробно описывает Прокопий. Молодой юрист поступил на службу к Велисарии и сделался его секретарем, а потому знал многое из того, что было неизвестно другим историкам.

В июле 530 года ромейские разведчики доложили, что иранская армия приближается к Месопотамии, чтобы отнять крепость Анастасиополь (Дару).

Опорой персов был город Нисибис, расположенный рядом с Дарой. Оттуда и угрожала опасность.

Византийскими войсками в этом районе командовали полководцы Велисарий и Гермоген. Они принялись укреплять границу и вырыли длинный ров.

Вскоре показалась иранская армия. Отдельными ее корпусами командовали некто «Питиакс» (это исковерканное византийцами слово, означающее иранского шаха — правителя крупной земли, подчиненного шаханшаху — императору; следовательно, перед нами не личное имя, но титул) и «одноглазый Фарасман». Над ними начальствовал Фируз из знатного рода Михранов. Заметим, что представители этой семьи командовали иранскими армиями еще во время революции, а после ее краха вовремя перешли на сторону победившего шаханшаха и сохранили свои посты.

Фируз Михран был настолько уверен в успехе, что отправил гонца к Велисарии с приказом истопить баню:

— Завтра мне будет угодно в ней помыться.

Этим неосторожным заявлением Фируз оказал услугу ромеям: они поняли, что назавтра предстоит сражение.

С восходом солнца персы перешли в наступление.

Византийцы выстроились согласно составленной заранее диспозиции. На левом фланге стоял герул Фара с небольшим отрядом в 300 человек. К нему примыкал ромей Вуза «с многочисленной конницей». Центральную позицию перед рвом занимали конные отряды «массагетов» (болгар), которыми предводительствовали Суника

и Эган. Их численность составляла 600 воинов. Справа находились кавалеристы под началом офицеров Иоанна, Кирилла и Маркелла (или Марцелла; возможно, это одно лицо с начальником дворцовой стражи Юстиниана, хотя был и другой Маркелл, убитый в время африканской кампании). С ними были также пехотные командиры Герман и Дорофей.

Еще правее выставили другие шесть сотен болгар; ими командовали Симма и Аскан. В случае если бы центр ромеев был прорван, им надлежало выйти в тыл персам и атаковать.

Вдоль всего рва стояли отряды всадников и пешее войско. Позади них, в самой середине, находились воины Велисария и Гермогена. Общая численность ромеев составляла, по словам Кесарийца, 25 тысяч солдат. Войско противника насчитывало 40 тысяч всадников и пехотинцев.

Персы выстроились в одну линию, «устроив свою фалангу по фронту возможно глубже». Фируз не доверял своим воинам и не хотел рассыпать их врозь. Он делал ставку на атаку глубокими колоннами. Это была ошибка: иранский военачальник подставлял своих солдат под выстрелы византийских лучников.

Однако Фируз был слишком опытным полководцем, чтобы безрассудно бросить в бой своих солдат. Его озадачило искусное построение ромейской армии. Михран медлил.

2. ПОЕДИНОК

Два войска стояли друг против друга, не решаясь вступить в сражение. Ромеи не могли атаковать вследствие численного перевеса противника, а иранцы опасались полевых укреплений ромеев.

Наконец «один молодой перс, подъехав очень близко к римскому войску, обратился ко всем с вызовом, крича, не хочет ли кто вступить с ним в единоборство». Храбрецов не нашлось. Иранец несколько раз повторил вызов, но никто не пожелал сразиться с прекрасно вооруженным всадником. Вдруг вызвался один из «домашних» полководца Вузы: Андрей, бывший учитель гимнастики в Константинополе, в палестре. *Палестра* — это место для военных тренировок, нечто среднее между современным фитнес-клубом и кадетской школой. Как Андрей попал на войну, непонятно. Кесариец говорит, что это простой слуга, банщик и массажист, следовавший за генералом.

И вот банщик вызвался на бой. «Опередив варвара, еще раздумывавшего, как ему напасть на противника, Андрей поразил его копьем в правую сторону груди. Не выдержав удара этого исключительно

сильного человека, перс свалился с коня на землю. И, когда он навзничь лежал на земле, Андрей коротким ножом заколол его, как жертвенное животное». Так описывает Прокопий этот короткий поединок. Характерна вставка про жертвенное животное, которая опять выдает в авторе текста еврея или эллина, но никак не христианина...

Ромеи встретили победу своего бойца дружным криком, но персы не успокоились. «Крайне огорченные случившимся», как пишет Кесариец, они отправили на поединок другого воина. «То был муж храбрый и отличавшийся крупным телосложением, уже не юноша, с сединой в волосах». Подъехав к ромейскому войску и размахивая плетью, иранец стал вызывать на единоборство любого желающего. Желающих не было. Опять вызвался банщик Андрей. Полководец Гермоген запретил ему рисковать без нужды, но Андрей нарушил приказ. Он пробрался поближе и выехал навстречу врагу. Седой иранец оказался достойным противником. Поединщики сшиблись, копья ударились о броню. Кони, столкнувшись друг с другом головами, упали и сбросили всадников. Андрей, хорошо тренированный благодаря занятиям в палестре, перекатился к иранцу и толкнул его коленом. Враг упал, Андрей выхватил меч и заколол неприятеля. За поединком следили оба войска, затаив дыхание. После смерти иранца «со стены и из ромейского войска поднялся крик пуще прежнего». Сгущались сумерки. Начинать сражение не имело смысла. Персы вернулись в свой лагерь, а ромеи с победными песнями ушли в Дару.

Что касается храброго византийца Андрея, то мы о нем более ничего не знаем. Это один из маленьких людей, мелькнувший в историческом сочинении. Именно такие люди строили новую Византию и готовы были отдать за нее жизнь.

3. БИТВА ПРИ ДАРЕ

На другой день ромеи обнаружили, что к иранцам пришли подкрепления: десять тысяч воинов из крепости Нисибис.

Велисарий и Гермоген прибегли к помощи демагогии, чтобы выиграть время. Они написали письмо иранскому полководцу Фирузу. В послании предлагалось заключить перемирие. Юстиниан, мол, готов начать переговоры с Ираном, зачем проливать кровь? Ответ не заставил себя ждать. Фируз назвал ромеев обманщиками и приказал своим воинам атаковать византийцев.

Велисарий и Гермоген тоже собрали войско, выстроили его перед стенами Дары и разъезжали вдоль рядов, ободряя солдат.

— Персов можно победить, и они не бессмертны, — говорил Велисарий. — В этом вы уже убедились. Вы превосходите их храбростью и телесной силой. Главное — в точности исполнять приказы, тогда победим. Враг пугает своей многочисленностью, но этим можно пренебречь. Вся их пехота — не что иное, как толпа несчастных крестьян, которые идут за войском только для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам в других случаях. Поэтому у них нет никакого оружия, которым они могли бы причинить вред неприятелю, а свои огромные щиты они выставляют только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий. Проявив мужество, вы не только победите персов, но накажете их за дерзость, чтобы они уже никогда больше не пошли войной на ромейскую землю!

Эта ценная речь показывает, что иранская армия сразу после «контрреволюционного переворота» утратила качество и брала количеством. Главную часть войска составляли конные стрелки и тяжеловооруженные «рыцари», но их было немного. Кто-то погиб в скоротечной гражданской войне с «коммунистами», кто-то был запятнан сотрудничеством с маздакитами и отстранен, кто-то вышел в отставку... Армия Велисария оказалась гораздо качественней. Это позволяло надеяться на победу или хотя бы на ничейный результат. Впрочем, размышлять об этих тонкостях было некогда: персы перешли в наступление.

В первой линии Фируз выстроил большую часть армии — 25 тысяч человек. Вероятно, это были лучшие бойцы. Остальным иранец велел остаться позади и ждать приказаний. В резерве был оставлен отряд «бессмертных» — старая гвардия персидских царей (свое имя гвардейцы получили потому, что их отряд имел постоянную численность; за ним всегда ходили кандидаты, которые не были приняты в их число; но лишь кто-то выбывал из основного состава, как его место занимал кандидат; по тем же принципам, как помнят читатели романов Дюма, во Франции формировалась рота королевских мушкетеров).

Фируз принял на себя командование центром армии. Одному заместителю, «Питиаксу», он отдал правое крыло, другому, Фарасману, — левое. Ромеи терпеливо ждали атаки.

В это время наемник Фара прибежал к Велисарии и Гермогену с новым планом действий. Вождь герулов сказал:

— Думаю, что, оставаясь здесь со своими герулами, я не смогу причинить врагам большого вреда. Если же мы спрячемся у холма, а затем, когда персы вступят в сражение, внезапно окажемся у них в тылу и начнем поражать их сзади, то нанесем большой урон.

«Это пришлось по душе Велисария и его соратникам», — отмечает Прокопий. Герул скрылся в засаде.

До середины дня персы не начинали боя. Но как только наступил полдень, иранский полководец решился.

Сначала иранцы и ромеи пускали друг в друга стрелы, «которые своим множеством, можно сказать, совсем затемняли свет». Обстрел был плотный, обе стороны несли потери. Но у иранцев было больше лучников, и смертоносный ливень обрушился на византийскую армию. Персы били по площадям. «Сменяя друг друга, они постоянно сражались свежими силами, не позволяя противникам заметить того, что происходит», — вспоминал Прокопий.

Однако ромеи получили одно важное преимущество: ветер. Он поднялся со стороны византийского лагеря и дул прямо на персов. Это мешало воинам Фируза прицелиться и ослабляло действие стрел.

Наконец метательные снаряды иссякли у обеих сторон. Настало время идти врукопашную. Противники начали действовать копьями, наскакивали друг на друга отдельными отрядами, отступали и нападали снова. Наконец иранский военачальник «Питиакс» попытался опрокинуть левый фланг ромеев и создал здесь угрожающее положение. Под его началом находились свирепые горцы *кадусии* — отборная пехота.

Кадусии прорвали оборону византийцев, «обратили в бегство своих противников и, сильно наседая на бегущих, многих убили». У ромеев на этом крыле стояли резервные полки под началом Суника и Эгана, а также герулы в засаде. Фара со своими герулами напал первый. Он выскочил, обстрелял кадусиев с тыла и внес сумятицу в их ряды. Подоспевший Суника с конницей ударил кадусиям во фланг. Иранские горцы обратились в бегство. Этот успех имел решающее значение, потому что соседние отряды персов также побежали.

«Неприятель был разгромлен совершенно, так как ромеи, соединив вместе все находившиеся здесь войска, учинили страшное избиение варваров», — пишет Прокопий. На правом крыле, где действовали Фара, Суника и Эган, было истреблено 3000 иранцев. «Остальные, с трудом добежав до своей фаланги, спаслись». Ромеи не преследовали врага. Персы отхлынули, перестроились и снова стояли против армии Велисария, готовые к атаке. Сражение еще не закончилось.

Фируз Михран произвел перегруппировку. Он перевел на левый фланг значительную часть воинов, включая бессмертных. «Заметив это, — пишет Кесариец, — Велисарий и Гермоген велели Сунике и Эгану

с их шестьюстами воинами двинуться на угол правого фланга... а позади них они поставили многих из личного войска Велисария».

Персы прозевали этот маневр и кинулись в атаку. Ими командовал Фарасман. Плотные колонны иранцев набросились с такой яростью, что оттеснили ромеев, сбили их строй и обратили в бегство часть из них. Линия обороны опасно выгнулась...

Но тут ромеи применили искусный маневр. Их центр попятился, зато крайний фланг сохранил устойчивость и атаковал неприятеля. «Нападая на врагов сбоку, они разрезали их отряд надвое: большинство персов оказалось у них с правой стороны, некоторые остались с левой». В их числе был знаменосец Фарасмана. Ромеи тотчас воспользовались подарком судьбы: византиец Суника налетел на знаменосца и поразил его копьем. Знамя рухнуло. Иранцы оказались окружены, но бессмертные предприняли отчаянную контратаку, чтобы отбить стяг. Их возглавил сам Фарасман.

Ромеи мужественно встретили этот удар. Суника лично набросился на Фарасмана, сбросил его с коня и убил. Это был решающий успех. Погиб начальник левого крыла персов, один из главных полководцев. «Тогда варваров охватил великий страх, и они, не помышляя больше о защите, в полном беспорядке обратились в бегство», — сообщает Прокопий. Бежать было некуда. В давке и толкотне ромеи перерезали 5000 противников. Всё смешалось, и Велисарий понял: критический миг настал. Он отдал приказ преследовать персов по всему фронту. Иранцы схлынули, как огромная волна. Щиты и шлемы ромеев замелькали повсюду. Персы бросали ненужное теперь тяжелое оружие, а ромеи нещадно избивали их.

Однако преследование продолжалось недолго. Велисарий приказал не увлекаться погоней. Он стремился ослабить врага и перебить как можно больше людей, но знал, насколько переменчиво счастье.

Войска разошлись. Персы увели разбитую армию в свои пределы. Победа была полная, но как бы «незаконченная». И всё же именно теперь по-настоящему засверкала звезда Велисария. Он обрел славу, а Месопотамия надолго освободилась от персидской опасности. По мнению британского военного историка Б. Лиддел Гарта, эту победу Велисариию принесло блестящее использование «стратегии не прямых действий», когда византийский полководец позволил нанести врагу первый удар, измотал его силы и перешел в наступление.

Что касается Гермогена, то вскоре после победы он вернулся в столицу. Оборона границы легла на плечи Велисария.

Говорили, что Хосров сильно разгневался на потерпевшего поражение Фируза Михрана и даже отобрал у него богатую тиару, которую

князь носил на голове в знак своего общественного положения. Это было ужасное наказание для аристократического общества. Если человек не носит золота, как его отличить от простолюдина?

Однако и после этого поражения Хосров не смирился с тем, что проигрывает войну. Он жаждал взять реванш.

4. СИТТА СРАЖАЕТСЯ С ПЕРСАМИ

Шаханшах направил другое войско в византийскую часть Армении. «Оно состояло из персоармян и сунитов, соседей аланов», — пишет Прокопий. Название первого народа понятно, а кто такие суниты? Это кочевое племя Предкавказья; впоследствии оно вошло в Тюркский каганат и образовало удел для одного из тюркских принцев.

С ними было три тысячи *сабиров* — конных кочевников с Терека. Командовал армией молодой иранец Мир Мерой. Это был умнейший человек, аристократ, советник шаханшаха Хосрова. Мир Мерой играл одну из главных ролей при подавлении революции маздакитов и считался способным полководцем, так что ромеям достался серьезный противник.

Персы предприняли атаку в районе Трапезунда, чтобы выйти к Черному морю. Мысль о выходе к черноморским берегам будет преследовать Хосрова и его советников на протяжении нескольких десятилетий, только впоследствии атаки иранцев сместятся к северу, в Лазику.

Мир Мерой привел 30 тысяч солдат, Ситта и его боевой соратник Дорофей, командовавшие в Армении, могли выставить против него лишь 15 тысяч бойцов. Но они заняли горные проходы, и все атаки персов завершились ничем. Мир Мерой отвел войска. Эти события известны как битва при Сатале (город в 100 верстах к югу от Трапезунда). Дождавшись ухода врага и пополнив войско, Ситта сам вторгся в Персоармерию. Он завладел «так называемым Фарангием, откуда персы, добывая золото, отправляют его своему царю», говорит Прокопий. Во главе захваченного района византийцы поставили христианина по имени Симеон, который перебежал от персов.

Персидский фронт начал понемногу разваливаться. Знатные армянские князья Нарсес и Грагат (Аратий) Камсараканы «вместе со своей матерью добровольно перешли к ромеям», вспоминает Прокопий. Их принял *примикерий опочивальни* базилевса (постельничий, спальник). Его тоже звали Нарсес, он был евнухом. Этот Нарсес встретится нам не раз. Он происходил из Персоармонии. Вероятно, его еще в детстве оскопили и продали в Византию. Там он стал делать карьеру. Юстиниан заметил этого умного и честного армянина и продвигал по службе.

Итак, Нарсес-евнух удостоил аудиенции Нарсеса Камсаракана и его брата Аратия. Оба перебежчика были «осыпаны великими богатствами», как выражается Прокопий.

Об этом узнал их младший брат Исаак, начальник крепости Вол в окрестностях Феодосополя (около современного Эрзерума). Исаак ночью открыл ворота крепости и впустил ромеев, после чего получил награду и уехал на службу в Константинополь.

Есть ощущение, что после контрреволюционного переворота в Персии что-то не клеилось. Впоследствии Хосров укрепит свою власть, но покамест обстановка складывалась не в пользу представителей нового режима. Персы утратили веру в себя, а вассальные князьки и царьки утратили веру в персов.

Но и сами византийцы сражались из последних сил. В их империи тоже не всё обстояло благополучно. Они даже не могли перейти в наступление: не было ни войск, ни денег. Рейд Ситты и блестящая оборона Велисария показывали, что лишь военное искусство и природная хитрость способны принести византийцам победу, но никак не численный перевес, которого не было.

Обе стороны — иранцы и византийцы — устали от жестокой войны. Юстиниан послал в Персию своего представителя — патрикия Руфина, чтобы договориться о мире.

Посол был принят шаханшахом, но персидский правитель выставил неприемлемые условия мира: просил дань, требовал территориальных уступок, словно это иранцы разбили ромеев в двух битвах. Юстиниан прервал переговоры и приказал продолжать войну.

5. ПОРАЖЕНИЕ ВИЗАНТИЙЦЕВ

Весной 531 года персы снова вторглись в земли империи. Для вторжения Хосров собрал отборные части карателей, победивших в гражданской войне. Их было 15 тысяч — прекрасно вооруженных конных стрелков. Защищенные панцирями, вооруженные луками, саблями, щитами, шестоперами, эти отряды годились и для стрелкового, и для рукопашного боя. Командовал персидской армией некто «Азарет» — так его называет Прокопий. Возможно, это не имя, а должность *хазарпат* — тысяцкий. К нему присоединился царек иракских арабов ал-Мунзир, «имея с собой большую толпу сарацин». Прокопий пишет, что именно этот араб придумал новый план вторжения в Византию: прорваться к Евфрату и ударить по тылам врага.

Персы обошли крепости византийцев и прорвались в Коммагену — к излучине Евфрата.

Велисария застали врасплох. Он набрал 20 тысяч воинов из разных отрядов и попытался прикрыть важные направления, не давая битву. Персы отступили к городу Каллиник на Евфрате, и это ввело в заблуждение ромеев. Византийцы решили, что враг бежит. Солдаты и офицеры обвинили Велисария в трусости и заставили дать битву на пасху 19 апреля 531 года. Ромейская армия потерпела сокрушительное поражение, хотя сам Велисарий сражался очень искусно и храбро во главе *ипаспистов*, которых сумел отвести в полном порядке.

После этого поражения Юстиниан попытался заключить мир с Ираном, но получил отказ. В Персию как раз бежали евреи после подавления восстания Юлиана. Они рассказывали о революции в Византии и о слабости ромейской монархии.

Что касается Велисария, то он был отозван, лишен звания главнокомандующего Востока и отбыл в столицу. Вместо него командующим назначили гепида Мунда.

Для охраны Армении остался более удачливый Ситта. В то же время в восточные провинции был послан чиновник Демосфен «с немалыми деньгами», как пишет Малала. В задачу Демосфена входила заготовка хлебных запасов в крепостях для продолжения войны.

Между тем недовольство имперской властью росло по всей стране, и особенно в столице. К оппозиции примкнули те, кто еще недавно страдал от выходов стасиотов: богачи, латифундисты, экс-чиновники. Да и сами стасиоты были недовольны половинчатыми решениями Юстиниана относительно знати. Вскоре раздались первые удары грома.

В Антиохии вспыхнул религиозный бунт. В городе «произошло волнение, и демы устремились в резиденцию епископа, кидая камни и выкрикивая оскорбительные слова», пишет Малала. Епископ привлек гарнизон, воины вышли на улицы и устроили резню. В боях погибло много людей. О бунте было доложено базилевсу. Юстиниан приказал казнить зачинщиков беспорядков. Это испугало народ, но не устранило причину противоречий.

6. СМЕРТЬ КОБАДА

Всё это происходило на фоне острой борьбы с Персией. Иранцы вновь попытались прорвать фронт, обошли византийские позиции и подступили к Мартирополю и Амиде.

Один из командующих ромейскими войсками в Армении, Дорофей, сам перешел в наступление. Он вторгся в пределы Персоармении,

одержал победу в поле, перебил много иранцев и персидских армян, захватил несколько маленьких замков и вернулся к себе. В ответ шаханшах направил подкрепления на центральный участок фронта. Армию возглавил Мир Мерой. Персы осадили Мартирополь.

Гарнизон крепости командовали два знаменитых впоследствии византийских офицера: ромей Вуза и гот Бесс. Они отчаянно сражались до тех пор, пока Юстиниан, внимательно следивший за ходом событий, не распространил с помощью шпионов слух, что на выручку городу идет Ситта с большим войском. Слухи были столь искусно сфабрикованы и выглядели так достоверно, что Мир Мерой принял решение снять осаду. Иранская армия бесславно ушла восвояси.

В это время престарелый Кобад тяжело заболел. Иоанн Малала утверждает, что болезнь была вызвана вестью о поражении иранской армии под стенами Мартирополя. Шаханшах хватил инсульт. Перед смертью он завещал престол Хосрову — подавителю маздакитов. Это произошло 7 или 8 сентября 531 года. «Проболев пять дней, — говорит Малала, — царь персов Кавад умер в возрасте восьмидесяти двух лет и трех месяцев. Пролетел же он сорок три года и два месяца».

Поначалу Хосров I Ануширван непрочно сидел на престоле. Ему требовалось время, чтобы собраться с силами. Поэтому главное, что он сделал, — попросил у Юстиниана мира.

В Византии дела обстояли не самым блестящим образом. Разрушенные землетрясениями города, ожесточенная вражда религиозных сект, столкновения социальных групп и назревавшее крупное восстание — всё это делало обстановку нервозной.

Вскоре начались переговоры о «вечном мире». Шаханшах попросил за него 110 *кентинариев* золота.

Один кентинарий — это 100 фунтов, примерно 40 килограммов. «Кентинарий имеет вес сто либр, поэтому он так и называется: словом “кентон” римляне обозначают “сто”», — считает нужным пояснить Прокопий для своих читателей. Итого персы затребовали четыре с лишним тонны золота.

Послы согласились на выплату денег. Тогда персы потребовали сдачи нескольких пограничных крепостей, причем Хосров с армией лично подступил к их стенам. Юстиниан отказался сдавать врагу хотя бы клочок территории. Переговоры затягивались, но византийцам недолго пришлось наслаждаться покоем: в январе 532 года в Константинополе вспыхнуло восстание «Ника».

ГЛАВА 4. ВОССТАНИЕ «НИКА»

1. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

«И было народное восстание так называемых “зелено-синих”, и, устроив в городе великие беспорядки, и грабежи, и убийства, <и> поджоги, на ипподроме провозглашают царем Ипатия. Когда собралось множество народа и ипподром наполнился людьми, Юстиниан повелел своим людям и воинам, и, [одни сверху, а другие снизу] (царского) сидения стреляя, убили 30 тысяч. Среди них и Ипатия, схватив, убил, так как царский венец возложил на себя». Так пишет о восстании «Ника» византийский хронист Георгий Амартол. Что же на самом деле произошло и что стояло за этим движением? Попробуем разобраться.

Общеизвестен факт: в Константинополе произошел грандиозный мятеж. Народ поднялся против императора. Юстиниан едва не лишился престола и жизни. Разыгралась короткая и жестокая гражданская война.

По мнению Прокопия, восстание было внезапным и стихийным. Мятеж вспыхнул как-то «вдруг».

Однако совершенно ясно, что повстанцами должен был кто-то руководить. К бунту их, несомненно, готовили. Похоже, две группы тайно объединились против Юстиниана: часть сенаторов пришла к соглашению с вожаками *стасиотов*. Некоторые ученые, включая известного византиниста З. В. Удальцову, выдвигали гипотезу, что восстание подняли монофизиты против православных, но эта теория не выдерживает критики.

Сторонники «еретической» версии движения делают предположение, что во главе восстания стояли лидеры одной из партий цирка — *прасины*, «зеленые». Они-то, мол, и были тайные монофизиты. Однако широко известно, что к ним примкнули *венеты*, «голубые», и это стало полной неожиданностью для императора. Между тем *венеты* считаются православными. Да и монофизитство *прасинов* — под большим вопросом. Им покровительствовал император-монофизит Анастасий, это правда. Но из этого вовсе не следует, что цирковая партия объединяла людей по религиозному принципу. Впрочем, даже если так (а это совсем не так), то всё равно сторонники «монофизитской» версии мятежа противоречат сами себе, потому что, повторяю еще раз, считают *венетов* православными, а *венеты* играли большую роль в восстании. Очевидно, причины бунта были другими.

Послушаем Прокопия. Он говорит о политической нестабильности как причине волнений. Более ясно Кесариец пишет об этом в «Тайной

истории», где рисует картину революции. Но и в «Персидских войнах» наносит контуры политического противостояния; хотя, конечно, не говорит всей правды ни там, ни здесь.

В официальной истории Прокопий пытается увести внимание читателя в сторону цирковых схваток. Партии спортивных фанатов постоянно сражаются из-за мест в цирке, спорят о победителях на бегах и вообще враждуют по мелочам. В «Тайной истории» картина совершенно другая. Там представители цирковых партий борются за политическую власть в стране. Причем радикальное крыло *венетов* выступает за передел собственности и уничтожает более состоятельных *прасинов*, которые обогатились во времена Анастасия. Эта последняя версия более убедительна.

Вероятно, в годы революции между партиями возникла вражда. «Эта вражда к ближним, — пишет Прокопий в «Войне с персами», — родилась безо всякой причины и останется вечно неутоленной, не отступая ни перед родством по браку, ни перед кровным родством, ни перед узами дружбы даже и тогда, когда родные братья или как-то иначе связанные между собой люди оказываются приверженцами различных цветов». Историк лукавит. Намекнув на истинную причину борьбы партий (социальные и политические противоречия), он тотчас уводит читателя от темы. Многие ученые отнеслись с доверием к этому камуфляжу, но при описании мятежа лучше руководствоваться сочинениями других авторов.

Подробно об этом восстании написано в монографии А. А. Чекаловой «Константинополь в VI веке. Восстание Ника»; там же приведена литература. Давайте же проследим ход событий.

2. ИНЦИДЕНТ В ЦИРКЕ

11 января 532 года, в ясный погожий воскресный день, в Константинополе состоялись конские бега. Император присутствовал на ипподроме. Для него была оборудована специальная трибуна — *кафизма*, на которую государь поднимался по крытым переходам прямо из Большого дворца.

Но в этот день что-то сразу пошло не так. Трибуны прасинов волновались, бега как таковые интересовали болельщиков мало. Дело в том, что в судах постоянно засуживали магнатов из числа прасинов, а накануне в городе было совершено несколько громких убийств — погибли состоятельные члены партии «зеленых». Прасины полагали, что это сделали стасиоты из числа венетов. Убийства переполнили чашу терпения. Неужели возвращаются времена революции? Юстиниан не успокоился?

Лидеры «зеленых» составили антиправительственный заговор, но Юстиниан еще об этом не знал. Они собирались подать жалобу на ипподроме, рассказав императору о последних убийствах и потребовав защиты. Видимо, изначально планировалась провокация. Жалобу составили так искусно, чтобы выглядеть пострадавшей стороной, но вызвать гнев и отказ Юстиниана. После этого планировалось начать восстание. Кто же выступил организатором и финансистом мятежа?

По нашей версии (которая противоречит версии советских ученых), в партию прасинов входили латифундисты, сенаторы и бывшие чиновники времен Анастасия. Их не устраивала ни общая политика императора Юстиниана, ни его Кодекс, который, по-видимому, оставлял магнатам слишком мало прав и постоянно нарушался царем не в их пользу. Их раздражала финансовая и административная деятельность Иоанна Каппадокийца. Они хотели смены режима. Каппадокиец, между прочим, тоже состоял в партии прасинов, но его в заговор, конечно, никто посвящать не собирался.

Итак, началось. Во время конных игр на ипподром явились «зеленые» и направили жалобу на одного из императорских чиновников, *спафария* (меченосца) Калоподия, который следил за порядком в районе, где произошли убийства. «Зеленые кричали, что всему злу виной деревяшка (Калоподий), постельник и спафарий», — пишет Феофан Исповедник.

— Много лет, Юстиниан Август! — обратились к царю «зеленые». — Побеждай! Нас обижают, единый благий, и мы не в силах долее сносить, свидетель Бог!

Начался диалог. Император тихо отвечал жалобщикам, а глашатай громовым голосом выкрикивал его слова. Юстиниан немного растерялся, а прасины пришли хорошо подготовленными и настаивали на своем. Их голоса звучали сперва настойчиво, затем грозно. Чувствовалась хорошая подготовка речей. Император начал гневаться.

— Без шуток, если вы не уйметесь, всем велю снять головы, — предостерег Юстиниан.

Угроза не помогла. Прасины искусно играли словами, но настаивали на отлучении Калоподия и под напускным смирением таили угрозу. Это и раздражало базилевса. Постепенно разговор зашел о притеснениях, которые терпят прасины, и тут обвинениям подвергся сам базилевс.

— Да замолчит правосудие! — вопили зеленые. — Прикажи убивать! Наказывай нас! Уже кровь готова течь ручьями! Лучше бы Саббатю не родиться, чем иметь сына убийцей, — вспомнили про отца Юсти-

ниана. — Вот и поутру, за городом, сегодня произошло убийство, а ты, государь, хоть бы посмотрел на то! Было убийство и вечером.

«Зеленые» прямо обвинили Юстиниана в том, что он потворствует преступникам. Но это вызвало возмущение среди «голубых».

— Убийцы только из ваших! — закричали они.

Спор перерастал в потасовку между партиями. На трибунах начались драки. Казалось, Юстиниан мог опереться на «голубых» и расправиться с «зелеными». Но он вспыллил:

— Богохульцы, богоборцы, когда вы замолчите?

— Пусть бросят на живодерню кости зрителей! — проревели «зеленые» и покинули цирк, нанеся тем самым оскорбление императору.

Царь удалился во дворец, вызвал эпарха столицы Эвдемония и приказал начать аресты участников потасовки на ипподроме. Эпарх схватил нескольких прасинов и нескольких венетов, что было неожиданно. «Голубые» привыкли, что им всё сходит с рук.

Подчеркнем: «голубых» арестовали не за убийства, а за потасовку на ипподроме. Власть продемонстрировала свою беспристрастность. Но этот поступок заставил отвернуться от императора всех — и уважаемых, легальных вождей венетов, и стасиотов. Царь сдаст их при первой возможности! Он чужой. Провокация «зеленых» полностью удалась.

3. ПОЖАР

В городе установилось зловещее затишье.

Юстиниан стягивал в столицу войска. Туда прибыли Велисарий и один из вождей наемных гепидов, главнокомандующий армиями Востока магистр Мунд, которому базилевс доверял.

Эпарх Эвдемоний продолжал расследования. Он поймал семерых человек, «возмущавших народ», как выражается Феофан Исповедник. Четверым отсекали головы. Троих оставшихся Эвдемоний приказал повесить.

Агитаторов вздернули. Один погиб, а двое выжили: веревки оборвались. «Их вторично повесили, и они тоже вторично упали», — пишет Феофан. Один из выживших был прасин, другой — венет.

Сбежалась толпа. В том, что люди выжили, все увидели небесное знамение. Значит, Бог не хочет смерти этих людей. Чернь закричала:

— В церковь их!

Преступников отбили у стражи и укрыли в храме Святого Конона. Храмы издавна обладали правом убежища. Монахи из монастыря Святого Конона не симпатизировали Юстиниану. Они тайком посадили

осужденных в лодку и перевезли их в церковь святого Лаврентия, «которая пользовалась правом никого не выдавать из храма, пока не очистится преступление», замечает Феофан Исповедник. Узнав об этом, епарх Константинополя послал воинов перехватить беглецов. Страсти накалялись. Епарх оцепил церковь стражей. «Чернь, услышав это, пришла в дом градоначальника и требовала, чтобы он удалил от церкви святого Лаврентия военную стражу, но тот не дал ей никакого ответа». Императорские чиновники покусились на право убежища. В ответ вспыхнул бунт.

Примерно так эти события описывает и другой автор, Иоанн Малала, столь же благосклонный к Юстиниану, как Феофан Исповедник. Чернь в большинстве своем «прославляла базилевса», она любила Юстиниана, считает Малала. Однако градоначальник Эвдемоний всё испортил, поспешив с арестами.

В понедельник 12 января 532 года вожди партии прасинов встретились с лидерами венетов и попытались договориться. Предметом переговоров стали судьбы осужденных преступников. Сговорились идти на ипподром и просить императора даровать жизнь двоим осужденным, которые спаслись от виселицы и сидели в храме Святого Лаврентия. Лед тронулся, произошло невероятное: прасины и венеты сумели договориться. Какие силы стояли за ними, кто и как подтолкнул к диалогу — остается только догадываться. Юстиниан и его служба безопасности прозевали этот опаснейший момент и оказались не подготовлены к бунту.

13 января состоялся бег, теперь по случаю *ид* — середины месяца. В цирк вновь явился Юстиниан. Трибуны были полны. Говорят, столичный ипподром вмещал 60 тысяч зрителей. Во время бегов «обе партии призвали василевса быть милостивым», пишет Малала. Базилевс не реагировал. Просьбы перешли в рев и крики. «Они кричали до 22-го заезда, но не удостоились ответа», — рассказывает Малала. Обычно заездов было 24, каждый по семь кругов, так что крики продолжались долго.

Растерявшийся Юстиниан безмолвствовал на своей кафизме, спрятанный от народа. Царь вдруг ясно осознал, что не является больше вождем масс. Он оказался их врагом. Более поздний хронист, Зонара, сообщает, что после этого лидеры венетов и прасинов договорились о союзе партий цирка против Юстиниана. В их планах было свержение базилевса и его жены.

Прекратив спортивные состязания, «толпа вышла в дружном единодушии, взяв себе в качестве пароля слово “ника” (побеждай) для того, чтобы не примешались к ним солдаты или экскувиты, — поясняет Иоанн Малала. — И так она бушевала. Когда же наступил вечер, они пришли в преторий епарха города, прося ответа относительно беглецов,

находившихся в храме Святого Лаврентия. Не получив ответа, они подожгли этот преторий».

То же пишет Феофан Исповедник. По его версии, толпа забияк проследовала к богатому дому эпарха и подожгла его. В январском городе было ветрено. Огонь перекинулся на соседние здания. «Сгорели портики от самой Камары на площади до Халки, серебряные лавки и все здания Лавса», — перечисляет Феофан Исповедник. Верные правительству солдаты попытались схватить поджигателей. Однако нашлось оружие, появились вожди. Начались уличные бои. Бунтовщики напали на городскую тюрьму и освободили всех заключенных. Выпущенные на волю уголовники отнюдь не добавили порядка в столице. «И сгорел преторий, Халка дворца до схол, большая церковь и общественный портик. А народ продолжал беспорядочно бушевать. Наступило утро, и василевс приказал проводить ристания», — пишет Малала. Но никто уже не хотел зрелищ. Опыяненные кровью повстанцы носились по городу, убивали неугодных и громили правительственный квартал, расположенный возле Большого дворца.

Горели дома, церкви. Писатель того времени Иоанн Лид вспоминал, что местность в правительственном квартале напоминала пейзажи Этны и Везувия — пепел и зола. Благонамеренные граждане поспешили переправиться на азиатский берег Босфора. Однако сенаторы, находившиеся вне дворца, примкнули к восстанию. А точнее, исподтишка раздували его, финансируя обе партии, подкупив вождей и бросая подачки люмпенам. История сохранила имя одного из таких сенаторов — Оригена, который люто ненавидел императора и готов был сражаться с ним до конца. Другая часть сенаторов засела во дворце вместе с Юстинианом, но многие из этих людей тайно сочувствовали мятежникам. Дворцовая гвардия хранила нейтралитет. Империя переживала критический миг.

4. ПЛОХИЕ СОВЕТНИКИ

Мятежники почувствовали силу, а император — неуверенность. В среду 14 января 532 года Юстиниан вновь распорядился провести игры на ипподроме, чтобы успокоить толпу и пообщаться с народом. Однако часть повстанцев подожгла ипподром: экстремисты боялись, что император договорится с нестойкими гражданами и отвлечет их от восстания. Акция удалась. Огонь перекинулся на портик, который тянулся от цирка до бань Зевксиппа. Общения базилевса с народом не вышло. Видя, что провокаторы разрушают город, Юстиниан приказал своим генералам применить силу.

«По приказу василевса вышли с вооруженным отрядом Мунд, Константиол и Василид, чтобы заставить восставшую толпу замолчать», — пишет Иоанн Малала. Вероятно, это была дружина гепидов и телохранители. Гвардия по-прежнему отсиживалась в казармах.

Выступление правительственного отряда провалилось. Толпа оказалась кое-как, но всё-таки вооружена и дала отпор. Положение императора становилось опаснее с каждым часом. Юстиниан послал спросить: чего хотят повстанцы? Те отвечали, что их не устраивают плохие советники Юстиниана — префект претория Иоанн Каппадокиец и квестор Трибониан. Заодно они требовали расправы с эпархом Эвдемонием, который пытался защищать город в эти дни. Первый из этих чиновников был прасин, двое остальных — венеты. Но партийная принадлежность не играла роли. Сенаторы, люмпены и часть стасиотов выступили против императора и его режима и намеревались идти до конца.

Юстиниан отстранил от должности Трибониана, Каппадокийца и Эвдемония. Он прекрасно понимал, что чернь служит сенаторам, сама того не зная. Поэтому новые назначения царь произвел с толком. Префектом двора он назначил патрикия Фоку, «человека благоразумного и чрезвычайно радеющего о соблюдении закона», пишет Прокопий. Трибониану тоже нашлась достойная замена. «Василиду же, прославившемуся среди патрикиев справедливостью и во всех отношениях достойному, он приказал занять должность квестора. Однако мятеж разгорался с прежней силой».

Фока и Василид были юристами и когда-то входили в комиссию, которая занималась изданием законов. Оба законника были баснословно богаты, особенно Фока. Последний являлся язычником. По этой причине его в 529 году отстранили от государственной службы. Оба выдвиженца были связаны со старым чиновничеством и ненавидели стасиотов. Эпарха Эвдемония заменили Трифоном, тоже из чиновничьего сословия. Таким образом Юстиниан подал сигнал сенаторам, что готов с ними договориться. Но и это не помогло. Один из историков той поры, Марцеллин Комит, вспоминает, что знать активно раздавала народу оружие и подачки. Казалось, еще немного, и ненавистный крестьянский император будет свергнут.

Сражения в Константинополе в дни мятежа красочно и со вкусом описывает автор двухтомного романа «Русь изначальная» Валентин Иванов. Эта книга была популярна в СССР 60–80-х годов прошлого столетия и выдержала несколько переизданий в современной России. На страницах романа оживают суровые образы Велисария,

окруженного своей частной армией, и магистра Мунда с его генидами, которые несколько дней отчаянно сражаются с мятежниками и жгут Константинополь. На самом деле описания всех этих сражений — плод выдумки романиста, который весьма вольно обращался с историческими фактами.

Впрочем, роман есть роман. На самом деле Велисарий был еще молод и не настолько богат, чтобы содержать внушительную частную армию. Да и гепид Мунд разительно отличался от тупого наемника, каким выведен в художественной книге. Это был «умный немец» на царской службе. Его сын рос в ромейской среде и был, вероятно, больше похож на грека, чем на варвара. Сам магистр Мунд тоже не хотел быть варваром и довольно скоро приобщился к византийской элите, хотя люди типа Прокопия над ним посмеивались.

Но вернемся к бунту.

Организаторы спектакля прятались за кулисами, в то время как толпа носилась по городу. Наконец (это произошло 15 января 532 года) кто-то надоумил людей, что неплохо бы выбрать нового императора. Народ устремился к морю, к пристани Юлиана. Там находился дом Проба (или Прова, если произносить его имя на «мягкий» греческий манер) — одного из никчемных племянников Анастасия. Бунтовщики ворвались в дом и предложили Пробу стать императором.

— Проба — базилевсом ромеев! — редела толпа.

Тот категорически отказался. Повстанцы «искали оружия, — пишет Феофан, — наполняли криками воздух, требовали другого царя, потом зажгли дом Прова, который тут же и рухнул. Продолжая далее идти, сожгли бани Александровы и большой странноприимный дом Сампсона со всеми его больными; кроме того, сожгли великую церковь, с колоннами обеих сторон, отчего она со всех четырех сторон повалилась».

Проб от греха подальше уехал из столицы (впоследствии его отправят в ссылку по приказу Юстиниана, но потом вернут как совершенно безвредное существо).

Неожиданно в городе возникла потасовка. «Зеленые» и «голубые» поссорились, началась кровавая драка, причем убивали не только мужчин, но и женщин. Об этом говорится в анонимной «Пасхальной хронике», и это — ценнейшее свидетельство того, до какого омерзительного состояния дошла восставшая толпа люмпенов, руководимая расчетливыми латифундистами, для которых тысяча — другая жизнь всей этой мелюзги не имела значения. Крестьянского императора загоняли в угол. Чтобы спасти страну, он должен был стать палачом для населения собственной столицы.

Юстиниан располагал во дворце всего несколькими сотнями телохранителей да парадной гвардией, в которой служили сынки сенаторов. Эти-то паркетные вояки и отказались сражаться против бунтовщиков. Небольшое количество войск свидетельствует, что еще недавно социальная база императора была широка, он не ожидал бунта.

Мы уже говорили, что царь вызвал подкрепления — в основном наемников, однако численность императорских войск всё равно была невысока.

По приказу Юстиниана наемники в числе 3000 человек атаковали повстанцев. Бой завязался на площади перед зданием сената. Главной ударной силой базилевса оказались герулы и гепиды.

Восставших удалось вытеснить из правительственного квартала и отогнать в Октагон («восьмиугольник»). Так назывался район, прилегавший к комплексу правительственных зданий. Отступая, мятежники поджигали дома и умело вели уличные бои. Повсюду бушевали пожары.

В это время случился мрачный инцидент, о котором упомянул более поздний византийский хронист Зонара. С толпой смешались священники и попытались остановить правительственные войска. Однако наемники были арианами, они набросились на толпу и изрубили вместе с нею церковников. Это возмутило православное население Константинополя. Сенаторы, которые скорее всего и подставили монашество под мечи гепидов, могли торжествовать: авторитет Юстиниана резко упал в глазах столичных жителей. Казалось, победа восстания близка. В эти страшные дни Византия могла пойти по другому пути — быстрого распада и гибели, как Западный Рим...

Герулы и гепиды отеснили толпу, но отступили перед пожарами. Мятежники безжалостно жгли город. В огне погибла даже базилика Святой Софии, которая была украшением Константинополя.

Пожары сделали свое дело, наемники отошли обратно в Большой дворец. Повстанцы убивали сторонников Юстиниана, если находили таковых в городе. Началась настоящая гражданская война в миниатюре. Казалось, дело Юстиниана погибло.

5. НОВЫЙ ЦАРЬ

Вечером 16 января, сразу после неудачной битвы на площади, Юстиниан удалил из Священного Палатия большинство сенаторов из числа тех, которые там еще оставались. Император боялся, что сенаторы войдут в сговор с гвардейцами и убьют его. Открытый враг

лучше тайного: пусть члены сената перейдут на сторону мятежников и обнаружат себя.

В числе тех, кому император предложил уйти, оказались Ипатий и Помпей — племянники покойного императора Анастасия.

«На пятый день мятежа, — пишет Прокопий, — поздним вечером базилевс Юстиниан приказал Ипатию и Помпею... как можно быстрее отправиться домой; то ли он подозревал их в посягательстве на свою жизнь, то ли сама судьба вела их к этому. Те же, испугавшись, как бы народ не принудил их принять царскую власть, как то и случилось, сказали, что поступят неблагоразумно, если оставят базилевса в минуту опасности. Услышав это, базилевс Юстиниан тем больше стал их подозревать и еще настойчивее приказал им удалиться. Таким образом оба они были отведены домой и, пока не прошла ночь, пребывали там в бездействии».

Это произошло уже ночью 17 января 532 года, и бездействие продолжалось недолго. Большая часть сенаторов примкнула к мятежу поутру.

Вдруг по городу побежали глашатаи царя, которые приглашали граждан в цирк. Базилевс вновь устроил бега? После кровавых боев? Слушать это было странно. Глашатаев не трогали. Их новости возбуждали любопытство. Люмпены, сенаторы и лидеры цирковых партий отправились на ипподром. Там они обнаружили императора собственной персоной. Император стоял на своей персональной трибуне-кафизме и извинялся перед населением Константинополя.

— Клянусь святым могуществом, — говорил православный царь, — я признаю перед вами свою ошибку и не прикажу никого наказать, только успокойтесь. Всё произошло не по вашей, а по моей вине. Мои грехи не допустили, чтобы я сделал для вас то, о чем вы просили меня на ипподроме.

Народ прислушался. Раздались крики:

— Tu vincas! (Ты победитель!)

Не означает ли латинский язык выкриков, что кричали вельски — латиноязычные земляки Юстиниана? Впрочем, может быть, перед нами просто латинский архаизм — многие византийцы той поры были двуязычны, как сам император. Ну так что — примирение?

Однако лидеры партий ипподрома и сенаторы были напуганы такой перспективой. Они стали насмехаться над императором. Их поддержали радикалы. Вскоре в сторону кафизмы полетели оскорбления. Одно из них дошло до нас.

— Ты даешь ложную клятву, осел!

«Осел» — это типично римское языческое оскорбление. Так называли похотливых людей с огромными пенисами. Язычники пытались как можно больнее уязвить православного императора, чтобы отступить было некуда.

Иоанн Малала пишет, что лидеры партий кричали о необходимости избрания другого царя, но кого? Сенаторы услужливо подкинули слух об освобождении Ипатия и Помпея. Толпы вооруженных повстанцев двинулись к дому Ипатия и выкрикнули его базилевсом. Шествие возглавляли вожди партий цирка.

Жена незадачливого антибазилевса, Мария, не пускала своего непутевого мужа уйти с народом, «громко стеноя и зывая ко всем близким, что демы ведут его на смерть». Мнение супруги оказалось пророческим, но ее никто не слушал.

Ипатия привели на форум Константина. «Поскольку же у них не было ни диадемы, ни чего-либо другого, чем полагается увенчивать базилевса, — пишет Прокопий, — ему возложили на голову золотую цепь и провозгласили базилевсом ромеев». Это была высшая точка восстания.

Вокруг Ипатия тотчас собрался сенат. Образовалось вполне легитимное правительство. Сенаторами руководил Ориген из партии венетов. Он был в числе зачинщиков мятежа. Стали советоваться, что делать дальше. В руках повстанцев после шести дней боев находился почти весь город. Юстиниан с остатками верных войск прятался в Священном Палатии. Многие бунтовщики полагали, что следует идти на штурм дворца. Однако Ориген предостерегал от поспешных действий. Он обратился с речью к народу, предложив выбрать в качестве резиденции какой-нибудь дворец и вести оттуда борьбу с Юстинианом, пока тот не сдастся. Но константинопольский «май-дан» не послушал умного сенатора. Наэлектризованная толпа хотела действовать немедленно. Лидеры цирковых партий боялись, что народ остынет, и хотели решить исход противостояния в ближайшие часы. Это стало ошибкой.

6. РЕЗНЯ НА ИППОДРОМЕ

В Священном Палатии совещались о том, что делать дальше: остаться в городе или обратиться в бегство на кораблях. Голоса разделились. Сам Юстиниан колебался. И тут на сцену вышла базилисса Феодора. Она произнесла знаменитый монолог, приведенный Прокопием.

Его цитировали многие авторы начиная с Шарля Диля и заканчивая современными историками.

Феодора сказала следующее:

— Теперь, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, не остается ничего другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение, и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, базилевс, это не трудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — прекрасный саван.

Сказано красиво, сильно, со вкусом. Это была хорошо составленная и ясно изложенная программа действий.

Речь императрицы воодушевила присутствующих. Юстиниан принял решение остаться во дворце и сражаться до последнего. Однако по городу прошел слух, что базилевс и его супруга бежали не то во Фракию, не то в Малую Азию. Этот слух распространили намеренно, чтобы дезориентировать организаторов мятежа.

Юстиниан окончательно понял, что может полагаться лишь на отряды наемников да на горстку телохранителей. «Государев немец» Мунд был ему верен. Можно положиться и на Велисария: он был готов сражаться хоть со всем сенатом за интересы Юстиниана. От этих людей зависело спасение огромной империи.

Повстанцы продолжали наступление. Ипатия поволокли с форума Константина на ипподром. Для обретения полноты власти требовалась, по тогдашним представлениям, не только коронация. Нужно было завладеть местом на *кафизме*. Ипатия чествовали в цирке, повстанцы произносили пламенные речи, на ипподром сбегалось всё больше народу... Бездарный вождь и его соратники теряли драгоценное время. Промедлением противника воспользовались верные Юстиниану полководцы.

Базилевс придумал великолепный план по уничтожению восставших. Этот план сочетал подкуп и вооруженное нападение, войну и дипломатию. В чем же он состоял и как реализовался?

Пока народ митинговал, верные Юстиниану войска окружили ипподром. Мунд должен был атаковать повстанцев извне, явившись в цирк. С тыла, на западных трибунах, действовал правительственный отряд евнуха Нарсеса. Этот умный и талантливый армянин был безусловно предан Юстиниану. Нарсес обладал многими способностями. В числе прочих — талантами полководца и дипломата. В этот день он должен был проявить как военное, так и дипломатическое искусство. Шпионы Юстиниана работали не покладая рук и договорились с частью мятежников. Нарсесу дали денег. Он должен был купить повстанческих командиров. Ну а тех, кто на сделку не шел, — безжалостно перебить.

Что касается Велисария, то ему поставили наиболее ответственную задачу. Он двинулся на врага внутренними коридорами из самого Священного Палатия, который примыкал к *кафизме*. Полководец должен был пройти тайными переходами и схватить Ипатия, пока тот общался с народом. Вот что из этого вышло.

Велисарий прямо направился к Ипатию. Когда же он оказался возле ближайшего строения, где помещается дворцовая стража, то стал кричать солдатам-охранникам, чтобы открыли ворота. Охранники заперлись, делая вид, что не слышат. Еще одно армейское подразделение вышло из-под контроля.

Велисарий был в отчаянии. Всё пропало. С немногими телохранителями он вернулся к Юстиниану и доложил, что воины вышли из повиновения. «Даже солдаты, которые несут охрану дворца, думают о перевороте», — нагнетал страсти Велисарий.

Но Юстиниан полностью овладел собой. Коль скоро решено остаться, он будет продолжать борьбу до смерти или до победы. Феодора была того же мнения. Этого хватило, чтобы сплотить остатки правительства и перейти в наступление против мятежников.

Император изменил первоначальный план. Он отправил Велисария с его отрядом к Халке. Так назывался один из входов в Священный Палатий с медной крышей («халкас» — «медь» в переводе с греческого). Оттуда вела другая дорога на кафизму. Следовательно, открылась новая возможность для ареста Ипатия.

С трудом, пробираясь через развалины и полуобгоревшие здания, Велисарий добрался до ипподрома. «Когда он оказался возле портика венецов, расположенного по правую руку от трона базилевса, он сначала вознамерился напасть на самого Ипатия, — вспоминает Кесариец, — но поскольку там имеется небольшая дверь, которая

была заперта и охранялась изнутри воинами Ипатия, он утрашился». В давке могли перебить всех его воинов. Тогда Велисарий самовольно изменил план. «Подумав, он решил, что ему следует обрушиться на народ, который стоял на ипподроме — бесчисленное скопление людей, столпившихся в полном беспорядке, — сообщает Прокопий. — Обнажив меч и приказав сделать то же самое другим, он с криком устремился на них». Возникла паника. Толпа, увидев одетых в латы воинов, обратилась в бегство.

Поблизости находился Мунд, «человек смелый и энергичный», как пишет о нем Кесариец. Догадавшись по крикам, что Велисарий действует, он устремился на ипподром через вход, который называется Некра (Мертвый). Через эти двери вытаскивали мертвых животных и возниц после соревнований.

На западных трибунах, в тылу повстанцев, действовал евнух Нарсес со своими людьми. Описание его подвигов оставил нам Феофан Исповедник.

«Постельничий Нарсес вышел и роздал некоторым из Голубых деньги, и тем привлек их к себе: они принялись кричать: “Юстиниан Август, ты победил! Господи, спаси царя Юстиниана и царицу Феодору!” Толпы народа тотчас распались на две части и устремились друг против друга. Придворные, вышедши с своими телохранителями, переманили к себе еще кое-кого из народа и поспешили на ристалище. Нарсес вошел в ворота, сын Мунда со стороны рубежного столпа, другие тропинкой, по которой царь ходит на седалище, устроенное для него на самом краю, и принялись поражать народ стрелами и мечами, так что никто ни из Голубых, ни из Зеленых не мог уцелеть на ристалище».

Ясно, что атака Нарсеса была одной из самых важных. Но для Прокопия ее словно не существует. Для него главное направление удара — то, где находится его работодатель Велисарий.

Бойня продолжалась. Все ворота цирка оказались заняты войсками Юстиниана. Правительственные отряды входили на ипподром и участвовали в избииении граждан.

Настал черед антибазилевса. Прокопий пишет, что «Велисарий с меченосцами, взбежавши на место, где заседает царь, схватил Ипатия и привел к Юстиниану, который и отдал его под стражу». Феофан излагает эту сцену несколько иначе. По его мнению, арест Ипатия — заслуга родственников Юстиниана, которые тоже принимали участие в бойне на ипподроме. «Когда исход дела стал ясен и перебито было уже множество народа, — говорит Феофан, — двоюродные братья Юстиниана, Вораид

и Юст, поскольку никто уже не отважился поднять на них руку, стащили Ипатия с трона и, отведя его вместе с Помпеем, передали василевсу».

Повстанцев ждала жалкая судьба. Одно дело — уличные бои, совсем другое — схватка на ипподроме, когда несколько тысяч профессиональных наемников уничтожали плохо вооруженную толпу. «В этот день было убито тридцать тысяч одних мужчин, — утверждает Прокопий, — и никто из крамольников не смел уже нигде показаться, но тот же час совершенное спокойствие водворилось». Прокопий постоянно лжет и преувеличивает число убитых. Какова же реальная цифра? Всё зависит от численности населения тогдашнего Константинополя, а ученые оценивают ее по-разному, от 200 тысяч человек и выше. Цифра связана с количеством мест на ипподроме. Говорят, он вмещал 60 тысяч зрителей-мужчин. Добавив к этому женщин и детей, получим примерно 200 тысяч жителей столицы. Но 30 тысяч убитых — это всё же очень много для горстки наемников. Вероятно, сообщение Прокопия о погибших нужно, как всегда, разделить на десять. Но ведь помимо ипподрома были еще и потери повстанцев в уличных боях. Их тоже можно оценить в две-три тысячи. В общем, Юстиниан уничтожил несколько тысяч собственных граждан, и это печальная статистика.

Последними жертвами расправы стали Ипатий и Помпей. Они попали под арест. Помпей стал рыдать и жаловаться. Ипатий упрекал брата, «говоря, что не следует плакать тому, кто погибает невинно: ибо народ силой заставил их против их собственного желания принять власть, и они затем пошли на ипподром, не имея злого умысла против василевса», — сообщает Феофан Исповедник. В общем, оба сановника — каждый по-своему — пытались оправдаться в глазах императора. Помпей давил на жалость, а Ипатий пытался выкрутиться, говоря, что его провозгласили царем насильно.

Юстиниан, человек по природе не злой, хотел помиловать братьев. Более осторожная Феодора настояла на их казни. «На другой день Ипатий и брат его, Помпей, лишены жизни и трупы их брошены в море, — пишет Феофан, — дома же их, равно как и других 18 патрициев, сиятельных и бывших консулами, как соумышленников Ипатия, взяты в казну. Всюду господствовал великий страх; наконец город успокоился, и конские ристалища на долгое время прекратились». Уцелел только третий из братьев, Проб, потому что заблаговременно скрылся и уехал в имение.

Впечатление от бойни на ипподроме было очень велико, и даже в небесных знамениях видели знак большой беды, которая надвинулась

на Византию. «В том же году, — отмечает Феофан Исповедник, — было столь великое движение звезд с вечера до рассвета, что все пришли в ужас и говорили, что звезды падают». Этой наивной фразой он завершает рассказ о восстании «Ника».

7. ПОСЛЕДСТВИЯ

Каковы итоги восстания? Первое и самое главное: бега на ипподроме прекратились на пять лет. Нужно было отстраивать правительственный квартал и восстанавливать цирк. Бега возобновили только в 537 году, после чего партии ипподрома возобновили работу в столице. Но последствия не ограничились только этим.

Как ни странно, сразу после бунта Юстиниан начинает преследовать не простолюдинов, а сенаторов и отставных чиновников. Особенно страдают крупные землевладельцы. Правда, по словам Прокопия, репрессии продолжаются недолго. Часть имущества Ипатия и Помпея Юстиниан возвращает их детям. Это же касается и сенаторов. Объяснение лежит на поверхности: во-первых, император боится нового бунта; во-вторых, сын за отца не отвечает.

Вывод прост. Восстание «Ника» нельзя считать народным, как это делают многие византиноведы. В советской исторической науке его, конечно, объявляли справедливым, но до конца проанализировать причины и следствия не могли. Русский ученый А. А. Васильев в своей двухтомной «Истории Византии» туманно пишет, что в восстании «соединились самые разнородные причины и элементы», однако этого слишком мало для окончательных выводов. Работа историка состоит в том, чтобы вычленил главное.

Сопоставив факты, мы приходим к парадоксальному выводу. Восстание «Ника» — это бунт старой римской элиты против новой, византийской, которая создавалась при Юстиниане. Можно сказать иначе: это выступление сенаторов и латифундистов против преобразований императора. В итоге люмпены идут на поводу у сенаторов, чтобы свергнуть власть. В XX и XXI веках мы зовем такие выступления «революциями политехнологов». Восстания в Москве в августе 1991-го, в Киеве в феврале 2014-го или бунты «арабской весны» не имеют ничего общего с «народными волнениями», о которых так сочувственно любили писать наивно заблуждавшиеся советские историки. На самом деле анатомия бунтов требует тщательного анализа, который выявляет неожиданные факты. Например, что Юстиниан в начале карьеры был связан с революционерами, а восстание «Ника» было реакционным

выступлением в интересах горстки сенаторов и латифундистов, которые желали установить олигархический режим в Византии.

...Вскоре Юстиниан вернул чиновников, отрешенных от должностей в дни восстания. Квестор Трибониан и префект претория Иоанн Каппадокиец были восстановлены в званиях. Оба понадобились для продолжения реформ, в том числе правовых.

После подавления восстания «Ника» Юстиниан стал задумываться: что делать дальше? На кого опереться? Расстановка сил изменилась. Сенаторы организовали мощное выступление в столице, перетянув на свою сторону чернь и даже часть стасиотов; в общем, продемонстрировали силу и мощь. Их нужно срочно умиловить. Как? С помощью новых законов. И вот император, расправившись с частью столичной знати, начал делать уступки тем, кто уцелел. Так родилась самая знаменитая редакция Кодекса — та, что дошла до наших дней.

Считается, что на основе Кодекса базируется всё современное право. Однако сам Кодекс опирался на более древнее римское право и даже в чем-то ему подражал. Например, Юстиниановы законы были разделены на 12 книг (частей). То есть перед нами отсылка к «Законам двенадцати таблиц» Римской республики. В чем же разница? В том, что пропасть между византийским и римским правом бесконечно велика. Юстиниан — православный христианин, и его юстиция гораздо человечнее римской. Древние римляне во главу угла ставили отца семейства. Он мог казнить и миловать всех в своей фамилии. Женщина не имела почти никаких прав, дети тоже, пока не становились совершеннолетними. У Юстиниана всё по-другому. Господин над людскими судьбами один — это Бог, а все остальные ходят под Богом и как таковые равны. Человек рождается свободным, а Византия — страна свободных людей. В этом — главная идея нового законодательства. Оно ни в коем случае не было «коммунистическим». Наоборот, право базировалось на признании частной собственности и поощряло личную инициативу. Поэтому в эпоху буржуазных революций правовые экзерсисы Юстиниана были с восторгом встречены революционными правительствами. Не противоречит ли это утверждению о связях императора с маздакитами? Нисколько.

Прежде всего нужно предостеречь исследователей от попыток восстановить общественный строй тогдашней Византии по Кодексу. Такие попытки делала З. В. Удальцова, ее выводы некритически воспринял А. П. Каждан, который до своей эмиграции в США считался крупнейшим советским исследователем социально-экономической ситуации в Византии. А уже их мнение усвоили более поздние историки.

Однако идти вслед за статьями Кодекса — значит идти в никуда, и вот почему. Юстиниан создал вторую редакцию Кодекса после восстания «Ника» как уступку латифундистам, но фактически продолжал борьбу с ними и постоянно нарушал собственное законодательство. Об этом с возмущением пишет Прокопий в своей «Тайной истории». На преследования и конфискации земель крупных латифундистов обратил внимание А. А. Васильев. По мнению ученого, Юстиниан всю жизнь боролся с представителями крупного землевладения. Научный редактор книги пишет в комментариях, что базилевс преследовал скорее личных противников, но это замечание принять нельзя. Византийские тексты того времени говорят об обратном. Даже Прокопий, который как раз и пытается свести все мотивы политики Юстиниана к личной мести и стремлению пополнить пустеющую казну, — даже Прокопий постоянно проговаривается и рисует широкое полотно социальной борьбы в империи. Правда, это полотно нарисовано чрезвычайно бледными красками, так что читатель вынужден домысливать образы и детали.

Итак, весь пафос политики Юстиниана направлен против латифундистов, которых император боялся и ненавидел за то, что они разрушали страну. В борьбе с ними базилевс опирался на активную часть общества — купечество (или, как мы бы сказали сейчас, на «торговых капиталистов»), крестьян, городской пролетариат. То есть социальная база императора была очень велика. Довольных новой системой, которая начала складываться при нем, оказалось гораздо больше, чем недовольных, хотя на первом этапе борьба была очень жестока.

Словом, на основании одного лишь Кодекса нельзя говорить о внутренней политике императора. Но разобрать этот продукт византийской юридической мысли всё-таки стоит.

8. СВОД ЗАКОНОВ

В ноябре 533 года вышел сборник «Институции» — краткое и четкое изложение принципов права. В декабре того же года — «Дигесты» (собранные в систему извлечения из сочинений римских юристов, работа над ними началась, как мы говорили, задолго до восстания «Ника»). Еще через год, в ноябре 534-го, была закончена вторая редакция Кодекса.

Что же нового имелось в законодательстве Юстиниана и почему оно пережило своего создателя?

Законодательство, как мы уже говорили, объявляет всех людей равными перед Богом. Рабство не поощряется. Но... на этом революционность Юстиниана вроде бы закончилась. Он не может немедленно

объявить рабов свободными, потому что боится гражданской войны. Юстиниан — сторонник порядка и революции «сверху». Поэтому в законах прописываются условия, при которых рабство оказывается невозможным. Поясним.

В Византии оставалось некоторое количество рабов, как и во всём тогдашнем мире, включая маздакитский Иран. Рабство — неотъемлемая черта Средневековья. Но Юстиниан как христианин был против рабства. Его законодательство пытается облегчить участь рабов и дать им возможность уйти на волю. Власть господина ограничивалась, владельцу было запрещено убивать даже собственных рабов, а уж за убийство чужого раба или изнасилование рабыни грозила суровая казнь. За заслуги перед государством или раскрытие тяжких преступлений рабы теперь получали свободу без согласия господина. К таким случаям относились, например, выдача фальшивомонетчика и дезертира, предотвращение похищения девушки и еще многое другое. Юстиниан увеличил число поводов для освобождения подневольных людей. Скажем, если господин завещал рабу часть имущества, он тем самым отпускал его на волю. Раб получал свободу, если уходил в монастырь. В юридических спорах, касавшихся его освобождения, раб мог выступать в качестве юридической стороны.

Однако отечественные историки словно ослеплены и постоянно подчеркивают, что как раз эта, социально ориентированная часть законодательства Юстиниана писалась для отвода глаз, тогда как сам император действовал в интересах рабовладельцев и богачей. Но это противоречит всем историческим источникам, которые говорят о правлении Юстиниана!

Несколько странно на этом фоне выглядит ограничение в правах зависимых крестьян — колонов, приписных, «рабов-с-пекулием» (пекулий — земельный участок, на который иногда сажали подневольных людей). Например, им запрещалось без разрешения господина вступать на гражданскую службу или записываться в войска, они не могли быть субъектами всех имущественно-правовых сделок. Эта часть Кодекса написана явно в интересах крупных землевладельцев, но соблюдалась ли она? И сколько зависимых крестьян имелось в империи? Должно быть, поначалу эти законы были встречены магнатами на ура, но вскоре пришло отрезвление. Судя по сочинению Прокопия, Юстиниан продолжал непримиримую войну с латифундистами. Теперь император боролся с магнатами не только с помощью стасиотов, но при поддержке государственного аппарата. Он понимал, что Ромейская импе-

рия — сложный организм, и столкнулся с проблемой многоукладности экономики. Поэтому, с одной стороны, император поощряет свободное крестьянство и предпринимателей, а с другой — выстраивает жесткую вертикаль власти, уничтожает крупное частное землевладение, существенно расширяет объем государственной собственности (это касается земледелия, промышленности и оптовой торговли) и активно регулирует цены — иногда чтобы обеспечить беднейшие слои доступными товарами, а иногда — чтобы выкачать побольше денег из населения на государственные нужды. Он хитер, приветлив, разговаривает с вельможами тихим учтивым голосом, но не щадит никого. Латифундистов либо убивают, либо заставляют отказаться от латифундий. Соответственно, колонны освобождаются или получают статус государственных крестьян.

Продолжим о Кодексе. Юстиниан уравнил в правах всех православных граждан; это не касалось лишь варваров-федератов, живших на территории Ромейской державы. Слишком свежа была память о том, как федераты захватывали западные области Гесперии, брали Рим, угрожали Константинополю. Они оставались чужаками и как следствие — не могли получить полных прав гражданства. В этом император был прав. Взамен он оставил варварам широкую автономию: федераты жили по своим законам и вели хозяйство так, как привыкли. Принудительной нивелировки пришельцев не было. Из них не пытались сделать ромеев, и это тоже правильно.

Особое отношение у Юстиниана к солдатам — защитникам империи. По этому поводу не раз ворчит Прокопий: мол, император слишком многое прощает своим воякам. Следовательно, статьи Кодекса, посвященные военным, отражали реальное положение дел.

Солдаты получали несколько привилегий. Например, им позволялся развод в случае длительного отсутствия, причем все имущественные выгоды брака сохранялись за воином. В случае смерти без завещания (на войне такое бывает) всё имущество погибшего переходило к детям, а не к государству.

Женщина как создание Божье получает равные с мужчиной права. Законы Юстиниана давали ей право на приданое, ограничивали власть мужа и его претензии на распоряжение этой частью совместного имущества. Наконец, они гарантировали возврат приданого в случае расторжения брака. Ясно, что к этой части законодательства приложила руку базилисса Феодора, за что ей должны быть благодарны все жительницы империи.

Далее, император уничтожает римские пережитки, связанные с институтом «фамилии» — патриархальной семьи. Специалистам

хорошо известно, что в римскую эпоху глава семьи обладал огромной властью над женой и потомством. Крестьянский император стремился покончить с этими пережитками старины. Теперь облегчалось освобождение детей из-под власти семейного патриарха, а родство по мужской и женской линии давало одинаковые права на наследство. Наконец, провозглашалась свобода брака вне зависимости от знатности и общественного положения одного из супругов. Юстиниан, Феодора и их единомышленники хотят освободить людей от условностей и действительно строят новое общество. Но это касалось только «своих», ромеев. Ариане и иудеи отчетливо осознавались византийцами как чужие. Поэтому браки с ними были запрещены. Кроме того, христианство наложило печать на представление о семье и браке: например, были затруднены развод и повторная женитьба. Но мы не вправе упрекать византийцев VI века за то, что в вопросах морали они мыслят иначе, чем мы.

Очень важный момент: при анализе юридической системы Юстиниана не следует путать Кодекс (который был ближе к реальности) и Дигесты (которые представляли выписки из древнеримской науки). Кроме того, законодательная деятельность не прекратилась после издания Кодекса. Юстиниан постоянно совершенствовал законодательство и издавал новеллы — новые законы, которые, по его мысли, должны были улучшить жизнь подданных, хотя, разумеется, не всегда улучшали.

В общем, Кодекс стал огромным шагом вперед и сделался мощным орудием борьбы за новую Византию. Это не значит, что он был совершенен и не имел недостатков. Их оставалось множество. Он зафиксировал лишь первые шаги по строительству державы, известной под условным именем Византия.

9. ПОВОРОТ НА ЗАПАД

Каков был общий итог революции и последовавшего за нею восстания «Ника»?

Лидерам цирковых партий император больше не верил, но эти партии были еще сильны. Их могущество сойдет на нет лишь в VII веке, после арабского нашествия.

Вместо *демов* царь сделал ставку на сотрудничество с Православной церковью. Этим объясняется его постоянное вмешательство в церковные уставы, о чем мы еще поговорим, этим же вызвана его забота о церковной иерархии, изложенная в ряде законов-новелл. Церковь сплотила общество.

Вторым средством, которое помогло сплотить граждан, были войны, хотя сиюминутным следствием восстания стал, наоборот, мир.

Вскоре после подавления столичного мятежа удалось подписать договор с персами. Юстиниан велел сдать иранцам спорные крепости. В итоге ромеи возвратили Фарангий и крепость Вол, заплатили деньги, а персы вернули ромеям укрепления в Лазике. Тему переговоров завершает Феофан Исповедник. «В исходе ноября, — пишет он под 532 годом, — возвратился к императору Юстиниану патриций Руфин из своего посольства в Персию с мирным договором. Юстиниан принял известие о заключении мира с великою радостью, одобрил все статьи договора, и таким образом оба государства снова стали наслаждаться спокойствием». Но это не значит, что Юстиниан отказывался от завоевательной политики. Он просто переносит активность с востока на запад. Царь задумал восстановить Римскую империю в старых границах. Идея возрождения единой империи, вовремя брошенная в массы, захватила воображение людей.

Из этого поступка некоторые ученые выводят целую теорию о том, что Юстиниан как латиноязычный «римлянин» был ориентирован на Запад и не считался с делами Востока. Даже такой авторитетный византинист, как Ф. И. Успенский (автор самой обширной на сегодня сводной работы по истории Византии в пяти томах), полагает, что Юстиниану следовало бы не тратить силы на восстановление Римской империи, а добить персов. Это утверждение можно оспорить.

Войны с персами показали примерное равенство двух империй. Шаханшахи Кобад и Хосров разными способами сумели «встряхнуть» Персидскую империю. Один для этого использовал революцию, а другой — контрреволюцию с частичным восстановлением старых порядков. Юстиниан быстро понял, что иранские войны — напрасная трата сил и средств. Император предпочитал действовать иначе: натравливал на Иран его соседей и пытался таким образом ослабить персов. Кроме того, базилевс понимал, что для войны с иранцами не хватает ресурсов: людей и денег. То и другое он думал найти на Западе.

Из истории Юстиниан хорошо знал, что Римская империя распадалась несколько раз, но ее снова и снова удавалось восстановить. В VI веке Гесперия делилась на шесть больших областей: Британию (ее постепенно захватывали англосаксы), Галлию (франки), Испанию (там обосновались на севере — свевы, а в остальной части — вестготы), Африку (захвачена вандалами и берберами), Италию и Паннонию (их присвоили остготы). Восстановление империи Юстиниан начал с африканских владений.

Часть третья ВАНДАЛЫ И ГОТЫ

ГЛАВА 1. ГИБЕЛЬ ВАНДАЛОВ

1. ПИРАТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Многие ученые осуждают Юстиниана за то, что он начал наступление на Запад. Но это осуждение — результат аберрации, искажения действительности. Император захватывал не современные страны Европы и Африки, а провинции Западной Римской империи, занятые варварами и населенные вялым равнодушным народом под названием «вельски». Варваров было немного, правили они плохо и держались в покоренных областях только за счет инертности местного населения. Они были чужаками, запрещали римлянам носить оружие и не допускали к власти. Они исповедовали арианство, в то время как подавляющее большинство вельсков от Паннонии до Испании хранило верность православию. Наконец, варвары вырождались. Родиной готов была Скандинавия. Родиной вандалов — берега Вислы. Первые переселились в Италию, вторые — в Африку. Смена родины не пошла им на пользу. Чужая природа мстила переселенцам. Оторванный от корней этнос гибнет. Перерождение варваров скоро почувствовали покоренные ими римляне и стали интриговать в пользу ромейского базилевса. Простолюдины отказывали хозяевам в повиновении и мечтали о власти «крестьянского императора» Юстиниана. Римская знать тоже вступила в тайные сношения с византийцами. Прежде всего против варваров стали выступать, как водится, местные интеллигенты: ученые и философы...

Следовательно, Юстиниан начал византийскую реконкисту не на пустом месте. В Гесперии его ждали и знали. Он восстанавливал разрушенный западными варварами римский мир. Первыми на пути ромеев оказались вандалы.

Изначально они жили в Южной Прибалтике, но во время Великого переселения народов оправились на поиски новой родины. Приключения вандалов в Восточной Европе — отдельная интересная тема, но она увела бы нас слишком далеко от Византии эпохи Юстиниана. Скажем лишь, что в V веке вандалы явились на Средний Рейн. Туда же пришла орда аланов, спасавшаяся от натиска гуннов. Аланы подчинили вандалов и часть севов, живших в Швабии, после чего форсировали

Рейн, разграбили Галлию, перевалили Пиренейский хребет и очутились в богатой Испании, но там перессорились. Началась взаимная резня племен, в которой победили вандалы. Они заняли южную часть Испании. Сегодня это область Андалусия. По одной из гипотез, изначально она носила имя *Вандалусия* — страна вандалов.

Эти события вкратце описаны в нескольких сочинениях — у Орозия, Идация, Исидора Севильского. Обобщение выполнил современный российский историк Ю. Б. Циркин в отличной монографии «Испания: от античности к Средневековью». Из этих книг читатель может узнать подробности кровавых событий варварской эры.

Понятно, что бандитские замашки варваров и крайняя жестокость при подавлении восстаний привели к острой вражде с местным населением. Вандалы чувствовали себя как на вулкане и подумывали о том, чтобы убраться из Испании. Куда? Ответ пришел неожиданно: в Африку.

Сорокалетний вандальский конунг **Гензерих (428–477)**, или Генрих, покинул Испанию и переселился в Африку вместе со всем своим народом и остатками аланов. На прощание он разграбил свои испанские владения.

Готский историк Иордан дает краткое, но выразительное описание внешности и характера Гензериха. «Был он невысокого роста и хромым из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть». Любимым занятием конунга были пиратство и грабеж, потому что ни он сам, ни его воины делать больше ничего не умели.

Африканский наместник, римлянин Бонифаций, выступил навстречу вандалам, но был разбит. Римское правительство предложило Гензериху *foedus* — федеративный договор. Конунг получил по договору всю западную часть африканских провинций (435 год), но вскоре вандалы разграбили их, двинулись на восток, захватили Карфаген и Триполи.

Гензерих создал в Африке пиратское королевство, отобрал часть земель у латифундистов и снес почти все стены городов, чтоб уберечься от бунта, ибо понимал: местное население его не любит. Этим воспользовались коренные жители Северной Африки — берберы (они же мавры или маврусии византийских источников). Туземцы захватили западную часть вандальских владений. Гензериху удалось удержать

лишь несколько крепостей, самой западной из которых был Септем (Сеута). Затем начались пиратские набеги вандалов на Италию. В 455 году они даже разграбили Рим, где уничтожили большое количество предметов искусства, подарив миру термин «вандализм». Хромой король занял Корсику, Сардинию, Балеарские острова. Могущество вандалов достигло высшей точки.

Когда начинался очередной набег, Гензерих выходил в море и вступал в беседу с кормчим. Кормчий спрашивал:

— Против какого народа плыть?

— Плыдем против тех, на кого прогневался Бог, — отвечал Гензерих.

Чтобы отличить себя от православных, завоеватели-вандалы строго хранили свою веру: арианский вариант христианства. Она стала религией господ, пропуском в высший свет.

Последние императоры Гесперии неоднократно обращались к византийцам за помощью, чтобы вернуть Африку. В конце концов базилевс Лев Мясник снарядил военную экспедицию против вандалов (467). Ею командовал Василиск — тот самый, что после смерти Мясника поднимет мятеж против его преемника Зенона.

Во время кампании в Африке Василиск зарекомендовал себя с самой плохой стороны: медлил, вступил с врагом в бесплодные переговоры. Пользуясь этим, Гензерих сжег византийский флот своими брандерами. Экспедиция провалилась. Поговаривали, что Василиск получил от вандалов 2000 *литр* золота за измену.

Что касается Гензериха, то он умер в 477 году, ненадолго пережив гибель Гесперии. Старый конунг создал агрессивную разбойничью державу, которая наводила страх на всё Западное Средиземноморье.

2. ВАНДАЛЬСКИЕ КОРОЛИ

Умирая, Гензерих оставил завещание: пускай власть переходит к старшему в роде.

После Гензериха конунгом стал его второй сын **Гунерих (477–484)**, ибо старший отпрыск конунга — Гензон — к тому времени умер. Гунерих (Гюнтер) был абсолютно бездеятельный мужчина 50 лет. Он прославился лишь тем, что оказался тираном в собственной семье. Этот конунг взял в жены дочь короля вестготов. Брак вышел неудачный. Жену и детей конунг попросту ненавидел. Наконец он однажды отослал супругу домой с отрезанными ушами и носом. Официальная версия гласила, что женщина собиралась отравить Гунериха. Вестготы стали врагами вандалов.

Жившие в Африке римляне ждали от своих господ защиты от берберских набегов, но вандалы совершенно не желали брать на себя обязательств по защите населения. Половина старых африканских провинций Рима подверглась разгрому со стороны мавров и обезлюдела. Владения вандалов в Африке сократились примерно вдвое. Впоследствии Юстиниан так и не сможет восстановить прежние границы римской Африки.

Разочарованные римляне стали бежать из страны или вступали в заговоры против германцев. Гунерих ответил репрессиями. Он, пишет Кесариец, «был самым жестоким и несправедливым гонителем христиан Ливии. Он принуждал их принимать арианскую веру, если же обнаруживались не желающие подчиняться ему по доброй воле, тех он сжигал живыми или предавал смерти разными другими способами; многим он велел отрезать язык до самой гортани, они еще в мое время жили в Византии». Прокопию вторит Григорий Турский. «Человеку не исчислить, сколько было убито во времена его правления христиан за одно имя Христово».

Григорий приводит историю, как одна юная набожная римлянка отказалась перейти в арианство. Ее силой погрузили в купель. Тогда девушка загрязнила воду «испражнениями своего чрева», как выражается наш церковный автор. Непокорную пытали, а затем отсекли голову.

Гунериху не хватало людей для управления королевством, поэтому конунг и попытался перекрестить часть местной элиты в свою веру. Попытка провалилась.

После смерти Гунериха власть перешла к **Гундамунду (484—496)**, сыну Гензона и внуку Гензериха. Этот король безуспешно воевал с маврами и пытался примириться со своими православными подданными. Перед смертью Гундамунд передал престол брату. Его звали **Тразамунд (496—523)**. «Очень красивый внешне и одаренный большой осмотрительностью и великодушием» — так характеризует его Прокопий. При нем возобновилось наступление на православие. Конунг готов был даже простить уголовные преступления, если совершивший их православный человек принимал арианство.

Примерно в 500 году он заключил союз с королем остготов Теодорихом Великим и женился на его сестре Амалафриде. Теодорих послал с ней 1000 готов в качестве телохранителей и еще 5000 оруженосцев. Ко всему прочему Теодорих подарил сестре укрепленный порт Лилибей на Сицилии.

Тразамунд получил покой, дружбу остготов и уверенность в завтрашнем дне. Его признал даже византийский император.

После этого конунг попытался перейти в наступление против вождей берберов, но потерпел разгром. Границы химерного королевства еще более сузились, а Тразамунд вскоре умер.

Некоторые историки Нового времени пытались представить варваров носителями «прогрессивного» начала, но это неправильно. Никакого прогресса не было. Вандалы постепенно превратились в паразитов и поставили захваченную страну на край гибели. Они не смогли выполнить элементарные функции: обеспечить собираемость налогов и их эффективное расходование на нужды безопасности, социальное развитие и т. д. Каждый мог пострадать от грабителя, от берберов, которые угоняли население в рабство и отпускали за выкуп, от тех же вандалов... Платой за относительную свободу был постоянный риск и нестабильность. Сегодня ты богат, завтра можешь потерять всё в результате набега берберов, произвола властей или того, что потомки вандальских пиратов решили вдруг забрать твою собственность.

История циклична. За жестокими правителями обычно следуют мягкие, а после кровавой диктатуры наступает оттепель. После смерти Тразамунда власть над вандалами досталась **Хильдеригу (523—530)** — его родичу, который по старшинству обладал правом на трон. Несмотря на воинственное имя (*хильд* — это война, брань), новый конунг оказался довольно мягким человеком. Хильдерик был уже в возрасте. Прокопий несколько раз зовет его «дряхлым». Всякие гонения на инакомыслящих конунг прекратил. Хильдерик приходился сыном Гундерику и внуком — великому Гензериху. Однако потомок воинов не унаследовал свирепость и решительность своих предков. Возможно, дело испортила примесь римской крови. Мать Хильдерика была дочерью римского императора **Валентиниана III (425—455)**; ее увезли вандалы после набега на Рим в 455 году. Хильдерик отказался от союза с готами и искал дружбы византийского императора. Сперва конунг снесся с базилевсом Анастасием, а затем с Юстином (и даже чеканил изображение Юстина на своих монетах, то есть признал себя сателлитом империи).

Тем временем готы, жившие в Карфагене, попытались организовать военный переворот. Они группировались вокруг вдовствующей королевы Амалафриды. Их поддержала партия, которую условно можно назвать «старовандальской»: она хранила чистоту традиций и не смешивалась с римлянами.

Хильдерик и его сторонники вовремя раскрыли заговор. Крамольники были перебиты, Амалафрида попала под арест, а затем была убита. Это произошло не позже 525 года. После этого Хильдерик окончательно переориентировался на Византию во внешней политике. Он «был ближайшим другом и гостем Юстиниана, который, еще не будучи базилевсом, правил государством по своему усмотрению, так как его дядя Юстин был очень стар и не очень опытен в государственных делах», замечает Прокопий. Юстиниан и Хильдерик обменивались ценными дарами. Ромеи усиливали свое влияние в Африке. Может быть, в то время Юстиниан подумывал о мирном присоединении остатков этой провинции. Во всяком случае было ясно, что государство вандалов обречено, вмешаются византийцы в его судьбу или нет.

Среди вандалов был один герцог, который уступал по знатности только самому Хильдерiku. Звали его Гелимер. Он приходился правнуком Гензериху, был сыном царевича Гилариса и внуком Гензона. В более поздние времена таких людей звали «принцами крови». По вандальскому закону он должен был наследовать Хильдерiku.

Гелимер изысканно одевался, любил роскошь и сочинял музыку, но при этом был воинствен и обладал огромной популярностью среди «старовандалов». Перетянув на свою сторону королевскую дружину, он совершил переворот и завладел царским дворцом в Карфагене. Конунг Хильдерик, его брат Евагей и главный полководец Оамер были арестованы (530 год). **Гелимер (530—534)** сделался королем.

Юстиниан узнал об этом и тотчас отреагировал: в Карфаген отправились послы с письмом императора. В нем говорилось: *«Ты поступаешь безбожно и противно завещанию Гизериха, держа в заключении старика, твоего родственника и царя вандалов... силою захватив власть, хотя немного спустя ты смог бы получить ее по закону. Не продолжай же дальше действовать преступно и не заменяй имени царя прозвищем тирана, которое ты получил из-за того, что не подождал короткое время».*

Гелимер отпустил послов без ответа. Юстиниан написал еще раз, угрожая войной.

Гелимер отвечал: *«Если ты хочешь нарушить договор и идти против нас, мы встретим вас всеми силами, какие только у нас есть».*

Послание германского конунга взбесило базилевса. Африка уплывала из рук. Тогда-то Юстиниан, по словам Прокопия, и задумал прекратить войну с персами, чтобы напасть на вандалов. Для пиратского королевства пробил последний час.

3. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Еще дымились руины Константинополя, разгромленного в дни восстания «Ника», а Юстиниан уже собрал государственный совет, чтобы обсудить план вторжения в Африку. Прокопий вспоминает, что большинство высших чиновников «сразу отнеслось враждебно к этому плану и оплакивало его как несчастье; у них была свежа память о морском походе базилевса Льва и о поражении Василиска; они наизусть перечислили, сколько тогда погибло солдат, сколько денег потеряла казна». Больше всех волновались экономисты и финансисты. Им нужно было найти деньги, организовать снабжение и вооружение армии.

Чиновники предвидели, «что им придется доставить на военные расходы огромные суммы и что не будет для них ни снисхождения, ни отсрочек». Прокопий утверждает, что военачальники тоже перетрусил. Каждый из полководцев «был охвачен страхом, ужасаясь огромной опасности». Не испугался только шеф Прокопия — Велисарий; храбрый вояка вызвался возглавить экспедицию. Возможно, Кесариец преувеличивает его храбрость. С другой стороны, великий византийский полководец не раз доказывал удаль. Командование самостоятельной экспедицией против вандалов виделось ему славным подвигом. Ради таких моментов живет настоящий воин, иногда готовясь к ним всю жизнь. Да и дело было благородное, не то что резня населения в столице империи. Велисарий брался разгромить остатки погибающего в войне с маврами пиратского королевства. Но не только. Он совершал «крестовый поход» против еретиков-ариан, угнетавших православное население. Хотя, конечно, термин «крестовый поход» неуместен по отношению к византийцам, которые никогда не вели религиозных войн и считали их грехом. Речь шла об освобождении римского населения от вандалов.

Почему римляне в Африке хотели освободиться? На первый взгляд власть византийцев была тяжелее, чем власть вандалов. Но если приглядеться повнимательнее, начинаешь сомневаться в этом. В обмен на часть свободы и денег ромейское правительство предлагало набор благ, которые человек не мог получить в «свободном» пиратском обществе. Имперцы ремонтировали дороги, строили общественные здания, собирали налоги, содержали на них армию и чиновников, обязались разгромить берберов, чтобы прекратить их набеги. Было очевидно, что население заставят включиться в систему молодой и агрессивной империи, где все заняты делом и каждый несет свою ношу. Но попробуем оценить эти события с точки зрения обывателя. Разве ему не всё

равно, как называется режим, при котором живет спокойно? Демократия, империя, тоталитаризм, варварское королевство? Обыватель жив, благополучен, и это главное. Юстиниан гарантировал сытость и безопасность. Может быть, поэтому власть византийцев в Африке продержится почти 200 лет?

Подготовка к походу началась. Ее вели долго и обстоятельно. За это время произошло много других событий. Столица восстанавливалась после гражданской войны, недавние смуты забылись, революция осталась позади, а государственный строй теперь казался незыблемым. Продолжались реформы и подпольная война императора с латифундистами.

Постепенно к власти вернулись все, кого Юстиниан отстранил в дни восстания «Ника». Возвратился на свою должность юрист Трибониан. Вновь занял пост префекта претория Иоанн Каппадокиец. Он выступил с неожиданной решительностью против экспедиции в Африку. Выслушав ценного работника, каковым считал Иоанна, император «сдержал свое стремление к войне», как выражается Прокопий. Но тут произошло непредвиденное. К царю прорвался какой-то клирик из Африки. Прокопий пишет, что это «один из священнослужителей, которых называют епископами». Представ перед императором, епископ сказал, что видел во сне Бога. Бог велел упрекнуть Юстиниана за то, что базилевс трусил и отказывается от войны. «Я, — сказал Господь, — буду ему помощником в этой войне и сделаю его владыкой Ливии». Услышав это, Юстиниан отбросил сомнения и решился на войну против вандалов.

Всё это означает, что император лишь временно отступил под напором Иоанна Каппадокийца и прочих чиновников, но вовсе не отказался от идеи африканского похода. Он продолжал работать с разведчиками и агентами влияния в Африке. И как только они доложили, что почва для вторжения подготовлена, базилевс обрел веские аргументы в полемике с собственными придворными.

Юстиниан распорядился «собирать войско и флот, готовить оружие и продовольствие и приказал Велисарии быть готовым к отправлению в Ливию в качестве главнокомандующего».

Едва весть об этом дошла до Африки, как в Триполи вспыхнуло восстание римлян. Его возглавил некто Пуденций, один из местных жителей. Вандалов выгнали. Пуденций отправил гонцов к Юстиниану и просил прислать войско. Император отправил к нему одного из ромейских офицеров — архонта Таттимута с небольшим отрядом, который засел в Триполи в качестве гарнизона.

Вандалы эвакуировали Триполитанию. Удержать ее они всё равно не могли. Главный город области отложился, а с тыла угрожали ливийцы. Пуденций и Таттимут взяли Триполитанию под контроль. Большой поход против вандалов еще не начался, а византийцы уже сделали территориальные приобретения.

Затем отпала Сардиния. Случилось это так. Среди соратников Гелимера был германец Года. Прокопий называет его «рабом», но это фигуральное выражение; скорее речь идет о высокопоставленном слуге. По происхождению этот «раб» был готом.

Конунг поручил ему управлять Сардинией. Но разложение и всеобщая неверность коснулись не только вандалов, готы были заражены ею не меньше. Вообще, вся история германских народов показывает, что знаменитое выражение «германская верность» нужно сменить на «германская неверность». Года изменил конунгу. Он «попытался захватить власть, и не только не считал нужным отправлять ежегодную дань, но весь этот остров он отнял у вандалов и завладел им», сообщает Прокопий.

Мятежник снесся с Юстинианом и попросил покровительства. Император написал дружелюбное письмо, в котором «хвалил Году за его разумное решение и его ревность к справедливости». Но Юстиниан не был идеалистом. Для того чтобы проверить настроения сардинских войск и самого Года, он отправил опытного эмиссара — ромея Евлогия.

Явившись на Сардинию, Евлогий обнаружил подозрительную вещь. Года именовался конунгом, принял знаки королевской власти, окружил себя телохранителями и совершенно не собирался подчиняться империи. Практика федеративных договоров с варварами обнаружила несостоятельность. Она едва не погубила Византию и совершенно разрушила Гесперию. Даже мировая столица — Рим — находилась в руках германцев. Юстиниан считал это несправедливым, нерациональным и пытался вернуть то, что было утрачено. Года со своим островным королевством не вписывался в эту схему. Император нуждался в толковых администраторах, а не в полусамостоятельных разбойничьих атаманах.

Царь обещал прислать на остров своего стратега и гарнизон. Узнав об этом, Года расстроился. От гостеприимства не осталось и следа. Он сообщил Евлогию, что не нуждается в стратеге, а вот солдаты пускай придут на остров. Сам Года готов их возглавить. После этого ромейского посла выпроводили с острова.

Юстиниан об этом еще не знал. Он подготовил 400 воинов во главе с архонтом Кириллом, которые должны были высадиться на Сардинии.

Наряду с этим снаряжали главную армию для вторжения в Африку. Она состояла из 15 тысячи бойцов (10 000 пехоты и 5000 конницы). В нее входили коренные ромеи и отряды федератов.

Перечисление людей и солдат, которое сделал Прокопий перед африканской экспедицией, дает представление о соотношении ромеев и варваров в византийской армии. Из варваров было сформировано всего два полка. Среди командиров тоже было немного инородцев. Остальные — ромеи.

Варварские отряды Прокопий перечисляет специально. Это 400 герулов, которыми командовал вождь Фара (в битве при Даре с персами он возглавил засадный отряд); еще были «приблизительно шестьсот союзных варваров из племени массагетов, все — конные стрелки». Отряд этих массагетов красочно описал В. Иванов в романе «Русь изначальная». Но что крылось за этим названием? У византийских ученых была скверная привычка называть новые народы старыми именами. Русских именовали тавроскифами, венгров — гуннами... Кто такие массагеты? Конечно, болгары — меткие стрелки из лука.

А еще был среди воинов некий Стоза. Его имя произносят по-разному, но суть одна. Это ромей, который служил копьеносцем в свите одного из военачальников. Стоза сыграет роковую роль в дальнейших событиях. Уже когда Африка падет к ногам базилевса, копьеносец поднимет опасный мятеж, чтобы захватить страну для себя...

Наконец, Прокопий переходит к описанию византийского флота. Для экспедиции снарядили 500 больших транспортных кораблей. На них плыли 30 тысяч моряков из прибрежных областей Ромейской империи. Транспортная флотилия шла под конвоем 92 военных кораблей. Они имели один ряд весел и палубу или крышу, которая защищала гребцов от вражеских выстрелов в бою. Эти корабли отличались высокой скоростью и по-гречески назывались *дромоны* («бегуны»).

Главнокомандующим был назначен Велисарий — победитель битвы при Даре. Юстиниан предоставил ему огромные полномочия. Они закреплялись специальной грамотой, которая говорила, что все действия и приказы полководца имеют такую же силу, как если бы их издал или произнес сам базилевс. Это значит, что Юстиниан извлек полезный урок из персидской войны, когда из-за отсутствия единого командования ромеи терпели поражения. Приготовления завершились к июню 533 года.

4. ОШИБКИ КОРОЛЯ ГЕЛИМЕРА

Армия вандалов насчитывала, по словам Прокопия, 80 тысяч ратников. Это несомненное преувеличение. Кесариец опирается на древние образцы. Было принято писать, что римские армии всегда были превосходящие силы врага.

Сколько же было вандалов на самом деле? Либо 80 тысяч, но со стариками, женщинами и детьми. Тогда они могли выставить в поле от 8000 до 10 000 воинов. Либо налицо известное преувеличение сил противника в 10 раз. И тогда мы опять получаем 8000. В случае полной мобилизации — 16 000. Допустим, в Африке имелось еще какое-то число аланов и готов. Первые сильно пострадали в битвах с берберами и были практически истреблены. Может быть, сарматских рыцарей оставалось от нескольких сотен до тысячи, но не больше. Могло уцелеть примерно столько же готов. Это дает в общей сложности дополнительно полторы-две тысячи воинов. Итого — 18 тысяч при полной мобилизации (но из этого нужно вычесть отряд Годы, отправленный на Сардинию). Больше вандалам было рассчитывать не на кого.

* * *

Гелимер впал в панику. Расползались даже те скудные остатки пиратского королевства, которые удалось сохранить его предшественнику Хильдериху. Триполи и Сардиния ушли из рук. Что было делать? На Триполи конунг махнул рукой: город находится далеко и отрезан от вандальских владений не вовремя взбунтовавшейся провинцией Бизаценой (область к югу от Карфагена), где восстали берберы. Объявить войну ромеям нельзя — это полное безумие. Но Сардинию конунг хотел удержать во что бы то ни стало. Он снарядил большую экспедицию. «Отобрав пять тысяч вандалов и дав им сто двадцать самых быстроходных и крепких кораблей, он послал их в Сардинию под предводительством своего брата Цазона», — пишет Прокопий. Это было ошибкой. Вспомним, что армия вандалов насчитывала всего 10 тысяч человек. Отправлять значительную часть боеспособных воинов перед византийским вторжением было самоубийственно. Но Гелимер не отличался воображением и чувством пространства, которые необходимы военачальнику. В самый острый момент он отправил морскую экспедицию на Сардинию.

Летом 533 года в Средиземное море вышли два флота. Один флот — ромейский — отправился от берегов Балканского полуострова, из имперской столицы. Целью ромеев был Карфаген. И в это же время из

гавани Карфагена вышел другой флот — вандалский. Он стремительно удалялся от главного театра военных действий. «И так они отплыли, полные воодушевления и гнева, против Годы и Сардинии», — издевательски пишет Прокопий.

Ромеи продвигались на юг. «Так отплывал военачальник Велисарий и его жена Антонина, — говорит Кесариец. — Вместе с ними был и Прокопий, описавший эти события. Вначале он очень страшился опасностей этой войны, но затем увидел сон, который его ободрил и побудил стремиться к этому походу». Юрист был суеверен.

Армада достигла Ионических островов, встала на якорь в гавани на острове Закинф. Оттуда предстоял бросок через Адриатическое море к берегам Италии. Затем эскадра достигла берегов Сицилии. Юстиниан договорился с готами, чтобы те предоставили базы для отдыха византийских кораблей и продали провиант. Готами правила королева Амаласунта — дочь великого Теодориха, умершего в 526 году. Амаласунта играла в готском государстве примерно такую же роль, как Хильдерик — у вандалов. Она прекрасно видела вырождение соотечественников, чувствовала враждебность итальянцев и искала союза с ромеями.

Многие ученые называют поведение Амаласунты близоруким. На самом деле оно было единственно правильным. Королева пыталась избежать войны, которая в конечном счете погубила Италию.

Прокопий Кесариец прибыл в Сиракузы на транспортном корабле, чтобы произвести разведку. Южную Италию и Сицилию плотно заселяли греки. Симпатия греков обеспечила Прокопия информацией и добровольными шпионами.

— Вы можете плыть, не опасаясь никаких неприятностей, и пристать там, куда вас пригонит ветер, — говорил Кесарийцу один из них.

Ромейская эскадра запаслась провиантом, покинула Сицилию и вновь вышла в море. Подняв паруса, флот направился к острову Мелита (Мальта). Здесь поднялся сильный восточный ветер. Он принес корабли к берегам Африки.

Эскадра причалила к местечку, которое на латыни звалось Капут Вада (Голова отмели). Это произошло 31 августа 533 года, в последний день лета. Очень вовремя: осенью здесь дуют сильные ветры, опасные для мореплавания.

Местечко Капут Вада отстояло от Карфагена на расстоянии «пяти дней пути для пешехода налегке». Оно располагалось к востоку от вандалской столицы. Велисарий сразу решил нанести по вандалам

главный удар, захватить Карфаген, а потом разгромить остатки войск и продиктовать условия капитуляции. Разбредаться без приказа и грабить местность полководец запретил.

5. БИТВА ПРИ ДЕЦИМЕ

Войска Велисария без боя заняли городок Силлект на пути к Карфагену. После этого и другие города стали сдаваться византийцам. На сторону ромеев перебежал попечитель государственной почты в королевстве вандалов, римлянин по происхождению. Это было не просто бегство: его подкупили византийские шпионы. Чиновник передал Велисарю всех казенных лошадей, предназначенных для почтовых станций.

Перешел к Велисарю также один из королевских курьеров. Эти мелочи помогают понять устройство государства вандалов. Сами варвары не были способны управлять страной. Их предназначение было другим: совершать пиратские набеги на побережье, хранить пресловутую «германскую верность» и обирать местное население.

Велисарий дал перебежчику денег и вручил заранее заготовленное письмо от базилевса, адресованное «вандалским архонтам». Наличие письма еще раз свидетельствует, что Юстиниан уже давно имел намерение подкупить местных чиновников и вынашивал план, как дезорганизовать вандалов. Это делает честь дальновидности императора.

В послании говорилось: *«У нас нет намерения воевать с вандалами... но мы хотим свергнуть вашего тирана (то есть короля Гелимера. — С. Ч.), который, презрев завещание Гензериха, заковал вашего царя в оковы и держит в тюрьме; который одних из ненавидимых им родственников сразу же убил, у других же отнял зрение и держит под стражей, не позволяя им со смертью прекратить свои несчастья. Итак, соединитесь с нами и освободитесь от негодной тирании для того, чтобы вы могли наслаждаться миром и свободой. В том, что это будет предоставлено вам, мы клянемся именем Бога».*

Велисарий повел армию прямо к Карфагену. Впереди себя он выслал отряд отборных воинов в 300 человек под началом армянского уроженца Иоанна.

Отряду «массагетов» (болгар) Велисарий приказал идти слева от главной армии и прикрыть ее с фланга от возможных нападений. Сам он с отборным полком шел в тылу войска, замыкая колонну. С правого фланга армию прикрывали морские силы, которые шли вдоль берега.

Двигались медленно из-за необходимости соблюдать осторожность. Велисарий боялся засады. Наконец через Лептис и Гадрумет ромей

прибыли в местечко Грассу, отстоявшее от Карфагена на расстоянии 350 римских стадий (около 50 километров). «Там находился дворец правителя вандалов, — вспоминал Прокопий, — и самый прекрасный из всех известных нам парк с садом». Сад обильно орошался источниками. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов. Ромейские солдаты вволю наелись апельсинов и фиников. Но долго расслабляться Велисарий не дал, тем более что враг был уже рядом.

А что Гелимер? Ему доложили о высадке византийцев, и конунг стал думать, как бороться с врагом. В Карфагене находился его брат Аммата с небольшим гарнизоном. Гелимер первым делом написал Аммате, чтобы тот убил томящегося в плену экс-короля Хильдерика. Затем велел «привести в боевую готовность вандалов и всё боеспособное население города», чтобы дать битву в теснинах близ городка Децим. План был прост: окружить византийцев «и, поймав их, как зверя в сети, истребить».

Первую часть плана Аммата выполнил без труда. Он убил старого Хильдерика, Евагея и их слуг, в том числе римлян. «Оамера в то время не было уже в живых», — уточняет Прокопий.

Аммата мобилизовал в армию всех соплеменников, что находились в Карфагене. Но по качеству эти войска значительно уступали профессионалам, которых Гелимер отослал покорять остров Сардиния.

Сам Гелимер спешно отправился на ромейский фронт. С отрядом верных людей он «следовал за нашим войском, не давая нам этого почувствовать», сообщает Прокопий.

Поход ромеев продолжался три дня. Наконец морская дорога сделалась опасной для флота. Далеко в море выступали рифы. Эскадра произвела маневр, ушла мористее, но сухопутная армия византийцев уже не могла видеть свои корабли. Велисарий приказал командующему флотом Калониму не высаживать морскую пехоту в Карфагене, но стать на якорь в виду города и ожидать исхода сухопутного сражения.

На четвертый день ромеи прибыли в городок Децим, который находился в 70 стадиях от Карфагена. К этому времени Гелимер и его соратники смогли собрать войско. Хотя оно уступало византийцам по численности и качеству, вандалы всё-таки решили рискнуть. Планировали напасть на византийцев с двух сторон, однако замысел провалился благодаря хорошей армейской разведке у византийцев. Движение врага вовремя заметили.

Аммата прибыл в Децим около полудня. Вандальский военачальник вырвался вперед с небольшим отрядом... и наткнулся на силы прикры-

тия византийцев, которыми командовал Иоанн Армянин. Завязалась схватка. Похоже, отряд вандалов уступал византийцам по численности. Аммата понял, что угодил в ловушку. Он храбро сражался, зарубил 12 византийских воинов, которых Прокопий называет «храбрейшими», и пал сам. Вместе с ним полегла большая часть вандальского отряда. Остальные обратились в бегство.

Гибамунд, племянник Гелимера, явился с конным полком на равнину Галон, чтобы ударить по византийцам с тыла. Там он наткнулся на стрелков-«массагетов», которые защищали византийскую армию. «Массагеты» рассыпались по пустыне, окружили врага и перестреляли его.

Главная армия византийцев шла, в свою очередь, вперед. О схватках передовых отрядов с вандалами никто пока не знал. Ромейские воины достигли городка Децим.

Поговорив с солдатами и помолившись, Велисарий оставил обоз и жену в лагере под охраной пехоты, а сам с конницей двинулся вперед.

В авангарде скакали кавалеристы-федераты из варваров. Остальная часть конницы шла следом. Ее ядро составляли отборные щитоносцы и копьеносцы самого Велисария.

Федераты примчались в Децим. Здесь они увидели тела изрубленных ромеев из отряда армянина Иоанна, а также трупы Амматы и некоторых вандалов. Местные жители рассказали, что недавно здесь произошла схватка. Самого Иоанна не было, вандалов — тоже. Федераты растерялись и не знали что делать. Тогда их разведчики взошли на ближайший холм, чтобы осмотреть местность. С юга приближалось большое облако пыли. Самые зоркие заметили, что это скачет множество вандальских всадников. Федераты срочно послали к Велисарию за подмогой, но сами заколебались. Кто-то хотел идти в наступление. Другие возражали, резонно заметив, что для атаки недостаточно сил. Пока шли споры, варвары под предводительством самого Гелимера стремительно приближались к отряду ромеев. Вероятно, вандалов было до 8000. Они сильно растянулись на дороге.

Вандалы захватили удобный холм, атаковали сверху и обратили «массагетов» в бегство. Отброшенные федераты достигли местечка в семи стадиях от Децима. Там обнаружили конный отряд боевых товарищей — ромеев — численностью 800 человек. Ими командовал копьеносец Велисария — Улиарис. Но ситуацию это не изменило: оба отряда продолжали бегство и стремительно ускакали к Велисарию. Настала кульминация битвы. Если бы Гелимер продолжил атаку, он смял бы

византийскую конницу. Ведь паника имеет свойство усиливаться и распространяться. Прокопий сам удивляется дальнейшим событиям, как удивлялся, наверно, и Велисарий.

«И тут я не могу сказать, что случилось с Гелимером, — говорит Кесариец, — как это он, имея в руках победу, сам добровольно отдал ее неприятелю». Ромеи приписали это вмешательству Бога, который решил покарать ариан.

Гелимер занялся погребением брата и упустил благоприятный момент. Велисарий же времени не терял. Он встретил бегущих, приказал остановиться, пристыдил, перестроил и разобрался в ситуации. Услыхал о смерти Амматы, о преследовании вандалов Иоанном, узнал всё, что нужно, о местности. И напал на врага, пока тот медлил.

Вандалы подтянулись на равнину, но утратили строй и превратились в беспорядочную толпу. Тут появились конные полки византийцев и атаковали на всей скорости. Закипел рукопашный бой. Варвары не выдержали удара византийцев и обратились в бегство, потеряв многих убитыми. Разгром был полный и безоговорочный. Так в один день ромеи одержали две победы над двумя вандальскими армиями.

Гелимер бежал со своими кавалеристами на равнину Буллы, по дороге, ведущей в Нумидию, то есть на юго-запад от Карфагена, в глубь континента. Отряд армянина Иоанна и «массагеты» вернулись к византийцам уже в сумерках. Велисарий отвел их в Децим и там заночевал. По сути, битва при Дециме отдала в его руки вандальскую Африку. Следовало добить врага и захватить главные опорные пункты.

6. «ОСАДА» КАРФАГЕНА

На другой день подошла пехота ромеев, оставив укрепленный лагерь. Вместе с нею следовала супруга Велисария — Антонина, авантюристичная женщина, которая любила интриги и приключения. Всё войско упорно двигалось к Карфагену. В итоге город заняли без боя. Велисарий вступил в королевский дворец и сел на трон Гелимера. Он велел устроить обед в трапезной, где король обычно проводил свои пиршества. Затем началась работа по обустройству города.

Византийский главнокомандующий оставил прежних чиновников, служивших вандалам, на их должностях. Это помогло навести порядок и начать государственное строительство по византийскому образцу. Было восстановлено богослужение в православных храмах, вышло из подполья духовенство, вновь засияли лампы и раздались слова православных молитв.

Остатки вандалов попрятались в своих церквах. Велисарий дал побежденным обещание безопасности и сдержал слово. Ни он, ни Юстиниан не были кровожадны и охотно даровали прощение. Установив временное управление городом, полководец занялся укреплениями. Стены Карфагена оказались заброшены, часть их лежала в руинах. Велисарий начал восстанавливать защитную систему африканской столицы.

Гелимер хватался за любой способ, чтобы опрокинуть ромеев в море. Он решил поднять местных земледельцев на войну с византийцами. То есть предстал в роли крестьянского вожака. Конунг сулил свободу крепостным и освобождение от налогов — вольным крестьянам. Часть людей король пытался поверстать в солдаты. Часть — уговаривал уйти в партизаны и убивать ромеев. Варварский конунг едва не превратился в африканского Спартака. Юстиниану и Велисарии нечего было противопоставить подобной тактике, кроме разве что грубой силы.

Словом, Гелимер получил возможность переиграть судьбу и ухватился за эту возможность. Король приказал крестьянам убивать ромейских солдат, а взамен обещал деньги. «И действительно, — сообщает Прокопий, — они убили многих из ромейского войска, но только не воинов, а рабов и слуг, которые из жадности к деньгам тайно приходили в деревни и тут попадались. Их головы крестьяне приносили к Гелимеру; получив плату, они удалялись, он же считал, что так он истребляет вражеских воинов». Этот замысел конунга провалился, как и все остальные. Он не смог вести даже крестьянскую войну. Для этого нужны особые таланты, коими бездарный король не обладал.

В это время отборные войска вандалов геройствовали в Сардинии. Их вел брат Гелимера — Цазон. Он высадился в гавани Каралии или Каралиса (совр. Кальяри), немедленно вступил в бой с врагом, с первого натиска взял город, убил тирана Году и его людей. После этой короткой схватки Сардиния вернулась к вандалам; правда, пользы от победы не было никакой. Цазон послал в Карфаген быстроходный корабль с рапортом об успехах. Корабль спокойно вошел в гавань... и был захвачен византийцами. Плывшие на нем вандалы предстали перед Велисарием. «Они были поражены увиденным и потрясены внезапностью перемены», — посмеивается Прокопий.

Вернемся к приключениям Гелимера. Конунг прибыл на равнину Буллы. Он стал собирать остатки разбитых войск. Гелимер обратился за поддержкой к маврусиям. Однако и эти попытки провалились:

кочевники не желали объединяться со вчерашними недругами. Дело в том, что византийские шпионы и дипломаты развернули бурную деятельность и попытались, в свою очередь, привлечь на свою сторону берберские племена. Это принесло плоды. «Те, кто правили маврусиями в Мавретании, Нумидии и Бизакии, отправив послов к Велисарии, объявили себя подданными базилевса и дали обещание сражаться в союзе с ним», — утверждает Прокопий. Некоторые предлагали заложников и просили прислать знаки власти: то были «серебряный с позолотой жезл и серебряный головной убор, покрывающий не всю голову, но, как венок, отовсюду поддерживаемый серебряными пластинками; белый плащ, застегивающийся золотой пряжкой на правом плече наподобие фессалийской хламиды; белый хитон с вышивкой и золоченая обувь». Велисарий велел всё это изготовить и отослать берберам. Кроме того, вождям направили денежные подарки.

Впрочем, выяснилось, что берберы намерены жить сами по себе, ограничиваясь номинальной зависимостью от императора. На помощь Велисарии они не пришли, вандалам помогать тоже не стали. Они выжидали, чтобы начать новую войну — сами за себя.

Гелимер направил письмо Цазону, рассказав о поражениях и прося о помощи. Воины Цазона покинули Сардинию и пристали к берегу Африки на границе Нумидии и Мавретании. Коней раздобыть не удалось, вандалы пешим ходом добрались до равнины Буллы, где соединились с армией Гелимера. Конунг и его брат кинулись друг другу в объятия. Они рыдали, сжав руки. «И каждый из вандалов, находившихся с Гелимером, обняв прибывшего из Сардинии, делал то же самое», — замечает Прокопий. Теперь Гелимер мог выставить примерно 10 тысяч бойцов.

Собрав такую армию, конунг счел себя достаточно сильным для продолжения войны. В конце концов, под его началом были теперь отборные воины. Они ждали решительных действий от своего вождя. Гелимер повел их на Карфаген.

Прокопий описывает этот поход иронически. Должно быть, такое настроение царило тогда в штабе Велисария. Подойдя к городу, вандалы разрушили акведук. Ни малейшего впечатления на горожан и гарнизон это не произвело, от жажды никто не умер. Подождав результата, варвары потоптались под стенами Карфагена и удалились, закрепив за собой репутацию бессмысленных разрушителей.

Начались маневры. Вандалы бродили вокруг и перекрывали дороги, как бы осаждая Карфаген. Однако местность не грабили — Гелимер

считал окрестные поместья своими и не хотел разрушений. К тому же он всё еще думал привлечь на свою сторону крепостных.

Неудачливый конунг стал засылать шпионов в город, чтобы переманить плебс и нобилитет на свою сторону. Об этом узнал Велисарий. Он велел посадить на кол одного знатного карфагенянина по имени Лавр, уличенного в измене домашним секретарем. Вероятно, это был один из римских чиновников, служивших вандалам и теперь затеявших двойную игру. Суровое наказание возымело действие. По словам Прокопия, римляне «пришли в ужас и воздержались от попытки измены». С византийцами было опасно шутить.

7. ВЕЛИСАРИЙ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Так прошло больше двух месяцев. Велисарий не рисковал приступать к действиям против вандалов до того, как укрепит город.

Наконец в декабре месяце, когда укрепления были закончены, ромейский главнокомандующий объявил о начале последней фазы войны против врага.

Исход боевых действий должна была решить конница. Велисарий выслал против вандалов всех всадников, кроме пятисот, которых оставил в резерве. Командовать вылазкой поручил Иоанну Армянину, который прекрасно зарекомендовал себя в битве при Дециме. В знак власти полководец передал Иоанну «бандум» — войсковое знамя.

Впоследствии европейцы превратят это слово в обозначение небольшого подразделения под собственным флагом. «Банда», то есть «знамя», — это и есть такое подразделение.

Иоанн получил приказ не ввязываться в ближний бой, но вести перестрелку. Кроме несения знамени на нем была и другая обязанность: он вел в сражение *ипаснистов* Велисария.

На другой день выступил сам Велисарий вместе с конным отрядом в 500 человек. Пехота частью осталась в городе, частью направилась следом за полководцем, но сразу отстала. Нельзя сказать, чтобы она была тогда «третьим сортом» и совсем не принимала участия в битвах. На восточном фронте ее использовали довольно активно. В сражении при Даре мы видим пехотинцев, бьющихся с врагом (правда, в обороне). Следовательно, пехоту использовали для оборонительных сражений, для осады крепостей, для защиты городов. Но решать наступательные задачи она уже не могла; вот почему Прокопий столь презрительно именует «пехотой» проституток, в число которых попала будущая святая императрица Феодора.

Гелимер по-прежнему «осаждал» Карфаген. По крайней мере, конунг именно так называл свои действия. Он остановился у городка Трикамара, на расстоянии 140 стадий от Карфагена (примерно в 25 километрах от города). Вскоре после начала боевых действий сюда пожаловал Иоанн Армянин с конницей. Велисария еще не было.

Ромеи разбили лагерь у какой-то речушки, переночевали и получили знамение. На остриях копий некоторых воинов словно вспыхнул огонь. Солдаты не знали, как это истолковать, и очень тревожились.

Дело было рано поутру. Ромеи в своем лагере еще готовили завтрак, когда увидели приближавшихся варваров. Они побросали еду и выстроились у речушки, чтобы дать бой. Водный поток отделял их от вандалов. Правда, он был неглубок. Иоанн Армянин заключил, что удобнее будет иметь реку перед собой: она играла роль защитного рва. Вандальская конница не решалась переходить водную преграду.

Византийцы спокойно развернули боевой строй. Из этого следует, что вандалы долго мешкали и собирались — вялое командование Гелимера опять раскрылось во всей красе.

Левое крыло у ромеев занимали военачальники Мартин, Валериан, Киприан, Алфия, Маркелл «и все архонты федератов». На правом крыле встали Папп, Варват, Эган и опять же наемники. В центре находился Иоанн Армянин, «имея при себе щитоносцев и копьеносцев Велисария, а также войсковое знамя». В этот момент подоспел и сам Велисарий. Он одобрил распоряжения Иоанна и принял сражение. Пехота маршировала далеко позади.

Тут выяснилось, что византийские наемники-болгары ведут себя двусмысленно: они выстроились отдельно и чего-то ждали.

Вандалы тоже построились. В центре находился Цазон, брат Гелимера, в тылу встало войско «маврусиев», пишет Прокопий. Еще недавно мавры отказали Гелимеру в поддержке, но теперь некоторые берберские царьки изменили мнение и прислали подмогу. Их было немного, от тысячи до двух.

Похоже, что на флангах Гелимер сосредоточил всего 2000 бойцов для прикрытия. Остальные 8000 выстроились клином, чтобы пробить центр византийской армии. Таким же образом будут впоследствии воевать готы.

Перед сражением Гелимер объезжал ряды своих воинов, «отдавая приказания и возбуждая смелость». Вандалы получили приказ не пользоваться в этом бою ни дротиками, ни другим метательным оружием, а полагаться только на мечи. Нервы были у всех на пределе. Приближалась решающая минута.

8. БИТВА У ТРИКАМАРЫ

Враги стояли друг против друга. Велисарий вновь избрал оборонительную тактику. Он предпочитал действовать, когда противник уже обнаружил свои замыслы. Так была выиграна битва при Даре.

Но и вандалы не решались атаковать. Пришлось ромеям начинать первыми. Иоанн Армянин, с согласия Велисария, отобрал лучших воинов из своего окружения, перешел речку и напал на центр неприятеля. Его встретил Цазон с лучшими бойцами вандальской армии. Вандалы помчались навстречу врагу, опрокинули византийцев и стали преследовать. Однако Иоанн удачно отвел людей за водную преграду. Надо полагать, атака ромеев была ложной. Велисарий хотел спровоцировать противника, чтобы тот произвел наступление всеми силами, после чего византийцы нанесли бы контрудар.

Хитрость не удалась, но ромеи не отчаивались. «Взяв большое число щитоносцев Велисария, Иоанн напал на отряд, окружавший Цазона, и, вновь отраженный оттуда, ушел к ромейскому войску», — замечает Прокопий. Вандалов дразнили, но они не поддавались на провокацию. Последовала третья атака, причем Иоанн взял с собой полковое знамя, чтобы поманить врага ценным трофеем.

Нападение совершили «с громким криком и шумом». Завязалась жестокая рукопашная, вандалы пустили в ход мечи. Вдруг выяснилось, что ромеи атакуют всерьез. В бою участвовали *ипаснисты* Велисария: лучшие из лучших. Многие вандалы были убиты. Цазон дрался в первых рядах. Ромеи пронзили его мечами, и вандальский вождь пал. Видя это, Велисарий сообразил, что нужно атаковать по всему фронту. Главный удар он нацелил на середину вандалов. Варвары растерялись. Может быть, Цазон был неплохим полководцем, но он погиб. Гелимер не обладал военным талантом. Он замешкался, не смог взять управление военными подразделениями в свои руки и — проиграл. Византийская армия «великолепным образом», как выражается Прокопий, обратила врага в бегство. Вандалы ускакали в свой лагерь, но не рассеялись.

Важное преимущество, которое получили византийцы, — это поддержка болгар. Кочевники решили, что победа склоняется на сторону ромеев, и начали преследовать воинов Гелимера.

Вандалы укрылись в лагере и произвели перегруппировку. Велисарий не решился штурмовать укрепления до подхода пехоты. Ромеи методично обобрали валявшиеся повсюду трупы врагов, на которых

искали золотые украшения, и удалились в свой лагерь. «В этом сражении было убито из ромеев менее пятидесяти, а из вандалов приблизительно восемьсот», — утверждает Прокопий. Скорее всего, он преувеличил потери врага.

Вечером к Велисария прибыла пехота. Численный перевес византийцев был теперь налицо. У вандалов имелось какое-то количество раненых и дезертиров. Сколько мог выставить Гелимер? Тысяч семь-восемь бойцов. Ромеев собралось не меньше двенадцати тысяч, а то и все пятнадцать. Надежды на раскол в ромейском лагере оказались тщетны. Гелимер и его окружение пали духом. А Велисарий назначил атаку. Ее нужно было провести до заката, который в этих краях наступает быстро. Велисарий лично возглавил наступление на лагерь вандалов. А Гелимер струсил, увенчав все свои ошибки и преступления предательством собственных боевых товарищей: узнав, что Велисарий приближается и вот-вот будет здесь, конунг бежал. За королем последовали его родственники «и немного слуг, перепуганные и держащие в секрете, что происходит». Началась паника. Варвары разбежались. Подойдя к лагерю, ромеи обнаружили обезлюдившее место и кинулись преследовать неприятеля, пока тот не опомнился. Целую ночь, по воспоминаниям Прокопия, византийцы гнались за вандалами, убивали мужчин, а детей и женщин обращали в рабство.

Лишь к утру солдаты вернулись назад и занялись собственно лагерем. Здесь ждали ценные призы. «В этом лагере ромеи нашли такое количество добра, сколько никогда не случалось видеть в одном месте, — восхищенно пишет Прокопий. — Ибо вандалы издавна грабили Римскую державу и свезли в Ливию огромное количество богатств». Теперь всё награбленное досталась византийским солдатам и полководцам, причем досталось неожиданно легко.

Велисарий, однако, нервничал, видя, что ромейские вояки предались грабежу. Вандалы могли спохватиться, вернуться и уничтожить жадных ромеев и федератов. Велисарий пытался окриками образумить солдат, а когда это не помогло, махнул рукой и молил Бога, чтобы всё обошлось.

И действительно — обошлось. Настал день. Велисарий с ужасом обнаружил, что ромейской армии больше нет. Перед ним было стойбище мародеров. Кто-то похватал пленных, кто-то имущество, никакого порядка не соблюдалось.

Командующий взобрался на холм и занялся уговорами. Он стыдил собственных солдат и «архонтов» федератов. Те не реагировали.

Но вот — решение было найдено. Часть слуг и воинов отправилась с добычей в Карфаген, другая часть продолжала кампанию. Армия вандалов была рассеяна, однако Гелимер оставался на свободе. Требовалось поймать его, чтобы обезглавить вандалов.

9. ОХОТА НА ГЕЛИМЕРА

Иоанну Армянину Велисарий дал 200 всадников и приказал преследовать Гелимера днем и ночью, «пока не захватит его живым или мертвым».

Сам главнокомандующий разъезжал по окрестностям и ловил вандалов. Многие вандалские воины скрывались в храмах. Велисарий обещал вчерашним врагам неприкосновенность, разоружал их и отправлял в Карфаген. Кампания вступила в завершающую фазу.

Иоанн Армянин преследовал бежавшего конунга пять дней и пять ночей. Наконец он почти достиг Гелимера. Однако храброму армянину исключительно не повезло. В его отряде служил Улиарис, один из копьеносцев Велисария, весельчак и пьяница. Этот Улиарис однажды напился вина и стал стрелять из лука в сидящую на дереве птицу. В цель он не попал, зато угодил в шею Иоанну Армянину. Стрела пронзила артерию. Истекая кровью, Армянин умер. Перед смертью он просил пощадить Улиариса, ибо тот действовал нечаянно. Пользуясь заминкой у византийцев, Гелимер смог уйти в горы.

Велисарий не стал подвергать себя превратностям зимней войны в горах. Он отобрал лучших воинов и приказал им блокировать ущелья. Командиром над этим отрядом он поставил герульского вождя Фару, которого знал еще со времен битвы при Даре.

Кроме того, Велисарий пытался взять под контроль все районы Вандальского королевства. Одного из офицеров, Кирилла, он отправил на Сардинию. Этот остров был предоставлен сам себе. Вандалы оттуда ушли, но местное население их боялось. Побывавший здесь Цазон зарекомендовал себя как жестокий грабитель. Велисарий вручил Кириллу голову Цазона, чтобы ужаснуть и успокоить островитян. Шокированные сардинцы покорились Византии. Затем Кирилл высадил небольшой десант на Корсике и подчинил ее. Настал черед вернуть старую римскую провинцию Мавретания Цезарейская (современный северный Алжир). Столицей края была приморская Цезаря. Велисарий отправил туда отряд пехоты, который занял город. Однако этих сил было мало для того, чтобы установить ромейскую власть в горах Мавретании. Византийцы контролировали только побережье. Внутренние области занимали берберские племена.

Еще один отряд ромеев отправился далеко на запад — к Атлантическому океану. Там располагалась римская провинция Мавретания Тингитская со столицей в Тингите (современный Танжер). Это территория нынешнего Марокко. Отряд воинов под командой одного из щитоносцев Велисария дошел до Гибралтарского пролива и захватил там небольшой укрепленный город Септем (Цептон, Севта, ныне — Сеута).

На повестке дня был захват Балеарских островов. Его осуществил по приказу Велисария некто Аполлинарий. Благодатные острова, поросшие густым хвойным лесом (он сохранился здесь и поныне) надолго стали владением Византии.

Правда, сегодня на островах не осталось ничего от византийского наследия, а главная достопримечательность — замок майоркинских королей начала XIV столетия.

...Сам Велисарий продолжал зимнюю кампанию в Африке. Он узнал, что обострилась обстановка на востоке, в районе Триполи. Там находилось «государство» (точнее, «вожество», то, что англичане определяют термином *chiefdom*) кочевников-ливийцев, которые лет за 10 до описываемых событий нанесли вандалам тяжелое поражение. Ясно, что за это время «вожество» окрепло. Ливийцы хотели очистить свою землю как от вандалов, так и от ромеев и перешли в наступление. Триполи удерживал византийский гарнизон под командой Пуденция и Таттимута. Велисарий прислал подкрепления, и ромеи отогнали ливийцев. На этом участке фронта наступил мир.

У вандалов оставались владения на Сицилии — прекрасно укрепленная скала Лилибей. Велисарий отправил туда небольшую эскадру, но неожиданно столкнулся с противодействием готов, владевших остальной частью Сицилии. Готы заявляли, что остров принадлежит им целиком, а владения вандалов на Сицилии — случайность, следствие династического брака. Коль скоро Вандальского королевства больше нет, Лилибей вновь отходит к остготам.

Велисарий написал рассерженное письмо с угрозами, требуя отдать город. Ему ответила лично королева Амаласунта. *«Славнейший Велисарий... мы ничего не взяли и ничем не владели из принадлежащего базилевсу Юстиниану — да будет далеко от нас такое безумное намерение; но Сицилию мы считаем принадлежащей себе полностью — ибо укрепление в Лилибее является одним лишь ее мысом. <...> Поэтому мы собираемся этот вопрос предоставить на усмотрение базилевсу Юстиниану на основании закона и справедливости».*

Велисарий прекратил спор и отправил переписку в Константинополь, чтобы император Юстиниан мог ознакомиться с ней. Базилевс играл роль мозгового центра империи и принимал ключевые решения. Юстиниан не стал ссориться с остготами из-за одинокой скалы. Его планы были гораздо обширнее, но время для войны с готами еще не пришло.

* * *

Герульский вождь Фара блокировал Гелимера в горах. Осажденные вандалы приуныли. Дикий пиратский народ давно превратился в лентяев.

«С того времени, как они завладели Ливией, все вандалы ежедневно пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого лучшего и вкусного производит земля и море, — подробно рассказывает Кесариец. — Все они по большей части носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах, на ипподромах и среди других удовольствий, особенно увлекаясь охотой. Они наслаждались хорошим пением и представлениями мимов; все удовольствия, которые ласкают слух и зрение, были у них весьма распространены. Иначе говоря, все, что у людей в области музыки и зрелищ считается наиболее привлекательным, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, богатых водой и деревьями, часто между собой устраивали они пиры и с большой страстью предавались всем радостям Венеры».

Вино, секс, увеселения; вандалы вели жизнь поп-звезд. Фара написал письмо Гелимеру, в котором предлагал сдаться и гарантировал комфортную жизнь.

Получив письмо и прочитав его, Гелимер расплакался. Вскоре он ответил Фаре. *«За совет, который ты мне дал, я тебя очень благодарю, но быть рабом несправедливого врага я считаю для себя невыносимым. <...> Прощай, милый Фара, и исполни мою просьбу: пришли мне кифару, один каравай хлеба и губку».*

Прокопий, приводя текст письма, под видом сочувствия посмеивается над Гелимером. Амбиции конунга высоки. Он считал Африку своей собственностью, а местных римлян — рабами. В соответствии с этими понятиями византийцы развязали против вандалов «несправедливую» войну. Ведь вандалы захватили Африку по праву сильного. Но, следуя этой логике, нужно признать, что и византийцы отобрали Африку тоже по праву сильного. Не говоря о том, что имели для возвращения веские

юридические основания: они восстанавливали империю. А вот вандалы не смогли оценить силы противника, бездарно проиграли войну и не соглашались признать поражение.

Прямолинейное германское мышление и упрямство привели варваров к трагедии, в которой Гелимер погубил тысячи своих соотечественников. Будущее вандалского конунга вырисовывалось довольно ясно: гибель в бою или смерть у берберов от грязи.

Так или иначе, гонец с письмом конунга прибыл к Фаре. Герульский вождь прочел послание и выразил удивление. Зачем Гелимеру понадобились хлеб, губка и музыкальный инструмент? Гонец пояснил.

— Гелимер просит каравай хлеба, чтобы насладиться его видом и вкусом. С того времени как мы укрылись в горах, король не видел печеного хлеба. Губка нужна потому, что один глаз у нашего повелителя покрылся грязью и сильно распух.

— А кифара?

— Гелимер — отличный певец. Он сложил песнь о своем несчастье, которое хочет оплакать в жалобных звуках кифары.

В этот миг Фара понял, что ждать капитуляции конунга придется недолго. Просьбу Гелимера он выполнил, чтобы дать понять: византийцы готовы проявить милость.

...Прошло три месяца, настала весна. Ромеи за это время утвердились в Африке и на островах. Нервы у осажденных были на пределе. Развязку, как обычно, принесло мелкое событие.

Одна берберская женщина собрала немного зерна и испекла из него лепешку. Возле очага сидели двое: юный сын Гелимера и отпрыск берберки. Первый из них выхватил лепешку из огня и жадно стал поедать. Однако маленький мавр возмутился этим поступком, избил вандалского королевича и буквально вырвал у него лепешку из глотки.

Вид избитого голодного сына поверг Гелимера в такую печаль, что конунг сдался ромеям (в конце марта или в начале апреля 534 года).

Таков был бесславный финал вандалской эпопеи.

10. УПРАВЛЕНИЕ АФРИКОЙ

Юстиниан приписывал мгновенную победу над вандалами благоволению Господа Бога к империи.

Но за делами небесными нельзя было забывать о земных трудах. Весной 534 года Юстиниан издал указ об управлении Африкой. Префектом претория Африки был назначен Архелай — казначей армии Велисария. Завоеванную страну разделили на семь провинций: Тин-

гитану (совр. Марокко), Мавретанию (Западный Алжир), Нумидию (Восточный Алжир) Карфагенику (Северный Тунис), Бизацену или Бизакию (Южный Тунис), Сардинию с Балеарскими островами, Триполитану (Западная Ливия). Правители четырех из них — Тингитаны, Карфагеники, Бизацены и Триполитаны — получили на старый римский манер должности *консуларов*, а трех — Нумидии, Мавретании и Сардинии — *президов*. Штат чиновников при префекте претория составлял 396 человек, а штат канцелярий губернаторов провинций — 50 человек. Юстиниан приказал разработать для них расписание (оно должно было вступить в силу с 1 сентября 534 года), назначил оклады, а также взял в штат пятерых врачей, двух грамматиков и двух преподавателей. Впрочем, это административное деление было рассчитано на мирное время, и африканские смуты, о которых мы расскажем в следующих главах, внесли в него коррективы.

Разумеется, Юстиниан озаботился и вопросами обороны приобретенной области. 13 апреля 534 года он издал эдикт на имя Велисария (который тогда еще находился в Африке), где предписывал полководцу устроить военные дела. Были созданы пять военных округов, которыми командовали начальники в чине *дукс* («вождь», «герцог»). Таких «герцогов» было в Африке пять: в Триполитане, Бизацене, Нумидии, Мавретании и Сардинии. Юстиниан восстановил и при *дуксах* старые штаты канцелярий с окладами. Указ об этом вступал в действие с 1 сентября 534 года.

Велисария было предписано восстановить римскую пограничную стражу, которая когда-то охраняла имперские земли от берберов. Особо говорилось об охране крепости Септем (Сеуты), которой Юстиниан придавал огромное значение. В крепости должен был находиться сильный гарнизон, а в гавани — эскадра для охраны Гибралтарского пролива. Похоже, базилевс рассматривал Сеуту как плацдарм для экспансии в Испанию. Во всяком случае, эта византийская крепость надолго станет центром интриг против варварских королевств, расположенных на Пиренеях.

Юстиниан оговорил, что все расходы по военному и гражданскому управлению Африкой должны поступать из налогов, собранных в этой области. Африка должна была стать самоокупаемой провинцией.

Римляне ждали от базилевса реституции — восстановления в правах собственности, присвоенной вандалами, но вскоре выяснилось, что это невозможно. В Африке начались бунты, да и административное управление пришлось изменить. Велисарий мало что успел сделать — уже

летом 534 года он отбыл в Константинополь, потому что император торопился подготовить новую экспедицию совсем в другую страну. Вероятно, финансист Архелай также был отозван, и управление Африкой возложено на способного внуха Соломона. Он стал префектом Африки, соединив в своих руках военную и гражданскую власть.

В 535 году Юстиниан издал два указа на имя Соломона. В первом иски частных лиц по восстановлению прав собственности ограничивались третьим поколением. Это означает, что истинных собственников земли найти было трудно. Правда, возможна и другая версия. Империя Юстиниана — это, в идеале, империя свободных людей. Возможно, он хотел постепенно превратить Африку в заморский аналог Византии, в страну свободного крестьянства, поэтому старался понемногу искоренить латифундии. Это было логично.

Во втором эдикте Юстиниан коснулся религиозных вопросов, которые считал крайне важными. В указе признавались права карфагенской Православной церкви на принадлежавшее ей раньше имущество. Много из этого имущества оказалось в собственности у еретиков-ариан или у язычников (к которым вандалы относились лояльно и набирали из них кадры для управления пиратским королевством). Юстиниан покончил с этим. Кроме того, он распространил все дискриминационные законы империи на африканских еретиков (ариан и донатистов), а также на иудеев. Еретикам было предложено воссоединиться с Православной церковью, «так как всемогущему Богу ничто не является столь приемлемым, как раскаяние грешников». У иудеев отняли право иметь синагоги — эти здания надлежало переделать в церкви. Евреям запретили иметь рабов-христиан.

Правда, Юстиниан и здесь пытался проявить мягкость и терпимость. Если арианский епископ переходил в православие, ему оставляли все права. Против этого взбунтовалось православное африканское духовенство, которое настрадалось под игом ариан, а перебежчиков считало приспособленцами. Кроме того, православные попы претендовали на церковное имущество ариан. В итоге протест африканских священников поддержал сам римский папа, и Юстиниан оказался в сложном положении. Папы постоянно подрывали его власть и авторитет. Но базилевс переносил это с видимой кротостью и пытался найти общий язык с римскими понтификами. Все эти противоречия сплелись в тугой узел, который император Юстиниан будет распутывать долгие годы. Африку ждут затяжные войны, которые унесут десятки тысяч жизней.

11. ТРИУМФ ВЕЛИСАРИЯ

После поимки конунга Гелимера византийский главнокомандующий счел миссию выполненной и написал базилевсу письмо, в коем просил позволения возвратиться в Константинополь.

К тому времени несколько военачальников состряпали Юстиниану донос, что Велисарий желает захватить Африку и отделить ее от империи. Базилевс не придавал значения пасквилю. Он направил Велисария послание, в котором предоставил полководцу действовать по своему усмотрению. Командующий мог остаться в Африке для дальнейшего ее закрепления за империей или вернуться.

Осведомители Велисария работали, однако, достаточно хорошо. Они узнали о доносе. Дело в том, что заговорщики подстраховались и направили базилевсу сразу два пасквиля на двух кораблях. Один корабль добрался до Константинополя без приключений, а другой вызвал подозрения и был задержан в Карфагене. На корабле нашли злосчастное письмо. С его содержанием ознакомился Велисарий, а потому поспешил в столицу, чтобы встретиться с Юстинианом, узнать его настроение и если нужно — оправдаться перед императором.

Оправдываться не пришлось. Юстиниан прекрасно понимал, что после разгрома восстания «Ника» нужно предъявить народу громкий успех, а также победоносного полководца. Базилевс не жалел наград и похвал.

Константинополь порадовали невиданным зрелищем. Город отстраивался заново после погрома. В него шли поселенцы из деревень. Они возводили усадьбы, разбивали сады и скверы. А в центре города строился огромный и величественный храм Святой Софии на месте прежнего, разрушенного в ходе боев. Но люди по-прежнему вступали в партии цирка и жаждали зрелищ. Скачки на ипподроме были временно запрещены. Для развлечения масс требовалось выдумать что-то новое. И вот герой Велисарий вошел в город как древний триумфатор.

Он со своими воинами шествовал по центру города пешком. Это противоречило древним обычаям. Например, в Древнем Риме обычным гражданам было принято ходить пешком или, в крайнем случае, передвигаться в паланкине, который тащили рабы. Смысл триумфа состоял в том, что триумфатор получал право проехать на колеснице по пешеходной зоне, которой был весь город. С Велисарием поступили иначе. Он вышел из своего дома пешком, возглавил процессию и направился в сторону цирка. Цирк был полон зрителей, и триумф полководца

стал своего рода театральным зрелищем. Велисарий прошел от того места, где начинают состязания, туда, где находился трон базилевса.

Носильщики волокли добычу, чтобы порадовать чернь. «Среди добычи можно было видеть вещи, которыми обычно пользуется государь, золотые троны и повозки, на которых, как предписывал обычай, разъезжала супруга базилевса, большое количество украшений из драгоценных камней, золотые кубки и все другое, что нужно для царских пиров, — перечисляет Прокопий. — Везли также и много десятков тысяч талантов серебра, и огромное количество царских сокровищ (...все это, как было сказано раньше, Гизерих награбил в римском Палатии). В их числе были и иудейские сокровища, которые наряду с многим другим после взятия Иерусалима привез в Рим Тит, сын Веспасиана».

Увидев их, какой-то константинопольский еврей тотчас обратился к одному из родственников базилевса, присутствовавших на торжестве:

— Мне кажется, не следует помещать эти вещи в царском дворце. Не полагается им находиться ни в каком-либо ином месте, кроме того, куда много веков назад их поместил иудейский царь Соломон. Поэтому Гензерих захватил царство римлян, а теперь ромейское войско овладело страной вандалов.

Еврей прозрачно намекал, что сокровища и святыни древнееврейских храмов приносят несчастье владельцу, как нибелунги приносили смерть своим обладателям.

Об этом донесли Юстиниану. По свидетельству Кесарийца, благочестивый базилевс «устрашился» и спешно отправил реликвии в христианские храмы Иерусалима. Если это так, честь и хвала Юстиниану! Он вернул древнееврейскому городу культурные ценности. Интересует другое. Не на себя ли намекнул Прокопий, говоря о мудром еврее? Знающие люди понимали намек.

А по арене вели пленных. Среди них шагал Гелимер, «одетый в накинутую на плечи пурпурную одежду». Рядом понуро брели его родственники и некоторые вандалы. Когда Гелимер поравнялся с кафизмой и увидел базилевса, восседавшего высоко на престоле, а рядом — трибуны, заполненные народом, он утратил присутствие духа. Экс-конунг повторял, чуть переиначив, слова Писания: «Суета сует и всякая суета». Гелимер подошел к императорскому трону; с вандала сняли пурпурную одежду, заставили пасть ниц и совершить поклонение базилевсу Юстиниану. То же самое сделал Велисарий, как бы моля базилевса сжалиться над конунгом. Таков был сценарий. Наверняка его разработала Феодора, склонная к театральным эффектам.

Прощение было даровано. «Базилевс Юстиниан и базилисса Феодора одарили всех детей Хильдериха и его родственников, а также всех потомков из рода василевса Валентиниана достаточными богатствами, а Гелимеру предназначили прекрасные земли в Галатии, разрешив жить там вместе с ним всем его родственникам, — пишет Прокопий. — Однако в число патрикиев Гелимер не был зачислен, так как не захотел переменить своей арианской веры».

Гелимер сохранил жизнь, хотя и сошел с исторической сцены. А вандалы вскоре исчезли. Кто-то из них служил в византийской армии и погиб. Кто-то прятался в Африке у берберов и сложил голову в мавретанской войне, которая скоро разыграется в тех краях. «История вандалов закончилась ничем», — констатировал впоследствии французский историк Люсьен Мюссе. Но она и не могла чем-то закончиться. Такова судьба любой этнической химеры. Вандалов не жаль.

* * *

Вернемся, однако, к триумфу Велисария. Шествие в цирке было только началом празднеств. Затем Велисария назначили консулом и устроили триумф номер два, на сей раз более отвечающий древним обычаям. Полководца усадили в носилки, которые подхватили пленные вандалы, и пронесли по улицам столицы, а он бросал народу вещи из полученной на войне добычи. «В честь консульства Велисария народу удалось получить много серебра, золотых поясов и большое количество других предметов из сокровищ вандалов», — вспоминает Прокопий.

На этом торжества в честь покорения Африки завершились. Вскоре стало ясно, что с ними поторопились. Вслед за войной с вандалами развернулась борьба с берберами. Она растянется на 14 лет. Может, по этой причине Юстиниан больше не устраивал триумфов? Император боялся оказаться в смешном положении.

Что касается Велисария, скоро его ждал новый поход — против готов.

ГЛАВА 2. ДЕЯНИЯ ГОТОВ

1. СКАНДИНАВЫ В ИТАЛИИ

Наиболее известную книгу по истории готов написал современник Юстиниана — православный гот Иордан сын Вильямута (Вильгельма), живший на Балканах. Это небольшое сочинение выполнено на вульгарной латыни, то есть так, как мог написать немец, плохо знакомый

с языком чужой для него страны. И всё же книга Иордана остается ценнейшим источником по истории готов: других подобных источников просто нет. Русский перевод его сочинения сделала в прошлом веке Елена Чеславовна Скржинская — замечательный ученый старой школы. Благодаря ее мастерству книга «немца» Иордана заиграла новыми красками. Ее приятно читать.

Итак, несколько слов о происхождении и деяниях готов.

Их родина — Скандинавия. Эта «*vagina* народов» породила множество детей, которые устремились на юг (слово «*vagina*», употребленное Иорданом и означающее по-латыни «ножны», Елена Скржинская перевела как «утроба»). Готы были только одним из множества племен, порожденных этой утробой. Их родина — земля «Гётланд» в южной Швеции и остров Готланд в Балтийском море. Здесь сложились три родственных племени: *остроготы* («блистательные»), *везеготы* («мудрые»), *гепиды* («лентяи»). Для первых двух народов в исторической науке утвердились немного другие названия. Это *остготы* (восточные) и *вестготы* (западные). Так мы и будем называть их впредь. Гепиды же в любом варианте остаются гепидами. Иордан зовет их увальнями и стремится всячески высмеять. Они считались младшим племенем: «старшие» посмеивались над «молодняком».

Из «утробы» готы двинулись на юг. Первыми, кого они обнаружили на южном берегу Балтики, оказались германцы из племени ругов. Их центром был остров Рюген (Руяна). В результате кровавых сражений руги были разбиты и бросились кто куда. Собственно, так и началось Великое переселение народов. Что касается ругов, то одна их часть осела в Норике и в Италии. Впоследствии, при описании Готских войн, мы еще столкнемся с представителями этого племени. Другая часть дошла до Днепра. Здесь их называли росомонами или русами. По одной из гипотез, которую поддерживает и автор этих строк, название «Русь» произошло именно от ругов.

Готские племена двинулись дальше, разгромили вандалов в Силезии (после чего вандалы долго скитались по Европе и закончили странствия в Африке), а затем вышли на берега Днепра и Дуная, где создали три королевства: гепидов, вестготов и остготов.

Гепиды выбрали для поселения Трансильванию. В Дакии (то есть в современных Валахии и Молдавии) осели вестготы. Ими правила семья **Б а л т о в** (Смелых). На Днепре поселились остготы. Их возглавил род **А м а л о в** (Благородных). Самым знаменитым их представителем был конунг **Германарих (350–375)**, который, по

преданию, прожил 110 лет. Это, конечно, преувеличение, хотя ясно, что Германарих занял трон в преклонных годах. Сто десять лет — это фигуральное выражение, означающее «очень долго»; так в позднем СССР правителей страны звали «столетними старцами», что не говорит о подлинном возрасте.

Все готы приняли христианство, причем в его арианской версии. Верными союзниками Германариха были аланы, жившие между Днепром и Доном, а врагами — славяне и руги.

Вскоре держава остготов рухнула под ударами нового врага — гуннов. Эти древние тюрки (*хунну*) пришли с берегов Орхона на Волгу и перемешались с уграми, образовав новый народ. Армии аланов и готов были разбиты. Германарих покончил самоубийством на поле боя.

Часть аланов откатилась на запад и вместе с вандалами дошла до Африки. Часть — укрылась на Кавказе. Остготы покорились завоевателям и переселились в Паннонию, на Средний Дунай. Вестготы ушли в пределы Восточной Римской империи, а оттуда — в Италию, Галлию и наконец в Испанию, где создали свое королевство. Гепиды подружись с гуннами.

Огромная держава гуннов просуществовала недолго. Своего пика она достигла в правление Аттилы, а после смерти этого правителя распалась; остготы и гепиды обрели независимость. На Днепре и Кубани появились новые кочевые союзы — *кутургуров* и *утургуров*. Это угорские болгары-кочевники с тюркскими правящими династиями. Тогда же началось движение на восток славянских племен. Одно из них — *анты* — осело на Днепре. Другое — *словене* — обосновалось на Волинии и в верховьях Вислы. Таков был небосклон, на котором вновь загорелась звезда остготов.

* * *

В 451 году на берегах озера Балатон в семье остготского конунга Теудемира, от наложницы Эрилиевы, родился мальчик Теодорих (Дитрих), которого впоследствии прозвали Великим.

Тогда же в Македонии в семье бедного крестьянина появился на свет будущий император Юстин I. И в том же году Аттила потерпел поражение в знаменитой битве на Каталунских полях. История не перестает удивлять нас своими капризами и чередой совпадений.

Остготы долго воевали с Восточной Римской империей, но в 459 году был заключен мир. Варвары признали себя имперскими федератами и получили стипендию. В обмен конунг Теудемир отправил

в Константинополь заложником своего восьмилетнего сына Теодориха. Это решение оказалось очень важным.

В Константинополе ребенок прожил 10 лет. «Мальчик был красив и заслужил императорскую благосклонность», — пишет Иордан. Считается, что в это время сформировалось мировоззрение будущего остготского короля. Теодорих почувствовал себя жителем двух миров — римского и германского. В этом мире германцы сражались, а римляне трудились. Германские воины присваивали себе результаты их труда, а римляне пытались сравить германцев между собой с помощью интриг.

В 470 году Теодориха отпустили на родину. Это было очень вовремя, потому что в Паннонии возникла смута, которая продолжалась два года. Готы воевали с другими германскими племенами, которые претендовали на эти земли. Среди главных врагов были *скиры*. Их вождь Эдика (Эдвард) хотел покорить готов, но потерпел неудачу и был убит. Теудемир лично зарубил его мечом. Уцелевшие скиры бежали в Италию и поступили на службу к императорам Гесперии. Их возглавил сын Эдики — Одоакр. В том же 470 году он получил должность *магистра милитум*, а через 6 лет сверг последнего императора и захватил Италию.

Король Теудемир умер в 474 году, ему наследовал молодой Теодорих. В течение следующих 14 лет он либо участвовал в византийских смутах, либо сам их учинял. Как правило, он требовал новых земельных владений и повышения стипендии. Описание подробностей весьма поучительно, но увело бы нас от главной темы.

Остготы превратились в народ-паразит. Они не трудились и ничего не производили, а жили за счет местного населения, образовав касту воинов. Из таких же шаек впоследствии образовались средневековые королевства Европы с рыцарским сословием во главе.

Наконец император Зенон задумал интригу: направил Теодориха вместе с его остготами в Италию. Ее правитель Одоакр был мятежником в глазах римлян и кровным врагом — в глазах остготов.

Осенью 488 года готская орда вместе с примкнувшими шайками разноплеменных головорезов двинулась покорять Италию. Лишь малая часть народа осталась в Паннонии. Сводку дальнейших событий по раннесредневековым источникам сделала З. В. Удальцова в своей монографии «Италия и Византия в VI веке»; к этой книге мы и отсылаем читателя, интересующегося подробностями. Здесь будет достаточно обозначить канву событий.

Той же осенью воины Теодориха захватили Далмацию, где и зимовали. В августе 489 года Теодорих явился к реке Изонцо, прорвал оборону Одоакра и обратил его армию в бегство. Тяжелая кавалерия остготов буквально «вынесла» с поля боя разношерстные отряды Одоакра. Последний укрылся в Вероне, собрал остатки войск и попытался преградить дорогу Теодориху.

Остготы подошли к стенам Вероны в конце сентября. Здесь они дали Одоакру второе сражение — и победили, после чего Теодорих завладел этим городом. Как ни странно, именно падение Вероны обеспечило ему бессмертие в веках. Немцы дали великому конунгу прозвище Дитрих фон Берн — то есть Теодорих Веронский («вэ» переходит в «бэ», а Верона становится Берном). Под этим именем он выведен в поэме о «нибелунгах».

Армия Одоакра понесла чувствительный урон. В результате поражения под Вероной многие из его воинов погибли или разбежались. Магистр (генерал) Одоакра по имени Туфа перешел на сторону Теодориха с несколькими полками наемников. Готского короля поддерживали даже местные руги: их король Фридрих пришел к Теодориху на службу.

Одоакр с дружиной скиров бежал в хорошо укрепленную Равенну и заперся там, но быстро собрал силы и перешел в Фавенцию. Магистр Туфа пообещал своему новому господину Теодориху разбить Одоакра. Конунг отдал Туфе его же воинов, а также мощный отряд остготов. С ними магистр явился под стены Фавенции и... перебежал обратно к Одоакру, причем отряд остготов был истреблен. «И Туфа передал Одоакру комитов патрикия Теодериха, которых заковали в железо и отправили в Равенну», — замечает Аноним Валезия.

Соотношение сил изменилось в пользу Одоакра. Теодорих укрылся за стенами Павии. Одоакр осадил город; блокада продолжалась полгода. За это время Теодорих сумел отправить к своей западной и восточной родне гонцов с просьбой о помощи. Помогли вестготы: их конунг Аларих II прислал несколько отрядов тяжелой кавалерии.

Силы Одоакра были на пределе. При первых известиях о приближении латной конницы вестготов он снял осаду Павии и отступил к реке Адда (в конце лета 490 года). Здесь его настиг Теодорих со своими остготами и вестготами. 11 августа произошла битва, и готская кавалерия опять смяла врага. Одоакр бежал в Равенну.

В чем причина его поражений? Она — не только в плохой организации войск. Одоакра не любили в Италии. Римские сенаторы тайно сносились с Теодорихом и готовы были сдать ему страну. Вождя ост-

готовов воспринимали как посланца Византии, то есть как освободителя. Увы, вскоре италийцев постигнет разочарование. Если бы население Италии обладало пассионарностью, оно вышвырнуло бы и скиров, и готов, и всех остальных. Но энергии римлян хватало лишь на то, чтобы обсуждать в банях и тавернах ход войны, которую варвары вели на их территории. Теодорих осадил Равенну.

Сегодня Равенна — небольшой городок, куда возят туристов, чтобы полюбоваться византийскими мозаиками и посмотреть на мрачную архитектуру V и VI веков. Здесь располагается небольшой мавзолей Галлы Плацидии, несколько византийских церквей и усыпальница Теодориха Великого. Даже в лучах летнего итальянского солнца христианские некрополи выглядят мрачно. Правда, итальянцев это не смущает, и вместо того чтобы рассуждать о покаянии и необходимости захоронить трупы, лежащие в мавзолеях Равенны, они бойко взимают плату с туристов за ознакомление. Экскурсия в мавзолей Галлы и церковь Сан-Витале обходится в 10 евро.

Сейчас вокруг города раскинулись бесконечные возделанные поля. В V веке пейзаж был совсем другой. С севера и юга Равенну окружали болота. К морю вели длинные стены, которые заканчивались гаванью в удобной лагуне, ныне пересохшей. В общем, здесь было мрачновато, но вполне надежно. Поэтому последние императоры Гесперии отсиживались в городе от нападений варваров. Примеру самодержцев последовал Одоакр. Старый авантюрист заперся в стенах Равенны и решил держаться до последнего.

Магистр Туфа укрепился в Венеции — той области, которую сегодня мы называем Венеция. Он занял оборону в одной из долин на реке Адидже, неподалеку от Тридента. У Теодориха не было сил, чтобы справиться с предателем.

На юге и в центре Италии практически не осталось воинов Одоакра. Города открывали ворота перед Теодорихом. Конунг получал в них всё, что нужно: деньги, снабжение, снаряжение. Отряды готов заняли Сицилию, причем выгнали оттуда вандалов, которые попытались под шумок захватить остров. З. В. Удальцова предполагает, что на Сицилии вспыхнуло восстание местного населения, но в источниках упоминаний об этом нет.

Осада неприступной Равенны тянулась долго. В ночь с 9 на 10 июля 491 года Одоакр попытался прорваться из города. Произошла тяжелая битва, в которой старого конунга загнали обратно.

Правда, в августе 491 года забрезжил огонек надежды: руги поссорились с остготами, конунг Фридрих ушел в Венецию и присоединился к магистру Туфе. Но вскоре надежда погасла. Туфа и Фридрих разругались, вспыхнула кровавая битва, и король ругов убил магистра. После этого остатки ругов вернулись к остготам.

В 492 году Теодорих блокировал Равенну с моря. Прекратился подвоз припасов, и падение города стало вопросом времени. В феврале 493 года шестидесятилетний Одоакр решился капитулировать. Он прибег к посредничеству церковников. С их помощью удалось договориться, что Теодорих и Одоакр делят Италию пополам и превращают страну в совместное владение. Войска конунгов поредели, но страну удалось уберечь от разорения. Ее ресурсов вполне хватило бы для содержания двух варварских орд вместо одной. Одоакр мог считать, что легко отделался.

15 марта 493 года Теодорих устроил пиршество, на которое пригласил Одоакра и его свиту. За праздничным столом готский конунг зарезал своего сотрапезника. Воины Одоакра также были перебиты. Впоследствии Теодорих оправдывался тем, что Одоакр, мол, сам хотел его убить, но в эту байку никто не верил.

Остготы и их союзники стали господами Италии и Сицилии. Кроме того, Теодориху подчинялись Далмация и Паннония. В зависимости от него находились Норик и Реция. В общем, он урвал для себя жирный кусок Гесперии. С приходом Теодориха и его людей в Италии возникла новая этническая химера.

2. ПОД ИГОМ ОСТГОТОВ

Многие историки восхищаются мудрым правлением Теодориха. Восхвалителям несть числа, и в основном это немцы. Одним из первых Теодориха воспел Фердинанд Грегоровиус в добротной «Истории города Рима в Средние века». В наше время Георг Пфайльшифтер повторил панегирик в удивительно скучной биографии Теодориха.

Но причин для восторгов нет. Теодорих присвоил треть земель Италии для своих воинов, которые стали господами в покоренной стране. В основном они поселились к северу от реки По, а в Южной и Центральной Италии поставили гарнизоны. То есть поступили так, как свевы или вестготы поступали в завоеванных странах. После чего начали стремительно вырождаться. Если вандалам для вырождения потребовалось два поколения и несколько королей, то остготам хватило и одного. Вырождение обнаружилось уже при дочери Теодориха Великого — Амаласунте.

«Дитрих» создал странное государство, где в одной нише жили два народа: господа-остготы и подчиненные-римляне. Господами были воины. Людям второго сорта запрещалось носить оружие. Господа не платили налоги. Подданные — платили. Правда, Теодорих использовал римлян для управления страной и щедро оплачивал эту работу. Юристы, чиновники, духовенство трудились на новых хозяев. Единственной обязанностью самих остготов было тренироваться до упада, чтобы остаться в хорошей физической форме. По сути, это был режим апартеида — раздельного существования двух народов. Конунг воспретил им смешиваться между собой. Готам возбранялось принимать православие. Каста воинов и каста мирных жителей противостояли друг другу. Сам Теодорих испытал раздвоение личности. Для римлян это был патриций Флавий Теодорикус. Для готов — конунг Дитрих фон Берн.

Конунг с немецкой педантичностью навел порядок в стране, даровал мир и даже несколько обуздал коррупцию. В ответ он ожидал благодарности, но вместо этого получил растущую ненависть и был крайне удивлен. Впрочем, ненавидели его, конечно, не все. Часть римлян смирилась со своей участью второсортных людей и радовалась безопасной жизни, при которой процветали ремесла и восстановилась торговля.

Но далеко не все римляне хотели подчиняться власти еретиков-ариан. Оппозиция устремляла взор на восток, в Константинополь, где царствовал единственный законный император Римской империи. Проблема состояла лишь в том, что италийцы были православные, а вот православие восточных базилевсов с некоторых пор находилось под вопросом. Император Зенон искал компромисса с монофизитами и издал примирительный «Генотикон». Анастасия Дикора вообще подозревали в том, что он тайный монофизит.

Этим пользовался Теодорих. Он объединил вокруг себя наиболее грамотных римлян и использовал в своих целях. Среди этих людей — сенатор А в р е л и й М е м м и й С и м м а х, его зять А н и ц и й М а н л и й Т о р к в а т Б о э ц и й (глава сената и префект Рима), *магистр оффиций* (канцлер) Ф л а в и й К а с с и о д о р, патриций П е т р М а р ц е л л и н Л и б е р и й по прозвищу Феликс (Счастливчик). Всё это были интеллигентные широко образованные люди. Симмах — книгоиздатель, историк. Бозций — тонкий философ. Кассиодор — опять же историк, автор труда по истории готов, который сократил и испортил в меру своих сил не отличавшийся особым талантом Иордан. О Либерии мы еще скажем несколько слов, когда он перейдет на службу к Юстиниану.

Эти православные интеллигенты не любили готов-ариан и втихомолку мечтали о торжестве истинной веры. Это были потенциальные агенты Византии на земле Италии. Но пока Византия была слаба из-за внутренних смут, интеллигенты казались Теодориху безвредными.

И тут возникает вопрос: что плохого сделали готы римлянам? Ничего. От военной службы освободили, обеспечили мир и безопасность, три шкуры не драли, ввели государственное воровство в приличные рамки. А римлян тянуло в Византию, где кипели страсти, дрались между собой политические партии, у власти один вор сменял другого, а налоги были высоки и обременительны. Почему так? Потому что византийцы были свои, а готы — чужие. Потому что в Константинополе царствовал законный император, а в Равенне самоуправствовал иностранный конунг. Как бы ни заигрывал Теодорих с римлянами, как бы ни старался исполнять роль отца нации, ничего не вышло. Переместив остготов в Италию, он обрек своих людей на гибель и вырождение в чужой незнакомой стране, а римлянам принес неисчислимые бедствия. Два разных народа не могут жить в одной нише, один из них обязательно будет уничтожен. Этот процесс трагичен и крайне мучителен — химеры не умирают легко. Впрочем, первые годы варвары шли от успеха к успеху.

* * *

Теодорих вел активную внешнюю политику. Породнился с вестготскими королями, и в Испании правил его малолетний внук под опекой остготского дружинника Тевдиса (Тьюдо), будущего испанского короля. Кроме того, остготы присоединили Прованс и отбили нападение православного альянса византийцев и франков, которые во времена Анастасия попытались напасть на Италию. Наконец, конунг Теодорих поставил в зависимость королевство бургундов (эту коллизию, с полным описанием интриг и кровавых конфликтов в королевской семье Бургундии, изложил епископ Григорий Турский в своей церковной истории франков). Но уверенности в завтрашнем дне так и не было. Внутри готское государство оставалось гнилым и слабым, несмотря на внешний блеск.

В 518 году в Византии умер базилевс Анастасий Дикор. Новым царем стал Юстин I, при котором быстро выдвинулся Юстиниан. Оба — царственный дядя и его энергичный племянник — были православные. К ним сразу же потянулись римляне. Юстин и Юстиниан мечтали сокрушить Теодориха и наводнили Италию шпионами.

3. ТЕОДОРИХ И ПАПА

Слухи о новом православном царе распространились по всей Гесперии. На Юстина и его племянника римляне буквально молились. Многие ждали освобождения от ига ариан.

Всё это встревожило короля Теодориха, но что он мог сделать? Принять православие? Тогда можно было делать ставки, как скоро готские воины поднимут на копыя своего короля.

Теодорих выбрал иной путь. Чтобы восстановить порядок на земле, король обратился к воле небес: вступил в соглашение с римским папой, чтобы тот успокоил своих православных единомыслителей, живших в Италии.

На папском престоле тогда находился Гормизд, в первой части книги мы немного рассказывали о нем. Это был хитрый политик, лавировавший между готской и византийской партиями, на которые раскололись римляне. Точнее будет назвать эти группировки «проварварской» и «имперской».

Император Юстин, его племянник Юстиниан и константинопольский патриарх Иоанн известили Гормизда о возрождении православия на Востоке. Их послания отвез ромейский комес Грат. Комеса допустили в Рим, и византиец начал создавать шпионскую сеть в Италии. Во всяком случае, с этого времени мы видим, что римские сенаторы и чиновники тайно сносятся с византийским правительством и вступают в заговоры против остготов. Папа оказался в сложном положении. С одной стороны, он должен был радоваться торжеству православия в Константинополе. Но с другой стороны, это умаляло вес римского первосвященника в церковных делах.

Понтифик вел себя двусмысленно. Он признавал светскую власть Теодориха, воздавая «кесарю кесарево», но сам оставался духовным лидером православных. Зато по отношению к византийцам римский епископ занял жесткую позицию. Он требовал от своих восточных коллег покаяния и анафематствования всех церковников, которые служили ромейским императорам во времена Зенона и Анастасия; это выдвигалось в качестве главного условия примирения. Византийцы только проигрывали от подобного ригоризма.

По факту папа действовал в интересах Теодориха. Римская церковь была в то время очень сильно коррумпирована, она зависела от готов, в ней боролись партии, представлявшие ту или иную группировку римской знати. Поэтому Гормизд действительно мог быть орудием в руках готского конунга.

Папа отправил в Константинополь своих легатов, которые должны были подписать вместе с восточными епископами *libellus* (письменное объявление о примирении Церкви). *Libellus* содержал хитрую формулировку, в которой утверждалась непогрешимость римского епископа в вопросах веры и (об этом мы опять же говорили в первой части книги) подвергались анафеме даже те восточные иерархи, что недостаточно строго боролись с монофизитами.

Теодорих, должно быть, радовался. Пускай византийцы погрязнут в религиозных спорах, искусно разжигаемых папой. Эти споры могут вылиться в восстания недовольных, и уж тогда православному императору точно будет не до Италии.

Но Юстиниан и Юстин показали себя блестящими политиками. Папским легатам устроили пышную встречу, *libellus* приняли, совершили совместную евхаристию, возобновив церковное общение. Авторитет папства признали на Востоке, но епископов, сотрудничавших с монофизитами, никто не преследовал.

4. СКИФСКИЕ МОНАХИ

Однако дипломатию Юстина и Юстиниана едва не разрушила «инициатива снизу». В марте 519 года в столицу Византии прибыли «скифские монахи». Это были православные из Малой Скифии (ныне Добруджа). Они принадлежали к окружению небезызвестного византийского полководца Виталиана, о котором мы говорили в первой части книги. Одного из главарей этих монахов звали Иоанн Максенций. Это был образованный человек для своего времени, он много проповедовал и писал. Другой звался Леонтием и приходился родичем Виталиану. Целью скифских монахов было восстановление чистоты веры в Византии, которое пострадало при императоре Анастасии.

Монахи принялись навязчиво проповедовать в столице свои воззрения. Православие в те времена было совсем другим. Догмы еще не утвердились, а слепую веру заменяли постоянные творческие искания. Сколько душ было во Христе — одна или две? Кем был Бог — Дух Святой? Голубем? Или он принимал вид голубя временно, когда это необходимо? Кто страдал на кресте? Человек или бесплотный дух? Евангелия составлялись в разное время и были полны противоречий на этот счет. А людям хотелось знать, что произошло на самом деле в роковую пятницу на Голгофе.

Все эти отвлеченные понятия порождали жаркие споры. Церковники трактовали канон так и эдак, объявляли себя православными,

а своих соперников — еретиками. И снова спорили, спорили... Читая богословские сочинения той поры, неподготовленному историку нелегко определить, на чьей стороне истина. Для этого нужно обладать хотя бы скромными познаниями в богословии. Такими познаниями обладает далеко не каждый современный ученый-византист. Что говорить о богословах той далекой поры, когда догматы еще только складывались! Нам трудно понять ту страсть, с которой приверженцы разных сект доказывали свою правоту. Познание мира воспринималось тогда совершенно иначе. Казалось, что стоит сделать шаг в сторону с правильного пути, и душа погибнет. Дьявол подстерегал верующих везде: в виде плотских искушений, в неправильных цитатах Евангелий и даже в постановлениях церковных соборов. Дьявол кроется между строк — эта современная шутка совсем бы не выглядела шуткой тогда, в VI веке. Одна ошибка — и душа человеческая обречена на вечные муки. Логики в этом нет, но чувств много. Поэтому мы должны понять страстных монахов.

Скифские монахи привезли в Константинополь так называемую *теопасхистскую формулу*, чем и прославились. Формула гласила: «Один из Святой Троицы пострадал плотию», то есть «во плоти». Люди, сведущие в богословии, сразу заметят, что таким образом монахи пытались примирить диофизитов и монофизитов.

В Константинополе всё еще обретались папские легаты. Монахи прорвались к ним со своей формулой, однако понимания у легатов не нашли. Легаты были чиновниками, которым нужно делать духовную карьеру. Они вежливо рекомендовали монахам обратиться непосредственно к папе как высшему авторитету.

Монахи отправились в Рим. Делегацию возглавил Иоанн Максенций.

Юстиниана встревожила самовольная эскапада монахов. Император боялся, что клирики разрушат результаты работы по воссоединению Церкви. Кто знает, как отнесется папа к их выходкам? Не сочтет ли он выступления монахов ересью? И тогда — новый раскол.

Поэтому Юстиниан поспешил откреститься от «скифов». Они, мол, прибыли самостоятельно, не представляют никого, кроме себя, и вообще — лучше их выслать из Рима. *«Некоторые лица, — писал Юстиниан римскому понтифику, — под именем монахов... вносят в Церковь нововведения, которые, как известно, не содержатся ни в прежних достопочитаемых соборах, ни в письмах святого папы Льва»*. По этой причине папе рекомендовалось отказаться от общения со «скифами».

Однако события сложились иначе. Папа благосклонно принял гостей с Востока и с интересом выслушал их. Юстиниан тотчас переменял тон и отправил властное письмо с рекомендацией дать скорый ответ, «удовлетворяющий благочестивых монахов». Но с папой нельзя было разговаривать в таком тоне. К тому же при папском дворе шла подковерная борьба готской и римской партий. В 520 году «готы», казалось, победили: Гормизд выслал монахов, а теопасхистскую формулу счел ненужной.

Однако Юстиниан в последующие годы будет на ней настаивать, полагая, что формула может объединить диофизитов и монофизитов.

Поездка монахов имела еще одно значение. Она расширила культурные контакты между Италией и Византией. Православные обеих стран вместе решали религиозные проблемы. А там недалеко и до проблем политических. Незаметно для себя конунг Теодорих проиграл битву идеологий, несмотря на ряд тактических побед.

В 523 году папа Гормизд умер. Его преемником стал **Иоанн I (523—526)**, знатный римлянин и друг философа Боэция. Новый папа принадлежал к византийской партии, и это был тревожный симптом, но даже он казался пустяком по сравнению с дальнейшими событиями.

5. СУМЕРКИ ТЕОДОРИХА

Против Теодориха возник политический заговор. В него вступили Симмах, Боэций, другие римляне. Похоже, италийцы решили позвать византийцев на помощь и наконец свергнуть власть паразитов-готов. Однако заговор был раскрыт. Боэция посадили в тюрьму по доносу сенаторов-коллорационистов в 523 году. В застенке честный римлянин написал знаменитое «Утешение философией». В 524 году Боэций был казнен страшной казнью. «Когда ему в течение долгого времени затягивали на лбу струну, — пишет Аноним Валезия, — он настолько мучился, что глаза его лопнули, окончательно же он был убит палкой во время пытки». Еще год спустя уничтожили Симмаха. Уцелели только очень осторожные люди, вроде Кассиодора и Либерия.

Юстин и Юстиниан предприняли асимметричный ответ. Они запретили арианство в пределах Ромейской империи. Это было грозное предостережение Теодориху. У него могло не остаться агентов в Византии, а у византийцев в Италии становилось всё больше сторонников. Теодорих не мог запретить православие в Италии, ведь это была преобладающая религия: капля ариан тонула в море православных.

Но конунг не сдавался. Он отправил папу Иоанна I в Константинополь — заступаться за ариан. Это было еще одной ошибкой короля. Папа предстал в роли страдальца, православный люд ему сочувствовал. Юстин и Юстиниан встретили понтифика с величайшим почетом. Папа совершил богослужение на латыни и даже венчал на царство старого Юстина. После этого Юстин беседовал с ним о религиозной политике и категорически отказался восстановить права ариан.

Иоанн несолоно хлебавши вернулся в Рим и... угодил под арест вместе со всей свитой, ездившей в Византию. Папу обвинили в шпионаже в пользу императора. Иоанн I умер в тюрьме. Говорили, что он отравлен по приказу готского короля. Затем Теодорих выпустил указ, разрешавший арианам захватывать православные храмы, причем документ был составлен ученым евреем, что особенно озлобило христиан. Со стороны Теодориха такой документ был жестом отчаяния человека, увидевшего, как рушится созданная им химера.

Византийская дипломатия и разведка делали свое дело. Поле боя сделалась вся Гесперия. Ромейскте агенты пытались перетянуть конунгов франков и бургундов на сторону империи. Король вандалов Хильдерик вообще освободился от готской опеки и убил сестру Теодориха, после чего Вандальское государство вошло в сферу влияния Византии. Дитрих фон Берн засобирались в Африку — покарать вандалов. Готовили флот. Однако в разгар приготовлений Теодорих умер (30 августа 526 года). Он скончался вскоре после пира в Равенне от дизентерии. Дело в том, что готы остались варварами и ели-пили в антисанитарных условиях. Византийцы и римляне насмешливо говорили, что король испражнился собственными кишками, как ересиарх Арий.

Прокопий приводит по этому случаю анекдот. Будто бы через несколько дней после смерти Симмаха и Боэция Теодориху принесли голову крупной рыбы. Конунгу показалось, что это голова покойного Симмаха. Она смотрела на конунга строго и с укоризной. «Испуганный таким ужасным чудом, он весь похолодел и стремительно ушел в свои покои к себе на ложе; велел покрыть себя многими одеждами, он старался успокоиться. Затем, рассказав всё, что с ним случилось своему врачу Эльпидию, он стал оплакивать свой ошибочный и несправедливый поступок по отношению к Симмаху и Боэцию. Раскаившись в таком своем поступке и глубоко подавленный горем, он умер немного времени спустя». Скорее всего, эту назидательную сказку выдумали византийцы из окружения Юстиниана как инструмент идеологической войны против готов. Юстиниан уделял большое внимание этим

вещам. И дело не в том, что Боэция и Симмаха казнили гораздо раньше, чем Теодориху принесли рыбу. Сама назидательная, но легкая подача материала говорит о том, что эта прелестная история выдумана при византийском дворе.

Еще одну историю придумали православные церковники Италии, она вошла в «Диалоги» папы Григория Великого (590—604). Эта байка гласит, что Теодориха после смерти уволокли в ад. История, скорее всего, родилась в Италии. По мнению итальянцев, один из входов в ад — это кратер Везувия. Туда черт утащил остготского короля. Приводили даже имена свидетелей, которые видели сей постыдный факт.

Так завершилось бурное и беспокойное царствование Теодориха.

ГЛАВА 3. БИТВА ЗА РИМ

1. АМАЛАСУНТА

Падение Остготского королевства давно волнует писателей и историков. В XIX веке немецкий исторический романист Феликс Дан написал эпопею «Битва за Рим». В ней много рассуждалось о «германской верности», а поставленная по роману опера «Матасвинта» имела бешеный успех в Германии, особенно финальный хор, когда византийцы пропускают разбитых остготов через свои ряды, опустив оружие.

Книга вышла в 1876 году в четырех томах. Ее охотно использовали нацисты для пропаганды патриотизма. А почти через 100 лет после первого издания на экраны вышел двухсерийный фильм с тем же названием. Это единственная экранизация событий, о которых мы поведем речь. Костюмированную картину посмотреть полезно, хотя знаний об эпохе она не дает никаких. Теодорих в фильме мелькнул и исчез. Его дочь Амаласунта убита по приказу своей сестры Матасунты (на самом деле последняя — внучка Теодориха и дочь Амаласунты). Велисарий погиб в Италии у ворот Рима. Глава римского сената Цетег, патриций и аристократ, плетет интриги, играет жизнями своих соперников и даже успевает переспать с византийской императрицей Феодорой. Толстый, туго соображающий и набожный Юстиниан в исполнении Орсона Уэллса узнает об этой измене, после чего Феодора вынуждена принять яд... На этом остановимся. Всё вышеперечисленное — полный вымысел, но по нему учили историю западные обыватели. Какой была на самом деле битва за Рим?

После смерти Теодориха выяснилось, что наследовать престол некому. У старого короля было много дочерей и ни одного сына. К чести остготского конунга, он заранее позаботился о передаче престола.

В Испании жил принц Эврих, потомок боковой линии королевской семьи Амалов. Теодорих сосватал за него свою дочь Амаласунту. Предполагалось, что молодые супруги родят сына, которому и достанется трон. Они действительно родили сына Аталариха и дочь Матасунту. Более того, Теодорих добился, чтобы император Юстин усыновил Эвриха, то есть признал права этого принца на управление Италией.

Однако Эврих умер еще при жизни Теодориха. Тогда остготы возвели на престол десятилетнего **Аталариха (526—534)**, а регентшей сделали его мать — Амаласунту. Прокопий восхваляет ее. «Амаласунта была женщиной знатного рода и царственного происхождения, по внешности исключительно красива и умела очень решительно проводить свои планы; ее величественный вид и исключительно мужественный склад ума» внушали уважение и страх приближенным. Это замечательная правительница. «Пока она стояла во главе правления, ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества». Интересное замечание: значит, «справедливый» Теодорих всё-таки притеснял римлян?

Юстиниан пристально следил за событиями в Италии и пытался на них влиять. Сразу после смерти Теодориха он постарался наладить дружеские отношения с королевой Амаласунтой. В то время Юстиниан был наследником престола, но уже оказывал влияние на внешнюю политику. Сделавшись базилевсом, он продолжил курс на сближение с остготским двором. В то же время он посылал в Италию разведчиков под видом религиозных эмиссаров. То есть готовил присоединение этой страны к империи.

Амаласунта всеми способами подчеркивала свою лояльность по отношению к Византии, но в результате была одинаково чужда и римлянам, и остготам. Это типичный деятель остготской «перестройки», сперва не понимавший толком, чего хочет, а затем решившийся сдать страну.

Амаласунта воспитывала своих детей в римском духе. Королева заставляла их ходить к латиноязычным учителям, осваивать грамматику, математику, философию, учить латинский и греческий языки. Кстати говоря, ее дочь Матасунта впоследствии легко адаптируется в Византии.

В то же время Аталарих был готским королем, и при нем находились три готских советника. Они попытались устроить переворот. Королева настолько перепугалась, что попросила у Юстиниана политического убежища. «Император был очень обрадован такой

речью, — утверждает Прокопий, — он предложил Амаласунте «прибыть». Амаласунта снарядила корабль, нагрузила его шелками и дорогой посудой, а также перенесла туда личную казну — 40 тысяч фунтов золота в слитках. Корабль направился в город Эпидамн, на византийский берег Адриатики. Королева приказала морякам стать на якорь и «ничего с корабля не выносить». Сама она попыталась подослать к противникам тайных убийц. Если бы покушение провалилось, королева бежала бы в Византию.

Но убийства удались, советники Аталариха погибли. Амаласунта вернула корабль и продолжала править страной. Правда, наладить спокойную жизнь так и не получилось. На остготовов напали гепиды (530 год). Поводом стал спор о границах. Для борьбы с ними пришлось снарядить армию. Ее возглавил полководец Витигес — будущий готский король.

2. ТЕОДАТ

Обезглавив одних оппозиционеров, королева вскоре получила взамен других. Новую оппозицию возглавил ее кузен — герцог Теодат. Он приходился сыном готской принцессе Амалафриде — сестре Теодориха, убитой вандалами. Теодат не любил военное дело, зато прекрасно знал латинский язык и философию Платона. «У него не было никакой энергии, но корыстолюбие его было непомерное», — уточняет Прокопий. Герцог владел большинством земель в Этрурии (Тоскане) и погряз в земельных тяжбах, потому что постоянно пытался расширить свои владения. «Иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем», — иронизирует Прокопий.

Двоюродные брат и сестра возненавидели друг друга. Однажды Теодату донесли, что Амаласунта намерена конфисковать его владения. Хитрый кузен тотчас решил снестись напрямую с императором Юстинианом.

Гот задумал продать Тоскану базилевсу за крупную сумму в звонкой монете и за звание сенатора Ромейской империи. Это предложение было откровенной изменой собственной королеве. Но с другой стороны, император Юстиниан формально оставался правителем всей Римской империи. Эта путаница вела к смещению понятий, разложению морали и откровенной неразберихе. По мнению Теодата, он верно служил законному царю против двоюродной сестры, которая узурпировала власть в Италии.

На дворе стоял 534 год.

А в это время «Аталарих, предавшись безграничному пьянству, впал в болезнь и в полный маразм», — безжалостно констатирует Прокопий. Амаласунта с горечью видела, что теряет единственного сына. Рациональная, как многие немцы, королева задумала спастись сама, коль скоро не удастся уберечь отпрыска. Она вступила в переговоры с недавно прибывшими византийскими послами Ипатием, Деметрием и сенатором Александром, которые намеревались договориться о вопросах веры, но выполняли откровенно шпионские функции, особенно Александр. Юстиниан направил этого сенатора, «чтобы он высмотрел, в каком положении находятся все дела Амаласунты», сообщает Прокопий. На тайной встрече с Александром королева пообещала передать византийцам Италию в обмен на собственную безопасность.

Вернувшись в Византию, послы доложили об итогах поездки императору Юстиниану. Деметрий с Ипатием рассказали о растущем влиянии Теодата и о расколе в готской элите. Александр поведал о своих тайных переговорах с королевой, которая умоляла о помощи и готова была платить за нее самую высокую цену.

Юстиниан торжествовал. Он прекрасно владел собой, поэтому подданные не смогли прочесть на его лице ничего лишнего. Царственный затворник, который всё свободное время проводил во дворце за работой, наконец-то увидел, что плоды созрели. Судьба даровала уникальную возможность вернуть Рим, восстановить православие на Западе и расправиться с еретиками. Но как часто она отворачивается после первой улыбки!

Пока Амаласунта и Юстиниан вели тайные переговоры, в Остготском королевстве продолжалась борьба за власть. Заподозрив, что Теодат сам хочет договориться с византийцами, Амаласунта приказала конфисковать его земли. Повод даже искать было не нужно. Жители Тосканы жаловались на Теодата, что «он насильничает над всеми людьми в этой провинции и без всяких рассуждений отнимает земли как частновладельческие, так и имения императорского дома, которые римляне обычно называют “удельными” (partimonium)». Не будем обольщаться словом «императорский». Речь шла о государственных землях, доходом с которых пользовались готские короли. Теодат нарушил права королевы.

Амаласунта призвала двоюродного брата к ответу. Началось разбирательство. Теодата заставили отдать все владения, которые он незаконно присвоил. После этого незадачливый тосканский латифундист был отпущен на свободу, а зря. Амаласунта восстановила справедливость, но нажила врага. Да и Юстиниану не понравился этот поступок королевы.

И вдруг — грянул гром. Умер Аталарих — сын Амаласунты и законный король (534 год). Королева должна была срочно выйти замуж, если хотела сохранить трон. Амаласунта отчаянно цеплялась за власть. В голове этой женщины созрела интересная комбинация: выйти замуж за своего кузена Теодата. В этом случае на троне оставался род Амалов, а королева сохраняла титул и власть. Теодат подходил как никто другой. Он был латинофилом и к тому же вдовцом; правда, имел сына и дочь от первого брака. Цивилизованный человек, не варвар, знаком с философией и юриспруденцией, что доказал во время земельных тяжб. А недавний конфликт — это пустяк. Так думала королева и — жестоко ошиблась.

Амаласунта послала за Теодатом в Тоскану. Тот явился, недовольный и перепуганный. Королева приняла кузена дружески и обратилась с речью.

Род Амалов свелся только к ней да к Теодату. Они должны пожениться и занять престол вместе. «Но самыми страшными клятвами он должен обязаться, что к нему, Теодату, переходит только титул короля, а что сама Амаласунта, как и прежде, будет обладать все той же фактической властью», — сообщает Прокопий.

Теодат не верил ушам. Ему предлагают трон! Конечно, незадачливый помещик принес все необходимые клятвы. Однако он совершенно не собирался их выполнять.

Амаласунта недоценила коварство кузена. Выхода, правда, не было. Зато была еще одна опасность: Византия. Амаласунта еще недавно договаривалась с Юстинианом о передаче византийцам Италии. После брака с Теодатом это соглашение утратило силу. Она обрела мужа, а значит, уверенность в завтрашнем дне и шанс родить наследника.

Год рождения Амаласунты неизвестен. Она была дочерью франкской принцессы Аудофледы, которая вышла замуж за Теодориха вскоре после захвата им Италии. Это значит, что Амаласунта родилась в 494 или 495 году или, может быть, немного позднее. Первый раз она вышла замуж в 515 году. Первого ребенка — Аталариха — родила через год. Следовательно, в 534 году королеве было 39 лет или чуть меньше. В принципе она еще могла родить наследника от своего двоюродного брата — Теодата.

Юстиниан оказался в дураках. Италия уплывала из рук. Император тщательно обдумал следующий ход в игре и вскоре отправил нового посла к остготам. Им сделался Петр Патрикий, ловкий и неразборчивый

в средствах дипломат, впоследствии оставивший мемуары. Это был иллириец, земляк Юстиниана.

«Родился он в Фессалонике, был одним из риторов в Византии, человеком выдающегося ума, мягкого характера и обладающий даром убеждения», — пишет Прокопий в официальной истории. Но в тайной версии Петр предстает совсем другим. Это хладнокровный убийца, который получил от Юстиниана приказ устранить Амаласунту. Для этого император и его окружение разработали хитрую комбинацию. В ходе нее должны были погибнуть и сама Амаласунта, и ее муж Теодат, а Рим и Равенна — возвратиться в лоно империи.

Жалеть Амаласунту не стоит. Эта женщина была холодным расчетливым игроком и хотела выиграть жизнь и престол. Если бы Юстиниан находился в ее власти, вряд ли бы император выжил. Просто он оказался сильнее, хитрее и тоньше. Симпатизировать ему за эти интриги невозможно, но и осуждать не за что. Православный император вел борьбу со смертельным врагом, с арианами, захватившими Родину. В этой борьбе все средства были хороши.

* * *

Итак, новый игрок Юстиниана в этой игре, Петр Патрикий, направился в Италию. «Ему были даны императором предварительные инструкции встретиться тайно от всех других с Теодатом и, дав ему клятвенные уверения, что ничего из того, о чем они ведут переговоры, не станет кому бы то ни было известным, спокойно заключить с ним договор относительно Этрурии (Тосканы); а затем, тайно встретившись с Амаласунтой, он должен был со всей ловкостью договориться с ней обо всей Италии, как будет полезно для них обоих», — поясняет Прокопий. Проще говоря, Петр должен был пообещать Теодату за отречение всю Тоскану, а королеву — передать византийцам, после чего уехать в Константинополь. Если бы этот план не удался, Петру надлежало составить заговор и уничтожить Амаласунту. Но, пока он путешествовал, в Италии произошли важные события. Вернемся немного назад и расскажем о них.

3. УБИЙСТВО КОРОЛЕВЫ

Амаласунта отправила несколько знатных готов к Юстиниану — прозондировать почву относительно отношений между двумя странами. Император принял посланцев любезно, как умел он один, и отпустил назад.

Между тем в Италии состоялась коронация Теодата, и супруги Амалы зажили вместе, ненавидя друг друга. Получив власть, Теодат вспомнил про готов-заговорщиков, в свое время тайно убитых по приказу Амаласунты. Воскресить мертвых он не мог, но приблизил к себе их родню. Затем конунг произвел дворцовый переворот. Верные ему готы перебили приближенных Амаласунты и заключили королеву под стражу. «В Этрурии (Тоскане), — рассказывает Прокопий, — есть озеро, под названием Вульсина, в середине которого находится остров, сам по себе очень маленький, но имеющий сильное укрепление. Заключив здесь Амаласунту, Теодат стерег ее».

Но король тоже не был самостоятелен в своих поступках. Он отправил посольство к Юстиниану, чтобы оправдаться и рассказать о своей версии государственного переворота. Посольство возглавили двое знатных римлян, Опилион и патриций Либерий Феликс (мы упоминали о нем в предыдущей главе). Либерий был стар, хитер, служил еще Теодориху, затем получил от Теодата большие земельные владения из государственного фонда, но, приехав в Константинополь, тотчас выразил желание перейти к законному императору — Юстиниану. Умные люди уже понимали, куда катится Италия и сколь недолговечна готская власть. Либерий стал шпионом Юстиниана. Впоследствии патриций сделает карьеру, станет византийским полководцем и возглавит завоевание Южной Испании. «Это был человек исключительных нравственных достоинств, умевший говорить только правду», — пишет Прокопий. Впрочем, нет сомнения, что автор тонко издевается над Либерием, который с легкостью изменил готским хозяевам. «Один только Опилион неизменно утверждал, что со стороны Теодата по отношению к Амаласунте не было совершено никакого насилия», — говорит Кесариец со скрытым сочувствием. Тем хуже для Опилиона: его имя вскоре затеряется в массе других действующих лиц смуты.

Юстиниан продолжал игру, выставляя себя защитником королевы. Он отправил письмо Амаласунте. В письме говорилось, что базилевс «сильнейшим образом озабочен тем, чтобы оказать ей покровительство». Письмо должен был передать Петр Патрикий, которого Юстиниан представил как своего эмиссара, посланного для защиты королевы.

Однако не забудем о тайной миссии: Петру надлежало устранить Амаласунту.

Прокопий говорит, что убийство задумала базилисса Феодора, причем этот замысел не имел ничего общего с политикой. «Феодору взяло раздумье»: Амаласунта умна, красива, воспитанна. Императрица «боя-

лась легкомыслия своего мужа». А вдруг Юстиниан женится на этой благородной даме? «Свою ревность Феодора проявила не в каких-нибудь мелких поступках, но стала строить козни против Амаласунты вплоть до ее убийства». Так пишет Кесариец, и нужно признать, что это полная чушь. Выше мы привели политические мотивы, по которым Юстиниан мог бы организовать убийство королевы.

Но вот — Амаласунта арестована собственным мужем. Со слов Прокопия выходит, что Юстиниан всё равно хочет ее убить. Зачем? Теперь цель другая: объявить виновником ее смерти Теодата, а себя выставить мстителем за королеву. Это подло, тонко, эффективно и... похоже на правду. Однако ясно одно: ревность императрицы Феодоры тут не играла никакой роли. Если Феодора вместе с мужем разработала этот коварный план, то вовсе не из-за любовных переживаний.

Петр Патрикий явился в Италию, встретился с Теодатом и убедил его убить Амаласунту. «За это Петр получил звание магистра и величайшую власть, но заслужил от всех и величайшую ненависть. Таков был печальный конец Амаласунты», — констатирует Прокопий в «Тайной истории». В официальной версии того же автора всё выглядит совершенно иначе. Когда Петр Патрикий прибыл в Италию, Амаласунты уже не было в живых: родственники убитых готов потребовали ее казни, и королеву задушили в бане горячим паром. Об этом пишет также Григорий Турский. В его сообщении многое перепутано, однако суть историк передает верно. Теодат «натопил жарко баню» и приказал запереть Амаласунту «вместе с одной служанкой». Когда королева вошла в баню, то «упала замертво на пол и скончалась».

Версия «Тайной истории» предпочтительнее. Нам легче поверить в подлость Юстиниана и Феодоры, чем в их благородство. Впрочем, в наш век это просто политика, которая не вызывает осуждения практически ни у кого.

4. ВТОРЖЕНИЕ

Петр Патрикий как ни в чем не бывало обвинил Теодата в убийстве королевы и призвал к ответу. Расчет был точен. Не мог же Теодат рассказать, что Амаласунту рекомендовали убить сами византийцы в ходе тайных переговоров? Король понял, что его перехитрили. Дело пахло вторжением византийцев.

Пока Теодат нервничал, Юстиниан готовился к войне. Вторжение предстояло гораздо более серьезное, чем в Африку (численность остготов была выше, чем вандалов, а в Италии имелось множество городов

и крепостей, пригодных для обороны). Император придумал красивый план. В королевство остготов вторгались две армии. Одна наступала с севера, с Балканского полуострова. Ею командовал *магистр милитум* Мунд. «Мунд был родом варвар, но исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле», — сообщает Прокопий. Армия Мунда должна была вторгнуться в Далмацию, захватить Салону, оттуда идти в Италию, взять Аквилею, разгромить главные силы готов на севере, завладеть Павией, Миланом и Вероной, после чего осадить Равенну. Одновременно Юстиниан заключил союз с лангобардами. Им надлежало ударить в тыл паннонским готам и занять район озера Балатон. Норик и Рецию император оставил в добычу жившим там варварам — баварам и ругам.

Вторая армия ромеев должна была атаковать «мягкое подбрюшье» Италии, то есть наступать с юга. Ею командовал Велисарий. Император дал ему большой флот и скромное по численности, но отборное войско.

Офицерами в этом войске были прославленные люди: ромей Константин, гот Бесс и грузинский царевич Пераний из Иверии. Всадниками командовали Валентин, Магн, Иннокентий, пехотой — Геродиан, Павел, Деметрий (возможно, это одно лицо с посланником, ездившим в Италию) и Урсицин. Начальником исавров был Энн. В качестве наемников пришли 200 кутургуров-болгар и 300 берберов. Велисарий добавил свою частную армию к тем отрядам, которые снарядил император. В целом его войско насчитывало примерно 10 тысяч бойцов. Их сопровождали женщины. Сам Велисарий взял с собой жену — Антонину — и ее сына Фотия от первого брака.

Замысел был такой: вторгнуться в Южную Италию, явиться в Рим и соединиться с Мундом под стенами Равенны. Юстиниан справедливо полагал, что остготы не выдержат войны на два фронта. Правда оказалась еще печальнее для остготов: они не выдержали войны даже на одном фронте.

Юстиниан сам разработал общую стратегию войны. Странно, что этот человек, почти не покидавший дворца, доступный для просителей, но таинственный для всех, — странно, что он хорошо разбирался в военном деле. Но император обладал важной способностью: обобщать детали и делать выводы. Это помогало находить правильные решения в разных ситуациях. В случае с Велисарием он продумал даже мелкие детали.

«Император дал Велисарии инструкцию делать вид, что он направляется в Карфаген», — пишет Прокопий. На самом деле византийский флот должен был отправиться из Константинополя на Сицилию. Там

Велисарий высадит своих солдат и внезапным ударом захватит остров. Если план удастся — прекрасно. Если нет — полководец должен оставить Сицилию и удалиться в Карфаген, чтобы защищать Африку.

Юстиниан попытался заручиться помощью православных королей франков: детей Хлодвига I, которые поделили между собой Галлию. Император отправил франкским королям письмо и богатые денежные подарки, а сулил еще больше. Взамен требовал одного: пускай франки нападут на Италию или Прованс. Короли согласились. Следовательно, остготы получали еще один фронт, на который вынуждены были отправить часть войск. План Юстиниана был великолепен!

* * *

Война началась с того, что Мунд со своим войском прибыл в Далмацию. Его встретила небольшая остготская армия. Мунд разгромил ее и завладел Салоной. Далмация попала под власть Византии на полтысячелетия.

Видимо, тогда же лангобарды перешли Дунай и заняли Паннонию, уничтожив живших там готов. Прежние владения лангобардов достались словакам, которые дали современное название этой стране — Словакия.

Велисарий высадился на Сицилии и захватил Катану; двинувшись оттуда, он без боя взял Сиракузы и другие города острова. Сицилию издавна населяли греки, как и Южную Италию до Неаполя. В византийцах они видели своих. Сражаться с войсками императора никто не хотел. Немногочисленный готский гарнизон заперся в Панорме (совр. Палермо). Это была первоклассная крепость. Велисарий подступил к ее стенам и потребовал сдачи. Предводитель остготов (его звали Синдерит) имел нахальство сделать встречное предложение: Велисарий должен был в самый короткий срок очистить Сицилию и убраться в Византию или куда пожелает. Византийцы встретили предложение смехом.

Увидев, что укрепления Панорма слишком сильны, ромейский полководец не стал тратить время на осаду города с суши. Он решил напасть с моря.

Готы выказали абсолютную военную безграмотность: гавань никто не охранял. Византийские корабли вошли в порт и встали на якорь. Велисарий принял остроумное решение. «Наполнив шлюпки всех судов стрелами, он подвесил их на край мачт», — пишет Прокопий. В шлюпках сидели лучники и обстреливали город сверху. Готы сдались. Этот маневр отдал в руки византийцев всю Сицилию.

Первые успехи окрылили ромеев. Казалось, война будет нетрудной. Но в это время вся кампания византийцев оказалась под угрозой. Из Африки пришли неутешительные новости. Там началось восстание солдат, которое поддержали берберы. Прежде чем рассказать о нем, вернемся немного назад для связи событий.

ГЛАВА 4. АФРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. ПЕРВЫЙ АКТ

1. ПОБЕДЫ ЕВНУХА СОЛОМОНА

События в Африке развивались параллельно с итальянской кампанией византийцев. Первые молнии сверкнули почти сразу после побед Велисария над вандалами.

Напомним, что вандалы умудрились потерять половину территорий, когда-то захваченных у римлян. На этих землях обосновались берберы. Этим условным названием мы обозначаем кочевое население Африки, которое древние египтяне называли ливийцами, а римляне — *нумидийцами* (кочевниками, номадами), *маврами* (черными) или *берберами* (варварами; слово дано в «жесткой», римской огласовке). К моменту византийского завоевания берберы создали несколько княжеств или племенных союзов.

Как уже говорилось, английские ученые называют такие образования «*цифдом*» (вождество), в отличие от другого термина — «*кингдом*» (королевство). Это как бы свидетельство ущербности «протогосударств» — они не дотягивают до «кингдомс».

В Триполтании обитало сильное племя *левкаты*, которое доставило много неприятностей последним вандалам. В Бизацене (Южном Тунисе) существовала конфедерация племен под началом вождя Анталы. Его западными соседями были царьки Есдилас, Юрфут, Медисинисса, Куцина. На юге Нумидии (в Алжире) тоже возникло берберское царство, созданное в процессе борьбы с вандалами; его возглавлял Яуда. Западнее располагалась Мавретания, где правили царьки Мастина, Массона, Ортайя. Поначалу берберы вели себя осторожно, но это не значило, что они покорились Византии. Наоборот, с них-то и началась трагедия, о которой мы поведем речь.

* * *

Пока Велисарий находился в Африке, мавры никого не трогали. Когда он отбыл с войском в Константинополь, а затем в Италию — нача-

лось. Берберы Бизацены нарушили договор с ромеями и отправили свою молодежь в набег на районы, прилегавшие к Карфагену.

Африканским наместником был тогда евнух Соломон. Физический недостаток обеспечивал его лояльность империи, а талант полководца и администратора, которым обладал Соломон, давал надежду, что врага удастся разбить. Но сил у него не хватало. Евнух попросил поддержки у Велисария.

Тот перебросил в Африку подкрепления. Это позволило продержаться до подхода помощи. Император Юстиниан направил в Африку несколько полков конницы. Ими командовали Феодор из Каппадокии (эта провинция славилась своими пастбищами и табунами коней, а значит, и кавалеристами) и германец Хильдегер, но последний вскоре отбудет в Италию.

Вместе с солдатами прибыли два финансиста — Трифон и Евстрат. Они должны были организовать сбор налогов с местного населения. Вероятно, римлян заставили платить *пакт*, который жители раньше платили вандалам. Но размер *пакта* остался прежним, а население уменьшилось за счет набегов кочевников и гибели в результате войны. Да и много хозяйств находилось в упадке. Поэтому выплаты показались «неумеренными и невыносимыми». Финансисты, как обычно, проигнорировали мнение тяглого люда, понадеявшись на его безответность. Евнух Соломон тоже не стал возражать. Он был занят отражением мавров.

Поступило известие, что четыре берберских вождя «истребили всех солдат в Бизацене и Нумидии и всё в этой области грабят и растаскивают». Этими вождями были Куцина, Есдилас, Юрфут и Медисинисса. Объединившись, они смогли окружить и уничтожить два отряда ромеев, которыми начальствовали любимцы Велисария — Эган и Руфин. Оба погибли.

От Юстиниана поступило повеление разгромить варваров и восстановить старые границы римских провинций в Северной Африке. Соломон со своей армией двинулся на юг — на завоевание Бизацены. Первым делом он прибыл в район Маммы, самый северный в этой области, к югу от современного Туниса. Это произошло осенью 534 года.

Здесь находились все четыре главных предводителя берберов — Куцина, Есдилас, Юрфут и Медисинисса. Они развернули свои войска на равнине у подножия гор. Соломон явился в эти края и устроил укрепленный лагерь.

Ободрив своих бойцов, вожди мавров начали наступление. Сперва ромеи пришли в замешательство. Главной проблемой стали верблюды:

лошади византийцев боялись рева этих животных и их запаха. Тогда евнух соскочил с коня и приказал сделать то же самое остальным. Ромеи спешили и выставили вперед круглые щиты, которыми защищались от стрел и дротиков противника. Затем Соломон отобрал 500 воинов, обошел врага и предпринял контратаку. Сам евнух возглавил нападавших, потому что был бесстрашен и отлично владел оружием. Часть мавров немедленно бросилась в бегство. Легковооруженные берберы практически не имели успехов. Они сражались в обычной одежде — широких рубашках, штанах и бурнусах. Перед византийскими латниками мавры попросту пасовали.

Кесариец осторожно пишет, что, по слухам, в этой битве «черные» потеряли 10 тысяч воинов, но это обычное преувеличение. Мавры бежали, однако понесли небольшие потери.

Соломон возвратился в Карфаген с богатой добычей, когда пришло известие, что враги опять производят набеги. Евнух собрал войско и выступил в поход (в начале 535 года). Новое поражение он нанес берберам у горы Бургаон. После этого Бизацена отошла к Византии.

Берберские вожди удалились с остатками своих племен в нынешний Восточный Алжир. Тогда эти земли назывались Нумидия (то есть «Номадия», земля кочевников). Этой областью правил вождь Яуда. Один из берберских предводителей — Антала — остался в Бизацене с частью народа и подчинился ромеям.

2. ВОЙНА В НУМИДИИ

Мир на африканской земле так и не наступил. Теперь против византийцев выступил Яуда. Прокопий исчисляет его войско в 30 тысяч человек. Вероятно, он считает всё племя с женщинами и детьми, разве что без лошадей и верблюдов. Боеспособных людей из этого числа могло быть порядка 20 %. Это значит, что в Нумидии ромеям противостояло 6000 воинов.

Соломон выступил против врага осенью 535 года. За это время евнух успел заключить союз с парой берберских вождей, которые правили западнее, в Мавритании — Массоной и Ортайей.

Соломон, Массона и Ортайя выступили против Яуды и его людей. Ромейская армия достигла полноводной реки Абига, которая текла через всю страну, подвластную Яуде. Сейчас здесь только унылые пески, а еще в VI веке была цветущая саванна, где паслись стада животных и кочевали берберские племена. Неподалеку находился древний нумидийский город Тамугади. Весь этот край принадлежал

римлянам, а затем вандалам. Однако бездарные германцы упустили его и отдали берберам, после чего культурная страна превратилась в большое пастбище.

Яуда ушел в горы. Мавританские союзники Соломона отказались участвовать в преследовании врага. Евнух прибег к уговорам и подаркам. Лишь тогда «черные» сменили гнев на милость.

Преследование неприятеля продолжалось семь дней. Наконец измученные ромеи прибыли к месту, которое называлась Щит-гора (Клипея). Рядом текла река, и Соломон приказал разбить лагерь. Воины получили передышку и приводили себя в порядок три дня. Враг не показывался. За это время истощились съестные припасы. Евнух приказал возвращаться на равнину. Поход против Яуды закончился неудачей. Вскоре наступила зима, а с нею прекратились активные действия против мавров.

Зато пришли вести, что осевшие на острове Сардиния *барбарикины* грабят римские виллы. Барбарикины — это потомки африканских повстанцев, бунтовавших против вандалов. Когда-то, поясняет Прокопий, «вандалы в гневе на этих варваров отправили некоторых из них вместе с женами на Сардинию и там держали их под стражей», однако часть ссыльнопоселенцев сумела бежать в горы на острове. Беглецов называли *барбарикинами*. Византийцам пришлось отвлечь часть сил на борьбу с грабителями.

Пришла весна 536 года. В это время случилось нечто странное. Солнце светило слабо, как луна, «как будто оно теряло свою силу», говорит Прокопий, подыскивая нужную метафору.

Скорее всего, мы имеем дело с описанием какого-то катаклизма, случившегося на планете, но не затронувшего Европу. Вероятно, где-то произошло грандиозное извержение вулкана, и образовавшаяся в воздухе взвесь мешала видеть солнечный свет. Вскоре после этого начались болезни, включая знаменитую чуму. Возможно, это один из результатов возникшего катаклизма. Сам Кесариец тоже понимает связь между слабым свечением Солнца и возникшими бедствиями. Но истинная связь явлений непостижима ни ему, ни нам.

Соломон готовил экспедицию на Сардинию против барбарикинов, но она так и не состоялась. Собранное в Карфагене войско и флот неожиданно взбунтовались против евнуха. Это смешало все планы Юстиниана и его полководцев. Самое неприятное, что восстание совпало с напряженным периодом войны в Италии.

3. ПАСХАЛЬНЫЙ ЗАГОВОР

Несчастье произошло сразу после праздника Пасхи. Причиной раздора сделались, как всегда, деньги и земельные владения.

После разгрома вандалов их поместья перешли в государственную собственность. Соломон безжалостно выгонял оттуда потомков завоевателей. При этом многие вандальские женщины стали женами или пленницами ромеев. Они считали себя наследницами погибших вандалов и подбивали своих новых сожителей добиться передачи бывших вандальских поместий. Женщин можно понять: они привыкли к праздному существованию, а Юстиниан безжалостно отнял источник дохода. Не забудем, что в византийской армии было значительное число наемников — болгар, германцев, славян... Они видели примеры вандалов, готов или головорезов Одоакра, которые захватывали землю в Африке, Италии, Испании, превращались в землевладельцев и обретали покой.

Базилевс находился далеко за морем, а выморочные вандальские поместья — совсем рядом. Солдатня желала воспользоваться плодами своих успехов. Жалованья им было мало, да и платили его с перебоями. Однако Соломон твердо стоял на страже государственных интересов и не собирался передавать воинам земли с рабами и слугами. Конфликт разгорался и наконец вылился в открытый мятеж.

В свое время советские историки пытались представить этот бунт как восстание народных масс, что совершенно нелепо. Советские ученые вообще любили всюду искать следы классовой борьбы, даже там, где ее не было. Восстаниями угнетенного народа объявлялось всё на свете, от выступления бандитской шайки Гёца фон Берлихингена в Германии до бунта дегенеративной сатанинской секты альбигойцев во Франции. Школьные и институтские политические карты были испещрены «сыпью» народных восстаний. Между тем о «коммунистическом» движении в Византии во времена Юстиниана умалчивалось, тогда как инспирированное сенаторами и богачами восстание «Ника» объявляли народным. Причина — шаблонность мышления и боязнь делать неожиданные открытия.

Соломон пытался погасить бунт в зародыше. Он говорил, что «рабы и все остальные богатства, как обычно, являются добычей солдат, земля же должна принадлежать базилевсу и ромейскому государству, которое вскормило их и дало возможность стать и называться воинами».

Однако эти нудные объяснения никого не убедили. Зачинщиками бунта выступили солдаты-герулы. Они были арианами, и это еще одна причина восстания.

Герулов подстрекали к бунту местные вандалские священники — тоже ариане. Последней каплей стал упоминавшийся праздник Пасхи. Герулы не могли покрестить новорожденных и вообще оказались отлучены от Церкви. Наконец, к бунтовщикам присоединились остатки вандалов.

* * *

И вот на Пасху ариане договорились убить Соломона. Это произошло 23 марта 536 года.

Телохранители евнуха остались в неведении, а шпионы работали плохо. Но и убийцы спасовали. В итоге часть войска подняла бунт и принялась грабить ближайшие поместья. Евнух не смог подавить мятеж, и он перекинулся на расквартированные в городе части. Солдаты провозгласили своим вождем кавалерийского офицера Феодора из Каппадокии.

«Затем, — повествует Прокопий, — они начали грабить город». Кесариец и сам в это время находился в Карфагене по какому-то поручению Велисария, так что описывал события со знанием дела. Там же пребывал военачальник Мартин, которого мы не раз встретим в Италии и на Кавказе. Но верных войск у них не имелось. Тогда Мартин попытался связаться с Феодором Каппадокийцем, чтобы его переврбовать.

Соломон был абсолютно бессилён. Евнух укрылся в церкви, надеясь, что там его не тронут. Прокопий сидел там же ни жив, ни мертв.

Настала ночь. В храм прибежал Мартин и сообщил, что мятежники перепились, а Феодор Каппадокиец находится с ними против собственной воли, на самом же деле предан императору. Доверившись Мартину, Прокопий и Соломон отправились к Каппадокийцу. Тот угостил их обедом, приготовил лодку в порту и велел спасаться.

На лодке они достигли корабля, команда которого сохранила верность базилевсу. Всю ночь плыли вдоль побережья, пока не пристали к городку Мисуе. Здесь евнух устроил штаб и начал действовать.

На границе Нумидии находился ромейский корпус под началом Валериана: он прикрывал Карфаген и должен был сражаться против Яуды. Соломон отправил к Валериану Мартина с приказом немедленно выступить в сторону Карфагена. Сам Соломон вместе с Мартином и Прокопием отправился к Велисарии, который находился в Сиракузах.

Тем временем в Африке накалялись страсти. Основательно разграбив Карфаген, повстанцы захотели сменить командующего. Почему — неясно; похоже, Феодор просто им надоел.

Воины собрались на равнине Буллы и выбрали нового вождя. Им сделался Стоза (или Стоца), бывший копьеносец Мартина, смелый и предприимчивый человек. Советские историки не жалеют для него положительных отзывов, но на самом деле мы имеем дело с изменником, нарушившим присягу. Программа повстанцев была проста: отделить Римскую Африку и основать там свое государство наподобие того, что основал в Италии Одоакр после падения Гесперии.

Армия Стозы насчитывала 8000 солдат. Кроме того, к нему присоединился отряд вандальских пиратов в тысячу человек. Наконец, к Стозе пришла большая толпа рабов. Вот это и побудило советских историков счесть бунт воинов восстанием угнетенных против угнетателей, хотя само по себе наличие рабов еще ни о чем не говорит.

Однако что-то у повстанцев пошло не так. Оставшиеся в Карфагене матросы, верные императору, воспользовались отсутствием солдатни и заняли город. Их возглавил Феодор Каппадокиец. Он молил Велисария о помощи.

4. БИТВА ПРИ БАГРАДЕ

Велисарий менее всего хотел вмешиваться в африканские дела, однако пришлось. Он отобрал 100 человек из своих копьеносцев и щитодержателей, захватил Соломона и на одном корабле однажды ночью приплыл в Карфаген, который удерживал Феодор Каппадокиец с верными базилевсу матросами.

С наступлением дня мятежники узнали, что в городе находится Велисарий. Одного имени великого полководца было достаточно, чтобы навести ужас. «Со всей поспешностью сняв осаду, они позорно, в беспорядке устремились в бегство», — комментирует Прокопий. Велисарий бросился в погоню. Он набрал 2000 солдат и матросов, щедро расплатился с ними, а пообещал еще больше.

Мятежников настигли у городка Мембресы, на расстоянии 350 стадий от Карфагена. Рядом протекала река Баграда. Маленькая армия Велисария выстроилась вдоль реки, а повстанцы устроили укрепление на возвышенности, находившейся рядом. Занимать городок никто не желал, ибо у него не имелось стен.

На следующий день противники решили сразиться: «мятежники полагались на численное превосходство, между тем как солдаты Вели-

сария относились с презрением к врагам, как к людям, не имеющим ни разума, ни вождей», — замечает Прокопий.

Когда войска хотели начать сражение, поднялся вихрь. Он взметнул пыль и дул прямо в лицо мятежникам. Принимать бой в такой позиции было смертельно опасно, тем более что исход сражения решали лучники. Воины Стозы начали маневрировать.

Но они забыли, с кем имеют дело. Обмануть Велисария, который находился в самом расцвете своего полководческого таланта, было не так просто. Он скоординировал своей дружине начать рукопашную атаку. Полководец намеревался помешать Стозе использовать лучников, а в ближнем бою ромейский отряд был сильнее, хотя и уступал врагу численно. Эта неожиданная атака решила исход боя. Воины Стозы обратились в бегство.

Они бежали в Нумидию и там снова собрались вместе. «В этом сражении, — уточняет Прокопий, — у них были убиты немногие, главным образом — вандалы». Это понятно: вандалы воевали как тяжелая кавалерия и не успели бежать. А герулы и болгары просто ушли от погони. Велисарий не стал их преследовать, потому что не имел для этого сил и боялся попасть в окружение. Он отдал лагерь мятежников на разграбление. В нем не нашли ни одного мужчины, зато обнаружили много женщин — тех самых, что подстрекали нестойких воинов к мятежу.

В общем, результат кампании оказался более чем скромным. Врага отогнали, но не уничтожили. Велисарий возвратился в Карфаген.

Неожиданно прибыл гонец из Сицилии. Он сообщил, что расквартированные там войска готовы взбунтоваться, потому что решили, будто их бросили. Велисарий оставил в Африке двух толковых предводителей — Хильдегера и Феодора Каппадокийца, а сам отбыл на Сицилию.

Следом Африку покинули еще несколько офицеров со своими отрядами. Например, уехали Мартин и Валериан. Вероятно, их полки понесли большие потери и утратили боеспособность. Оба военачальника наберут новых солдат на Балканах и впоследствии вернуться за Запад. А мы снова обратимся к событиям в Италии.

ГЛАВА 5. БИТВА ЗА РИМ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. МАНЕВРЫ ТЕОДАТА

Остготский король Теодат лихорадочно искал способ договориться с византийцами, уцелеть и сохранить власть. Император Юстиниан — ревностный православный. Он признает авторитет римского папы. Не попытаться ли умиротворить базилевса с помощью понтифика?

В это время на папский престол взошел **Агапит I (535—536)**. Готский конунг снарядил его в Константинополь с деликатным поручением: заставить Юстиниана прекратить интервенцию в Италию.

Узнав, что папа должен прибыть в Византию в качестве посла остготов, Юстиниан выразил недовольство. Он даже написал сердитое письмо, однако папа через своих агентов заверил, что главная цель визита — вовсе не политика, а решение религиозных вопросов. Юстиниан смягчился. Агапита торжественно встретили в Константинополе. Здесь папа вмешался в споры с монофизитами и настоял на смещении константинопольского патриарха **Анфима (535—536)**, заподозрив его в ереси. Вместо него на патриарший престол возвели **Мину (536—552)**, православие которого не вызвало сомнений.

Совершив эти великие дела, папа Агапит умер. Это произошло вовремя. Если бы понтифик вернулся в Италию после провала своей миссии, он мог понести наказание. Новым папой стал римлянин **Сильверий (536—537)**, ставленник Теодата. Этот первосвященник обладал еще меньшим влиянием на Юстиниана, чем Агапит. Император вполне справедливо считал его марионеткой в руках остготов.

Тогда Теодат попытался купить дружбу франкских королей. Конунг пообещал им Прованс и 2000 фунтов золота. Завязались переговоры, но франки не спешили принимать предложение. Теодат понял, что они выжидают.

* * *

В это время византийский дипломат Петр Патрикий, находясь в Италии, запугивал конунга, приводил в пример Гелимера и предлагал добровольно сложить власть. «Теодат, охваченный страхом и как бы лишившись дара речи... тайно от всех остальных вступил с Петром в переговоры», — потешается над остготом Прокопий.

Конунг зависел от своих военачальников, но в то же время страшно боялся византийцев, поэтому и начал переговоры. Была выработана секретная конвенция. Теодат уступал императору Юстиниану всю Сицилию и каждый год обещал посылать ему золотой венец в 300 фунтов весом «и по первому его требованию три тысячи лучших готских воинов». Сам Теодат лишался права казнить кого бы то ни было из духовенства или сенаторов; он также не мог конфисковывать в казну их имущество без согласия императора. «При приветствиях в театрах или на ипподромах, или в других каких-либо местах... на первом месте должно возглашаться имя императора,

а затем Теодата, — рассказывает Прокопий. — Статуи из меди или из другого материала никогда не должны ставиться одному Теодату, но всегда обоим, и ставиться таким образом: направо статуя императора, а по другую сторону, то есть налево, — Теодата». Кроме того, он не мог раздавать титулы патрициев и должности сенаторов, то есть лишался самостоятельности во внутренней политике и превращался в наместника базилевса на италийской земле. Петр Патрикий повез конвенцию в Константинополь, чтобы утвердить у Юстиниана. Возможно, если бы ее удалось подписать, это уберегло бы Италию от многолетней войны.

Однако душу конунга разъедали сомнения. Правильно ли он поступил? Петр Патрикий покинул Италию и находился уже на Балканах. Теодат послал гонца следом, вернул Петра и «стал допытываться у него, как он думает, будет ли император доволен их договором»? Петр сказал:

— Полагаю, что да.

— А если ему это не понравится, что тогда будет? — спросил Теодат задумчиво.

— Тогда тебе, светлейший, придется вести войну, — отвечивал Петр, который прекрасно понял всё, что творилось в душе слабовольного конунга.

— А разве это, милейший посол, справедливо? — начал Теодат.

Петр, прервав его, возразил:

— А разве, дорогой мой, несправедливо для каждого выполнять со всем старанием стремления своей души?

— Что это значит? — спросил Теодат.

— А то, — ответил Петр, — что у тебя главнейшее стремление заниматься философией, а у императора Юстиниана — быть славным и могущественным.

Видя растерянность Теодата, Петр Патрикий навязал ему новые условия. Теодат должен был сложить с себя полномочия и безоговорочно передать Италию законному императору. «Убежденный такими соображениями, Теодат согласился отказаться от власти в пользу императора Юстиниана, и в этом как он сам, так и его жена принесли клятву», — говорит Прокопий.

Упоминание о жене выглядит странно. Амаласунту, как мы помним, задушили в бане. Выходит, что сразу после смерти супруги конунг опять женился. На ком, для чего? Ясно, что это политический брак. Однако Кесариец по какой-то причине скрывает имя жены конунга.

Петр добился отречения Теодата. Но конунг опять заколебался. Не продешевил ли он? А что если император всё-таки подпишет первый вариант конвенции? В нем у Теодата остается гораздо больше прав. Он правит Италией в качестве генерал-губернатора, командует войсками, получает почести... Если произойдет полное отречение, то Теодат получит всего лишь поместья и деньги. Этого мало... Короче, эта мелкая душонка металась из стороны в сторону и пыталась еще что-то выгадать напоследок. Тогда Петр Патрикий поклялся, что сообщит императору об отречении Теодата лишь в самом крайнем случае: если Юстиниан не подпишет конвенцию.

Теодат не верил Петру до конца. Он послал одного из своих людей, римлянина Рустика, священника, для слежки за Патрикием.

Прибыв в Константинополь, Петр и Рустик представили императору первый вариант договора, как и было условлено с конунгом. Юстиниан прочел и... не утвердил. С какой стати ему оставлять Теодата во главе Италии, хотя бы и с урезанными правами? Рустик от имени Теодата немедленно предложил другие условия, с полным подчинением.

Юстиниан продиктовал письмо остготскому конунгу. В нем говорилось: *«Давно уже по слухам я считал тебя человеком разумным, теперь же я убедился в этом на опыте, видя, что ты решил не кидаться очертя голову во все крайности войны. Некоторые уже испытали такую превратность судьбы, обманувшись в своих величайших надеждах. И ты никогда не расскажешь, что вместо врагов ты сделал нас своими друзьями. Ты будешь иметь все то, что ты просишь от нас; кроме того, ты получишь все высшие звания в римском государстве. В данный момент я посылаю к тебе Афанасия и Петра [Патрикия], чтобы было положено твердое основание нашему взаимному договору. А вскоре прибудет к тебе и Велисарий, чтобы завершить все то, о чем мы с тобой договорились».*

Петр и Афанасий везли следующие условия договора. Теодат отрывается от власти, а взамен получает богатый куш в Италии: дворцовые имения (патримониум). По приезде стороны должны были составить письменный договор и подтвердить его клятвами. Но прежде вызвать из Сицилии Велисария, чтобы тот взял под контроль Рим, Равенну, Неаполь и прочие главные города Италии. Велисарию был направлен соответствующий приказ. Казалось, операция близится к завершению. Но тут выяснилось, что древняя доблесть готов далеко не утрачена.

Пока Теодат вел тайные переговоры, остготы сражались. Несколько отрядов тяжелой кавалерии были отправлены в Далмацию. Ими командовали Грипп и Азинаний. Эти странные имена не готские и не римские.

Перед нами какие-то прозвища варваров, переложенные на греческий язык. Но будем довольствоваться тем, что есть.

Готские полководцы подошли к стенам Салоны. Здесь их встретил небольшой отряд византийцев, которым командовал Маврикий, сын магистра Мунда. Молодой военачальник вывел своих на рекогносцировку, но наткнулся на большие силы готов. Закипела схватка. Маврикий сражался отчаянно и дорого продал свою жизнь, но был убит. Вместе с ним полегли его боевые товарищи.

Об этом узнал Мунд. Он обожал сына и потому горел желанием отомстить. Охваченный гневом, византийский полководец повел на остготов своих солдат «без всякого порядка». Дальнейшее описывает Прокопий. Он говорит, что «произошел горячий бой, но можно сказать, что ромеи одержали Кадмейскую победу».

Давным-давно за обладание Фивами (Кадмеей) столкнулись потомки царя Эдипа. Семеро греческих царьков выступили против этого города. Их войска одержали победу, но сами царьки погибли. Это и есть «Кадмейская победа». Коренные римляне сказали бы «пиррова победа»; греки жили собственными мифами.

Мунд яростно атаковал латную конницу готов, часть варваров пала, другая обратилась в бегство... Магистр утратил контроль над собой. Круша всех подряд, он незаметно оказался в гуще врага. Готы повернули и подняли его на копья. Преследование тотчас прекратилось. Готы отошли и смогли перестроиться.

Дальше Прокопий излагает одну байку, причем непонятно, шутит наш автор или говорит серьезно. «Тогда ромеи, — пишет он, — вспомнили и уразумели предсказание Сивиллы, которое, произносимое в прежнее время, им казалось какой-то несообразностью. Это предсказание говорило, что когда будет захвачена Африка, то «мир погибнет с потомством». Но это предсказание говорило вовсе не об этом; предсказывая, что действительно Ливия (Африка) вновь будет под властью римлян, оно предсказывало также и то, что погибнет и Мунд вместе с сыном. Оно звучало так: *“Africa capta Mundus cum nato peribit”*. Так как латинское слово “Мунд” обозначает также и мир, вселенную, то все думали, что это предсказание касается мира». Этот странный рассказ хорошо передает уровень мышления тогдашних интеллектуалов.

Ромеи отступили и очистили Далмацию, однако готы даже не вошли в Салоны. Они не доверяли здешнему населению, которое не любило варваров, поэтому ограничились тем, что заняли окрестные замки. Но победа есть победа. Армия Мунда была обезглавлена и откатилась

на восток. Франки на западе бездействовали — они не выступали ни за готов, ни против них. Лангобарды обживались в Паннонии и не собирались вести войну. Оставался один Велисарий в Сицилии, но у него было мало войск.

Теодат сразу приободрился и передумал подавать в отставку. Возможно, была еще одна причина для оптимизма. В 534 году в боях со славянами и болгарами погибла дунайская армия византийцев, пал ромейский полководец Хильбуд. В следующем году задунайские варвары прорвались во Фракию. Казалось, что в таких условиях византийцы прекратят войну в Италии.

Руководствуясь этими соображениями, Теодат аннулировал все договоренности с Юстинианом, а к его послам стал относиться с полным пренебрежением. Тогда Петр Патрикий совершил крупную ошибку: обнародовал послание Юстиниана, адресованное остготам. Это послание — образец многословного и цветистого стиля базилевса. В нем звучат подлинные слова Юстиниана.

«Нашей заботой, — писал император, — является принять вас в состав нашего государства, конечно, так, чтобы это доставило вам удовольствие. Вы придете к нам не для того, чтобы быть униженными, но чтобы сделаться еще более важными. Ведь мы приглашаем вас не с тем, чтобы вы соединились с людьми чуждого для вас образа жизни и приняли обычаи, неизвестные готам, но чтобы вы вернулись к тем, которые были вашими друзьями и с которыми на некоторое время вам пришлось расстаться. Для этого мы теперь посылаем и вам Афанасия и Петра, совместно с которыми вам следует разрешить все вопросы».

Лучше бы Петр приберег послание. Сейчас, в момент всплеска готского патриотизма, оно сыграло роль красной тряпки. Возмутительно! С готами обходятся как со слугами! Видя поддержку вельмож, Теодат приказал арестовать византийских послов. Их увели и посадили под стражу. Конунг решил быть смелым и непреклонным, а война продолжалась.

2. БИТВА ЗА ДАЛМАЦИЮ

Узнав об этом, Юстиниан форсировал военные действия. В ту пору император был здоров, энергичен, имел деньги в казне и людские резервы.

Основной план остался прежним: ударить по государству остготов с двух сторон. Группировка Велисария на юге Италии должна была атаковать крупный порт Неаполь. Северную группировку пришлось

создавать заново. Юстиниан перебросил подкрепления в Далмацию и назначил нового командующего. Им стал начальник царских конюшен Константиан.

Юстиниан приказал ударить на Салоны с моря. Константиан прибыл в Эпидамн и задержался там, собирая войска и флот. Это было ошибкой: город не имел готского гарнизона. Но теперь, узнав о приготовлениях византийского флота, готы под началом вождя Гриппа вступили в Салоны. Впрочем, как покажут события, Грипп оказался слабым тактиком.

Константиан вышел в море со всем флотом и высадился в небольшой скалистой бухте неподалеку от противника. Здесь византийцы узнали, что готы покинули Салоны и выстроились на равнине для битвы на открытом пространстве, где могли использовать конницу. Константиан сообразил, что судьба преподнесла ценный подарок в виде Салон. Он беспрепятственно занял город. Постояв неделю под ее стенами, готы ушли в Равенну. Таким образом Константиан оказался обладателем всей Далмации и Либурнии (или, переводя на современный язык, — приморской Хорватии и Черногории). Он даже привлек на свою сторону часть готов, живших в этих местах.

При дворе короля Теодата вновь начался разброд. Кто-то бежал к византийцам, кто-то хотел сражаться до конца, прочие колебались. В это время поступили известия, что «длинноволосые короли» франков захватили Бургундское государство, уничтожив его правителей. Возможно, это означало, что готы оказались в кольце врагов.

...Ромеи разместили войска на зимних квартирах. Так закончилась первая кампания Готской войны. Дела византийцев обстояли блестяще, однако остготы оказались сильнее вандалов: уничтожить врага одной кампанией не удалось. Никто не мог знать, что для покорения Италии потребуется 20 кампаний.

3. ПОД СТЕНАМИ НЕАПОЛЯ

Велисарий собрал флот в Мессане, затем посадил воинов на корабли и перебросил их в Италию. Король Теодат направил несколько тысяч латных кавалеристов на юг Апеннинского полуострова для защиты побережья от византийцев. Этим войском командовал готский предводитель Эбримут, зять Теодата (он был женат на Теоденате — дочери готского короля). Эбримут явился к Велисарии и капитулировал вместе с войском. Многие готы придерживались в то время ромейской ориентации и совершенно разложились.

Велисарий посадил Эбримута на корабль и отправил в Константинополь. Император Юстиниан встретил перебежчика с распростертыми объятиями, осыпал дарами, почестями и возвел в звание патрикия империи. Император давал знак остальным готам: сдайте Италию и получите выгоду.

Велисарий дал войску короткий отдых в Регию, а затем выступил к Неаполю. Гаэтанский залив, побережье Террачины, Неаполь — это красивейшие места современной Италии. Солнечные долины, лазурное море с лодками рыбаков, нависающие над пляжами скалы, покрытые пемзой склоны Везувия — всё это мало изменилось за полторы тысячи лет. Переменился только Неаполь — в наши дни это огромный и скверный город, который завален мусором и контролируется местными мафиозными группировками...

Велисарий потребовал сдачи города, но полководцу ответили отказом. За стенами сидел готский гарнизон (800 человек), и он собирался сражаться. Его поддержали евреи, которых было много в Неаполе. Греки не имели права носить оружие, поэтому не могли возразить.

Осада заняла несколько недель. Наконец на помощь полководцу пришел счастливый случай. «У одного из исавров, — пишет Прокопий, — явилось желание осмотреть постройку водопровода, его интересовало, каким образом вода им доставлялась в город». Исавр залез в акведук, пошел вперед и наткнулся на большой камень. Его положили древние строители для безопасности. Человек здесь пройти не мог, но вода проходила. Однако щель можно было расширить. Воин вернулся в лагерь и доложил о своем открытии. Велисарий начал действовать. Ночью ромеи вошли в акведук, а оттуда проникли в город. Пока солдаты под началом исавра Энна маршировали в брюхе водопровода, ромейский гот Бесс подошел к стенам и «троллил», как сказали бы сейчас, готскую стражу. Стражники отвлеклись, стали препираться с Бессом...

Вдруг из двух башен на стене раздался условный сигнал — звук труб. Это означало, что ромейский отряд вышел из акведука и занимает стены. Велисарий скомандовал начать штурм. Вскоре солдатня уже ворвалась в город. Неаполь пал.

Утром в город вошел сам Велисарий. Он запретил насилия, но разрешил грабежи.

— Бог дал нам победу и великую славу! — гремел он, обращаясь к солдатам. — Город считался неприступным, но мы его взяли! Не проявляйте к неаполитанцам бесконечной ненависти и вражду к ним не продолжайте за пределы войны.

Сказав это, Велисарий освободил женщин, детей и всех остальных пленных... «Не испытывавших никакого насилия», — добавляет Прокопий, явно глумясь над своими читателями и издеваясь над заказчиками книги.

В плен попал весь готский гарнизон. Неаполь на полтысячелетия стал византийским.

4. РОМЕИ ИДУТ НА РИМ

В Риме и Северной Италии нарастало беспокойство. Готы перестали доверять Теодату.

Говорили, что конунг тайно сторговался с Юстинианом о продаже Италии. Теодат стал чувствовать себя столь же неуютно, как чувствовала Амаласунта перед своим свержением.

Наконец король отправил крупную армию для похода на юг. Она остановилась в Лациуме, в местечке под названием Регата в 56 километрах к югу от Рима. Здесь была равнина, удобная для конной стоянки. Иордан называет эту местность «Варварские поля».

Сам Теодат замешкался. Возможно, он выехал из Равенны, но задержался в Риме, где было неспокойно. Пользуясь отсутствием короля, готы подняли мятеж. Армия собралась на Варварских полях и выкрикнула королем Витигеса, незнатного военачальника лет сорока. Вероятно, его подлинное германское имя звучало как «Витциг». Иордан сообщает, что он был оруженосцем (*armiger*) Теодата. Самого Теодата объявили вне закона. Узурпатор подослал к королю убийцу по имени Оптарис.

Когда-то Оптарис сватался за девушку, «богатую наследницу, выдающуюся красотой», как пишет Прокопий. Молодые люди готовились сыграть свадьбу. Однако был и другой воздыхатель, который подкупил короля Теодата. За хорошую взятку конунг отнял невесту у Оптариса и выдал замуж за соперника. Можно представить себе гнев молодого человека, которого король разлучил с любимой.

Оптарис настиг Теодата, сбросил с коня и убил, «как бы принося в жертву какое-либо священное животное». Это произошло в ноябре 536 года. На готском горизонте взошла новая звезда. Конунгом стал **Витигес (536—540)**.

Король повел армию на север и вступил в Рим. Здесь он арестовал приверженцев Теодата, включая Теодегизела (или Теодегиска) — сына убитого конунга.

Затем Витигес отправился к папе римскому. Им оставался Сильверий, сторонник готов. Используя его влияние, конунг хотел воздей-

ствовать на сенат и народ. Папа обещал помощь. Собрали патрициев и сенаторов. Витигес обратился к ним с речью. Конунг напомнил о славном времени правления Теодориха Великого «и усиленно советовал им относиться дружелюбно к племени готов», как говорит Прокопий. Затем взял с них клятву верности. Одним из самых влиятельных сенаторов того времени был патриций Цетег. В ту пору он возглавлял сторонников Византии в Риме, но против Витигеса выступить побоялся.

И всё же король чувствовал себя неуютно в древней столице. Арестовав ненадежных людей и заручившись клятвами остальных, он ушел в Равенну. Это несколько удивило остготов. Они-то свергли Теодата в надежде, что его преемник будет храбро оборонять крупнейший город Италии и остановит ромеев, но вместо этого получили приказ уйти. Король оставил в Риме большой гарнизон в 4000 бойцов. Гарнизоном командовал гот Левдерис.

В Равенне Витигес женился на принцессе Матасунте, дочери Амаласунты, девушке 16 или 18 лет. Таким образом он породнился с семьей Амалов и обеспечил себе легитимность. Прокопий считает нужным заметить, что брак был совершен «против воли» девушки. Однако ее согласия никто не спрашивал.

После свадьбы король занялся делами. Фронтов было четыре: в Провансе против франков, в Паннонии против лангобардов, в Далмации против византийцев, но самое главное — в Центральной Италии против Велисария. На первых трех направлениях предполагалось держать оборону. На третьем — наступать. Конунг рассчитывал уничтожить Велисария, ликвидировать фронт в Италии, а затем выбрать, где нанести следующий удар.

Первым делом отправили послов во Франкию. Этой страной правили «длинноволосые короли» — наследники великого Хлодвига. Королевство было собственностью правящего рода, и после смерти одного из сыновей остальные производили новую дележку земель.

Длинные волосы считались признаком принадлежности к королевской семье франков. Византийский историк Агафий Миринейский пишет, что представители царствующего дома вообще не стриглись. Это наверняка преувеличение, но волосы они действительно отпускали длинные. Короли расчесывали их на пробор и тщательно ухаживали за своими шевелюрами: мыли, опрыскивали благовониями и разве что не завивали. Остальным франкам было запрещено носить длинные волосы, но предписывалось стричься в кружок.

Готы предложили франкам Прованс и деньги в обмен за помощь против Византии. «Длинноволосые короли» выслушали готских послов благосклонно и согласились взять деньги вместе с провинцией. Витигес отправил золото, франки его приняли и поделили «пропорционально величине власти каждого из них». Короли Франкии (это еще не Франция) «согласились быть в высшей степени дружественными готам и тайно послать на подмогу воинов помощь, но не франков, а из подчиненных им племен. Заключить открыто военный союз во вред римлянам они не могли, так как немного раньше они согласились оказать помощь в этой войне императору», сообщает Прокопий. Однако и сделанного было достаточно. Витигес считал, что им одержана крупная дипломатическая победа. Он отозвал готские полки из Прованса и пополнил свои войска ополченцами из других племен. Армия оказалась крупной. К нему пришли пешие отряды ругов и баваров, примчались готские всадники с берегов реки По, явились наемники... Что касается Прованса, то он стал добычей «длинноволосых королей». Это отсрочило вторжение франков в Италию, но не отменило его.

* * *

Пока Витигес собирал войска и вел переговоры с франками, Велисарий готовился идти на Рим. В Неаполе он оставил 300 пехотинцев под началом Геродиана, послал гарнизон и в соседние Кумы. «Других крепостей, кроме как в Кумах и в Неаполе, в Кампании не было», — поясняет Прокопий.

Затем Велисарий повел армию на Рим. Сенаторы во главе с Цетегом предложили готам удалиться, грозя восстанием. Готы ушли, хотя сам начальник гарнизона Левдерис почему-то остался. Его арестовали. «Случилось, что в один и тот же день Велисарий с императорским войском входил в Рим через ворота, которые назывались “Азинариями” (Ослиными), а готы уходили оттуда другими воротами, носившими название “Фламиниевых”», — пишет Прокопий. Он говорит далее, что «вечный город» был взят имперскими войсками в декабре 536 года. Сенаторы вручили Велисариию ключи от города. Велисарий отправил ключи Юстиниану вместе с пленным Левдерисом. Одновременно он просил подкреплений, так как вынужден был оставлять гарнизоны и таким образом ослаблял главную армию. В Риме у него было примерно 7000 солдат.

Полководец подробно описал императору ситуацию в донесении, которое отправил в Константинополь. Вернее, писал Прокопий, а Велисарий только вносил правки. Главное, ради чего сочинялось письмо, было в конце: полководец просил подкреплений. *«То, что нами совершено до сих пор... пока находится в блестящем состоянии, — писал Велисарий. — Что же последует потом, я хотел бы, чтобы оно было еще лучше для твоих дел. <...> Итак, да будут нам посланы оружие и солдаты в таком количестве, чтобы в дальнейшем в этой войне наши силы соответствовали бы силам неприятеля. <...> Римляне сейчас относятся к нам дружественно, но если их бедственное положение, как это и естественно, будет продолжаться, они не задумаются выбрать то, что для них лучше. <...> Смотри же сам, принесет ли тебе какую честь такая смерть Велисария».*

Послание дошло до адресата и чрезвычайно взволновало Юстиниана. Император прекрасно понимал, что на карту брошено очень многое. Провалить войну из-за недостатка сил на фронте было нельзя. Тогда пропали бы все вложения в первую экспедицию, пал бы престиж правительства. Наверняка начались бы религиозные смуты... Следовательно, требовались деньги и люди, чтобы продолжать Готскую войну. Юстиниан приказал как можно быстрее собрать войско и флот. Начальниками этой экспедиции стали опытные византийские офицеры Валериан и Мартин, только что вернувшиеся из Африки. Они отправились на Апеннины в декабре 536 года, в канун зимнего солнцеворота. Было холодно, в море свирепствовали шторма. Пришлось зазимовать в Аккарнании — области к югу от греческого Эпира. Базилевс дал знать об этом Велисария. Полководец получил гарантию того, что ему помогут.

Византийцы подлатали стены, вырыли ров. Укрепления означали, что Велисарий не собирается вести маневренную войну, а хочет выиграть кампанию с помощью обороны.

Полководец не прекращал переговоры с остготами. Один из их военачальников, Пидзас, сдал Велисария половину области Самний (совр. Абруцци) и часть Кампании, прилегающую к морю. Внутренние области Самнии остались под контролем Витигеса. На сторону ромеев перешли все города Апулии и Калабрии, населенные греками. В распоряжении готов остались Равенна, Тоскана, Лигурия с Генуей и Миланом, а также Венеция. Это было всё, что уцелело от огромных владений Теодориха Великого. Государство остготов просуществовало еще меньше, чем королевство вандалов, — всего одно поколение.

5. НАСТУПЛЕНИЕ ГОТОВ

Пока готы мешкали и собирались с силами, Велисарий продолжал наступление на их земли.

Бесс занял без боя Нарнию — самый укрепленный город в Тоскане. Другой полководец, Константин (не нужно путать его с упоминавшимся выше Константианом, это разные люди), подчинил Перузию (Перуджу) — тогдашнюю столицу Этрурии. Окрестные маленькие города, расположенные в Апеннинских горах, наперебой стали сдаваться ромеям.

Витигес послал отряд, чтобы вытеснить византийцев из Тосканы. Готы попытались занять Перузию, но в предместье их встретил Константин. В схватке готы полегли почти все.

Витигес наконец понял, что пришло время выступить против Велисария самому и дать решающее сражение. Конунг двинулся на Рим, чтобы завершить войну в Италии одним ударом. По словам Прокопия, он вел с собой 115 тысяч воинов; «из них было много конных, одетых в кольчуги». Большинство историков воспринимает эту цифру не критически, хотя она сильно преувеличена. Ясно, что готская армия превышала силы византийцев, но насколько? Определить это невозможно. Однако 115 тысяч солдат для VI века — фантастическое число.

Кроме того, Витигес направил войско и флот в Далмацию, но византийский магистр Константиан собрал полки и у местечка Скардона нанес поражение готам. Те отступили к далматинскому городу Бурну. Вскоре к варварам подошли крупные подкрепления: франки позволили Витигесу набрать наемников в землях подчиненного им Швабского герцогства. Швабы (они же свавы, свевы, алеманны) поставляли франкам превосходную пехоту. Этих наемников Витигес перебросил в Далмацию.

Далматинская армия Константиана была относительно невелика. Он отступил. Готы и швабы дошли до Салон и взяли город в осаду. С моря приплыл неприятельский флот, чтобы замкнуть кольцо. Константиан вышел из гавани и разбил готскую эскадру, так что ромеи могли беспрепятственно получать продовольствие. Осада стала бессмысленной.

А главная готская армия выступила из Равенны против Велисария под началом самого короля. Витигес перешел Апеннины на юге Тосканы и оказался в окрестностях Вечного города. На расстоянии 14 стадий от Рима его остановило препятствие: мост на реке Тибр. Предусмотрительный Велисарий соорудил здесь башню, укрепил мост воротами и поставил стражу, а затем лично выехал навстречу готам во главе небольшого

отряда кавалеристов, чтобы помешать переправе. Под Велисарием был великолепный конь: дымчатый с белой мордой. Варвары называли таких коней *балан*. Военачальник был надежно защищен доспехами, поэтому готы метили в благородное животное, пытаясь поразить его дротиками. Поднялся крик:

— Цельтесь в балана!

«Отсюда, — вспоминает Прокопий, — это слово разнеслось по всему войску готов... оставив всех остальных, большинство стало бросать копьё в одного Велисария». К счастью, ни одно копьё не попало в цель.

Завязалась схватка. Византийцы обратили в бегство готский авангард, вырвались из ловушки и ночью примчались в Рим, покрытые ранами и кровью врагов.

6. ОСАДА

Началась оборона Рима. Пожалуй, это наиболее славная страница в биографии Велисария. Римляне сражались неохотно, главную тяжесть борьбы вынесли византийцы. Чтобы подбодрить местных граждан, они выдумывали самые невероятные истории.

«В это время самнитская молодежь, — рассказывает одну байку Прокопий, — в большом количестве пасшая стада в своей стране, выбрав из своей среды двух крепких телом молодых и назвав одного из них Велисарием, а другого Витигесом, велела им бороться друг с другом. Они вступили в ожесточенную борьбу, и случилось, что Витигес, побежденный в ней, упал; в шутку толпа ребят повесила его на дереве. Но тут случилось, что появился волк, и вся молодежь бросилась бежать, а повешенный на дереве Витигес, так как ему пришлось подвергнуться такому наказанию слишком долгое время, умер. Когда это стало известно самнитам, они не наложили никакого наказания на молодежь, но, считая это предзнаменованием будущего, были убеждены, что победителем в этой войне будет Велисарий».

Вполне возможно, что эти пропагандистские рассказы придумывал сам Прокопий, а люди Велисария распространяли среди римлян.

Вскоре подошли войска Витигеса и обложили город. Тотчас выяснилось, что «огромная» армия готов даже не смогла расставить караулы у всех ворот Рима, коих было четырнадцать. Для атаки выбрали только один, хотя и большой, участок на севере, от Фламиниевых до Пренестинских ворот. Между ними было еще три въезда в город, загражденных воротами. Готы выстроили здесь шесть укреплений и начали готовиться к штурму. Все приготовления делались на восточном берегу

Тибра, в виду знаменитого Мильвийского моста. Немного позже готы выстроили седьмое укрепление на западном берегу. Таким образом, еще двое ворот оказались под угрозой: Аврелиевы и Транстиберинские. Этот участок назывался Неронова равнина. Произошло несколько стычек, а затем готы отважились на штурм.

Когда римляне увидели движущиеся к стенам осадные башни и тараны, сердца их наполнились страхом. Это чужая война! Велисария называли бездушным и бесстыжим.

Остготы приблизились к городскому рву, Велисарий натянул лук и выстрелил. Полководец попал точно в шею облаченному в панцирь готу. Получив смертельную рану, гот упал навзничь. Римские ополченцы сразу изменили предпочтения в пользу Велисария и подняли невероятный крик, полагая, что небо ниспослало счастливое знамение. Если бы они знали, насколько ошибаются... Рим выдержит пять осад в эту войну, и многие из его жителей распрощаются с жизнью.

Велисарий опять пустил стрелу и — вновь пристрелил гота. «Римляне считали, что враги уже побеждены», — иронизирует Прокопий. Тогда Велисарий приказал пустить в ход все метательные орудия, а отборным лучникам велел стрелять в быков, которые волокли осадные башни.

Лучники византийцев работали на редкость эффективно. Они перестреляли всех быков, и осадные башни встали. Всё это произошло у Саларийских ворот. Витигес отчаялся и решил произвести атаку в другом месте. Он заметил, что рядом с Пренестинскими воротами стена понижается. Это место римляне называли «Вивариум».

Наконец, еще одна колонна готов напала на Аврелиевы ворота. Перед ними находился мавзолей Адриана: тот, что сегодня носит название Замок Святого Ангела. Он отстоял от укреплений примерно на полет камня, пущенного из пращи.

Начальником этого мощного форта Велисарий поставил Константина. Ему же поручалась охрана соседней стены, которая имела слабый гарнизон римских ополченцев. Река здесь протекала у самых стен, и Велисарий не ожидал серьезной атаки в этом месте.

Но внимание Константина готы отвлекли ложной атакой. Ему доложили, что враги пытаются перейти через Тибр. Военачальник спешно двинулся туда. В это время готы бросились на приступ ворот и мавзолея.

Готские воины имели на вооружении луки, стрелы и копья. Правда, лучники из них были никудышные, поэтому варвары, как обычно, полагались на ближний бой. «Они шли, выставив перед собою большие четырехугольные щиты, ничуть не меньше, чем плетеные щиты персов», —

вспоминает Прокопий. Подойти к стенам удалось незаметно — колонну штурмующих прикрыла галерея, примыкавшая к храму апостола Петра.

Заметив врага, ромеи выставили *баллистру* — метательное орудие, которое стреляло только по фронту. Готы обошли его, обезопасив себя. Обычных стрел и копий они не боялись: от выстрелов надежно защищали большие щиты.

Готы сами начали обстреливать врага. В то же время они окружили мавзолей и пошли на штурм. Засевших там ромеев охватил страх. Но когда враги пошли на приступ, испуг защитников уступил место решимости. Правда, при этом они совершили акт вандализма. Византийцы стали ломать великолепные мраморные статуи, украшавшие мавзолей, и метать глыбы в головы врагов, карабкавшихся на стены при помощи приставных лестниц. Эту картину с горечью описывает Фердинанд Грегоровиус в своей «Истории города Рима в Средние века», и мы разделяем его скорбь. Шедевры античного искусства погибли, но гарнизон выжил; штурм у Аврелиевых ворот провалился. В других местах неприятелю тоже не удалось прорваться.

Сам Витигес атаковал Вивариум с его низкой стеной. Готские воины уже взобрались наверх и сражались врукопашную. Командовавший здесь Бесс послал к Велисария за подмогой. Велисарий лично поспешил на опасный участок вместе с подкреплением. Найдя воинов в смятении, полководец громовым голосом стал выкрикивать ободряющие восклицания. Его появление произвело чудесное действие на солдат: к ним вернулось мужество.

Витигес заметил, что стена Вивариума в одном месте расселась, и приказал готам подрыть или пробить ее. Велисарий спокойно наблюдал за действиями противника и стягивал силы к соседним воротам. У ворот собрались отборные воины, «в панцирях и с одними только мечами в руках». Готы пробили стену, но тут их ждал сюрприз: за нею оказалась вторая стена. Велисарий послал отряд под началом офицера Киприана, и ромеи устроили бойню: зажатые в Вивариуме готы практически не могли сражаться. Их перекололи и перестреляли. Готские отряды смешались, начали отступать. Этого и ждал Велисарий. Он приказал открыть ворота, сделал вылазку и атаковал противника во главе кавалерии с мечами наголо. Готы дрались в пешем строю, непривычном для них. Да и строя не было, все бросились кто куда. Ромеи гнались за беглецами и уничтожали их без счета. Добрались до метательных машин неприятеля. Велисарий велел их сжечь. Взметнувшееся пламя еще больше напугало готов, и они продолжали бегство.

У Саларийских ворот произошла аналогичная сцена. Ромеи сделали вылазку, напали на варваров, рассеяли их и уничтожили осадную технику. «Пламя высоко поднялось во многих местах около стен, — любится Прокопий, — и готы стали отступать от всех укреплений». С обеих сторон поднялся крик: ромеи торжествовали, а варвары впали в панику. «В этот день у готов погибло тридцать тысяч, как утверждали их начальники, а раненых было еще больше», — пишет Прокопий. Правда, Кесариец сам понимает абсурдность этой цифры и осторожно ссылается на оценку готских «начальников». Думаю, цифру как обычно смело можно делить на десять. То есть готы потеряли убитыми около трех тысяч бойцов. Если вся их армия составляла 30—40 тысяч человек, это действительно громадная цифра. Тем более что посчитаны только убитые, а были и раненые. В общем, готы понесли крупное поражение, а Велисарий защищался блестяще. Это была битва при Даре в «западной» версии.

Сражение продолжалось с утра до поздней ночи. В темноте зловеще догорали костры из сожженной осадной техники. В Риме царила радость: защитники выпивали горячительные напитки и горланили победные песни; готы залечивали раны и оплакивали убитых.

А византийская пропаганда продолжала неутомимо работать. Прокопий приводит очередное сообщение из этой серии. «В это время в Неаполе случилось вот какое событие. Там на площади находилось изображение Теодориха, короля готов, сделанное из каких-то камешков, очень маленьких, но разных цветов. У этого изображения как-то еще при жизни Теодориха развалилась голова... очень скоро после этого пришло известие о смерти Теодориха. Восемь лет спустя камешки, образовавшие живот, внезапно развалились, и тотчас последовала смерть Аталариха... Прошло еще немного времени, упали на землю камешки около половых органов, и Амаласунта, дочь Теодориха, окончила свою жизнь... Когда готы приступили к осаде Рима... на этом изображении выпали все камешки от бедер до самого конца ног... и римляне, принимая в соображение это обстоятельство, утверждали, что на войне войско императора одержит верх <...>. В Риме же некоторые из патрициев огласили предсказания Сивиллы, утверждая, что опасность для Рима будет продолжаться только до июля; что предсказано, будто тогда явится у римлян некий император, благодаря которому Рим в дальнейшем не будет ничего бояться со стороны готов».

С помощью этой чепухи удавалось кое-как поддерживать энтузиазм италийцев. Ни на что другое они не реагировали.

7. ПОДМОГА

Велисарий постоянно тревожил готов вылазками. Витигес, однако, надеялся на помощь «пятой колонны» внутри города. В числе готских сторонников оказался сам римский папа Сильверий. Велисарию донесли об этом. Недолго думая, бравый вояка арестовал понтифика и выслал его в Грецию, а на вакантное место посадил другого человека. Этим человеком стал **Вигилий (537—555)**. Он уже ездил раньше в Константинополь в составе церковных посольств, обзавелся связями, был представлен Юстиниану и Феодоре. Вигилий понравился им, продемонстрировал известную свободу взглядов, был готов пойти на компромисс в спорах с монофизитами... Его возвели на папский трон.

Сильверий пострадал не один. Из Рима было изгнано несколько сенаторов по тому же обвинению — связь с готами. Велисарий не заточил их в тюрьму, не казнил, а просто выселил, чтобы предатели и маловеры не смущали народ.

В ответ Витигес приказал перебить заложников из семей римских сенаторов. Эти заложники находились в Равенне. Правда, часть из них сумела бежать и укрылась в Лигурии, где готской власти тогда почти не было.

Осада Рима шла своим чередом. Витигес захватил Порто — гавань, через которую Рим снабжался продовольствием. Эта победа сразу ухудшила положение осажденного города. Однако дней через двадцать после захвата Порто к берегам Лация прибыли Мартин и Валериан. Они привели 1600 всадников — «большинство из них были гунны, славяне и анты», сообщает Прокопий. С их помощью Велисарий произвел ряд коротких атак на неприятеля. Кавалеристы заманивали готов под стены, где врага расстреливали ромен.

Наконец даже туповатый вояка Витигес понял, что его водят за нос. Он больше не подходил к стенам Рима, а на вылазки ромеев отвечал вяло, стараясь только отгонять врага от лагеря.

За это время многие ромеи зазнались. В армии царили шапкозакладательские настроения. Солдаты и офицеры требовали от Велисария генерального сражения.

Византийский полководец не был уверен в успехе, но всё же решил дать битву. Вылазка закончилась чувствительным поражением, получившим название битвы на Нероновом поле. Велисарий вернулся к прежней тактике мелких стычек. Впрочем, и сам полководец, и его секретарь Прокопий смогли затушевать масштабы поражения и перевалить вину за него на римлян, впавших в панику в решительный момент.

Возникла новая проблема: как платить жалованье осажденным в Риме византийским солдатам? Не грабить же город! Юстиниан собрал деньги и снарядил в Италию экспедицию для выплаты жалованья, предназначенного воинам. Начальником экспедиции, везшей казну, стал некий чиновник Евфалий. Летом он прибыл на корабле в Террацину, откуда послал гонца к Велисарю с письмом. Чиновник просил охраны, чтобы его с деньгами не захватили готы. Велисарий отобрал из своей свиты сотню ипаспистов и отправил их в Террацину. В то же время готы тревожили частыми вылазками, чтобы Витигес держал все силы под римскими стенами. Передача денег стала, таким образом, важной военной операцией.

После ожесточенного сражения караван ввели в город, воины получили деньги, и это усилило боевой дух армии.

Наступила осень. Бесплодная осада продолжалась уже около года.

* * *

Пришла весна 538-го. Стычки вокруг Рима всё продолжались. Прокопий насчитал их семьдесят семь. Постепенно положение осажденных стало ухудшаться. Похоже, Витигес разделил свои силы и попытался перекрыть дороги, по которым ввозили в Рим продовольствие. «У воинов хлеб еще был, — пишет Прокопий, — но из остального продовольствия ничего больше не осталось». К тому же Велисарий в самом начале осады разрушил акведуки, чтобы по ним враги не проникли в город. Нехватка воды привела к антисанитарии, начались болезни. Узнав об этом от дезертиров, готы остерегались сражаться, чтобы зараза не перекинулась к ним. Так прошла весна и наступило лето.

Среди купцов распространился слух, что в Италию направляются вспомогательные войска из Византии. Велисарий приказал Прокопию Кесарийскому немедленно отправиться в Неаполь и разузнать, так ли это. Если войска действительно прибыли, их следовало как можно быстрее отправить в Рим. Если же нет, задача усложнялась. Тогда Прокопию следовало «наполнить хлебом возможно большее число кораблей и собрать всех воинов», которые находились на отдыхе и лечении в Кампании. Кроме того, к ним нужно было присоединить часть войск из гарнизонов Южной Италии. Этот импровизированный обоз и военный корпус необходимо было доставить в Остию.

Гражданской частью операции командовал Прокопий. Для военных дел к нему был приставлен Мундила — один из телохранителей Вели-

сария, судя по имени — германец. Впрочем, Мундила вскоре вернулся в Рим, а Прокопий благополучно достиг Кампании.

Пока собирались войска, Велисарий действовал. Он сам начал атаковать обозы готов мелкими отрядами, чтобы лишить врага пропитания и заставить снять осаду. Однако успех этих предприятий был ничтожен, и вскоре дело ухудшилось до такой степени, что Велисарий решился на временное расставание с женой. Он отправил Антонину под конвоем тысячи всадников в Неаполь. Уход Антонины — лучшее свидетельство, что Велисарий нервничал и чувствовал себя неуверенно.

Мы можем задаться вопросом, почему Юстиниан так скупно отправлял подкрепления в Италию? Одно из объяснений состоит в том, что как раз в это время началось большое восстание армян против ромеев. Отвлечемся ненадолго от событий, происходивших под стенами Рима, и перенесемся на Восток, в ущелья Армении.

8. ВОССТАНИЕ АРМЯН И ГИБЕЛЬ СИТТЫ

На византийских окраинах было неспокойно. Армяне разделились на две части: сторонников и противников Ромейской империи. Противниками были, конечно, монофизиты, и они стали бунтовать.

Началось с мелочи. Один из армянских *нахараров* (князей), Симеон, еще в конце 520-х годов передал византийцам ценный городок Фарангий с его медными месторождениями и получил взамен несколько деревень. Их населяли армяне-монофизиты, православный Симеон раздражал их. Он был убит, и убийцы бежали в Персию.

Юстиниан отдал освободившиеся деревни племяннику Симеона — армянину Амазаспу и назначил его *«архонтом армян»*, то есть правителем пограничных с Персией армянских районов (возможно, это произошло в 534 или 535 году). Амазасп сумел поладить с армянами, но пал жертвой клеветы. Один из его приближенных, Акакий, состряпал искусный донос. В нем говорилось, что архонт притесняет армян и хочет сдать персам важный город Феодосиополь (современный Эрзерум). Юстиниан совершил крупную ошибку: приказал тайно убить Амазаспа. Эту деликатную операцию выполнил Акакий, после чего получил власть над армянами, жившими на востоке византийских владений (536 год). «Дурной от природы, он получил возможность проявить свой нрав, — так характеризует этого человека Прокопий. — Без всякого основания он грабил их имущество и обложил их неслыханным налогом в четыре кентинария». Акакий действительно вел себя плохо. Он вмешивался в местные обычаи,

насаждал византийские порядки — словом, мешал армянам жить по-своему.

В Армении той поры царил феодализм, который насаждали еще древние парфяне, правившие этой страной до византийцев. Армяне хранили верность высшим князьям (*ишханам*, это нечто вроде герцогов) и феодалам более мелкого ранга — *нахарарам* («графы»). В то время как в Византии говорили о централизации государства, боролись с латифундистами, громили крупных помещиков, на окраине царил махровый «отсталый» феодализм. По мнению чиновников, да и самого императора, его следовало уничтожить, а то, что народ привык жить именно в этой системе координат, погоды не делало.

Если бы Акакий не вмешивался в жизнь народа, не ломал патриархальный уклад, армяне остались бы верными друзьями и надежными боевыми товарищами. Но глупость и алчность чиновника погубили дело и привели к межэтническому конфликту. Акакий продолжал закручивать гайки, заменял натуральные повинности денежными, пытался приобщить край к прелестям цивилизации... Армяне терпели этого прохвоста недолго, убили его, бежали в укрепленное поселение Фарангий (538 год) и подняли флаг восстания.

Сперва бунт возглавили представители рода Аршакуни. Это были потомки парфянской династии Аршакидов, которая правила Ираном и Арменией до тех пор, пока страну не захватили враги парфян — огнепоклонники-персы. Сами армяне были к тому времени христианами.

Западная часть Армении отошла к православной Византии, восточная — к зороастрийскому Ирану. Потомки прежних государей Армении превратились в князей, фамилия которых произносилась на местный манер — Аршакуни. Эти-то люди и подняли бунт против несправедливого наместника. Их повел Артабан Аршакуни. Это он организовал убийство Акакия. Его соратниками были двое знатных армян — Арташир Аршакуни и Григор Мамиконян. Они захватили несколько *гаваров* (провинций) и принялись создавать регулярную армию для борьбы с византийцами. Вскоре к восставшим примкнули другие представители знати: в частности, Васак Мамиконян, женатый на сестре Артабана, и отец Артабана — Ованес. Вероятно, армяне собрали крупную армию.

Опасность для империи была так велика, что Юстиниан направил против повстанцев одного из лучших своих полководцев — Ситту.

Последний поначалу действовал мягко. Он понял, что причина восстания — глупость имперских чиновников, для которых нет различия между народами, а есть только статистика и указания сверху.

Но Юстиниан стал бранить Ситту, «сильно упрекая за медлительность». Это было новой ошибкой. Отчасти ее объясняют события на других фронтах. В это время Витигес осаждал Рим, в Африке угрожающе вели себя берберы. У Юстиниана сдали нервы. Он испугался, что медлительность Ситты приведет к отложению всей Византийской Армении.

Ситта как дисциплинированный воин стал готовиться к решающему наступлению, которое началось в следующем, 539 году, как только снег на перевалах растаял и они стали проходимы для пехоты и конницы.

Ситта погнал врага на восток, преследовал Артабана, но неожиданно угодил в засаду и принял бой. В пылу сражения с ромея сбили шлем. Армяне узнали византийского полководца и немедленно атаковали. Откуда-то показался еще один отряд мятежников, положение изменилось не в пользу Ситты, он бросился бежать. «С большим рвением враги погнались за ним, — говорит Прокопий. — Кто-то, настигнув его в долине, ударил его мечом наискось по макушке. Кожа на темени была содрана, но череп оказался совершенно не задетым». Брызнула кровь. Ситта не чувствовал боли, нахлестывал коня и мчался сломя голову. Но погоня уже дышала в спину. Артабан Аршакуни гнался впереди всех. Он настиг Ситту, напал на него сзади и нанес мощный удар копьем. Ромейский военачальник упал замертво. «Так из-за пустяка погиб Ситта, недостойно своей доблести и постоянных подвигов, совершенных им в борьбе с врагом, — замечает Прокопий. — Он был очень хорош собой, храбр как воин и никому не уступал как полководец». Возможно, читателю будет интересно узнать, что дочь Ситты — Элия София — станет впоследствии императрицей Византии. Во времена ее правления подвиги Ситты будут помнить и превозносить.

Но это произойдет много позже. А пока ромеи потерпели поражение и были отброшены.

За событиями в Армении зорко следили персы, которые готовили новую войну против Византии. Может быть, персам стоило воспользоваться ситуацией и начать войну именно теперь. Но, видно, у Хосрова было не всё готово. События шли своим чередом.

* * *

После гибели Ситты базилиевс направил против армян другого полководца — Вузу. Тот командовал кавалерийским полком в битве при Даре и пользовался известностью у армянских князей. Вуза привел подкрепления, собрал остатки разбитых войск Ситты и двинулся в армян-

ские горы. Он объявил амнистию и предложил встречу армянским князьям. Однако свидание оказалось ловушкой, стоившей жизни одному из них — Ованесу (Иоанну) Аршакуни, которого Вуза предательски убил.

Тогда мятежные армяне, потеряв надежду прийти к мирному соглашению, отправились в Иран и попросили Хосрова принять их в подданство. Это случилось осенью 539 года.

Так шаханшах получил армию, состоящую из армянских конных полков. Им наконец было принято решение напасть на Византию. Нападение планировалось произвести весной следующего, 540 года. К этому его побуждали и почти разбитые готы, приславшие посольство, о котором рассказ впереди.

А пока вернемся назад и возобновим повествование об осаде Рима.

9. ПЕРЕГОВОРЫ

Велисарий изменил тактику. Небольшие отряды, разбросанные византийцами в Лации и Кампании, начали малую войну против готов. Если сперва эта война велась вокруг Рима, то теперь фронт расширился. Витигес получил множество византийских армий вместо одной и не знал, что делать. Кроме того, рассредоточив силы, Велисарий решил проблему снабжения.

Мелкие нападения принесли плоды: осаждавшие Рим готы сами стали страдать от голода. Кроме того, Витигесу не удалось уберечь свое войско от заразных болезней. Готы умирали от них. А поскольку варварская армия была больше, чем византийская, процент заболевших оказался выше.

Пришла добрая весть: император Юстиниан направил подмогу в Италию. В Неаполитанский залив прибыло 3000 исавров под начальством Павла и Конона, в Гидрунт (Отранто) — 800 ромейских всадников, которыми командовал Иоанн племянник Виталиана, и еще тысяча отборных кавалеристов. Юстиниан присылал в Италию людей и припасы, следил за обстановкой и управлял ситуацией. Расхожий миф о том, что император бросил Велисария на Апеннингах с семью тысячами солдат, мы должны признать несостоятельным. Он возник из-за поверхностного изучения книги Прокопия позднейшими историками.

Иоанн племянник Виталиана явился в Кампанию и встретился с отрядом Прокопия Кесарийского. Затем войска разделились. Конники двигались вдоль берега с повозками, а пехота на кораблях была отправлена в Остию. Корабли и повозки нагрузили хлебом, вином и всем необходимым. Под стенами Рима пришлось выдержать битву,

но караван благополучно прибыл в город. Стало очевидно, что ромеи могут держаться в Риме очень долго, а силы готов иссякли.

Наконец Витигес отправил в Рим послов для переговоров. Готы предложили мир и соглашались уступить ромеям Сицилию.

— А мы разрешаем готам владеть всей Британией, — издевательски отвечал Велисарий.

— Мы готовы предложить вам еще Кампанию и Неаполь, — смягчились готы.

— Мы не полномочны договариваться о делах, касающихся императора, — отрезал Велисарий.

На этом переговоры прекратились, и послы ушли в лагерь. Готы отправили дипломатическую миссию в Константинополь, а в Италии заключили перемирие на три месяца.

В продолжение перемирия дела готов ухудшились. Из Африки к ромеям прибыли новые подкрепления. Их вел православный германец Хильдегер, зять Антонины. Готы добровольно оставили из-за недостатка припасов два приморских города — Порто и Центумцеллы. Оба пункта немедленно были заняты византийцами, и армия Витигеса попала в оперативное окружение. Готы отправили гонцов к Велисарию и обвинили ромейского полководца в нарушении перемирия. Велисарий «со смехом отослал их назад».

Приближалась зима. Велисарий постарался захватить еще несколько важных пунктов в Италии, чтобы обезопасить себя и стеснить готов. Византиец знал, что делал: римляне всё чаще отказывали варварам в повиновении. Вскоре к нему явилась делегация из Милана. Тамошний епископ Датис захватил власть и просил ввести в город ромейский гарнизон. Не чувствуя ни малейших угрызений совести, Велисарий пообещал выполнить просьбу миланцев.

В это же время он приказал казнить одного из своих офицеров, Константина, который отличился в битве за Рим. Константин присвоил имущество одного из римлян, но ограбленный человек пожаловался Велисарию. Ромейский главнокомандующий очень трепетно относился к таким вещам. Он не хотел, чтобы его воинов считали грабителями и насильниками, поэтому потребовал, чтобы Константин вернул украденное. В ответ Константин бросился с кинжалом на Велисария и попытался проткнуть живот своему начальнику. Офицера арестовали и вскоре казнили.

Мы видели, что Велисарий со спокойной совестью нарушал условия перемирия. Но и готы с их «германской верностью» действовали

не лучше. Однажды они попробовали захватить Рим, воспользовавшись одним из законопаченных акведук. Эту хитрость вовремя заметили и завалили акведук. Витигес отступил.

Велисарий задумал ответный удар. Призвав Иоанна племянника Виталиана, главнокомандующий приказал ему напасть с конным отрядом на область Пицен и разграбить готские поместья. Витигес отправил против него своего дядю Улифея. Иоанн разгромил его, преследовал и уничтожил готское войско почти полностью. Погиб и сам Улифей.

По дороге Иоанн взял город Арминий (Римини). Отсюда оставался один бросок до Равенны, где находилась резиденция конунга. Узнав о продвижении византийцев, Витигес снял осаду Вечного города и начал отступать к Равенне. Битва за Рим кончилась победой ромеев.

ГЛАВА 6. АФРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. ВТОРОЙ АКТ

1. ГЕРМАН ПРОТИВ СТОЗЫ

Прокопий рассказывает о войнах Юстиниана в монографической манере: отдельно описывает войну с вандалами, отдельно с персами, отдельно — с готами. Это удобно, однако зачастую трудно бывает понять, как византийцы воевали на трех фронтах и чего это стоило. Мы пытаемся дать события параллельно. Это вновь требует возвращения в Карфаген.

Описывая события в Африке, мы остановились на том, как Велисарий покинул эту провинцию в 536 году, чтобы заняться делами Италии. Обстановка в африканских провинциях стремительно накалялась. Мятеж не был подавлен. Бунтовщик Стоза и его воины отступили в Нумидию.

После отбытия Велисария ромейские военачальники вознамерились окончательно уничтожить Стозу. Главной силой повстанцев были конные лучники. Им следовало противопоставить равных по мощи бойцов. Византийцы сформировали отряд федератов из конных стрелков и легкой пехоты. Ими командовал Маркелл. Он выступил на врага и окружил его в окрестностях Цирты.

Стоза, однако, переманил солдат Маркелла на свою сторону с помощью искусной пропаганды. Мятежное войско сразу утроилось. Сам Маркелл с приближенными укрылся в церквушке, надеясь обрести там спасение, но Стозу не смущали условности. Он дал клятву сохранить ромеям жизнь, вывел их из храма и всех перебил.

Юстиниан получил сообщение о неурядицах. Теперь император вынужден был решать сложную задачу финансирования сразу трех армий: в Далмации, Италии, Африке. Ни на одном из этих фронтов базилевс не хотел признать поражение. Он собрал новую армию для покорения африканских степей и нашел способного полководца. Им оказался двоюродный брат императора — патрикий Герман. Этот крестьянин обладал большими способностями, как и сам Юстиниан. Базилевс не рисковал покинуть столицу: он трудился в Константинополе. Но его родич Герман — дело другое.

Юстиниан неспроста начал продвигать своего кузена: он желал передать Герману престол Ромейской империи. Итак, Герман получил ответственное задание расправиться с мятежом. С ним приехали двое сенаторов: Симмах и Домник. Первый стал эпархом (мэром) Карфагена, второй — начальником гарнизона и всей пехоты.

Явившись в Африку, Герман сверил списки солдат. Результат проверки навевал грусть. Оказалось, что лишь треть воинов расквартирована в африканских гарнизонах, остальные две трети находились в рядах повстанцев как перебежчики.

Это интересные сведения. Они помогают нам приблизительно оценить численность византийцев в Африке.

Оккупационный орпус византийцев насчитывал 15 тысяч солдат. Сперва мятежники собрали 8000 воинов. Затем к ним присоединились отряды наемников. Это еще две или три тысячи. Учтем потери, которые понес Стоза. Допустим, он лишился 1000 воинов. Значит, у него осталось приблизительно 10 тысяч бойцов. Следовательно, Герман располагал примерно четырьмя или пятью тысячами. Эти цифры вполне правдоподобны. Как мы уже говорили, профессиональные армии того времени не отличались высокой численностью.

Наступать в такой ситуации казалось глупо. Герман повел себя осторожно и осмотрительно. Было крайне важно, чтобы не разбежались остатки солдат. Их следовало сплотить, и Герман вполне справился с этой задачей. Он часто общался с воинами и «говорил им много приятного, особо подчеркивая, что послан базилевсом в Ливию для того, чтобы защитить обиженных здесь солдат и наказать тех, кто первым причинил им несправедливость», пишет Прокопий. Герман позиционировал себя как народный заступник, посланец «крестьянского императора». Он общался с воинами просто, хотя и без панибратства. Уговоры сочетались с подкупом и обещаниями амнистии. Узнав об этом, часть мятежников перебежала к нему. Герман принимал уходивших от Стозы

людей и даже выплачивал им жалование за то время, что они воевали в рядах мятежников.

Это деморализовало повстанцев. Когда слух о милости Германа распространился повсюду, воины Стозы «принялись уходить от тирана большими толпами и направляться в Карфаген». Получать жалование было легче, чем жить грабежом. А коль скоро воинов никто не обкрадывал и не обижал, можно послужить базилевсу.

Герман почувствовал достаточно сил, чтобы сразиться со Стозой. Вероятно, в Карфаген вернулись две или три тысячи солдат. У Стозы осталось семь-восемь тысяч.

Предводитель мятежников тоже стремился сойтись с врагом, потому что рассчитывал распропагандировать византийских воинов. Предприимчивый вождь вселил уверенность в сердца своих людей и выступил прямо на Карфаген. Герман вывел своих солдат навстречу.

Противники сошлись примерно в 35 стадиях от города, неподалеку от морского побережья. Прокопий приводит речь, которую Герман произнес (или должен был произнести) перед сражением. Полководец говорил, что солдаты пришли в армию из деревень «с сумой и в одном рваном плаще». Базилевс одел их, обул, вооружил и вывел в люди. Современные комментаторы находят в этом намек на происхождение Юстиниана, но я вижу другое. Во-первых, этот пассаж опровергает расхожее мнение, что армия Византии состояла в то время сплошь из наемников-варваров. Еще при Льве Мяснике начался обратный процесс: в войска активно набирали ромеев. Во-вторых, мы понимаем, на кого опирался император. Это городская чернь (стасиоты) и православные крестьяне. Своего крестьянского происхождения Юстиниан не скрывал. Напротив, гордился им и вел себя с простолюдинами попросту. Однако вернемся к рассказу о военных действиях в Африке.

Некоторое время оба войска стояли друг против друга. Стоза ждал, что ромеи взбунтуются и перейдут на его сторону. Когда этого не произошло, мятежник стал нервничать. Забеспокоились и его соратники. Стояние кончилось ничем. «Нарушив боевой строй, они отступили и ушли в Нумидию, где у них были жены и награбленные богатства», — пишет о повстанцах Прокопий.

2. БИТВА ПРИ СКАЛЕ ВЕТЕРОС

Герман осторожно следовал за врагом. Он избегал быстрых маршей, запасся деньгами и продовольствием, чтобы войско ни в чем не нуждалось. Ничего не было слышно о воровстве интендантов. Сенатор Симмах

(эпарх Карфагена) честно и эффективно вел финансовые дела. Словом, воевали с комфортом. Герман нагнал врагов у поселения Скале Ветерос (Cellas Vatari).

Ромейский полководец выстроил войска. Перед фронтом он разместил повозки в одну линию, а за ними поставил пехоту. Напомним, что пехотинцами командовал сенатор Домник. Станный это был сенатор, как и Симмах: он либо порвал со своим сословием, либо принадлежал к новым людям, выдвиненцам Юстиниана, которые взлетели на волне успеха во времена революции и не чуждались обычной работы.

На флангах позицию прикрывала византийская кавалерия, причем на левом крыле Герман разместился сам, окружив себя отборными всадниками, а также теми солдатами, что пришли с ним из Византии. На правом он поместил три конных полка под началом Хильдегера, Феодора Каппадокийца и некоего «Иоанна, брата Паппа». Этот последний полк был многочисленнее остальных.

Войско мятежников расположилось напротив ромеев, но не правильным строем, а врассыпную на варварский манер. Еще одно свидетельство, что бунтовщиками в основном были варвары-наемники, а на стороне правительства воевали ромеи.

Однако Стоза сделал сюрприз. Византийцы увидели, что следом за его воинами пришли берберские всадники. Он сумел договориться с царьком Яудой, который довольно долго не появлялся на страницах нашего повествования, а теперь снова вышел на авансцену. Вместе с Яудой войска привел еще один берберский вождь — Ортайя. Берберы, как обычно, пригнали своих верблюдов, привезли шатры, жен и детей. Поэтому их войска казалось многочисленнее, чем было на самом деле.

Кочевники вели двойную игру. Они вступили в тайные переговоры с Германом и готовы были за деньги сдать Стозу. Предложение казалось заманчивым, но Герман не доверял Яуде и его соратникам. Византийцы считали берберов дикими и хитрыми людьми, которые не держат слово. Впоследствии примерно так европейцы будут воспринимать других кочевников — монголов.

Стоза с главной армией стал приближаться к войскам Германа. Наконец мятежник заметил флаг византийского военачальника и командовал начать атаку. План был банально прост: напасть на Германа, убить его и обратить в бегство прочих ромеев.

Но всё пошло не так. Стозу окружили его сотоварищи-герулы. Они и сами отказались идти в бой, и ему не позволили начать сражение. Позиция, говорили они, у Германа слишком сильна, да и мощь его

армии неизвестна. Короче, мятежники не верили в свои силы. Стоза набрал разноплеменный наемный сброд. Освободившись от власти византийских командиров, эти вояки не стали армией. Напротив, среди них произошло разложение.

Битва, впрочем, уже завязалась. Вокруг свистели стрелы, сталь билась о сталь (это не модернизация — стальное оружие было уже у римских легионеров, тем более — у византийцев), слышались сдавленные крики, несся мощный боевой клич...

Наконец Стоза выбрал себе другую цель. Он оставил правый фланг ромеев (понятно, что ему позиция виделась в зеркальном отражении), взял отборных воинов и напал на конный полк Иоанна, стоявший на левом крыле. На перестрелку мятежники время не тратили — сразу бросились на правительственные войска с мечами наголо.

Атака оказалась столь мощной, что ромеи бросились бежать. Некоторые повстанцы уже прорвались к ромейской пехоте и стали ее теснить.

Наверно, Стозе показалось, что победа одержана, но мятежник ошибся. Вдруг он увидел, что на правом фланге Герман, обнажив меч, повел солдат в атаку на неприятеля. Завязалась кровавая сеча. С огромным трудом византийский полководец опрокинул врага, затем вернулся за линию пехоты и перебросил свой полк на другой фланг.

Там рубились конные отряды Феодора и Хильдегера, пытаясь остановить Стозу. Герман напал с тыла. Всё смешалось. Своих от чужих отличить было нельзя. Герман приказал: спрашивать у всех подозрительных людей пароль, а кто сказать не сможет, того убивать.

Один мятежник всё-таки приблизился к Герману и зарубил его коня. Полководец свалился и был бы затоптан, если бы не его телохранители: они образовали тесный круг и пересадили Германа на другого скакуна.

Воины базилевса одолевали врага, мятежники стали понемногу рассеиваться. Стоза, пользуясь суматохой, бежал с небольшим числом людей.

Герман устремился к лагерю мятежников. Те разбежались кто куда. Ромейские солдаты начали грабеж. Герман пытался их образумить, но куда там! Полководец со своими телохранителями стал у входа в лагерь и призывал к порядку солдат, однако никто его не слушал.

Берберы всё это время бесстрастно наблюдали за ходом сражения. К ним подскакал Стоза и стал уговаривать вступить в битву против ромеев. Царек Яуда категорически отказался и увел орду с поля боя, так ничего и не совершив.

Стоза попытался собрать своих людей и организовать сопротивление, но вторично был опрокинут ромеями. Часть берберов вернулась и присоединилась к войскам базилевса. Эти воины стали преследовать воинов Стозы и добивать их.

Стоза с небольшим отрядом спасся и ушел с поля боя. Он нашел приют у какого-то берберского племени, неподвластного Яуде, женился на дочери вождя и обрел безопасность. Так закончился второй акт африканской трагедии. Разгром Стозы был очень важен: у византийцев высвободились резервы. Часть войск отправилась в Италию из Африки. Этих воинов возглавлял Хильдегер.

...Вскоре против византийцев возник еще один заговор в Африке. Его организовал копьеносец Максимин (ромей или вельск), служивший у Феодора Каппадокийца. Однако Герман оказался человеком решительным и деловитым. Он задержал Максимиана, а его сторонников приказал перебить. Максимиана посадили на кол вблизи Карфагена. Мятеж был пресечен, Африка замирена, и казалось, что всё улажено. После этого Юстиниан отозвал «спасательную команду»: Германа, Симмаха и Домника. Управление Африкой император вновь поручил евнуху Соломону. Тот переправил в Карфаген новое войско, которое возглавляли Руфин (возможно, одно лицо с византийским дипломатом Руфином), сенатор Леонтий, а также сын иверского марзпана Фарасмана. Смена войск имела вот какое значение: Юстиниан понимал, что не может организовать регулярное снабжение солдат деньгами. Следовательно, требовалось переправить ветеранов на Балканы и рассчитаться с ними сполна, а взамен привезти новых солдат, которые могли перебиться без денег какое-то время. Кроме того, старые бойцы устали и были ненадежны. Наконец, судя по именам предводителей, большинство новых воинов были ромеи, а им базилевс доверял больше, чем наемникам. Дела в Африке приняли благоприятный для империи оборот. Наступил 540 год. В этом же году Велисарий завершил покорение Италии, но с востока на границы империи тотчас напали персы.

ГЛАВА 7. ПОБЕДА В ИТАЛИИ

1. МИЛАН И АРМИНИЙ

После окончания осады Рима Витигес с остатками войск кинулся спасать Равенну. По пути он занимал укрепления Тосканы своими гарнизонами. Конунг рассчитывал задержать Велисария, если тот взду-

мает преследовать готов. С остальным войском король двинулся прямо к Арминию, чтобы взять его и уберечь Равенну.

Это и нужно было византийскому главнокомандующему. Он изматывал готов в бесполезных осадах, дробил их силы и контратаковал. Велисарий навязал готам свои правила игры, а тугодумные германские полководцы могли только воспроизводить его схемы. Но и эта имитация происходила не слишком удачно. Арминий был осажден готами, когда Витигес узнал, что отложился Милан.

Произошло это так. Велисарий послал в Милан тысячу исавров и ромеев под началом Мундилы. Этот отряд отправился в Порто, погрузился на корабли и высадился в Генуе, затем нанес поражение готам у города Тицин (Тичино) и наконец прибыл в пункт назначения. Миланцы с ликованием встретили освободителей.

Можно вообразить, насколько встревожен был готский король. Велисарий превращал оперативное кружение готской армии в стратегическое. Милан и Генуя потеряны готами. У варваров остался только северо-восточный угол Италии да несколько изолированных крепостей на западе, в альпийских проходах.

Многим готам становилось ясно, что война проиграна, но Витигес еще сопротивлялся. Конунг собрал войско и направил его освобождать Милан. Эти полки возглавил Урайя — племянник Витигеса. Кроме того, варваров ждал внезапный дипломатический успех. Франкские короли прислали готам помощь против византийцев. Прокопий пишет, что главным сторонником готов среди франков был король Меца Теодоберт. Он и организовал помощь. Однако франки были связаны с византийцами дружественным договором. Поэтому они пришли не сами, а направили в Италию 10 тысяч подвластных бургундов. Бургунды и готы соединились под началом Урайи и осадили Милан. Это еще не была прямая война между франками и Византией, но трещина в отношениях двух держав уже пролегла.

Варвары не желали отдавать Северную Италию ромеям без боя. Интересы коренных жителей не брались в расчет. А итальянцы, похоже, всё более и более проникались уважением к Юстиниану и ромеям. Византийские солдаты вели себя на Апеннинах дисциплинированно: за этим следил Велисарий. Что касается Юстиниана, то он установил довольно легкое налогообложение для Италии. Традиционная точка зрения, что следом за византийскими воинами приходили сборщики налогов и выколачивали из жителей страны последнее, не выдерживает критики. Итальянцы платили империи не налоги, а *пакт*, то есть уме-

ренную дань (меньше, чем платили, допустим, ромеи на старых землях Византийской империи). На это есть указание в довольно поздней книге императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», и нужно признать достоверность этих сведений.

Римляне поддержали византийцев. Мы видим, что ромеи беспрепятственно захватывают мелкие города. Это можно объяснить равнодушием населения, но не только. В Риме плебеи вооружаются и воюют против готов на стороне византийцев. В Милане — сами призывают византийский гарнизон. Генуя, Анкона, Арминий, десятки других городов следуют их примеру. Исключение — Неаполь, но и там была провизантийская партия. Если бы византийцы были ненавистны местному населению, маленькую армию Велисария давно бы выгнали из страны. Кстати говоря, так и произойдет, когда византийцы утратят популярность. Но потом окажется, что власть готов гораздо хуже власти империи.

* * *

Летом 539 года Велисарий пополнил свои войска, перегруппировал их и выступил против Витигеса. В Риме был оставлен небольшой гарнизон. Готский фронт разваливался на куски. В дороге Велисарий узнал, что Витигес собрал отдельный корпус, дабы захватить морской порт Анкону. Таким образом конунг хотел обойти Велисария с востока, прорваться на юг Италии и отрезать ромеев от сообщения с Византией. Корпусом командовал Ваким.

Велисарий тотчас повернул к Анконе.

Тем временем из Константинополя в Италию прибыл энергичный внук Нарсес. Он привел с собой 5000 солдат: 3000 ромеев и 2000 герулов. Это было первое знакомство Нарсеса с делами Италии. Пройдет время, и он станет завоевателем этой страны.

В войске Нарсеса было много армян. В их числе — братья Аратий и «другой Нарсес» — князья Камсараканы, перебежавшие от иранцев.

Велисарий и Нарсес-внук соединили войска на берегу Адриатического моря в трех переходах от Анконы. Устроили военный совет. Против ромеев на побережье Адриатики действовали две готские армии: одна во главе с Витигесом осаждала Арминий (Римини), другая, под началом Вакима, — маневрировала у Анконы. Если двинуться на Витигеса — в тыл ударит Ваким. Если заняться Вакимом, может погибнуть Арминий. Гарнизонем последнего командовал Иоанн племянник Виталиана, который считался другом внука Нарсеса. Поэтому Нарсес настаивал, чтобы выступить к этому городу.

Требовалось решение, и Велисарий принял его. Он разделил армию. Аратий Камсаракан с тысячей кавалеристов должен был отвлечь Вакима, а часть пеших воинов (под началом Хильдегера) морем выступила к Арминию. Сушей к этому городу двигалась конница под командованием Мартина. Ей надлежало встать лагерем неподалеку от стен и разжечь множество костров, как будто подошло большое войско.

Сам Велисарий вместе с Нарсесом и остальной армией пошел другой дорогой, более отдаленной от моря. Главнокомандующий рассчитывал, что готы примут его маневры за движение двух крупных византийских армий и сами снимут осаду Арминия. Так и случилось. Готская разведка засекала движение главной византийской армии, увидела знамена Велисария и поняла, кто перед нею.

Озабоченный Витигес выстроил кавалерию к северу от Арминия. Появления Велисария ждали с часу на час, но он не явился. Сгустилась ночь... И вдруг готы увидели неподалеку от города тысячи костров. Это подошли кавалеристы Мартина. Витигес заподозрил, что две крупные армии византийцев намерены его окружить. Поутру на море показался флот ромеев, который вел Хильдегер. Это напугало готов. «Онемев от ужаса, они бросились бежать», — вспоминает Прокопий. Так Велисарий одержал победу без единого выстрела, а Витигес ушел в Равенну.

2. НАРСЕС

Евнух Нарсес считал Велисария слабым военачальником и быстро поссорился с ним. Причиной конфликта стали разногласия по дальнейшему ведению кампании. Нарсес полагал, что Велисарий понапрасну затягивает уже выигранную войну. Тогда Велисарий извлек секретное письмо Юстиниана, которое гласило: *«Нарсеса, нашего казначея, мы посылаем не за тем, чтобы он начальствовал над войском в Италии. Мы желаем, чтобы во главе всего войска стоял один Велисарий и распорядился им, как ему покажется лучше всего; вам же всем предлагаем следовать за ним на пользу нашего государства»*. Однако Нарсес придрался к последним словам и заявил, что «в данный момент план Велисария противоречит пользе государства». Велисарий был вынужден терпеть эти выходки. Говорили, что Нарсес — честнейший человек и опытный администратор — пользуется большим доверием у Юстиниана.

Византийская армия пошла на юг и осадила город Урбину (совр. Урбино). К тому времени Нарсес и Велисарий окончательно разругались. Вражду разделяли их офицеры. Велисарий разбил лагерь к востоку от города, а Нарсес — к западу.

Начали осаду. Велисарий попытался принудить гарнизон к капитуляции, но готы, запасшиеся оружием и едой, решили драться. Ночью Нарсес снялся с лагеря вместе с половиной армии. Велисарий узнал об этом и умолял сотоварища остаться на месте. Нарсес, однако, ушел в Арминий. У Велисария осталось 4000—5000 солдат, столько же увел Нарсес.

Когда готы увидели, что половина византийской армии удалилась в неизвестном направлении, ими овладела эйфория. Варвары шутили и издевались над ромеями, которые не могут договориться между собой. Но Велисарий всё-таки хотел довести дело до конца и взять город. Ему на помощь пришел счастливый случай. В Урбине был только один источник пресной воды. Он начал пересыхать, и готы сдались. Услыхав об этом, Нарсес «был поражен удивлением и очень огорчен».

Теперь Велисарий был озабочен действиями готов, бургундов и франков в Северной Италии. Он послал конницу Мартина и Улиариса (того самого, что по ошибке убил своего начальника во время Вандальской войны), чтобы попытаться выручить осажденный врагом Милан и прогнать варваров. Ромеи дошли до реки По и остановились в одном переходе от Милана, так как считали, что врагов слишком много. Мартин направил письмо Велисарию, в котором пытался снять с себя ответственность за бездействие.

Прочитав письмо, Велисарий приказал Иоанну племяннику Виталиана прийти на помощь Мартину, однако тот отказался исполнить приказ, если его не подтвердит Нарсес. Управление армией разваливалось из-за интриг евнуха.

Велисарий написал Нарсесу униженное письмо, умоляя не вредить общему делу. Тот перестал злобствовать и отдал приказ Иоанну отправиться в Милан с войском. Однако Иоанн захворал, и дела снова застопорились.

Осажденные миланцы стали испытывать муки голода. Съели собак, сварили мышей. Готы предлагали Мундиле сдать город на почетных условиях. Мундила соглашался это сделать, если условия капитуляции будут распространены на рядовых миланцев. Готы отказались. Честный Мундила собрал ромейских воинов и сказал, что намерен стоять насмерть. Однако воины оказались людьми слабыми, они взбунтовались и сдали город. Готы их отпустили, зато Милан разрушили до основания. Прокопий пишет, что варвары перерезали 30 тысяч мужчин, а женщин обратили в рабство и подарили бургундам. Префекта претория Репарата, который руководил обороной со стороны римлян, изрубили

в куски и бросили собакам (вероятно, охотничьим псам готских вождей, потому что своих собак миланцы съели).

Велисарий разгневался, узнав о судьбе Милана. Мартину он не позволил показываться на глаза и обстоятельно написал императору обо всех событиях на фронте. Вероятно, письмо составлял Прокопий: в нем искусно очернялся Нарсес.

Далекий, как бог, Юстиниан следил за событиями из Священного Палатия. Какими виделись ему войны, осады, бедствия из стен кабинета? Император не был равнодушным человеком, но и не обладал излишней чувствительностью. Больше всего на свете он опасался сделать неверный шаг, чтобы не потерять Италию. Пропали бы впустую жизни тысяч людей, которые сражались за эту страну. И это не считая денежных потерь. Что же делать?

Император никого не наказал за падение Милана. Однако оставлять в Италии Нарсеса было нельзя — это могло привести к двоевластию и поражению. Юстиниан отозвал евнуха из Италии; Нарсес покинул страну.

3. ВТОРОЙ ФРОНТ

Витигес пребывал в Равенне. Он уже не верил в силы готов — ведь даже Лигурию удалось отвоевать только с помощью бургундов, да и то не всю. Поэтому король искал союзников в войне против Византии. Он послал вестников к лангобардскому королю **Вако (ок. 510 — ок. 540)**. Ему предлагалось много денег за вторжение в Византию. Но Вако оказался верным союзником Юстиниана; он отверг условия Витигеса.

Готский король часто созывал советы знати. На этих сходках обсуждались самые невероятные планы. Наконец кому-то пришла в голову блестящая мысль: натравить на Византию персов. Юстиниан заключил с иранцами мир, но что с того? Не попытаться ли вступить в союз с шаханшахом против Византии?

Мысль понравилась Витигесу. Хосров может стать надежным союзником по единству выгод и при этом не покусится на земли далекой Италии. Но как добраться до Персии? Любой гот был бы схвачен византийцами по дороге. Тогда король подкупил двух лигурийских священников. Одного из них готы нарядили епископом, второй следовал в качестве его спутника. Витигес вручил им письма к шаханшаху.

Священники удачно добрались до границ Ирана и прибыли ко двору Хосрова. Персидский царь давно наблюдал за действиями византий-

цев в Европе и не скрывал тревоги. Он уже вел приготовления к войне с Византией.

Эти приготовления были настолько откровенны, что Юстиниан о них узнал. Базилевса охватила тревога. Он подумывал — не отозвать ли Велисария на Восток? Победитель при Даре возмужал и покрыл себя славой. Только он мог отразить иранское нашествие.

Но что делать с готами? Может быть, заключить мир?

В Константинополе до сих пор обитало готское посольство — то самое, что Витигес отправил еще во время осады Рима. Как мы помним, планировалось, что оно вернется в Италию через три месяца. Но Юстиниан задержал готских дипломатов на год и не принимал никакого решения. Лишь теперь о послах вспомнили. Им передали милостивый ответ базилевса. Юстиниан, мол, готов заключить мир. Пусть готские дипломаты возвратятся в Равенну и выработают условия мирного договора.

Успехи византийцев висели на волоске. Казалось, Готская война придет к бесславному концу. Какой блистательной казалась по сравнению с ней кампания против вандалов...

4. ВТОРЖЕНИЕ ФРАНКОВ

Велисарий понял одно: окончательный успех могут обеспечить только стремительные действия. Его план был достаточно прост. Византийский главнокомандующий хотел взять важную крепость Ауксим в центре Италии, а затем идти на Равенну, осадить Витигеса и закончить войну. Полководец привел под стены Ауксима 11 тысяч воинов. По меркам тогдашней Византии это огромная армия.

Ауксим был расположен на высоком холме и считался неприступным. Его охраняли лучшие готские воины под началом Вакима. Король Витигес справедливо считал, что, пока город находится во власти готов, Велисарий никогда не решится атаковать Равенну.

Войска ромеев были разношерстные и плохо повиновались приказам. Выручил Прокопий. Он посоветовал шефу вернуться к практике использования сигнальных труб, как у древних римлян. Эта идея понравилась главнокомандующему. Полководец приказал использовать трубы и учить воинов новым сигналам. Практика оправдала себя. Византийцы отступали и наступали по сигналу трубы. Готы стали терпеть поражения во время вылазок. Вскоре у них возникли затруднения с продовольствием. Ваким отправил в Равенну отчаянное письмо с просьбой о помощи. Витигес обещал помочь, но не смог, потому что его действия

сковали несколько мобильных византийских отрядов, которых Велисарий оставил под началом Иоанна племянника Виталиана. Византийский главнокомандующий опять заставил врага играть по навязанным правилам.

Готам оставалось рассчитывать на помощь франков, которых Витигес отчаянно забрасывал письмами. Наконец франки вступили в игру, окончательно порвав с византийцами. Самый энергичный из них, король Меца и Австразии Теодоберт, рвался в Италию. Численность его войск Прокопий оценивает в 100 тысяч воинов, но это обычное преувеличение. Впрочем, ясно, что франки набрали много воителей, причем, вероятно, из всех своих королевств.

Основным родом войск у франков в то время была пехота. Каждый боец нес с собой меч, щит и секиру. Такие секиры назывались «францисками», это метательное оружие ближнего боя. «Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая», — пишет Прокопий про франкскую секиру. Воины строились пешим клином и шли в атаку. Вожди и дружина воевали на конях, но это были пони, непригодные для быстрых атак. Известная скульптура франкского императора Карла Великого, созданная в VIII веке, запечатлела его на одной из таких лошадок. У болгар или тюрок, обладавших великолепными рослыми конями, такая кавалерия могла вызвать только улыбку. Однако сила франков была в их числе и пассионарности.

Теодоберт со своими воинами перевалил Альпы и оказался в Италии, но дальше повел себя странно: разграбил Лигурию и истребил один готский отряд, после чего напал на ромеев. На реке По стоял византийский полк, который возглавляли Мартин и Иоанн. Франки напали на византийцев врасплох и полностью разгромили. Остатки ромеев бежали в Тоскану. Оттуда они сообщили Велисария о вторжении «длинноволосого короля» Теодоберта.

Казалось, что после двух этих побед франкам открыт путь на юг. Но на них накинудись два неожиданных врага: понос и дизентерия. Прокопий Кесарийский объясняет, что варвары захватили большие запасы еды в двух военных лагерях — готском и византийском. Однако армия Теодоберта была столь велика, что припасы иссякли почти мгновенно. Франки пировали, буйствовали, не беспокоились о завтрашнем дне и не смогли организовать снабжение. В конечном счете завоеватели не сумели добыть себе ничего, кроме «мяса быков и воды реки По». Мясо быстро портилось, а вода тоже оказалась заразной. Захватчики

потерпели поражение от сил природы и собственной некомпетентности в вопросах снабжения. «Говорят, что треть франкского войска таким образом погибла», — передает слухи Прокопий. Они преувеличены, но болезнь действительно положила предел франкским завоеваниям.

Теодоберт снялся с лагеря и увел остатки войск на родину.

5. ДУНАЙСКИЙ РУБЕЖ

Для византийцев это было весьма кстати, тем более что обострилась обстановка на Дунае. Западные болгары-кутургуры были обеспокоены успехами ромеев в Италии и напали на империю, причем вместе со славянами. Возможно, их подстрекали те же готы и наверняка — персы. Впрочем, малая война на дунайской границе велась постоянно.

Первоначально ее вел ромейский полководец Хильбуд. Он нанес болгарам и славянам-антам несколько поражений, но затем совершил роковую ошибку. В 534 году, почти сразу по окончании победоносной византийской кампании в Африке, Хильбуд перешел Дунай и напал на антов. Последние «выступили против него все поголовно». Случилась жестокая битва, Хильбуд погиб, ромейская граница на Дунае была прорвана. В 535 году славянские отряды хозяйничали во Фракии. В 537 году, в разгар Готской войны, последовали мощные вторжения варваров в Малую Скифию (совр. Добруджа) и Мёзию. Славяне и болгары угоняли пленных за Дунай, чтобы получить выкуп. В 538 году в Мёзии ромейские власти разрешили продавать и закладывать церковную утварь для выкупа пленных. Тогда же отряды антов появились под стенами Фессалоник. Казалось, Балканы погружаются в хаос...

Прокопий Кесарийский, пользуясь случаем, дал довольно подробное описание быта славян. «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы», — пишет историк. Советские ученые очень любили эту фразу, цитировали ее десятки раз, включали в хрестоматии, комментировали, рассуждали, строили теории. Замечательный романист, но абсолютно некомпетентный историк Валентин Иванов в эпическом романе «Русь изначальная» нарисовал картину коммунизма у древних славян, основываясь как раз на свидетельстве Прокопия Кесарийского.

Но со времен Прокопия миновало полторы тысячи лет. Историческая наука ушла далеко вперед, и стало ясно, что «демократия» — это вовсе не синоним благополучия. То есть в государственном устройстве ранних славян нет ничего плохого и ничего хорошего. Это просто способ адаптации к окружающей реальности, способ комфортного существования в мире раннего Средневековья.

Никакой особой «тяги к свободе» у славян не было. Это устойчивый миф — такой же, как «германская верность».

Славяне объединялись в рыхлые федерации. Общие дела решались на вече, куда племена выдвигали своих делегатов. Реально все вопросы решал «президиум» из 10—20 старейшин-олигархов. Имелся глава союза, но он выполнял представительские и ритуальные функции, как английская королева. Вопросы внешней политики решали сообща, воевали часто. Вооружение славян состояло из копья и щита, мечей почти не было. «Склавины» сражались пешими, анты — верхом. С такими врагами столкнулись ромей.

Прокопий приводит фантастические цифры в «Тайной истории». По его мнению, славяне за время своих набегов угнали в плен порядка 20 миллионов византийцев, хотя по подсчетам современных историков, в европейской части Византии тогда жило не более 5 миллионов человек.

Тяжелая война на Балканах продолжалась примерно пять лет. После этого картина поменялась. В 539 году дипломаты Юстиниана с помощью подарков и лести поссорили «склавинов» и антов. «Склавины» перешли в наступление против антов на Волыни и в Молдавии. Анты потерпели жестокие поражения и откатились к Днепру. Но вместо одного врага византийцы получили другого. «Склавины» вышли к Дунаю, где столкнулись с ромеями и... напали на них, предварительно заключив союз с кутургурами. Тогда анты, в свою очередь, стали союзниками ромеев; 539 год стал временем перемены союзов и жестокой войны. Эти события не отражены у Прокопия, но описаны позднейшими летописцами.

«В этом году поднялись Болгаре, — пишет Феофан Исповедник. — Два князя со множеством болгар и Друнгом вторглись в Скифию и Мисию в то время как в Мисии начальствовал войсками Юстин, а в Скифии Баударий. Эти полководцы двинулись против болгар, решились на битву; и пал в битве вождь Юстин; и назначен был вместо него Константин, сын Флоренция. И дошли Болгары до пределов Фракийских. И вышел против них полководец Иллирика Акум гунн, которого царь воспринимал от крещения. И римские войска, оцепив Болгар со всех сторон, стали их рубить и избили многое множество, и отняли всю добычу и разбили наголову, умертвив двух князей болгарских.

И когда победители возвращались с радостью, напали на них другие Болгары и поймали на аркан бегущих Константина, Акума и Годиллу. Из них Годилла кинжалом перерезал аркан и убежал; а Константин и Акум были взяты живые. Константина болгары выдали на выкуп за 1000 номизм, и он возвратился в Константинополь. Акума же повели в свое отечество вместе с другими пленниками».

В следующем году война продолжалась, и византийцам сопутствовал успех. Магистр милитум Иллирика выступил против болгар и нанес им поражение. Много врагов погибло или попало в неволю. Пленных показывали в Византии на ипподроме. «И настал глубокий мир во Фракии», — сообщает Феофан Исповедник. Война переместилась на север: кутургуры и «склавины» атаквали антов.

Чтобы выжить, анты поступились частью «народоправства». Примерно в эти годы у них появляется единый «архонт», который правил союзом. Это прообраз будущих князей. У антов появилась даже династия «архнотов». Известны три имени: Идаризий, Келагаст и Мезамир. Возможно, первый был отцом второго и третьего. Ясно, что анты — предки сербов и хорватов — создали на Днестре свою державу. Именно это — реальность, а не мифическое сербское происхождение Юстиниана.

В свою очередь «склавины» тоже объединились в конфедерацию во главе с племенем дулебов (волынян). Их вождь-жрец носил титул *мусок* (у арабских историков он превратился в имя Маджак). По догадке Г. В. Вернадского, слово «мусок» — арийское, (точнее, аланское) и означает что-то вроде «мудрец». Вернадский вообще любил проводить параллели между славянами и аланами.

Перессорив славян, Юстиниан начал активно строить крепости вдоль Дуная, чтобы обезопасить границы от новых вторжений. По словам Прокопия, он возвел три линии крепостей: первую собственно на Дунае, вторую — вдоль Балканского хребта и третью — южнее, на подходах к важным провинциям, например, на Херсонесе Фракийском или в Фермопилах, причем распустил прежние ополчения, охранявшие эти местности, и заменил их подразделениями регулярной армии. Впоследствии эта третья линия обороны пригодилась в борьбе с кутургурами.

6. ПОРАЖЕНИЯ ГОТОВ

Вернемся в Италию. Готские защитники неприступного Ауксима наконец капитулировали из-за недостатка воды. Теперь ничто не связывало Велисария. Он мог идти на Равенну.

У конунга Витигеса окончательно сдали нервы. Король прислал своих людей к Велисарю и намекнул, что готов сдаться.

Начался интенсивный обмен посольствами. При этом Велисарий продолжал завоевание отдельных районов Италии и не пропускал в Равенну караваны с провизией. Но в городе имелись большие запасы хлеба на складах. Узнав об этом, Велисарий снесся с несколькими горожанами, подкупил их и вышел на Матасунту — молодую жену Витигеса, жившую в Равенне. Женщина ненавидела мужа и симпатизировала ромеям. Вскоре продовольственные склады были подожжены. «Говорят, что они погибли по наущению Матасунты», — замечает Прокопий. Доказательств не было, но Витигес почувствовал себя загнанным зверем. Со всех сторон его окружали неудачи, а в спину дышали предатели.

В этот момент ромеи захватили лигурийские районы в верховьях По и крепости, расположенные в Коттийских Альпах (хребет, который отделял Италию от Галлии). После этого гарнизон готов в Милане оказался как бы в подвешенном состоянии. Кроме того, франки больше не могли беспрепятственно форсировать горы и вторгаться в Италию.

Тем временем гот Урайя, командовавший войсками Лигурии, бросил эту провинцию и выступил на помощь Равенне. Однако прошел слух о капитуляции гарнизонов Коттийских Альп. Воины Урайи потребовали у своего вождя освободить крепости: многие солдаты оставили там свои семьи.

Урайя отменил поход на Равенну, повернул назад, схестнулся с византийцами, проиграл им несколько схваток и обнаружил неприятный факт: готские воины стали массами дезертировать. Совершенно очевидно, что война заканчивалась, и византийцы добивали остатки готов там, где только находили.

В итоге Урайя остался с небольшим количеством войск в Милане, а Велисарий получил возможность заняться Равенной и засевшим там Витигесом.

7. ИМПЕРАТОР ВЕЛИСАРИЙ

Перед окончательным разгромом судьба насмешливо улыбнулась готам. В Равенну наконец-то прибыли послы от императора Юстиниана, сенаторы Домник и Максимин (первого из них мы уже встречали во время событий в Африке, где сенатор проявил себя как храбрый военачальник). Они предложили заключить мир на следующих условиях. Витигес получает половину сокровищ, хранящихся в Равенне в казне,

и оставляет за собой земли к северу от реки По. К слову, это было не так уж мало. Ведь подразумевалось, что за ним остается Реция, Бавария и Северная Италия.

Эти предложения показались Витигесу даром небес. Он поспешил изъявить согласие. Зато Велисарий пришел в негодование, «если ему не позволят, тем более без всякого труда, одержать полную победу и ввести в Византию Витигеса как военнопленного», пишет Прокопий. Домник и Максимиан явились к нему с проектом договора. Велисарий прочел текст, изменился в лице и решительно отказался ставить под ним свою подпись. Это сразу же изменило ситуацию. Готы заподозрили, что византийцы ведут двойную игру. Представители варваров заявили, что без подписи и присяги со стороны Велисария мира не будет.

У самих византийцев тоже разыгрались страсти. Оставшиеся в армии друзья евнуха Нарсеса распространили слух, что Велисарий хочет захватить Италию для себя во вред императору. Именно потому главнокомандующий и срывает мирный договор. Узнав об этом, Велисарий произнес горячую оправдательную речь в присутствии Домника и Максимиана. Он заявил, что согласен подписать соглашение. Как видно, полководец не на шутку перепугался опалы и увольнения из армии, в случае если бы его вину удалось доказать.

Чтобы снять с себя ответственность, Велисарий заставил своих офицеров подписать документ, в котором военные подтверждали, что желают прекратить борьбу с готами. «Они же, записав всё это на маленьком документе, ясно сказали, что они не в состоянии войной одолеть неприятелей», — вспоминает Прокопий. Легко представить, каких мук и сомнений стоило это решение Велисарию. Почему Юстиниан пошел на мир, когда победа близка? Кончились деньги? Или напали персы, славяне, болгары? Неужели нельзя было чуть-чуть подождать? Почему сдали нервы у железного императора?

Но готы не знали о том, что происходит в лагере ромеев. В Равенне нарастала паника. Часть соратников предала Витигеса. Возможно, они подались к Матасунте и хотели сражаться под ее знаменем, но та была настроена сдать всё ромеям. Тогда в умах готов родился блестящий план: передать Италию Велисарию и объявить его императором Запада. Иначе говоря, восстановить разгромленную Одоакром Гесперию.

В этом месте сочинения Прокопия мы находим сообщение, что Велисарий еще перед началом италийской экспедиции поклялся Юстиниану страшными клятвами, что не станет искать для себя

императорской короны на Западе. Значит, такой вариант всё же витал в воздухе.

Однако Велисарий затеял тонкую игру. Он поманил варваров надеждой и благосклонно принимал их предложения. Слухи об этом дошли до Витигеса. Возможно, их постарался распространить сам Велисарий через своих разведчиков. Конунг сломался окончательно. Он послал к византийскому главнокомандующему тайных гонцов с предложением занять императорский трон. Сам Витигес готов был заключить с Велисарием федеративный договор на любых условиях и служить новому императору Гесперии.

Хотел или нет Велисарий занять престол? Однозначно нет! Он был предан Юстиниану и сражался за единство империи, как прочие православные. Без этих жертвенных людей Юстиниану не удалось бы великие дела.

Историки позднего времени посмеялись над Велисарием за его старомодные принципы. Людям эпохи Просвещения казалась забавной подобная верность. Однако дело было не в ней одной. Велисарий прекрасно понимал, что самостоятельно не сможет удержать власть. Византийцы уже не раз возводили своих ставленников на престол Гесперии в V веке, и что же? Марионеточные императоры погибли один за другим. Это повторилось бы и с Велисарием. Сегодня его приветствовали римляне, а готы рассыпались в уверениях преданности. Но завтра римские сенаторы стали бы интриговать в пользу кого-то из своих, а готы отложились бы. Получалось, что верность, честь, преданность православию, родине, своему императору гораздо выгоднее интриг, предательства и цинизма.

Велисарий сыграл свою роль до конца. Главнокомандующий созвал императорских послов, присоединил к ним военачальников, изложил предложения готов и спросил, кто и что об этом думает. Стоит ли сделать вид, что он, Велисарий, согласен принять императорскую корону из рук готов? При этом Велисарий подчеркнул, что хранит верность Юстиниану, а императорский венец может принять для отвода глаз, чтобы занять Равенну и прекратить войну. Полководец был опытным человеком и постарался оградить себя от возможных доносов. Его врагами были трое: Иоанн племянник Виталиана, а также двое армянских князей — Нарсес и Аратий Камсараканы. К ним присоединился по какой-то причине ромейский гот Бесс.

Большинство присутствовавших на совете военных и политиков высказалось, что варваров следует обмануть, и пускай Велисарий делает всё, что сочтет нужным.

Главнокомандующий немедленно отправил к Витигесу нескольких приближенных с сообщением, что может надеть корону, если готы впустят его в Равенну. Витигес изъявил согласие.

Византийский полководец, однако, медлил. Он не хотел ошибиться. Кроме того, Велисария мешали его враги — Иоанн, князья Камсараканы и Бесс. Они могли выдать все планы или как-то по-другому испортить игру. Поэтому Велисарий предпочел отослать всех четверых под разными предлогами, после чего поставил Витигесу ультиматум: тот должен впустить византийцев в Равенну немедленно. Витигес, уже морально надломленный, изъявил согласие.

С частью войск Велисарий двинулся по дороге среди болот, окружавших Равенну. Одновременно его флот пошел к Корабельной гавани, везя десантников и провиант. Варвары открыли ворота, и ромейские солдаты вступили в город. Прокопий тоже участвовал в этой процессии. Кесариенц вспоминает, что у него было странное чувство в тот момент: как будто свершалось нечто божественное. «Ведь готы и числом и силой намного превосходили своих противников, — пояснил историк, — и когда они были в Равенне, они не были побеждены в сражении и их мысли не были подавлены чем-либо другим; и тем не менее они оказались военнопленными людей гораздо более малочисленных». Велисарий подтвердил репутацию великого полководца, но он оказался еще и блистательным дипломатом. Он разгромил персов в битве при Даре, будучи совсем молодым человеком, позже захватил королевство вандалов, а теперь, будучи уже зрелым воином, подчинил Италию и вернул империи Рим.

Готы безмолвно склонили головы перед своими хозяевами. Жены варваров были удивлены. До них доходили сплетни, что византийцы — это сверхлюди. Оказалось, что нет, люди вполне обычные, даже мелковатые по сравнению с готами. Да и варвары на ромейской службе не отличались статью — все эти кривоногие болгары, сухошавые ливийцы, низкорослые носатые армяне — все они гораздо жиже и ниже хорошо откормленных, ладных готских вояк. Готы удивлялись — откуда берется героизм у этих мелких, плохо накормленных ромеев, почему они бросаются грудью на копья, по какому праву окружают вражеские армии и уничтожают красивых германских солдат?..

Готские женщины, вспоминает Прокопий, «плевали в лицо своим мужьям... и, указывая пальцами на победителей, упрекали их в трусости». Но дело было сделано.

Велисарий занял ключевые пункты Равенны, завладел ключами от ворот, а Витигеса посадил под арест. Впрочем, конунга держали в почете.

Видимо, византийский полководец имел точные инструкции базилевса на этот счет.

Готских воинов Велисарий разоружил и отпустил из Равенны. Они разошлись по окрестностям. «Таким образом, — пишет Прокопий, — уже вскоре ромеи оказались в безопасности, так как число их в Равенне сравнительно с готами было не меньше».

Затем Велисарий наложил руку на королевскую казну и расплатился со своими воинами, а остальную сумму приготовил для переправы в Константинополь.

Готы еще владели десятком крепостей в Северной Италии, но узнав, что Равенна пала, а Витигес схвачен, стали наперебой сдаваться.

Велисарий вел себя милостиво, грабить варваров запрещал и повсюду ставил ромейские гарнизоны. Только в Вероне и Павии держались готские отряды под началом Хильдебада (Прокопий называет его Ильдибадом). Это был племянник короля вестготов Тевдиса, у которого Витигес тоже просил подмоги. Видимо, Хильдебад привел из Испании небольшой отряд добровольцев. А может быть, изначально жил в Италии. Связи между западными и восточными готами были очень тесны.

Велисарий захватил в Равенне детей этого военачальника. Хильдебад тотчас прислал гонцов и выразил подчинение. Однако византийцев в Верону он не пускал под разными предложениями. Город остался последним островком готской свободы.

В Реции и Норике правили собственные конунги из племен баваров и ругов, но это уже не имело значения. Могущество Юстиниана достигло высшей точки. Это произошло в 540 году. Начиная с этого времени император и его империя будут терпеть многочисленные трудности и неудачи.

Что касается Велисария, то корону он, конечно, так и не надел. Честный вояка сражался за царя, Отечество и православие. Этого было довольно для славы, почестей и спокойной совести.

Так завершилась первая часть Готской войны. Это была битва, которую спланировал Юстиниан и блестяще провел Велисарий. Ромеи столкнулись с превосходящими силами готов, но сумели навязать Витигесу собственные условия войны, поставили конунга в безвыходное положение и заставили капитулировать.

Следует отдать должное тактике Велисария и стратегии Юстиниана. Император детально продумал кампанию, организовал снабжение экспедиционной армии и довел войну до победного конца. Казалось, империю ждет блестящее будущее.

Часть четвертая

ИМПЕРАТОР У СЕБЯ ДОМА

ГЛАВА 1. РАБОТА И ЗАБОТЫ

1. РАСПОРЯДОК ДНЯ

Благодаря Прокопию мы прекрасно осведомлены о военных успехах византийской армии. Но что известно о внутренней политике Юстиниана, о его жизни, об отношениях с родственниками? Да практически ничего. Наш главный источник — тот же Прокопий, который оставил два сочинения на тему внутренней политики: хвалебную оду «О постройках» и политический памфлет «Тайная история». Кодекс Юстиниана, бытовые египетские папирусы, отрывки из сочинений Иоанна Эфесского и других авторов дают еще меньше.

* * *

Каким был базилевс в начале первой Готской войны? Пятидесятидвухлетний Юстиниан оставался в прекрасной форме. Перед нами человек среднего роста, плотный, но не толстый, с широкой грудью и вьющимися волосами. Его шевелюру уже тронула седина, образовались глубокие залысины, которые император, однако, скрывал с помощью парикмахеров. Лицо оставалось свежим, на щеках играл здоровый румянец. Рабочий график Юстиниана оставался как всегда напряженным. «Доступ к нему был открыт для любого, и он никогда не гневался на тех, кто стоял перед ним или говорил не так, как подобает», — пишет Прокопий.

Юстиниан жил Большом дворце, который иначе назывался Священный Палатий. Точнее, в одном из комплексов Палатия, который именовался дворцом Гормизда и был расположен у берега моря. Это место Юстиниан занял давно, еще при жизни своего царственного дяди.

Здесь находилось всё необходимое: рабочий кабинет, зал для церемоний, столовая, баня. До наших дней Большой дворец не уцелел, в современном Стамбуле остались лишь руины. Впоследствии царские палаты не раз перестраивали. Из дворца вели переходы на ипподром, где император мог насладиться конскими бегами и пообщаться с народом.

Базилевс мало спал, вставал еще затемно или же на заре. Его одевали слуги. Если не предполагался официальный прием, одежда была проста: штаны, сапоги или сандалии, рубашка и накидка. К слову, штаны

были введены в моду гуннами и готами. До этого римляне обходились без них (драпировались в ткань и зашпицовывали ее в нужных местах фибулами), разве что зимой легионеры носили короткие рейтузы. Прокопий не устает ругать императора за «варварскую» манеру одеваться.

Еда казалась Юстиниану «делом второстепенным, навязанным природой». Кесариец утверждает, что император часто обходился без пищи по двое суток, «особенно когда наступало время кануна так называемой Пасхи». Неизвестно, лжет Прокопий или говорит правду. Может быть, он хочет показать своего героя бесплотным демоном и как раз по этой причине разглагольствует про еду? Вина император не пил. Он довольствовался водой и небольшим количеством диких овощей: одним словом, питался по-крестьянски.

Перекусив, царь направлялся в рабочий кабинет. Секретарь составлял для него график на день — кого принять, с кем провести совещание. Император не любил долго сидеть на одном месте. Во время работы он постоянно расхаживал взад и вперед: диктовал письма или указы, выслушивал доклады чиновников, беседовал с первыми лицами государства.

В числе главных докладчиков были Иоанн Каппадокиец, юрист Трибониан, а также эпарх Константинополя. Весь день императора проходил в таких встречах и совещаниях. Юстиниан вникал в малейшие тонкости управления империей и всё любил делать сам: диктовал письма, решал богословские споры, инспектировал строительство архитектурных объектов, давал указания, где возводить оборонительные линии и как совершенствовать крепости... Его упрекали современники и позднейшие историки: зачем обременять себя мелочами? Но это психология обывателя, а не трудолюбивого царя, который всю жизнь отдал служению великой державе.

Для отдыха Юстиниан мог выйти в сад, затем возвращался и снова работал допоздна. Ночью он часто заходил на женскую половину дворца, где жила Феодора. Вставал рано, и всё начиналось снова. Лыстецы называли его бессонным, удивляясь энергии, которой обладал император.

Царственные супруги — Юстиниан и Феодора — любили проводить время вместе. Они не только развлекались, но и решали государственные дела, распределяя роли между собой. Прокопий вспоминает, что базилисса покровительствовала «голубым» — венецам. Но иногда ее настроение менялось, венецов начинали преследовать. Юстиниан оставался над схваткой и выступал верховным арбитром.

«Голубых» преследовали не зря и не по случайной прихоти. После восстания «Ника» Юстиниан относился к цирковым партиям с удвоенным подозрением. Кроме того, вероятно, в число венетов записывались многие богачи, зная, что император покровительствует этой партии. Этим и объясняются репрессии, которым несколько раз подвергались венеты во время правления Юстиниана.

Большую роль в отношениях царя и царицы играл секс. По словам Прокопия, Юстиниан был ненасытен. Феодора умело пользовалась любовью мужа, чтобы протезировать своих людей. Дружбой с императрицей, например, гордилась жена Велисария — Антонина.

Иногда Юстиниан и Феодора совершали поездки по стране. Упоминаний об этом почти нет, так что трудно оценить цели и эффективность таких поездок. Однако из сочинения Прокопия «О постройках» видно, что базилевс знал толк в архитектуре, лично участвовал в проектировании оборонительных линий и давал дельные советы по укреплению отдельных крепостей. Конечно, всё это — результат деловых поездок, в которых царь набирался опыта.

* * *

Ясно, что Юстиниан желал быть в курсе всех дел и обладал феноменальной работоспособностью. Но каков был конечный результат? В этом историки расходятся. Многие до сих пор остаются в плену концепции Прокопия, который безжалостен к базилевсу. «Получив императорскую власть, — говорит Кесариец, — Юстиниан тотчас же сумел всё привести в расстройство».

Эмоций много, но что же случилось на самом деле? Кесариец утверждает, что главной целью Юстиниана было выкачивание денег у богатых и состоятельных. В этом — ключ к разгадке, хотя разные ученые понимают ее по-разному.

2. ЮСТИНИАН И ФЕОДОРА

Под стать царю была его жена Феодора, хотя ее поведение отличалось от образа жизни неприятельного и работоспособного мужа.

Феодора была изнеженной женщиной. Большую часть года царица проводила в загородных дворцах на берегу моря. Вследствие этого госслужащие должны были добираться к ней на аудиенцию с большими трудностями и терпели лишения, не получая изысканной еды, ванны и роскошных апартаментов для отдыха. «Но они, Юстиниан и Феодора, ни во что не ставили несчастья всех других людей, только бы им

самим можно было наслаждаться всякими удовольствиями», — сурово обличает Прокопий.

Юстиниан был доступен для просителей. «Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать с ним и по секрету говорить с ним». Не то Феодора. Чтобы получить аудиенцию у базилиссы, следовало похлопотать. Просители сидели у нее в приемной «в каком-то рабском ожидании, находясь всё время в узком и душном помещении». А не прийти было нельзя: это означало обратить на себя внимание, затем гнев, затем ненависть императрицы. Чиновнику казалось проще унизиться, отсидеть в приемной и удостоиться аудиенции.

«Все время стояли они (в этом коридоре) на цыпочках, каждый стараясь вытянуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы внухи могли его видеть, — брызжет сарказмом Прокопий. — Приглашались из них только некоторые, и то с трудом и по прошествии многих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и прикоснувшись краями губ подошвы ее ног».

Противоречий в этом сообщении множество, но мы уже привыкли к тому, что Прокопий хочет задеть не разум, но чувства читателя, чтобы вызвать ненависть к царю, царице и их окружению. Кого постоянно принимает Юстиниан, если чиновники толпятся в приемной императрицы? Когда бюрократы выполняют свои обязанности, если постоянно томятся в приемных? Почему не прийти смертельно опасно, если предстать перед Феодорой можно раз в несколько дней, да и то ненадолго? Логика в этих сообщениях ноль, зато сколько сарказма! Может, Прокопий передает собственный опыт общения с императрицей или руководствуется сплетнями, слухами, сообщениями своих знакомцев, которые тоже ненавидят Юстиниана и Феодору? И вправду, к сообщениям Прокопия принято относиться с полным доверием, но о многих вещах он не знал и знать не мог. Хотя бы потому, что в течение долгих лет состоял в Африке и Италии при Велисарии.

* * *

Прокопий уверен: царица была абсолютно безнравственна и хранила множество грязных тайн из своей прошлой жизни.

Одна сплетня, приведенная Кесарийцем, касается незаконного ребенка Феодоры. В молодости, до встречи с Юстинианом, она родила сына от одного из своих партнеров. Кесариец подробно рассказывает, как его героиня пыталась сделать аборт, но у нее ничего не вышло. Кто и когда осведомил об этом нашего автора — остается загадкой.

Так или иначе, ребенок появился на свет и получил имя Иоанн. Отец ребенка, араб, увез его в Палестину. Иоанн вырос, узнал, что его мать стала императрицей, и прибыл в Константинополь после смерти отца.

Феодоре доложили, что к ней приехал сын Иоанн. «Каким образом этот несчастный исчез впоследствии из числа людей, этого сказать я не могу, и никто с тех пор не видел его, даже после смерти императрицы», — пишет Прокопий. Правда это или нет, сказать сложно. Зато Кесариец пускается в пространные рассуждения о том, что все вышеперечисленные события способствовали падению нравов... чем отвлекает читателей от законных вопросов: откуда он взял все эти сплетни и всю чепуху, о которой идет речь на страницах «Тайной истории»?

Феодора, по мнению Кесарийца, постоянно издевалась над действующим византийским законодательством.

«У нее собирались судьи и она сама выбирала таких, которые готовы были драться между собой из-за того, кто из них больше других способен понравиться императрице, подавая свое мнение, бесчеловечностью своего приговора». То есть велся отбор грамотных юристов; результат был один. «Состояние человека, попавшего в... беду, она тотчас конфисковала, а его самого, подвергнув самому позорному наказанию, хотя бы он с древних времен принадлежал к знатнейшим фамилиям, она считала вполне допустимым для себя или наказать изгнанием, или казнить».

И снова — знать, богачи, «уважаемые люди» — жертвы террора. Всё это из-за вздорного мстительного нрава Феодоры? Или мы имеем дело с последовательной системой уничтожения правящего класса, верхи которого постоянно плетут заговоры с целью устранить Юстиниана и Феодору, распространяя вздорные слухи о базилиссе-проститутке и безголовом царе?

Прокопий не унимается. Ему нужны примеры, но их мало. Вот еще один. «Был некий патрикий, человек престарелый и долгое время занимавший высшие должности. Имя его я хорошо знаю, но здесь не назову, чтобы не увековечить вместе с его именем нанесенную ему обиду». Он одолжил много денег одному из

приближенных Феодора, но получить долг назад никак не мог. Тогда пострадавший явился к императрице, чтобы пожаловаться на должника. Феодора приняла патрикия, но приказала евнухам явиться на аудиенцию и быть начеку. Просителя ввели в гинекей (на женскую половину дворца). Патрикий почтительно поклонился и «голосом, дрожащим от слез», сказал:

— О, владычица! Трудно для человека моего звания нуждаться в деньгах. Прибегая к тебе, умоляю и прошу помочь мне в моем справедливом деле и избавить меня от гнетущих бед.

Феодора «звучным голосом ответила ему»:

— О, патрикий!..

А хор евнухов подхватил следом за нею:

— Какая у тебя обширная грыжа!

«Вновь этот человек стал умолять ее и произнес речь, приблизительно такого же содержания, как я привел выше, но женщина ответила ему так же, как и раньше, и хор, как и раньше, подхватил ее слова, пока, наконец, этот несчастный, отказавшись от своего намерения, не совершил перед ней обычного поклона и не ушел домой». Не совсем понятно, что перед нами: простая дворцовая сплетня из разряда баек про «императора без головы» или реальное событие?

Понятно, что выскочка Феодора с наслаждением издевается над аристократами, которым жилось в ту эпоху несладко. Но это — часть системы, которую она насаждала вместе с Юстинианом.

Больше всего император и его жена боялись новой попытки переворота, как в дни восстания «Ника». Поэтому «выслушивалось бесконечное количество наветов, и уже готов был суд о низвержении существующего порядка». Причем боялись отнюдь не простолюдинов. Сам император, по мнению Кесарийца, оставался одним из них — мужиком, варваром, выскочкой, который даже грамотный канцелярский документ составить не может. Однако «выскочка» и его жена так блестяще наладили работу по обезвреживанию политических преступников, что восстание «Ника» стало первым и последним (если не считать этнических и религиозных бунтов на окраинах, но это другое). Они снова и снова трудились, чтобы улучшить управление империей.

3. БУДНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

Базилисса пыталась вмешиваться в общественную жизнь. Например, боролась с проституцией, но даже это вызывает нарекания Кесарийца. Мы видим, что в начале правления царица собрала полтысячи женщин легкого поведения, «которые для скудного пропитания зани-

мались открыто развратом по 3 обола, за гроши, посредине площадей», всхлипывает Кесариец от сострадания. Феодора отправила их на противоположный берег Босфора в специально созданный «монастырь раскаяния».

Это было нечто вроде трудовой коммуны. Заключение проституток в ее стенах, базилисса хотела приучить их к труду. Результат, пишет Кесариец, оказался обратным. Некоторые из падших женщин «ночью кинулись вниз с высоты и этим избавили себя от этой принудительной и нежелательной для них перемены жизни». Хочется спросить: ну и что? По мнению свободомыслящих людей, желание Феодоры оздоровить общество путем изоляции путан преступно. Чем помешали ей бедные женщины, торгующие телом на улице? Между тем проституция — страшное социальное зло. Прокопий или не понимает этого, или всё понимает, но специально лжет. В первом случае он глупец, во втором — враг политического режима, каких, видимо, немало окопалось в среде византийских чиновников.

...Феодора не могла похвастать железным здоровьем. Бурная молодость дорого обошлась базилиссе. Поэтому она много отдыхала и часто ездила на курорты. Это не означает, что царица отправлялась в путешествие раз в квартал. Но для того времени и ежегодное путешествие на воды считалось событием. В 533 году царица ездила «на теплые Пифийские воды», как пишет Феофан Исповедник. Ее сопровождал епарх Константинополя и целый двор в 4000 человек. Это можно назвать роскошным выездом, но можно посмотреть и иначе: Феодора не хотела прерывать работу даже во время поездки на отдых. Царица воспользовалась выездом также для благотворительности. Она инспектировала «социальные учреждения» — церкви, монашеские обители и странноприимные дома. Им всем оказали щедрую помощь.

Перед нами — часть трудов базилиссы, и нужно оценить это. Феодора не была столь ленива, бездушна и бездеятельна, как описывает Прокопий. Может быть, этот вывод покажется слишком смелым, но мы вновь и вновь видим одно и то же: Юстиниан и Феодора оказываются на стороне престолярства и беспощадно расправляются с заворовавшимися представителями элиты. В этом смысл их деятельности.

Конечно, такую борьбу можно высмеять, уподобить войне с ветряными мельницами и вообще всячески ошельмовать. Ведь обуздать коррупцию в пределах империи оказалось им не по силам. Но это не значит, что такую борьбу вести не нужно.

4. ЗАКОНЫ И РЕФОРМЫ

Император видел, что административная система неэффективна. Она унаследована от времен **Диоклетиана (284—305)**, который создал множество мелких провинций, раздробив крупные. Кроме того, Диоклетиан разделил гражданские и военные функции провинциальных правителей. Это должно было уберечь империю от восстаний. Однако время показало, что восстаний и мятежей меньше не становится, зато расходы на бюрократический аппарат значительно возросли. Кроме того, ухудшилась управляемость территориями. Их стало слишком много. Диоклетианом также была создана уродливая система административных надстроек. Несколько провинций объединялись в диоцез (нечто вроде генерал-губернаторства). Диоцезы, в свою очередь, входили в еще более крупные образования — префектуры. Стройная бюрократическая система должна была улучшить управление страной, но в итоге административная реформа привела к росту взяточничества и воровства из государственного бюджета. Императоры теряли контроль над управлением. В этом — одна из причин гибели Гесперии. Административная реформа Диоклетиана полностью провалилась, как и другие его начинания.

Юстиниан ненавидел коррупцию. Первым делом он регламентировал «обычай» (внесение платы за диплом о назначении на должность) и вовсе отменил *суффрагий* — узаконенную взятку за получение должности, которую давали начальникам, осуществлявшим назначения. Всем было понятно, что чиновник, плативший *суффрагий*, попытается компенсировать затраты за счет взяток и воровства сразу после вступления в должность. С этим уродливым наследием императорского Рима попытались покончить. Взнос за получение диплома составил фиксированную сумму, *суффрагий* упразднили вообще. Соответствующий закон издали в 535 году.

Затем Юстиниан начал укрупнять провинции. Это позволило усилить контроль за губернаторами. Две-три маленькие провинции сливались в одну большую. Соответственно, губернатор такой области получал большее жалование. Это должно было стимулировать его к честности. В 536 году были слиты в одну область Македония и Дардания в Европе, Пафлагония и Гонориада — на западе Малой Азии, Еленопонт и Полемонов Понт — на востоке полуострова. Ту же операцию проделали с провинциями Ливии. Юстиниан действовал обдуманно, чтобы не вызвать мятежей и не ошибиться с выбором чиновников. Поэтому укрупнение началось в порядке эксперимента на границах страны.

Впоследствии реформа заглохла, но время показало, что Юстиниан был прав. Уже в период арабского нашествия территорию Ромейской империи поделили на *фемы* — крупные области со стратегами во главе, сосредоточившими военную и гражданскую власть. Но это в будущем.

Покамест на повестку дня встал другой вопрос: как управлять заморскими территориями — Африкой и Италией, которые были только что завоеваны? Юстиниан доверил управление префектам с широкими полномочиями. Это были вице-короли, которые соединяли военную и гражданскую власть. Так были созданы Равеннский и Карфагенский экзархаты (впрочем, считается, что названия *экзархов* возникли уже после Юстиниана, но это не меняет сути). С одной стороны, может показаться, что Юстиниан — ярый сторонник централизма и жесткой верховной власти, и это правильно. Однако в случае необходимости он делегировал полномочия чиновникам, предоставляя им большую степень свободы. Фактически экзархаты были полуавтономными областями в империи.

Управление заморскими провинциями царь предпочитал отдавать евнухам или пожилым людям, верность которых была гарантирована. После окончательного завоевания Италии этой страной будет управлять скопец Нарсес, в Африке долгое время командовал евнух Соломон, испанской экспедицией, о которой мы еще расскажем, руководил престарелый римский патриций Либерий.

Преобразования коснулись не только гражданской сферы. Сведения о некоей «военной реформе» Юстиниана содержатся у Прокопия, но историк не поясняет, что он имел в виду. Мы можем лишь сделать выводы, что Юстиниан укрупнил командование. До него цари были крайне подозрительны. Они боялись не поражений, а сосредоточения командования в одних руках. Десятки военачальников сражались на границе и терпели неудачи, зато император мог считать себя в безопасности от военных бунтов: армия разделена. В начале правления Юстиниана мы видим то же самое, и результатами становятся поражения от персов.

Моментом истины стала битва при Каллинике, когда византийская армия потерпела неудачу из-за отсутствия единого командования. Вероятно, на этот факт обратил внимание базилевса молодой тогда Велисарий. Поэтому сам Велисарий не понес наказания, а, напротив, получал единое командование на разных фронтах — на Востоке, в Африке и Италии. Повсюду он одерживал победы и доказывал эффективность единого руководства. Может быть, это уникальный случай?

Нет. Единой армией командует Ситта в Армении, Герман на Балканах, молодой Юстин (сын Германа) в Колхиде, Иоанн племянник Виталиана — в Иллирии. Другой вопрос, что эти командиры далеко не всегда оказывались самостоятельны в своих решениях. Их ограничивал военный совет, но такой совет — распространенная армейская традиция, дожившая до нового времени.

Кесариец упрекает императора в том, что он ведет частые войны, а в случае их неудачи покупает мир у варваров. Вот куда идут деньги «безвинно пострадавших» сенаторов и латифундистов!

«Завладев состоянием очень многих богатых людей, он устремлялся к новым грабежам, тотчас же раздав прежнее тем или другим из варваров или истратив богатства прежней своей добычи на безумное строительство. Предав смерти без всякого основания десятки тысяч, он тотчас начинал злоумышлять против большего еще числа», — злобствует Кесариец.

Это обвинение столь же вздорно, как и другие. Империя давно платила дань окрестным народам, если не хотела с ними воевать. Некоторые современные ученые даже оправдывают такую политику. Например, Эдвард Люттвак утверждает, что дань окрестным народам была выгодна для ромеев. Она оседала у варварских вождей, те покупали у византийцев предметы роскоши. Так что золото возвращалось в имперскую казну, а имперские мануфактуры получали стимул для развития производства.

С этим выводом нельзя согласиться, он слишком модернизирован. Люттвак — разведчик на американской службе, ветеран «холодной войны». У него перед глазами практика современного американского правительства, которое тоже часто подкупало «варварские племена», а потом возвращало деньги с помощью интенсивного товарообмена. Одним из результатов такой политики стал дефицит бюджета США, который достиг огромных размеров.

Дипломатия Византии была затратной, но каких результатов добился базилевс? С помощью взяток он постоянно натравливал друг на друга враждебные племена: кутургуров и утургуров, «склавинов» и антов... Прокопий упрекает царя: мол, зря расходовалось золото ромейских налогоплательщиков. Но он не прав: это была плата за безопасность.

Правда, Кесариец достаточно умен для того, чтобы просто разбрасываться обвинениями. Он действует тоньше. По его мнению, Юстиниан

вовсе не обезопасил границу. Он заключил мир только с главными вождями, но те продолжали посылать мелкие банды на византийские земли. К тому же среди варваров распространились слухи о безмерной щедрости императора, и они стали вторгаться в империю. Юстиниан откупался от этих врагов, но они опять же посылали в набеги свободные шайки грабителей, говоря, что эти люди действуют без их ведома. Это означает всего лишь, что на границах империи было неспокойно, приходилось вести постоянные войны для защиты ромейских подданных. Однако с этой задачей Юстиниан поначалу справлялся успешно...

Гораздо больше известно о церковной реформе императора, тем более что сведения о ней сохранились в законодательстве. Оно тщательно фиксировало права и обязанности церковников. Разумеется, это не может быть случайным. Раннехристианская Церковь охватывала всё общество. Императоры присутствовали на соборах и живо участвовали в религиозных дискуссиях. Вскоре эта практика прекратилась, но Византия всегда оставалась страной, в которой небесное и земное переплелись в тесный клубок. Монахи занимали государственные должности, да и вообще уход в монастырь не означал полной оторванности от мира. Всё зависело скорее от конкретного монастыря. Люди увлеченно спорили по богословским вопросам, Царствие Небесное казалось чем-то близким, почти осязаемым. Всюду происходили чудеса. Святые мощи кровоточили и мирносили, хворые исцелялись от прикосновений к иконам, в небе витали кресты и ангелы. Люди жили среди снов и фантазий. Всё это способствовало слиянию светской и духовной частей государства. Общество как церковная община — вот принцип тогдашней Византии.

Однако монашество появилось в империи относительно недавно, лет за сто до рождения Юстиниана. Четкой организации не существовало, бродячие монашеские общины и отдельные граждане в клубках скитались по дорогам империи, вели пропаганду, кто-то отправлялся в монастыри, но и там не было ни устава, ни четкого порядка. Церковь лишь создавалась, и многие правила придумывались на ходу.

Четырнадцать законодательных новелл Юстиниана были посвящены вопросам церковного права, и для византийцев это выглядело нормально. Впоследствии западные историки смеялись над этим, но зря. Непонятное — не значит неправильное. Просто Византия развивалась по-другому, чем Запад.

Верховной властью в стране была власть императора. Поэтому Юстиниан требовал, чтобы все выборы высшего духовенства утверж-

дались царем. Это касалось и выборов римского папы. Юстиниан законодательно утвердил церковную иерархию. Патриархи назначали митрополитов, митрополиты — епископов.

Епископом мог стать мужчина не моложе 35 лет — либо неженатый, либо женатый, но бездетный. То есть сам император, например, идеально попадал в эту категорию. Однако после принятия сана епископ должен был оставить жену и беспокоиться лишь о своей пастве. До Юстиниана некоторые пастыри не оставляли своих семей, так что правило было новым.

Епископа выбирала местная церковная община: налицо элемент самоуправления. После избрания составлялся акт, который скрепляли своими подписями участники собрания. Затем епископа *хиротонисал* (рукополагал, приобщая к божественной стороне власти) старший по званию наставник — митрополит.

Епископ должен безвыездно обитать в своей епархии среди избравших его людей. Отлучаться в столицу он мог разве что по приказу императора, да и то требовалось разрешение митрополита. А для аудиенции с царем нужно было просить позволения у самого патриарха. Короче говоря, с демократичностью ранней Церкви было покончено. Это делалось постепенно, окончательный свод церковных правил оформился в 550-е годы.

Права епископов были довольно широки. Церковные иерархи давали разрешение на строительство монастырей, участвовали в надзоре за тюрьмами, заботились о благосостоянии узников, надзирали за больницами и приютами. Архиереи следили за ценами на рынках, особенно на продовольствие. Никто в империи не должен был обогащаться несправедливым путем, с одной стороны, а с другой — голодать. Церковники следили за соблюдением нравственности, за содержанием публичных зрелищ и, между прочим, наблюдали за тем, чтобы никто не смел принуждать женщин к занятию актерской профессией. Возможно, в этом последнем пункте мы видим руку Феодоры. Императрица хорошо помнит, как из нее сделали падшую женщину, и не хочет, чтобы другие представительницы прекрасного пола шли по пути порока. Епископы контролировали судебную власть: наблюдали за отправлением правосудия в епархии и за соразмерностью наказания за преступления.

Итак, император возлагал на церковников заботу о нравственном здоровье общества. Кроме того, Церковь играла роль министерства социальной политики, только справлялась со своими функциями гораздо лучше министров. Юстиниан жаждет создать систему противо-

весов, когда одна власть контролирует другую. Византия приобретает черты теократической монархии...

Базилевс не ошибся, церковники его действительно поддержали и много поработали для того, чтобы империя обрела стабильность. Ведь стабильность кроется не только в экономике и политике, но прежде всего — в головах. Роль Церкви как целителя социальных недугов и объединителя общества была велика. Правда, со временем церковники слишком усилились, и это привело к конфликту во времена императоров-иконоборцев. Но конфликт произойдет гораздо позже, в VIII веке.

Таковы были первые и самые экстренные мероприятия Юстиниана по укреплению режима.

5. СВЯТАЯ СОФИЯ

Кроме того, император искал способы направить энергию масс в нужное русло. По Льву Гумилеву, Византия тогда переживала бурное время акматической фазы этногенеза. Это «фаза перегрева», когда социальную и этническую систему может разорвать из-за внутренних конфликтов. Но если поставить ясные задачи (например, Крестовый поход, или индустриализацию страны, или возрождение империи, или что-то еще), можно направить энергию общества на созидательные цели и избежать ее растраты во внутренней борьбе. Именно такую операцию и осуществил гениальный византийский император.

Внутри царства Юстиниан развил бурное строительство. Тем самым он предоставил десятки тысяч рабочих мест своим согражданам. Крепости, ипподромы, форумы, храмы... Подробнейший перечень возведенных сооружений можно найти в хвалебном трактате Прокопия Кесарийского «О постройках». Трактат неоценим для историка, но написан скучно. Это путеводитель по строительным объектам.

Он проникнут такой лезвостью по отношению к Юстиниану, что некоторые ученые выдвинули гипотезу: Кесариец попросту смеется над базилевсом. Разумеется, это не так. Прокопий льстит, зарабатывает деньги, рассчитывает на повышение по службе. Это вполне нормальное состояние для чиновника. А в это время «Тайная история» ждала своего часа, и в ней появился другой Юстиниан — безголовый демон, блуждающий ночью по переходам дворца.

Что касается зданий и сооружений, то самым знаменитым из них стал собор Святой Софии. Прежний храм с тем же названием был раз-

рушен во время мятежа «Ника». Юстиниан поклялся возвести на месте сожженного собора другой, краше прежнего, и — сдержал слово. Так появилась знаменитая София. В то время храмы играли роль не только «порталов» для общения с Богом, но и мест, в которых человек получал психологическую разгрузку. Поэтому они были сказочно красивы. Но только внутри. Снаружи храмовая архитектура VI века выглядит убого. Достаточно взглянуть на церковные сооружения Равенны, которые показывают туристам, или на древние православные церкви Афин и Стамбула. Потемневшая каменная кладка старинных приземистых зданий навеивает тоску и мысли о безрадостной жизни ромеев в те далекие времена. Но роскошь и изящество внутреннего убранства компенсируют это состояние.

Святая София более грандиозна, чем храмы Равенны. Однако настоящее понимание красоты и «воздушности» этого здания можно составить, только рассмотрев его изнутри. В течение пятисот лет роспись Софии была скрыта от глаз, потому что после взятия Константинополя османами православный храм превратили в мечеть. Мусульманам же, как известно, воспрещается изображать людей и животных. Лишь после того, как власть в Турции захватили масоны-просветители во главе с Ататюрком, Софию превратили в музей, со стен соскребли лишнюю штукатурку, и роспись вновь стала достоянием людей.

...Итак, Юстиниан принялся восстанавливать сгоревший храм, но по сути воздвиг нечто новое. Не сумев завершить социальную революцию в империи, он произвел революцию в зодчестве. Царь подобрал главного архитектора проекта. Им сделался Анфимий (Антемий, если произносить его имя на «западный» манер) из Тралл. Это был человек, «в искусстве так называемой механики и строительства самый знаменитый не только из числа своих современников, но даже из тех, кто жил задолго до него», пишет Прокопий. Вместе с Анфимием работал другой архитектор, Исидор из Милета. Оба строителя оказались нестандартно мыслящими людьми и представили императору смелый архитектурный проект, который был утвержден.

Главное здание вытянулось на 77 метров в длину и 71,7 метра в ширину. С западной стороны к нему примыкал двор, окруженный портиками. Между двором и храмом расположен высокий притвор, из которого девять дверей ведут внутрь храма. Центр здания — это квадрат с двумя полукружиями к западу и востоку; боковые *нефы* («корабли») отделены от него роскошной колоннадой. Но главное украшение — купол Софии, пронизанный светом и расписанный лучшими мастерами

Византии. Первоначально купол составлял 31 метр в диаметре. Он возвышался на двух арках, которые опирались на четыре столба. Камни столбов были связаны железом и уложены на свинцовых листах, чтобы уберечь постройку от землетрясений. Дабы облегчить тяжесть купола, использовали особые кирпичи из пористой глины с острова Родос. Решение было новаторское: воздушным, невесомым куполом заменили обычный свод, угнетающий прихожанина.

Царь лично руководил работами и каждый день появлялся на стройке. Юстиниан отправил приказ правителям провинций — разыскивать лучшие материалы и доставлять в Константинополь. Находились богатые жертвователи. Римская патрицианка Марция прислала из Италии восемь порфировых колонн из храма Митры, построенного при императоре Валериане. Из Эфеса доставили восемь монолитных колонн зеленого мрамора. Не переставая работали каменоломни Кизика, Афин, Спарты, египетских провинций. После возвращения Африки в эту страну были посланы специалисты по добыче мрамора.

Для убранства храма не жалели золота и драгоценных камней. Купол и стены были украшены картинами и мозаиками на библейские темы. Одна из картин изображала Константина Равноапостольного, который преподносил Богородице столичный город. Рядом находилось изображение Юстиниана, который передавал Богородице храм. Алтарные ворота были выполнены из серебра, а престол — из чистого золота. Стоимость сооружения не поддавалась подсчетам. Говорили, что когда фундамент Софии поднялся над землей, стоимость строительства составила в 432 кентинария золота, а всего объект обошелся в 3200 кентинариев, но это преувеличение. Заметим только, что все затраченные средства остались внутри империи, а сам император смог обеспечить работой огромное количество населения. В Константинополь съехалось большое количество пролетариев из провинции и заселило город после резни «Ника». Это уже не был старый бездельный плебс. Перед нами — труженики, которые возводили сказочный храм, обеспечивали едой и одеждой его строителей, организовывали транспортные перевозки...

По ходу строительства возникла масса проблем. Когда возводили купол, опоры треснули, не выдержав тяжести. Архитекторы поспешили к Юстиниану и готовы были уже отказаться от своего замысла, но император прекрасно понимал, что купол — главное украшение Святой Софии. Подумав, царь дал указание продолжить строительство и довести до конца главную арку.

— Она, — говорил Юстиниан, — поднимаясь на собственном своем основании, не будет нуждаться в подпирающем ее постаменте.

Об этом вспоминает Прокопий и оговаривается: «Если бы мой рассказ не имел за собой свидетелей, я уверен, что меня сочли бы льстецом и не заслуживающим никакого доверия, но так как есть много свидетелей случившегося тогда, то мне нечего бояться окончить свой рассказ». Ясно, что базилевс хорошо знал физику, математику и инженерное дело.

Потом стали рушиться колонны — из них выпадали маленькие камни, «как будто их кто выскабливал». Архитекторы вновь собрались на доклад. Юстиниан велел снять верхние части колонн «и вновь поставить много позднее, пока не исчезнет совсем влажность постройки над ними». Инженеры выполнили приказ, строительство продолжалось.

Софию возвели в рекордно короткие сроки. Мы знаем, что готические соборы в мелких европейских герцогствах строились веками. Юстиниан возвел храм за пять лет, 11 месяцев и 10 дней, считая со дня пожара.

Результат превзошел ожидания. Внешне храм выглядел довольно заурадно. Обычный артефакт раннероманской архитектуры, образцы которой раскиданы по Средиземноморью. Но внутри это был настоящий шедевр. Весь секрет заключался в том самом воздушном куполе, о котором мы говорили. Купол словно уходил к небу. Он оставлял много воздуха, внутри храма играл свет, который врывается через хорошо спланированные прорези окон. Пространство не угнетало верующего, но возвышало его. Это был триумф Бога и одновременно триумф Личности, возносящейся к Божественному. Юстиниан не подавлял человека, но хотел возвысить его до уровня Божества.

Освящение храма было совершено 27 декабря 537 года. Юстиниан приехал из дворца на колеснице, запряженной четверкой коней. На площади Августеон, перед храмом, царя встретил патриарх с клиром. Пройдя через двор, Юстиниан вступил в церковь через средние двери, утратил подобающую солидность и подбежал к амвону в полном восторге от увиденного. Убранство храма сверкало драгоценностями и золотом. Насладившись этим зрелищем, Юстиниан поднял руки к небу и воскликнул:

— Хвала Богу, удостоившему меня докончить такое дело! Я победил тебя, Соломон!

Византийский царь был всего лишь человек, поэтому обладал невероятным тщеславием. Превзойти строителя иерусалимского храма,

мудреца Соломона — что может быть почетнее для православного государя?

Тщеславие касалось не только Святой Софии: император часто называл города в свою честь и в честь жены. Это наследие эллинизма, когда Александр Великий назвал полтора десятка городов в честь себя, и несомненно — черта революционной натуры.

Но вернемся к Святой Софии. Описание храма делали много раз — сперва Прокопий и один из поэтов времен Юстиниана — Иоанн Лид, а в новое время — такие талантливые историки, как Ю. Кулаковский и Ш. Диль. Повторяться нет смысла. Тем более что современный Стамбул — Константинополь — доступен для туристов, а мечеть Айя-София открыта для посещений гяуров. Приведем свидетельство Прокопия.

«Этот храм представлял чудесное зрелище, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем — совершенно невероятным, — пишет Прокопий. — В высоту он поднимается как будто до неба и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его частью и входя в его состав, он настолько выдается над ним, что с него можно видеть весь город, как на ладони. Его длина и ширина так гармонично согласованы, что его вообще нельзя назвать ни очень длинным, ни сверх меры широким. Несказанной красотой славится он».

Через несколько лет купол Софии обрушился из-за невероятной силы землетрясения. После реставрации его пришлось уменьшить, чтобы дать запас прочности. Этот запас оказался столь велик, что Святая София до сих пор возвышается в Константинополе, и лишь нелепые минареты портят архитектурный ансамбль древнего храма.

6. ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Святая София была самым ярким образцом строительной деятельности императора, но отнюдь не единственным. Прокопий указывает, что церковное строительство велось невероятно интенсивно по всей империи. Произошел взлет архитектурного творчества.

Царь велел построить «множество» храмов, на которые ушло немало золота, мрамора и иных ценностей. Опять же отметим, что это был отличный способ организовать общественные работы для занятости пролетариата. Юстиниан пытался найти решение социальных проблем, занять людей и дать им подзаработать. Труд на стройках был выгодным делом для граждан империи.

Строили много. Прокопий перечисляет массу церквей, базилик, монастырей, больших храмов. Их нужно было украшать, и мозаичные картины византийских мастеров до сих пор удивляют ценителей. Византийцы, находившиеся в стадии «пассионарного перегрева», породили огромное количество творческих людей, каждый из которых хотел получить известность — будь то полководец Велисарий, финансист Иоанн Каппадокиец, юрист Трибониан, церковник Иоанн Эфесский, писатель Прокопий, архитектор Анфимий, военный инженер Хрис. Сохранились имена лучших, но прославиться хотел каждый второй. Десятки и сотни художников, зодчих, писателей, даже монахов конкурировали между собой. Последние хотели обрести славу с помощью религиозного подвига. Например, во времена Юстиниана появился Симеон Столпник Младший, который жил и молился на одном из столпов в Сирии. Он делал это не только ради благочестия, но и ради славы. Результат оправдал себя: имя Столпника известно даже через полторы тысячи лет после его смерти.

Современные историки единодушно отмечают небывалый подъем искусств и наук при Юстиниане. Можно согласиться с авторами академической «Культуры Византии», увидевшей свет в последние годы СССР: мы имеем дело с настоящей «культурной революцией».

Не забывал царь и о собственном жилье. Дворец Гормизда, в котором он жил еще во времена императора Юстина, будущий базилевс велел перестроить сообразно своему вкусу — красиво и комфортно. После восшествия на трон Юстиниан соединил дворец Гормизда с комплексом зданий Священного Палатия, чтобы не переселяться в новые покои, а рядом с дворцом приказал возвести церковь апостолов Петра и Павла. Неподалеку возник великолепный храм «во имя славных святых Сергия и Вакха», а также церковь апостолов Андрея, Луки, Тимофея. Церковники нашли тела самих апостолов, которые до этого найти никто не мог. Когда каменщики разрушили фундамент старого храма, «перед ними явились три деревянных гроба, оставленных прежде, по-видимому, без внимания. По находящимся на них надписям было ясно, что это тела апостолов Андрея, Луки и Тимофея. С радостью увидели их и сам император, и все христиане; было назначено в честь их торжественное шествие и служба», — сообщает Прокопий. Подобными «чудесами» Юстиниан укреплял собственную власть и духовный авторитет.

Новые храмы были восхитительны. Архитекторы и художники брали за образец собор Святой Софии, пытались повторить его архитектурные формы в малых строениях. К слову сказать, в церкви Апостолов

стало принято хоронить царей Византии. Впоследствии, во время Четвертого крестового похода, западные рыцари разрушили этот столичный мавзолей и раскидали кости (видимо, руководствуясь соображениями, что «мертвецы должны покоиться в земле»).

В одной только столице мы видим 21 храм плюс грандиозное сооружение Святой Софии. Много строили и в провинциях. Об этом говорится в сочинениях Малалы, Евагрия Схоластика, Феофана... Сам Прокопий перечисляет несколько церквей на Балканах и в Малой Азии, но бросает это бесполезное занятие и говорит, что количество возведенных храмов не поддается исчислению. Впрочем, строительная деятельность Юстиниана далеко не ограничивалась храмами.

Император полностью отстроил кварталы столицы, пострадавшие в результате мятежа «Ника». Был восстановлен дворцовый квартал Халка и Арсенал, а вне дворца — бани Зевксиппа и все строения на площади Константина, примыкавшие к ним. В огне восстания пострадала также площадь Августеон, на которой стоял старый храм Святой Софии. Напротив храма располагалось здание римского сената. Юстиниан полностью восстановил его и богато украсил.

Об украшении столицы Прокопий говорит долго и обстоятельно. Приморские кварталы Константинополя превратились в огромную строительную площадку. Тут возведены бани, там — портики для отдыха, здесь — воздвигнуты прекрасные статуи, которые наш автор сравнивает с произведениями Праксителя и Лисиппа. Среди памятников есть даже статуя базилиссы Феодоры от благодарных горожан. «Статуя очень красива, но уступает красоте самой императрицы», — бессовестно льстит неутомимый Прокопий.

Отдельный рассказ — о водопроводах, с помощью которых Юстиниан решал проблемы санитарии. Византийцы любили ходить в бани, были чистоплотны и тратили много воды. Для снабжения влагой сотен тысяч жителей требовалось множество акведуков. Проблема была вот в чем: в жару пересыхали источники, и Константинополь оставался без питья и мытья.

Изобретательный император придумал выход. Он обратил внимание на одну из дворцовых галерей, которая была расположена на скалистой породе. В этой галерее работали юристы-риторы. Император выселил сутяжников, а галерею превратил в цистерну, в которой накапливались запасы дождевой воды. Кроме того, в городе было устроено еще несколько цистерн. Некоторые из них сохранились до нашего времени. Проблема водоснабжения столицы была решена.

Наконец, базилевс обратил внимание на недостаточную защиту константинопольских гаваней от штормов. Посоветовавшись с инженерами, он поставил задачу нарастить берег и соорудить искусственную гавань. В трактате «О постройках» Прокопий восхваляет это решение, а в «Тайной истории» — порицает. По мнению Кесарийца, работа оказалась напрасной, потому что море постоянно разрушало искусственные дамбы, и огромное количество денег пропало впустую.

Константинополь был очень оживлен: сюда съезжались рабочие, мелкие торговцы, ездили по делам крестьяне. Чтобы вместить всех, Юстиниан по совету Феодоры выстроил несколько громадных гостиниц и общежитий. Страсть к украшательству соседствовала в царе с прагматизмом. Он не витал в облаках, пытаясь сделать жизнь лучше, а брался и делал, хотя получалось, конечно, далеко не всё. Но и достигнутым результатом царь мог бы гордиться. Еще раз уточним: Прокопий описывает в основном столичные храмы и дворцы, но деятельность Юстиниана далеко выходила за рамки константинопольских стен.

7. ХРИС — ГЕНИЙ ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛИ

Империя постоянно воевала, на одних фронтах защищаясь, на других — нападая. В обоих случаях требовалось строительство укреплений — для складирования припасов, отдыха солдат, наблюдения за территорией. Юстиниан возводил крепости с большим рвением, чем храмы. По его мысли, империя должна была оградиться от неприятеля мощным поясом укреплений.

Император хорошо разбирался в инженерном искусстве и давал ценные указания. Его помощником был военный инженер по имени Хрис. Этот человек обладал большим опытом, понимал царя с полуслова и возвел по его приказу много оборонительных сооружений. Инженер подробно писал императору о своих работах, сопровождая письма чертежами. Однако до многих вещей царь додумывался сам — у него всегда перед глазами были архитектурные проекты важных сооружений, возводимых в разных уголках страны. Царь и его главный инженер удачно дополняли друг друга. Скажем без преувеличения: имя Хриса достойно занять место рядом с такими военными деятелями эпохи Юстиниана, как Велисарий и Нарсес.

Хрис и Юстиниан планировали всю систему укреплений на Востоке, причем выступали как равноправные партнеры. Юстиниан определял стратегию, выстраивал оборонительные линии на карте с учетом местности и в то же время участвовал в проектировании отдельных

крепостей: где-то предлагал решения по сужению площади обороны, а где-то, напротив, расширял маленькие форты и превращал их в мощные крепости. Строительство шло не ради строительства: учитывались конкретные условия и особенности рельефа, а также важность каждого укрепления для обороноспособности страны.

Главных линий крепостей было три: в Армении, Месопотамии, на Дунае. Египет и Киренаику защищали пустыни, поэтому Юстиниан не занимался строительством укреплений в этом регионе. Византийская Африка, напротив, получила много новых крепостей. В Испании укрепления остались прежними, как и в Италии, которую до конца правления Юстиниана терзали войны.

Армении базилевс уделял пристальное внимание. Здесь он отстроил мощную линию от Трапезунда до излучины Евфрата.

Южнее, в Месопотамии, византийцы тоже возвели сильную оборонительную линию. Особо Юстиниан позаботился об укреплении Анастасиополя (Дары). Дело в том, что во времена Анастасия крепость возвели наспех (не обошлось и без воровства), так что стены вскоре стали разваливаться. К тому же они были низки. Следовало исправить оплошность архитекторов. Хрис и Юстиниан попытались превратить Анастасиополь в неприступное место, откуда византийцы постоянно угрожали бы персидской границе. Зубцы прежних стен дополнили новой каменной кладкой, окна превратили в узкие амбразуры. Сквозь эти оконца можно было стрелять, но и только. Проникнуть через эти щели в город не представлялось возможным.

Над бойницами император приказал возвести стену в 30 футов высотой. Были увеличены башни, а стены дополнительно укреплены разными инженерными средствами и снабжены галереями. Демонтировать башни и стены в ходе реконструкции было нельзя — в любой момент могли напасть персы. Поэтому Юстиниан приказал строить позади ветхих укреплений новые, не занимаясь демонтажом. Затем последовал приказ снести опасный холм рядом со стенами. Наконец, перед укреплениями вырыли ров, наполнили его водой, и крепость была в безопасности.

Юстиниан мог сказать, что граница на замке. Мы увидим, что после того как линия была построена, персы перенесли военные действия на север, в Лазику. Кавказские ущелья казались им более безопасными, чем равнины Месопотамии. «Благодаря этому Месопотамия стала явно недоступной для персидских племен», — констатирует Прокопий. Правда, ее строительство завершилось лишь после

трагического вторжения персов в 540 году, о котором мы расскажем в следующей части.

Еще одну линию Хрис возвел на Синае и в Палестине — против возможных нападений арабов. Наконец, Юстиниан уделил внимание степной дороге к югу от Евфрата, по которой иранские войска, собственно, и прорывались в Сирию в начале 540-х годов. Ее тоже тщательно укрепили.

Следующим объектом строительства стало Причерноморье. Несколько опорных крепостей возникли в Лазике — среди них Петра, Лосорион, Питиунт (Пицунда) и Севастополь Колхидский. Они помогали обороняться от персов и служили военными базами для снабжения армии. Но это не всё.

Греческое Боспорское царство, располагавшееся в Крыму и на Кубани, историки долгое время считали погибшим в IV веке под натиском гуннов. Впоследствии выяснилось, что боспорские царьки сохранили остатки владений и подчинялись готам, гуннам, болгарам...

Главными городами в византийской Тавриде были Херсонес (нынешний Севастополь, недавно воссоединенный с Россией) и Боспор. Юстиниан обнаружил их стены в обветшалом виде. Кроме того, Боспор подчинялся западным болгарам. Прокопий пишет, что царь «вернул» этот город. С болгарам войны не было. Значит, базилевс либо выкупил Боспор у варваров, либо инспирировал восстание, либо воспользовался одной из войн между утургурами и кутургурами, чтобы под шумок забрать греческий город. Здесь были возведены укрепления и помещен гарнизон. Кроме того, царь выстроил укрепленные городки Алустон (Алушта) и Горзубиты (Гурзуф). Так что эти туристические места обязаны своим возникновением православному греческому царю.

Понятно, что Юстиниан укреплял не только Восток, но и Балканы. Причем ситуация на Дунае была гораздо опаснее, чем на Евфрате. Восток прикрывали горные хребты и пустыни. Достаточно было занять несколько выгодных позиций, чтобы оградить ромеев от вторжений арабов и персов. Совсем другое дело — дунайская граница. Река была доступна для переправы во многих местах. Этим пользовались болгары и славяне. Юстиниан выстроил три линии крепостей — одну на Дунае, другую вдоль Гема (Балканского хребта) и третью, в виде укрепрайонов, — в глубине владений, например, на Фермопилах и Херсонесе Фракийском. Фермопильские стены и гарнизон прикрыли Элладу от набегов болгарских разбойников. Стены на Херсонесе давали защиту беженцам от возможных вторжений.

Если на Востоке мы видим десятка два-три названий, то на Балканах — сотни фортов, которые были построены или дополнительно укреплены. Он отстроил и укрепил Афины, Коринф, Платеи, Фивы, Фарсал, закупорил Истмийский перешеек, обвел новыми стенами главные города острова Эвбея. Места старой греческой славы были защищены. Греки на протяжении нескольких столетий могли оценить пользу от этой бурной деятельности Юстиниана.

Всего Прокопий приводит больше 300 названий в Иллирии, Элладе, Фессалии, Македонии... И это — лишь внутренние области. Еще сотню укреплений нужно добавить непосредственно на дунайской границе.

Юстиниан беспокоился не только о коренных подданных Восточной империи, но и о жителях воссоединенных областей Африки, Италии. Все эти люди были православные римские граждане — не чужаки. «Румын» Юстиниан говорил с ними на одном языке — латинском. Не было причин обижать этих людей, да ни у кого при дворе императора и не могло возникнуть такой мысли. Поэтому он отстроил стены африканских городов, отреставрировал храмы и общественные здания. Африка процветала при Юстиниане, что бы ни говорил Прокопий в «Тайной истории».

По официальным подсчетам Прокопия, за которыми следует Евагрий Схоластик, Юстиниан построил в Африке 150 городов. Это преувеличение, посчитаны большие села и крепости, но цифра всё равно свидетельствует о размахе работ.

Главное внимание царь уделил Карфагену, «который ныне называется еще и Юстинианой», говорит Прокопий. Конечно, в самодовольстве и желании прорекламирровать себя Юстиниану не откажешь.

Имя Феодоры было увековечено в отреставрированном и хорошо укрепленном приморском городе Бона (Юстиниан попытался называть его Феодоридой, но не прижилось: в современном Алжире этот город по-прежнему называется Бона).

Царь застроил и укрепил местность в Африке вплоть до самой Септы (Сеуты). Вся она была снабжена гарнизонами и получила безопасность. Укрепили также остров Сардиния. Это было необходимо в качестве защиты от готских пиратов. Лишь в Италии царь не успел развернуться, но и сделанного было довольно, чтобы заслужить славу в веках.

8. СХВАТКА ЗА БУДУЩЕЕ

В то же время в империи продолжалась жестокая внутренняя борьба. Теперь сенат «собирали только для вида, для выполнения

древнего закона», сообщает Прокопий. То есть после восстания «Ника» восторжествовала диктатура царя и его управленческой клики.

Кесариец вновь и вновь нудно перечисляет погубленных Юстинианом людей. Это сенаторы и латифундисты. Продолжалось систематическое истребление правящего класса Ромейской империи.

Вот перед нами богач Зенон — внук Антемия, бывшего императором Гесперии. Юстиниан и Феодора назначили Зенона наместником Египта. Тот приготовился к отплытию, погрузив на корабль множество ценностей. «У него было бесчисленное количество серебра и золотых вещей, украшенных жемчугом, смарагдами и другими подобными же драгоценными камнями», — сообщает Прокопий. Тогда Юстиниан и Феодора подкупили его ближайших слуг, вынесли богатства на берег, а корабль подожгли. Узнав о гибели сокровищ, Зенон вскоре умер от горя. Деньги и драгоценности присвоил император, причем Трибониан подделал завещание в его пользу.

Таким же образом были уничтожены Татиан, Демосфен и Гилара, «которые... в римском сенате считались первыми людьми». Одного из них — Демосфена — мы уже встречали на государственной службе. Он доставлял помощь продуктами и деньгами в восточные города во время войны с персами. Положение высших чиновников было в те времена нестабильным. Юстиниан и его жена не останавливались на этом. «У некоторых других они отняли имущество, представив их (подложные) письма», — говорит Прокопий.

Репрессии против богачей разгорелись как раз после подавления мятежа в столице. «До восстания, называемого “Ника”, они считали возможным забирать себе состояния богатых людей поодиночке; когда же оно произошло... тогда они, попросту говоря, конфисковали имущество почти всех членов сената». Налицо государственный переворот, совершенный императором против элиты империи.

Базилевс назначил в Константинополе «начальника над народом» — «префекта плебса». Тот следил за порядком, но его должность получила новое название. В эпоху Римской империи главного полицейского именовали *praefectus vigiliarum*. Юстиниан хотел показать, что времена изменились, а народ получил право на защиту и на участие в делах государства. Так большевики, после прихода к власти, переименовали царскую полицию в «народную милицию», чтобы показать разницу социальных режимов.

В обязанности «начальника милиции» Константинополя входило не только наблюдение за порядком, но и регулирование цен. Он еже-

годно распределял налоги между торговцами. Прокопий тотчас упоминает, что цены в столице благодаря этому были очень высоки. Часть налогов уходила в городской бюджет и направлялась на развитие инфраструктуры, а часть оставалась в имперской казне.

Такие же «народные» начальники были поставлены во всех городах и районах империи. Они назывались *преторами демо*. Их деятельность регулировалась двумя новеллами в законодательстве Юстиниана — 30-й и 80-й. Преторы должны были бороться с воровством и коррупцией. Кесариец пишет о них невнятно, ругает буквально двумя словами, и это лучшее свидетельство, что система «народной милиции» оправдала себя на пространстве империи.

Кроме того, базилевс ввел полицию нравов. Сам он был нормальный мужчина, крестьянин без половых девиаций, и ему казалось отвратительным любое отклонение от нормы в вопросах секса. Нужно было покончить с наследием эллинизма — развратом, извращенными сексуальными практиками. К тому времени христианство очистило Византию, и большинство населения поддерживало императора в его стремлении избавить общество от тех, кто мешает развитию демографии и не желает создавать здоровые семьи. Поэтому базилевс вмешался в интимную жизнь «неправильных» граждан и создал специальное ведомство по этим вопросам. Государь «приказал налагать наказания на педерастов и входивших в общение с женщинами противоестественным образом, и на тех, кто в исповедании веры не придерживался православной религии». Уполномоченные по этим делам назывались *квезиторами* (следователями).

Народ остался глух к стенаниям сенаторов, Православная церковь считала Юстиниана подвижником, а легенды о безголовом царе, которые смаковал Прокопий, будоражили воображение лишь горстки столичных интеллигентов.

За что же царя любили? Например, за простоту и доступность в общении с рядовыми гражданками. «Юстиниан, будучи по своему характеру и нравам таким, как я описал его, старался выставить себя легкодоступным и милостивым ко всем», — сообщает Прокопий. Наш милейший Кесариец снова и снова проговаривается. Если ты не сенатор, не рабовладелец, не прохвост-бюрократ, то немедленно начинаешь симпатизировать Юстиниану. Юстиниан — умный и хитрый правитель, не оторвавшийся от своих крестьянских корней, демократичный в общении, богобоязненный и феноменально работоспособный.

Общее направление политики царя не исключало злоупотреблений. Закрывать на это глаза глупо, но делать поспешные выводы о неэффективности государственной власти того периода — неправильно. Юстиниана окружили советники и льстецы. Это — беда любого властителя. И как бы часто ни встречался «крестьянский император» с людьми, это не помогало. Советчики плели паутину интриг, направляли внимание базилевса в нужное русло и влияли на его решения.

Прокопий называет этих советников «референдариями», то есть референтами, которые ведали приемом прошений от граждан. Референты «всякого рода крючкотворством и ложными толкованиями обманывали Юстиниана, который и сам, по своей природе, был склонен к такому образу действий». Прокопий хочет сказать, что царь был доверчив. Канцелярские крысы вызывают, конечно, брезгливость, но обойтись без них нельзя. То, что Юстиниан доверял им больше, чем следовало, не красит ни императора, ни созданную им систему. Но это не значит, что советники могли повлиять в главном: изменить мнение царя относительно собственных реформ, способствовать возвращению к власти прасинов и всей староримской системы. Все новые люди в правительстве работали на уничтожение старого сословия римской знати. Другой вопрос, что выросло новое зло: придворные воры сколачивали себе состояния. Но это были уже новые богачи, создавшие новую систему. Здесь не было места крупным землевладельцам, обладавшим тысячами рабов и крепостных. Скорее появлялась коррумпированная «буржуазия», связанная с торговцами, капиталистами крестьянами, чиновниками.

Но Юстиниан работал вовсе не на них. Он хотел создать общество равных возможностей, где каждый гражданин равен перед законом, где нет заоблачных богачей, где государство регулирует жизнь, не давая богатым скандально разбогатеть, а простолюдинам — обеднеть. Идеал царя — не рабовладельческая империя и тем более не феодальная, но в то же время и не свободное общество купцов и потребителей. Его путь — это путь противовесов и всё более усиливающегося влияния государства в управлении экономикой.

Это как раз и вызывает ярость Прокопия — сторонника старых порядков. Поэтому он стремится собрать малейшие отклонения от нормы, чтобы заявить: у Юстиниана ничего не вышло из его затей с переустройством общества. Эту концепцию не критически восприняли позднейшие историки.

Еще одно обвинение Юстиниана — в том, что император был растрачником. Анастасий Дикор оставил в казне внушительную сумму

в 320 тысяч фунтов золота. Однако Юстиниан уже во время своего консульства, при Юстине, истратил 400 тысяч фунтов. Этот факт подтверждает Марцеллин Комит.

И тут Прокопий издает очередной вопль о том, что недостающие деньги Юстиниан выкачивал из богатых византийцев.

«Истратив таким образом государственные богатства, Юстиниан обратил свой взор на своих подданных. И тотчас он у очень многих отнял их состояние: подверг их без всякого основания всякому насилию. При полном отсутствии всякой вины он осуждал тех, которые считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других — в ересях и в неправом исповедании христианской веры, иных в педерастии или в любовных связях с монахинями или других каких-либо незаконных сожителствах, или в подготовке заговоров, или в приверженности к партии прасинов («зеленых»), или в оскорблении его личности, как императора, или приписывая им какое-либо другое слово или выражение, или вдруг оказываясь наследником умерших, а бывало иногда и еще живых, как будто бы усыновленный ими. Это были славнейшие из его деяний. А как он, воспользовавшись бывшим против него восстанием, которое называли “Ника”, тотчас же стал наследником всех сенаторов, и как до этого восстания он самолично, у каждого в отдельности, не у малого числа лиц отнял их состояние, об этом я... рассказывал».

Откуда Кесариец взял эти сведения, неясно. Юстиниан много тратил, но много и получал. Его бюджет был бездефицитным. Причем не столько из-за привлечения новых средств, сколько из-за борьбы с коррупцией и эффективного распределения ресурсов. Конечно, были ошибки, злоупотребления, воровство, но складывалась новая система, которая должна была принести плоды. Государство контролировало чиновников, сокращало (иногда варварскими методами) число богачей, и это позволяло наполнять казну.

Казалось бы, какая связь между расправой с богатыми людьми и процветанием государства? Да самая прямая. Либералы учили нас в недавнее время, что чем сильнее кучка богатых в элите, тем мощнее страна, но это не так. Богатство олигархов приводит к вопиющему социальному расслоению, неравенству, а еще к тому, что разбогатевшие магнаты выходят из повиновения центральной власти, скрывают доходы от налогообложения и начинают наступление на государство. Мы уже говорили, что византийские олигархи брали под свое покровительство крестьянские общины, которые тоже освобождались от государствен-

ных повинностей. Это приводило к тому, что повинности и платежи перекладывались на плечи государственных коллективных хозяйств и «кооперативных» общин. Следовательно, у крестьян была мотивация уходить к латифундистам, которые рано или поздно сдали бы страну варварам и начали строить несколько феодальных государств на месте Византии. В ближайшей перспективе это привело бы к быстрому распаду и гибели страны под ударами арабов. Так погибнет в VII веке феодальный Иран.

Но был другой вариант — создать сильный средний класс, осуществить государственное вмешательство в экономику и попытаться сгладить социальные противоречия. Такой путь выбрали Юстиниан, Феодора и их советники. Они не были одиноки — значительная часть общества хотела именно этого.

ГЛАВА 2. БОРЬБА ЗА ДУШИ

1. МОНОФИЗИТЫ И ПРАВОСЛАВНЫЕ

Юстиниан сражался с коррупционерами, пытался задавить латифундистов, расширял границы империи... но всё это ничего не значило по сравнению с битвой за Царство Небесное. Император вел ее всю жизнь.

Считается, что базилевс был православным, а Феодора чуть ли не тайной монофизиткой. Это ошибка. Ортодоксальная Церковь не сомневалась в благочестии базилисы. Ее причислили к клику святых.

Гораздо ближе к истине Прокопий Кесарийский, который сообщает в своей «Тайной истории», что Юстиниан и его супруга были великими лицедеями и разделили роли, чтобы править империей. Юстиниан вроде бы преследовал монофизитов, а Феодора «тайно» их спасала.

На самом деле царь и царица страшно опасались раскола страны. Они понимали, что монофизиты — это несколько десятков миллионов подданных, и с ними необходимо считаться. Юстиниан то преследовал их, то пытался договориться, но всегда помнил, что перед ним мощная сила. Доходило до того, что некоторые еретики, вроде Иоанна Эфесского, считали его своим.

Другой вопрос, что одной из причин отчаянных войн на Западе могло стать желание как-то уменьшить процент монофизитского населения в империи. Западные римляне были в большинстве своем православными, и они ждали прихода православного царя; поэтому Юстиниан не мог зайти слишком далеко в своих уступках монофизитам.

Идея Феодоры состояла в том, что к монофизитам нужно относиться как к равным, тогда они признают Халкедонский собор и вернутся в лоно ортодоксальной Церкви, потому что, по сути, они не очень далеко ушли от православия. Это такие же православные, только чуть-чуть отклонившиеся от истинного пути.

Однако с поисками компромисса следовало быть осторожным. Императоры Зенон Исавр и Анастасий Дикор тоже шли по пути соглашения с монофизитами, но в итоге поставили под сомнение собственное православие. Их политика свелась к уступкам. Юстиниан поступил иначе. Он сам думал добиться уступок от монофизитов, хотя бы перетянуть на свою сторону вождей еретического движения... А вожди убедят остальных. К тому же монофизиты делились на два течения, *севериан* и *евтихиан*. Первые отличались умеренностью и, казалось, готовы были пойти на переговоры с православными. Вторые были непримиримы до такой степени, что даже *севериане* отрекались от них. Монофизиты принимали единую природу Христа, а халкедонское толкование Троицы считали вариантом несторианской ереси. Но халкедониты столь же яростно отрицали несторианство. Казалось, это дает возможность договориться с монофизитами. Но проблема осложнялась тем, что монофизитская версия христианства была еще и способом обретения национальной идентичности для нескольких этносов, проживавших в империи. В Египте это были копты, в Сирии — арамеи, на Кавказе — армяне. Впервые тезис о религии как способе обрести этническую самостоятельность обосновал Лев Гумилев. Ученый абсолютно прав в своих догадках. Но в VI веке Юстиниан и Феодора не были знакомы с теорией этногенеза, а потому питали иллюзии относительно возможности объединить своих разноязычных подданных.

Одним из главных вождей религиозной оппозиции являлся антиохийский патриарх Север (456—538), который и дал название умеренному направлению в монофизитстве. Он был патриархом с 512 по 518 год, а при Юстине получил отставку. Однако монофизиты продолжали считать его духовным вождем и даже объявили святым. Православное правительство Юстина жестоко преследовало еретиков. После того как царем стал Юстиниан, политика резко изменилась. На смену гонениям пришла дипломатия. Это нравилось далеко не всем православным, и уже после смерти Юстиниана гонения возобновятся. Вот тогда раскол между монофизитами и халкедонитами станет окончательным. Впрочем, это другая тема.

Итак, монофизиты обвиняли халкедонитов в несторианстве. Юстиниан нашел адекватный ответ — «теопасхистскую формулу», предложенную скифскими монахами (об этом мы писали в предыдущей части книги). «Один из Святой Троицы пострадал плотию» — гласила формула «скифов». Эта фраза стала эпиграфом к Кодексу Юстиниана. Император как бы расписывался в своем православии, без чего законы остались бы пустым звуком.

Отрицание несторианства должно было смягчить монофизитов, но до окончательного примирения было далеко.

Тогда Феодора придумала, как объединить две ветви христиан. Царица считала, что они должны услышать друг друга. Монофизиты поймут, что православный базилевс им не враг. Базилисса предложила Юстиниану устроить религиозный диспут. Император с живостью ухватился за эту идею.

2. ДИСПУТ

В царский дворец (точнее, в константинопольский дворец Гормизда, который входил в комплекс правительственных зданий) пригласили представителей монофизитов и православных. Это произошло в 532 или 533 году, когда правительственный квартал столицы еще лежал в развалинах после восстания «Ника». Воспоминание о диспуте сохранилось в письме православного епископа Иннокентия Маронийского. Остальные источники об этом молчат: не все события попадают в летописи.

От каждой партии явились по шесть авторитетных епископов в сопровождении клириков и советников. Всего прошло три заседания, причем на третье явился сам император и председательствовал. Два первых диспута вел молодой энергичный епископ Иоанн, получивший впоследствии широкую известность как Иоанн Эфесский. Мы еще расскажем об этой интереснейшей личности.

Спорящие обладали прекрасными познаниями в истории и богословии. Начали издаека. Основателем монофизитского учения был константинопольский пресвитер Евтихий (ок. 370 — после 454), последователей которого называли *евтихианами*. В свое время он горячо выступил против ереси патриарха Нестория, которому принадлежит сомнительная честь основания несторианства. Но в своем опровержении Нестория его оппонент зашел слишком далеко. Несторий утверждал, что Богородица произвела на свет человека, который затем стал Богом. Евтихий в полемическом угаре провозгласил обратное: Христос имел только одну божественную природу (*моно физис*).

Как известно, вселенский собор, заседавший в 451 году в малоазийском городе Халкедоне, решительно осудил Евтихия. С тех пор истинно православных людей называют халкедонитами. Однако монофизиты считают православными именно себя, а не «халкедонских нечестивцев». Но в XXI веке запутывать читателя этими нюансами вовсе незачем. Достаточно будет запомнить, что официальная Церковь — это православие, а все прочие секты, кем бы они себя ни считали, — это еретики.

В настоящее время православных осталось в мире немного, но еще меньше — монофизитов. Монофизитская Церковь господствует в Эфиопии, Армении, эту версию христианства исповедуют также немногочисленные копты в Египте. Православны русские, греки, грузины, осетины, болгары и сербы.

Во время устроенного Юстинианом константинопольского диспута православные отчаянно напали на Евтихия. В процессе спора они доказали, что Евтихий являлся еретиком. Объяснения были настолько безукоризненны, что сторонники патриарха Севера согласились с этим. Дело пошло! Со стороны православных последовал новый тезис. Коль скоро Евтихий был еретиком, у Церкви и светской власти появилось достаточно оснований, чтобы созвать в 451 году Халкедонский собор. *Севериане* согласились и с этим. Значит, победа над монофизитами близка! Их учение можно опровергнуть с помощью логики! Так начинающий психотерапевт верит, что поймал сумасшедшего на нелогичности рассуждений и уже опроверг его доводы...

Но тут возникло противоречие. Севериане в очередной раз обвинили православных в том, что те впали в ересь Нестория. Халкедонский догмат предполагал триединство Бога: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог — Дух Святой. Севериане уцепились за эту мысль. В Троице им виделось признание за Христом отдельной человеческой природы. Халкедониты пытались объяснить им, что это не так: все три образа Троицы нераздельны и неслиянны... Тогда севериане выискали в сочинениях трех классических православных богословов несторианские мотивы. Эти богословы — Ива Эдесский, Феодорит Киррский и Феодор Мопсуэстийский — написали несколько работ, в которых позволили себе некоторые вольности в отношении христологии. Между тем все трое были признаны православными на Халкедонском соборе. Эти авторы давно умерли, но севериане считали опасными их сочинения. Кроме того, монофизиты выступили против конечного постановления Халкедонского собора — так называемого *ороса*. В *оросе* содержался

постулат, что Христос един «в двух природах». Однако этого термина не было в сочинениях одного из отцов Церкви, святого Кирилла Александрийского (376—444), авторитет которого одинаково признавали и православные, и монофизиты. Значит, Церковь имела дело с новым толкованием старых принципов веры. Для современного читателя это звучит по меньшей мере странно. В нашем мире достаточно собственных политических и догматических проблем, чтобы углубляться в тонкости богословия. Но если принять версию Льва Гумилева, что за христологическими спорами скрывался вопрос о национальной идентичности, многое встает на свои места.

Последствия диспута были скромными. Только один монофизитский епископ перешел на сторону халкедонитов. Зато Юстиниан попытался использовать тактический успех для того чтобы развернуть широкую пропаганду. У императора было мощное оружие — интеллект, умение ясно и красиво излагать свои мысли и... десятки тысяч адептов православия, которые готовы были донести эти мысли до народа. Базилевс хотел использовать благожелательную обстановку в империи, возникшую после диспута, чтобы переубедить возможно больше людей и укрепить Церковь. Началось идейное наступление на монофизитов.

3. ПРОПАГАНДА

По результатам диспута император выпустил два послания, в которых излагал свои взгляды на религиозную ситуацию в государстве. Первое из них было адресовано иерархам Церкви, второе — патриарху Константинопольскому **Епифанию (520—535)**. Император одобрил осуждение православными Евтихия и Нестория и подчеркнул неизбежность решений первых четырех Вселенских соборов по этим вопросам. Особенно важен был для него четвертый, Халкедонский собор. Его *орос* не признавали ни монофизиты, ни несториане.

Кроме того, в своих посланиях Юстиниан обозначил теопасхистскую формулу скифских монахов, с которой те ездили в Рим: «Один из Святой Троицы пострадал плотию». Если северяне признавали все эти вещи, они возвращались в лоно ортодоксальной Церкви. Казалось, что в империи воцаряется религиозный мир и становится возможна хотя бы спокойная дискуссия на «небесную» тему. Юстиниан был полон оптимизма и полагал, что решит неразрешимую задачу.

Со своей стороны Феодора вступила в контакт с монофизитскими епископами, включая низложенного Севера. Было решено предоставить

им несколько кафедр. Окраины империи были неоднородны в религиозном отношении. В Сирии монофизитов было несколько меньше, чем, например, в Египте, и правительство действовало там более грубо. Антиохийскими патриархами оставались халкедониты. В Египте огромное большинство населения исповедовало монофизитскую версию христианства, поэтому любая насильственная политика правительства была обречена на провал.

К несторианам отношение было гораздо жестче. Они занимали восток византийской Сирии и не казались столь опасными. Кроме того, их одинаково не признавали ни халкедониты, ни монофизиты. Ирония судьбы была в том, что пройдет несколько столетий, и в XII веке монофизиты договорятся с несторианами и образуют единую Церковь. А с халкедонитами — нет.

Когда освободилась Александрийская кафедра, базилисса Феодора позаботилась, чтобы ее занял лояльный монофизит. 10 февраля 535 года александрийским патриархом был избран Феодосий, друг Севера. В июне того же года умер константинопольский патриарх Елифаний. Вместо него на патриарший престол выбрали **Анфима (535—536)** — епископа Трапезунда. Избрание совершилось при горячем участии Феодоры в пользу Анфима. Императрица познакомилась с ним во время столичного диспута и была увлечена мягкостью и дипломатичностью епископа. Но поговаривали, что Анфим — тайный монофизит, хотя и участвовал в диспуте на стороне халкедонитов. Анфим находился в общении с Севером и с Феодосием Александрийским. Возможно, эти убежденные люди смогли воздействовать на Анфима, и тот окончательно разуверился в догматах Халкедона. Дошло до того, что Север прибыл в Константинополь, встретился с Анфимом и долго искал общую христологическую формулу.

Император Юстиниан смотрел на эти переговоры сквозь пальцы. Он надеялся, что вода камень точит, и постепенно удастся переманить Севера. Одновременно шли поиски универсальной формулы, которая позволила бы договориться с монофизитами и обеспечить принятие ими решений Халкедонского собора.

На короткое время в Византии возникла интересная ситуация. Там восторжествовала веротерпимость — во всяком случае, на уровне ряда христианских сект. И это опять не вписывается в легенду об авторитарном диктаторе Юстиниане. Перед нами — тонкий политик, который пытается продлить жизнь своей империи всеми возможными способами.

В том числе — через поиск религиозной идеи, которая объединила бы его подданных.

Так или иначе, 535 год оказался полным иллюзий и самым благоприятным для Юстиниана в деле восстановления единства Церкви. Казалось, успех близок. Тем горше было разочарование.

4. НЕТЛЕННЫЕ МОЩИ

В Александрии возник конфликт. Закоренелые монофизиты считали новоизбранного патриарха Феодосия соглашателем. Да, он был другом Севера, но в то же время его избрание поддержали Юстиниан и Феодора. Значит, замышлялся какой-то правительственный сговор.

Поводом для разногласий стала проблема нетленности тела Христа после распятия. Известно, что католики и православные верят в нетленность мощей святых и постоянно выставляют их на обозрение в храмах и мавзолеях. У любознательных богословов сразу возник вопрос: а как обстояли дела с телом Христа? Было оно тленным или нетленным? Неужели Он хуже святых?

Монофизиты настаивали на нетленности тела Христова, православные сомневались в этом. Возник новый повод для разногласий, и он расколол население Александрии Египетской. Царство Божие казалось близким, но как заслужить спасение? Одна ошибка может стоить гибели души и всех надежд, связанных с загробной жизнью, которая казалась более важной, чем жизнь земная.

Александрийцы выяснили, что новый патриарх Феодосий считает тело Христа тленным. Страшная ересь! Горожане попытались низложить Феодосия и подняли бунт. Во главе повстанцев нахолился архидиакон Гаина.

Юстиниан отреагировал на эту вспышку фанатизма быстро и жестко: он отправил в Александрию 6000 солдат под командой армянина Нарсеса Камсаракана. Император правильно рассчитал, что среди александрийцев настал раскол, и поддержат бунтовщиков далеко не все.

Ромейские солдаты вошли в город и учинили кровавую резню. Было уничтожено порядка 3000 бунтовщиков. Феодосия водворили на патриаршем престоле. Но Юстиниан просчитал далеко не всё. В глазах египтян Феодосий сделался ставленником официального императора, который погряз в «халкедонском нечестии». Юстиниан был еретиком в глазах египетских коптов.

Что же оставалось Феодосию? Только отмежеваться от официальной власти. Он должен доказать чистоту своих убеждений. А значит,

воздержаться от соглашения с халкедонитами. Так бунт александрийцев помешал Юстиниану и Феодоре выполнить задуманное — договориться с вождями монофизитов. Всё же базилевс и его соправительница еще надеялись на победу, но тут в дело вмешался римский папа и, как всегда, всё испортил.

5. ЧЕХАРДА НА ПАПСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Римская Церковь погрязла в коррупции и политических интригах. Папы зависели от готских королей. Этот неприятный факт нужно было чем-то компенсировать. Такой компенсацией стали жесткие взгляды в вопросах веры. Современные ученые обвиняют Юстиниана в гонениях, в отсутствии стремления к компромиссу, да в чем угодно. Однако по сравнению с римскими папами это образец гибкости.

Когда «святой престол» занимал **Иоанн II (533—535)**, происходивший из римских патрициев, всё шло вроде бы хорошо. Папа остался в истории как непримиримый борец с несторианством и поборник чистоты веры. Юстиниан наладил с ним дружеские отношения. В 534 году император послал в Рим делегацию во главе с епископом Иоанном Эфесским (тем самым, который председательствовал на вышеуказанном диспуте между халкедонитами и монофизитами). Юстиниан обратился к римскому понтифику с вежливым посланием, в котором называл себя «благочестивым сыном» Церкви. Для начала император просил отлучить представителей мелкой секты «неусыпающих». Это были православные интеллектуалы Константинополя, противники императора и горячие приверженцы папы. «Неусыпающие» отвергали теопасхистскую формулу скифских монахов, и это дало повод к репрессиям. На самом деле за преследованием «неусыпающих» стоял политический момент: Юстиниан опасался усиления диссидентов в столице. Кроме того, «неусыпающие» мешали императору договориться с монофизитами.

Иоанн Эфесский очень тонко провел переговоры в Риме. Папа нуждался в помощи Юстиниана, поэтому пошел на уступки и отлучил «неусыпающих», фактически их предав. Византийцы готовились к завоеванию Италии, страна была наводнена их агентами, папа понимал, что недалек час вторжения. Зачем конфликтовать?

Однако в 535 году понтифик Иоанн отправился в лучший мир. Его преемником сделался Агапит (мы упоминали о нем в главе о начале Готских войн). Это был дряхлый церковник, бывший диакон и абсолютно безвольный человек. На папский престол его возвели готы. Тогдашний

король Теодат считал себя тонким политиком, был знаком с римской культурой и воображал, что сможет дипломатическими методами предотвратить вторжение византийцев в Италию. Теодат снарядил папу, чтобы тот явился в Константинополь и уговорил своего «духовного сына» Юстиниана отменить вторжение. Набожность императора была известна многим. Но как наивен оказался Теодат, если полагал, что римский папа сможет удержать уверенного в себе царя от того, чтобы расширить империю! Любая империя склонна к экспансии. Византийцы не были исключением.

Чтобы добыть денег на поездку в Константинополь, Агапит заложил священные сосуды некоторых храмов. Небесные устремления шли рука об руку с вполне земными потребностями. Наконец римская делегация явилась в Византию.

Юстиниан устроил понтифику подчеркнуто торжественный прием, а дальше начался церковный и политический торг. Жалкий старик Агапит, зависимый от варварского короля, посланный в Константинополь с сомнительной миссией спасения остготов-ариан, повел себя вызывающе. Говоря кратко, он разрушил всё хрупкое здание компромисса между монофизитами и халкедонитами, которое создавали Юстиниан и Феодора. Первым делом Агапит обнаружил, что константинопольский патриарх Анфим — северианин. Анфим покровительствовал монофизитам, которые находили убежище при его дворе.

Папа потребовал низложения патриарха, и эту просьбу пришлось удовлетворить, иначе православие Юстиниана подверглось бы сомнению. Анфим был низложен, и первый период заигрывания с монофизитами закончился. Новым патриархом сделался Мина, чья верность халкедонским принципам не подвергалась сомнению. Странно, что Юстиниан так легко перечеркнул собственные усилия по объединению Православной церкви. Вероятно, за скупыми строками хроник крылась ожесточенная борьба церковных партий. Любая ошибка могла стоить базилевсу престола и жизни. Ведь большая часть населения его империи принадлежала к числу халкедонитов. Они пристально следили за политикой императора и готовы были восстать против него, если бы Юстиниан отклонился от православия. Этими противоречиями тонко воспользовался папа как носитель церковного авторитета.

Несомненно, понтифик желал восстановить свою партию в Константинополе, какую-нибудь новую версию «неусыпающих», но в этом не преуспел. Он лишь отдалил монофизитов от ортодоксов. На этом кончились его сомнительные религиозные подвиги.

Папа перешел к светской части своей миссии и здесь повел себя, как предатель. Агапит пытался уговорить Юстиниана отказаться от вторжения в Италию. Но здесь император был непреклонен. Он чувствовал поддержку народа. Византийцы жаждали восстановления Римской империи в прежних границах, пассионарность на Востоке бурлила и перехлестывала через край. Если бы Юстиниан отказался от реставрации империи, он утратил бы популярность. В общем, папе дали обескураживающий ответ: войну против остготов-ариан остановить невозможно. Папа и сам оказался в двусмысленном положении. Этот борец за чистоту веры мог сделать только одно: выступить с позиций гуманизма, заявить, что война принесет много бед православным в Италии. Но византийцы не слушали эту аргументацию. Да и сами римские православные жаждали освобождения. Слова папы остались гласом вопиющего в пустыне. Причем это стоило понтифику таких усилий, что старенький Агапит умер в Константинополе 2 мая 536 года.

8 июня в Риме был избран папа **Сильверий (536—537)**. Его восшествие на трон стало откровенно скандальным: понтифика назначил арианский король Теодат. До своего избрания Сильверий имел чин иподиакона и считался сторонником остготов. Кроме того, он являлся сыном папы Гормизда. Теодат нагло объявил, что всякий не поддерживающий Сильверия «пострадает от меча».

Папа верно служил остготам, но был непопулярен среди ортодоксов. Большая часть духовенства ждала византийцев как избавителей. Все мечтали о власти православного императора. Сам Сильверий хорошо понимал, что в случае победы византийцев он обречен: остготского прихвостня и предателя Рима никто бы не стал терпеть на апостольском престоле.

В общем, так и произошло. Когда византийская армия вступила в Рим, Сильверий остался один на один с ромеями. Остготы не смогли его защитить. Понтифик оказался в безвыходном положении. К варварам бежать он не мог — предательство стало бы очевидным. Папа рискнул и остался в Риме, но это не помогло. Велисарий арестовал его и отправил в Византию, а Феодора организовала политический процесс. Сильверия обвинили в измене. Причем, надо сказать, вполне обоснованно. Этому пособнику германцев никто из православных людей не сочувствовал. В конце концов папу вывезли на остров Пальмерию и не то задушили, не то уморили голодом. Через несколько столетий, когда к власти в Риме пришли католики, а германский элемент возоб-

ладал среди кардиналов, Сильверия объявили святым. Таким образом, святой папа был арестован и убит по приказу святых государей Юстиниана и Феодоры. Ирония судьбы...

А Юстиниан продолжал борьбу за веру. Он и его супруга Феодора уже подготовили очередного кандидата на папский престол. На этого человека царь и царица возлагали большие надежды. Новый папа должен был консолидировать православных и проводить византийские идеи на Западе. А главное — обеспечить лояльность западных церковников в вопросе преодоления раскола с монофизитами. Кандидата на папский престол прекрасно знали Юстиниан и Феодора. Он долго жил в Константинополе в составе римских миссий. Звали этого человека Вигилий.

6. ХАЛКЕДОНИТЫ НАСТУПАЮТ

За всей этой чехардой, за напряженными войнами и за внутренними реформами Юстиниан и Феодора несколько ослабили нажим на монофизитов, и те усилились.

Это напугало царственную чету. Юстиниан попытался исправить ошибки, но сделал только хуже. Он призвал Феодосия Александрийского и потребовал у него принять халкедонский символ веры. Феодосий наотрез отказался. Наступил роковой миг. Юстиниан понял, что монофизиты окрепли и выступают единым фронтом.

Феодосий был сведен с патриаршего престола в Александрии и отправлен в ссылку. Новым патриархом Александрийским сделался Павел, происходивший из египетских греков: он был игуменом одного из немногочисленных халкедонитских монастырей в Египте и нес службу в Канопе на берегах Нила.

Но этот патриарх оказался еще хуже предыдущего: он свирепо преследовал монофизитов и даже с византийскими чиновниками в Египте вел себя грубо, обвиняя их в пособничестве еретикам. Юстиниан сообразил, что не в меру ретивый церковник может вызвать восстание. Это был бы прекрасный подарок для готов и персов! Поэтому в Юстиниане политик в очередной раз возобладал над борцом за чистоту веры. Император отстранил неистового Павла и поставил на его место более умеренного служителя по имени Зоил.

В это же время патриархом Антиохийским сделался бывший *комит Востока*, вояка — Ефрем из Амиды. Этот человек яростно преследовал приверженцев Севера, и Юстиниан не возражал. Религиозная «оттепель» вновь закончилась.

Именно тогда Юстиниан и Феодора разделили между собой роли в отношении еретиков. Царь выступил как гонитель ереси и раздавал епископские кафедры сторонникам православия. Феодора жалела монофизитов и покровительствовала заблудшим. Императрица вступила в контакт с вождями диссидентов, которые ушли в подполье, и мягко советовала им примириться с православными. У монофизитов возникла иллюзия, что царица им покровительствует. Блуждал миф, что сама Феодора — тайная монофизитка. Этот взгляд утвердился в науке — его придерживался такой авторитет византиноведения, как Шарль Диль. Но ближе к истине Прокопий, который разгадал суть игры. По его мнению, Юстиниан выступал в роли «злого», а Феодора — «доброго» следователя, но на самом деле муж и жена мыслили одинаково.

Подобная политика не дала результатов, монофизиты стали создавать параллельные церковные центры в подполье. Трещина между ними и православными постепенно углублялась, хотя еще не превратилась в пропасть.

Все епископские кафедры на Востоке занимали халкедониты, но для их противников оставался патриархом Север. Он продолжал тайное служение и выполнял религиозные обряды.

Что было делать с монофизитами, составлявшими от трети до половины населения империи? Император вновь и вновь искал варианты для того, чтобы помириться с ними, а Феодора приютила у себя во дворце опального патриарха Александрийского Феодосия, которому запрещено было появляться в столице.

В 538 году умер Север, и Феодосий сделался признанным главой параллельной монофизитской Церкви. Вокруг него группировались непримиримые монахи, и дворцовые покои Феодоры сделались рассадником монофизитства. Известный американский православный богослов и историк Церкви о. Иоанн (Мейендорф) выдвинул остроумную догадку. Вероятно, монофизитов терпели в царских покоях по простой причине: чтобы обеспечить более легкое примирение, когда будет найдена устраивающая всех богословская формула, после чего еретики перейдут в православие.

Феодосий Александрийский воспользовался этим либерализмом, чтобы укрепить свои позиции. Он *хиротонисал* (рукополагал) подпольных монофизитских епископов. Правительство смотрело на это сквозь пальцы. Юстиниан искал и не мог найти заветную формулу. Опять казалось, что успех где-то рядом.

В 541 году дошло до курьеза. Харис, правитель арабов-гассанидов, потерял своего епископа. *Гассаниды* исповедовали монофизитство. Царек отправил официального посланника в Константинополь с просьбой прислать нового монофизитского служителя взамен умершего. Юстиниан попросил Феодосия подыскать кадры.

Прямо в Константинополе Феодосий рукоположил двух монофизитов — Феодора в епископы Бостры (столица *гассанидов*), а Якова Бар-Аддая — в епископы Эдессы. Последний был знаменитый Яков Барадей, неутомимый адепт монофизитской церкви. Его прозвище означает «тряпка». Яков часто притворялся нищим во время своих путешествий по городам Востока, в которых он проповедовал монофизитство, оттого и заслужил прозвище. Это был настоящий фанатик. Яков развил настолько бурную деятельность, что его стали величать «вселенским митрополитом», а его последователи получили имя *якобитов*.

Иногда говорят, что попытки Юстиниана и Феодоры договориться с еретиками не только провалились, но и усилили раскол. Вместо отдельных монофизитских группировок и общин правительству противостояла подпольная еретическая Церковь, и она не собиралась сдаваться. Это утверждение спорно.

Монофизиты создали несколько центров на востоке империи: североариане, евтихиане, трапезундские монофизиты оставались отдельными «партиями», зачастую враждебными друг другу. Был и еще один момент. Юстиниан и его супруга считали умеренных монофизитов оппонентами, но не врагами. Об этом свидетельствует история Иоанна Эфесского (ок. 507 — ок. 586) — монофизита, ставшего великим инквизитором при Юстиниане.

7. ЖИЗНЬ ИОАННА ЭФЕССКОГО

Иоанн был по происхождению арамей (сириец) и родился в деревушке близ Амиды — города в верховьях реки Тигр. Этот край плотно заселяли его соплеменники. Семиты вообще склонны к единобожию и плохо понимают диалектику, поэтому неудивительно, что арамей оказались приверженцами монофизитской версии православия. Иоанн вырос в суровой среде поклонников «единой природы» Христа.

Его родители были состоятельными людьми, но семью преследовали несчастья: мальчики в ней умирали во младенчестве от загадочной болезни. Иоанн тоже заболел, когда ему исполнилось два года. Его спас местный монофизитский монах и врачеватель Марон.

В благодарность за спасение жизни мальчика родители посвятили Иоанна Богу. В четыре года ребенка отдали в монастырь. Аскетичный Марон сделался его наставником и воспитателем. С тех пор судьба Иоанна была предreshена. Он стал таким же аскетом и нестигаемым монофизитом, как и его учитель.

В монастыре мальчик изучил Священное Писание и греческий язык. То и другое пригодилось для религиозной карьеры, ибо он оказался на редкость честолюбив.

Первые годы жизни в монастыре ему ничто не мешало мечтать о карьере: монофизитам покровительствовал сам император Анастасий. Однако затем к власти пришел Юстин, который сформировал непримиримое православное правительство из землевладельцев, сенаторов и чиновников. На монофизитов обрушились гонения. Солдаты правительственных войск изгнали из Амиды тысячу монахов. «Амидская тысяча» ушла в горы, но не предала убеждений. С нею ушел Иоанн. Терпя лишения, он закалял волю и тело. Так проходили месяцы.

Примерно в 528 году юноша получил посвящение в диаконы от монофизитского епископа Иоанна Телльского. Посвящение состоялось ночью, в глубокой тайне, потому что епископ не признавал ни Юстина, ни Юстиниана и скрывался от властей. Затем ситуация резко изменилась.

В начале самостоятельного правления Юстиниан разгромил православное правительство (квестора Прокла), с главными представителями которого не сошелся во взглядах на знать и крупное землевладение. Вскоре после этого император ослабил гонения на монофизитов, попытавшись с ними договориться. Тогда молодой Иоанн успел поучаствовать в столичном религиозном диспуте, о котором мы писали выше. Его представили ко двору. Иоанн познакомился с императрицей Феодорой, а затем и с Юстинианом. Сам Иоанн впоследствии вспоминал, что близкие отношения с императором продлятся до самой смерти базилевса. И это — первый сюрприз, противоречащий версии о том, что якобы Феодора покровительствовала монофизитам, а Юстиниан их преследовал.

Затем Иоанн посетил родную Амиду, но продолжал много путешествовать и объездил весь Ближний Восток: побывал в Сирии, Палестине, Египте. Это было время расцвета монофизитского учения, которое избавилось от преследований.

В 540 году Иоанн опять явился в Константинополь. Монофизитского церковника приютил патрикий Проб — племянник базилевса Анастасия Дикора, уцелевший после восстания «Ника» вследствие своей

аполитичности. Анастасий когда-то склонялся к монофизитам, и его племянник разделял эти предпочтения. За них никто не преследовал.

Поселившись у Прокла, Иоанн предался научным и богословским занятиям, обзавелся связями, а потом опять отправился странствовать. Он объездил ближневосточные провинции и был свидетелем первой вспышки чумы, которая произвела на него огромное впечатление.

Однако столица манила его. Там решались судьбы православной веры, и наш герой прибыл в Константинополь в 542 году. Он вновь и вновь встречался с императором, беседа на религиозные темы.

В диспутах с Иоанном Эфесским император показал себя вдумчивым богословом. Иоанн уверял своих сподвижников, что базилевс лишь формально придерживается решений Халкедонского собора, а в глубине души склоняется к монофизитам. Это делает честь актерскому искусству Юстиниана. Сам же Иоанн утверждал, что ни на йоту не отошел от монофизитского учения, и это была правда. Юстиниан этого и не требовал.

Император сдружился с Иоанном и другими монофизитами на основе общей ненависти к язычеству. Это была точка соприкосновения, которая, по мысли базилевса, могла стать новым началом примирения двух «фракций» православия, которые признавали Никейский собор, но разошлись на Халкедонском.

В Греции и Малой Азии было еще много язычников. Юстиниан задумал их уничтожить и обратился к монофизитам за помощью. Эти фанатики подходили для данного замысла как никто.

И вот базилевс заключил с монофизитом странный пакт. Иоанн сохранял личные религиозные убеждения, но становился великим инквизитором империи, выявлял ереси и должен был обращать язычников в христианство, причем в его халкедонской версии. Это не считалось предательством убеждений, хотя монофизита явно использовали. Иоанн рассчитывал тайно распространять в Малой Азии монофизитство, но эти игры закончились ничем. Его миссионерская работа продолжалась с 542 по 571 год, то есть завершилась уже после смерти Юстиниана.

Иоанн превратился в гонителя еретиков и не стеснялся в средствах. Язычников заставляли принимать христианство под страхом смерти. В помощь инквизитору был предоставлен местный государственный аппарат включая полицию, не говоря уже о церковниках.

Первым делом Иоанн разрушил огромное языческое капище возле города Траллы и за шесть лет (542—548) построил здесь монастырь. Это было славное начало. Разрушение античного наследия стало его профессией. За время своей деятельности он построил в Малой Азии

39 храмов и 12 монастырей. Юстиниан отпускал большие деньги на крещение, «подъемные» для новообращенных и строительство храмов. Кнут и пряник соперничали друг с другом.

Иоанн привлек к работе по обращению язычников многих друзей-сирийцев, так что Юстиниан получил целый штат инквизиторов. Учитывая, что сирийские монофизиты отличались фанатизмом и жестокостью, цены им не было. Они помогали преобразовать империю. Иоанн говорит, что за время своих поездок по Малой Азии обратил в христианство 70 тысяч язычников.

Юстиниан ценил своего инквизитора не меньше чем гражданских министров. Сфера компетенции Иоанна была расширена. Теперь он преследовал иудеев и еретиков. Так ортодоксальные большевики иногда использовали троцкистов для борьбы с врагами режима.

В Малой Азии Иоанн закрывал синагоги, а еще обнаружил ересь монтанистов — последователей ересиарха Монтана. Инквизитор сжег кости покойного ересиарха, разрушил храм его последователей. После этого сами монтанисты стали предавать себя сожжению, и в Малой Азии имели место душераздирающие сцены.

В 545 году Иоанна вызвали в столицу для участия в процессе против «эллинов» (язычников) из числа высшей знати. Инквизитор взялся за дело, выявлял неверующих и уничтожал античные артефакты. Конечно, для нас, историков, эта нетерпимость кажется чрезмерной.

Император оценил рвение своего монофизитского друга и примерно в 555 году или чуть позже посадил его на епископскую кафедру в Эфесе, разрешив при этом сохранять свои убеждения. Ирония была в том, что большая часть его прихожан оставалась халкедонитами. Юстиниан знал, что делал.

Последний сомнительный подвиг при жизни Юстиниана епископ совершил в 562 году. Он опять приехал в Константинополь, чтобы участвовать в процессе против язычников. Иоанн устроил великое аутодафе и сжег 2000 античных книг и произведений искусства. Вероятно, выбирались нечестивые, соблазнительные и вульгарные с точки зрения христиан объекты, вроде современной порнографии. Ибо на творения классиков античности никто не покушался. Византийцы не трогали скульптуры Лисиппа или сочинения Плутарха, Платона, Аристотеля...

* * *

Настоящие гонения против монофизитов начались лишь через несколько лет после смерти Юстиниана, в 571 году. Его преемник и пле-

мянник **Юстин II (565—578)** совершил много ошибок, но попытался свалить их на своего предшественника. Критиковать Юстиниана стало модно и позволительно, это поощряли столичные бюрократы, входившие в новое правительство. Они были убежденные халкедониты. Кажется, возвращаются времена Юстина I и квестора Прокла. Политику Юстиниана в отношении монофизитов новые лидеры сочли мягкой.

В это время Иоанн Эфесский был вынужден покинуть епископскую кафедру и отправился в ссылку на один из пустынных островов Архипелага. В последние годы Юстина II епископа ждал трехлетний домашний арест (с 574 по 577 год). Затем Иоанна ненадолго выпустили, но при следующем императоре, **Тиберию II (578—582)**, репрессии возобновились. В 578 году епископа вновь взяли под стражу. Тогда же было арестовано имущество монофизитских монастырей в Константинополе. Большинство монахов-монофизитов бежало на Евфрат и в горы Армении, где правительство уже не могло на них влиять. Сам Иоанн умер в 586 году в тюрьме, перед смертью написав на сирийском языке «Церковную историю». Произведение уцелело не полностью, в одном из мест он называет императрицу Феодору *pornion*, то есть шлюхой, что не мешает в других местах книги звать ее «христоролюбивой государыней», словно речь шла о разных людях — молодой развратнице и покаявшейся благочестивой царице. Такова была свобода мысли и высказываний в эпоху Юстиниана, осколком которой оставался Иоанн.

Из сказанного понятно, как тонко обходился «святой» базилевс с монофизитами, как старался держать их подле себя под присмотром и как использовал для своих целей — пропаганды христианства и выполнения всяких неприятных дел вроде инквизиторских преследований язычников. После смерти Юстиниана к власти пришли более прямолинейные и менее способные люди. На них и лежит ответственность за гонения на монофизитов и последовавший в VII веке раскол империи под ударами персов и арабов. Впрочем, это — другая тема. А мы вернемся к войнам, которые вела Византия в эпоху Юстиниана.

Часть пятая В ВИХРЕ ВОЙН

ГЛАВА 1. ПЕРСЫ И ЧУМА

1. ХУДОЙ МИР

В 532 году Юстиниан заключил мир с Ираном.

За 8 лет, пока на восточном фронте царило затишье, византийцы добились впечатляющих успехов. Велисарий покорил две страны: Африку и Италию. В 540 году казалось, что у ромеев не осталось врагов, равных по силе... Тем горше было разочарование.

Шаханшах Ирана Хосров Ануширван внимательно наблюдал за событиями на Западе. Его собственная империя была сильна и готова ввязаться в новую войну. Правда, внешнеполитическое положение Ирана нельзя было назвать стабильным. На востоке он граничил с империей эфталитов, занимавшей территорию от Хорасана до Памира (сами эфталиты — припамирские горцы, предки таджиков и пуштунов, как доказал Лев Гумилев). Хосров сумел договориться с ними о ненападении, чтобы самому, в свою очередь, напасть на Византию.

Обезопасил он и кавказские рубежи, которым время от времени угрожали дагестанские сабиры. После этого шаханшах начал стягивать войска к западной границе, готовясь выступить против Византии.

Война шла не только за тела, но и за души. Хосров заигрывал с византийскими язычниками. Есть версия, что афинская Академия была закрыта именно потому, что ученые эллины стали агентами Ирана, мы уже говорили об этом во второй части книги. Языческие интеллигенты из Афин эмигрировали в Персию, где их приветил Хосров. По Византии блуждали мифы о восточном царе-мудреце.

Любопытный случай приводит Агафий Миринейский. Этот ученый рассказывает, что многие византийские интеллигенты пытались эмигрировать в Персию, однако эти попытки завершились бесславно. И вовсе не потому, что Юстиниан препятствовал эмигрантам. Напротив, он был только рад, что ненадежные люди уезжали из страны. Вот эта история, иронично изложенная Агафием.

«Дамасский сириец, Симплиций киликиянин, Евлалний фригиец, Прискиан лидиец, Гермий и Диоген финикияне представляли, выражаясь поэтическим языком, цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время. Они не приняли господствовавшего

у римлян учения о божестве <...> Поэтому они немедленно собрались и отправились к чужим, живущим по совершенно другим обычаям, чтобы жить там в дальнейшем (то есть в Персию. — С. Ч.). Там все они скоро увидели, что начальствующие лица слишком горды, непомерно напыщены, почувствовали к ним отвращение и порицали их.

Затем увидели много воров и грабителей, из которых одних ловили, другие скрывались. Творились и всякие другие беззакония. Богатые притесняли убогих. В отношениях друг с другом [персы] обычно были жестоки и бесчеловечны, и, что бессмысленнее всего, они не воздерживались от прелюбодеяний, хотя позволено каждому иметь сколько угодно жен, и они действительно их имеют. По всем этим причинам философы были недовольны и винили себя за переселение». Родина со всеми ее недостатками оказалась лучше, чем чуждый и далекий Иран.

Почти вся территория Ромейской державы когда-то входила в состав владений древней иранской монархии Ахеменидов. Хосров мечтал возродить древность.

Шаханшах действовал осторожно и расчетливо. Первое время он натравливал на ромеев вассального арабского царька ал-Мунзира, то есть прощупывал противника. Это произошло сразу же после захвата византийцами Римской Африки. Ал-Мунзир принялся нападать на иорданских *гассанидов*. Малая война продолжалась несколько лет.

Наконец Юстиниан предложил урегулировать разногласия мирным путем. Однако прежде чем дипломаты начали свою миссию, выяснилось, что на Армянском нагорье вспыхнуло мощное восстание против императора. Это произошло в 538 году. Тотчас изменилась расстановка сил на границе. Восставшие армяне разгромили византийскую армию, убили полководца Ситту, удалились в Иран и предложили свои услуги шаханшаху Хосрову.

Следом попросили о помощи готы. Весной 539 года Витигес отправил на Восток двух агентов. Оба путешественника прибыли во Фракию, завербовали там проводника, который владел сирийским и греческим языками, после чего продолжили путь. Имперская контрразведка упустила этих людей. Они благополучно прибыли в Иран и предстали перед Хосровом в его столице. Шаханшах принял их на троне, украшенном львами, в окружении блистательной гвардии, которая не так давно живьем закапывала в землю «коммунистов»-маздакитов. Он пообещал напасть на Византию в ближайшее время, а пока натравил на империю западных болгар — кутургуров.

В 539 году кутургуры вместе со славянами перешли Дунай и вторглись на Балканы. Через год последовало новое вторжение. Его отразили, но как раз в этот момент Хосров нарушил мир и вторгся в Византию с востока. Стала понятна тонкая игра шаханшаха: он позаботился, чтобы византийцы поглубже увязли в Италии и перебросили войска на Балканы (вот почему понадобилось два вторжения на Балканский полуостров). Когда это произошло, Хосров начал войну.

2. ГИБЕЛЬ АНТИОХИИ

Весной 540 года в Константинополь пришла весть, что иранская армия пересекла границу империи. Главный удар Хосров Ануширван нанес к югу от Месопотамии. Он двигался не по утыканной крепостями земле Двуречья, а выбрал свободный от византийских укреплений южный путь. Шаханшах отправился с войсками по караванной тропе, имея по правую руку от себя Евфрат. Это стратегическое решение позволило выиграть кампанию одним ударом. Хосров прорвал фронт в неожиданном месте и обрушился на беззащитные ромейские города.

Византийцам не хватало сил для отражения врага. Одна армия находилась на Балканах, другая в Армении. Отдельные корпуса сражались в Африке и Италии. Часть восточных войск защищала Месопотамию (полками командовал Мартин), но ее обошли.

Шаханшах превратил кампанию в род восточного базара с покупкой и продажей товара: ходил по ромейской земле и требовал выкупы с городов. Эта предприимчивость до того ошеломила византийцев, что Прокопий подробно привел расценки, суммы выкупов и поведал о ходе переговоров с персами.

К тому времени главнокомандующим Востока являлся Вуза. Юстиниан вызвал из Италии знаменитого Велисария, но для его прибытия требовалось время. Вуза между тем струсил. «Отобрав лучших солдат из ромейского войска, он с ними удалился, — насмешничает Прокопий. — И где он потом находился, никто не мог узнать».

Император привлек еще одного надежного и талантливого полководца. Им оказался его двоюродный брат Герман. Этот верный соратник долгое время командовал балканскими армиями, затем подавлял африканский мятеж и вот теперь был брошен на войну против иранцев. Но, увы, почти без войск.

Герман явился в Антиохию всего с тремя сотнями бойцов. Юстиниан обещал скоро перебросить с Балкан большое войско, но как скоро — никто не знал. Герман взялся укреплять стены, но обнаружил несколько

ошибок военных инженеров при строительстве. Исправлять ошибки было поздно, оставалось положиться на волю Божию. Свободное время полководец проводил в финансовых операциях: скупал у жителей серебро. Вероятно, он делал это, чтобы запастись средствами для оплаты солдат, но их не было: подкрепления просто не успели прийти в Антиохию. А Хосров находился уже близко и обобрал город Берей (Алеппо). Антиохийцы тоже хотели откупиться и завязали переговоры о сумме сделки.

Юстиниан направил к шаханшаху двух послов, чтобы выиграть время. Оба дипломата прибыли в Антиохию, но дальше не поехали. Платить выкуп персам они запретили. Возможно, таковы были инструкции самого Юстиниана. Антиохийский патриарх Ефрем, бывший военный, покинул город и отбыл в Киликию. Его примеру последовал Герман. Началась паника. Но в этот момент к антиохийцам пришли подкрепления в количестве 6000 воинов. Их вели Феокист и Молац, военачальники из Ливана. Они воодушевили людей, и люди решили переждать беду за стенами.

Вскоре подошел Хосров. Шаханшах затребовал 10 кентинариев золота и взамен обещал уйти. Византийцы отказались, они хотели поторговаться.

В лагерь персов явились ромейские дипломаты, но переговоров не получилось. «На следующий день народ Антиохии, легкомысленный, дерзкий на слова и склонный к беспорядкам, собравшись на стенах, оскорблял оттуда Хосрова и, отпуская непристойные остроты, издевался над ним», — сообщает Прокопий. Чернь всегда непостоянна и склонна то к панике, то к веселью.

Тогда произошло зловещее знамение. Ромейские воинские знамена, обращенные к западу, сами собой повернули на восток. Провидцы предсказали, что это означает близкую гибель города. Неизвестно, ветер дунул неудачно или же историю со знаменами выдумали позднее, но она вошла в книгу Прокопия как образец зловещего предсказания, которое будоражило нервы читателям.

Шаханшах принял решение взять Антиохию приступом. Персы засыпали защитников тучей стрел. Ромеи отстреливались. На стены пришли не только воины, но и ополченцы. Молодежь хотела драться и жаждала подвигов. Прокопий упоминает «юношей из народа», которые несли службу наравне с профессиональными воинами. Современные комментаторы полагают, что это и есть *стасиоты*, революционеры, о которых так много распространялся Кесариец в «Тайной истории».

Хосров безошибочно определил место, удобное для атаки. Это была скала, возвышавшаяся в одном месте на уровне стен Антиохии. Если бы ромеи выслали отряд, чтобы захватить скалу, исход боя мог измениться в их пользу. Но для этого нужно было выдержать жаркую схватку, пойти на риск, пожертвовать людьми. Да и позицию эту удержать было бы совсем непросто. Поэтому никто из ромейских офицеров не решился взять ответственность на себя.

Хосров лично явился со своей гвардией на участок в районе скалы и отдавал приказание зычным голосом, а «персы наступали с неимоверными усилиями и совершенно не давали противнику времени оглянуться или уберечься от сыпавшихся на них стрел».

Прокопий яркими красками рисует напряженную картину боя.

Ромеи, «в большом числе, громко крича, всё сильнее отбивались». Византийцы соорудили помост из бревен, потому что стена в этом месте была довольно узка и не позволяла разместить большое число солдат. И вдруг — случилось страшное. Канаты, которыми были связаны бревна, лопнули. Помост упал наземь со страшным грохотом. Вместе с ним полетели вниз все воины, которые находились на нем. Шум, вопли, сломанные кости и шеи...

Ромеи, которые сражались на соседних башнях, вообразили, что рухнул участок стены и враг уже ворвался в город. Профессиональные солдаты бросились бежать. Только стасиоты пытались преградить дорогу иранцам. «Многие юноши из народа, — пишет Прокопий в официальной истории, — которые обычно на ипподромах заводят друг с другом драки, спустившись со стены, никуда не побежали, но остались тут». Они задержали натиск персов на какое-то время.

Иранцы приставили лестницы к стене и начали штурм. Хосров поначалу опасался засады, но затем понял, что у византийцев началась паника, а шанс упустить нельзя.

Вскоре византийские воины убежали через ворота, которые вели в предместье города — Дафну с ее роскошными тенистыми садами. Персы заняли стены Антиохии, расставили караулы и спустились в городские кварталы.

Тут многие антиохийские юноши, пишет Прокопий, вступили в бой с персами, и вначале казалось, что они одерживают верх. Однако «юноши» были плохо вооружены и обучены. Основная масса сражалась камнями. Первый героический порыв увенчался успехом, персов отбросили. Защитники запели торжественную песнь и «окрыленные успехом, провозгласили Юстиниана славным победителем».

Но ромеи поторопились. Шаханшах Хосров был великим полководцем, его не мог остановить порыв необученной толпы. Он наблюдал за боем с башни на вершине соседней со стенами горы. Военачальники прибыли к Хосрову и сообщили ему о том, что в городе, похоже, не осталось ни одного ромейского солдата, дерется лишь ополчение. Шаханшах немедленно послал на приступ отборных воинов из резерва, чтобы навести порядок и подавить врага. «И произошло там страшное избиение», — добавляет Прокопий. Историк рисует страшные и отвратительные картины резни. Хосров приказал разграбить Антиохию, а уцелевших жителей обратил в рабство. Он отправился в Великую церковь — это было красивейшее сооружение в городе. В церкви «Хосров нашел сокровища, состоявшие из такого количества золота и серебра, что безо всякой другой добычи, захватив только эти сокровища, он мог бы удалиться, обремененный огромным богатством», — полагает Прокопий.

Затем шаханшах повелел сжечь захваченный город. Ромейские послы с трудом убедили его пощадить хотя бы Великий храм. Хосров неохотно согласился. Вскоре городские кварталы запылали, подожженные сразу в нескольких местах. После пожара уцелел лишь квартал Кератий; он стоял особняком на юге Антиохии и не поддавался огню. Городские стены персы не тронули.

Так погибла Антиохия.

Впрочем, уже скоро ее восстановили. Но это был уже другой город, не эллинистический, а христианский. Император переименовал его в Теуполис (Град Божий), чтобы окончательно выветрить воспоминания об античности. Правда, сделать это не удалось, и уже при следующем царе люди вернули любимому городу прежнее имя.

Город был перепланирован и отстроен заново. После персидского нашествия всюду валялись горы строительного мусора, высились обгоревшие руины зданий, так что уцелевшие антихийцы не могли признать, где чей дом. Подрядчики сначала снесли остатки строений и вывезли мусор. Базилевс «разделил город площадями и галереями, наметил улицами все проходы, провел водопроводы, устроил фонтаны и цистерны. Он построил в городе театры и бани и все то, чем может гордиться город», — утверждает Прокопий. Приведя сюда большое количество инженеров и строителей, царь дал возможность местным жителям очень легко и без больших затрат отстроить свои собственные дома. Юстиниан возвел большой храм Богородицы и церковь архангела Михаила. Появились также больницы — отдельные для мужчин и женщин. В общем, город получил всю социальную инфраструктуру.

По словам Прокопия, Антиохия стала еще прекраснее, чем раньше. Вместе с инженером Хрисом Юстиниан спланировал новые укрепления и сократил их периметр для удобства обороны. Все невыгодные неровности местности были снесены. Антиохия превратилась в надежную крепость — увы, слишком поздно.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРСОВ

Византийские послы по-прежнему находились в лагере Хосрова и вели переговоры с целью заключить мир или хотя бы перемирие. Эти встречи забавляли шаханшаха. К тому же он узнавал что-то нужное для себя. «В конце концов Хосров потребовал от ромеев много денег, но при этом твердил, чтобы они не надеялись, что, дав деньги в настоящий момент, они укрепят таким образом мир навеки. Ибо дружба, заключенная между людьми за деньги, по большей части кончается, как только истратятся деньги». Эта циничная философия настолько удивила ромеев, что слова шаханшаха вошли в доклад Юстиниану и в конечном счете попали в сочинение Прокопия Кесарийского.

Хитрый Хосров клонил к тому, что желает получать от Юстиниана ежегодную дань. Формально это была бы оплата охраны Каспийских ворот, через которые в Закавказье вторгались кочевники. То есть персы работали на общую систему безопасности двух империй.

— На этих условиях, — сказал шаханшах, — иранцы будут сохранять с вами крепкий мир.

Это была логика уличного бандита, который предлагает торговцу защиту — «крышу» — от других преступников. Но византийским послам было некуда деваться. После долгих препирательств они договорились о размере выплат. Хосров должен получить 50 кентинариев золота единовременно, а затем — по пять кентинариев ежегодно. В качестве гарантии исполнения договора он берет заложников и возвращается в Персию. Никаких территориальных приращений иранцы при этом не получают. Следовательно, вторжение 540 года было просто очень большим и удачным набегом.

Пока Хосров вел переговоры, он не терял времени и пытался ограбить возможно больше вражеских поселений. Наконец он отправился к стенам Апамен. Обобрал жителей, иранский властитель явился в цирк и велел устроить бега колесниц, на которые изволил полюбоваться. Поскольку он знал, что Юстиниан поддерживает партию «голубых», то заранее присудил победу «зеленым». Возможно, в этом крылся

хитрый умысел. Хосров желал выказать покровительство гонимой партии и обрести сторонников в ее рядах.

Состязавшиеся знали о замысле шаханшаха, но возница-венет вырвался вперед, за ним следовал прасин. Хосров посчитал, что это сделано нарочно. Он разгневался и закричал:

— Нельзя, чтобы кесарь опередил других!

Шаханшах повелел «голубому» придержать коней и присудил победу «зеленым». После этого сомнительного подвига Хосров приказал возвращаться на Восток.

Когда шаханшах находился под стенами Эдессы, к нему пришло письмо от Юстиниана. Император утверждал мирный договор и соглашался выплачивать дань.

Ясно, что это решение далось Юстиниану и его соратникам нелегко. Но они рассудили, что лучше откупиться и подготовиться к новой войне, чем продолжать неудачные боевые действия. Для того чтобы перебросить войска с Балкан и из Италии на Восток, требовалось много времени. Его-то и хотел выиграть Юстиниан.

Хосров ознакомился с посланием императора, выразил полнейшее удовлетворение содержанием письма и стал готовиться к отступлению. При этом иранский государь не забывал о собственной выгоде. В его лагере находилось много византийских пленных, захваченных в Антиохии и других городах. Хосров предложил их выкупить византийцам. Жители Эдессы с готовностью стали собирать деньги. Даже проститутки снимали свои украшения и жертвовали на выкуп единоверцев.

Однако благотворительная акция провалилась. В Эдессу неожиданно прискакал Вуза. Пока длилось нашествие, этот человек где-то пропадал, но сейчас сказал веское слово. Он запретил выкупать пленных, чтобы не пополнять казну шаханшаха ромейскими сокровищами. Возможно, это Юстиниан запретил выкупать ромеев. Хосров отступил от стен Эдессы, а пленных повел с собой.

Судьба византийского полона такова. Шаханшах построил в Ассирии город под названием Антиохия Хосрова. Там он и поселил пленнян, причем жили они в комфортных условиях: иранский государь выстроил «бани, ипподром и повелел предоставить им и другие удовольствия». Взамен византийцы должны были трудиться на шаханшаха. Им было что предложить. В то время Византия являлась самым передовым государством Средиземноморья. Причем во всех областях, будь то новые промышленные технологии, изящные искусства или

умение обустроить комфортный быт с водопроводом, банями, ночным освещением улиц... Хосров подчинил город лично себе, а не кому-то из своих феодалов или чиновников. Следовательно, Юстиниан ошибся. Он пополнил своими людьми потенциал врага вместо того чтобы отдать золото.

Напоследок шаханшах прибыл к стенам крепости Дара и решил ее взять несмотря на такую мелочь, как мирный договор с Византией. Но твердыню оборонял полководец Мартин, причем столь успешно, что персам пришлось отступить.

Тогда Хосров начал переговоры с осажденными, взял с них тысячу фунтов серебра и удалился в Иран. Юстиниан был взбешен этим вероломством шаханшаха и «не пожелал выполнять условия договора». В самом деле: какой смысл заключать договор, если Хосров его не соблюдает?

Так закончилась кампания 540 года. Осенью в Константинополь наконец-то прибыл Велисарий вместе со свитой и трофеями. Война в Африке и Италии обогатила его. Бедный офицер, когда-то возносивший горячую православную молитву перед каждым сражением, остался в прошлом. Теперь он многое повидал, сильно изменился, но сохранил постоянство в одном: в верности императору. Поэтому Юстиниан смотрел сквозь пальцы на обогащение Велисария. До поры до времени полководцу всё прощали. Более того, Юстиниан и Феодора использовали жену Велисария для одной придворной интриги. В это время префект претория Иоанн Каппадокиец утратил доверие базилевса. От могущественного чиновника решили избавиться. Вот что рассказывают об этом событии.

4. ПАДЕНИЕ ФИНАНСИСТА

Опытный финансист Иоанн Каппадокиец долгое время был нужен Юстиниану. Префекту позволяли многое. Кадры решают всё! Но, с другой стороны, незаменимых людей нет. Об этом Каппадокиец позабыл.

Прокопий с наслаждением и знанием дела описал в своей «Тайной истории» доходы, которые префект претория выжимал из народа. Например, ежегодно он вносил в казну 30 кентинариев золота. Сумма называлась *азрикон* — «упавшая с неба». И это лишь один источник, таких было много. Каппадокиец умело присваивал часть доходов богатей, брал взятки и сказочно обогатился. При этом он обладал скверным характером и невероятными амбициями.

Десять лет Иоанн распоряжался финансами империи. Префекта ненавидела Феодора, но Юстиниан терпел за феноменальные способности сводить концы с концами. Однако жалоб поступало всё больше, и с талантливым жуликом надо было что-то делать.

К тому времени Иоанн совершенно забылся: оскорблял императрицу, строил против нее козни и осыпал доносами, которые вынужден был выслушивать Юстиниан.

Тогда Феодора поняла, что пора действовать. Каппадокиец всюду имел глаза и уши. Он обзавелся ценными знакомствами и шпионами, которые донесли, что Феодора собирается начать войну всерьез.

Иоанн не на шутку перепугался, хотя беспокоиться нужно было раньше — в то время, когда он хотел свалить Феодору и обеспечить себе полную безнаказанность. Спокойная жизнь для префекта закончилась. «Когда он, собираясь ложиться спать, входил в свою спальню, он каждую ночь опасался, что встретит тут какого-нибудь варвара, посланного убить его, выглядывал из своего покоя, осматривал входы, проводя бессонную ночь, хотя он имел при себе тысячи копьеносцев и щитonosцев, чего, по крайней мере раньше, не бывало ни у одного из епархов двора», — с некоторой брезгливостью сообщает Прокопий.

С наступлением дня Каппадокиец принимался за старое: воровал деньги, выжимал налоги, а самое главное — пытался очернить Феодору в глазах базилевса.

Вечером возвращались страхи. Иоанн «часто общался с колдунами, внимая нечестивым их пророчествам». Колдуны предсказали ему верховную власть в Византийской империи. Почему бы нет? Юстиниан был крестьянским сыном. Каппадокиец тоже простолюдин, но умный, гораздо умнее императора. Люди, подобные Иоанну, обладают повышенным самомнением. Они не понимают, что вознесены наверх удачей, обстоятельствами, волей вышестоящих людей. Им кажется, что причина карьеры — они сами. Их ум, ловкость, способность быстро принять верное решение создают иллюзию незаменимости. Разве меня вознес император? Нет, это я сделал ему одолжение, поставив собственную гениальность на службу империи. А император не так уж умен... На самом деле в мире очень много умных, ловких, расторопных персонажей. Как правило, высоты достигают самые неразборчивые из них. Причем это происходит во все времена и при любой политической системе. Критерий оценки может быть только один: польза или вред для империи. Иоанн же Каппадокиец являлся всего лишь чиновником, высокое положение которого вскружило голову ее обладателю.

Этими качествами оппонента и задумала воспользоваться Феодора, чтобы испортить ему карьеру. Убивать врага было не в стиле базилиссы, Каппадокиец боялся зря.

В это время закончилась первая война с готами (540 год), ее герой Велисарий вернулся в Константинополь вместе со своей женой Антониной. Он уже знал, что получил другое назначение — командовать войсками Восточного фронта, на который напали персы. Так что пребывание великого полководца в Константинополе не должно было затянуться надолго.

Но Феодору больше интересовала жена Велисария — Антонина. Женщины были подругами, в молодости обе выступали на театральной сцене. Это были выходцы из народа — сильные, хитрые, изобретательные. Кесариец утверждает, что именно Антонина нашла способ погубить префекта Иоанна, поскольку «была она самой способной из всех людей находить выходы из безвыходного положения». Велисарий уехал на Восток. Антонина осталась на время в столице. Колесо интриги завертелось.

У Иоанна Каппадокийца была молоденькая дочь Евфимия. Антонина познакомилась с нею и втерлась в доверие. Однажды Антонина и Евфимия остались наедине. Слуги были отпущены, и женщины принялись сплетничать. Антонина стала вздыхать о несправедливости судьбы. Вот муж ее Велисарий: расширил державу, привел в Константинополь двух пленных царей — Гелимера и Витигеса, наполнил имперскую казну богатыми трофеями, «а со стороны Юстиниана получил одну только неблагодарность». Вся власть несправедлива!

Зерна упали на благодатную почву. Видно, Иоанн Каппадокиец не скрывал от дочери свои мысли и не стеснялся в выражениях. В этой семье считали, что империя управляется плохо.

— Но в этом, дорогая моя, — сказала Евфимия, обращаясь к Антонине, — виноваты вы сами. Имея возможность, вы не хотите пользоваться своей силой и влиянием.

Это было приглашение к перевороту! Антонина живо возразила:

— Мы не можем, дочь моя, попытаться произвести переворот в армии, если нам в этом деле не окажет содействия кто-нибудь из тех, кто находится здесь. Если бы твой отец захотел, мы очень легко могли бы приступить к делу и совершить то, что угодно Богу.

Глуповатая, но честолюбивая Евфимия возликовала. Военные — на стороне ее отца. Можно будет сменить власть. Женщина сообщила обо всем Каппадокийцу. Тот пришел в восторг и велел дочери свести

его с Антониной. Однако во встрече было отказано. Антонина сказала, что готовится к отъезду на Восток: ей некогда. Лишь через некоторое время женщина дала уговорить себя. Вскоре она, мол, уедет из столицы и остановится в своем имении Руфинианы. Там никто не помешает устроить встречу и переговорить о важных делах. Пусть Иоанн приедет на виллу под предлогом визита вежливости. Осторожность Антонины выглядела очень правдоподобно. Каппадокиец попался на удочку как глупая рыба.

Назначенный день настал. Антонина, переговорив о чем-то с базилиссой, выехала из столицы и остановилась в Руфинианах, «чтобы на следующий день начать свое путешествие на Восток». Ближе к ночи в имение прибыл Иоанн.

Феодора донесла своему мужу о действиях Иоанна, направленных на захват власти. Юстиниан встревожился и приказал действовать. Феодора послала в Руфинианы евнуха Нарсеса и начальника дворцовой стражи Маркелла — честнейших проверенных людей из своего окружения (возможно, этого Маркелла мы уже встречали в качестве боевого офицера на Востоке). Императрица умела подбирать кадры даже лучше, чем это делал Юстиниан. Нарсеса и Маркелла сопровождал сильный отряд солдат. Им было приказано убить Иоанна, если тот действительно замыслил переворот.

Впрочем, впоследствии ходила сплетня, что Юстиниан захотел спасти Каппадокийца, то есть не поверил наветам жены. Император якобы отправил к Иоанну своего человека с предписанием ни в коем случае не встречаться с Антониной. Эта версия попала в официальную историю Прокопия, что лишний раз говорит о широкой свободе слова в Византии.

Иоанн не обратил внимания на предостережение базилевса «и ночью встретился с Антониной поблизости от ограды, по другую сторону которой та поместила людей Нарсеса и Маркелла, чтобы они могли слышать, что будет говориться». Неосторожный префект всё глубже запутывался в силках.

Антонина говорила с ним достаточно откровенно, она предлагала переворот и гарантировала помощь со стороны Велисария. Окрыленный этим Иоанн дал согласие совершить покушение на базилевса «и подтвердил свое обещание самыми страшными клятвами». Внезапно перед ним возникли Нарсес и Маркелл в окружении солдат. Поднялся шум. Каппадокиец позвал на помощь. Телохранители Иоанна, стоявшие поблизости, тотчас оказались подле него. Началась схватка.

Один из частных охранников ранил Маркелла. Солдаты сгрудились вокруг своего начальника, в результате Иоанн получил возможность бежать. Он очутился в городе и впал в совершенную панику. Прокопий считает, что если бы опальный вельможа тотчас прибежал к Юстиниану, то был бы спасен. Но Каппадокиец стал искать убежища в храме и тем самым дал возможность базилиссе действовать наступательно. Феодора представила мужу доказательства вины префекта, и тот был снят с должности.

Покинув храм частным человеком, Иоанн уже не получил свободу. Его переправили на малоазийский берег в другой храм в предместье города Кизика. Здесь бывший чиновник был против воли пострижен в священнический сан и стал пресвитером. Имущество конфисковали в казну. Юстиниан попытался подсластить пилюлю и всё же оставил Иоанну часть состояния. Каппадокиец неплохо устроился. Поговаривали, что часть сокровищ он припрятал, а потому остался богачом и вел роскошный образ жизни.

Впрочем, судьба всё же посмеялась над ним. Жил в Кизике непопулярный в народе епископ Евсевий, с которым Иоанн находился в лютой вражде. Горожане жаловались на Евсевия базилевсу, но ничего не достигли, так как епископ обладал связями. Тогда несколько молодых людей сговорились и убили епископа прямо на городской площади.

Подозрение в организации теракта тотчас же пало на Иоанна Каппадокийца. Было послано несколько сенаторов для расследования. Дознаватели явно питали ненависть к Каппадокийцу. Они заключили Иоанна в тюрьму, затем пытали. Иоанн ни в чем не сознался, однако всё равно понес наказание. Следователи изъяли деньги, «нагим посадили его на корабль, бросив на него один только плащ и то очень грубый, ценой в несколько оболов». Везде, где приставал корабль, тюремщики заставляли просить Иоанна «хлеба или оболов». В итоге его сослали в Египет, но Каппадокиец и там сумел устроиться, по-прежнему мечтал о царской власти и ухитрился донести на нескольких жителей Александрии, что они укрываются от налогов.

После смерти Феодоры, последовавшей в 548 году, Иоанн вернулся в столицу, но его место при дворе заняли другие карьеристы, многие из которых отличались выдающимися способностями. Старый чиновник оказался не уникален и никому не нужен. О нем позабыли, а это — самое оскорбительное для бюрократа, который еще недавно считал себя центром мира и мечтал о царском престоле. Экс-префект

умер в бедности. Должно быть, Юстиниан о нем и не вспомнил. У императора были другие важные дела, и в его плотный график не вписывались стенания по поводу утраченного соратника. Жизнь продолжалась.

В должность префекта сперва вступил некто Феодот, но он оказался «человеком не очень хороших нравов», по утверждению Прокопия. Тогда префектом сделали Петра Барисму — сирийца родом, денежного менялу по профессии. Считается, что Барсима был ставленником Феодоры. Первым делом он стал урезать расходы на армию, что принесло много вреда. Кесариец утверждает, что Барсима был склонен к чернокнижию и дружил с «манихеями». Не скрываются ли под этим именем маздакиты? Если так, причины стремительной карьеры Петра становятся понятны. Однако назначение этого субъекта на высокую должность ничего не изменило к лучшему. Барсима воровал, не выказывал своих маздакитских симпатий (если они были), и ему всё сходило с рук. Таковы были преемники Иоанна Каппадокийца.

А мы вернемся в 540 год.

5. СИРИЯ И КОЛХИДА

В заботах об укреплении восточной границы прошла зима. Всё это время из Италии прибывали войска и пленные, включая экс-короля Витигеса. Подтянулись подкрепления также с Балкан, поскольку болгары ушли, а византийские дипломаты стравили их с антами, используя подарки и взятки. Расстановка сил в причерноморских степях изменилась. Анты заключили союз с кубанскими утургурами, а днепровские кутургуры — в свою очередь, со «склафинами». Пока они разбирались между собой, на Балканах царило затишье.

Весной 541 года Юстиниан назначил Велисария стратегом Востока. Тому подчинялись войска Сирии и Месопотамии. Часть сил император перебросил в Армению. Туда отправился полководец Валериан. Вскоре его назначили командующим войсками Армении (в звании «магистр милитум»), а Вуза был понижен и перешел под начало Велисария.

Пленным готам, прибывшим из Италии, предлагали поступить в византийскую армию и отправиться на Восток. Практически все приняли предложение. Они ничего не умели, кроме как воевать, и привыкли к римскому образу жизни.

Одного только Витигеса император удержал в Константинополе. Бывшему королю дали имение, в котором он жил до конца дней.

Это никак не вяжется с образом бесстрашного и верного своему долгу германца, который был создан автором романа «Битва за Рим». Поэтому в книге Витигес гибнет. На самом деле он получил сан патрикия и прожил в плену целый год, после чего умер от какой-то болезни, а может — от тоски по утраченному могуществу.

* * *

Велисарий явился в Сирию. Он был уверен, что сможет отбить любое нападение персов. Теперь Сирия была надежно защищена. Но в это время пришли известия, что персидская армия вторглась в Лазик (Колхиду).

Персов пригласили местные жители — лазы, жившие в Западной Грузии вокруг современного Кутаиси. Их тяготило военное присутствие византийцев. Византийскими войсками в Лазике сперва командовал военачальник Петр. Местные его не любили, считая грубияном. Его заменил Иоанн Цив. Это был типичный деятель эпохи революции: низкое происхождение, непонятные заслуги, стремительная карьера. Иоанн, по мнению Прокопия, «был самым негодным из всех людей и самым способным в изыскании средств для незаконного приобретения денег». Цив убедил Юстиниана построить в Лазике приморский город Петра. Современные исследователи отождествляют его с городком Цихисдзири. Иоанн превратил его в свою базу и обложил лазов податями. Тогда лазы и приняли сторону Хосрова. Вскоре персидские войска появились на берегах Черного моря.

Шаханшах Хосров лично вторгся в Лазик, чтобы захватить Петру. В ней закрепился Иоанн Цив. Полководцем он был отличным, но во время боя его убила шальная стрела.

Смерть вождя повергла в уныние защитников крепости. Персы провели подкоп и ворвались в Петру. Византийские солдаты, оборонявшие ее, перешли на сторону врага.

Хосров вышел к Черному морю. Складывается ощущение, что шаханшах стратегически переигрывал ромеев. Но теперь против него на южном участке фронта сражался Велисарий.

Юстиниан написал Велисарию письмо с подробными инструкциями, как напасть на врага и вести кампанию. Император хорошо представлял восточный театр войны и по-прежнему выполнял функции верховного главнокомандующего. Правда, он находился в столице, и потому все лавры победителей доставались не ему, а полевым командирам. Но Юстиниан обладал достаточно живым воображением, чтобы представлять картины войны. А самое главное, его мозг схватывал все

необходимые детали: расстояния, численность войск, потребность в снаряжении... Вскоре византийцы начали вторжение в Иран из Месопотамии. Их союзниками были *гассаниды*.

Однако поход завершился ничем. Велисарий взял пару незначительных крепостей и повернул назад из-за жары и болезней. *Гассаниды* разграбили несколько районов в персидской части Месопотамии, но это была мелочь. Велисариию не повезло, поход провалился. Юстиниан был раздосадован, но наказывать никого не стал.

Пока главная ромейская армия во главе с лучшим полководцем довольствовалась незначительными успехами, иранский государь Хосров Ануширван всё еще пытался укрепиться на берегах Черного моря, однако тоже потерпел фиаско. Он взял Петру, но тут на персов напали болезни — малярия, дизентерия, что-то еще. Кроме того, лазы почти не снабжали их провиантом. Зачем? Традиционное грузинское гостеприимство — такой же миф, как германская верность. От голода и эпидемий большая часть иранской армии вымерла. Природа сделала то, чего не смог совершить Юстиниан. Вероятно, набожный византийский император произвел по этому поводу благодарственный молебен и увидел в неудаче персов волю Божью.

Тогда союзные персам «гунны» (дагестанские сабиры) напали на ромейскую Армению. Хосров открыл им проход через Дарьяльское ущелье, за который хотел брать дань с византийцев.

Ромейскими войсками в Армении командовал Валериан. Он выступил навстречу сабирам, разгромил их и истребил почти полностью. Узнав об этом, Хосров убрался в родные края подобру-поздорову.

Так закончилась кампания 541 года. На северном участке фронта потерпели неудачу персы, на южном — ромеи. В центре, в Армении, византийцы одержали победу. Это еще раз показало: Византийская и Иранская империи равны по силе.

* * *

Весной 542 года Хосров собрал новую армию и напал на Византию. Он опять выбрал для удара южный участок фронта: справа была река Евфрат, слева — сухая Аравийская степь.

Складывается ощущение, что Юстиниан был обманут иранцами. Император ждал удара на севере. Он держал большие силы у границ Лазики, а Хосров пошел прежней дорогой вдоль Евфрата. Началось то же, что было в 540 году. Хосров напал на беззащитные ромейские города и налагал контрибуции.

Но ромеи оказались гораздо лучше подготовлены к войне, чем в 540 году. Велисарий прибыл в местечко Дурос-Европос на реке Евфрат. Отсюда он разослал гонцов, чтобы собрать приграничные войска в один кулак и встретить Хосрова во всеоружии.

Шаханшах не принял бой и предпочел отступить за реку. Прокопий считает, что главной причиной отступления сделался страх перед Велисарием. Хосров направил гонцов с известием, что готов заключить мир, если Юстиниан проявит уступчивость.

Велисарий преследовал врага, перешел реку вслед за персами, однако не рискнул начать сражение, согласился на переговоры и даже направил заложника в лагерь иранцев с условием, чтобы они ушли в свои пределы. В общем, проявил вялость и осторожность.

Хосров рассыпался в любезностях, раздавал обещания, а сам напал на византийский город Каллиник. Стены города были ветхи, сопротивляться он не мог. Каллиник пал буквально на глазах у Велисария, который палец о палец не ударил, чтобы спасти жителей. Хосров обратил в рабство всё население Каллиника, после чего внезапно и быстро ушел восвояси. Шаханшах хотел максимально обезлюдить границу и разграбить империю, чтобы снизить военный и экономический потенциал Византии.

Бездействие Велисария во время последней кампании получило огласку, о нем донесли Юстиниану. Император охладел к бывшему любимцу. Звезда Велисария постепенно закатывалась. Впрочем, ему дали еще один шанс реабилитировать себя и вновь перебросили в Италию, где полководец окончательно похоронил былую славу.

Итак, очередной тур войны с персами завершился безрезультатно. Единственной удачей ромеев был дипломатический успех на переговорах с восставшими армянами, которые когда-то ушли в Иран и сражались против империи. Ими руководил князь Васак Мамиконян. Византийские дипломаты договорились, что армяне вернуться, а взамен обещали им неприкосновенность. Васак и его соратники действительно возвратились назад. Это было очень важно для Юстиниана. Теперь Васак прикрывал армянскую границу от персов, а византийская армия получила несколько полков тяжеловооруженной армянской конницы. Ромейские части, расквартированные в Армении, можно было высвободить для действий в Сирии и Колхиде.

И всё же — почему Хосров вдруг отступил из Месопотамии? Современные комментаторы трудов Прокопия Кесарийского полагают, что дело не в страхе перед Велисарием. До персов дошли слухи, что в Визан-

тию проникла из Эфиопии какая-то страшная болезнь, не поддающаяся лечению. Узнав об этом, шаханшах поспешил уйти за Евфрат.

Болезнью оказалась пандемия чумы.

6. ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Американский политолог Эдвард Люттвак полагает, что позднейшие ученые всегда недооценивали известия о чуме в Византии. На самом деле эпидемия приняла грандиозные размеры и погубила все начинания Юстиниана, причем в самый разгар успехов. О ней пишут многие авторы. Болезнь бушевала несколько десятилетий, то затихая, то разгораясь вновь. Живший в конце VI века византийский юрист и историк Евагрий Схоластик потерял всех родных из-за вспышек чумы, переболел сам, но остался жив. Он говорит, что опустели целые города. Короче, стряслось нечто ужасное.

Yersinia pestis — так называется бактерия, возбуждающая чуму. Ее открыл французский ученый Александр Йерсен, умерший в 1943 году. Через 24 года после его смерти ученые присвоили бактерии имя первооткрывателя.

Подробнее всех историю первого появления чумы излагает Прокопий. В 542 году, пишет он, в Византийской империи «распространилась моровая язва, из-за которой чуть было не погибла вся жизнь человеческая».

Биовар бубонной чумы был еще незнаком людям. Его переносили крысы. Эпидемия началась в верховьях Нила осенью 541 года. Вскоре зараза перешла в Эфиопию — в христианское царство Аксум. Значительное число людей заболело и погибло. Эфиопия была на несколько десятилетий выключена из военного конфликта между Ираном и Византией.

В Аксум регулярно плавали ромейские купцы. Они перенесли заразу на кораблях в крепость Пелусий на Синайском перешейке. Из Пелусия болезнь проникла в Египет и Сирию, «а затем она охватила всю землю, продвигаясь всегда в определенном направлении и в надлежащие сроки». Прокопий Кесариец и Евагрий Схоластик рисуют страшные картины бедствия, причем Прокопий более ценен, ибо сделался первым свидетелем прихода чумы.

Болезнь проникла в густонаселенные области Восточного Средиземноморья. Вместе с нею приходили страх и отчаяние. Огромные города вымирали за несколько недель, а уцелевшие люди бежали кто куда, чтобы найти убежище.

Считается, что чумная палочка постепенно мутирует. Византийцы времен Юстиниана столкнулись с самой древней версией бактерии. Ученые называют этот биовар *antiqua* — античный. Затем появились еще два: средневековый и биовар нового времени.

Болезнь охватывала человека внезапно. У людей «появлялся жар; у одних, когда они пробуждались ото сна, у других, когда они гуляли, у третьих, когда они были чем-то заняты, — пишет Прокопий. — При этом тело не теряло своего прежнего цвета и не становилось горячим, как бывает при лихорадке, и не было никакого воспаления, но с утра до вечера жар был настолько умеренным, что ни у самих больных, ни у врача, прикасавшегося к ним, не возникало мысли об опасности». Затем наступала следующая фаза. На теле появлялся бубон, «не только в той части тела, которая расположена ниже живота и называется пахом (бубоном), но и под мышкой, иногда около уха, а также в любой части бедра». Поэтому болезнь называли бубонной чумой.

Переносили недуг по-разному. «Одни впадали в глубокую сонливость, у других наступал сильный бред». У больных поднималась температура, в бреду они могли утопиться или броситься с высоты. Многие погибали лишь потому, что некому было за ними ухаживать.

Считается, что чума передается воздушно-капельным путем, но часто случалось, что люди, которые ухаживали за больными, оставались здоровы, тогда как другие, которые казались здоровыми и не сталкивались с болезнью, по непонятным причинам заражались и умирали. Вероятно, их кусали блохи — переносчики заразы, которые водились в шерстке черных крыс.

Одним больным помогали бани, других убивали. Одним помогал уход, а других добивал. Разве только для беременных женщин болезнь всегда оказывалась смертельной.

Юстиниан молился, советовался с монахами и врачами, но ничего не мог поделать. Эпидемия неотвратно приближалась к столице, а базилевс с ужасом наблюдал разрушение своего царства. И вот — чума пришла в Константинополь-Византий.

«В Византии болезнь продолжалась четыре месяца, но особенно свирепствовала в течение трех. Вначале умирало людей немногим больше обычного, но затем смертность все более и более возрастала: число умирающих достигло пяти тысяч в день, а потом и десяти тысяч и даже больше».

Первое время мертвецов еще хоронили, хотя и бросая тайком в общие могилы. Затем всё рухнуло. Рабы остались без господ, богатые

господа — без прислуги, многие дома опустели. Резня после мятежа «Ника», устроенная Юстинианом и Велисарием, померкла перед этими бедствиями.

Юстиниан пытался что-то делать, но мог разве что похоронить мертвых по-христиански. Император выделил средства из казны, назначил в похоронную команду воинов из дворцовой стражи, а над ними поставил *референдария* Феодора, которому велел позаботиться о мертвых византийцах. *Референдарий* — чиновник, который собирает жалобы. Но теперь жаловаться стало некому; чиновник провожал сограждан в последний путь. Феодор тратил деньги Юстиниана и даже свои собственные, чтобы похоронить трупы тех, кто остался без попечения. Настроение у всех было такое, что словами не высказать: пир во время чумы, какие там деньги...

В конце концов покойников перестали отпевать и хоронить как положено: для этого не хватало людей. Угроза смерти сплотила богатых и бедных. Даже стасиоты позабыли о своей ненависти к богачам и безропотно хоронили их, если богачи умирали первыми.

Некоторое время болезнь не проникала во дворец, но однажды Юстиниан увидел у себя в паху странную опухоль. Она раздулась, в теле начался жар. Неизвестно от кого заразился базилевс. Вряд ли его укусила блоха. Но он слишком часто встречался с людьми в продолжение рабочего дня, и кто-то оказался переносчиком заразы. Император слег, стал бредить, метаться в жару. За ним ухаживал придворный медик Самсон.

По всей стране быстро разлетелись слухи о болезни государя. Армия, воевавшая на Востоке, словно застыла в ожидании: умрет базилевс или выживет? Военные действия против персов были парализованы.

Юстиниан выжил, болезнь его продолжалась недолго. Император-крестьянин обладал богатырским здоровьем. Кроме того, он не пил вина, не объедался, соблюдал посты, вкушал здоровую пищу. Организм выдержал удар, и вскоре самодержец пошел на поправку.

В отличие от него, Феодора оставалась здорова. Вероятно, царица ввела жесткий карантин и оттого спаслась. Зато квестор Трибониан, лучший законник империи, скончался во время эпидемии, как и множество других сановников.

...Новость о выздоровлении императора пришла в восточную армию. Офицеры отреагировали своеобразно. Они начали писать доносы друг на друга и на Велисария, обвиняя соперников в бездарности и измене.

Особенно усердствовал Иоанн Фага (Обжора), имя которого впоследствии часто встречается среди офицеров Западного и Восточного фронтов.

Чума продолжала мрачное шествие по земле.

Из Византии болезнь перекинулась в Иран, Италию и другие страны. Всё Средиземноморье было опустошено, причем Ромейская империя как более сложный организм пострадала сильнее, чем варварские племена. Византийцы жили в густонаселенных городах, и по ним пришелся удар чумы. Редконаселенные районы, где обитали германцы, славяне, болгары, пострадали значительно меньше. В Великую Степь болезнь вообще не проникла, и вскоре там возник Тюркский каганат.

Была и еще одна причина ослабления Византии. Чем сложнее система, тем трудней ее перестроить. Если гибнут чиновники, если рушится налоговая и армейская структура, если пустеют крепости, возведенные для охраны границ, а для оплаты уцелевших воинов нет денег из-за того что налогоплательщики вымерли, — это означает, что государство на краю пропасти. И всё же Юстиниан нашел новые кадры, смог восстановить боеспособность армии, пополнить казну и продолжить активную внешнюю политику. Железного императора ничто не могло согнуть.

7. ВЕРИТЬ ЛИ КЕСАРИЙЦУ?

Впрочем, возникают сомнения относительно размера ущерба, нанесенного чумой. Неужели всё оказалось так страшно, как описывает Прокопий? Может быть, наш писатель преувеличил, ведь это ему свойственно. Однако мы знаем, что чума возвращалась несколько раз, и о ней примерно в тех же выражениях писал Евагрий. Не меньшую катастрофу нарисовал сирийский автор, известный под условным именем Псевдо-Дионисий.

Правда, и это ничего не доказывает. Каждый человек воспринимает личное горе как невероятную трагедию. Так рождаются мифы о глобальных катастрофах, утонувших атлантидах и о «советских репрессиях». Можем ли мы воспринимать всё это не критически?

Обратимся еще раз к сочинению Эдварда Люттвака «Стратегия Византийской империи», в котором он подробно рассматривает версию пандемии чумы с привлечением современных данных.

Говоря о жертвах чумы, Люттвак ссылается на цифры Прокопия. Они огромны. Прокопий утверждает, что в Константинополе чума продолжалась четыре месяца, «но особенно свирепствовала в течение трех».

Вначале умирало немного людей, затем всё больше и больше, и наконец началась эпидемия. Число покойников достигало пяти тысяч в день, «а потом и десяти тысяч и даже больше».

Люттвак начинает подсчеты. Три месяца по 5000 жертв — это 450 тысяч. Если удвоить цифру, получим 900 тысяч. Правда, эта цифра некорректна, потому что чума не собирала в столице такую жатву за все три месяца. Десять тысяч покойников — это пик в отдельные дни. Но есть серьезные сомнения и насчет 450 тысяч. Население Константинополя вряд ли превышало в ту пору 300 тысяч жителей, а, скорее всего, было тысяч на сто меньше. Этот факт Люттвак не учитывает.

Еще одно соображение. Прокопию и в обычной ситуации не всегда можно верить. Когда же историк касается цифр, они попросту фантастичны. Кесариец подсчитывает последствия от набегов болгар на Балканы и пишет о нескольких миллионах византийцев, угнанных в рабство. Но жило ли на Балканах в то время такое количество людей? Сомнительно. Не больше доверия вызывают и его подсчеты жертв чумы.

Однако Люттвак тем не менее убежден, что бубонная чума — это не просто вспышка болезни, а «не знавшая прецедентов в истории пандемия», которая унесла больше трети Византии, чье население тогда составляло от 30 до 50 миллионов. Ученый верит Прокопию, и вот почему. Биовар бубонной чумы был чем-то новым для людей VI века. Позже, в XIV столетии, когда «черная смерть» косила население Евразии, люди уже имели некоторый иммунитет по отношению к ней. Однако и тогда число жертв было громадным.

В качестве доказательства приводится довольно странный факт: результаты исследования ледовых кернов Антарктики. Эти исследования демонстрируют снижение углекислого газа во льду, которое *примерно* соответствует 541 году. По мнению Люттвака, это произошло из-за вымирания значительной части людей и домашнего скота.

Такую гипотезу принять невозможно. Воздействие людей на климат вообще нельзя преувеличивать. Человек может изменить ландшафт, загубить плодородные почвы, оставить после себя пустыню, но влиять на глобальные климатические изменения или стать причиной серьезных колебаний уровня углекислого газа в атмосфере пока не может. К тому же Люттвак не приводит точных цифр. Следовательно, сведения о данных, полученных из ледовых кернов, — не более чем красивая реплика в дискуссии.

Еще одну реплику произносит Н. В. Пигулевская, говоря о более поздних временах. Ссылаясь на сирийские источники, она приводит

цифру погибших от чумы в Византии в 599 году, когда империю накрыла новая волна эпидемии. Так вот, число умерших, по данным Пигулевской, превышает 3 миллиона человек. Во время первой эпидемии жертв было, вероятно, еще больше. Если численность населения Византийской империи оценить даже по максимуму — в 60 миллионов человек, то всё равно потеря 3—5 миллионов действительно катастрофична.

Еще интереснее факты, приводимые археологами, которые дают пригодный для анализа материал. Археологи подтверждают резкое снижение численности населения в Сирии VI века, они видят опустевшие города и говорят о прекращении бытового строительства. Империя действительно пережила катастрофу.

Именно тогда начался процесс гибели античных городов с их эллинизированным населением. Многие византийцы уходят в деревни, в места с более здоровым климатом.

Империя потерпела внезапный крах, считает Люттвак. Произошел институциональный коллапс, а также развал вооруженных сил, которые потеряли до половины списочного состава. Это означало, что дезорганизация зачастую превысила пятидесятипроцентный барьер, а многие подразделения потеряли начальников и распались.

Примерно в течение полугода Юстиниан остался без значительной части населения и без армии. Какие-то ее остатки сумел сохранить Велисарий; теперь фронт имел огромные прорехи, куда вскоре хлынули варвары. Вот причина падения численности византийских войск. Еще одна причина — резкое сокращение налогоплательщиков, без которых содержать большие армии было невозможно. Император и его финансисты подсчитали оптимальный баланс, чтобы свести бездефицитный бюджет и обеспечить охрану границ. Увы, сделать это удалось далеко не сразу. Пришлось перейти от сплошной обороны к мобильным армиям, которые встречали врага в глубине территории и наносили контрудар. Но это уровень оперативного командования. Гораздо важнее было то, что чума обрушила все стратегические планы базилевса и его генералов.

Юстиниан был поставлен перед выбором: прекратить войны и оставить освобожденные территории Гесперии или продолжать боевые действия? Но он не сдался, хотя в первые годы после чумы византийцы повсюду перешли к обороне: в Италии, Сирии, на Балканах и в Африке. Это еще одно свидетельство в пользу того, что катастрофа была ужасна. А теперь вернемся на Восток, чтобы посмотреть, как Юстиниан и его полководцы вели войну против Ирана.

8. БИТВА В АРМЕНИИ

Шаханшах Хосров увел главную армию в Атропатену — современный Иранский Азербайджан. К тому времени в Иран тоже пришла чума. Вдобавок ко всему в Персии вспыхнуло восстание христиан. Его возглавил сын Хосрова — царевич Ануш. Христиане захватили иранскую провинцию Сузиану (совр. Хузистан).

Шаханшах срочно стал искать способ помириться с Юстинианом. У византийского императора было сходное желание. Его города вымирали от чумы, армия распадалась, налоговая система рухнула. Но восстание христиан в тылу врага, казалось, давало шанс на победу в войне с Ираном. Император задумал ударить на центральном участке фронта, в Армении. Он приказал войскам под командой Валериана и Мартина напасть на персов. В это время Хосров прибыл со своей армией в Ассирию на берега Тигра, куда чума еще не дошла.

Византийцы сосредоточили войска у Феодосиополя. Там стал лагерь Валериан. К нему присоединился князь Нарсес Камсаракан с отрядами армян и герулов, а также Петр (вероятно, тот, что ранее командовал в Лазике). В четырех днях пути от него расположил войска Мартин. Вместе с ним были Хильдегер и Феоктист — матерые вояки, имевшие опыт Готской войны. Наконец, еще одно войско привели двоюродный брат базилевса — Юст, Пераний, Иоанн сын Никиты, а также Иоанн Фага (Обжора). Они разбили лагерь возле Мартирополя.

Такова была группировка византийских войск. Перечень полководцев показывает, что Юстиниан отозвал с Запада на Восток лучшие боевые единицы и самых способных военачальников.

Византийская группировка составляла 30 тысяч солдат — огромное число для византийцев, которые обычно сражались небольшими отрядами. Казалось, удар ромейских войск будет страшен. Но...

У армии снова не было единого командования. Юстиниан почему-то не смог подобрать вождя. Платой за раздробленность командования стала неэффективность стратегии.

Командиры долго не могли прийти к согласию. Один из них, Петр, прекратил споры и двинулся со своим отрядом на Персию. За ним отправился вождь герулов Филемут. Когда об этом узнали Мартин и Валериан, они тоже присоединились к армии вторжения. Наконец, известия о походе дошли до Юста и его отряда, и он выступил замыкающим.

Ромеям противостоял персидский военачальник «Навед» с 4000 солдат. Он заманил часть византийцев в засаду и разгромил.

Прочие отступили, и тут в ромейском войске началась эпидемия. То, что не сделали персы, довершила чума. Многие воины погибли, включая полководца Юста. Кампания 543 года завершилась катастрофой для византийцев.

9. ОБОРОНА ЭДЕССЫ

В 544 году Хосров нанес ответный удар: нападению подверглась богатая Эдесса. Этот город почему-то вызвал гнев царя Ирана. «Хосров грозился у себя во дворце, что всех жителей Эдессы обратит в рабство и приведет в персидские пределы, а город превратит в пастбище для овец», — утверждает Прокопий.

Однако в Эдессе находился сильный византийский гарнизон. Его возглавляли Петр, Мартин и Пераний. Героическая оборона города — заслуга этих трех лиц, особенно Мартина. Мы ничего не знаем об эпидемии чумы в Эдессе во время осады, хотя она должна была разразиться из-за антисанитарии со страшной силой. Либо о ней ничего не сообщают, либо ее не было.

...Когда персы явились под стены города, ромеи сделали вылазку. Завязалось большое сражение, которое длилось от зари до середины дня. Наконец враги разошлись, и каждая сторона считала себя победительницей. Шаханшах начал переговоры в надежде купить мир, но запрошенная цена оказалась так высока, что эдесситы решили сражаться.

Хосров начал возводить насыпной холм, чтобы по нему взобраться на стену. Борьба развернулась вокруг этого холма. Византийский военачальник Петр послал отряд наемных болгар, и те отогнали персов, «причем особенно отличился один из копыеносцев, по имени Аргик. Он один убил двадцать семь человек», — заявляет Прокопий.

Затем персы усилили охрану, и холм стал быстро вырастать перед стеной. При его строительстве использовали бревна и другие деревянные вещи. Увидев это, ромеи стали бить в дерево огненными стрелами. В ответ персы завесили холм сырыми шкурами. Строительство продолжалось такими быстрыми темпами, что византийцы опять запросили мира. Хосров потребовал выдать ему Мартина, Петра и Перания. Эдесситы отказались.

Византийцы задумали произвести подкоп под насыпью. Персы услышали шум под землей и сделали контрподкоп, чтобы перебить ромейских саперов. Византийцы предупредили их намерения и ночью подожгли насыпь. Поутру Хосров приказал тушить пожар, но всё было

бесполезно. Вероятно, бревна поджигались особым горючим составом на основе нефти.

«К вечеру дым стал настолько сильным, что оказался виден в Каррах и других более отдаленных городах», — замечает Прокопий.

На задымленной насыпи началось сражение. Ромеи отогнали персов и продолжали разрушение вражеского объекта. Насыпь сровняли с землей.

Ночью персы приставили несколько лестниц к одной из стен и попытались захватить город. Охрана безмятежно спала, лишь один византийский крестьянин пробудился и поднял стражников. Те отбили нападение с уроном для иранцев. Из сообщения мы видим, что в городе собрались беженцы со всей округи, включая крестьян.

Следующее нападение иранцы совершили на Большие ворота, но и этот штурм византийцы отбили.

Наконец защитникам стало известно, что в лагерь Хосрова прибыл ромейский посланник Рекинарий, дабы договориться о мире, но переговоры затягивались. Хосров хотел обогнуть Эдессу, а эдесситы совершенно этого не хотели. Руководивший обороной Мартин как раз тяжело заболел (уж не чумой ли?). Он попросил у Хосрова прекратить атаки и начать мирные переговоры. «Хосров, предполагая, что в этом доводе нет здравого смысла, стал готовиться к нападению».

Персы кое-как восстановили насыпь, а чтобы ее не сожгли, навалили сверху кирпичей. Опять начался штурм, причем иранцы атаковали со всех сторон. На этот раз Хосров хотел взять Эдессу во что бы то ни стало.

У каждых ворот стояли готовые к атаке иранские отряды. Позади находились арабы-*лахмиды* и иранские легкие кавалеристы, задачей которых было ловить ромейских беглецов после того, как город падет.

Битва началась рано поутру. Сперва преимущество было на стороне персов. Тогда на стены высыпало всё население Эдессы и беженцы из окрестных сел. В персов летели камни, на их головы лилось кипящее масло.

Шаханшах в отчаянии послал на приступ слона, чтобы тот пробил ворота и помог ворваться в город. Но жители подвесили поросенка, который стал «неистово визжать». Слон пришел в ярость и убежал от стен. Попытка шаханшаха взять город завершилась провалом, персы отхлынули. Хосров со страшным криком послал их назад, но грандиозный штурм закончился неудачей. Византийцы выстояли. Они сопровождали отступавших врагов свистом и прибаутками. Сражение прекратилось поздно вечером.

Лишь на третий день Хосров возобновил штурм. Теперь иранцы атаковали только одни ворота. Ромеи снова отбились, но им было тяжело сражаться. Кроме того, имелась неразрешимая проблема снабжения беженцев, засевших в городе.

Хосров обо всем этом знал. Но поскольку город не хотел сдаться, пришлось удовлетвориться выкупом. Шаханшах начал переговоры, согласился на мир и взял с эдесситов пять кентинариев серебра. «Затем он сжег лагерные укрепления и со всем войском удалился домой».

Юстиниан не хотел продолжать войну. Восстание христиан в Хузистане было подавлено иранцами, так что на смуту в Персии надежд не осталось. На дальнем Западе против Византии вновь наступали готы. Продолжать войну с Ираном было бессмысленно. Император отправил в Персию двух дипломатов.

Послы застали Хосрова в Месопотамии, где-то между Селевкийей и Ктесифоном. Ромеи предложили, чтобы Хосров вывел войска из Лазики, а взамен обещали деньги.

Шаханашах почувствовал слабость византийцев и тотчас стал торговаться. Он заявил, что готов пойти лишь на перемирие, но за это византийцы должны хорошо заплатить. Кроме того, шаханшах требовал прислать лично для него врача по имени Трибун. Этот доктор лечил от каких-то тяжелых болезней. Может быть, опять-таки от чумы?

Юстиниан выполнил требования. Он отправил врача и 20 кентинариев в золотых слитках. На этих условиях был заключен кратковременный мир на 5 лет (в начале 545 года). После подписания договора базилевс опять мог перебросить войска в Италию, положение в которой становилось угрожающим.

ГЛАВА 2. ГОТЫ ВСТАЮТ НА НОГИ

1. ХИЛЬДЕБАД

В 540 году казалось, что с готами в Италии покончено. Велисарий увез с собой пленного остготского короля Витигеса и множество сокровищ. Вскоре Витигес умер. Его жена Матасунта, много сделавшая для победы византийцев в Италии, вышла замуж за родича Юстиниана, знаменитого полководца Аникия Германа (первая жена которого — Пассара — к тому времени умерла).

Юстиниан воспринимал Германа как своего наследника, так что Матасунта станет одним из первых лиц великой империи. У супругов

родится ребенок, унаследовавший имя отца. Впрочем, к истории готов это уже не имеет никакого отношения. Матасунта больше не увидит рлдину своей матери.

* * *

Дальнейшие события в Италии мы излагаем по Прокопию; историк писал об этом в двух произведениях — «Войне с готами» и книге тайных сплетен. Их данные не то чтобы противоречат друг другу, но несколько запутывают читателя относительно периода междуцарствия в Италии. Если устранить эти неувязки, события выглядят так.

После того как пала Равенна, а король Витигес оказался в плену, последние готы укрылись в Павии, Вероне, Тицине и нескольких более мелких городах. Один из них — племянник Витигеса Урайя — находился в городе Тицин. Еще перед падением Равенны готские воины предложили ему стать королем. Урайя как умный человек отверг это предложение. Его дядя Витигес был низкого рода, племянника никто бы не признал, могли начаться разногласия и раздоры. Зачем? Урайя рассудил иначе. Он предложит корону человеку более знатного рода, но станет при нем главным советником, вторым лицом в государстве. Таким человеком оказался Хильдебад — родовитый гот, племянник испанского короля Тевдиса, от которого ждали помощи. Хильдебад сидел со своими людьми в Вероне. Но он не считал себя достаточно сильным. Когда ему предложили корону, Хильдебад отказался. В это время Велисарий как раз захватил Равенну и расставлял в Северной Италии свои гарнизоны. В той же Равенне он взял в плен детей самого Хильдебада и отправил их в Византию. Какая уж тут королевская власть, думал остгот. Уцелеть бы... Наконец он согласился стать вождем остготов, но без королевского сана. Это был хитрый ход.

При этом Хильдебад внешне покорился ромеям. Правда, некоторое время он не принимал византийский гарнизон в Верону, но затем смирился и с этим. Велисарий прислал к нему небольшой отряд воинов для наблюдения за порядком. Проконий отзывается об этих солдатах скептически. Это, мол, люди, которым «нравились государственные перевороты». Но есть подозрение, что мы имеем дело с наемниками. Или, быть может, пленными, которых пригнали сюда с восточного фронта. Велисарий разместил их в северных городах, договорился с Хильдебадом, что тот делается обычным федератом на службе империи, и отбыл в Константинополь.

В это время число готов в северных городах значительно выросло. Напомним, что Велисарий отпустил из Равенны все готские войска,

чтобы обезопасить собственный гарнизон. Готы ушли на север, где пополнили дружины своих вождей.

Вскоре после того как Велисарий уехал, они начали бунт. Каковы причины? Может быть, византийцы притесняли варваров? Нет. Напротив, им обеспечили самые выгодные условия мира. Но готы превратились из хозяев богатой страны в обычных наемников, которых к тому же было слишком много. За их услуги никто не хотел платить. Оставалось одно: идти обрабатывать землю, как простые крестьяне, то есть жить своим трудом. Вот это и было противно вчерашним завоевателям.

Остготы вновь предложили корону Хильдебаду, и на этот раз готский герцог согласился. Его дети находились в плену, но Хильдебад пренебрег этим фактом. Он смирился с тем, что никогда больше не увидит своих отпрысков. Но ради утраченной свободы, ради грабежа Италии, ради роскошной жизни стоило предать детей. **Хильдебад (541)** сделался королем готов. Об этом вскоре стало известно византийцам, но местные военачальники пренебрегли мятежом какого-то готского царька в одной из крепостей.

Он собрал тысячу воинов в Тицине. Этот город не имел ромейского гарнизона и подходил как никакой другой пункт для начала восстания. Хильдебад бросил клич свободы, и он прогремел как набат.

Вскоре к повстанцам присоединились другие отряды. Одни пришли из Лигурии, другие из Венетии. Явились готы, руги, приполз какой-то сброд из разных народов, возникли новые предводители. Частью этих войск командовал гот Урайя, частью — вождь ругов Эрарих. Тогда же выдвинулся молодой готский военачальник Тотила. Готы возложили корону на голову Хильдебада.

А византийцам было не до того. В Италию прибыл ромейский чиновник — *логофет* Александр по прозвищу «Ножницы» (он очень умело обрезал ножницами монеты, уменьшая их реальную стоимость). Вероятно, это очередной выходец из стасиотов, каких было много при дворе.

Явившись в Равенну, Александр взялся за дело. Возможно, первым его актом стало возведение базилики Святого Виталия, где были выложены мозаикой портреты всей элиты Византийской империи, включая Юстиниана, Феодору и Велисария (его подозревают в одном персонаже с кудрявой шевелюрой, огромными глазами и красиво подстриженной бородой, который стоит подле императора). На этом успехи Александра закончились.

«Ножницы» стал выкачивать деньги из италийцев-латифундистов. Всех римлян, живущих в Италии, Александр обвинил в воровстве. Они,

мол, обманывали Теодориха Великого и других готских королей, выплачивая им слишком маленькие суммы в качестве налогов. Теодорих, по мнению «Ножниц», был чересчур наивен и позволял обкрадывать себя римским подданным. Кроме того, логофет сэкономил на армии, сокращая довольствие. «Всем этим он, конечно, отвратил расположение италийцев от императора Юстиниана. Из воинов никто уже не хотел подвергаться военным опасностям, но, сознательно проявляя свою пассивность, они позволяли усиливаться положению врагов», — считает Прокопий.

Оплошностями византийских чиновников воспользовались готы, с которыми пришлось воевать всерьез.

2. ГОТСКИЕ СМУТЫ

Первым против мятежных варваров выступил византийский магистр Виталий, который распорядился Венетийской областью. Под его началом находился наемный сброд, в основном пехота. Остготы встретили врага у города Тарбесиона (современный Тревизо в итальянской провинции Венеция). Латная германская конница атаковала ромейских наемников — и победила. Спаслись немногие, и в их числе сам Виталий.

Хильдебад доказал свое право на королевскую власть. Но править ему довелось недолго, всего несколько месяцев. Сразу после победы при Тарбесионе среди готов начались раздоры. Поссорились Урайя и сам Хильдебад. Ясно, что новоиспеченный король оттер Урайю от власти. Последний чувствовал себя обиженным. Он претендовал на роль второго человека в маленьком королевстве. Тогда Хильдебад задумал избавиться от него. Урайя был арестован и казнен без суда. Однако тем самым Хильдебад утратил любовь и верность остготов. От него отшатнулись даже друзья. Поступок короля показался омерзительным.

В числе телохранителей короля был гепид по имени Велас. Король выдал его невесту за кого-то из своих людей. Велас счел себя оскорбленным. Однажды он охранял короля на пиру. Хильдебад склонился над столом, протянув руку за кушаньем. Телохранитель Велас быстро вытащил меч и отсек конунгу голову. Пальцы короля «держали еще пищу, а голова его упала на стол, приведя всех присутствующих в величайший ужас и внеся крайнее смятение», пишет Прокопий.

Убийством конунга неожиданно воспользовались руги. Это были давние друзья-враги готов. Они провозгласили королем своего предводителя **Эрариха (541)**. Готам это было выгодно: они получали помощь

из-за Альп, из Норика, где жили соплеменники новоявленного конунга (они переименовали эту страну в Ругиланд — землю ругов).

Но у власти Эрарих продержался пять месяцев. Остготы не признали его своим повелителем. Для них покориться вчерашним рабам было еще более невыносимо, чем отдаться под власть Юстиниана. Никто не думал ни о подкреплениях, ни о перспективах дальнейшей борьбы. Жили сегодняшним днем.

Эрарих поссорился с Тотилой — молодым племянником Хильдебада. Тотила командовал гарнизоном Тарбесиона. Узнав об избрании Эрариха, он отправил гонцов к византийцам в Равенну и предложил сдать Тарбесион в обмен на личную безопасность. Уже был установлен день, в который готы сдадут город византийцам, однако вскоре прибыли тайные посланцы готов и предложили Тотиле уничтожить Эрариха.

Кажется, эти слухи дошли до самого короля ругов. Его положение в Италии было шатким, а заальпийские владения находились слишком далеко. Поэтому Эрарих думал заключить федеративный договор с Юстинианом, чтобы обеспечить собственное будущее.

Конунг пообещал сдать византийцам все территории к северу от реки По в обмен на деньги, имение и звание патриция. Узнав об этом, готы убили Эрариха, а затем провозгласили королем Тотилу. Дружина ругов вошла в состав готской армии. Новый конунг **Тотила (541—552)** сделался обладателем земель к северу от реки По. Его резиденцией стал Тицин. Одиннадцать лет его правления — самые страшные годы для Италии. Годы войн, эпидемий, жестокости и социальных потрясений. Это время станет агонией Гесперии. Античный итальянский мир погибнет, и смерть его будет мучительна.

3. ДВА СРАЖЕНИЯ

Узнав о гибели Эрариха, Юстиниан понял, что византийская политика умиротворения потерпела в Италии фиаско. Он стал бранить военачальников за бездействие и приказал разгромить восставших готов.

Единого командования не было, потому что не было и единого фронта. Казалось, начальникам ромейских гарнизонов вполне по силам разбить малочисленного врага. Византийские полководцы, находившиеся в Италии, оставили часть войск для охраны городов, а с остальными людьми прибыли в Равенну. Прокопий говорит, что здесь были Иоанн племянник Виталиана, энергичный Бесс, неудачливый Виталий «и все остальные». В городе уже находились военачальник Константиан и логофет Александр «Ножницы».

Наскоро составили план войны. Решили рассечь готов и взять Верону, отделив Венетию от Лигурии. После этого намеревались повернуть на Тицин и захватить взбунтовавшегося Тотилу.

Армия византийцев насчитывала 12 тысяч воинов. Ею командовали одиннадцать военачальников, главными из которых являлись Константин и Александр. Они осадили Верону, но взять не смогли из-за раздоров и нерешительности собственного начальства; в итоге отошли к Фавенции, чтобы прикрыть дорогу на Равенну.

Со своей стороны Тотила сумел собрать 5000 бойцов. Лучшую часть маленькой армии составляла тяжелая конница. С нею конунг выступил против ромеев. Армии сошлись.

Тотила выбрал 300 кавалеристов из своей свиты, приказал им обойти византийцев и расположиться в тылу в засаде. Когда начнется рукопашный бой, эти воины должны ударить врагу в спину и сокрушить его. Сам же конунг атаковал ромеев в лоб с главными силами.

Ромеи выступили навстречу. Трудно сказать, почему, но они сделали ставку на ближний бой. Вероятно, Велисарий увел с собой подвижные войска, а именно — конных стрелков, главную силу императорской армии. Остались гарнизонная пехота да легкая кавалерия. Эти-то силы и приняли удар готов.

Завязался бой. В решающий миг 300 готов, спрятанных в засаде, ударили в тыл. Византийцы вообразили, что на подмогу Тотиле явилась новая армия. Началось бегство. «Варвары произвели страшное избиение ромеев, бежавших без всякого порядка, — пишет Прокопий, — многих взяли в плен живыми и заключили под стражу». Кроме того, они захватили все знамена. Византийские полководцы со своими отрядами разбежались по городам. В один день армия в 12 тысяч солдат перестала существовать. Эта победа открыла Тотиле дорогу в Италию.

Готский король послал один отряд, чтобы взять Флоренцию. Им командовали трое вождей — Родерик, Бледа, Улиарис. Похоже, Тотила не доверял своим командирам, а потому разделял командование. Впрочем, другие правители часто поступали таким же образом. Во всяком случае, так делал не один Юстиниан.

Интересно имя одного из военачальников — Улиариса. Не тот ли перед нами человек, что убил в Африке Иоанна Армянина случайным выстрелом? Значит, это византийский дезертир, наемник, бежавший к Тотиле. Сколько еще было таких «перелетов» в профессиональных армиях того времени?

Готы подошли к Флоренции и начали осаду. Гарнизон командовал византиец Юстин. Он направил гонца в Равенну к Константиану и логофету Александру «Ножницы» с просьбой поскорее прийти на помощь. Константиан немедленно отправил войско, которым командовали Бесс, Киприан и Иоанн племянник Виталиана. Готы сняли осаду Флоренции и отступили в местечко Муцелла в двух днях пути от этого города.

Боевые действия проходили мягкой средиземноморской осенью. Бесс и остальные соединились с Юстином. Они оставили для охраны небольшой отряд, а сами выступили против остготов, расположившихся у Муцеллы. Иоанн племянник Виталиана первым напал на врагов. Готы бежали на высокий лесистый холм, которыми изобилует Тоскана в этих местах.

Иоанн сражался в первых рядах, но тут пал его телохранитель. Ромейские солдаты решили, что это погиб сам военачальник, и бросились наутек. Остальное византийской воинство прибыло на равнину и выстроилось перед холмом. Распространился слух, что Иоанн мертв. Византийцы начали отступление, которое переросло в бегство. Готы захватили множество пленных, которых отвели к Тотиле. Конунг проявил к ним милосердие, дабы снискать популярность. Затем остготы отправились на зимние квартиры. Этой битвой завершился 541 год.

4. ГОТЫ ИДУТ НА ЮГ

С первой улыбкой весны Тотила возобновил военные действия. Первым делом король захватил крепости Цезена (Чезена) и Петра (в современной Эмилии-Романье, неподалеку от побережья Адриатики), тем самым отрезав Равенну от Рима и Тосканы.

После этого изящного маневра Тотила направился в Тоскану, однако тамошние города стояли насмерть, и он не стал тратить время на осады. Король двинулся дальше на юг, обошел Рим, миновал Неаполь и внезапным ударом захватил Беневент, после чего срыл его стены.

Война еще не тронула Южную Италию; Тотила хотел получить здесь деньги и продовольствие для своей армии. Наконец король явился под стены Неаполя и осадил город.

Византийским гарнизоном начальствовал Конон, при нем находилась тысяча исавров и ромеев. Сдаться они отказались. Власть ромеев была вовсе не так тяжела, как рисует Прокопий. Вспомним, что Неаполь долго сопротивлялся войскам Велисария. И вот теперь город решительно поддерживает Юстиниана. Это не может быть случайным. Видно, *логофет* Александр «Ножницы» и ему подобные карьеристы

не были таким уже распространенным явлением. Имелись у Юстиниана и другие чиновники, которые правили вполне компетентно, а значит — вызывали уважение у ромеев и италийцев.

* * *

Тотила оставил часть войск сторожить Неаполь, а других послал собирать контрибуции с курортных городков и латифундий. «Захватив там жен сенаторов, он не нанес им никакого оскорбления и, проявив большую сдержанность, дал им свободно уехать, за что заслужил у всех римлян великую славу человека умного и благородного», — пишет Прокопий. Постепенно король захватил всю Апулию и Калабрию. Неаполь держался.

Тотила присвоил себе налоги Южной Италии, что сразу ухудшило положение византийских гарнизонов, которые содержались за счет этих денег. Впрочем, ромеи удерживали несколько важных пунктов в Италии. Константиан находился в Равенне, Иоанн племянник Виталиана — в Риме, Юстин — во Флоренции, Киприан — в Перузии (Перудже), Бесс — в Сполетии (Сполето).

Увидев, что дело плохо, Юстиниан дал Италии единого начальника, но не военного, а гражданского. Он назначил префектом претория для Италии некоего Максимиана «с тем, чтобы он был главнокомандующим над военными начальниками и доставлял воинам всё, что нужно». Судя по имени, Максимиан был латиноязычный вельск, а родился, конечно, на Балканах, где вельсков в то время было много. Император хотел, чтобы римлянами управлял римлянин. И обязательно гражданский человек, что гарантировало от военного переворота. Но вскоре окажется, что гражданский префект претория очень плохо справляется с обязанностями в условиях маневренной войны, которую развязали остготы.

Вместе с Максимианом император направил в Италию подкрепления: войска и флот из ромеев, живущих во Фракии, и армян. Фракийцами командовал ромей Геродиан, а армянами — кавказец Фаза, племянник *марзпана* Иверии.

Максимиан отплыл с эскадрой из Константинополя, прибыл в Эпир и там остановился. «Он был совершенно неопытен в военном деле, а поэтому труслив и крайне медлителен», — поясняет Прокопий. Юстиниан дал ему в подмогу Деметрия, который в свое время воевал вместе с Велисарием в Италии как начальник пехоты. Возможно, Деметрий тоже был вельск. Он отправился выручать Неаполь с теми людьми, что были под рукой.

Для борьбы с ромеями Тотила создал собственный флот. Иногда говорят, что до него у готов не было флота, но это не так. Еще в начале готских войн под Салонами действовала варварская эскадра. Тогда ее разбили ромеи, а теперь пришло время возродить военно-морские силы остготов.

Конунг снарядил множество быстроходных судов-дромонов. Как только эскадра Деметрия подошла к Неаполю, Тотила вывел в море свои корабли и обратил врага в бегство. Византийцев застигли на берегу и частью перебили, частью взяли в плен. Деметрию и немногим его спутникам удалось спастись, попрыгав в шлюпки и уплыв на нескольких судах.

На Сицилию приплыла эскадра префекта Максимиана. Начальники гарнизонов ромейских крепостей в Италии отправили к нему гонцов с мольбами о помощи. Особенно трудно приходилось Конону и его людям в Неаполе: у них закончилось продовольствие.

Со своей стороны Юстиниан слал угрожающие письма Максимиану, побуждая его к активным действиям. Префект понапрасну терял время. Лишь зимой он послал войско в Италию под началом Геродиана, Деметрия и Фазы, но сам оставался на Сицилии в комфорте и безопасности.

Плавание зимой по Тирренскому морю довольно опасно. Когда ромейский флот был уже близко от Неаполя, поднялась буря. «Всё покрыл мрак, а волны не давали гребцам поднимать весла или вообще делать что-либо другое, — живописует Прокопий. — Из-за шума бушующих воли они не могли даже слышать друг друга». На берегу ромеев поджидали готы и методично, с германской аккуратностью убивали. Деметрий угодил в плен и остался жив, Геродиан и Фаза бежали. И так, византийцы потерпели новое поражение.

Тотила не случайно сохранил жизнь Деметрию. Король задумал использовать ромея в качестве парламентаря. Он надел на шею византийцу веревку, повел его к стенам Неаполя и велел уговаривать горожан сдаться. Деметрий всё исполнил, да так хорошо, что неаполитанцы согласились капитулировать. Неаполь пал. Конону и его воинам готский король разрешил уйти на все четыре стороны. Ромеи ушли в Рим, потому что вернуться в Византию стыдились. Тотила разрушил до основания стены Неаполя, чтобы византийцы не оставили здесь гарнизон. На этом закончилась кампания 542 года. Византийцы терпели поражения сразу на двух фронтах: в Персии и в Италии. Напрягая все силы, Юстиниан и его сограждане сражались за единство империи.

Константиан написал письмо императору, в котором заявил, что не в состоянии воевать дальше. Остальные начальники поставили свои подписи под этим посланием. Подразумевалось, что царь прикажет очистить Италию. Но они плохо знали характер крестьянского базилевса. Юстиниан и не думал прекращать войну, в которую вложил столько сил и средств.

Тотила же стал господином почти всей Южной Италии. В северной части страны готы держались уже давно. Оставалась Средняя Италия, и она была отрезана от Византии. Король вплотную занялся судьбой Вечного города — Рима. Он отправил письмо сенаторам, предлагая капитулировать.

Но помимо самих римлян в городе находился сильный гарнизон византийцев, которыми командовал Иоанн племянник Виталиана. Он запретил сенаторам отвечать Тотиле, и как ни старался готский король, вступить в переговоры с римлянами ему не удалось. Тогда Тотила оставил часть войск для осады крепости Гидрунт (Отранто) в Южной Италии, а сам с главными силами двинулся в Римскую область — Лаций.

Этот маневр не на шутку перепугал Юстиниана. Император решил на важный шаг. Он отозвал Велисария с восточного фронта и перебросил на западный. По мнению базилевса, лишь этот человек был способен выиграть войну в Италии. Следовательно, Юстиниан считал войну в Италии более важной, чем даже борьбу с Ираном. Зиму 543 года римляне пережили в страхе, а новый, 544 год, встречали с надеждой. К ним направлялся блистательный Велисарий. Но прежде чем рассказать о его вторжении в Италию, перенесемся на третий фронт — африканский. Там тоже бушевала война. Войска восстали против императора, а берберы попытались выгнать ромеев из страны. Итак...

ГЛАВА 3. НОВЫЙ БУНТ В АФРИКЕ

1. ПОДВИГИ ЕВНУХА СОЛОМОНА

Византийским правителем Африки оставался евнух Соломон. Он был способным администратором. Пожалуй, именно Соломон превратил отдаленную провинцию в византийскую область.

По словам Прокопия, евнух правил умеренно. С берберами не ссорился, от спорных земель временно отказался. Ему нужна была только Бизацена к югу от Карфагена, и эту область он держал в руках. Города обнес стенами, что уберегло их от бандитских набегов. Внутри поселений навел порядок, жизнь стала спокойной.

С потенциальными бунтовщиками евнух боролся оригинально. Он либо отправлял их на Балканы, либо в Италию — на фронт. Вместо них вербовал новых солдат.

Наконец, почувствовав себя сильным, Соломон задумал уничтожить берберское государство в Нумидии. Это объединение по-прежнему возглавлял вождь Яуда, доставивший византийцам немало хлопот. Первым делом Соломон отправил против нумидийцев полк солдат под началом одного из своих телохранителей, Гонтариса. Вероятно, это германец, подлинное имя которого — Гюнтер.

Гонтарис потерпел неудачу и отступил в укрепленный лагерь, в котором был осажден. Узнав об этом, Соломон двинулся против врага, разбил его в открытом бою и освободил Гонтариса. С этого времени мавры уже не надеялись одолеть ромеев и уходили всё выше в горы. Они рассчитывали, что ромеи не смогут прокормить крупную армию (в войске Соломона было семь-восемь тысяч бойцов).

Яуда нервничал, размышлял, но в итоге увел своих ополченцев в горы, в селение Тумар, со всех сторон окруженное отвесными скалами. Ромеи неотступно преследовали, по пути схватили «языка», и тот привел их напрямик к крепости Тумар. Берберский вождь имел важное преимущество: в крепости находились колодцы, а вокруг не было ни капли воды. Соломон столкнулся с большими трудностями и лишениями. Воду везли издалека и раздавали воинам по одной кружке в день. Византийцы страдали от жажды и грязи, поэтому в войсках появилось неудовольствие. Евнух понял, что, если не возьмет крепость, воины могут взбунтоваться. Решить дело помог случай во время генерального приступа. Один из армейских казначеев, Гезон, бросился на штурм, опередил своих сотоварищей и заколол трех берберов одного за другим. Увидя этот подвиг, ромеи кинулись следом. Оборона рухнула. Самого Яуду ранили в бедро, но он смог уйти в горы, добрался до своих кочевий и бежал в Мавретанию.

Соломон присоединил значительную часть Нумидии. Оттуда он вторгся в Мавретанию Цезарейскую в порядке преследования Яуды. В итоге энергичный евнух покорил варваров одним походом и присоединил весь обширный край к Ромейской державе. Это произошло примерно в 541 году.

2. ЛИВИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ И ГИБЕЛЬ СОЛОМОНА

Три или четыре года продолжался мир.

За это время Соломон начал выдвигать на «хлебные» должности своих родственников. Евнух пользовался большим авторитетом у Юсти-

ниана, да и не только у него. Даже в более поздней византийской летописи, у так называемого «Продолжателя Феофана», можно прочесть, как полководцев сравнивают с «новым Велисарием и Соломоном».

Евнух выхлопотал наместничества для двух своих племянников — Кира и Сергия. Им досталась современная Ливия. Кир, как старший и опытный, получил Пентаполис (Пятиградье, современная Киренаика). Сергия назначили в более опасную, бедную и пустынную Триполитанию (столица этой области — Триполи). Сергий оказался плохим наместником и дипломатом, но хитрым царедворцем. Молодой человек втерся в семью Велисария и посватался к внучке жены великого полководца. Это и стало еще одной причиной назначения.

Сергий подружился с Пуденцием — лидером римских повстанцев в Триполи, которые когда-то захватили город у вандалов. Пуденций оказывал большое влияние на Сергия, потому что обладал авторитетом среди горожан и являлся предводителем ополчения. Под его началом местные римляне нападали на берберов, разоряли их деревни и вытапывали посеvy.

Отношения с берберами донельзя ухудшились. Начались было мирные переговоры, но на них телохранители Сергия перебили 80 вождей ливийского племени *левафы*. В Константинополь Сергий доложил о том, что сами варвары собирались его убить, поэтому пришлось реагировать. Обычно Юстиниан внимательно расследовал подобные инциденты и сурово наказывал провинившихся чиновников, но Сергий повел дело так, что заставил императора поверить в свою невиновность. Началась война с *левафами*.

Сергий собрал византийские отряды, присоединил к ним ополченцев Пуденция и выступил в направлении города Лептис Магна. Здесь он обнаружил лагерь ливийцев и тотчас напал на него. Завязалась рукопашная схватка, Пуденций ворвался в гущу врага и был убит. Видя это, Сергий растерялся и приказал своим воинам возвратиться в Лептис Магну.

На подмогу *левафам* пришли воины соседних племен, и соотношение сил тотчас изменилось не в пользу Сергия. Он располагал небольшим византийским отрядом и римскими ополченцами, однако последние после смерти Пуденция утратили боевой пыл. Сергий был вынужден обратиться за помощью к своему дяде Соломону, обретавшемуся в Карфагене, и лично поехал к нему.

У Соломона Сергий застал и своего старшего брата Кира (тот, конечно, был хорошо осведомлен о смуте в Триполитании и привел

на подмогу какое-то количество солдат). Размеры опасности нельзя было недооценивать, Соломон и Кир согласились помочь.

Ливийские ополчения вторглись в Бизацену (Южный Тунис) и стали ее разорять. Они рвались к самому Карфагену. Бизаценские земли защищал вождь берберов Антала. Он получал за это от императора хлебные дотации на своих людей. Но как раз перед началом ливийской войны Соломон перестал выдавать берберскому царьку жалованье продовольствием. Среди берберов начались волнения и призывы к мятежу. Бунтовщиков возглавил брат Анталы. Соломон схватил мятежника и казнил. Сам Антала немедленно присоединился к восставшим ливийцам.

Кстати, жесткая политика Соломона и Сергия наводит на размышления. Не означают ли все эти казни, что дядя и племянник выполняли приказы Юстиниана по усмирению варваров? Или же Соломон действовал по собственной инициативе, пытаясь расправиться с племенными царьками? Ответов нет. Так или иначе, они вместе сеяли ветер, чтобы пожать бурю.

Соломон и его племянники очутились в сложной ситуации, хотя евнух проявил, как обычно, высокие деловые качества и смог в кратчайшее время собрать войска. Ливийцы были уже в шести днях пути от Карфагена, они остановились у города Тебесты. Соломон пришел туда и обнаружил, что берберские полчища намного превышают численность его армии. Евнух попытался разобщить их, но это не удалось. Соломон отдал приказ готовиться к бою. Стояла весна 544 года.

Евнух лично совершил нападение на один из отрядов ливийцев, отбил большое число верблюдов и другой добычи и забрал ее себе, не поделившись ни с кем из своих подчиненных. Ромейские солдаты подняли ропот. Евнух сказал, что «надо подождать до конца войны, чтобы тогда разделить добычу в зависимости от того, сколько кому придется по его заслугам». Солдаты затаили злобу на жадного предводителя.

Ливийцы перегруппировались и пошли в атаку. Часть ромейских воинов вообще отказалась сражаться, другая часть сражалась формально. Можно обвинить воинов в алчности, но добыча — это законная плата за риск для любой армии, так повелось издавна. Соломон утратил чувство реальности и потерял связь со своими солдатами из-за необдуманного поступка. Велисарий бы никогда не повел себя так: он чувствовал настроения солдат и умел на них влиять.

Сражение шло примерно с равным успехом, но к ливийцам стали подходить подкрепления. Сделалось окончательно ясно, что они обла-

дают численным превосходством над византийцами. К тому же они не допускали ближнего боя, вели перестрелку и пытались окружить ромеев. Тогда многие из солдат Соломона обратились в бегство. Евнух пытался остановить своих воинов. Некоторое время он продолжал сражаться. Затем и его захватил общий поток. Соломон вместе с телохранителями показал врагу спину.

Бегство было паническим и всеобщим. Ливийцы кинулись преследовать врагов, добивали их дротиками, сшибали с коней, затапывали, резали..

Евнух бежал одним из последних. Этот храбрый человек почти до самого конца не мог поверить в то, что судьба от него отвернулась. Подскакали к какому-то бурному ручью. Часть ромеев бросилась на переправу и сумела уйти. Соломону не повезло. Его конь поскользнулся в воде, споткнулся о камни и сбросил седока. Соломон больно ударился и взвыл. Телохранители быстро пересадили его на свежего скакуна, но спасти не смогли. Соломон от дикой боли не мог держать поводья и свалился снова. Его догнали ливийцы. Евнуха убили, а его войско рассеялось. Так погиб полководец и администратор, создавший для Византии процветающую колонию в Африке.

3. ВОССТАНИЕ ШИРИТСЯ

Императору срочно требовалось принять решение, кого поставить наместником африканских провинций. Юстиниан выбрал Сергия — того самого карьериста, который вызвал конфликт с берберами. Спустя короткое время император понял, что сделан неправильный выбор. Сергей перессорился не только с ливийцами, но и со своими соратниками. Это не шло на пользу делу.

Берберы продолжали военные действия. Взбунтовавшийся правитель Бизацены — Антала — собрал большое войско и привлек на свою сторону известного бунтовщика Стозу, который женился на берберке и жил где-то в Мавретании. Стоза прибыл в Бизацену и стал обучать тамошних кочевников тактическим приемам ромеев.

В то же время Антала написал Юстиниану письмо. В послании критиковался Сергей и содержалось требование отозвать его. Юстиниан воспринял письмо как издевку, а Сергия отрешить не пожелал, сочтя, что проявит постыдную слабость, если пойдет на поводу у вождя варваров. Военные действия в Северной Африке продолжались.

Войсками после смерти евнуха Соломона командовал Иоанн сын Сисиниола. Собрав войско, он выступил в Бизацену, чтобы восста-

новить связь между цепочками римских поселений, расположенных на морском побережье. Это не удалось, зато берберы хитростью захватили большой город Гадрумет, находившийся рядом с Карфагеном. Возникла опасность для самой африканской столицы. Однако власть варваров не понравилась горожанам Гадрумета. Местный христианский священник Павел составил заговор, в котором приняли участие многие люди. Они задумали освободить город, но для этого требовалась помощь византийцев. Павел отправился в Карфаген и попросил Сергия прислать войско. Сергей обладал слишком малым числом солдат, чтобы рисковать. Кое-как Павел выпросил 80 бойцов, но ему оказали помощь деньгами и людьми купцы и кораблестроители. Это говорит само за себя. Предприниматели были самой активной прослойкой населения, и они держали сторону византийцев. Это опять же показывает, на кого ориентировался в своей политике император Юстиниан.

Вернемся к действиям Павла. «Собрав огромное число кораблей и транспортных судов, он посадил на них множество моряков... надев на них платье, которое обыкновенно носят римские солдаты, — пишет Прокопий. — Поднявшись всем этим флотом, он как можно быстрее поплыл прямо в Гадрумету (так в тексте. — С. 4.)». Оказавшись близ гавани, предприимчивый священник послал гонцов в город, те пустили флот, началось восстание, и всех берберов перебили. Город вернулся под власть Византии; непосредственная опасность для Карфагена миновала.

Кроме того, хитрый священник распространил слух, что в Карфаген явился кузен императора Герман с большим числом кораблей и солдат. Германа в Африке помнили, его боялись. Достаточно было одного слуха, чтобы всё пришло в движение. Города закрывали ворота перед берберами, а берберские армии и даже вояки Стозы стали откатываться назад — в горы.

Всё это говорит в пользу того, что имперское единство еще не утрачено, власть варваров вовсе не казалась горожанам желанной, а Юстиниану было на кого опереться в далеких провинциях. Империи слишком привлекательны для того, чтобы распасться сразу и безвозвратно.

Прошло немного времени, и берберы убедились, что бояться нечего. Они вернулись и стали опустошать римские поселения. Варвары творили «безбожные дела», утверждает Прокопий. Римляне бежали кто куда. Некоторые укрылись на Сицилии, другие отправились на Балканы. Храбрый священник Павел отплыл в Константинополь, чтобы предстать перед императором, да там и остался.

Византийское руководство в Африке окончательно перессорилось. Сергей был официальным генерал-губернатором и умело отписывал послания в Константинополь, превознося свою мудрость и оправдывая ошибки. Неформальным же лидером оказался Иоанн. Этот человек пользовался уважением у берберов, был храбр и предприимчив... но он ничего не предпринимал. Чтобы не таскать из огня каштаны ради карьериста Сергия, военачальник Иоанн просто наблюдал за разорением страны.

4. ГИБЕЛЬ СТОЗЫ

Наконец базилевс направил в Африку нового полководца. Им стал армянин или перс Ареобинд. Он обладал сенаторским званием и был знатен родом, пишет Прокопий, но в военном деле совсем неопытен. В этом назначении видна общая политика Юстиниана. В Италии он тоже попытался вручить военную власть гражданскому лицу — Максимину. Но последний хотя бы получил крупную армию. Ареобинд отправился в Африку «с немногими людьми». Назначение произошло «по благу» — Ареобинд женился на племяннице Юстиниана — Прейкете. Это была сестра будущего византийского императора Юстина II. Она последовала за мужем в Африку.

Ареобинда сопровождал в качестве епарха Афанасий — брат Александра «Ножницы». Кроме того, в свите нового командующего находился небольшой отряд армян под началом Артабана и Ованеса (Иоанна) — армянских князей из рода Аршакидов. Их отца (тоже Ованеса) незадолго до этого убил византийский полководец Вуза во время подавления армянского восстания. Сыновья оказались преданными воинами Ромейской империи.

Сергия базилевс, однако, не отозвал. Африканский «эффективный менеджер» чем-то завоевал доверие императора. Некоторое время Ареобинд и Сергей управляли Африкой вместе. Первому из них император поручил замирить Бизацену, истребить тамошних мавров, а второму — продвигаться в Нумидию.

Оба византийских начальника выполнили диспозицию. Сергей выступил против нумидийцев, Ареобинд перешел в наступление на Бизацену. Вскоре он узнал, что берберы и ромейские мятежники стоят лагерем у местечка Сикка Венерия в 100 километрах к югу от Карфагена. Врагов возглавляли берберский вождь Антала и бунтовщик Стоза. Ареобинд направил на них отряд военачальника Иоанна сына Сисиниола, «выбрав из войска всё, что есть лучшего». Сергию Ареобинд приказал присоединиться к Иоанну.

Неприятельские отряды сошлись. Иоанн сын Сисиниола, натянув лук, поразил Стозу стрелой в правую сторону паха, и Стоза рухнул. Его положили, еще живого, под дерево. Вокруг кипел бой. Варвары и мятежники численно превосходили ромеев и обратили их в бегство. Иоанн сражался с ними и кричал, «что ему приятно будет теперь умереть, так как желание его относительно Стозы исполнилось». Наконец ромейский военачальник стал отступать и попытался ускакать от врага, однако конь оступился и сбросил ромея. Иоанн вскочил, но мятежники настигли его и убили. Возмездие свершилось. «Узнав об этом, Стоза испустил дух, сказав, что теперь он умирает с чувством полного удовлетворения». В этой же битве погиб Ованес — брат Артабана. Византийцы были разбиты наголову.

Сергий не успел прийти на помощь. А может, не захотел. Поражение было столь значительным, что огорченный Юстиниан произвел кадровые перестановки. Он удалил Сергия в Италию. Общее командование в Африке получил Ареобинд. Чуть раньше Велисарий вернулся на Апеннины в ранге главнокомандующего. Юстиниан пытался с помощью единопачаля восстановить власть Византии на Западе. Посмотрим, насколько ему это удалось.

ГЛАВА 4. ВЕЛИСАРИЙ В ИТАЛИИ

1. ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Итак, Велисарий вторично прибыл в Италию. Все ожидали от полководца невероятных успехов, но его звезда уже закатилась. Велисарий постарел, отяжелел и не чувствовал прежней уверенности, хотя со времени его первых успехов и взятия Равенны прошло всего-то 5 лет. Очень часто полководцы изнашиваются и теряют прежний пыл, умения и везение. Иногда год у них идет за пять. Так вышло и с Велисарием.

Да и сама империя стала другой. В ней бушевала эпидемия чумы, и Юстиниан не мог оказывать Велисарию и остальным полководцам помощь в прежнем объеме. Прокопий поясняет, что Велисарий имел при себе крайне мало ветеранов, которые в большинстве остались на персидском фронте. «Пройдя через всю Фракию и вперед уплачивая деньги, он набирал себе новых волонтеров», — вспоминает Прокопий. Вероятно, Кесариец тоже участвовал в наборе новых людей.

Вскоре к Велисарию прибыл Виталий. Военачальники собрали 4000 воинов и двинулись в Салону в Иллирии. Этот город сделался прочным приобретением византийцев. План был такой: идти отсюда

в Равенну, укрепиться там и напасть на поселения готов в Северной Италии. Тогда Тотила будет вынужден оставить юг страны и вернуться для защиты родных очагов.

Однако готы спутали все планы византийцев. Тотила осадил город Гидрунт (Отранто) на «каблуке» итальянского «сапога». Защитники поселения сумели направить гонца к Велисарии с просьбой о помощи. Ромейский главнокомандующий раздробил силы. Часть воинов он оставил себе, а часть отдал Виталию, приказав идти выручать Гидрунт.

Виталий внезапно появился под стенами города, захватил гавань и в схватке перебил 170 варваров. Испуганные готы сняли осаду и ушли. Удача ободрила византийцев. Виталий подновил укрепления Гидрунта и отчалил в Салону. В ответ Тотила занял городок Тибур на подступах к Риму и перерезал пути подвоза продовольствия к Вечному городу.

Велисарий прибыл в Равенну и превратил ее в базу для дальнейших операций. Затем направил двух военачальников — Виталия и своего телохранителя Торимута — в Эмилию, чтобы захватить эту область. В случае успеха можно было развить наступление и обезопасить Рим.

Виталий подошел к Бононии (Болонье), взял ее и несколько окрестных городов. Но часть войск взбунтовалась, уселась на корабли и отплыла в Салону. Оттуда воины написали Юстиниану, «что им, прослужившим в Италии долгое время, жалованье выплачивалось очень плохо и казна много им задолжала».

В это время на Иллирию напали кутургуры и разорили часть земель. Вернувшиеся в Салону воины пришлось очень кстати, чтобы отбить врага, поэтому Юстиниан простил самоуправство солдат.

Тотила послал отряд против византийцев, засевших в Бононии. Виталий и Торимут заманили его в засаду, готы потерпели поражение. После этого Торимут вернулся к Велисарии в Равенну, а Виталий остался в Бононии. Вся Эмилия превратилась в арену борьбы. Византийцы пытались оборонять малые города. В свою очередь, готы старались их захватить.

Следующие сражения развернулись вокруг Ауксима в Центральной Италии. Оборону держал здесь византийский офицер Магн. Велисарий послал на выручку Магну трех своих телохранителей: Торимута, Рикилу и Сабиниана с тысячей воинов. Они ночью проникли в Ауксим, пополнили его гарнизон и сделали вылазку. Во время боя пьяный Рикила погиб, зато воины под началом Торимута обратили готов в бегство. Но к готам пришли подкрепления, и ромеи отступили в Арминий.

Тотила обосновался с главными силами в Пицене. Из Южной Италии он увел большую часть войск, только в Неаполе и других городах Кампании остались готские гарнизоны. Затем наступила зима 544 года, военные действия были приостановлены, чтобы вспыхнуть по весне с новой силой.

2. ОСАДА РИМА

Ситуация была патовая. Велисария требовались деньги и подкрепления, а он не получал ни того, ни другого. Полководец направил в Константинополь гонца — Иоанна племянника Виталиана, так как был убежден, что этому человеку поверят. Велисарий просил денег, оружия, людей, лошадей.

Увы, всё прошло впустую. Иоанн племянник Виталиана не слишком радел об интересах Велисария. Вместо этого он с пользой проводил время в столице, обзавелся связями и женился на дочери Германа — наследника Юстиниана.

Тотила же занял несколько важных крепостей в Центральной Италии и наконец блокировал сам Вечный город, гарнизоном которого тогда командовал Бесс. Наверно, с этого времени Тотилу стали называть Бадвила. Это прозвище было дано соратниками-остготами. Оно означает «борец».

В Вечном городе начались распри между римлянами и византийцами. Римский сенат возглавлял *принцепс* — председатель. Им являлся Цетег, сторонник византийцев, но большой интриган. Возможно, Цетег вступил в тайные переговоры с готами, намереваясь сдать главный город Италии. Бесс что-то почуял и собрался арестовать коварного принцепса. Цетег бежал в Центумцеллы (Чивитавеккья).

Велисарий понимал, что события выходят из-под контроля. Он сидел в Равенне и мрачно наблюдал, как Италия уплывает из рук. Бездействие было не в его манере, но что делать, если войск нет? Ромейский полководец принял странное решение: он вообще удалился из Италии и перешел на противоположный берег Адриатики со своей свитой. Велисарий стал ждать подкреплений от Юстиниана. Совместно с Прокопием главнокомандующий написал пространный меморандум, в котором изложил состояние дел на Апеннинском полуострове.

Юстиниан снял часть войск с дунайской границы и направил подкрепления Велисария. «Немного спустя, — пишет Прокопий, — император послал к нему Иоанна (племянника Виталиана)».

Но снимать силы с дунайской границы было преждевременно. На империю тотчас напали болгары-кутургуры и славяне-дулебы («склавины» византийских хроник). Их возглавлял вождь с германским именем Хильбуд, которое уже встречалось на этих страницах.

Мы рассказывали о человеке с этим именем, который служил Византии и погиб в одном из походов. Хильбуд настолько прославился, что его имя принял славянин-самозванец.

Однако славян разбили византийские федераты герулы, а Хильбуд после этого поехал к ромеям на переговоры и там попал под арест. Его дальнейшая судьба неизвестна. Война на Дунае продолжалась. В антивизантийскую коалицию вошли родственные готам гепиды, с которыми союзничал Тотила.

Но вернемся к Италийской войне.

Тотила узнал, что на помощь осажденному Риму идет новый флот с воинами и хлебом. Этот флот снарядил за свой счет папа Вигилий, который некоторое время назад покинул Рим и обитал на Сицилии. Тотила со своей эскадрой легко рассеял папские суда. Вскоре после этого Вигилий отбыл в Константинополь.

Римляне лихорадочно искали какой-то выход. Незадолго до этого в Вечный город прибыл личный друг Юстиниана — дьякон Пелагий (кстати, будущий папа) с большими деньгами. Дьякон раздавал горожанам монеты, чтобы те могли купить продовольствие у спекулянтов на «черном рынке». С самими спекулянтами никто бороться не мог. Сенаторы попросили Пелагия отправиться к Тотиле и добиться от него перемирия. Тотила встретил посла приветливо, но сразу обозначил рамки уступок.

Король намеревался угнать в рабство значительную часть римского населения и разрушить городские стены. Об этом он и заявил Пелагию. В перемирии король отказал. Пелагий вернулся в город ни с чем. Блокада продолжалась, причем жестокая.

Командовавшие войсками Бесс и пришедший из Неаполя Конон вволю обеспечили хлебом своих солдат, но жители страдали от бескормицы. Начались спекуляции. Солдаты, урезая обычный паек, продавали хлеб богатым римлянам за большие деньги. Беднота питалась отрубями. Говядину продавали по 50 золотых за тушу. Тот, у кого пал конь, считался счастливым: он был обеспечен питанием на пару недель; дальше никто не заглядывал. Масса народа питалась крапивой, из которой варили суп. Вскоре на этот рацион перешло большинство людей. Начались голодные смерти. Бесс и Конон выпускали богатых людей за выкуп, и римляне уходили кто куда.

Велисарий наконец получил подкрепления из столицы. Полки соединились в Эпидамне. Полководец погрузил воинов на корабли, явился под стены Гидрунта, который вновь осаждали готы, и отогнал врага к Брундизию, после чего продолжил свое путешествие к Риму, а командование войсками на юге Италии поручил Иоанну племяннику Виталиана. Иоанн действовал успешно и смог отогнать готов в район Неаполя и Беневента.

Велисарий обогнул Апеннинский полуостров и попытался пробиться в Рим морем со стороны Порто, захватил этот городок, оставил в нем обоз и жену. Затем атаковал противника, чтобы деблокировать Вечный город.

Византийский флот вошел в Тибр и стал пробираться вверх по реке. Тотила приказал перегородить реку цепью. Ромеи вступили в жаркую схватку, перестреляли часть врагов, кинулись врукопашную, сняли цепь и атаковали защищавший ее мост с башнями. Готы отчаянно сражались. К ним стали подходить подкрепления.

Велисарий, в свою очередь, ввел в бой плавучую башню на катамаране. С нее принялись обстреливать готские оборонительные сооружения горючими снарядами. Одна из готских башен вспыхнула и рухнула. В ней погибло 200 варваров. Подходивших врагов ромеи поливали дождем стрел и отгоняли от судов. Кесариец утверждает, что победа была почти одержана. Но «по воле какого-то злого демона» произошел «несчастный случай, который погубил всё дело». В Порто к засевшим там византийцам примчались гонцы с известием об успехе. Тогда ромейский гарнизон крепости сделал вылазку, напал сломя голову на один из варварских отрядов, но был разбит и отброшен.

Услыхав об этом, Велисарий вообразил, что Порто захвачен готами, а его обожаемая жена Антонина попала в руки врагов. Поэтому он прекратил атаку на башни, отдал поле боя врагу и тем самым проиграл почти выигранное сражение. Если верить Кесарийцу, именно эта ошибка погубила Рим. Велисарий вернулся в Порто, обнаружил, что всё в порядке, но повторять решающую атаку было уже бессмысленно. Рим оказался предоставлен сам себе.

Некоторое время византийский гарнизон в Вечном городе еще держался. Наконец четверо исавров, несших караул у Ослиных ворот, тайком прибыли к Тотиле и предложили сдать Рим. Тотила обрадовался подарку судьбы и пообещал исаврам «сделать их владельцами огромных богатств». Ворота были открыты. В городе произошли резня и грабеж. Пользуясь замешательством, командир гарнизона Бесс спасся с частью

войск. Готы захватили Рим и выселили оттуда множество людей. Город опустел.

После этого Тотила написал императору, запросив мира. Юстиниан пояснил в ответ, что полномочным предводителем в этой войне является Велисарий, «поэтому он имеет право обо всем этом договариваться с Тотилой, как он найдет нужным». Это был завуалированный отказ от дальнейших переговоров.

3. ИСПЫТАНИЯ

Пока шел обмен письмами, Тотила попытался захватить южную часть Италии, которую только что отбили византийцы. Он отправил туда вооруженных римских крестьян и небольшое количество готов.

Сообщение о крестьянах советские историки когда-то считали крайне важным. В этом видели едва ли не крестьянское восстание против Византии. Но Тотила не был революционером и крестьянским вождем. Да, он вооружил часть деревенских римлян. Так средневековые феодалы иногда вооружали своих крепостных, но не становились из-за этого борцами за социальную справедливость.

Остготы встретили отряды таких же вооруженных крестьян под началом сенатора Туллиана, которому базилевс прислал на подмогу отряд конных *антов*, то есть днепровских славян — предков хорватов и сербов. Они одержали победу и отогнали врага.

Велисарий сидел в Порто. Тотила отвел часть войск из Рима и соорудил лагерь неподалеку от этой базы византийцев. Остальные полки король повел в Южную Италию, в Риме же не оставил ни одного человека.

Командиром византийских войск на юге был Иоанн племянник Виталиана. Узнав, что против него выступил сам Тотила, ромейский военачальник ушел в Гидрунт.

Тотила сообразил, что проигрывает стратегически. Ромеи искусно маневрировали и выигрывали пространство и время. Над ними требовалась решительная победа, но она не давалась. Конунг двинулся на Равенну, чтобы взять эту сильную крепость у себя в тылу. Может быть, тогда Юстиниан согласится на мир?

Однако готский вождь не учитывал, что ему противостоит Велисарий — хотя и отяжелевший, потрепанный невзгодами, но остававшийся одним из лучших полководцев Ромейской империи. Пока Тотила размышлял насчет захвата Равенны, Велисарий утвердился в мысли, что необходимо вернуть Рим. Оставив в Порто небольшой гарнизон, военачальник выступил в направлении Вечного города.

Автор «Истории Рима в Средние века» Фердинанд Грегоровиус полагает, что после предыдущей осады город находился в развалинах и представлял собой пустыню. Думается, это не так. Вероятно, часть населения туда вернулась. Так что Велисарий нашел не одни руины, но и какое-то количество жителей. Полководец заделал как мог бреши в стенах, навалив туда камней и подперев это сооружение кольями. На это ушел почти месяц. Оставшееся в Риме население Велисарий кормил и поил, потому что сумел-таки провести по Тибру барки с продовольствием. Оборона Тотилы была худой, как старое одеяло, и расплзалась во многих местах. Если бы Византия воевала в полную силу, у готов не оставалось бы шансов продержаться. Но персы, чума, войны на окраинах делали свое дело.

Узнав, что Рим снова занят византийцами, Тотила прекратил поход на Равенну и повернул к стенам Вечного города. Вскоре армия Тотилы появилась под его стенами. У ворот закипели схватки. Велисарий искусно расставил стрелков и тяжелую пехоту, так что готам никак не удавалось прорваться. Тотила утратил чувство реальности и раз за разом штурмовал стены. Во время третьего штурма он едва не погиб. Его знаменосец получил смертельную рану, упал с коня, уронил знамя. Сам король оказался в опаснейшей ситуации. Вокруг трупа знаменосца возникла свалка. Наконец готы отрубили руку покойнику, в которой было зажато знамя, и унесли то и другое. После этой неудачи в варварской армии разразился скандал. «Наиболее влиятельные из готов, придя к Тотиле, поносили его и резко упрекали его за непредусмотрительность и за то, что, взяв Рим, он не разрушил его до основания так, чтобы врагам нельзя было уже никогда его захватить», — рассказывает Прокопий. Однако другого лидера не было, перебранка завершилась ничем, и Тотила со всей армией отступил к Тибуру. Велисарий отослал ключи от Рима императору в Константинополь. Этой победой завершилась кампания 546 года.

Возник позиционный фронт. Всю зиму мелкие отряды готов и византийцев сражались с переменным успехом в Центральной и Южной Италии, но не могли одолеть друг друга. Наконец Велисарий покинул голодный обезлюдевший Рим и обосновался на Сицилии, которая еще не знала ужасов войны. Здесь он провел в бездействии многие месяцы.

* * *

В 547 году Византию ждало новое испытание. Большое войско «склавинов» обрушилось на Иллирик. Они разграбили местность вплоть до Эпидамна, «убивая и обращая в рабство всех попадавшихся

навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности», — сообщает Прокопий. Византийцев всюду косила чума, крепости оставались без гарнизонов. К этому добавились землетрясения, которые волной прошли по Балканам и Малой Азии. Многие жители «боялись, что будут засыпаны», — пишет Кесариец. Ромейские полководцы сумели, однако, собрать 15 тысяч бойцов. Они шли за войском «склавинов», но вступить в сражение не решались. Видимо, варваров было гораздо больше. Славяне удовлетворились грабежом и ушли за Дунай.

Сразу после этого до Юстиниана дошли известия из Нижнего Египта: страна была затоплена водами разлившегося Нила. Императору нужно было позаботиться о помощи людям, о возрождении хозяйственной системы, о дополнительной обороне границ. Он справился с этим и упорно продолжал войны за восстановление Римской империи.

4. СМЕРТЬ ФЕОДОРЫ

Весной 548 года Юстиниан послал в Италию новые подкрепления — 2000 пехотинцев. Ими начальствовал Валериан. Отплыв с Балкан, ромеи высадились в Гидрунте и нашли там Велисария с его женой Антониной и войском. Полководец приплыл с острова Сицилия, чтобы возобновить военные действия. Однако помощь показалась Велисария ничтожной. Посоветовавшись с Прокопием и другими приближенными, он отправил в столицу свою супругу за более существенной поддержкой. Антонина была подругой императрицы Феодоры, а потому могла рассчитывать на ее благосклонность. Но увы, она не застала Феодору в живых.

...Год был беспокойный. Повсюду землетрясения, войны, эпидемии. Православные устраивали молебны и просили Бога об избавлении от стихии, а стихия не унималась. На море бушевали штормы, на землю то и дело изливались небывалой силы дожди.

Но Юстиниану было не до капризов природы. В его семье случилась трагедия. Тяжело заболела императрица Феодора. Она и раньше-то не могла похвастаться крепким здоровьем. Теперь у царицы диагностировали рак. Болезнь быстро сожгла женщину. Базилисса умерла 28 июня 548 года. После смерти жены Юстиниан проживет еще 17 лет. По мнению Шарля Диля, с этого времени начнется закат императора, но это скорее красивая фраза. Если закат действительно имел место, то его причиной отнюдь не является смерть Феодоры. Впрочем, и сам закат сомнителен. Впереди у византийцев много успехов, но все они выпадут на долю одного Юстиниана. Он уже никогда не разделит

с женой радость побед. Государыню похоронили под стенами столицы. Базилевс никогда после этого не женился.

Некоторые исследователи называли Феодору истинной правительницей империи, что неверно. Юстиниан продолжал делать то же самое, что делал, когда его соправительницей была жена: пытался вернуть Гесперию, методично уничтожал старых сенаторов и латифундистов, отстраивал города и крепости, мечтал объединить Церковь и со всей горячностью участвовал в богословских спорах. Вот только лоск и веселье словно покинули его двор. Да и от прежнего увлечения революционными идеями ничего не осталось. Царь попытался найти забвение в каждодневной изнурительной работе.

Страдать по умершей Феодоре оказалось некогда. Такова участь правителя: он не принадлежит себе.

* * *

После смерти Феодоры планы ее подруги Антонины изменились. Умная женщина добилась приема у Юстиниана и попросила у него отозвать Велисария из Италии. «Она очень легко добилась этого. К этому побуждала императора Юстиниана и война с персами, тяжелым гнетом лежавшая на нем», — сообщает Кесариец. К тому времени ситуация в Италии была прескверной.

В Риме вспыхнул солдатский мятеж. Воины убили Конона, обвинив его в торговле хлебом. «Затем они отправили к императору послами некоторых священников, твердо заявив, что если император не простит им этой вины и к определенному сроку не заплатит по ведомостям денег, которые им задолжало казначейство, то они без всякого промедления перейдут на сторону Тотилы и готов». Юстиниану ничего не оставалось делать, кроме как амнистировать бунтовщиков.

В Пицене происходили мелкие столкновения и осады. Готы пытались занять эту область, чтобы связать свои владения в Северной и Южной Италии, а византийцев, наоборот, изолировать в нескольких анклавах. Однако сделать это было не так-то просто: в Пицене имелось много крепостей, и во всех — ромейские гарнизоны. Велисарий отправился туда с конницей, чтобы вредить готам, и это был его последний подвиг на земле Италии.

Тотила осаждал крепости, жил грабежом и обкладывал данью латифундистов. Такими примитивными методами он накопил достаточно средств для того, чтобы расплатиться со своими солдатами. Многие ромейские наемники перебежали на его сторону. Однако самые дальне-

видные не спешили, понимая, что дело Тотилы проигрышное, несмотря на видимые успехи.

Война зашла в тупик, но закончит ее уже не Велисарий. Получив разрешение императора, он навсегда покинул Апеннинский полуостров и вернулся в Константинополь. А мы, прежде чем перейти к рассказу о завершении Готских войн, заглянем в Африку и в Персию: там в это время тоже кипели сражения.

ГЛАВА 5. КОНЕЦ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. БУНТ ГОНТАРИСА

Бурные африканские события отвлекали часть сил византийцев, которые пригодились бы в Италии. Африка стала убыточным приобретением. Вместо того чтобы приносить деньги в казну, она требовала расходов на содержание войск, которые часто бунтовали и пополняли число противников империи.

Рассказывая об африканских делах, мы остановились на том, что император назначил главнокомандующим Ареобинда. Вместе с ним в Африку прибыл военачальник Артабан. Этот политик вскоре покусится на жизнь самого Юстиниана. А до этого — станет спасителем Африки. В общем, перед нами человек причудливой судьбы.

Вместе с новым начальством прибыло много армян. Они довольно скоро поссорились с германцами, составлявшими значительную часть африканских наемников. Один из германцев, Гонтарис (Гюнтер), рискнул поднять мятеж. Это произошло в 546 году. Гонтарис снесся с берберами и тайно подговорил их двинуться на Карфаген, сам оставаясь внешне верен императору.

Нумидийские берберы сочли предложение интересным. К ним примкнули кочевники Бизацены. Во главе нумидийцев стояли вожди Куцина и Яуда, а воинами Бизацены командовал Антала. К ним присоединились ромейские мятежники, которые раньше подчинялись Стозе. После смерти Стозы они выбрали предводителем какого-то Иоанна; это имя было очень распространено среди византийцев того времени.

Берберские орды приближались к Карфагену. Ареобинд вызвал Гонатриса, чтобы с его помощью отбить нападение. Гонтарис явился и предложил план: дать сражение в окрестностях Карфагена, не дожидаясь пока враг начнет осаду. Но Ареобиндом вдруг овладела нерешительность. Он медлил, и это напугало Гонтариса. Тот заподозрил, что всё открыто, а потому начал действовать. На другой день он распахнул

ворота перед берберами, однако те не решались войти в город, опасаясь предательства. Ареобинд попытался бежать из Карфагена на военном корабле, но на беду разразилась буря, и все корабли остались в гавани.

Ареобинд призвал верных людей. К нему явились византийские чиновники — армянин Артабан и грек Афанасий. Они убеждали начальника «не падать духом и не уступать наглости Гонтариса». Вскоре стало понятно, что Гонтарис, собственно, не намерен сдавать город берберам. Замысел изменника был другим: выгнать из Карфагена людей ромейского императора и править Африкой как самостоятельный конунг. В этом ключе предатель и начал действовать. Гонтарис попытался очернить византийского губернатора Ареобинда в глазах солдат. Мятежник лично прибыл к наименее надежным частям (возможно, набранным из германцев) и начал пропаганду. «Он (Ареобинд), дескать, трус, и, охваченный страхом перед врагами, с одной стороны, а с другой — менее всего желая платить солдатам жалованье, он задумал вместе с Афанасием улизнуть», — излагает Прокопий. Слуху поверили.

Несколько подразделений взбунтовались. К ним прибыли Ареобинд и Артабан со своими телохранителями (вероятно, армянами), чтобы успокоить. Уговоры не помогли; закипела схватка, легли трупы. Здесь же находился Гонтарис, ободрявший мятежников. В этот миг выяснилось, что их немного. «Ибо еще не всех обманул Гонтарис, но большинство солдат оставались чисты в своих мыслях», — утверждает Кесариец. Но Ареобинду и этого хватило. Увидев кровь и мертвецов, византийский губернатор струсил и позорно бежал в укрепленный храм на берегу моря. Такие крепости-монастыри часто воздвигались по приказу Юстиниана. Господь охранял православных людей, бежавших под его защиту... Теперь здесь укрылся трусоватый Ареобинд; тем самым он погубил всё дело.

Ареобинд спрятал в храме свою жену и детей, сюда же прискакал его соратник Артабан, какие-то чиновники.

Гонтарис захватил Карфаген. Он вошел в губернаторский дворец, взял под контроль вход в гавань. Затем вызвал Афанасия, который с отрядом ромеев не перешел ни на одну из сторон. Видя, что дело плохо, Афанасий уверил бунтовщиков в полной своей поддержке.

Гонтарис послал за губернатором Ареобиндом, чтобы договориться полюбовно о дальнейшей судьбе Африки. К наместнику направили епископа Карфагена по имени Репарат.

Гонтарис обещал Ареобинду неприкосновенность, если тот добровольно явится в карфагенский Палатий-дворец. В противном случае

пригрозил осадить монастырь и убить Ареобинда. Незадачливый губернатор накинул простой плащ с капюшоном и покорно последовал за епископом в логово врага.

Явившись к Гонтарису, Ареобинд протянул ему Библию и умолял о пощаде. «Когда Гонтарис с трудом заставил его встать, Ареобинд, заклиная его всеми святынями, спросил, может ли он считать прочной свою безопасность», — с издевкой пишет Прокопий. Вероятно, наш автор пытается воспроизвести разговоры, которые впоследствии велись по этому поводу при дворе Юстиниана; может быть, даже слова самого императора. Хотя некоторые современные ученые видят в этих пассажах Прокопия насмешку: мол, Кесариец намекает на то, что Юстиниан не умел подбирать кадры. Насмешки, однако, нет. Империя Юстиниана была на тот период современным государством образованных людей, многие из которых свободно выражали свое мнение. Да и сам император высказывался откровенно о многих вещах. Перед нами другое: базилевс сам дает указание высмеивать неудачливых чиновников, и придворные (в их числе Прокопий) упражняются в остроумии насчет тех, кому не повезло. Это обычная практика руководства.

...Гонтарис заверил перепуганного губернатора, что бояться тому нечего: усадил его за стол, накормил обедом, а потом... призвал своих телохранителей и велел убить. Это произошло в марте 546 года, когда готы и византийцы вели очередную битву за Рим.

На следующий день заговорщик отослал голову экс-губернатора Ареобинда берберскому вождю Антале. Так в Карфагене свершился военный переворот. Казалось, Африка навсегда потеряна для Ромейской империи.

2. ГИБЕЛЬ ГОНТАРИСА

Теперь нужно было что-то делать с берберскими союзниками. Вожди берберов рассчитывали взять выкуп с Карфагена, но Гонтарис платить не спешил.

Тогда бербер Антала перешел со своими людьми на сторону Юстиниана. В конечном счете это и спасло византийское господство в Африке. Византийские войска сосредоточились в Гадрумете. Туда ушли все, кто поддерживал Юстиниана и законную власть.

А мятежники обосновались в Карфагене. В город явились остатки людей Стозы — около тысячи человек. Они перешли под начало Гонтариса. «Среди них было пятьсот ромеев, около восьмидесяти гуннов, а все остальные были вандалами», — уточняет Прокопий.

Наконец, на сторону мятежников перешел Артабан с армянским отрядом. Правда, он задумал убить Гонтариса при первом удобном случае.

Прежде всего Гонтарису нужно было устранить Анталу и захватить Бизацену. Задача облегчалась тем, что другой берберский вождь, Куцина, ненавидел Анталу и окончательно поругался с ним. Узнав, что Антала перешел на сторону Византии, Куцина поддержал мятежников.

Бунтовщики пришли под стены Гадрумета и разбили лагерь. Ими командовал Артабан. На выручку города пришел Антала со своими берберами. Артабан атаковал его и обратил в бегство, но не развил успех и вернулся в лагерь. Здесь его встретили воины Стозы, обвинили в предательстве за то, что не преследовал врага, и хотели убить. Началась перепалка. Артабан сослался на численное превосходство противника и отвел войска в Карфаген. Гонтарис объявил, что лично выступит на Бизацену во главе всех своих сил.

Перед этим он произвел чистки в Карфагене: казнил любого, на кого падало подозрение в измене, и наконец, как свидетельствует Прокопий, решил перебить вообще всех греков, находившихся в городе. Даже если это и преувеличение, оно помогает понять, на кого опирался Гонтарис. Это были наемники и остатки вандалов. Но этих сил оказалось крайне мало для того, чтобы установить хоть какой-то порядок в Карфагене. Возвращались времена пиратской империи Гензериха, но повторения этих ужасов никто не хотел. Да и обстановка была иной. Гонтарис использовал временные трудности, которые испытывали византийцы, но на окончательный успех рассчитывать не мог, хотя и не понимал этого до конца.

Наконец мятежник назначил день похода на Бизацену. Перед этим он устроил пир с участием своих приближенных, в число которых вошли армянин Артабан и грек Афанасий. Артабан решил воспользоваться удобным моментом для убийства Гонтариса.

Все приглашенные возлежали на ложах. За ними стояли по трое вооруженных телохранителей. Чтобы действовать наверняка, Артабан разместил верных ему вооруженных армян в соседнем портике и распространил слух, что Гонтарис хочет убить его, Артабана. Короче говоря, мятежнику платили его же монетой — коварством, предательством, хитростью.

Пир начался. Гонтарис сильно подвыпил и, «желая проявить щедрость», дал телохранителям часть еды и выпивки. Для них накрыли столы в соседней зале. При Гонтарисе остались только три копьеносца.

Этим воспользовались армяне. Один из них, Арташир (телохранитель Артабана), «быстро подошел к Гонтарису, как будто собираясь сказать ему что-то тайком от других». Когда телохранитель-армянин приблизился к Гонтарису, это заметили слуги и оттолкнули невежу, воскликнув: — Это что такое, милейший?!

Гонтарис обернулся на шум, приложив руку к правому уху. В этот момент Арташир ударил его мечом и отсек ему часть лба с пальцами. Возник шум. Некоторые греки, присутствовавшие на пиру, стали кричать, что пора покончить с тираном. Гонтарис вскочил, рыча от боли, но к нему бросился Артабан и всадил в бок нож по самую рукоятку. Рана была смертельной. Гонтарис упал. Его телохранители попытались уничтожить армян, но сами пали в потасовке, которая заняла всего несколько секунд.

Дальнейшая судьба прочих бунтовщиков неизвестна. Возможно, предводителей казнили, а подразделения простых солдат раскассировали и разместили по гарнизонам. Победители направили донесение в Константинополь о своей победе.

«За это дело Артабан получил великую славу среди всех людей», — пишет Прокопий. Юстиниан назначил его наместником византийской Африки. Однако предприимчивый армянин пробыл губернатором недолго, год или полтора. За это время расстановка сил опять изменилась. После убийства Гонтариса вождь берберов Антала отложился от Юстиниана, возобновились смуты... Артабан устал и не чувствовал в себе сил покончить с берберами. Он попросился в столицу и был отозван. Впрочем, Прокопий пишет, что истинной причиной отбытия Артабана стала романтическая история: он влюбился во вдову бывшего африканского наместника Ареобинда — Прейкету, которая уехала в столицу.

Новым наместником сделался некий Иоанн, которому Юстиниан доверял настолько, что сосредоточил в его руках военную и гражданскую власть.

Иоанн разбил Анталу, но тот объединился с триполийским племенем *левафов* и нанес византийцам поражение. Тогда Иоанн задобрил Куцину, напал вместе с ним на Анталу и одержал победу над враждебными маврами в большом сражении. «Большую часть их, отступавших в полном беспорядке, ромеи убили, а остальные бежали до самых крайних пределов Ливии». Византийцы отняли у врага знамена, захваченные после гибели Соломона. Развивая успех, Иоанн выступил на запад и разгромил берберского вождя Яуду, подчинив своей власти Нумидию.

После этого другие царьки «следовали за ним (Иоанном), как будто они были его рабами». Примерно в 548 году берберов удалось наконец замирить. Африка покорилась Юстиниану.

Но в «Тайной истории» Прокопий умудрился даже эту победу поставить императору в вину. Мол, Африка обезлюдела из-за ненасытной жажды завоеваний Юстиниана. Этот упрек несправедлив. Резню местного населения начали вандалы и берберы, причем еще до Юстиниана. Базилевс разгромил пиратское королевство и усмирил берберов. Это было сделано дорогой ценой, но без вторжения византийцев цена покоя вряд ли бы оказалась дешевле.

На Африке Юстиниан опробовал новую форму правления. Он делегировал значительную часть своих полномочий Иоанну — человеку, которому доверял. Иоанн становится заморским вице-королем в дальних имперских владениях. Собирает налоги, вершит суд, ведет войны на свой страх и риск. Верховная власть остается у императора. Император получает отчисления с дальних провинций, направляет туда войска, а неспособного наместника может уволить в любой момент. Эта идея вице-королевства помогала византийцам удерживать дальние рубежи.

После успешного окончания африканских войн византийцы восстановили плацдарм для нападений на Италию. С этого времени дело Тотилы и остготов стало практически безнадежным. Однако Византия опять воевала на двух фронтах. Против нее в очередной раз выступили иранцы.

ГЛАВА 6. ОПЯТЬ ПЕРСЫ

1. АРМЯНСКИЙ ЗАГОВОР

Прежде чем рассказать о перипетиях персидской войны, нужно поведать о внутренних делах Византии. Юстиниана чуть не убили придворные армяне, составившие заговор. Причем его душой был неизвестный Артабан, только что вернувшийся из Африки после подавления мятежа. Видимо, Артабан возвратился в Константинополь в конце 547 года, когда еще жива была императрица Феодора. Результатом возвращения стала драма, о которой мы расскажем на этих страницах. Артабан замыслил умертвить Юстиниана и захватить Ромейскую империю.

* * *

Идея империи состояла в том, что все граждане равны перед законом, а лучшие из них могут претендовать на звание базилевса. Правда, было совершенно неясно, кто должен выбирать «лучшего». Иногда это

делал сенат, иногда — войско, иногда — партии цирка. Всё это создавало почву для нестабильности и государственных переворотов. Юстиниан был, с одной стороны, очень осторожен, а с другой — весьма популярен в народе. К императору можно было всегда прийти с просьбой, он был прост в обращении и не чуждался народа. Блуждали слухи, что он до сих пор тайком поддерживает *стасиотов* — народных борцов со знатью.

Почти два десятилетия император правил спокойно. Чернь восхищалась успехами ромейского оружия. В казну текло золото, базилевс отстраивал города, защищал границы и всем был мил. Однако со временем ореол венценосного «блюстителя правды» померк. В войнах с персами была разрушена «жемчужина Востока» — Антиохия. Десятки тысяч ромеев оказались угнаны иранцами и остались в плену. Бунты в Африке продолжались больше 10 лет. Война в Италии вспыхнула с новой силой. На севере Балканского полуострова угрожающе вели себя «склавины» и кутургуры. Наконец, разразилась чума, а с нею наступил кризис: сократилось число налогоплательщиков и солдат.

Всё это вызвало недовольство Юстинианом в народе, чем воспользовались его враги при дворе. Против крестьянского императора возник заговор.

Началось с того, что армянский военачальник Артабан полюбил молодую Прейкету — племянницу императора и вдову Ареобинда. Армянин считался красавцем. «Он был высок ростом... по характеру приветливый и немногословный. Император оказал ему исключительные почести», — замечает Прокопий. Артабан получил высокую должность командира подразделений федератов-наемников, расквартированных в столице. Кроме того, он сделался консулом. Но женить его на Прейкете император не мог, так как выяснилось, что Артабан уже женат, причем «еще с детских лет». С супругой он давно не жил, та оставалась где-то в армянских горах. О ее существовании мало кто знал. Но теперь Артабан прославился, и женщина напомнила о себе. А может, подсуетились «доброжелатели», чтобы устранить конкурента. В результате Прейкету быстро выдали за знатного сенатора Иоанна (сына Помпея), а первую жену Артабана извлекли из забвения и привезли к мужу. Это было еще при жизни Феодоры, и именно она стояла за этой интригой. Вскоре Феодора заболела и умерла. Артабан тотчас прогнал от себя первую жену, но на этом не успокоился. Чтобы получить любимую Прейкету, он пошел на заговор против самого императора. Его поддержали знатные армяне. Одним из заговорщиков стал Аршак — потомок династии Аршакуни, когда-то правившей в Армении. Неза-

долго до этого Аршак мечтал поднять восстание византийских армян в пользу иранцев. Однако идея была настолько непопулярна, что к ней никто не отнесся всерьез. Раздосадованный Юстиниан просто велел высечь неудачливого заговорщика. Аршак затаил злобу и «стал строить козни против Юстиниана и политического строя», поясняет Прокопий. Артабан был родственником армянского горе-диссидента. Аршак начал склонять его к заговору и напомнил, что отец Артабана — Ованес — казнен за участие в восстании, а «вся его родня порабощена и рассеяна по всей Ромейской империи». И при таких-то обстоятельствах Артабан довольствуется званием консула?

Артабан сдался и вступил в заговор. Оба крамольника решили привлечь к себе двоюродного брата Юстиниана — популярного в народе полководца Германа и его сыновей. Старшим из детей Германа был Юстин, «юноша с первым пушком бороды, очень энергичный и быстрый на всякое дело; незадолго перед тем он получил консульское кресло». Впоследствии он станет известным полководцем, и мы еще встретим Юстина на страницах книги.

Через этого неглупого и честолюбивого парня и стали действовать армянские заговорщики. Артабан вывел своего родича Аршака на Юстина. Аршак начал действовать. Юстину и его отцу Гермону он обещал царство, если только те помогут свергнуть Юстиниана. Свое предложение Аршак изложил в храме, куда для вящей таинственности пригласил Юстина, взяв прежде клятву, что молодой человек никому не расскажет о тайной беседе.

Когда юноша дал клятву, Аршак раскрылся во всей красе. Как может Юстин смотреть на то, что большая часть должностей при дворе распределяется среди случайных граждан?! Высших чинов достигают «люди низкого звания из рыночной толпы». Тут мы видим, что Прокопий, передающий этот разговор, буквально корчится от еле скрываемой ненависти к Юстиниану. Рыночная толпа, случайные люди... По мнению Кесарийца, Юстиниан всю страну перевернул с ног на голову. Прокопий тайно сочувствует заговорщикам. Его не устраивает только одно: что они не довели дело до конца, оказавшись глупцами.

Аршак продолжал. По его сведениям, Велисарий возвращается из Италии после неудачной кампании. Это значит, что Германа и его родню окончательно задвинут на второй план. Император обожает своего бывшего телохранителя, подавителя «Ники» и завоевателя вандалов.

Заметим попутно, что рассуждения ряда современных историков о «зависти» Юстиниана по отношению к Велисарию (из-за побед,

одержанных великим полководцем) не соответствуют действительно-сти. Современнику событий, Аршаку, реальность виделась совершенно иной. В его глазах пострадавшим от режима был вовсе не Велисарий, а Герман, потому что император выдвигает на высшие посты новых людей вместо того, чтобы обеспечивать привилегиями родственников и свойственников. Крестьянскому императору совершенно чужд дух аристократизма! Зато Аршак происходит из армянского царского рода, ему понятны обиды имперской знати. Он пытается склонить Юстина на свою сторону...

Но не тут-то было. «Услыхав это, Юстин пришел в страшное замешательство, голова у него пошла кругом, и он заявил Аршаку, что ни он, ни отец его Герман этого делать никак не могут». Молодой человек обо всём доложил отцу. Тот ужаснулся. Надо действовать, но как? Бросить по адресу армян бездоказательные обвинения? Но практика доносов не была принята при дворе православного императора.

Герман посоветовался с Маркеллом — начальником дворцовой стражи. Судя по имени, этот Маркелл принадлежал к числу вельсков, то есть римлян, — словом, был соплеменник Юстиниана. Возможно, именно его мы встречали в битве при Даре как одного из офицеров. Император назначил его на должность далеко не только благодаря этническому родству. Начальник стражи «был человеком суровым по характеру, крайне молчаливым; он ничего не делал из-за денег, не любил ни смешных слов, ни смешных представлений; не чувствовал расположения к распущенному времяпрепровождению; вел он всегда жизнь суровую и чуждую удовольствий; до мелочности был предан справедливости и страстно любил правду». Так описывает этого человека Прокопий, который всегда рад малейшему поводу очернить людей Юстиниана, но здесь повода не находит. Перед нами — образ рыцаря без страха и упрека. Вероятно, Маркелл оказался одним из лучших в окружении императора. Кроме того, он обладал здравым смыслом.

— Неудобно, — сказал он Герману, — чтобы ты был доносчиком. Если Аршак сумеет бежать и скрыться, то обвинение останется недоказанным. Я лично, не проверив дела, не привык верить или докладывать императору. Поэтому я хочу или услышать своими собственными ушами, или чтобы кто-либо из моих близких по уговору с вами совершенно ясно услышал крамольные речи.

Герман понял, что в любой момент может превратиться из обвинителя в обвиняемого. Требовались доказательства. Полководец велел своему сыну Юстину сделать так, чтобы заговорщики разоблачили себя.

Но с Аршаком Юстин говорить не мог. Тогда он привлек двух других армян, состоявших в заговоре, — Артабана и какого-то Ханаранга. У последнего Юстин хитростью выудил все данные о заговоре. Разговор состоялся в комнате, часть которой была отделена шелковой занавеской. За нею прятались люди Маркелла. Они услышали подробности беседы.

Заговорщики рассуждали, что нужно одним ударом покончить с Юстинианом и Велисарием. Если убить только Юстиниана и провозгласить императором Германа, то может разразиться гражданская война: Велисарий объединит чернь, которая составляет сторонников Юстиниана, пойдет на столицу и перебьет заговорщиков. «Но как только Велисарий прибудет в Византию и будет у императора во дворце, тогда поздним вечером они явятся туда, захватив кинжалы, и убьют Маркелла и Велисария вместе с императором». Таков был план.

Маркелл выждал удобный момент и доложил обо всём царю. Базилевс был поражен, разгневан и посчитал Германа виновным в том, что тот не донес сразу. Император «велел тотчас же арестовать и заключить в тюрьму Артабана и его соучастников и приказал некоторым из начальников произвести допрос под пыткой», передает Прокопий.

Затем Юстиниан созвал сенат, чтобы решить вопрос о наказании виновных. Мнения сенаторов разделились. Кто-то заступался за Германа, кто-то распалял гнев самодержца. «Все остальные молчали, подавленные страхом и своим непротивлением предоставляя свободу проявлению его воли». Один только Маркелл говорил прямо. Начальник стражи заявил, что Герман давно предлагал сообщить императору о заговоре, но промедлил сам Маркелл, ибо «очень тщательно разбирался во всех мелочах и поэтому так медлил с сообщением». Гнев императора улегся. Начались расправы. Прежде всего Юстиниан разжаловал романтического глупца Артабана, «не сделав ему, помимо этого, ничего дурного, а равно и всем остальным, если не считать того, что всех их держал под арестом, но без бесчестия, во дворце, а не в обычной тюрьме», сообщает Прокопий. На том и закончился армянский заговор. Похоже, базилевс разобрался и сообразил, что у крамольников не было опоры ни в народе, ни в армии, ни в сенате. Страхи прошли.

Юстиниан мог спокойно продолжать свою политику. «Святой император» совершенствовал империю и сражался с ее врагами. Что касается Артабана, то его вскоре помилуют и пошлют на фронт. Юстиниан не был безжалостным истребителем каждого, кто покушался на его власть. Мы видим, что отношения между властью и подданными в Византии гораздо тоньше, чем принято думать.

2. ВТОРЖЕНИЕ ПЕРСОВ

У базилевса оставались два главных внешних врага: остготы и иранцы. На восточном фронте наступило затишье, но продолжалось недолго. Схлестнулись между собой арабские племена: *гассаниды* и *лахмиды*. Первые по-прежнему ориентировались на Византию, вторые — на Иран. Действующие лица оставались всё те же. У палестинских *гассанидов* царем был **Харис ибн Саалаба (529—549)**. Византийцы звали его Арета. Иракскими *лахмидами* правил **ал-Мунзир III ибн Нуман (505—554)**. Оба ненавидели друг друга. Ал-Мунзир был сильнее, наглее и энергичнее своего коллеги. Он постоянно тревожил палестинских арабов набегами. Наконец в 546 году захватил в плен сына Хариса и принес его в жертву планете Венера, которую арабы называли Узза. Это переполнило чашу терпения Хариса. Он собрал ополчение, напал на иракцев и нанес им крупное поражение.

Автор классической монографии «Арабы у границ Византии и Ирана» Н. В. Пигулевская пишет, что это поражение не слишком ослабило военный потенциал *лахмидов*. Еще в первой половине правления Юстиниана им удалось разгромить вождество *бану кинд* в северной и центральной Аравии. В результате иракцы надолго получили перевес в борьбе. Немаловажен еще один факт. *Бану кинд*, как и палестинские арабы, были христианами. После разгрома *киндитов* перевес получили язычники. Однако библейские традиции всё же остались. Пройдет всего несколько десятилетий, и они трансформируются в новую веру — ислам.

Поражение *лахмидов* встревожило персидского шаханшаха Хосрова. Началась цепная реакция. Шаханшах, не нарушая официального мира, задумал две операции: захват Колхиды на Черноморском побережье и стратегически важной крепости Дара в Месопотамии. Под предлогом посольства он отправил в Византию одного из своих приближенных, Йезда Гушнаспа, знатнейшего перса, в сопровождении 500 отборных воинов (Прокопий называет этого человека «Исдигусна», наверняка проклинаая варварские иранские имена).

Гушнасп съездил в Константинополь, провел переговоры с Юстинианом, вручил ему подарки и отбыл назад после 10 месяцев пребывания в византийской столице. «Этого Исдигусну базилевс Юстиниан из всех послов, насколько мы знаем, принимал с особой благосклонностью и оказал ему много почета, — утверждает Прокопий. — Так, угощая его, базилевс позволил возлежать на одном ложе с собой Врадую, который следовал за ним в качестве толмача, — случай, доселе небывалый. Ибо

никто раньше никогда не видел, чтобы толмач был допущен к столу даже невысоких архонтов, не говоря уже о том, чтобы быть допущенным к столу базилевса». Одних подарков он увез с собой на 10 кентинариев золота. И это в то время, когда Велисарииу было нечем рассчитывать с солдатами в продолжение Готской войны. Но Юстиниан неспроста ухаживал за иранцами. Базилевсу было крайне важно удержать Хосрова от нападения.

Однако выяснилось, что на обратном пути Исдигусна попытался завладеть крепостью Дара, введя туда войска. Византийский начальник гарнизона был начеку и не впустил персов. Захватить Дару не удалось. Тогда настала очередь Колхиды (или Лазики, как ее еще называли византийцы). В Лазике персы занимали несколько крепостей после первых двух войн с ромеями. Хосрову было этого мало. Он задумал выселить местное население в Иран и полностью подчинить причерноморскую страну своей власти, а кроме того, собрался завести флот на Черном море. Тогда север Малой Азии оказался бы беззащитен перед набегами персов.

Об этом узнал царь лазов Гуваз, снесся с Юстинианом, предал забвению былые обиды и признал себя слугой ромейского базилевса. Юстиниан поддержал Гуваза. Тем более что на юге его ждала новая неудача: в 549 году царек Харис погиб в бою с иракскими отрядами ал-Мунзира. Правда, это не привело к гибели христианского арабского царства *гассанидов*. Новым царем стал сын погибшего — **Джабала ибн Харис (549—559)**. Император думал, что было бы неплохо ударить по персам с двух сторон — на юге из Сирии и на севере из Лазики, не объявляя при этом большую войну. В общем, Юстиниан нанес персам ответный удар и отправил в Лазику 7000 воинов под началом молодого стратега Дагисфея. Это был гот по происхождению, и в его войске, конечно, преобладали готы. Дагисфей принял православие, а потому мог делать карьеру в византийской армии. В конце концов его назначили командующим войсками в Армении. Прежний командующий, ромей Валериан, отправился воевать в Италию. В 549 году Дагисфей прибыл в Лазику, соединился с отрядами царя Гуваза и осадил мощную крепость Петру, в которой засели персы.

Узнав о нападении, Хосров снарядил войско и направил его на подмогу. Армией командовал полководец Мир Мерой — ветеран войн с византийцами. Кесариец пишет, что у него в подчинении было 30 тысяч бойцов. Даже если это число преувеличено, то ненамного.

Портрет Мир Мероя оставил нам историк той поры Агафий Миринейский. «Это был человек величайшего ума, — пишет Агафий, — сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильнейший юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушая страх врагам и поднимая дух своих». Воякой он был искусным. Византийцы получили сильного противника, который до самой смерти энергично вел с ними войну.

* * *

Гуваз и Дагисфей с частью войск блокировали Петру, а другую часть направили для защиты горных проходов, чтобы задержать персов. Кроме того, удалось заключить союз с кавказскими аланами и сабирами. Аланы («за три кентинария», уточняет Прокопий) согласились охранять землю лазов, а сабиры — опустошить соседнюю Иверию, чтобы персы не смогли через нее пройти. Сам Гуваз тоже не забывал требовать денег от Юстиниана. По словам кавказского царька, базилевс задолжал ему «жалованье» за 10 лет. Юстиниан пообещал выплатить деньги, но выполнить обещание не спешил. Он должен был убедиться в верности Гуваза.

Дагисфей успел наделать множество ошибок. Вместо того чтобы занять теснины и укрепиться там, он отправил для охраны горных проходов всего 100 человек. Вероятно, он понадеялся на помощь сабиров, однако те не торопились и прежде просили у византийцев денег. Сам же стратег остался осаждать Петру.

Мир Мерой со всем своим войском вошел в теснины. Узнав об этом, Дагисфей снял осаду Петры и стал отступать к ромейским границам. Гуваз ушел в горы со своими людьми. Вместо решения одной проблемы Юстиниан получил массу новых. Персидское войско стояло у границ империи и готово было захватить Лазику. Император спешно собрал деньги и выслал их Гувазу, а также сабирам, которые должны были ударить в спину персам.

Но развязка наступила совсем неожиданно. Иранцы столкнулись с таким банальным фактом, как недостаток припасов, а побеспокоиться об этом заранее никто из них не подумал. Мир Мерой отвел большую часть войск в Иверию и затем в Персию, а в Колхиде оставил 5000 солдат. Хосров временно отстранил его от командования. После ухода главных сил иранцев ситуация изменилась в пользу ромеев. Дагисфей объединил войска с Гувазом, чтобы нанести персам поражение.

В Лазике прибыли византийские подкрепления, и перевес ромеев стал подавляющим. Вместе с воинами Гуваза их было 14 тысяч человек против четырех тысяч персов.

Византийцы напали на врага в открытом поле, разбили наголову и уничтожили до последнего человека. Это была впечатляющая победа после серии поражений. Дагисфей несколько реабилитировал себя за бегство от стен Петры.

Затем войска ромеев и лазов вторглись в Иверию. Там удалось разбить еще несколько отрядов врага, после чего ромеи вернулись. Лазика была полностью очищена от персов. Их гарнизон оставался лишь в крепости Петра, но лазы ее блокировали.

3. ОСАДА ПЕТРЫ

В 550 году новая иранская армия вторглась в Колхиду. Во главе этого войска стоял полководец Хориан (имя дано в византийской транскрипции), причем он на вербовал наемников среди аланов. Гуваз и Дагисфей напали на врага и разбили его, Хориан погиб. Крепость Петра, однако, держалась.

Вследствие этого начались интриги. Лазы отправили в Константинополь посольство и стали клеветать на Дагисфея. Мол, этот человек подкуплен иранцами, а потому не может взять Петру. У Юстиниана сдали нервы. Он вызвал Дагисфея в столицу и бросил в тюрьму, а вместо него начальником византийских войск в Армении назначил престарелого Бесса, который незадолго до того вернулся из Италии после того как сдал готам Рим. «Все издевались над этим назначением и смеялись над решением императора», — вспоминает Прокопий. Но царь знал что делал, Бесс был опытный воин.

Правда, из-за кадровых перемен было упущено время для того, чтобы добить персов. Шаханшах назначил нового полководца — Наведа. Тот явился в Лазике, проник в субтропические джунгли Абхазии и подчинил тамошнее племя абасгов. Этот факт обеспокоил Юстиниана. Император отправил Бессу приказ — захватить Абхазию.

Бесс собрал десант под началом двух своих офицеров и высадил его в Абхазии. Византийцев ждал быстрый и впечатляющий успех. Главную крепость абхазов удалось захватить хитростью, а персов отбросили.

После этого Юстиниан предложил Хосрову новый мирный договор. Обе стороны были истощены войной, пострадали от чумы. В Иране время от времени вспыхивали восстания — видно, режим Хосрова был гораздо тяжелее, чем правление Юстиниана. В общем, император рас-

считывал заключить прочный мир, за время которого мог бы закончить войну в Италии и воссоздать Римскую империю.

Но персы тянули время, и базилевс понукал своих полководцев — нужно действовать быстрее, продолжать войну и окончательно выкурить иранцев из Лазики. Пока шел обмен послами между Ираном и Византией, ромейские войска осаждали Петру. Юстиниан поручил осаду лично Бессу, и полководец явился под стены крепости с главной армией, которую привел из Армении. Приготовления оказались недолги. Ромеи наладили метательные машины, построили штурмовые лестницы. Бесс облачился в панцирь и повел воинов на приступ. Он был уже стар, ему перевалило за семьдесят, но этот проворный солдат демонстрировал чудеса выдержки и мужества. Бесс первым взобрался на лестницу и полез вверх. Ромеи последовали за ним. Началась кровавая битва. «Число варваров равнялось двум тысячам тремстам воинов, — подсчитал Прокопий, — а у ромеев было до шести тысяч». В начавшейся мясорубке было трудно выжить, и вот уже сам Бесс рухнул вниз со стены. Поднялся ужасный крик. Персы бросали в распростертого византийского военачальника свои копья, чтобы добить. Однако Бесса окружили телохранители и пытались защитить от ударов. «Они устроили над ним как бы крышу, совершенно скрыв от опасности своего вождя и всемерно отражая оружие, которым поражали враги». Свистели стрелы, копья гулко вонзались в щиты, лязгали мечи, воины кричали и тяжело дышали. Это было сражение за тело Патрокла, только сам «Патрокл» оставался жив.

Бесс, человек тучный и пожилой, не мог встать на ноги, но не утратил природной смекалки. Полководец приказал телохранителям оттащить себя от стены. Картина была живописная. «Одни его тащили, другие отступали вместе с ним, держа щиты друг над другом, ровняя свой шаг по тому, как его тащили, боясь, чтобы он, оставшись без прикрытия, не был поражен врагами». Когда Бесс оказался в безопасности, его поставили на ноги. Военачальник отдышался и вновь кинулся на штурм.

Наконец Бесс попытался сжечь вражеские укрепления с помощью горючего состава, называвшегося «масло Медеи» (впоследствии его назвали «греческий огонь»). На стены обрушились зажигательные снаряды, и персы отступили в цитадель. Ее штурмовали ромеи и перебили всех защитников до единого. Бесс оставил для охраны Лазики 12 тысяч солдат, расквартированных в гарнизонах по крепостям, а сам отбыл из страны. Юстиниан воздал полководцу «великую хвалу за проявленную доблесть». Скептики потешались зря.

4. БИТВА ПРИ АРХЕОПОЛЕ

Через короткое время последовал ответный удар персов. Их войсками в Закавказье опять командовал иранский аристократ Мир Мерой. Первым на пути врага стоял Археополь — самый большой город у лазов, выгодно расположенный на высоком обрывистом холме. Мир Мерой подошел под стены города с конной армией и несколькими слонами. Кроме того, к нему явилась на подмогу большая армия сабиров — 12 тысяч бойцов, которых иранцам удалось перекупить. Но персидский командующий испугался, что предприятие выйдет из-под контроля, поэтому оставил при себе 4000 сабиров, а остальных отправил восвояси, «богато одарив деньгами».

Византийский гарнизон в Археополе насчитывал 3000 солдат. Еще 9000 удалось сконцентрировать на побережье в устье реки Фасис, чтобы перебросить их на самый угрожаемый участок обороны. «Бесс же, как только взял Петру, больше уже не хотел подвергаться трудам, но, удалившись в область Понта и Армении, всячески заботился собрать доходы с своей провинции, и такой своей мелочностью он вновь погубил дело ромеев», — замечает Прокопий. Историк недовольно ворчит, что «император Юстиниан обычно прощал все ошибки своим погрешившим начальникам, и поэтому не раз они были уличаемы в незаконных деяниях как в своей личной жизни, так и в государственных преступлениях». Это замечание попало в официальную историю, было издано, распространено, однако ничуть не повредило карьере Кесарийца. Разумеется, это нельзя считать выражением какого-то особого свободомыслия, присущего Византии. Но, с другой стороны, оно еще раз помогает понять, что расхожее мнение о «деспотичной империи» Юстиниана преувеличено.

Император любил военных, ценил их и действительно прощал им многое, а они в ответ одерживали победы. Правда, под конец жизни базилевс хуже разбирался в людях. Дагисфей попал под арест за мнимую измену, а вор и карьерист Бесс не понес никакого наказания за свои ошибки и преступления.

Мир Мерой узнал о наличии византийского корпуса на реке Фасис и думал уничтожить сперва его, а уж потом взяться за осаду Археополя. Пройдя мимо стен города, Мир Мерой издевательски поприветствовал ромейских воинов «и задорно, по-мальчишески заявил им, что он скоро к ним вернется». Иранский полководец непринужденно добавил, что ему «хочется сначала потолковать с другими ромеями, которые стоят лагерем около реки Фасиса». Острые на язык византийцы не остались в долгу.

— Иди куда хочешь, но если встретишь наше войско на реке Фасис, то назад не вернешься!

Разумеется, это была пустая бравада. Византийцы, расположившиеся лагерем у реки, поспешно эвакуировались, лишь только узнали, что иранская армия идет на них. Мир Мерой увидел опустевший лагерь, сжег его и вернулся под стены Археополя.

Византийцы устроили вылазку, которая застала персов врасплох. Передовые отряды иранцев бросились наутек, а ромеи преследовали их и безжалостно убивали. Паника нарастала. В один миг персидское войско рассыпалось. Ромеи не верили своему успеху — над иранцами одержали оглушительную и невероятную победу.

Во время перестрелки, штурма и бегства, в давке и схватке погибло около 4000 врагов. Такие данные получил Юстиниан в Константинополе и возрадовался, вознеся молитву. Даже если офицеры прихвастнули в докладе императору, всё равно можно поверить, что потери иранцев были огромны. Кроме того, императору отправили четыре иранских знамени в доказательство победы.

5. ЗЫБКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Впрочем, победа в сражении под Археополем вовсе не означала стратегического поражения иранцев. К ним подошли подкрепления, и вскоре Мир Мерой оккупировал большую часть Лазики. Его штаб-квартира находилась у греческой крепости Котиаион, которую лазы переименовали в Кутаис. В Лазике возник позиционный фронт, причем персы занимали деревни и села, а ромеи сидели в нескольких крепостях.

В Константинополе Юстиниан вел с персами дипломатическую борьбу. В ромейскую столицу прибыл с очередным визитом иранский аристократ Йезд Гушнасп. Византийцы его не любили, считали надменным и жестким. Иранский дипломат, возможно, таким и был. Хосров посылал его в Константинополь, чтобы вести разговор с позиции силы.

Однако иранского дипломата встретили приветливо как никогда. «Из всех послов, — пишет Прокопий о дипломатических порядках того времени, — один этот не находился под надзором; и сам он и те варвары, которые следовали за ним в очень большом числе, имели полное право встречаться и беседовать с кем угодно и ходить повсюду по городу, покупать и продавать, что заблагорассудится, составлять контракты и заниматься торговыми сделками вполне безопасно, как будто в своем собственном городе, причем никто из ромеев не сопровождал их и не считал нужным, как бывало прежде, наблюдать за ними».

Последовали приемы у императора. Юстиниан предстал перед иранским послом во всем блеске: парадное облачение из тяжелой золотой парчи, роскошный венец, отделанный драгоценными камнями массивный золотой трон с механическим приспособлением, которое позволяло самодержцу вознестись над подданными...

Стороны спорили очень долго. Главных вопросов было два: кому принадлежит Лазика и как разрешить конфликт между арабскими царьками из династий *лахмидов* и *гассанидов*. Наконец договорились заключить новый мир на 5 лет. Условились, что византийцы заплатят 20 кентинариев золота за пятилетие вперед и еще шесть кентинариев внесут за 18 месяцев, «которые протекли после первого перемирия до того времени, когда оба они взаимно отправили друг к другу послов». То есть Йезд Гушнасп настаивал, чтобы император оплатил часть военных издержек персов. Юстиниан после долгих препирательств согласился. Иранский дипломат тотчас потребовал всю сумму сразу, но базилевс уперся. Зачем увеличивать военный потенциал врага, давая сразу много денег? Если уж платить, то понемногу.

«Император сначала хотел давать каждый год по четыре кентинария с той целью, чтобы иметь залог в том, что Хосров не нарушит договора», — вспоминает Прокопий. Иранец, однако, твердо стоял на своем, и Юстиниан сдался. «В конце концов ромеи выплатили немедленно всю условленную сумму, чтобы не показалось, что они каждый год платят дань персам, — вздыхает Прокопий и добавляет грустно: — Обычно люди больше стыдятся позорных слов, чем поступков». Предполагалось, что взамен персы выведут войска из Лазики, но в это никто не верил. Главное было другое: Юстиниан откупался от персидских вторжений в Сирию и Армению, а сам в это время возводил в этих областях мощные оборонительные линии, о которых мы писали выше. В свою очередь Хосров обязался, что не повторит своего похода на Антиохию, как в 540 году. Для Юстиниана этого было вполне достаточно, чтобы развязать себе руки. Оба противника — иранец и византиец — понимали, что будут по-прежнему сражаться на северной окраине фронта — в Лазике, а на юге арабы станут выяснять отношения между собой. Так и вышло.

В итоге между Византией и Персией было заключено перемирие. Многие ромеи были очень недовольны этим фактом, вспоминает Прокопий. «Справедливы ли были эти упреки, или неосновательны, как это бывает у подданных, я этого сказать не могу». Упрекали императора в том, что фактически он заплатил дань Ирану под видом перемирия;

не верили, что иранцев когда-нибудь удастся выгнать из Лазики. Некоторые византийцы считали, что Юстиниан пожертвовал близкими землями ради заморских завоеваний. Йезд Гушнасп нагрузил золотом коней и верблюдов, был осыпан дарами и отправился восвояси.

Но Юстиниан знал, что делал. То, что считали жертвой, оказалось ловким тактическим ходом. Император обеспечил мир на обширной восточной границе в то время, когда воевал на Западе. Ради этого мира он терпел столкновения на окраинах, готов был вести изнурительную борьбу за Лазикю, платил персам замаскированную дань. Но вторжений в Сирию со стороны шаханшаха больше не было.

Лишь на севере сохранялась напряженная обстановка. Базилевсу докладывали, что лазы плохо относятся к ромеям. Снабжение экспедиционного корпуса наладить не удалось, ромейским солдатам не хватало денег, мародеры грабили местных. Но это — простые люди. В то же время сам царек лазов Гуваз и все его приближенные хотели союза с византийцами. В общем, народ и элита раскололись. В результате персы получили опору в Лазике среди местных предателей, а византийцы утратили поддержку большинства населения и теснились в городах на побережье Черного моря. Именно в этом и была их главная цель — не допустить выхода врага на побережье, пускай он даже контролирует внутренние районы страны. По этой же причине персы не могли считать себя победителями до тех пор, пока не захватят прибрежные пункты Лазики.

Верные своему царьку Гувазу жители уходили в горы и партизанили против персов. Малая война в Лазике продолжалась всё время, пока в Константинополе шли переговоры с иранским послом.

В 553 году в Персию вернулся Йезд Гушнасп. Он предстал перед шаханшахом с деньгами и текстом мирного договора, одобренного Юстинианом. «Получив деньги, Хосров без промедления утвердил перемирие, но ни в коем случае не пожелал отказаться от Лазики», — замечает Прокопий. Деньгам он нашел прекрасное употребление: нанял на них новое войско дагестанских сабиров. Мир Мерою шаханшах велел продолжить наступление в Лазике и закончить ее завоевание. К нему отправились на подмогу отряд сабиров, небольшое число иранцев и несколько слонов. Весной 553 года Мир Мерой возобновил кампанию в Лазике. Юстиниан сменил командование. Теперь войсками руководил Мартин, один из героев Готских войн. Этот военачальник действовал крайне осторожно. Он держался в устье реки Фасис и тревожил иранцев мелкими стычками. Вскоре к Мартину прибыл Гуваз со своими людьми.

Они выработали очень простой план: опираться на горные крепости и не давать персам большого сражения. Силы персов таяли, а Мир Мерой ничего не мог сделать.

6. ШЕЛК

Одновременно с борьбой за территории Юстиниан вел другую борьбу — за шелк.

Военный потенциал держав в то время зависел не только от количества золота. Между странами ходила другая валюта — шелк. Одежда из этого материала была не только красива, но и гигиенична: в ней не заводились блохи и вши. В эпоху, когда началась эпидемия чумы, это было крайне важно: блохи и прочие паразиты оказались переносчиками заразы. Поэтому люди стремились одеваться в шелка. Понятия моды и пользы совпали.

Естественно, шелковые ткани были доступны не всем. Их изготавливали в огромном количестве в Китае. Китайцы торговали излишками этого продукта или отдавали в виде дани кочевникам. По Великому шелковому пути его доставляли на запад. Но тут начинались проблемы. В Средней Азии торговый путь делился на две ветви. Одна дорога шла по северному побережью Каспия. Она была малолюдна и опасна. Караваны могли стать добычей кочевников.

Вторая дорога шла через Иран. Она была надежна, но контролировалась шаханшахом. Персы продавали шелк в Византию, взвинчивая цены. Однако император всё равно оставался в выигрыше: он мог перепродать ткани своим партнерам-конунгам с прибылью или нанять варварские дружины в обмен на шелк. Значит, если бы персы допустили свободную торговлю ценным ресурсом, они вырыли бы себе могилу, потому что в обмен на шелк Юстиниан мог на вербовать на Западе громадные армии и пустить их на борьбу с Ираном.

Эту коллизию показала Н. В. Пигулевская в книге «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», а вслед за ней тему популяризировал Л. Н. Гумилев в монографии «Древние тюрки».

И вот приблизительно в 552 году Юстиниан получил возможность уничтожить монополию иранских купцов на торговлю шелком. В Византию «пришли из Индии какие-то монахи». Император часто общался с представителями духовенства, но не только с богословскими целями. Монахи были его единомышленниками и бойцами духовной армии, целью которой являлась победа православия (а значит, Византии) в мировой борьбе. Конечно, вернувшиеся из Индии монахи были

тайными шпионами императора. Базилевс вызвал их к себе и расспросил о далеких землях. Его интересовал Шелковый путь. Монахи «обещали ему, что так устроят дело с шелком, что никогда уже не нужно будет ромеям делать этих покупок ни у персов, своих врагов, ни у какого-либо другого народа; они говорили, что провели много времени в стране, которая называется Сериндой». Это страна серов, Китай. В то время он был разделен на четыре царства, но в каждом из них производилось достаточное количество шелка.

Монахи сообщили, что знают способ, как завести шелковое производство в земле ромеев. Император живо заинтересовался этим и стал вникать в детали. Не лгут ли монахи? Не ошибаются ли? Не выдают ли желаемое за действительное?

«...Монахи стали рассказывать, что творцами шелка-сырца являются червяки, что природа является их учительницей, заставляющей их непрерывно работать. Доставить червяков оттуда живыми невозможно, но их зародыши (яички) — вполне возможно и легко... Эти-то яички много времени спустя, после того как они положены, люди, закопав их в навозе и здесь в достаточной степени долго их согревая, делают живыми», — сообщает Прокопий.

Юстиниан пошел на риск. Обещав монахам «одарить их великими благами», базилевс «убедил их подтвердить свой рассказ делом». Клирики отправились в Китай и раздобыли личинок тутового червя-шелкопряда. Легенда гласит, что их пронесли в посохах. После этого византийцы по приказу Юстиниана завели в Сирии нечто вроде научной лаборатории, где занимались выращиванием червей. Так постепенно в западном мире началось производство собственного шелка-сырца. Но до результатов было еще далеко. Впрочем, Юстиниан никогда не стремился к сиюминутной выгоде. Он строил долговременное здание, которое должно было выдержать бури и беды, сопровождающие жизнь отдельных людей и целых империй.

ГЛАВА 7. ГИБЕЛЬ ОСТГОТОВ

1. ФРАНКСКИЕ КОРОЛИ

Пока шла битва за Кавказ, в Италии византийцы терпели неудачи. Велисарий бесславно покинул эту страну в 548 году. Вскоре после этого в игру вмешались франки.

Их страна делилась на несколько уделов, которыми управляли братья — «длинноволосые короли», как их звали за глаза современники.

Один из них, парижский государь **Хильдеберт (511—558)**, имел множество римских подданных-вельсков и провизантийскую ориентацию. Король направил к Юстиниану посольство. Франк хвастался, что его власть признает даже Британия. Впрочем, возможно, переводчики ошиблись, и он имел в виду всего лишь Бретань. Но Хильдеберт прислал в составе посольства нескольких «ангелов», то есть англов, живших именно в островной Британии. Юстиниан встретил послов приветливо. Он пытался использовать Хильдеберта против его родичей — хищных королей Австразии, столицей которых был Мец. Этим владением правили энергичные и жестокие люди — сперва **Теодорих (511—534)**, затем его сын **Теодоберт (534—548)** и, наконец, внук **Теодобальд (548—555)**. Австразийское королевство населяли в основном германцы, оно считалось «диким» и было враждебно Византии.

Какое-то время Хильдеберту удавалось сдерживать родичей (Теодорих приходился ему братом), но затем племянник — король Теодоберт — вторгся в Италию, захватил часть Лигурии, альпийские перевалы и почти всю Венецию.

Не исключено, что первоначально Теодоберт выступал как союзник византийцев, однако вскоре он заключил договор с Тотилой. «Условились, что, пока у готов идет война с ромеями, они будут владеть каждый тем, чем владеют сейчас». Если Тотила победит византийцев, то готы и франки заключат новый договор о разделе Италии. Таким образом Тотила обеспечил свои тылы и помирился с франками.

В 548 году Теодоберт умер. Власть перешла к его сыну Теодобальду. Юстиниан тотчас направил к нему дипломатическую миссию во главе с ромейским сенатором Леонтием. Теодобальду предлагалось заключить союз «для борьбы против Тотилы и готов». При этом византийцы потребовали, чтобы франки «удалились из тех мест Италии, которыми постарался завладеть Теодоберт незаконно».

Леонтий обличал вероломство франков:

— Император Юстиниан не раньше решил на эту войну и не прежде начал с готами военные действия, чем франки обещали ему помощь в этой борьбе, во имя дружбы и союза получив от него большие деньги. И вот, вместо выполнения обещаний, вы нанесли ромеям такие обиды, какие нелегко даже представить. Возобновите дружбу с императором и со всей силой двиньтесь на людей, издавна вам враждебных.

Теодобальд ответил:

— Приглашая нас в союзники против готов, вы поступаете и нехорошо и несправедливо. В данный момент готы — наши друзья.

Король отослал Леонтия в Константинополь, причем без особых даров, как «человек бедный». Варвары привыкли к обратному: богатая империя одаривает их золотом, шелком и пряностями. Но ссориться с ромеями Теодобальд всё-таки не хотел. Вскоре он направил к Юстиниану посла Леодарда — знатного и образованного франка. Однако посольство завершилось ничем; войны между Австразией и Византией не было, но не было и дружбы. Франки копили силы и готовились поучаствовать в итальянской партии, которую разыгрывали Юстиниан и Тотила.

2. ИНДУЛЬФ

Ситуация в Италии зашла в тупик. У Юстиниана не хватало войск и денег для продолжения кампании на Западе. Если гипотеза Эдварда Люттвака верна, мы имеем дело с пиком последствий эпидемии чумы, когда армия потеряла большую часть личного состава, а казна недоисчислялась сотен тысяч налогоплательщиков.

Однако при византийском дворе образовалась партия, которая выступала за продолжение войны. В нее входил римский папа Вигилий, как раз живший в Византии в эти годы. К ней примкнул еще один италиец — упоминавшийся нами римский сенатор Цетег. Он объявился в Константинополе, снесся с папой Вигилием, добился приема у Юстиниана и настаивал на том, чтобы в Италию послали новую армию. «Сказав, что он сам подумает об Италии, император большую часть времени проводил, занимаясь христианскими догматами, стараясь примирить встречающиеся там противоречия и весь отдавшись этим вопросам», — бросает вскользь Прокопий. Юстиниан по-прежнему искал формулу примирения с монофизитами, чтобы духовно объединить жителей империи, но поверхностный Кесариец не понимал этого.

Тотила одерживал мелкие победы. Его войска занимали обезлюдевшие центральные районы Италии, но в городах оставались византийские гарнизоны. Некоторые из них переходили на сторону готов. Одним из перебежчиков был Индульф (или, точнее, Гундальф) — бывший телохранитель Велисария.

Это один из главных героев романа «Русь изначальная», славянин с германским именем. О настоящем Индульфе известно немного. Он «родом варвар, храбрый и энергичный», который «случайно» (как утверждает Прокопий) был оставлен Велисарием в Италии, а затем «без всякого основания перешел на сторону Тотилы и готов». Дело в том, что и сам Индульф происходил из этого племени, а вовсе не был славянином.

Перебежчик умел воевать на море, а Тотила как раз построил флот, чтобы захватить прибрежные италийские города у византийцев. Впрочем, замыслы готского короля простирались дальше: он хотел нанести ромеям чувствительные удары за пределами Италии, чтобы принудить Юстиниана к миру.

Индульф вышел в Адриатическое море и разграбил пару селений на далматинском побережье в окрестностях Салон, причем действовал коварно как никогда. Многие знали Индульфа как византийского солдата. Перебежчик пользовался этим, входил в доверие, а потом грабил. Ромейский губернатор Далмации — вельск Клавдиан — снарядил эскадру, чтобы уничтожить пиратов Индульфа. Ее составляли так называемые дромоны — быстроходные военные корабли. Индульф разгромил эскадру, перебил множество ромеев и вернулся к Тотиле.

Тактический успех был налицо, но стратегическая ситуация складывалась всё-таки в пользу Византии. Иранцы терпели неудачи в борьбе за Лазику, лангобарды держались на Дунае и мешали готам объединиться с гепидами, Африку удалось замирить. То, что Тотила после этого продержался еще несколько лет, можно счесть чудом. Это был невероятный, жертвенный героизм во имя абстрактной идеи. Но какова цена этой политики? Тотила сеял смерть и опустошение. Он не был героем Италии, он являлся ее кошмаром.

Тотила лихорадочно искал новых союзников и обратился к кому-то из франкских правителей (неясно, к Хильдеберту или Теодобальду), попросив руку принцессы из семьи «длинноволосых королей». Однако франки отказали, заявив, что Тотила — никто, он даже не владеет Римом. Это заставило готского конунга попытаться еще раз захватить Рим.

Тотила разделил свои силы — часть воинов осадила Порто, а часть — сам Вечный город. Римские укрепления защищали 3000 отборных ромеев под началом Диогена, одного из телохранителей Велисария. Прокопий характеризует этого вояку как «человека исключительно умного и опытного в военных делах».

Рим сдали предатели. Ими в очередной раз сделались исавры. Пользуясь боевой неразберихой, горцы открыли ворота апостола Павла и впустили воинов Тотилы. Готы ворвались и учинили резню. «Лишь очень немногие... с трудом могли убежать; среди них, говорят, спасся и раненый Диоген», — вспоминает Прокопий.

Один ромейский отряд засел в мавзолее Адриана и отражал наскоки врага. Ромеев было 400 человек, ими командовал Павел из Киликии,

грек, бывший домоправитель Велисария. Когда припасы у осажденных в мавзолее воинов подошли к концу, византийцы отважились атаковать врага, чтобы найти славную смерть в бою, но Тотила предложил капитуляцию в обмен на жизнь. Гарнизон сдался. Рим снова был в руках остготов. Впрочем, франкскую принцессу за Тотилу никто так и не отдал. В то же время франки быстрым броском оккупировали север Италии. Византийцы держались на юге и отчасти в центре Апеннинского полуострова. Прочие лоскуты прежних остготских владений оставались у Тотилы.

Сразу после взятия Рима король отправил в Константинополь какого-то римлянина, Стефана, с предложением заключить мир. Но император Юстиниан даже не принял готского посла, потому что не считал остготов воюющей стороной. Тотиле оставалось сражаться и погибнуть.

Он опять напал на Южную Италию, осадил Регий, взял Тарент и высадился на Сицилии, которую подверг разграблению. Готы захватили Панорм, осадили Сиракузы. Тотила задержался здесь надолго. Другой отряд варваров взял Арминий (Римини). Но это была ночь перед рассветом. Вскоре в Италии появятся новые ромейские солдаты, придут деньги, поступит продовольствие. Нужно было только дожждаться, пока Юстиниан сумеет перестроить империю после натиска чумы и связанных с нею военных неудач.

Базилевс думал назначить в Италию нового главнокомандующего. Велисарий был полностью дискредитирован провалами последних лет. Старого служаку сбросили со счетов, даже Прокопий высмеял его в своей официальной истории и рассказал, какое жалкое существование влачил полководец по возвращении в Константинополь.

Базилевс поручил командование своему кузену Герману, который оборонял дунайскую границу. «Когда слух об этом дошел до Италии, он очень беспокоил готов. У них Герман пользовался славой счастливого полководца», — пишет Прокопий. Не забудем, что царский кузен женился на Матасунте — последней представительнице Амалов. Это добавило ему популярности среди готов.

Герман должен был напасть с севера. А на юге готовилась вторая армия. Юстиниан передал ее старому римскому сенатору Либерию. Насчет его военных талантов были сомнения. Тогда базилевс неожиданно простил Артабана — покорителя Африки — и направил его вслед за Либерием на Сицилию с войском и флотом.

3. ВОЙНА НА ДУНАЕ И РАСПРЯ У ЛАНГОБАРДОВ

Тем временем родичи и союзники Тотилы — гепиды — повели наступление на Дунае. Они захватили у византийцев Сирмий и часть Паннонии, где еще жили остатки готов. Затем гепиды заключили союз с народом «склавинов» и взяли лангобардов в клещи. Лангобардский король Вако выдержал несколько тяжелых кампаний, отбил нападения врагов, но в результате его королевство находилось на грани распада.

Распря началась в самой королевской семье. У короля Вако долгое время не было сына, и наследником считался молодой племянник Ризнульф. «Все они были Литийги, так назывался очень знатный род», — пишет о них средневековый ученый Павел Диакон в «Истории лангобардов».

И вот буквально за несколько лет династия рухнула. Началось, как обычно, с женщины. Король женился на принцессе из племени герулов (речь, конечно, идет только об одной части этого разветвленного племени), обретя среди них родню и дружину. В 537 году у короля родился сын Вальтари (Вальтер). Однако племянник старого короля — Ризнульф — не думал отказываться от власти. Возможно, лангобарды приняли особый закон о наследовании трона — такой же, как был у славян, когда власть передавали старшему в роде.

Вако не устраивал этот порядок. Король заручился поддержкой нескольких герцогов из числа тех, кому доверял. Среди них был Авдоин (Эдвин) из рода Гаус — энергичный воин, верный королю. Поддержали его и местные герулы.

Но этого было недостаточно для того, чтобы изменить законодательство. Король Вако сфабриковал какое-то обвинение против племянника и приговорил его к изгнанию. Ризнульф бежал к северным германцам. Вако сплел интригу, и Ризнульфа убили, причем сам король оказался к этому непричастен. История германцев вообще пестрит подобными мрачными событиями: родичи уничтожают друг друга всеми возможными способами.

Однако у погибшего племянника остался сын Хильдегес, который бежал в Словакию. Союз «склавинов» в то время находился на подъеме. У него было три центра власти. Главный находился на Волыни, где жило племя дулебов. От него отпочковались дунайцы, поселившиеся в Молдавии, и западные племена, предки поляков, словаков и чехов. Дулебы считались старшими. Они приютили Хильдегеса и тем самым

сделались врагами лангобардов. Следовательно, они были союзниками Тотилы, гепидов, кутургуров и персов.

В 540 году король Вако умер. Ему наследовал трехлетний **Вальтари (540—546)**. Главным опекуном мальчика был могущественный герцог Авдоин Гаус. Вскоре выяснилось, что герцог сам мечтает о власти. «После того как Вальтари семь лет властвовал над лангобардами, он умер», — лаконично сообщает Павел Диакон. Очень похоже, что Авдоин попросту уничтожил своего подопечного. Вместе с Вальтари пресеклась древняя династия Литингов. Ее последним представителем остался принц Хильдегес, который жил у славян. Вероятно, после этого с лангобардами поссорились герулы, которые ушли к гепидам и стали сражаться на их стороне.

Славяне и гепиды вмешались в дела лангобардов. Началась война (546). Первым делом Хильдегес Литинг при поддержке своих славянских друзей попытался занять трон Лангобардии. Это не удалось: лангобарды поддержали новую династию в лице **Авдоина (546—566)**. Возможно, Хильдегес обещал славянам за помощь часть лангобардских земель, тогда как Авдоин сыграл роль патриота Лангобардии. Так или иначе, Хильдегес оказался выбит из страны лангобардов, после чего отправился вместе с отрядом славян на помощь Тотиле в Италию. С дружиной в 6000 бойцов он прибыл в Венецию, разграбил эту область и разбил отряд византийского военачальника Лазаря. Однако затем славяне покинули Тотилу и ушли на Дунай. Вероятно, они возобновили войну с лангобардами. Против «длиннобородых» выступили также гепиды — старые враги. Авдоин отбросил и славян, и гепидов. Последние оказались в проигрыше, а вместе с ними и принц Хильдегес, который не смог вернуть власть. Он поселился у гепидского короля.

Откуда у лангобардов взялись силы? Ведь этот народ легко мог погибнуть под натиском славян и гепидов. Авдоина спасла поддержка золотом и шелком, которую оказал Юстиниан. Возможно, лангобарды привлекли наемников вроде воинов из племени саксов, которые, как пишут историки той поры, несколько раз выступали на стороне «длиннобородых».

Ненадолго оставив в покое Авдоина и его королевство, гепиды обрушились на Византию, чтобы разрушить связи между своими врагами. В 547 году войско гепидов напало на Далмацию, а уже через год — снова на лангобардов. На сей раз, когда связь с византийцами была утрачена, лангобарды стали проигрывать сражения. Авдоин находился на грани катастрофы. В какой-то момент императору Юстиниану стало ясно, что одними субсидиями не обойтись. Требовалась военная помощь.

Юстиниан собрал 10 тысяч всадников под началом Константиана, Вузы и Аратия. С ними соединился Иоанн племянник Виталиана. Возможно, Иоанн имел 5000 солдат. К этому нужно прибавить полторы тысячи герулов конунга Филемута, который тоже пришел на помощь. В результате получается крупная по тем временам армия. Всё это войско базилевс бросил в Далмацию, оно должно было соединиться с лангобардами и отбросить гепидов.

К тому времени племя герулов окончательно раскололось. Часть его (3000 бойцов) перешла на сторону гепидов и «склавинов». Этими герулами командовал Аорд. Он первым и начал военные действия, но потерпел поражение от византийцев и пал в бою. Гепиды перебросили против ромеев войска из Паннонии, где их отряды добивали лангобардов. С самими лангобардами король гепидов Торисмунд заключил сепаратный мир (550), точнее — перемирие на два года. Авдоину было некуда деваться, он практически проиграл войну, а теперь был спасен ромеями и воспользовался этим, чтобы получить передышку. Византийцы оказались в большом затруднении: союзники-лангобарды заключили сепаратный мир, и теперь ромеям пришлось выступить один на один против гепидов. Продолжать наступление войска Юстиниана не могли. Осталось одно: удерживать дунайскую границу. Так и сделали. На Дунае возник позиционный фронт.

* * *

Вскоре случилась новая неприятность: 3000 славян прорвали оборону на Дунае и разграбили Фракию. Этот набег описан в романе «Русь изначальная»... и тоже имеет очень мало отношения к реальным событиям. В художественной книге мы видим отряд наших предков, пришедших с реки Рось, чтобы разграбить византийские владения. На самом деле на Руси в то время жили германцы-руги, а отряд разбойников состоял, видимо, из дунайских славян.

Начальники ромейской пограничной стражи вступили в схватки со славянами, но были разбиты и отброшены. Против них выступил телохранитель Юстиниана — некто Асбад, который базировался с кавалерийским отрядом во фракийской крепости Цуруле или Тзуруле. Это были отборные всадники, но славяне не испугались. Византийцев разбили, Асбада взяли живым и бросили в горящий костер, предварительно нарезав ремней из спины. Чем насолил дунайским славянам этот ромей, понять легко. Вероятно, он служил уже не первый год и перебил в пограничных стычках немало славян, а теперь ему отомстили. Славяне

разделились на два отряда. «После этого они стали безбоязненно грабить и все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей и тот и другой отряд славян взял осадой; прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнину (для открытого боя), так как эти варвары никогда прежде даже не пробовали проходить по земле ромеев, — изумляется Прокопий. — Даже через реку Истр, по-видимому, за все время они перешли только один раз, как я выше об этом рассказывал». Собственно, эта реплика не оставляет камня на камне от гипотезы о славянском происхождении Юстиниана. Дальше — подробности о набеге.

«Они не щадили ни возраста, ни пола», — констатирует Прокопий. Автор смакует пытки, которым подвергались имперские граждане. «Они (славяне) убивали попадавшихся им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением (тела) проникало во внутренности человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними. Иногда эти варвары, вбив глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак или как змей или других каких-либо диких животных. Остальных же вместе с быками или мелким скотом, который они не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали без всякого сожаления. Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей».

Вероятно, византийцы имели дело с представителями тайного союза «бойников» или «хоробров», которые действительно отличались крайней жестокостью.

Обремененные добычей славяне ушли за Дунай. В это же время кутургурский хан Забреган заключил союз с гепидами и начал готовить большой поход на империю. Следовательно, перед нами — разведка боем. Славянские и болгарские союзники Тотилы пытались спасти остготов, отвлекая на себя силы империи. Сам Тотила из последних сил продолжал войну на Апеннингах.

После набега славян Заберган послал на помощь гепидам 12 тысяч воинов. Однако гепиды быстро начали тяготиться присутствием союзников, и король Торисмунд придумал сплавить болгар в Византию. Можно убить двух зайцев: ослабить Юстиниана и найти подходящее задание для неудобных болгарских друзей. Никто не мог предположить,

что с этого начнется гибель держав гепидов и кутургуров, а в степи через несколько лет появятся новые хозяева — авары и тюркюты.

В 551 году кутургуры переправились через Дунай в районе Сирмия и обрушились на Балканы. Набег был тяжелый. С. В. Алексеев в своем исследовании «Славянская Европа V—VI вв.» полагает, что Заберган мобилизовал славян, и отождествляет славянское вторжение в Иллирик с походом болгар. Эту гипотезу нужно отбросить, источники ясно говорят о двух разных вторжениях. Об этом пишет Прокопий, а он не склонен путать факты.

Итак, Балканы снова оказались под ударом. Тогда Юстиниан отправил послов к хану восточных болгар-утургуров Сандилху на Кубань. Послы осыпали Сандилху упреками за то, что тот не помогает ромеям и позволяет грабить византийские земли. «Указав всё это утигурам и богато одарив их деньгами, кроме того, напомнив, сколь много даров и раньше часто они получали от него, император Юстиниан убедил их немедленно двинуться походом на оставшихся кутригуров», — сообщает Прокопий.

Да не введут читателя в заблуждение названия племен у Прокопия — устоявшегося написания не было, ходили разные варианты. Под *утигурами* и *кутригурами* Кесариец подразумевает кубанских и днепровских болгар соответственно.

Сандилх форсировал Дон и напал на врага. Его союзниками стали крымские готы-тетракситы, которые выставили 2000 воинов. Заберган выступил навстречу с войском кутуругров и союзных племен, среди которых, возможно, были «склавины» с Волыни. «Битва затянулась надолго», но в итоге утургуры сломили сопротивление врага. «Лишь немногие бежали и спаслись». Затем наступление хана Сандилха захлебнулось. Он похватал добычу, пленных и вернулся домой.

Счастливым случаем воспользовались многие тысячи византийцев, которые находились в плену у кочевников. Когда Заберган стянул армию к Дону, пленные ромеи разбежались и, кто как мог, вернулись на родину. Это позволяет развеять миф, что «у варваров весело жить». При первой возможности ромеи пытались вернуться домой — к тяжелым налогам и взяткам, к законам, к своему императору и чиновникам... к своим. Кочевой мир болгар казался им тяжелее и хуже.

Теперь нужно было разделаться с кутургурами, которые бесчинствовали на Балканах. Но император Юстиниан не пожелал рисковать. Он послал на переговоры с варварами одного из своих военачальников, Аратия Камсаракана. Тот предложил кутургурам деньги в обмен на мир.

«Узнав о нападении утигуров и получив от Аратия большие деньги, варвары согласились не производить больше убийств, не обращать никого из ромеев в рабство и... удалиться отсюда», — пишет Прокопий. Часть кутургуров даже осела на византийских землях и сделалась федератами империи. Это дает основание С. В. Алексееву думать, что балканская армия кутургуров состояла на самом деле из славян. Действительно, на первый взгляд странно, что часть болгар готова покинуть своего хана и признать власть византийцев. Но мы не раз видели примеры, когда осколки кочевых орд меняют подданство. Тут речь идет о какой-то группе болгар, недовольных своим ханом. Юстиниан принял их и велел поселиться во Фракии. Хан утургуров Сандилх узнал об этом и почему-то обиделся на Юстиниана. Кажется, он заподозрил императора в нечестной игре. Если идет война — то это война. Почему император поселил у себя часть кутургуров? Может быть, он хочет использовать их в борьбе за днепровские степи? Сандилх послал к императору своих приближенных, «не вручив им никакого письма, так как и до сих пор гунны совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже и простых учителей, и дети растут у них, не изучая грамоты», с презрением говорит Прокопий.

Юстиниан принял послов в парадном облачении, окруженный придворными. «Император, всячески обласкав их и утешив массой даров, в скором времени отправил назад», но решения не изменил. Возможно, это было ошибкой. Правитель кутургуров Заберган остался злейшим врагом византийцев, а вот кубанские утургуры к ним охладели. Западноболгарский хан готовил новый удар по ромеям.

4. НАБЕГ СЛАВЯН

В 551 году, в разгар военных приготовлений Германа для похода в Италию, на византийские владения вновь напали отряды славян — союзники готов и кутургуров. Это и было второе нападение с севера на империю. Границу с гепидами тогда сторожила византийская армия (ею командовал Иоанн племянник Виталиана), 10 тысяч из которой составляла конница. Вряд ли славянам удалось бы прорваться через эти кордоны. Они выбрали другой путь — через Валахию. Валашские степи контролировали кутургуры.

Перейдя Дунай, славяне подошли к городу Наисс (современный Ниш в Сербии). «Многие подозревали, что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на ромеев», с тем чтобы император не смог организовать войну против готов, предпола-

гает Прокопий. Ромеи захватили в плен некоторых славян и подвергли допросу. Пленные признались, что конечной целью вторжения является захват Фессалоник — второго по величине города на Балканах после Константинополя. Из этого можно сделать вывод, что войско варваров было очень крупным. Вероятно, это ополчение всего союза «склавинов».

Итак, Византия подверглась нашествию: в то время как 12 тысяч кутургуров сражались на Среднем Дунае и в Далмации, славянская армия рвалась к Фессалоникам.

Узнав о вторжении славян, император Юстиниан «пришел в большое беспокойство и тотчас приказал Герману отложить поход на Италию и защищать Фессалоники и другие города», пишет Прокопий.

Герман выступил против врага, прикрыл подступы к Фессалоникам, выставил караулы в горных проходах и распространил слух, что намерен вести со славянами беспощадную войну. Этого оказалось достаточно для того, чтобы славянские воеводы изменили планы. Они двинулись в Далмацию через Динарские Альпы — видимо, на соединение с болгарями. Возможно также, что «склавины» шли на помощь Тотиле, дабы соединиться с его войсками. Прокопий вообще не осведомлен о замыслах врага, византийская разведка на этом направлении работала плохо. Остаются предположения.

Путь по горам Далмации был труден, а славяне узнали, что Венеция занята франками. Попытка прорыва не удалась. Они обосновались на будущих землях Боснии и Хорватии. Это была первая зимовка славян на землях империи, но Герману они не доставляли хлопот. Тот рассчитывал, что враг уберется за Дунай по весне.

«Избавившись от этой заботы, Герман велел всему войску готовиться, чтобы через два дня начать поход на Италию, — рассказывает Прокопий. — Но какая-то злая судьба, поразив его внезапной болезнью, заставила его окончить свой жизненный путь». Полководец умер. Не поразила ли его вспышка чумы? Кесариец об этом молчит. Он лишь рассыпается в дифирамбах покойному. Герман был храбр, кристально честен и справедлив, умел мыслить самостоятельно. Словом, это был надежный игрок в команде Юстиниана и идеальный наследник.

В первые дни после известия о смерти Германа император был «очень огорчен». Снова пришлось пережить потерю, как пережил потерю императрицы Феодоры за несколько лет до этого. Император уже давно растворился в своих деяниях. Мы не видим ни проявлений характера Юстиниана, ни человеческих поступков. Есть только богословские споры, планирование стратегических операций, управление

государством, кадровые перестановки, бесконечные консультации, встречи... А может быть, это не так уж и мало. По делам его узнаем его; «святой» император оставил после себя новую Византию, которая благодаря таким людям, как он, прожила тысячу лет.

...Базилевс не знал, кем заменить Германа на фронте. Поэтому вместо одной замены нашел сразу две. Это был второй по старшинству сын Германа от первого брака — Юстиниан, тезка императора. А также старый проверенный вояка Иоанн племянник Виталиана. Они возглавили балканскую армию и получили задачу выбить остготовов из Италии. Племянник Виталиана оставил ради этого командование мобильным корпусом, расквартированным на паннонской границе и оборонявшим ее от гепидов.

Иоанн и Юстиниан сын Германа отправились в Далмацию, чтобы перезимовать в Салоне. Из-за этого сразу обострилась обстановка на Балканах. Зазимовавшие в Боснии болгары и славяне повернули на восток и разорили Фракию. Они разделились на три армии и принялись грабить поселения ромеев. Варварские отряды доходили до стен Адрианополя. Закрывать брешь в обороне было нечем: налицо стратегическая ошибка императора. Тогда базилевс приказал отвести конные войска с паннонской границы и использовать их для разгрома славян.

Он понимал, что разделение командования не принесет пользы, поэтому назначил единого командира на Балканах — евнуха по имени Схоластик. Заслуги евнуха неизвестны, но надежность не вызывала сомнений. Схоластик настиг один корпус славян у Адрианополя, на расстоянии всего пяти дней от имперской столицы. «Дальше уже варвары двинуться не могли; ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей», — замечает Прокопий. То есть славяне утратили мобильность. Они стояли лагерем на горе, ромеи — на равнине. Никто не рисковал начать сражение. Проходило время. Византийские солдаты стали упрекать своих начальников за трусость. Рядовые ромеи рвались в битву. «Под их давлением военачальники начали сражение», — пишет Прокопий. Схватка была отчаянная. На вооружении у славян имелись копья и плетеные щиты, мечи были у немногих представителей знати. То есть вооружение присутствовало самое примитивное, но боевой дух и военная организация находились на высоте. Ромеи потерпели полный разгром. «Здесь погибло много прекрасных воинов», — констатирует Прокопий. Военачальники с остатками армии спаслись бегством. В руки славян попало одно из знамен ромеев, под которым сражался Константиан. Варвары подошли к «Длинным

стенам», которые окружали Константинополь. Здесь начинались предместья города. Ромейские войска напали на один из отрядов славян, разгромили его и отбили знамя Константина. Эта небольшая победа оказалась решающей. Славяне отступили и вскоре ушли со всей добычей за Дунай через обнаженную ромейскую границу.

5. О КНИГАХ ПРОКОПИЯ

Так обстояли дела на Балканах. Как видим, одна византийская армия, которая должна была вторгнуться в Италию, оказалась связана военными действиями против славян и болгар и понесла большие потери. Но имелась еще одна армия, которая должна была высадить десант на юге Италии. Ею командовал римский патриций Либерий; его должен был сменить Артабан, но Артабан собирал флот и десантную армию на Пелопоннесе.

Что касается Либерия, то он первым делом направился на Сицилию к Сиракузам, которые в это время осаждал готский корпус. Ромеи прорвались в гавань и засели в крепости, фактически сорвав попытку готов занять город.

Вскоре на Сицилию отправился Артабан с подкреплениями. Правда, в пути его ждала неудача. Флот попал в сильный шторм, многие корабли унесло ветром обратно к Пелопоннесу. Сам Артабан оказался выброшен на скалистые берега острова Мелита (Мальта), но остался жив. Теперь следовало переправиться на Сицилию.

Либерий оставил часть сил в Сиракузах, а сам с главными силами вышел в море, обогнул Сицилию с севера и захватил Панорм (Палермо). Тотила остался со своими людьми в центральной части острова и разграбил ее. Но было очевидно, что в оперативном отношении эта позиция не представляет никаких выгод. Разместив гарнизоны в четырех крепостях Сицилии, Тотила вернулся на материк.

* * *

И вот на этом интересном месте сочинение Прокопия... заканчивается. Очень жаль, ведь это наш главный источник по истории того периода. Но огорчаться рано. Вскоре Прокопий опять возьмется за стилос и напишет продолжение своей «Войны с готами». Это будут последние две части труда. Правда, эти две части — совсем другая книга и по целям, и по жанру.

Получается, что Кесариец завершил основной труд примерно в 552 году, после чего книги «Войн», по собственному признанию автора,

были опубликованы и получили «широкое хождение» в империи. Возможно, в это же время был написан пасквиль «Тайная история». Однако вскоре карьера Прокопия резко пошла вверх, он позабыл о своей оппозиционности, а через несколько лет взялся за продолжение «Войн». Так родились две последние части работы «Война с готами». Они получились очень сумбурными, черновыми, поверхностными. Видно, что Прокопий не справляется с материалом и ему некогда. А может быть, изменились задачи писателя. Теперь он жил в столице и видел политику императора Юстиниана во всей полноте. Кесариец воспринимал события гораздо шире, чем в те времена, когда был секретарем Велисария и мотался вслед за начальством из конца в конец обширной империи. Постаревший опытный царедворец видел и оценивал многое по-иному, но у него уже не осталось таланта, чтобы дать описание всего увиденного и осмысленного. В первых книгах он излагал рассказы об отдельных войнах в виде монографий. В последних частях труда монографист превратился в летописца, но не смог изящно организовать материал. Получилось беспорядочное нагромождение фактов. Но даже и это очень ценно для современных историков.

А мы можем сделать несколько предположений о том, как и когда писались книги.

Записи о военных событиях Прокопий делал уже давно, еще смолodu. Он собирал документы, интересовался вооружением и тактикой армий, систематизировал факты из недавнего прошлого Италии, Персии, Вандальского королевства. После того как Велисарий вернулся из Италии в конце 540-х годов, Прокопий остался без работы. Тогда он принялся спешно дописывать книги, чтобы обрести деньги и славу. Вероятно, первой он издал книгу про войну с вандалами. Она не только лучше всех написана, но и заканчивается на 548 годе, причем финал сделан совершенно сумбурно — Прокопий явно торопился сдать рукопись.

Книга сразу обрела популярность. В ней было многое из того, что нужно народу: войны, победы, героизм, рассказы о трофеях... Какие-то главы из нее уже публиковались и раньше в виде путевых заметок или писем с фронта. Теперь свет увидело полное произведение. Казалось, дальнейшая судьба Прокопия определилась: пиши книги и почивай на лаврах.

Однако Прокопий попал в окружение сенатской оппозиции, с которой всегда был дружен. Юстиниан расправлялся с сенаторами и латифундистами, а значит, как это ни парадоксально, оставлял без работы целое сословие юристов. Если нет постоянных тяжб, если нельзя

обходить законы, если не имеется богатых людей, которые платят тебе за твои способности найти бреши в законодательстве и отобрать землю у бедных или высудить деньги у конкурента... значит, во главе государства стоят никчемные люди. Императора интересует только богословие, но как далек Прокопий от всего этого христианства с его туманными догмами! Он эллин по духу, а с представителями эллинизма Юстиниан не церемонится. Платоновская академия закрыта, потому что император счел ее преподавателей персидскими шпионами. Открытых язычников увольняют с работы... Прокопий разочарован и мрачен, но он очень умен. И вот Кесариец пишет тайный пасквиль, где издевается над христианами как только может. Этот язычник превращает православного императора Юстиниана в антихриста, который расхаживает без головы по Большому дворцу. Заодно Прокопий собирает домыслы о Феодоре, причем делает это еще на службе у Велисария. Самому Велисариию тоже достается и в тайной, и в официальной истории. А что? Бывший начальник уже списан со счетов, его карьера закончена, он смешон. Прокопий без сожаления глумится над ним.

Но книга про вандалов пользуется успехом, и через пару лет Кесариец выпускает следующее произведение — о персидской войне. Эта книжка получилась еще интереснее, особенно, как всегда, в начале и в середине. Здесь Прокопий более откровенен, он смеется над юстиниановскими чиновниками и даже позволяет себе косвенно раскритиковать самого императора за недостаточную охрану восточных границ. Правда, финал у произведения смазан еще сильнее, чем в книге про вандалов. «Война с персами» заканчивается вообще ничем, какими-то бессмысленными маневрами в Лазике.

Но Прокопий настроился на волну, понял, чего ждут от него при дворе, и обратил на себя внимание нужных людей своей книгой. Вероятно, ее заметил Юстиниан. К умеренной критике по своему адресу император относился нормально, и книга показалась ему умной, честной, в меру острой. Ее издавали, переписывали, ею зачитывались повсюду от Далмации до Египта.

На гребне литературной славы Кесариец берется за сочинение о готских войнах, но доводит его только до 551 года и в таком виде отдает на суд читателей. Произведение опять пользуется бешеным успехом. За это время Кесариец обзаводится полезными связями и знакомствами, его представляют императору, и вскоре Юстиниан предлагает ему какие-то выгодные чиновничьи посты. Возможно, вершиной карьеры Кесарийца становится должность епарха (градоначальника)

Константинополя. В современной России эквивалентная этому должность — мэр столицы. Прокопий безмерно счастлив и пишет льстивый трактат «О постройках», в котором прославляет градостроительную деятельность Юстиниана. Для столичного мэра или человека, который собирается занять этот пост, — самое подходящее произведение. К тому времени Юстиниан постарел, власть его испортила, император утратил чутье к лести. Книга ему понравилась, Прокопий попал в элиту империи и позабыл о своих оппозиционных настроениях. Конечно, он не понял ни христианских принципов, на которых Юстиниан строил державу, ни многих нюансов политики императора, но осознал главное. Перед ним — великий человек, которому нужно служить, а не писать про него нелепые пасквилы. И вот через несколько лет Прокопий берется за продолжение своей «Войны с готами». А мы следуем за нашим автором и рассказываем о том, как завершилась трагическая история Тотилы и его мятежа.

6. НОВЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ

Обстановка в Италии принимала невероятный характер: огромная империя не могла победить горстку остготов, которая терроризировала Апеннинский полуостров и разграбила даже Сицилию.

Северная византийская армия под началом Иоанна племянника Виталиана (евнух Схоластик сдал командование после понесенного от варваров поражения), зимовала в Салонах. Южная находилась на Сицилии и осаждала оставленные там готские гарнизоны. Все ждали назначения единого командира. Юстиниан медлил.

Наступила весна 552 года. Иоанн рвался в бой, но император откладывал начало похода. Требовалось ключевое решение. В итоге оно оказалось совершенно неожиданным. На должность главного полководца базилевс назначил... евнуха-армянина Нарсеса. Многие при дворе удивлялись, включая Прокопия. «Почему императору было угодно так сделать, определенно никто этого не знал». Впрочем, Кесариец всё-таки высказался по этому поводу. Историк пишет, что Юстиниан не считал Иоанна достаточно авторитетным для того, чтобы командовать. Вероятно, между офицерами Балканской армии постоянно возникали ссоры и разногласия.

Зато Нарсес был талантливый дипломат и полководец. Такой человек и требовался Юстиниану. Умный евнух мог быстро приспособиться к меняющейся ситуации и заменить императора в далекой Гесперии.

Этот выходец из Армении был невысок ростом и худощав. Он отличался честностью и порядочностью в финансовых делах, обладал

большой набожностью и все свои успехи приписывал покровительству Девы Марии. Считается, что Нарсес родился примерно в 478 году. То есть к моменту Италийского похода ему перевалило за семьдесят. До этого Нарсес участвовал во всех основных политических событиях. Он отвлекал повстанцев во время мятежа «Ника», интриговал против Велисария во время первой войны с готами, арестовывал всесильного префекта Иоанна Каппадокийца. Теперь евнуху предлагалось двинуться в Италию, чтобы завершить войну с готами.

Нарсес встретился с императором и сразу поставил условие: он примет командование лишь в том случае, если получит большие деньги, сможет наwerbовать на них солдат и выплатить жалованье тем, кто воюет против готов в Италии. В свое время одной из причин неудач второй кампании Велисария против готов оказалось скверное финансирование экспедиции; Нарсес не хотел оказаться в смешном положении. Юстиниан согласился с его доводами. «И действительно, он получил от императора Ромейской империи достойные такого высокого имени деньги, отборных воинов и оружие для ведения этой войны», — сообщает Прокопий.

Нарсес направился в Салоны из Константинополя сухим путем, но едва не угодил в плен вместе с армейской казной. В это время на Балканах всё еще бесчинствовали отряды болгар и славян. Нарсес кое-как прорвался в Салоны.

Со своей стороны Тотила готовился к схватке и выбрал для удара крепость Анкону. Он всё еще думал спасти себя и свое италийское недоразумение, которое получило в истории имя «королевство остготов».

Готский король дал трем своим военачальникам войско и флот в числе 47 кораблей. Флотом командовал Индульф, который стал специалистом по морским делам. Готы обложили Анкону с суши и моря, однако на выручку крепости пришла ромейская эскадра во главе с Иоанном и Валерианом, нарушив прямой приказ Юстиниана не покидать Салону. В большом морском сражении остготы были наголову разбиты, продемонстрировав полную беспомощность и отсутствие военного искусства. Византийцы окружали один готский корабль двумя-тремя своими и брали на abordаж или сжигали. Неповоротливые готы бесславно гибли.

Наконец Индульф выбросил часть кораблей на берег и сжег, после чего пешком явился в готский лагерь под Анконой и рассказал о поражении. Потрясенные этим фактом готы сняли осаду и убрались восвояси. Анкона была спасена. После этого Валериан вернулся в Равенну,

а Иоанн — в Салоны. О битве доложили Юстиниану. Император рассудил, что победителей не судят, и за нарушение его приказа никто не пострадал. К военным базилевс действительно был мягок, считая их, как и монахов, солью земли.

Современные историки пишут, что именно эта битва стала решающим поражением остготов в войне против Византии. Это не так. Чтобы показать незначительность поражения, Тотила организовал набег на коренные византийские земли. Готы снарядили громадный флот из 300 кораблей и напали на греческие поселения в Элладе. Король во что бы то ни стало хотел утратить Юстиниана. В это же время славяне и болгары опустошали ромейские владения на Балканах, и главное внимание базилевса было обращено туда. Нарсес пробирался черепашим шагом в Салоны, то и дело совершая остановки, чтобы не попасть в лапы болгар...

7. КОНВУЛЬСИИ ВОЙНЫ

Тотила снова и снова отправлял дипломатов к Юстиниану. Король сулил византийцам Сицилию и Далмацию. За Италию Тотила соглашался вносить ежегодную дань. Кроме того, он обещал выставлять войско по первому требованию императора, заключить с ним союз и сражаться со всеми его врагами. Юстиниан не верил ни одному слову. Он выслушивал готов и «отсылал назад всех их послов: ему было ненавистно самое имя готов, и он хотел совершенно изгнать их из Римской империи», сообщает Прокопий.

У Тотилы возник новый план спасения. Он попытался захватить крупные острова Средиземного моря, чтобы получить базу для дальнейшей войны или вообще перенести ее в Африку. Готы выжигали и разоряли буквально всё, до чего могли дотянуться. Иногда становится понятна ненависть Юстиниана по отношению к ним.

Тотила вновь собрал флот и отправил в море. Первым делом готский десант высадился на Корсике. Врагов здесь не ждали, остров стал легкой добычей. Затем готы оккупировали соседа Корсики — остров Сардо (Сардиния). «Оба эти острова Тотила подчинил себе и наложил на них дань».

О Сардинии Кесариец сообщает любопытный факт. На острове росла какая-то ядовитая трава, попробовав которую люди умирали, корчась в страшных спазмах. Казалось, что покойники смеются — настолько исказили спазмы их лица. С тех пор подобный смех зовут «сардоническим» — сардинским.

Византийцы попытались выбить готов с островов, но потерпели неудачу. Лишь на Сицилии удалось добиться капитуляции варварских гарнизонов.

Тем временем на Балканах продолжалась борьба со славянами и болгарами. По словам Прокопия, войско славян было огромно. Юстиниан давно понял, что цель этих вторжений одна: уничтожить византийскую армию, которая стояла в Салоне и была предназначена для вторжения в Италию. Следовательно, эту армию ни в коем случае нельзя вводить в бой раньше времени.

Император лихорадочно импровизировал. Он собрал новое войско и выслал его навстречу славянам. Во главе полков стояли сыновья Германа от первого брака — Юстин и Юстиниан. Император хотел использовать хотя бы имя покойного полководца, чтобы устроить врага. Но одного имени, даже громкого, оказалось недостаточно. Перевес сил был у славян, и ромеям пришлось использовать партизанскую тактику: нападать на тыловые отряды и наносить потери врагу. Враг медленно отступал с огромной добычей.

Обратно через Дунай славяне переправлялись где-то выше современного Белграда. Их перевозили гепиды, причем не забыли о собственных интересах. За голову каждой скотины, которую славяне увели с собой за Дунай, гепиды брали золотую монету.

Юстиниан был «огорчен» фактом набега, как пишет Прокопий. Базилевс стал искать выход. Что делать? На помощь пришла дипломатия. Юстиниан в очередной раз натравил лангобардов на гепидов, причем союз Византии и лангобардов был широко озвучен. Лангобарды к тому времени немного восстановили силы после предыдущей войны.

Гепиды перепугались столкновения на два фронта и тотчас отправили послов в Византию, предлагая императору союз. Дипломатия Юстиниана сработала. «Он немедленно дал согласие на такой союз и подтвердил это клятвой». Текст договора отправили в сенат для ратификации. Двенадцать сенаторов по воле императора подтвердили соглашение и поставили под ним подписи. Получается, что теперь уже лангобарды были предоставлены сами себе.

Правда, мир продержался недолго, он лишь позволил византийцам собрать силы. Гепиды вскоре пропустили через свои земли новую шайку славян для грабежа византийских земель. Юстиниан немедленно помог лангобардам войсками. Во главе этих войск встали сыновья Германа Юстин и Юстиниан, армянин Аратий, герул Свартус и остгот Амалаф-

рид, внучатый племянник Теодориха Великого (его привез Велисарий в Константинополь как пленника в 540 году вместе с Витигесом, с ним попала в плен и родная сестра конунга, которую Юстиниан вскоре выдал замуж за лангобардского Авдоина).

Однако наступление захлебнулось. Внезапно в Иллирии вспыхнуло восстание против императора. Сыновья Германа остались его подавлять, и только Амалафрид с небольшой частью войск двинулся на помощь своей лангобардской родне.

На сей раз лангобарды собрали всех кого можно. Вероятно, они призвали союзников из числа германских племен — саксов, баваров, тюрингов, потому что собственные силы были истощены.

Гепиды вышли навстречу, произошла жестокая битва, и лангобарды остались победителями. Соотношение сил на Среднем Дунае стало меняться. Гепиды из нападавших превратились в защитников. Вероятно, лангобарды отвоевали у них часть земель и перебили большое количество вражеских воинов. Авдоин отправил послов в Константинополь, и те с гордостью рассказали императору о победе. Король не удержался от упрека: почему византийцы не помогли в этой тяжелой войне? А византийцы в это время подавляли иллирийское восстание. Кто восстал и почему? Прокопий пишет об этом смутно, другие авторы не пишут вообще. Мятеж вспыхнул «из-за тех разногласий, которые заставляют христиан сражаться друг с другом». Означает ли это, что перед нами выступление каких-то еретиков? Монофизиты — против православных? Или это восстание ариан — метисов, образовавшихся от браков с варварами? Скорее всего, так и есть, но точно сказать нельзя. Если это было действительно восстание ариан, то и здесь мы видим работу агентов неутомимого Тотилы: будучи сам арианином, он поддерживал единоверцев и пытался подорвать могущество Византии. Восстание было подавлено, момент для помощи лангобардам упущен, но они справились и без византийцев. Так что интриги гепидов и Тотилы пропали впустую.

Вскоре после этого на Элладу обрушилось страшное землетрясение, которое погубило много народа. Рушились города, море наступало на сушу, а между некоторыми островами, напротив, образовались сухопутные переходы. «Это землетрясение разрушило до основания бесчисленное количество поселков и восемь городов, в том числе Херонею, Коронею и весь Навпакт», — вспоминает Прокопий. Император опять восстанавливал города, помогал пострадавшим... но даже это не могло отвратить его от похода в Италию. Нужно было раз и навсегда ликви-

ровать угрозу со стороны арианского короля Тотилы, который сражался сам и выдумывал замысловатые коалиции, чтобы сокрушить Византию. Этот упорный враг должен был погибнуть.

8. БИТВА ПРИ ТАГИНЕ

В Салоны, где базировалась основная византийская армия, наконец прибыл Нарсес. Войска приветствовали евнуха. Верили: теперь начнется настоящая война, и готам придет конец. Юстиниан не зря копил в Салоне войска, не зря жертвовал придунайской обороной, не напрасно проявлял выдержку в боях с гепидами, славянами и болгарами, как бы ни пытался Тотила его отвлечь.

Нарсес вез с собой «очень много денег, полученных им от императора». На эти деньги можно было нанять дополнительных солдат и из этой же казны выплачивать жалованье имеющимся. «И в прежнее время император Юстиниан относился к этой войне с большим вниманием, но в последний момент он приготовился к ней с удивительной тщательностью», — полагает Прокопий.

Вот почему Нарсес двигался так медленно от города к городу и отсиживался в крепостях во время набегов. Он вез с собой столько денег, что не имел права их потерять. Ну а теперь, когда вся казна находилась под охраной армии, можно было действовать дальше.

К евнуху присоединились отряды Иоанна племянника Виталиана, полки Германа. Юстиниан купил даже несколько тысяч лангобардов. Три тысячи всадников в помощь Нарсесу выставили герулы. Отдельное подразделение составили кутургуры из числа тех, кого удалось переманить Юстиниану и его дипломатам.

Император вспомнил также про гота Дагисфея — того самого, что сражался в Колхиде, но угодил в византийскую тюрьму по доносу грузин. Дагисфею удалось оправдаться, его выпустили на волю и назначили командиром особого отряда готов, который направлялся в Италию вместе с Нарсесом.

Прикупили и четыре сотни гепидов, коих вел молодой германец Асбад. Наличие этих людей было многозначительно. Юстиниан словно показывал остготам: смотрите, ваши сородичи перешли к нам и теперь процветают. Но большинство солдат составляли коренные ромеи.

Армия двинулась на север вдоль побережья Адриатики, по землям нынешней Хорватии. Тогда эти районы были плотно заселены потомками римлян, лишь позднее их вытеснят славяне. Византийское войско подошло к Венетии. Эту область оккупировали франки короля

Теодобальда. Нарсес отправил вестников к франкским командирам и попросил права прохода, мотивируя тем, что франки и ромеи — друзья и союзники. Ему отказали. Предлог был выдуман мгновенно: в армии ромеев находится лангобардский отряд, а лангобарды — враги франков. Нарсес оказался в затруднительном положении.

При войске находились проводники из числа италиейцев. Нарсес проконсульгировался с ними, что делать. Проводники сказали, что если игнорировать франков, то византийское войско упрется в стены Вероны. Эту сильную крепость защищает Тейя, племянник Тотилы. Осаждать Верону, имея в тылу враждебных франков, было самоубийственно.

Выход нашел Иоанн племянник Виталиана, хорошо знавший эти места. Он предложил прокрасться по кромке побережья, среди венецианских лагун. В этих местах прячется много римлян, они помогут византийцам (пройдет немного времени, и здесь возникнет небольшой портовый город Венеция). А рядом, по морю, пусть плывут барки с продовольствием и снаряжением. Из этих барок можно будет сооружать мосты для переправы через реки. Таким образом армия достигнет Равенны и вырвется на оперативный простор. Нарсес так и сделал. Вскоре византийская армия достигла Равенны.

В Равенне войско отдыхало девять дней, пополнив запасы продовольствия. Затем евнух стремительно вторгся в Центральную Италию, создавая угрозу Риму.

Тотила разбил лагерь в Апеннинских горах возле местечка под названием Тагина. Вскоре сюда подошло войско Нарсеса. Стояло душное италийское лето 552 года.

Нарсес послал к Тотиле гонцов с предложением мира. Условия соглашения неизвестны. Скорее всего, евнух предлагал готам сложить оружие и покориться Юстиниану, а взамен гарантировал жизнь. Тотила и его соратники не могли пойти на унижительный мир. Им требовалась Италия, но это считал для себя унижительным уже Юстиниан.

Армии сошлись. Нарсес выставил 15–18 тысяч бойцов. Впрочем, американский византинист Джон Хэлдон приводит другие цифры. По его мнению, она насчитывала 20–25 тысяч воинов. Но последняя цифра завышена, если верить данным Прокопия (а другими мы не располагаем). Хэлдон считает, что готы немного превосходили византийцев числом, но этот исследователь поверхностен. К слову, такой авторитетный историк военного дела, как Бэзил Лиддел-Гарт полагает, напротив, что именно византийцы несколько превосходили готов числом.

Думается, что готов было, возможно, тысяч двенадцать, и для «рыцарского» конного войска это крупная цифра.

Тотила ждал подхода еще 2000 готских всадников с севера. Разведка докладывала, что эти воины уже близко, нужно продержаться несколько часов.

Тогда готский король устроил для византийцев цирковое представление с собой в главной роли. Он выехал вперед и начал джигитовку. Конунг пускал коня по кругу, а сам во время скачки подбрасывал копьё. Этими трюками король-акробат затянул время до позднего утра. Наконец Тотила дождался прибытия 2000 всадников и отправился завтракать в свой шатер. Это был последний отдых перед решающим сражением.

И грянул бой — знаменитый бой при Тагине.

Готы действовали бестолково, но храбро. Их кавалерия ударила в центр византийской армии, где стояли 8000 спешенных конников. Ромеи выдержали удар. В это время византийские лучники на флангах методично расстреливали варварских кавалеристов. Это был средневековый вариант Сталинграда, Курска или битвы на Чудском озере, где недалеких германцев с их шаблонной тактикой били опытные противники. Если бы Тотила отважился на маневр, он мог бы сохранить бойцов для дальнейшей войны. Но королю изменил ум, и у него сдали нервы.

Битва продолжалась до вечера. Нарсес умело управлял своей разноплеменной армией, парировал удары врага и методично уничтожал готов. Наконец атаки врага выдохлись, варвары подались назад. Тогда евнух подал знак перейти в наступление. Когда колонны ромеев и наемников двинулись на врага, готы обратились в бегство.

Тотила пытался спастись. Он сбросил панцирь и бежал в темноте в сопровождении пяти преданных воинов. Ромеи преследовали. Больше всех хлопотал Асбад, романизированный гепид на имперской службе. Ирония судьбы: гепид преследовал своего родича-гота, чтобы убить. Впрочем, отношения между родственными германскими племенами никогда не отличались добросердечием.

Асбад уже догонял. Один юноша из свиты Тотилы напомнил, что гепиды были когда-то вассалами готов. Юноша закричал:

— Что ты, собака, так стремишься убить своего господина?!

Вместо ответа Асбад с яростью вонзил копьё Тотиле в спину. Готский король был серьезно ранен, но держался на коне. Асбада ранил в ногу один из телохранителей Тотилы, Скипуар (похоже, франк). Гепид кубарем скатился с коня, а Скипуара прикончили подоспевшие

ромей. Бешеная скачка продолжалась. «Тотила получил смертельную рану, и душа уже покидала его тело», — пишет Прокопий. Наконец готы оторвались от погони и достигли какой-то деревни. Тотила еще дышал. Его пытались лечить, но безуспешно. Вскоре наступила агония, и король испустил дух. Так бесславно завершилась карьера одного из самых упорных врагов Византии.

9. ТЕЙЯ

Теперь нужно было добить врага в Северной Италии. Там оставалась еще одна база готов: город Тицин (Тичино). Туда бежали остатки войск, разбитых при Тагине. В числе спасшихся были Индульф и племянник Тотилы — Тейя. Последнего выбрали королем. Это произошло в июле. **Тейя (552)** будет править всего несколько месяцев и погибнет уже в октябре.

Оставались другие мелкие отряды готов, разбросанные по стране. Часть из них обороняла Рим, и Нарсес атаковал Вечный город.

Тотила, когда был жив, выстроил укрепления вокруг мавзолея Адриана вплотную к старой стене, свез туда всё самое ценное и оставил гарнизон защищать именно эту импровизированную цитадель.

К стенам Рима евнух привел не более 10 тысяч солдат. Готов было несколько сотен. Дальнейшая осада превратилась в фарс. «Всей линии римских укреплений вследствие ее величины не могли ни ромей штурмовать, ни готы охранять, — вспоминает Прокопий. — Разбившись на отряды, первые штурмовали, где придется, а вторые — отражали в зависимости от обстоятельств».

Наконец евнух атаковал сразу четырьмя отрядами в разных местах. Пока три отряда отвлекали внимание готов, четвертому сопутствовал успех. Ромей оседлали стену и теперь могли открыть любые ворота. В сражении наступил перелом в пользу ромеев, Вечный город вновь оказался у них в руках.

Остатки готов укрылись в мавзолее Адриана. Нарсес обложил мавзолей. Готы были полностью деморализованы и готовы сдать под гарантию неприкосновенности. Ромей никогда не отличались злобой и не воевали на истребление. Нарсес дал гарантии, и гарнизон мавзолея капитулировал. Так Рим в пятый раз перешел к византийцам, а Юстиниан мог отпраздновать пятый триумф. Нарсес послал императору ключи от ворот Вечного города. Юстиниан через своих агентов распространил информацию, что с падением Рима власть готов над Италией кончилась. Собственно, так оно и было.

Готские гарнизоны покидали мелкие крепости и уходили на север. По дороге они беспощадно избивали мирное римское население. Естественно, позднейшие историки всю вину за эту резню взыскали на Юстиниана. Отряды готов терпели одно поражение за другим.

Тейя видел, что обстановка стремительно меняется в пользу ромеев. Единственное спасение заключалось в союзе с франками.

Австразией по-прежнему правил Теодобальд. Тейя отправил к нему послов, предлагая союз «и обещая великие сокровища», как пишет Кесариец. Они были накоплены за 10 лет систематического грабежа Италии. Часть этих сокровищ Тотила оставил в Тицине, другую часть — в южном и сильно укрепленном городе Кумы в Кампании. Начальником гарнизона Кум был брат Тотилы. Византийский историк Агафий Миринейский называет имя этого брата — Алигерн. По-германски было, вероятно, Хильдегер. Помощником при нем состоял Гермоген, один из византийских перебежчиков.

После долгих размышлений король Теодобальд дал уклончивый ответ послам Тейи, а сам принялся собирать войска. Однако цель этих сборов была никому неясна.

А в Италии продолжались военные действия. Нарсес направил отряд для осады Кум. Тейя прервал переговоры с франками и бросился с остатками войск на юг — спасти сокровища. Здесь к нему подошел флот, еще остававшийся у готов после всех поражений.

Евнух с большим искусством и знанием дела перегородил все дороги так, что Тейя оказался в ловушке на берегу Тирренского моря. К Кумам ему прорваться не удалось. Красивым маневром Нарсес свел на нет судорожные метания конунга. Юты оказались заперты в амфитеатре, который образуют Везувий и соседние горы у Неаполитанского и Гаэтанского заливов. Здесь они оказались как в крепости. Осада продолжалась три месяца. Наконец к византийцам пришла крупная эскадра из Сицилии, и их перевес на море стал очевиден. Тогда командир готского флота изменил Тейе и перешел на сторону Нарсеса вместе с экипажами и кораблями. После этого византийцам достались Корсика и Сардиния. Тейя приказал отступить в глубь горного края.

10. НА МОЛОЧНОЙ ГОРЕ

Конунг остановился возле Молочной горы. По-латыни это название звучит как *Mons Lactarius*. Она была расположена неподалеку от Везувия и входила в систему прибрежных гор. Нарсес ограничился блокадой. Горная дорога трудна и опасна. Зачем губить людей?

Готы страдали. Муки голода становились всё сильнее, франки не приходили, Нарсес вел осаду, вариантов для маневра не было. Становилось как никогда ясно, что вся готская стратегия по ограблению Италии, придуманная Теодорихом и логически завершенная Тотилой, потерпела крах. Что оставалось готам? Погибнуть. Варвары выступили против ромеев.

Сражение началось рано утром. Тейя вышел в первый ряд с копьем и щитом. Вокруг короля собрались телохранители и ближайшие родичи. Здесь и начался главный бой. Византийцы стремились убить Тейю, понимая, что его смерть означает конец войны. Одни метали в него дротики, другие старались достать копьем.

Битва продолжалась целую треть дня. Король дрался, как атлет на арене. В его щит вонзилось 12 копий, рука затекла, Тейя не мог защищаться от ударов. Он позвал одного из своих щитоносцев. Телохранитель принес щит, и Тейя быстро сменил его. На какое-то мгновение грудь короля приоткрылась, и ловкий ромей с силой метнул дротик. Удар был такой силы, что пробил доспехи Тейи и поразил их обладателя прямо в сердце. Тейя умер мгновенно.

Вокруг тела убитого короля произошла короткая схватка. Византийцев охватил какой-то бесшабашный порыв, и они отгеснили врага. Мертвому Тейе отрубили голову и водрузили ее на острие копья, чтобы всем показать: король остготов погиб. Впрочем, этот устрашающий жест не помог. Поутру готы выстроились и опять сражались до самой ночи.

Но жажда жизни оказалась сильнее. Варвары направили к Нарсесу делегацию для переговоров о мире. Готы сообщили: они поняли, что борются с Богом и «чувствуют противоборствующую им силу». Ввиду этого готовы сложить оружие в обмен на амнистию. Нарсес был счастлив, что победил.

Договорились, чтобы готы взяли свои деньги, ушли из Италии «и больше уже никогда не вели войны с римлянами». Когда соглашение было составлено и утверждено, из расщелины Молочной горы вышла тысяча готов под предводительством Индульфа. Это было всё, что осталось от армий Витигеса и Тотилы.

Вымышленный Индульф из «Руси изначальной» уехал далеко на восток и поселился на берегах реки Рось. Настоящий Индульф тотчас нарушил клятву, удалился в Тицин и перешел на сторону франков.

Юстиниан мог вздохнуть спокойно. Его стратегия принесла успех. Оба Рима — италийский Вечный город и Второй Рим на Босфоре — находились в пределах одного государства. Империя возродилась.

«Так... на восемнадцатом году закончилась эта война с готами, которую описал Прокопий», — завершает Кесариец свои сочинения, посвященные войнам Юстиниана. Однако царствование великого императора продолжалось, до его конца было еще далеко. Империю ждали новые войны, победы, поражения, испытания.

К счастью, императору повезло с писателями. Сочинение Прокопия продолжил другой автор — Агафий Миринейский (536—582). Он не столь колоритен, как Кесариец, но обстоятелен и оттого незаменим для каждого историка, который берется писать о последнем периоде жизни Юстиниана.

Агафий родился в Миринее в Малой Азии. Он был сыном адвоката, но не пошел по пути правоведения: Юстиниан оставил многих юристов без работы. Агафий стал поэтом и прославился как автор эротических стихотворений. Однако душа просила иной славы. В то время как вся страна поднялась на борьбу против внешних врагов, а героизанты агрессивно расширяли империю, Агафий Миринейский со своими любовными стихиками считал себя человеком второго сорта. И тут в его руки попадает книга Прокопия «О войнах». Молодой поэт зачитывается ею, как и все византийцы того времени, и берется продолжить. Для современных историков решение поэта стало подарком судьбы. Хорошо образованный, умный и патриотичный Агафий оставил прекрасный источник для изучения той эпохи. К сожалению, его труд не закончен. Вероятно, Агафий пал жертвой очередной вспышки чумы.

Итак, в 552 году император находится на вершине могущества. Но это не значит, что наступил отдых. Нужно устроить управление Италией, укрепить дунайскую границу, урегулировать отношения с персами, разобраться с франками... к тому же появилась еще одна проблема, которую базилевс держал в поле зрения. Начались смуты на дальнем западе — в государстве вестготов.

Часть шестая

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

ГЛАВА 1. ВИЗАНТИЙЦЫ В ИСПАНИИ

1. ВЕСТГОТЫ

После того как византийцы разгромили остготов, новым противником на Западе стали вестготы, создавшие свое королевство на Пиренеях.

Мы не имеем возможности подробно рассказать об истории появления вестготов в Испании. Да это и не нужно. Изданы главные источники для изучения этого периода. Всё, что необходимо прочесть, — несколько последних страниц сочинения Орозия «История против язычников», а также два небольших труда испанских сочинителей римского происхождения: «Хронику» Идация и «Историю готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского. В наше время историю вестготов исчерпывающе описал известный советский и российский ученый Юлий Циркин, с обобщающими выводами которого можно согласиться. Интересующего читателя мы отсылаем к его монографии «Испания: от античности к Средневековью».

* * *

В 50-е годы V века вестготы заняли большую часть Испании. На северо-западе Пиренейского полуострова еще раньше обосновались свевы (швабы), на северо-востоке обрели независимость баски. В самом королевстве вестготов нормальным состоянием были анархия и смута. Оно оказалось такой же химерой, как Остготское или Вандальское королевство. Поэтому постоянные кризисы, династическая резня и междоусобица шлейфом тянулись за историей вестготских владык.

Православное испанское население не любило своих господ-ариан. Варваров было тысяч сто вместе с семьями, они жили в основном вокруг Барселоны в современной Каталонии да в Септимании у побережья Средиземного моря. Несколько раз против готов поднимали восстания так называемые *багауды* (кельтское слово, означавшее «борцы») — испанские крестьяне. Однако местные латифундисты договорились с варварами, отдали им часть земель и предали своих же земляков-багаудов. Принцип этнического единства больше не работал. В Испании жили два народа: помещики и крестьяне, причем те и другие были друг для друга бесконечно чужими. Лишь южные города сохранили извест-

ную автономию. Готские безобразия не нравились их жителям. Южные испанцы хотели вернуться в состав Римской империи и вели тайные переговоры с Юстинианом.

Сами варвары стремительно вырождались, причем не только в политике, но и в быту. Один из последних королей вестготской династии Балтов, Амаларих (по материнской линии — внук Теодориха Великого), швырял навозом в собственную жену, а однажды собственноручно избил до крови. Об этом пишет франкский хронист Григорий Турский. Супруга происходила из династии «длинноволосых королей», и Амаларих обвинил ее в шпионаже в пользу франков. Франки вторглись в Испанию, Амаларих потерпел поражение, бежал в свою столицу Барцинон (Барселону) и был убит телохранителем. Королем стал его приближенный **Тевдис (531—548)**, имя которого мы упоминали в книге несколько раз.

Тевдис (Тьюдо) — человек из знатного остготского рода, бывший телохранитель Теодориха Великого, посланный в Испанию опекать Амалариха. Здесь опекун женился на богатой римлянке и получил в приданое огромные латифундии, нанял собственную дружину и был достаточно силен для того, чтобы провозгласить себя королем после смерти опекаемого конунга.

Центр власти Тевдис перенес на юг. Сперва его столицей была Барселона, затем Толет (Тоledo), а в последние годы Гиспалис (Севилья). Конунг пытался подчинить южные испанские земли, и в этом состояла единственная цель его политики. На юге Испании существовали полусвободные римские города. Тевдис лишил их вольностей и расставил в Южной Испании своих графов. Туда стали переселяться вестготы. Римляне роптали, но ничего не могли сделать вследствие полного вырождения. На современном языке это называется «взвешенная политика», когда наглости варваров противопоставляются невнятные рассуждения о том, что необходимо «сохранять стабильность». Латифундисты и чиновники дрожат за свои богатства, чернь дезорганизована и борется за выживание. С таким народом можно делать всё, что угодно. Кто-то надеялся на Юстиниана, но в свои силы римляне уже не верили.

...Тевдис с тревогой следил за расширением Византии. Поначалу он осторожничал. Когда вандальский конунг Гелимер попросил о помощи, Тевдис отказал. И правильно сделал: полуразрушенные вандальские владения стали легкой добычей византийцев. Но вскоре начались Готские войны. Тевдис, будучи остготом по крови, счел нужным вмешаться и помог соплеменникам. Он прислал в Северную Италию отряды тяже-

лой конницы для войны с византийцами, которые помогли одержать последним остготским королям ряд побед.

Эти короли были родственниками Тевдиса. Его племянником являлся Хильдебад, правивший остготами в 541 году. В свою очередь, Тотила приходился племянником Хильдебаду (был сыном его брата). Тейя и Алигерн — племянники Тотилы (впрочем, они правили уже после того, как Тевдис был убит), то есть перед нами очень знатный готский род, который захватил власть в Испании и Италии.

Тевдис предоставил поддержку Хильдебаду, но Юстиниан немедленно договорился с провизантийски настроенным парижским королем Хильдебертом, и тот повел большую армию франков в Испанию. Вестготы были каплей в многомиллионном море испаноримлян. Франки превосходили готов численностью, тем более что мобилизовали в войско православных галлоримлян. Поэтому вторжение оказалось очень опасным.

Хильдеберт сперва пошел на север, напал на независимых басков и захватил их столицу Памплону, а оттуда двинулся на принадлежавший вестготам город Цезаравгуста (Сарагоса). Вестготов застали врасплох. После короткой осады Сарагоса пала (об этом сообщает Исидор Севильский). Григорий Турский осведомлен хуже, по его версии город отбился. Вероятно, причиной путаницы стало то, что вскоре после падения Сарагосы франки потерпели поражение от вестготов и вернулись восвояси. Их разбил герцог Теодегискл (или Теодегизел), который командовал восточной армией. Вероятно, готам удалось использовать преимущества своей тяжелой кавалерии против франкской пехоты. Но ресурсы франков были велики, и уже в 542 году их новое войско явилось в Испанию. Тогда сам король Тевдис пришел на берега реки Эбро и атаковал франков. Тем временем герцог Теодегискл окружил франков и нанес им новое поражение. Войска «длинноволосых королей» убралась за Пиренеи и прекратили войну. Тогда же родич короля Тевдиса, Тотила, захватил Италию. Вестготское королевство получило передышку.

Тевдис воспользовался ею своеобразно. Подчинив большую область Бетику на юге Испании, король стал соседом византийцев, которые владели Северной Африкой. Тевдис переправил небольшую армию через Гибралтарский пролив и захватил византийский Септем (Сеуту).

Юстиниан слишком ценил свои западные приобретения, чтобы уступить. Они были удобным плацдармом и связующим звеном между империей и живущими в Южной Испании римлянами. Базилевс прислал в Сеуту подкрепления, они выбили вестготов.

Неудачи подорвали авторитет Тевдиса. Против него организовал заговор популярный среди вестготов герцог Теодегискл. Тогда Тевдис попытался сблизиться с испаноримлянами. Он даже принял императорскую фамилию Флавий, как сделал в свое время Теодорих Великий. Это означало, что для вестготов Тевдис был конунгом, а для римлян — сенатором и патрицием, облеченным властью. Возможно, король пошел на это под влиянием своей римской жены, но это его не спасло. Мы видим в поведении Тевдиса те же черты, что привели к гибели остготов в Италии. Там Теодориху наследуют проримски настроенные Амаласунта и Теодат. Здесь сам Тевдис из варварского короля превращается в цивилизованного и либерального монарха, любящего римлян. Этническая химера пытается выжить любой ценой.

Но противоречия между арианами и их православными подданными никуда не делись. Если король покровительствовал одной партии, другая выступала против него. Герцог-арианин Теодегискл убил Тевдиса в 548 году. Более неудобного времени для этого трудно было придумать. Африканский префект Иоанн, ставленник Юстиниана, как раз покончил с остатками мятежников в Карфагене. Тотила находился в стратегическом тупике в разоренной Италии. Испанские римляне с нетерпением ждали освобождения от власти чужаков-ариан, ограбивших Пиренейский полуостров и отобравших часть земель у прежних владельцев.

2. «ГОТСКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Автор церковной истории франков Григорий Турский не удержался от черного юмора: он пишет о «готской болезни», которая заключается в убийстве королей. Практически ни один король вестготов не умирал своей смертью. Либо он погибал на поле сражения, либо становился жертвой заговора. Новым королем сделался **Теодегискл (548—549)**. Несмотря на полководческие способности, этот вояка оказался ничемным правителем и вскоре утратил власть вместе с жизнью. Кстати, имя короля было вроде бы остготское, мы встречаем такое же у одного из остготских принцев — сына конунга Теодата.

За свое короткое правление Теодегискл заработал устойчивую репутацию насильника и развратника. Не исключено, что у него закружилась голова от власти. Но вестготы-придворные недолго терпели эти безобразия: король был убит во время пира.

Варварская аристократия выбрала из своей среды нового короля — знатного вестгота **Агилу I (549—554)**, который презирал римлян, не любил византийцев и демонстрировал свою приверженность ариан-

ству. Это была попытка вестготов отказаться от компромисса с поработанным населением Пиренейского полуострова. Она едва не привела к гибели королевство. Но, к сожалению, не привела, хотя его ждали жестокие потрясения.

Агила был бездарен, бескомпромиссен и труслив. Он прекрасно знал, что властью готов больше всего недовольны на юге страны, в Бетике. Здесь было много римских городов, население которых ненавидело варваров. В каждом крупном городе заседал свой сенат, в каждом имелись группы уважаемых людей — торговцев, домовладельцев, интеллигентов, которые поддерживали контакты с византийцами. Благо теперь до Византии было рукой подать — стоило лишь переплыть Гибралтарский пролив, и ты оказывался в Сеуте и Тингисе (Танжере) — ромейских городах.

Многие историки не устают повторять заклинание о том, что в Византии жилось тяжело, что власть варварских королей была легче. Но до сих пор никто не мог объяснить обаяния власти Юстиниана и притягательности идеи империи. Византия не была чем-то закрытым, туда ездили купцы и сенаторы, да и простые римляне могли совершить путешествие. Они возвращались восхищенными этой империей, тянулись к ней и готовы были отдать жизнь ради единства. А ведь еще недавно было не так, и римлян переполняла безысходность... Впрочем, в Испании дела обстояли сложнее, чем, скажем, в Италии. Здесь население выродилось сильнее. Поэтому в центре страны, в Толедо, оно сохраняло равнодушие. Зато на южной окраине, в Бетике, византийское влияние было очень сильным. Тогда Агила развязал войну с этой окраиной. То есть король воевал с собственными гражданами, которые недовольны его правлением. Знакомая ситуация для вырождающегося режима!

Сегодня Южная Испания — это лучшее, что есть на полуострове. Именно здесь — душа страны. Красивейший портовый город Малага, расположенный на берегу уютной бухты, раскинувшаяся в горной долине Гранада с прекрасным садом Альгамбра на горе, откуда открывается великолепный вид на десятки маленьких домов средневекового квартала, окрашенных в белый цвет... Если пересечь горные хребты, можно очутиться в долине реки Бетис и посетить восхитительную Севилью с ее готическими соборами, узкими улочками и усыпальницей Колумба. А к востоку от нее Кордова. Река разделяет ее на две части — старый и новый город. Новый похож на все современные городки, а в старом прелесть арабской архитектуры причудливо сочетается с суровым стилем западного Средневековья. Городские кварталы соединяет так называемый «римский» мост, но построен он опять же в Средние века.

Конечно, древние города Испании выглядели совсем иначе. Скорее о них могут дать представление окрестности каталонской Таррагоны с их акведуком или ее исторический центр с амфитеатром, на котором недавно закончились реставрационные работы. От римских домов и дворцов, к сожалению, в Таррагоне ничего не осталось. Но они были, и в VI веке здесь теплилась жизнь.

Конунг напал на Кордубу (Кордобу, Кордову) и Гиспалис (Севилю). Первый город атаковал лично, во второй послал знатного герцога Атанагильда с крупным войском. Это произошло в 550 году, когда Юстиниан собирал армию для окончательного покорения Италии.

И вот — в Южную Испанию пришла война. Первым делом готы начали глумиться над православными реликвиями и осквернять храмы. «Начав войну против города Кордобы, Агила, в знак презрения Католической веры, повредил церковь благословенного мученика Ацисклия. В разгар борьбы с горожанами Кордобы этот недалекий человек осквернил священное место захоронения Ацисклия останками своих врагов и их лошадей. За это святые покарали его», — пишет Исидор Севильский.

Агила столь зверствовал при наведении порядка во время своей «антитеррористической операции», что Кордова восстала. Да еще как! Горожане собрали ополчение, напали на вестготов, отобрали у них награбленное добро и выгнали остатки вражеских войск из города. Это удалось сделать в ходе уличных боев, ибо в открытом поле готская кавалерия превосходила римлян. Агила потерпел серьезную неудачу. «В этой кампании он потерял и сына, убитого вместе со значительной частью армии, и огромные сокровища», — замечает Исидор.

Итак, король оказался вне городских стен с остатками войск и почти без денег. Это не могло понравиться его дружине. Знатные варвары тотчас вспомнили про «готскую болезнь» и стали искать замену Агиле. Замена нашлась мгновенно. Ею стал герцог Атанагильд, который находился в Севилье со своими отрядами. Он поднял открытое восстание в 551 году, перед этим вступил в сношения с императором Юстинианом и попросил помощи. Агила с остатками войск обосновался в Эмерите (Мериде), пытаясь прикрыть свои центральные и северные владения. Он не мог платить жалованье воинам и утратил всякий авторитет.

3. ЛИБЕРИЙ НА КОСТА ДЕЛЬ СОЛЬ

В это время византийцы сражались на Балканах со славянами и гепидами, в Италии с остготами, в Лазике — с персами. Войны велись с огромным напряжением сил, но мог ли Юстиниан отказаться от новой

возможности расширить страну? Никогда. Он немедленно ответил Атанагильду согласием помочь и принялся снаряжать войско.

На сторону Атанагильда переметнулись автономные города Бетики — Малага, Кордова. Севилья, где стояла дружина герцога, воспринимала его теперь не как завоевателя, но как союзника. Имя Юстиниана было у всех на устах. Испанские римляне ждали освобождения, знаменем которого сделался Атанагильд, превратившийся из ненавистного вестгота в друга римлян и византийцев. Но хитрый герцог вел свою игру. Впрочем, как и Юстиниан — свою.

Для экспедиции в Испанию император нашел неожиданного начальника — патриция Либерия (того самого, что недавно воевал на Сицилии против остготов). Этот человек родился примерно в 465 году, то есть перед самым падением Гесперии. В молодости служил Одоакру, но, как только пришел Теодорих, переметнулся на его сторону и занялся переделом земли для новых хозяев, который успешно завершил в 507 году. Либерий действовал так искусно, что уберег латифундии знатных римлян от раздела, отобрав земли в основном у бывших вояк Одоакра. Затем он получил тогу сенатора и должность губернатора Прованса. В общем, был приспособленцем. Впрочем, другой сенатор-приспособленец, Кассиодор, характеризует своего коллегу Либерия как «приятнейшего в общении, славного заслугами, выдающегося красотой, но еще более украшенного ранами, отмеченного заслугами трудов своих».

Варваров Либерий не уважал и мечтал о приходе византийцев. Мечты сбылись. Как только византийские войска высадились на Апеннинском полуострове, он в числе других сенаторов перешел на службу империи — подался к своим. Верная служба Римской державе — это был единственный принцип для беспринципного человека. Его легко осудить, но ведь и сегодня есть множество интеллигентных людей, которые служат тому или иному режиму для пропитания, однако хотели бы жить совсем в другой империи. Либерию повезло больше: он запасся терпением, долго ждал и дождался победы, когда германцы были истреблены, а православный император воцарился над римлянами.

Весной 552 года византийский флот под командой Либерия отбыл к берегам Южной Испании. Эта дата приводится по Иордану, который упоминает об экспедиции в своей брошюре по истории готов.

Юстиниан знал, что Либерий не блещет полководческими талантами, но ценил дипломатические способности этого человека. Думается, Либерий поддерживал связь с южноиспанскими римлянами, которые ненавидели готов и привыкли к самостоятельности. Сенатор обещал им

свободу от имени византийского царя. Он не лгал. У Юстиниана не было сил, чтобы покорить Испанию и установить там жесткую централизованную власть. Следовательно, император намерен был предоставить городам широкие вольности. Вообще, империя — это всегда федерация и калейдоскоп владений, спаянных единой идеей и удерживаемых где-то военной силой, а где-то — искренней приверженностью людей. Так что ничего необычного в решении Юстиниана нет.

Либерий провел против вестготов три кампании: в 552, 553 и 554 годах. Детали боевых действий неизвестны. У Испанской войны не нашлось своего Прокопия. Краткие записи Исидора Севильского страдают множеством неточностей. Например, Исидор говорит, что византийская экспедиция в Испанию началась в 554 году. Но верить нужно Иордану — современнику событий.

Как только Либерий высадился на полуострове, он заставил Атанагильда заключить пакт (договор). Вестготы признавали власть римского императора, а сами становились его федератами. Лишь на таких условиях Юстиниан соглашался терпеть их на земле Испании.

Начались действия против незадачливого короля Агилы. Византийцы захватили кромку Средиземноморского побережья. Сейчас здесь находятся великолепные курорты Коста дель Соль — Солнечного Берега.

В этом районе обосновался старик Либерий во время своего вторжения в 552—554 годы. Он захватил Малагу, Гадес (современный Кадис) и еще несколько городов, включая Новый Карфаген (совр. Картахена). Севилью передал византийцам Атанагильд. Кордова перешла в ромейское подданство добровольно. Кажется, здесь не было даже византийского гарнизона: полагались на верность горожан.

По договору Атанагильд становился королем федератов на службе империи и обязался охранять центральные области Пиренейского полуострова от нападений басков и свевов, живших на севере. Договорившись об этом, герцог отправился в Центральную Испанию воевать против Агилы. Кампания продолжалась примерно год (553). Агила действовал неудачно и терял города. В конце концов против него взбунтовались войска, и конунг Агила погиб. Новым королем вестготов сделался Атанагильд. Это изменило ситуацию в Испании.

У Либерия было крайне мало воинов, он опирался на ополчения южноиспанских городов, но эти города не желали воевать в дальних землях: 10—15 миль в окружности — вот их кругозор. Северная Испания была для них чужой страной, она располагалась за труднодоступными горными хребтами... Зачем идти далеко и воевать непонятно за что,

за абстрактную идею империи? Города отстаивали свободу, заключили выгодные договоры с Юстинианом... Этого достаточно! Из-за такого шкурного подхода завоевание Испании остановилось, едва начавшись.

Юстиниан подтвердил федеративный договор с новым королем **Атанагильдом (554—568)** и создал на отвоеванных у вестготов землях обширную провинцию *Spania*. Она просуществовала до 626 года.

Заканчивая тему Испании, достаточно сказать, что Атанагильд вскоре попытался порвать с Юстинианом и начал неудачную войну за восстановление контроля над югом страны. Но об этой войне мы тоже ничего не знаем. Неясно даже, был ли еще жив старый Либерий или император прислал другого полководца ему на смену. Нападение Атанагильда удалось отбить, и граница надолго стабилизировалась. Внимание Юстиниана отвлекли другие, более важные и жестокие войны.

ГЛАВА 2. ВОЙНА С ФРАНКАМИ

1. ШВАБСКИЕ ГЕРЦОГИ

Вернемся в Италию. Остготский король Тейя погиб, а военачальник Индульф с остатками южной армии готов ушел на север под защиту франкских войск. «После этого всем казалось, что все войны кончились в Италии», — наивно замечает Агафий Миринейский, и в этом замечании мы чувствуем вздох сожаления.

В 552 году повторилось то же, что 11 лет назад. Уцелевшие готы отдохнули, пришли в себя и задумались о мести византийцам. Собственно, у варваров не было выхода. Трудиться они не могли, служить в византийской армии считали зазорным. Они умели только воевать и грабить. В Северной Италии остались отпетые головорезы. Они склоняли франков к войне с Византией.

К молодому австразийскому королю Теодобальду явились послы из Италии. Сам Теодобальд был труслив и миролюбив, пишет Агафий, но он целиком зависел от своих воинственных герцогов. Сильнейшими среди них были алеманны (они же свевы или швабы, жившие в современной Швейцарии и Южной Германии; разумеется, не нужно путать их с испанскими свевами, которые давно утратили связь со своими германскими соплеменниками). Двое могущественных швабских герцогов, братья Лотар и Бутилин, заявили, что будут вести войну на свой страх и риск.

Они собрали крупную армию. Агафий Миринейский числит в ней 75 тысяч воинов, но это, разумеется, преувеличение. Швабы не могли набрать столько солдат. Если цифру уменьшить раз в 10, мы приблизимся

к истине. К этому нужно прибавить 2000—3000 годов. В результате получим десятипятнадцатую армию — крупное войско по тогдашним меркам.

В это время Нарсес осаждал Кумы, где засели гот Алигерн и ромейский перебежчик Гермоген с сокровищами готов. Осада была в разгаре, когда евнух узнал, что армия швабских герцогов уже перевалила через Альпы и вошла в долину По.

Нарсес оставил наблюдательный отряд под стенами крепости, а сам тотчас выступил на север и вскоре достиг Флоренции. Оттуда евнух выслал навстречу швабам несколько отрядов, чтобы задержать их. Костяк составлял легкий полк герулов. Как назло командир герулов Филемут в это время умер от какой-то болезни. Вместо него Нарсес назначил командиром «Фулкариса, их соплеменника» (вероятно, это известное в Средневековье имя Фульк или Фальк).

Герулы вошли в состав импровизированного корпуса, который направился к берегам По. Им командовали Артабан и Иоанн племянник Виталиана. План был такой: задержать швабов на переправе через реку По, а в это время зачистить мелкие готские гарнизоны в Италии.

На побережье Тосканы готы заперлись в купеческом городе Лукка. Их поддержали горожане — довольно редкий случай. Евнух лично явился под стены города. Жители Лукки договорились с Нарсесом, что если в течение месяца не подойдет подмога, город сдастся. Время прошло, но доходили слухи, что швабы уже близко. По этой причине гарнизон Лукки отказался капитулировать. Обманутый Нарсес был разгневан. Некоторые ромеи из его окружения предлагали перерезать заложников, которые ранее были взяты в Лукке, но евнух не позволил лишить людей жизни. Вместо этого он устроил сцену с показательной казнью. Заложников вывели перед стенами Лукки и инсценировали расправу. Им якобы рубили головы, «жертвы» бились в конвульсиях, а со стен в ответ неслись стоны и плач. Защитники Лукки проклинали Нарсеса. Евнух закричал в ответ на прекрасной латыни:

— Разве не вы были причиной гибели заложников? Вы и о себе не позаботились, дав клятву и затем позорно нарушив договор. Но теперь, если желаете вернуться к благоразумию, заложники ваши оживут, а если не одумаетесь, то вам нужно будет оплакивать не только их, но и самих себя.

Когда лукканцы услышали это, решили, что евнух морочит их христианскими сказками о воскрешении мертвых. Убежденные, что заложников не вернуть, они поклялись, что сдадут город, как только увидят этих людей живыми. Нарсес немедленно приказал мнимым мертвецам

встать «и выставил для обозрения горожанам здоровых и невредимых». Шок был сильный. Но, как настоящие торгаши, лукканцы тотчас отрезались от своих слов и не пожелали открыть ворота. Нарсес проявил благородство: заложники были отпущены даже без выкупа. Горожане изумлялись: зачем он это сделал? Для торговца такое поведение православному человеку выглядит чем-то невероятным. Нарсес сказал:

— Не свойственно мне заниматься шутловством и обольщаться пустыми надеждами. Я уверен, что и без них, если вы немедленно не сдадитесь, сумею покарать вас вот этим! — И он показал меч.

Пока главнокомандующий воевал с мелким приморским городом, его северная армия, посланная против швабов, терпела неудачи. Узнав, что швабы заняли город Парма, вождь герулов Фулкарис задумал отбить его молодецким ударом. Не произведя никакой разведки, он повел своих воинов и примкнувших ромеев на захват Пармы. Вождь делал ставку на стремительность, маршировал в полном беспорядке и вскоре, что называется, пожал плоды. Швабский герцог Бутилин спрятал отряд воинов в амфитеатре, построенном недалеко от Пармы. Фулкарис и герулы явились туда. Вероятно, их заманил небольшой разъезд врага. Словом, наемники пришли в амфитеатр, и тут на них со всех сторон обрушились швабы. Герулы бросились кто куда.

Фулкарис со своими оруженосцами понял, что погиб, но бежать не стал. Он отступил к какой-то гробнице и начал драться. Телохранители советовали уйти, пока есть возможность. Но Фулкарис боялся позора больше, чем смерти от вражеского меча.

— Как я перенесу речи Нарсеса и его упреки в безрассудстве? — отвечал он своим.

Наконец швабы отступили и забросали герула дротиками. Фулкарис рухнул на щит, и тогда какой-то швабский воин раскрыл ему голову топором.

Это поражение было раздуто швабами до невероятных размеров, а остатки готов, жившие в Эмилии и Лигурии, стали захватывать у византийцев городки и переходить на сторону герцогов Лотара и Бутилина. Что касается герулов, то их новым вождем сделался Синдуал.

Однако в лице герулов поражение потерпел только ромейский авангард. Иоанн и Артабан были живы, к ним присоединились остатки герулов. В один миг они очутились в неприятельской стране. «Ибо города готов открывались для врага и, получая сильные гарнизоны», намеревались сражаться против ромеев, свидетельствует Агафий. Византийцам пришлось отойти к Равенне.

2. КАПИТУЛЯЦИЯ АЛИГЕРНА

После отхода византийцев от Пармы Нарсес оказался в опасной ситуации, но не растерялся.

Евнух послал к Иоанну племяннику Виталиана ординарца с упреками в трусости, а его офицеров объявил предателями государства, если они не вернуться к стенам Пармы. Таков стиль Нарсеса. Велисарий никогда не действовал подобными методами. Кстати, темпераментный кавказец Нарсес и с самим Велисарием позволял себе общаться в подобном же тоне.

Отговорки не принимались, и войска Иоанна отбыли под стены Пармы. Нарсес торопился взять Лукку. Горожане дрались нехотя. Потери были огромны, бреши в стенах становились всё больше. Наконец лукканды сдались. Евнух обошелся с ними милостиво и оставил в городе гарнизон.

Стояла глубокая осень, 552 год подходил к концу. Нарсес увел войска в Равенну на зимние квартиры. С наступлением весны он собирался идти в Рим, чтобы за его укреплениями выдержать оборону. Как пишет Агафий, евнух надеялся на то, что жара и вредный климат вынудят швабов отступить.

Эта тактика Нарсеса кажется странной. Почему он не рвется в бой? Ответ прост. Ясно, что его армия понесла большие потери и была рассредоточена в гарнизонах. Если у евнуха после всех его побед оставалось в полевой армии 10 тысяч солдат, то это еще хорошо; но и эти силы были разделены, ибо действовали на нескольких направлениях.

В начале зимы Нарсеса ждал приятный сюрприз: осажденный в Кумах готский вождь Алигерн приехал в окрестности Равенны и пообещал сдать крепость в обмен на личную безопасность. Евнух согласился. Алигерн предстал перед Нарсесом, «передал ему собственноручно ключи от Кум и предложил всякие добрые услуги». Нарсес вежливо «благодарил его за сдачу и обещал отдарить большими благами». Византийский отряд вошел в Кумы, взял под охрану сокровища и принялся укреплять стены. Алигерна направили в Цезену (Чезена), чтобы показать швабам: последний готский герцог перешел на сторону Византии. Швабы «оскорбляли его и называли предателем своего народа», пишет Агафий. Еще бы! Они больше не могли рассчитывать на золото, которое готы приберегли в Кумах. Но после короткого совещания швабские герцоги договорились всё-таки продолжать борьбу, рассчитывая на поживу в разоренной Италии. Правда, от них отпал отряд союзников-варнов (это небольшое племя жило на берегах Балтики и часто посылало

юношей на службу в страну франков). Варны перешли к ромеям: византийские агенты постоянно перетягивали на свою сторону вражеских солдат. Так Нарсес получил подкрепления, а швабы, напротив, понесли потери. Возможно, силы швабов и византийцев сравнялись.

* * *

Ромейские войска были рассредоточены в лагерях под Равенной, как бы окружая город полукольцом. Штаб-квартира самого Нарсеса находилась в Армии. Вскоре туда прибыл разведывательный отряд швабов и готов. Швабы сражались пешими, а готы — на конях. Они принялись жечь и разорять окрестности. Сердце темпераментного евнуха не выдержало, он бросился в атаку с тремя сотнями конных телохранителей. Варвары потерпели поражение и больше не приближались к Армии. Евнух перешел в Рим и зазимовал там.

3. СМЕРТЬ ЛОТАРА И БИТВА ПРИ КАСИЛИНЕ

Швабы перенесли военные действия на запад Италии. Они обошли Рим, где засел Нарсес, и прибыли в Самниум. Здесь варвары разделились. Герцог Бутилин «с большим сильнейшим войском» отправился к берегам Тирренского моря. Он опустошил часть Кампании, явился в Луканию, после чего вторгся в Бруттий и дошел до самого города Регия на носке итальянского «сапога», где высадился когда-то Велисарий. Герцог Лотар разграбил Апулию с Калабрией и дошел до «каблука» в окрестностях Гидрунта (Отранто).

Начались грабежи. Православные франки, сражавшиеся в небольшом числе в армиях герцогов, относились с уважением к церквям и вообще вели себя сдержанно. Зато швабы, принявшие крещение неискренне, а то и вовсе оставшиеся язычниками, вели себя развязно: грабили храмы, «похищая священные сосуды» и «многие золотые кропильницы». Всё это сопровождалось убийствами римлян и разрушениями. С этих событий началась весна 553 года. Нарсес бездействовал, сидя за римскими стенами. Зная решительный характер евнуха, можно предположить, что он изменил план войны. Может быть, отдав Южную Италию в жертву врагу, Нарсес хотел напасть на него на обратном пути, когда отягченные награбленным добром швабы потянутся на север?

Настало лето. Герцог Лотар послал гонцов к брату сказать, что возвращается назад, «распроставшись с войной и превратностями судьбы». Бутилин рассчитывал на другое. Его манили не только грабежи, но и завоевания. Герцог поклялся готам, что не покинет Италию до тех пор, пока не выгонит византийцев. Готы обещали выбрать его королем.

Лотар возвращался восточной дорогой по берегу Адриатики и достиг области Пицен. Здесь он расположился лагерем.

Византийские войска тотчас пришли в движение. Нарсес отправил против Лотара конные отряды под началом армянина Артабана и болгарина Улдаха. Они потрепали швабов и отбили полон. Швабы продолжили поход на север, форсировали По и оказались в Венетии. В этот момент варваров настигло новое бедствие: чума. Герцог Лотар сошел с ума от болезни «и бесновался открыто, как безумный и одержимый». В конце концов он искусал нарывы на собственном теле и «погиб жалким образом». Вымерло почти всё швабское войско, расквартированное в Венетии. А вот византийских солдат болезнь, видимо, не коснулась. Похоже, что в армии Нарсеса служили в основном те, кто уже переболел чумой. Так или иначе, с одной швабской армией было покончено.

* * *

Герцог Бутилин, разграбив местность вплоть до Регия, повернул назад и направился в сторону Рима. Он узнал, что Нарсес стягивает войска и намерен помешать движению франков. В войске Бутилина тоже начались болезни, и потому герцог хотел сразиться с ромеями, пока большая часть его армии была на ногах. Правда, Бутилин и его люди страдали не от чумы. Они опивались молодым вином и получали расстройство желудка. Некоторые несчастливцы умирали. Швабы раскинули лагерь в Кампании, возле города Капуя, на берегах реки Касилин.

Соотношение сил изменилось в пользу ромеев, поэтому Бутилин принял меры предосторожности. Он укрепил лагерь валом, поставил повозки в полукруг и оказался как в крепости. С тыла его прикрывала река. Отряд швабов занял мост через Касилин и соорудил деревянную башню для его обороны.

Правда, Агафий считает, что армия Нарсеса насчитывала 18 тысяч солдат, а швабов было 30 тысяч. Из этого сообщения ясно, что историк просто поделил численность швабского войска пополам и вычел потери. С другой стороны, 18 тысяч человек — это вся численность византийских войск в Италии включая гарнизоны. Сколько имелось у Нарсеса и швабов войск в открытом поле — вопрос спорный. Но всё же надо полагать, что перевес был на стороне ромеев: ничем другим не объяснить оборонительную тактику варваров.

— Или будем обладать Италией, или же бесславно умрем, — заявил Бутилин соплеменникам. — Если мы окажемся храбрыми в сражении, — получим всё, чего желаем.

Швабы готовились к битве. Шлемов и панцирей было мало, основное оружие составляли обоюдоострые секиры, метательные копья-ангоны с зазубринами и прямые мечи. Сражались варвары в пешем строю.

Нарсес стал тревожить врага налетами конницы. Швабы тотчас потребовали у своего герцога дать бой в открытом поле. Бутилин вывел солдат. Нарсес тоже приказал своим воинам строиться для битвы. В этот момент ему доложили, что какой-то герул, находившийся на ромейской службе, жестоко убил своего слугу за проступок. Это противоречило законам Юстиниана. Нарсес тотчас заявил, что не начнет сражения, пока не покарает герула за преступление. Варвар раздраженно сказал, что «позволено господам делать со своими рабами, что они пожелают, чтобы и другие знали, что они получают то же, если не будут выполнять свои обязанности». Он «был дерзок и заносчив». Но с Нарсесом шутки плохи. Евнух приказал своим телохранителям уничтожить герула, «и он умер, пораженный мечом в пах», пишет Агафий. Прочие герулы сразу вышли из повиновения и закричали, что не станут принимать участия в битве. Однако Нарсес очистил совесть православного человека и мало заботился о герулах. Инцидент разрешился быстро: они одумались и предложили свои услуги. Нарсес приказал им занять место в строю. Герулы потянулись к полю боя.

Евнух расставил войска следующим образом: легкие всадники-стрелки разместились на флангах, в центре стояла пехота. Передние ряды составили тяжеловооруженные воины в шлемах и длинных панцирях. За ними встали легковооруженные бойцы. Позади — лучники и пращники. Сам евнух находился на правом крыле со своими телохранителями. Часть кавалерии он разместил в засаде в соседнем лесу. Этими людьми командовали Валериан и Артабан. Нарсес приказал им атаковать в тот момент, когда неприятель увязнет в бою.

Между тем к герцогу Бутилину прибежали двое герулов-изменников. Они доносили:

— Ромей в полной суматохе и беспорядке. Герульская дружина негодует и отказывается сражаться, а другие подавлены этим.

Из сообщения следовало, что нужно немедленно атаковать византийцев и разгромить их. Швабы пошли в атаку «с шумом и песнями». Агафий пишет, что «форма их боевого порядка была подобна клину и походила на дельгу. Передняя его часть, которая заканчивалась острием, была плотна и закрыта со всех сторон щитами. Можно сказать, что они своим построением напоминали голову свиньи». Эта диспозиция несколько озадачила военного историка нового времени Ганса Дельбрюка, который

полагает, что при таком построении передние пехотинцы подвергались слишком большой опасности. Но оснований не верить Агафию у нас нет. Вероятно, передовые воины были лучше вооружены и подготовлены (у них на вооружении имелись и шлемы, и добротные панцири). Их задачей было расколоть строй противника и смешать его. Далее шла всякая рвань, которая должна была добивать потерявших строй византийцев и принуждать их к беспорядочным поединкам. Один шваб был равен по силе двум ромеям, но сотня ромеев легко била сотню швабов за счет выучки и организации. Поэтому и важно было расколоть ромейский строй. Что касается боевых порядков, похожих на кабанью голову, то германцы их полюбили. Даже позднее, когда они научатся воевать верхом, излюбленной тактикой немцев будет клин или «свинья».

Швабы атаковали. Герулы еще не появились на поле боя из-за своих капризов, они только строились и начали марш, чтобы подтянуться к центру армии. Этим воспользовалась «кабанья голова» швабов. Варвары налетели на центр византийского строя, прорвали его и стали теснить ромеев к обозу. Однако Нарсес, образованный человек, применил против вражеского «кабана» тактику Ганнибала при Каннах. Главнокомандующий провел искусный маневр, удлинив фланги. Конные стрелки завершили окружение швабов и начали расстреливать врагов со спины.

Тяжеловесные швабы долгое время вообще не могли понять, что происходит. Перед ними была ромейская пехота, с которой приходилось сражаться, а в то же время непонятно откуда неслись смертоносные стрелы. «У огромного же большинства не было времени для сомнений, размышлений и недоумений, так как вместе с ударом их постигала смерть», — сообщает Агафий. В этот миг подошли герулы и сразу столкнулись со швабами врукопашную. Это стало психологическим моментом, который переломил ход сражения. Возникла паника, швабы бросились врассыпную, и тут ромеи начали избиение. В итоге швабов прижали к реке. Всадники, сомкнув фланги, отрезали врагу отступление. Варвары бросались в воду, кричали, тонули... Нарсес преподал великолепный урок византийского военного искусства. В этом бою на стороне ромеев участвовал остгот Алигерн — брат Тейи. Он сражался с особенной храбростью. Из прочих варваров отличился вождь герулов Синдуал. В ромейских подразделениях тоже было много храбрецов, зарекомендовавших себя в бою.

Обобрав трупы врага и разграбив его обоз, ромеи стали горланить песни «и украсив себя венками, в прекрасном порядке, сопровождая полководца, они возвратились в Рим».

Победа была громкая и вызвала всеобщий душевный подъем. Больше всех радовался главный организатор — Юстиниан, который незримо нитями удерживал командование стратегическими операциями из константинопольского Большого дворца.

4. ПОСЛЕДНИЕ ГОТЫ

Часть готов всё еще не сдавалась. Даже после всех разгромов, войн, эпидемий и разговоров об «истреблении готского народа» у них оставалось 7000 бойцов. Возможно, цифра преувеличена. На такую мысль наводит рассказ Агафия о том, что все эти 7000 отступили в одно укрепление — Калепсы. Впрочем, не исключено, что укрепление было достаточно велико, чтобы вместить большой гарнизон.

Место было расположено на высокой горе у моря, вокруг простирались скалы. Готы не придумали ничего нового. Как и в случае с Тейей, они укрылись в труднодоступных местах. Их возглавлял некто Рагнар — бывший византийский наемник, причем не германец (как можно заключить из его имени), но кочевник-угр из племени родственных болгарам *биттоугров* (или *биттогуров*, что то же).

Нарсес поспешил выступить против Рагнара. Евнух понимал, что огонь мятежа нужно гасить в зародыше. Византийцы слишком часто обжигались о пламя, не успевая вовремя его погасить. Нарсес действовал тем же способом, что и против Тейи: настиг остатки готов и запер их на горе. Но Рагнар оказался умнее Тейи: он успел запастись продовольствием. Поэтому вождь выдержал зиму 553 года. Нарсес упорствовал и оставался у подножия горы, несмотря на морозы. К весне Рагнар сообразил, что столкнулся с сильным и волевым противником — достойным подданным Юстиниана. Варвар попросился на переговоры, евнух ответил согласием.

Встретились. Вдруг Рагнар обернулся, натянул лук и пустил стрелу в Нарсеса. Варвар рассуждал логично: убив этого негибавшего человека, можно отсрочить капитуляцию. Но целил он плохо и промахнулся. Оруженосцы Нарсеса стали обстреливать Рагнара и нанесли ему смертельную рану. Слуги втащили его в крепость. «Он умер бесславно, прожив после этого только два дня», — пишет Агафий. Историки, которые относятся к ромеям предвзято, могли бы предположить, что Нарсес подстроил убийство врага, но вряд ли евнух опустился бы до такой низости. Он часто общался с варварами и имел у них реноме честного человека. В этом — одна из причин побед Нарсеса в Италии. Пятна репутацию из-за какого-то бандита, запершегося в горах, евнух бы не стал.

После смерти Рагнара готы сломались. Они просили Нарсеса дать гарантию, что им сохранят жизнь, а взамен готовы были сдать крепость. Нарсес «считал бесчестным и жестоким убивать побежденных», считает Агафий, поэтому дал клятву и действительно сохранил готам жизнь. Он погрузил пленных на корабли и отправил в Константинополь — пусть служат Юстиниану. Так завершились войны за обладание Италией (554). Старый евнух Нарсес остался наместником этой страны и управлял ею из Равенны.

Впрочем, отголоски Готской войны слышались еще долго. У Феофана Исповедника читаем под 563 годом: «В том же году... пришли победные вестники из Рима от патриция Нарсеса, возвещающие, что он взял крепкие города Готфов Верону и Бриксию». То ли готы держались на севере страны до этого времени, то ли какие-то готские шайки захватили пару городов, но схватки еще продолжались. Впрочем, они не могли ничего изменить.

* * *

За годы войн Италия обезлюдела. Постепенно ее стали заселять сирийцы и греки. Причем византийцам здесь не суждено было закрепиться. Уже после смерти Юстиниана против империи образуется мощная коалиция, в которую войдут авары, болгары и славяне. К ним примкнули предатели-лангобарды, которые вторгнутся в Италию и захватят половину страны. Византийские гарнизоны останутся только в крупных городах, да и то не во всех.

Но предвидеть этого никто не мог. Юстиниан считал, что страна присоединилась надолго. Для управления ею он издал в 554 году Прагматическую санкцию. Санкция подтверждала все распоряжения Теодориха и Амаласунты относительно собственности (эти распоряжения делались для мертвых людей другой, погибшей Италии), дезавуировала решения Тотилы и содержала программу улучшения жизни уцелевшего простого народа. В стране настал мир.

ГЛАВА 3. ВОЙНА С ПЕРСАМИ

1. ГУВАЗ

Итак, дела на Западе обстояли блестяще, но оставался Восточный фронт. Постоянные конфликты здесь кровоточили и саднили, как незажившая рана. Мы видели, что персы и византийцы заключили перемирие для Сирии, Армении, Месопотамии. «В пределах же Колхиды, — констатирует Агафий, — война продолжалась».

Юстиниан посылал сюда лучших полководцев. Ромеями руководил стратег Мартин. Его помощниками были Бесс и молодой Юстин — сын Германа.

Иранскими войсками в Закавказье по-прежнему командовал Мир Мерой, но вскоре он заболел и умер. Сперва иранец инсценировал собственную болезнь, чтобы ввести врага в заблуждение, но неожиданно захворал всерьез. Видимо, это было какое-то инфекционное заболевание вроде дизентерии или малярии. Почувствовав себя хуже, Мир Мерой уехал и скончался в городе Мцхета неподалеку от нынешнего Тбилиси (555 год). Тело полководца оставили на съедение грифам в «башне забвения», как велел обычай зороастрийцев.

Узнав о смерти Мир Мероя, шаханшах Хосров назначил на его место Нахогарана (такова транскрипция в книге Агафия). Со своей стороны Юстиниан отстранил Бесса от командования и конфисковал его имущество. Старый военачальник отправился в ссылку в Абхазию в ожидании дальнейших распоряжений. Действиями Мартина царь тоже был недоволен. Его солдаты мародерствовали, и об этом сообщал колхидский царек Гуваз. Мартин рассердился на царька и вместе с интендантом армии — Рустиком — сочинил донос. Гуваза обвинили в тайных переговорах с персами.

Посланец заговорщиков примчался в Константинополь и добился тайной аудиенции у Юстиниана. «Император был поражен этим неожиданным известием, но не поверил ему полностью», — замечает Агафий. Царь сказал тихим голосом:

— Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь.

То есть потребовал доставить Гуваза ко двору для допроса. Посланец заговорщиков ответил легким поклоном.

— Будет исполнено, господин. Однако, что нам делать, если он не пожелает добровольно отправиться сюда?

— Нужно принудить, как подданного, — пожал плечами император, — нужно употребить все средства прислать его сюда.

Гонец перебил царя:

— Если он будет сопротивляться, — что делать с ним?

— Что же другое, как то, что полагается с тираном; пусть погибнет жалкой смертью, — вырвалось у императора.

— Следовательно, — продолжал хитрый гонец, — тому нечего бояться, кто его убьет?

— Нечего, — подтвердил император, — если погибнет как враг при сопротивлении и непослушании.

И это тоже Византия времен Юстиниана. Интриги, тайные встречи под покровом темноты, осторожные диалоги, ошибочные решения, которые могут стоить жизни невинным людям. Риск власти и риск принятия решений шли рука об руку в империи. Этот разговор взят из книги Агафия, но откуда мог знать о нем Агафий? От приближенных императора. Юстиниан пытался информировать подданных как можно яснее и о своих поступках, и о мотивах решений. Гонец попросил подтверждения, и царь «приблизительно то же написал начальникам войск». Следовательно, содержание беседы — не вымысел. Посланец вернулся с охранной грамотой. Мартин и Рустик прочли письмо и решили, что теперь Гуваза можно спокойно убить. Полководцы назначили царьку встречу, чтобы обсудить кампанию против персов. Туда же позвали Юстина и Вузу, которые не были в заговоре, но что-то слышали о предполагаемой измене кавказца. Затем произошла трагедия. Царек «вышел к ним навстречу у реки Хоб, беззаботный, ничего не опасаясь, сопровождаемый немногими своими».

Во время встречи один из копьеносцев Рустика ударил Гуваза мечом по голове и раскрыл ему череп. «Таким образом был убит Гуваз», — резюмирует Агафий. Двое ромейских военачальников, Юстин и Вуза, были поражены случившимся настолько, что даже не вступились за уничтоженного лаза. Они полагали, что это сделано в соответствии с тайным приказом Юстиниана.

2. ОСАДА ФАСИСА

Убийство жестоко оскорбило кавказцев. Они торжественно похоронили своего государя и отправили делегацию в Константинополь с требованием расследовать дело, а покамест вышли из войны.

Мартин осадил крепость Оногур, где засели остатки персов, оккупировавших Лазику. Византийский военачальник надеялся взять крепость и оправдаться тем самым перед Юстинианом, когда всплывет правда о смерти Гуваза: победителей не судят. По сведениям Агафия, в византийской армии числилось 50 тысяч солдат. Это просто сказочная цифра для тех времен. Одно из двух: или мы столкнулись с обычным десятикратным преувеличением, или Кавказский фронт сделался главным в ирано-византийском противостоянии. В последнем случае следует восхититься искусством ромейских снабженцев, которые сумели прокормить и обеспечить деньгами такую массу народа.

Ромеи узнали о приближении новой персидской армии под началом Нахогарана. Навстречу персам выслали 600 всадников, чтобы задержать

врага в горных проходах. Ими командовали «Дабрагез и Усигард, оба варвары по происхождению, но поставленные во главе римских когорт», поясняет Агафий.

Первое имя — несомненно славянское. Агафий называет Дабрагеца антом. Это хорват или серб, житель Приднепровья. В. В. Мавродин в своей работе «Образование Древнерусского государства» транскрибирует его как «Доброгаст», и с этим можно согласиться. Правда, имя германца Хильбуда он предлагает читать «Хвалибуд», что принять невозможно.

Второе имя — Усигард — звучит как германское. Причем, может быть, перед нами человек из племени днепровских рогов-росомонов, поэтому он и воюет вместе с Дабрагезом? Анты и росомоны были союзниками.

Остальное войско византийцев штурмовало Оногур. Персы, прикрываясь зубцами стен, осыпали ромеев камнями и стрелами. На помощь осажденной крепости вышел из Кутаиси еще один отряд персов — 3000 конных воинов. Они наткнулись на воинов Дабрагеца, обратили их в бегство и внезапно появились под стенами Оногура.

Византийцы услышали шум и вопли за своей спиной. Они вообразили, что это подошла свежая персидская армия, а значит, — всё пропало. Ромеи побежали куда глаза глядят. Вуза сумел остановить бегство кавалеристов и пошел с ними в атаку на персов. Удалось спасти несколько сотен жизней, но много народу погибло, был потерян обоз, так что победа персов оказалась не только громкой, но и прибыльной. После этой резни кампания закончилась.

Юстиниан принял в столице делегацию лазов и сразу понял из их доклада всю опасность положения дел. Он согласился отправить в Колхиду одного из местных принцев — Цате, который был заложником в Константинополе, а для расследования убийства Гуваза послал сенатора Афанасия, приказав судить виновных «согласно римским законам». Цате Юстиниан пожаловал золотую корону, усеянную камнями, пурпурные сапоги, парчовую рубаху в пол, белый плащ, затканый золотом, и драгоценную шапку-митру. Новый царь лазов **Цате II (554—?)** прибыл на родину.

Афанасий явился в Лазуку и первым делом арестовал интенданта Рустика вместе с его братом. Мартина никто не тронул, тем более что к тому времени началась весна и персы возобновили военные действия. Новый персидский главнокомандующий оказался, к счастью, человеком медлительным. Однако иранцы наконец собрались с силами. По сведе-

ниям Агафия, персидский полководец Нахогаран вел «60 тысяч вооруженных людей». Пятьдесят тысяч ромеев, шестьдесят тысяч персов... Вот где были главные силы Юстиниана! По сравнению с этим война против остготов выглядела детской игрой.

Последовало несколько схваток между авангардными частями. Главные силы ромеи расположили на Острове — в укрепленном месте неподалеку от Кутаиси, ограниченном двумя реками.

Нахогаран приблизился к Острову и предложил начать мирные переговоры. Мартин сказал в ответ, что ценит мир, но персы сперва должны очистить Лазику. Нахогаран прервал переговоры, отступил от Острова и осадил Фасис. Городские укрепления здесь были возведены из дерева, а перед самым поселением лежала равнина, удобная для строительства лагеря. Персы обосновались там, вышли к морю и сумели захватить три византийских корабля. Исполнилась мечта шаханшаха Хосрова: он создал наконец свою эскадру на Черном море. Пускай эта эскадра невелика — лиха беда начало!

Мартин понял, что нужно действовать, и действовать быстро. Он оставил часть войск с обозом на Острове (под командой Вузы), а сам, в свою очередь, совершил маневр и перевел другую часть армии в Фасис.

Ромеи соорудили внешние деревянные укрепления в виде тына, чтобы разместить за ними побольше войск. Перед ними выкопали ров. С моря город обороняли грузовые суда, на которых находились отряды стрелков. Ими командовал славянин Дабрагез и болгарин Элмингир.

Вскоре у берегов разыгралась буря. Ромейские мореходы переждали ее в гавани, а все три персидских корабля прибило к берегу в районе дислокации ромеев. Их захватил Дабрагез. Так завершилась короткая история иранского мореплавания по Черному морю.

Мартин подбодрил воинов: собрал сходку и прочел подложное письмо якобы от императора Юстиниана. В письме говорилось, что на помощь ромеям пришло новое войско, оно находится неподалеку.

— Где, где? — слышались голоса солдат.

— Не дальше четырех персидских парасангов, — был ответ.

Вскоре слухи о новой византийской армии достигли лагеря персов. «Всех охватила тревога и страх», — пишет Агафий. Нахогаран отделил часть войск для охраны дорог, по которым якобы должна подойти свежая византийская армия.

Этим воспользовались ромеи и атаковали персов. Атаку удалось отбить, затем последовали штурмы, вылазки, контратаки... Во время решающего сражения византийцам даже удалось ранить одного из

слонов, после чего он бросился на иранцев, а ромейская пехота перешла в наступление. Наконец, потеряв за время боев до 10 тысяч солдат, Нахогаран отвел свою армию в окрестности Кутаиси.

3. СУД

Юстиниану доложили, что персы потерпели серьезную неудачу, на фронте установилось затишье. Император тотчас приказал воспользоваться этим для продолжения расследования убийства Гуваза. Византийский уполномоченный — сенатор Афанасий — устроил суд. Он «величественно восседал на высоком седалище, одетый в хламиду, которую носят только самые выдающиеся из начальников». Присутствовали секретари, глашатаи, «ликторы» (исполнители наказаний, палачи). Последние вынесли орудия пытки — кандалы, петли, ошейники. Агафий пишет, что Юстиниан хотел не только напугать виновных, но и устрашить лазов в том случае, если убийство Гуваза признают справедливым в ходе расследования. Если же убийцы будут разоблачены и осуждены, то наказание покажется более строгим. Юстиниан понимал людскую психологию и незримо присутствовал даже там, в далекой Колхиде, чтобы отстаивать интересы империи.

Интенданта Рустика вместе с братом вывели из тюрьмы и доставили в суд. Роль обвинителей выполняли «мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык». Ценное указание на то, что здесь никто не понимал латыни, говорит нам об этническом составе империи. В восточных провинциях преобладал эллинизм, здесь говорили по-гречески. Латынь была родным языком только для жителей северной части Балканского и Апеннинского полуостровов. В Элладе и южных частях Италии тоже говорили по-гречески.

Судебные речи занимают несколько страниц в книге Агафия. Из этого видно, какое значение придавал император процессу. Решалась судьба Колхиды.

Рустик напирал на то, что наказал Гуваза по заслугам: царек собирался отложиться от империи и перейти к Ирану. В военное время это означало одно: гибель византийской армии, расквартированной в Лазике. Однако сенатор Афанасий разобрался и сделал вывод, что «имело место незаконнейшее и низкое убийство». Всплыло имя еще одного виновника — Мартина. Казнить прославленного полководца сенатор, ясное дело, не решился. Он обещал только довести эти сведения до императора, чтобы Юстиниан сам выбрал наказание для представителя военной касты. Рустика с братом признали виновными и при-

говорили к смертной казни путем отсечения головы. Приговоренных «провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов специально для колхов». Перед мулами расхаживал глашатай. Он кричал пронзительным голосом, призывая «бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств». Затем приговор привели в исполнение, и отрубленные головы казненных покатались по земле. Такова была практика судопроизводства в Византии — гласная и открытая. Кстати, вот почему Юстиниан уничтожил латифундистов тайно: вынести приговор против них на открытом процессе не было шансов.

Лазы остались довольны казнью и вернулись к ромеям, а скверную роль Мартина судьба как-то замолчала. Это лишний раз доказывает, что ни Византия не была идеальным государством, ни Юстиниан не являлся святым правителем.

* * *

После короткого затишья иранцы вновь попытались пробиться в Абхазию и подбили тамошние племена на восстание против ромеев. Юстиниан отправил отборное войско, лучшую часть которого составлял отряд в 4000 тяжеловооруженных пехотинцев-*цаннов* (племя к югу от Трапезунда). Командовал ими храбрый военачальник Феодор. Лето и осень прошли в отчаянных стычках, а зимой персы отступили и убралась в горы Иверии. Византийцы заняли Абхазию и жестоко расправились с жителями этой страны.

Ситуация стабилизировалась, но что делать с Мартином? Император некоторое время не делал вообще ничего, дабы не ухудшить обстановку на фронте, но сразу после подавления мятежа абхазов приказал полководцу сдать командование в Колхиде. Его место занял Юстин сын Германа.

Впрочем, Мартин всё-таки избежал наказания за убийство. «Из уважения к его победам и благоразумию, которое он проявлял в минуты опасности», император помиловал его и заставил жить в столице частным человеком. Юстиниан не мог казнить собственных полководцев, чтобы не отбить охоту у ромеев делать военную карьеру. Многие порицали императора даже за отставку Велисария. Что говорить, если бы за отставками последовали казни? В Византии того времени любили и уважали военных людей, даже если те не всегда заслуживали уважения.

В Лазике настало перемирие. В стране осталось несколько персидских отрядов, но основная часть отошла в Иверию. Новый ромейский командир, Юстин, сын Германа, зарекомендовал себя с плохой стороны:

он оказался замешан в коррупции. Видимо, далекие земли Колхиды притупляли в византийцах чувство гражданского долга. На фронте царил мир, а ромейские войска испытывали трудности со снабжением припасами. Один из людей Юстина, африканский римлянин по происхождению, предложил повернуть сделку. Он возьмет у главнокомандующего денег взаймы, пустит их в оборот, а на вырученные средства обеспечит часть войск продовольствием; сами же деньги вернет Юстину в сохранности. Юстин пошел на эту аферу.

Через какое-то время грязные махинации всплыли наружу. С тех пор дорога к трону была для Юстина закрыта. Юстиниан и его соратники не могли передать империю в руки сомнительного человека. Но, с другой стороны, опытных военных не хватало. Поэтому Юстин еще долгое время служил в армии. Вероятно, царственный дядя сделал ему внушение и на первый раз ограничился этим.

В стане персов было хуже. Шаханшах Хосров узнал о неудачах своих войск, вызвал к себе полководца Нахогарана и без проволочек его казнил. Шаханшах относился к своим военачальникам гораздо жестче, чем Юстиниан относился к своим. Казнь была крайне жестока: с Нахогарана живьем содрали кожу.

Агафий Миринейский описывает подробности этой процедуры. Персидский палач, надрезав с шеи кожу жертвы, «ободрал ее всю до обеих ног, отделил от тела, перевернутую внутрь, так что могли быть видны даже формы членов, и надутую слегка наподобие кожаного меха, он приказал повесить на скале, [устроив таким образом] жалкое и чудовищное зрелище».

Хосров сообразил, что война проиграна, войск и денег нет, а Византия стоит, подобно скале. Правда, у Юстиниана в его разоренной чумой, войной и революцией стране тоже не было сил. Хосров послал в Константинополь одного из своих приближенных — Зиха. Тот заключил предварительный мирный договор (в 557 году), по которому Лазика осталась за Византией, а Иверия — за Ираном. Долгие переговоры и схватки на границах продолжались еще несколько лет. Лишь в 562 году в Персию отправился послом Петр Патрикий. Ему не удалось, несмотря на свое дипломатическое искусство, заключить вечный мир, и сановник от огорчения умер по возвращении в Византию.

Окончательный договор византийцы и персы заключат годом позже. Шаханшах выклянчит у Юстиниана дань, а в обмен даст Лазику и мир на 50 лет.

4. НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Сразу после окончания большой войны с персами Византию ждало великое испытание. В город пришла чума. Она навестила столицу весной. Со времени первой эпидемии болезнь никогда толком не прекращалась, но теперь на столицу обрушилась настоящая катастрофа. Чума возвратилась в столицу, словно «чем-то обманутая и раньше времени ушедшая оттуда», пишет Агафий.

Картины были душераздирающие. «Умиряли многие внезапно, как будто пораженные сильной апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня». Государство опять теряло тысячи граждан.

Вскоре после этого произошло еще одно несчастье. Константинополь сотрясли подземные толчки. Это случилось зимой 557 года. Византийцы давали новогодние обеды по древнеримским обычаям. С севера дул пронизывающий ветер, в холодном небе мерцали звезды. «В среднюю стражу ночи, когда горожане предавались сну и покою, внезапно на них обрушилось это бедствие, — пишет Агафий. — Всё тотчас же было потрясено до самых оснований». Толчки постепенно нарастали. Это сопровождалось глухим равномерным гулом. Люди проснулись, кто-то выбежал на улицу. Со всех сторон неслись плач, стон и молитвы. По земле стлался густой туман «и был какой-то мрачный и бурный». Улицы наполнились перепуганным народом. Люди надеялись выжить на свободе, если дома начнут рушиться. Правда, некоторые экзальтированные христиане бежали в храмы и укрылись у алтарей. Небо заволкло облаками, пошел мелкий снег. Все ожидали смерти.

В приморской, «царской» части города дома и вправду начали обрушиваться один за другим. В других районах обваливалось ветхое жилье. Кое-где рушились мраморные колонны древних портиков и со страшным грохотом падали на жилые строения. «Много людей погибло», — сетует Агафий. Из знати скончался сенатор Анатолий. Ему на голову свалилась мраморная статуя, стоявшая в изголовье кровати. Сенатор умер мгновенно. Приводя этот случай, Агафий не может удержаться от назидания: богатого человека убила тяга к роскоши.

Днем толчки прекратились, и византийцы, шатаясь по улицам, как пьяные, обнимали знакомых и радовались тому, что остались живы. Общество находилось в состоянии крайней экзальтации. Знатные люди перестали преследовать чернь, начальники, «отказавшись от наживы, судили по законам», многие люди ушли в монастыри и пещеры и там молились. «Но как только бедствие ослабело и прекратилось, тотчас большинство возвратилось к привычному», — констатирует Агафий.

Юстиниан принялся восстанавливать пострадавший город. Строились дома, завозились материалы, архитекторы получили много работы. Неумолимый царь руководил ею. «Особенно же он заботился о величайшем храме Божиим», — замечает Агафий. Имелась в виду Святая София, до основания разрушенная землетрясением. Ее огромный купол рухнул на землю, и вместо произведения искусства взорам столичных жителей предстала уродливая и пыльная стройплощадка. Храм был возведен из жженого кирпича и извести, в нужных местах колонны и стены соединяли железные скобы. По мысли царя и его архитекторов, это должно было уберечь Софию от пожара. От пожара — да, но от землетрясения — нет. Архитектора Анфимия, проектировавшего собор, не было в живых. Восстановлением занялся Исидор. Проанализировав причину падения купола, он сократил его площадь. Купол «сделан был тогда действительно более прямым, легко обозреваемым, геометрически круглым, несколько, правда, более тесным и сдавленным, который не так прельщал красотой зрителей, как раньше, но был гораздо более прочным», — пишет Агафий.

Юстиниан мог быть спокоен. Город и храмы снова стояли на месте. Столица поражала своей красотой. Царь также позаботился об обороне, но стены успел восстановить только внутренние, ограждавшие густонаселенные районы города. Эти укрепления назывались Стена Феодосия.

За ней широко раскинулись утопавшие в садах предместья. Они уже сливались в районы, но между районами находились обширные пустыри. Поэтому император Анастасий в свое время оградил их еще одной стеной, однако войск для защиты такого огромного пространства не хватало, и стену забросили. Часть этих укреплений была разрушена. Никто не мог предположить, что уже скоро сюда хлынут варвары, а пространство между стеной Феодосия и стеной Анастасия станет ареной борьбы.

ГЛАВА 4. НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ

1. ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Покою не было. Старейший Юстиниан решал одну задачу, но тотчас возникали несколько новых.

В 540-е годы шаханшах Хосров и король Тотила создали мощную коалицию против византийцев. В нее вошли гепиды, готы, персы, «склавины» и западные болгары — кутургуры. Владения участников коалиции простирались от Каспия и Дона до Альп. Но Юстиниан переиграл всех, отбросил врагов и перессорил вчерашних друзей. Италия была захвачена, персам нанесено несколько поражений, гепиды запросили мира.

Но окончательный результат противостояния оказался во многом неожиданным. В результате Готских войн обозначилось два победителя: византийцы и «склавины». Славянские вожди значительно расширили свою державу. Гепиды и кутургуры были их союзниками. Лангобарды вели себя тихо: им требовалось несколько лет мира, чтобы зализать раны.

В то же время ничего не слышно о днепровских ругах, «русичах». На чьей они были стороне? Историки хранят по этому поводу молчание. Логично предположить, что эти враги готов выступили против «склавинов» на стороне антов и византийцев. Тогда понятно молчание летописей. Ругов считали теми же антами и причисляли к союзникам византийцев. Поэтому среди антов мы видим и славянские, и германские имена.

Чтобы обеспечить северную границу, Юстиниан должен был отбросить «склавинов» и кутургуров. Он сделал это чужими руками. В 551 году византийцы заключили союз с кубанскими болгарами (утургурами) и стали снабжать союзников шелком и золотом. В степи запылала война. Кстати, некоторые ханы утургуров носили славянские имена. Известный российский славяновед С. В. Алексеев полагает, что это — следы союза, заключенного между «кубанцами» и антами.

Кутургуров возглавлял хан Заберган, утургуров — хан Сандилх. Оба имени — условны, они дошли до нас в ромейской транскрипции. Но это лучше, чем ничего. Например, тогдашних предводителей «склавинов» мы вообще не знаем.

Борьба между двумя болгарскими ханами продолжалась 7 лет. Ее подробности опять-таки неизвестны. Ясен лишь результат: «склавины» разбили антов, а утургуры нанесли несколько поражений кутургурам. Правитель кутургуров Заберган откочевал к самому Дунаю и здесь получил помощь от «склавинов». Анты были настолько парализованы неудачами последних лет, что заключили мир и обрели покой. Возможно, они стали данниками «склавинов».

Заберган был обозлен из-за поражений и находился на грани отчаяния. У него не было средств, не было земель, были только воины, такие же отчаявшиеся, как и сам хан, готовые на всё. Вдруг стало ясно, что главный враг — коварная безжалостная Византия. У Забергана возник замысел ограбить ее. Возможно, эта идея родилась на совместных советах с князьями «склавинов». Славяне тоже заглядывались на византийские богатства. И тоже понимали, что сильная империя опасна для них. Момент для вторжения был выбран удачно — как раз после чумы и землетрясений.

2. ЗАБЕРГАН

Зимой 558 года болгарская конница перешла Дунай по льду и вторглась в пределы империи в районе Малой Скифии (современная Добруджа). Болгарских конников сопровождали большие отряды славянской пехоты. Один из главных наших источников, Агафий, ничего не говорит о наличии славян, но это не значит, что их не было. Просто Заберган был предводителем похода и главным лицом в армии. Второстепенных лиц византийские авторы проигнорировали. Славяне для них стали тоже болгарами, коль скоро воевали под знаменами болгарского хана.

Из Добруджи болгары и славяне проникли во Фракию (март 559 года). Придунайские земли ромеев лежали в запустении. Народ частью вымер от чумы, частью попрятался в городах. Оборона тоже была дезорганизована из-за приступа «черной смерти». Юстиниан не успел восстановить линию фронта.

Часть болгарской орды двинулась на Херсонес Фракийский, а часть отправилась в Грецию. Перешеек Херсонеса ограждала стена от моря до моря, за нею лежали купеческие и ремесленные городки, которые можно было разграбить.

Заберган думал с помощью славян начать набеги на побережье, но для этого нужно было взять стену с налета, что сделать не удалось. Тогда хан еще раз поделил войско. Большой отряд (возможно, славянскую пехоту) он оставил осаждать Херсонес Фракийский, а сам с главными силами болгар (может быть, 15–18 тысяч конных воинов и небольшое число славян) отправился прямо к столице империи — Константинополю.

Для византийцев это нападение стало неожиданностью. Часть их войск находилась в Испании, главные силы сражались в Лазике и стояли на восточном фронте. Наконец, император полагал, что кутургуры скованы из-за войны с утургурами, и границе ничто не угрожает. События на Дунае развернулись слишком стремительно.

Болгары опустошали Фракию, хватали пленных, грабили имущество. «Жесточайшим образом похищались... многие благородные женщины и даже ведущие непорочную жизнь подвергались величайшему бедствию, становясь жертвой разнузданной страсти варваров», — ужасается Агафий. Византийские отряды, стоявшие на пути, были разбиты. Началась паника. Юстиниан приказал снять все золотые украшения с храмов, которые находились в окрестностях Константинополя и не были защищены. Затем он попытался собрать войска и навести порядок в столице.

Враг подошел к Длинным стенам, которые были основательно разрушены последним землетрясением. Они даже не охранялись. Да и армия была не та, что в начале правления великого базилевса.

«В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но, сведенные к ничтожной части, далеко не соответствовали величине государства, — сетует Агафий. — Ибо всё римское войско должно было насчитывать шестьсот сорок пять тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва составляло сто пятьдесят тысяч, и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у колхов, в Александрии и Фивах египетских. Небольшая часть была расположена и на границах персов. Там не было нужды в больших силах, благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству».

Это важное известие о численности войск. Его нужно разделить на два — для Восточной и Западной империи. Следовательно, в Византии армия должна была насчитывать 322 тысячи солдат. Современные историки полагают, что Юстиниан сократил войска потому, что экономил деньги, которые разворовывались бюрократами. Эдвард Люттвак ставит под сомнение это утверждение. Правда, возникает вопрос: действительно ли в начале царствования Юстиниана у ромеев было 300 тысяч солдат? Сомнительно. Забудем на время гипотезу о чуме, которой мы, вслед за Люттваком, уделили много внимания. Похоже, что византийская армия в VI веке значительно сократилась, но причиной этого сокращения было прежде всего изменение тактики. Римляне делали ставку на пехоту, ромей — на конных стрелков, которых не могло быть очень много. Конечно, чума тоже сыграла свою роль в сокращении легионов. Но это ставит под сомнение всю концепцию Агафия!

Миринеец в общем-то симпатизирует Юстиниану. Однако этот молодой интеллигент передает зачастую не факты, но общественное мнение, тем более что последние книги своего сочинения пишет в эпоху нового императора, православного фанатика и законченного бюрократа Юстина II, при дворе которого к деятельности Юстиниана относились скептически. Любое общество устает от правителей-долгожителей. Иногда это приводит к бунтам. После Юстиниана бунта не произошло, но это не значит, что царя обожали все поголовно.

Французский византинист Шарль Диль сравнивает эпоху Юстиниана с веком Людовика XIV. «Король-Солнце» провел в молодости

несколько удачных войн, а под конец правления стал вялым, неэнергичным, развалил армию, окружил себя взяточниками и проиграл войну за Испанское наследство. Но Юстиниан был другим. Гипотеза Люттвака о чуме как причине развала армии ближе к истине. Добавим к этому природные катаклизмы, усталость византийцев от бесконечных войн и элементарный стратегический просчет базилевса: внимательно следя за сражениями в Лазике, Италии, Испании, дряхлеющий император проглядел события на Дунае. Он недооценил мобильность и боеспособность западных болгар и переоценил талант своих дипломатов. В острый момент дунайская граница империи осталась без защиты.

...Заберган раскинул лагерь около селения Мелантиады, которое находилось внутри Длинных стен у речушки Атирас. Население Константинополя охватило ужас. Обывателям мерещились осады, пожары, голод. Юстиниан расставил на стенах всех кого только мог: полицейских, ополченцев, дворцовую стражу. В ней тогда служили богатые сынки, которые придавали блеска императорским выходам. За эту привилегию они платили деньги в казну, но в военном отношении ничего собой не представляли. Единственная надежда была на то, что эта «ватиканская гвардия» устроит болгар одним своим видом. Так и случилось. Болгары не решились штурмовать мрачные высокие стены Константинополя, увидев на них тысячи защитников. Заберган ограничился грабежом окрестных селений. Хан рассчитывал взять дань и уйти. То есть повторить то, что делал Хосров в 540 году во время памятного набега на Сирию. Но хан просчитался. Сдаваться византийцы не собирались, платить дань — тем более. Впрочем, положение было скверное.

3. ВЕЛИСАРИЙ

Тогда Юстиниан вспомнил про своего давнего соратника и подчиненного Велисария. Одряхлевший от старости полководец влачил дни в Константинополе, в достатке, но абсолютной безвестности, далекий от суеты двора и военных испытаний. Всё, чем мог развлечься великий старый ромей, — это чтение рассказов о собственных подвигах и несчастьях, которые Прокопий Кесарийский изложил в своих монографиях. Можно вообразить радость, с какой помчался во дворец отправленный на пенсию полководец, как только Юстиниан вызвал его к себе. Велисарий снова необходим стране!

Юстиниан возложил на него командование скудными войсками, расквартированными в Константинополе, и Велисарий с радостью принял назначение. Опять придется сражаться в меньшинстве, но это

пустяки. Было время — полководец с небольшим войском разбил готов под стенами Первого Рима. Теперь настало время разбить болгар у ворот Нового Рима — Константинополя. «Итак, он снова надевает уже давно снятый панцирь, а на голову шлем, и возвращается к привычкам, усвоенным им с детства, возвращает память о прошлом и призывает прежнюю бодрость духа и доблесть», — пишет Агафий с нескрываемой любовью к старому военачальнику. О подвигах Велисария говорила вся страна, на его примере воспитывали молодежь. Агафий, как и все, поддался обаянию великого человека.

Полководец начал действовать. Он вывел из столицы 300 воинов. Эти триста человек были, скорее всего, ветеранами Велисария, хотя и не его частной гвардией. Помимо них он вооружил несколько тысяч ополченцев, но эта толпа была плохо обучена. К популярному генералу сбежались жители предместий. Полководец занял выгодную позицию и стал ждать неприятеля.

Первым делом Велисарий укрепил лагерь и разослал повсюду разведчиков, чтобы знать о малейшем движении неприятельской армии. Ночами византийцы зажигали множество костров, чтобы напугать врага мнимой численностью своих полков. Заберган был озадачен, поверил этой нехитрой уловке и на какое-то время прекратил набеги. Возможно, он уже раскаивался в своем решении напасть на Константинополь. В свою очередь, хан разослал повсюду разведчиков и стал ловить византийцев, чтобы добыть у них сведения. «Языки» были взяты, допрошены и сказали правду о том, что византийцев немного. Должно быть, Заберган рассмеялся, выслушав эти речи. Как мог он купиться на хитрость Велисария!

Хан выделил 2000 воинов и начал с ними наступление на ромеев. Болгары шли по дороге, вдоль которой густо рос кустарник, ветвились деревья... Велисарий спрятал там 200 всадников. Крестьянам и горожанам «он приказал выступить с сильным криком и стуком оружия». С отборной сотней воинов сам полководец разместился в центре. Вероятно, Юстиниан успел перебросить еще какие-то подкрепления, и Велисарий создал из них центральный полк, который должен был принять главный удар.

Сражение развивалось стремительно. С дороги варваров атаковали ромен, появившиеся из засад. Как только ряды болгар дрогнули, на них напал сам Велисарий. За его дружиной шли ополченцы с шумом и криками.

Болгары сгрудились и утратили главное преимущество — маневр. Некоторое время они пытались сопротивляться, а потом побежали.

«От страха их покинуло даже то искусство, которым они привыкли гордиться, — говорит Агафий. — Обычно эти варвары, быстро убегая, поражают преследующих, поворачиваясь назад и стреляя в них. Тогда стрелы сильно поражают намеченную цель». Но теперь они не стреляли. Византийцы перебили 400 кутургуров, а сами почти не понесли потерь. Из отборной дружины вообще никто не погиб.

Наконец выносливые кони умчали Забергана и его болгар в лагерь. Византийцы отстали. Ночью из болгарского становища доносились вопли скорби: варвары резали себе щеки ножами, «выражая тем, по обычаю, свою горесть». На другой день Заберган отступил от стен византийской столицы. Велисарий хотел его преследовать, но по приказу Юстиниана вернулся в Константинополь. Базилевс опасался, не уловка ли это со стороны болгар. Вскоре Заберган снял осаду и ушел во Фракию.

Столичная чернь превозносила Велисария как героя. Этим воспользовались завистники, чтобы очернить полководца в глазах Юстиниана. Постаревший император сделался ревнив и подозрителен.

Впрочем, Велисария просто вернули в поместье, где полководец продолжил жизнь частного человека. Юстиниан был мнителен, но не свиреп.

4. БОЛГАРЫ

Другая часть болгар и славян осаждала Херсонес Фракийский. Византийскую оборону возглавлял молодой офицер по имени Герман сын Дорофея.

У Германа имелось достаточно войск в Херсонесе. Это говорит лишь о том, что военный просчет Юстиниана относительно действий болгар не был абсолютным. Император не ожидал от Забергана наглого нападения на Константинополь и не подготовил столицу к отражению удара, а вот нападения на Херсонес почему-то ждал. Герман удачно оборонял стены. Осаждавшие перешеек славяне задумали переплыть море на плотках и напасть на защитников Херсонеса с тыла, высадив десант. На плоты погрузились 600 славян и отправились в плавание. Византийские разведчики вовремя предупредили Германа, что славяне, «неумело гребя», приближаются со стороны моря. Герман вывел в море 20 небольших кораблей с двойной кормой. Сражение оказалось быстрым и бестолковым. Ромеи «обрушились с большой силой на камышовые плоты, а те, отброшенные большой силой течения назад, носились и крутились по волнам, так что гребцы не могли на них удержаться». Славяне не умели плавать в море, а ромеи методично разрушали утлые плоты. В конце концов варвары оказались в холодной воде и утонули все до единого. Осада Херсонеса еще продолжалась, но дело осаждавших было проиграно.

Заберган пошел на переговоры с Юстинианом. Хан заявил, что уйдет с имперских земель, но при одном условии: пусть ромеи дадут ему столько же золота, сколько дают утургурам.

Юстиниан отказал. Заберган перегруппировал свои войска, подошел к ромейской столице и опять проник за Длинные стены. Юстиниан выставил воинов на внутренние укрепления. Болгарский хан несолоно хлебавши отступил в окрестности Адрианополя. Здесь он оставался до Пасхи 13 апреля 559 года, как свидетельствует в своем сочинении Феофан Исповедник. Константинополь готовился к новым боям. После празднования Христова Воскресения Юстиниан вышел из города, чтобы лично возглавить оборонительные работы. Император был стар, но энергичен. Он остановился в городке Силиврия и принялся восстанавливать Длинную стену. После того как укрепления подновили, Юстиниан выставил на них солдат.

К Забергану вернулся отряд, посланный в Грецию. Его остановили защитники Фермопил. В «Тайной истории» Прокопий писал, что Юстиниан распустил войска, охранявшие Фермопильский проход. У воинов Забергана сложилось на этот счет иное мнение: «несуществующий» отряд помешал болгарам разграбить Грецию. Дело в том, что вместо добровольцев, прежде охранявших Фермопилы, Юстиниан приказал делать это профессиональным солдатам. Эффект, как говорится, был налицо.

Не исключено, что в это время к Забергану пришли большие подкрепления славян и болгар из-за Дуная. Общая численность этой армии могла быть очень крупной, 40—50 тысяч воинов. Но и к византийцам подходили резервы. Поэтому болгары и славяне не решались штурмовать ромейские города, но грабили деревни и устраивали охоту на мирных жителей.

Юстиниан вызвал для руководства дунайскими войсками Юстина сына Германа. Молодой полководец хорошо справился с этой задачей. Вероятно, он вел маневренную войну, подробности которой, однако, остались вне поля зрения историков. Лишь Агафий в «кавказском» разделе своего сочинения упоминает о каких-то подвигах Юстина на Балканах и обещает о них рассказать подробнее, но обещание остается невыполненным.

Война словно забуксовала. Хан задержался на Балканах до августа 559 года. Может быть, он задумал остаться во Фракии и превратить ее в Болгарию, как это сделают его потомки под началом хана Аспаруха в 681 году? Не исключено. Однако Заберган переоценил силы. Сельская местность во Фракии была выбита и разграблена, но все крупные византийские

города держались. Болгары могли прожить грабежом несколько месяцев, не больше. Создать прочную базу к югу от Дуная им не удалось. Тогда Юстиниан собрал флот, который должен был войти в Дунай и прервать связь болгар со степью и славянскими землями. Этим изящным маневром император выиграл войну. Узнав о строительстве флота, хан сообразил, что пришла пора убираться с Балкан. Заберган похватал пленных из числа мирных жителей и заявил, что перебьет всех, если ему не заплатят выкуп. Вот тогда Юстиниан сдался. «Император послал им столько золота, сколько считал достаточным для выкупа пленных и для того, чтобы они мирно очистили территорию», — пишет Агафий. Это было меньше, чем ушло на подкуп утургуров, но сдался и Заберган. Он отпустил пленных. Интересно, что накал патриотизма у византийцев в 50-е годы VI столетия был очень высок, выше, чем у предыдущего поколения. Об этом говорит тот же Агафий, ворча о соглашении между болгарским ханом и базилевсом ромеев: «столичным жителям такое соглашение казалось низким, позорным и недостойным свободных людей». В адрес правительства и престарелого императора несли ропот. Почему враги дошли до самых стен столицы? Почему от них откупились золотом? Зачем империи такое правительство? Впрочем, разговорами всё и кончилось. А Юстиниан вскоре доказал, что не утратил дальновидности и его как политика рано сбрасывать со счетов.

Император срочно направил гонцов на Кубань, в страну утургуров. Гонцы везли письмо, адресованное хану Сандилху. В нем сообщалось, что Заберган получил много золота и требует еще больше. Так что Византия больше не сможет платить утургурам, тем более что они не защитили ее от набега.

Прочитав письмо, Сандилх пришел в ярость из-за коварства своего западного коллеги Забергана. Ограбить Византию! Попытаться присвоить золото, которое император шлет утургурам! В тот же день хан Сандилх приказал готовиться к походу на запад — против днепровских болгар.

Утургуры действовали стремительно. Заберган переправился через Дунай... и попал в ловушку. Его подждал Сандилх со своими головорезами. Состоялось сражение, в котором утургуры разгромили врага. Славянскую пехоту перебили, а западноболгарские всадники бежали, побросав обоз и золото.

Заберган мог бежать только в одно место: к «склавинам». Там он отсиделся и вновь собрал войско. У него было примерно 30 тысяч всадников, способных носить оружие. Не будет преувеличением предположить, что «склавины» могли выставить столько же воинов. То есть Византии угрожала действительно серьезная опасность, если бы славяне

и болгары объединились и напали на нее. Но Юстиниана винить не в чем. Император натравил утургуров на своих врагов. Вероятно, кубанцы имели опять же примерно 30—40 тысяч воинов. К ним присоединились 20—30 тысяч антов, и в степи вновь закипела жестокая война. Парадоксально, что резались друг с другом близкие родичи: славяне против славян, болгары против болгар. Эта резня продолжалась целый год и ослабила обе стороны. А с востока надвигалась новая опасность. Доходили слухи о появлении неизвестного народа — *тюркют*, который гнал перед собою своих врагов — племя *авар*. Появление аваров полностью изменит расстановку сил в южнорусских степях.

5. АВАРЫ

В 545 году, когда византийцы воевали с Тотилой за Рим, а Хосров Ануширван заключил перемирие с Юстинианом, в восточной части Великой Степи происходили важные события. Разбойничий Жужаньский каганат, объединивший современную Монголию и Бурятию, находился на грани распада. Каганы («императоры») выстроили жесткую систему по принципу орды и сильно притесняли окрестные племена.

Против жужаней восстали *тюркюты*. Это было монголоидное племя, говорившее по-тюркски и жившее в горах Алтая. Горы были богаты железом, в то же время имелись превосходные луга, пригодные для выпаса коней; поэтому тюркюты без труда создали тяжелую латную кавалерию. Их воины сражались в шлемах и длинных халатах с высоким воротом, а поверх халата надевали доспех. В бой шли под черным знаменем с золотой головой волка. К ним присоединились многие племена, недовольные властью жужаней.

В степи разгорелась война, жужани были побеждены, а тюркюты создали свой каганат и начали грандиозные завоевания.

В 552 году брат кагана тюркютов, хан Истеми, выступил походом на запад. Он покорил степи современного Казахстана, а у берегов Арала столкнулся с двумя племенами — *вар* и *хуни*. Византийцы называли их «*вархонитами*». Первое из этих племен было угорским, а второе — «туранским», то есть кочевым ираноязычным, вроде аланов. Они заключили союз, но потерпели поражение от тюркютов и бежали еще дальше на запад. Так возник новый народ, которому суждено было изменить судьбы Восточной Европы. Вархониты выбрали единого кагана. Им стал Баян (неизвестно, титул это или личное имя); наверняка это угр из племени *вар*. В 557 году *вархониты* объявились на Северном Кавказе. Здесь они столкнулись с сабирами, у которых была своя история. В IV веке

сабиры жили в Южной Сибири и бежали оттуда под натиском племени *абар*. Возникло недоразумение. Сабирьы приняли *вархонитов* за тех самых древних абаров. Каган Баян не спешил развеять эту иллюзию. Его союзниками в Предкавказье стали аланы — тоже потомки древних туранцев, родственные племени *хуни*. Сабирьы потерпели разгром и с тех пор утратили гегемонию в северокавказских степях.

Вскоре до славян и византийцев дошел слух о появлении нового племени. Византийцы звали его *авары*, привычно смягчая букву «б». Славяне назвали новое племя «*обры*», ближе к древнему звучанию. У аваров было примерно 20 тысяч всадников — крупная сила, хотя и уступавшая численно тем же болгарам.

В 558 году авары направили посольство в Константинополь. Они просили земель для поселения и предлагали союз. Юстиниан союз принял, а в землях отказал. Император рассчитывал использовать аварские войска в борьбе с кутургурами.

Основные сведения об этих событиях содержатся в сочинении византийского автора Менаандра, однако оно дошло до нас в отрывках, которые позволяют наметить лишь общую канву, исключая подробности.

Баян опасался, что его догонят тюркюты, и был прав — тюркютские отряды уже выходили к реке Урал. Поэтому он оставил аланам предкавказские степи, а сам двинулся к берегам Днепра. Здесь каган обнаружил войну: на Дунае и Днепре шли бои, кутургуры резались с утругурами, причем Заберган терпел тяжелые поражения в этой борьбе.

Поздней осенью 559 года Баян вмешался на условиях, что кутургуры покорятся аварам. Хан Заберган принял ультиматум и стал подданным Баяна, тем более что каган, вероятно, был угром, как и сам Заберган. Утургуры были разгромлены и частью истреблены, частью включены в состав аварской армии. Впрочем, удержать прикубанские земли у Баяна не было сил, и часть утургуров сохранила свободу.

Между Доном и Дунаем возник Аварский каганат. Он стал северным соседом Византии. При этом Заберган предложил аварам разгромить антов, чтобы обеспечить тылы. Отсутствие прочного тыла сделалось кошмаром для беглецов-аваров. Баян принял предложение и обрушился на антов войной. Один из главных вождей антов, Мезамир, приехал к кагану для мирных переговоров, но вел себя дерзко и был убит. Больше у потомков антов — сербов и хорватов — никогда не было единого вождя, народ разделился.

Столкновение с аварями оказалось стремительным и ужасным. Подробности опять неизвестны. Может быть, союзниками аваров выступили

«склавины»? Такое возможно, ведь они были друзьями Забергана. Так или иначе, союз антов был разгромлен и погиб в кровавой борьбе. Уцелела лишь часть, уличи и тиверцы, которые подчинились аварам. Сербь и хорваты бежали к «склавинам» и подчинились им. Первый разгром антов С. В. Алексеев датирует 560 годом, и с этой датой можно полностью согласиться.

Победы аваров насторожили Юстиниана. Баян разбил двух союзников Византии — утургуров и антов. Зато кутургуры, только недавно стоявшие под стенами Константинополя, оказались друзьями Баяна. Ясно, что с севера на Византию надвигалась гроза. Старый император опасался войны. Он искал способ отодвинуть аваров от своих границ.

Баян настойчиво требовал у ромеев землю для поселения. Он мечтал получить степные угодья к югу от Дуная, в Малой Скифии. Возможно, эту идею подсказал всё тот же Заберган, который хотел вернуть потери после своей неудачной эскапады, когда он позорно проиграл сражения под Константинополем и Херсонесом, а затем потерял добычу во время переправы через Дунай. Заберган чувствовал себя жертвой хитрости византийцев и жаждал отомстить.

Но старый опытный Юстиниан был опаснейшим противником. Император искусно повел переговоры с аварскими послами. Дать землю в Скифии он отказался, однако взамен «даровал» аварам Дакию и Паннонию. Там жили гепиды. Вот на этих-то «последних готов» Юстиниан и хотел натравить аваров, что вполне удалось. Союзные византийцам лангобарды выступили с аварским каганом против гепидов, война затянулась на несколько лет. Император жонглировал народами и отводил как мог опасность от Византии.

Переговоры между аварами и ромеями продолжались весь 561 год. В это время Баян пытался найти дорогу на запад, чтобы окончательно оторваться от тюркютов. Один аварский отряд даже достиг Тюрингии, где был разбит королем Австразии **Сигебертом (561—575)**.

Баян колебался. Его кутургурские друзья советовали напасть на Византию. Он прощупал силы ромеев. В 562 году отряды болгар вторглись за Дунай и достигли Фракии. Юстиниан выдвинул войска к великой реке и перекрыл доступ варварам. К этому времени Италия покорилась, а войны с персами забылись как дурной сон. Базилевс стянул войска на Балканы и готов был вести большую войну против аваров... Баян отступил. Теперь он задумал поселиться в Паннонии, на месте древних гуннов. Но дорогу преграждали «склавины». Значительная часть их жила в современной Молдавии и Валахии. Это был дочерний славянский союз «дунайцев», его возглавлял князь Добрыта,

который, в свою очередь, подчинялся вождям волинских дулебов. Вероятно, «склавины» сами претендовали на паннонские земли гепидов. Союз между аvaraми и славянами распался.

Баян решил сохранить мир с Византией и окончательно порвать со «склавинами». Эта политика шла вразрез с планами Забергана, имя которого в это время загадочным образом исчезает со страниц хроник. Возможно, своевольный болгарский хан был убит.

Авары отправили послов к дунайцам и предложили покориться. Добрята ответствовал:

— Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужим, а не другие нашим. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи.

Слово за слово, «склавины» перебили аварское посольство. Баян стерпел обиду, потому что не считал себя готовым к войне. И это странно, ведь каган только что хотел напасть на «склавинов». Возможно, у него появился новый враг. Например, возникла угроза восстания уцелевших антов. Или болгары Забергана (неважно, был он к тому времени жив или нет) отказались выступить против своих недавних славянских союзников.

Авары ограничились тем, что стали выдаивать Византию. От Юстиниана Баян добился денежных субсидий в обмен на мир. Прежде чем осуждать византийского царя, задумаемся: какова была численность армии Баяна? Двадцать тысяч аваров, примерно 10–20 тысяч утургуров, столько же — кутургуров. Итого — не меньше пятидесяти тысяч всадников. Приплюсуем к этому ополчения покоренных славян... Юстиниану было чего бояться. Но в то же время ему удалось удержать равновесие на Дунае. Пока был жив базилевс, авары не смели нападать на Балканы. В Византии сохранялись мир и спокойствие. Это был последний подвиг старого императора на балканском фронте.

ГЛАВА 5. ВОЙНА В НЕБЕ

1. ТРИ ПУТИ ХРИСТИАНСТВА

Мы подробно рассказали обо всех войнах Юстиниана, но была еще одна, которую император вел в продолжение своего царствования. Это война в небе. Впрочем, вел ее император на земле, да и цели преследовал вполне земные.

История борьбы Юстиниана с еретиками подробно изложена в книге русского богослова А. П. Лебедева «Вселенские соборы VI, VII и VIII веков» и в сводной работе священника Иоанна Мейендорфа

«Единство империи и разделения христиан. Церковь в 450—680 годах». Это первая часть двухтомника, посвященного истории Православной церкви. Мейендорф жил и работал в США. Возможно, поэтому его выводы относительно Юстиниана холодны и как-то отстраненны. Складывается впечатление, что он следует традиции Гиббона, словно работу по церковной истории писал не православный батюшка, а протестантский пастор. Тем не менее она хороша и пригодна как фундамент для дальнейшего исследования. Мы будем пользоваться именно Мейендорфом для изложения коллизий «битвы за небеса», которую вел Юстиниан против части своих подданных.

Но прежде напомним расстановку сил. В первую половину царствования Юстиниан пытался найти общую формулу, чтобы примирить монофизитов и халкедонитов, которые считали православными только себя. В этом царя поддерживала верная Феодора. После смерти жены мало что изменилось. Юстиниан по-прежнему старался найти платформу для примирения. Дело шло туго. Монофизиты создали подпольную Церковь, которая объединяла общины в Египте, Сирии и Армении. Сперва этой Церковью управлял Феодосий Александрийский, а после его смерти — Яков «Тряпка» (Барадей). К востоку от монофизитов, в Месопотамии и части Сирии, распространилось несторианство.

Халкедониты обитали в Гесперии, на Балканах и на западе Малой Азии. Они задавали тон в религиозных дискуссиях. Если бы Юстиниан выступил против монофизитов, он потерял бы восточные области. Если бы отверг православие — потерял бы империю.

2. ЮСТИНИАН ПРОТИВ ОРИГЕНА

Прокопий подвергает сомнению православие Юстиниана. Дело не только во вздорной легенде о безголовом императоре, блуждавшем впотьмах по переходам дворца. Например, Кесариец говорит, что однажды Юстиниан воздвиг гонения на Фаустина, тайного самаритянина, который ради карьеры перешел в христианство. Фаустин был разоблачен как приверженец израильского религиозного культа. Но он предложил взятку императору, и тот спас его: пронырливый еврей был помилован. Правда это или Прокопий как обычно перетасовывает факты, чтобы запутать читателя? Неясно, но одного Кесариец достиг: у более поздних авторов появились сомнения относительно православия императора. У нас подобных сомнений нет.

Базилевс был очень умен, и его ум искал применения в разных областях. Одной из них стало богословие. Во времена Просвещения,

в XVIII веке, европейские историки потешались за это над императором. Они полагали, что человек VI века должен иметь те же вкусы и предпочтения, что и развращенный философ XVIII столетия. Мы уже показали всю важность религиозных споров во времена Юстиниана. Это был способ обретения идентичности для одних и средство сохранить империю — для других. Внешние причины для споров были самые разные. Некоторые из них вообще не находили объяснения. Такой стала «оригенистская загадка» Юстиниана. Однажды император без видимых причин вдруг обрушился на последователей давно умершего философа Оригена.

Ориген (ок. 185 — ок. 254) происходил из Александрии, принял христианство и попытался его систематизировать. Это был первый крупный христианский теолог. В итоге он пострадал за веру: при императоре Деции философ был брошен в тюрьму и казнен, то есть сделался мучеником.

Одна из крупных заслуг Оригена перед христианами в том, что ученый впервые показал разницу между древнееврейским Ветхим Заветом и христианским Новым. Ориген понял, что евреи и христиане молились разным богам. Он провел текстологический анализ Библии и обнаружил, что Моисей воздавал молитвы огненному кусту, тогда как Бог Нового Завета — нетварный свет. Евреи приносили своему божеству жертвы, включая человеческие (вспомним знаменитый эпизод с сыном Авраама, впоследствии послуживший основой для мусульманского праздника курбан-байрам, когда вместо человека в жертву приносят барана). Христианский Бог — это Любовь, Он милосерден.

Интуиция не подвела философа, но можно пойти дальше. Древние евреи молились «*элохим*», то есть многим «богам», «аллахам». Православные веруют в Троицу. Это абсолютно разные вещи. И всё бы ничего, если бы Ориген остановился на этом. Но дальнейшие размышления увлекли его в сторону от христианства, и безобидный вроде бы философ стал крайне опасен. Он примкнул к так называемым *гностикам* — адептам «чистого знания». Гностики толковали Библию иносказательно, то есть как угодно. Бога они воспринимали как отвлеченную субстанцию — Его вроде и не было. Жизнь виделась чередой страданий. А смерть — очищением и возможностью слиться с Божественным Духом. Лев Гумилев называет это антисистемой. Ее главная примета — жизнеотрицание. Антисистем очень много, называются они по-разному, распознать их бывает трудно. В самом деле, что общего между средневековыми сатанистами и манихеями, катарами и ассасинами? Отрицание жизни, а значит, торжество вакуума, который Лев Гумилев считал физической ипостасью Сатаны.

Последователи Оригена долгое время маскировались под православных, однако отравляли чистое учение о воскресении всякими новшествами. Например, они говорили: Бог настолько милосерден, что простит в день Страшного суда вообще всех. Это логично вытекало из их учения. Коль скоро Бог не вмешивается в нашу жизнь, его фактически нет. А значит, нет и загробного наказания; вот что крылось за этими лукавыми фразами. Но небесные воззрения сразу переносятся на землю. Если нет наказания, то не всё ли равно, как ты себя ведешь при жизни? Прощены будут все: праведники, негодяи, садисты, маньяки... Такие взгляды опасны для общества. И вот праведники-оригенисты оборачиваются преступниками, антисоциальными людьми, которые проповедуют безнаказанность. Красивая идея становится уродливой.

Последователями Оригена часто становились эллины — разочаровавшиеся во всем адепты античности. Эллинов преследовали за язычество, тогда они стали искать лазейки в христианстве, чтобы сохранить свою идентичность. А поскольку эти стершиеся осколки античного мира искали запретных и извращенных знаний, оригенизм им как раз подошел. Там были привлекательные вещи: несколько степеней посвящения, тайная доктрина, аллегорическое толкование христианства... Эллины превращались в сектантов.

Первые сигналы об оригенистской опасности Юстиниан получил еще в начале царствования от палестинского подвижника — святого Саввы. Этот 92-летний аскет жил в Палестине, однако был согнан оттуда еврейским восстанием и арабскими набегами, после чего отправился в Константинополь, дабы рассказать императору всю правду о положении дел на Востоке. Кроме того, Савва пытался поведать об оригенистах, которые обосновались в Палестине и притворяются христианами. Оказывается, целая община этих людей собралась возле Вифлеема и пропагандирует лжеучение!

Первым делом Савва обратился за помощью к своему земляку — богослову Леонтию Византийскому (ок. 485 — после 541), который родился в Иерусалиме, а затем переселился в Константинополь. Этот Леонтий в молодости склонялся к несторианской ереси, но затем объявил себя православным. Однако его обращение к ортодоксии не было искренним. Побеседовав с Леонтием, святой Савва с ужасом обнаружил, что перед ним тайный оригенист. Но трогать его было нельзя: Леонтий обзавелся связями в столице и сделался популярен. Что касается Саввы, то старец вскоре скончался, а его старания пропали втуне. Даже основанная им в Палестине обитель была захвачена оригенистами. Таково начало проблемы.

Юстиниану в то время было не до ересей: он вел жестокую политическую борьбу с сенаторами, которая закончилась восстанием «Ника». Между тем оригенисты усиливались в столице за счет тех же сенаторов и наследников эллинской мудрости. Леонтий был одним из главных мудрецов, обладавших тайным знанием. Он действовал очень хитро, поэтому неудивительно, что вредная работа еретика обнаружилась далеко не сразу. На словах Леонтий являлся самым деятельным халкедонитом. Он написал даже несколько трактатов в защиту Халкедонского собора, против монофизитов и несториан. Кроме того, он осмелился предложить оригенистское учение Юстиниану, обещая соединить несториан, халкедонитов и православных. Если бы император принял отравленный плод, империя бы погибла. Но Юстиниан отказался. Он верно почуял, что тайная доктрина оригенистов чужда двум основным течениям в христианстве: монофизитам и халкедонитам.

Успехи Леонтия вдохновили оригенистов в Палестине. Они подняли мятеж и выступили с собственными тезисами (539). Реакция правительства была жесткой, хотя и недостаточно быстрой. Эта медлительность, как и многое другое, опровергает расхожую версию о тирании Юстиниана. Нет нужды оправдывать царя: он допустил массу ошибок. Но вовсе не тех, в которых его обвиняют...

Против оригенистов выступили монофизиты. Они обвинили последователей Оригена в несторианстве. Это было примитивно, но в целом верно. Монофизиты поняли, что перед ними — опасные чужаки.

К слову, в романе Валентина Иванова «Русь изначальная», где многое угадано, но многое перепутано, взгляды оригенистов приписаны именно несторианам. Причем сама императрица Феодора, умная и циничная, исповедует «тайную доктрину». Разумеется, это полная чушь: Феодора не была таким монстром, каким хочет ее изобразить романист. К тому же она являлась православной христианкой и причислена к лику святых. Но оставим писателю право на вымысел, тем более что роман, как его ни критикуй, очень хорош.

Юстиниан тоже оказался на высоте задачи. В самом деле: с монофизитами всё было ясно, а изобличение новой ереси требовало огромных интеллектуальных усилий. Дело в том, что между оригенистами и монофизитами пролегла незримая грань. Монофизиты были хоть и раскольники, но свои, а оригенисты — чужие. Первых считали заблудшими, которые неправильно толкуют Писание. От вторых веяло холодом Сатаны. Юстиниан и Феодора сознавали это.

В Газе собрался поместный собор, на котором оригенистов подвергли критике. В Константинополь понеслись письма с просьбами к императору унять еретиков.

Юстиниан ответил на это весьма оригинально: он взялся за изучение ереси, а затем написал трактат против оригенистов и адресовал его патриарху Мине, рекомендовав наказать еретиков 10 анафематизмами. Это сочинение, не дошедшее до наших дней, увидело свет в 543 году.

Современные историки вслед за просветителями XVIII века часто обвиняют Юстиниана в излишнем пристрастии к богословию. Мол, к чему были выступления против Оригена? Разве император не мог оставить церковникам борьбу с ним? Ограниченные обыватели очень часто судят предков с собственных позиций. Нам кажутся чуждыми и смешными споры о православии. Но для византийцев они были столь же реальны, как окружающая действительность. Это один из способов обрести себя в меняющемся мире, найти идею, которая бы помогла выжить. Сегодня ведущие страны Запада руководствуются другими идеями — капитализма и парламентской демократии. Но кто поручится, что они не будут смешны через полторы тысячи лет — а может быть, даже завтра?

Юстиниан разобрался в учении Оригена, вник в воззрения его наследников и обнаружил, что имеет дело с религиозной антисистемой.

Ориген полагал, что Господь вечно творит души, соединенные в созерцании сущности Бога, но разъединившиеся после падения. Души «предсуществуют» и когда-нибудь воссоединятся с Богом. Это не христианство, здесь нет морали. По большому счету, здесь нет даже Бога, которому отведена роль «сотворителя душ» или «умов». Перед нами космические силы, но это не религия, а атеизм. Гениальный Юстиниан разобрался в вопросе и потому вступил в борьбу с учением Оригена.

Справедливости ради нужно сказать, что идеи Оригена были осуждены еще в 400 году на церковном соборе в Александрии, но многие эллинизированные монахи находили в них пищу для ума. Это была секта, обладавшая, как считали ее приверженцы, «высшим знанием». Сектанты искусно маскировались под православных и провозглашали принципы мира и добра, но это не должно вводить читателя в заблуждение. Любая политическая партия и религиозная группа рассуждает о добре и справедливости. Редкий злодей сознается в том, что несет зло. Судить нужно по делам. Но Юстиниан был терпелив и бил врага его же оружием, находя противоречия в намеренно мутных рассуждениях оригенистов.

Например, у православных возникает вопрос к сектантам: как они относятся к Христу? В богословии до сих пор имеется важный подраздел — христология. Последователи Оригена утверждали, что «ум»

Христа тоже предсуществовал, но с оговоркой: душа Христа не познала грехопадения, а потому не разъединялась с Богом. Следовательно, в Христе воплотилось совершенное «предсуществующее» человечество... Повторимся: эта ересь вообще не имела отношения к христианству.

Мина созвал поместный собор в столице, на котором осудил идею предсуществования душ и прочие мысли еретиков (543 год). Правда, это вовсе не означало каких-то серьезных гонений. Один из крупных оригенистов, епископ Кесарии Каппадокийской Феодор Аскида, жил в столице и пропагандировал философские идеи Оригена. Юстиниан считал безвредным этого мыслителя, хотя и не поощрял его штудий. Вскоре Феодор подвергся атакам монофизитов. Они объявили епископа тайным несторианином. Юстиниан парил над схваткой, но внимательно следил за расправами столичных ученых.

Императора больше беспокоили события в Палестине. Оригенисты рекрутировали в свои ряды эллинизированное население этого края, которое отделялось таким образом от евреев и христиан. Волнения в Палестине продолжались еще десяток лет, до тех пор, пока не освободился патриарший престол в Иерусалиме. В тамошние патриархи был возведен оригенист Макарий (552). Это вызвало такие протесты у православных, что Юстиниану пришлось вмешаться. Макария низложили. Новым патриархом сделался твердый в православии Евстофий. Тогда взбунтовались оригенисты. В Палестине началась такая борьба, что Евстофий даже не присутствовал на Вселенском соборе, который состоялся в следующем году. Собор окончательно осудил Оригена, хотя главная идея религиозного форума была другой: примирение с монофизитами. С этим вопросом тесно связано так называемое «дело о трех главах», о котором расскажем ниже. Что касается оригенистов, то их удалось окончательно сломить в 553 году. Открытые выступления еретиков подавляла гражданская власть, а религиозных активистов рассылали по монастырям и подвергали изоляции церковники. Ересь была разгромлена.

3. ТРИ ГЛАВЫ

В V веке жили в Восточной Римской империи три епископа — Феодор Мопсуэстийский, Феодорит Киррский, Ива Эдесский. Все трое много писали, причем сочинения их были противоречивы. Когда состоялся Халкедонский собор, разделивший монофизитов и диофизитов, перечисленные епископы были отнесены к числу диофизитов, то есть истинно православных. Их православие признали, в частности, западные иерархи Церкви включая римских пап.

Лишь через несколько десятков лет после смерти епископов некоторые церковные мыслители подняли вопрос, что Феодор Мопсуэстийский, Феодорит Киррский, Ива Эдесский в некоторых своих сочинениях проповедовали несторианство, а уже затем присоединились к православным. Громче всех об этом говорили монофизиты. Юстиниан столкнулся с серьезной проблемой: оставить всё как есть или осудить Феодора, Иву и Феодорита, чтобы получить шанс на примирение с монофизитами?

В XXI веке легко понять, каковы «партийные» предпочтения того или иного епископа. В V и VI веках дела обстояли не так. Достаточно пролистать страницы хроник того периода. Каждая секта называет себя православной, религиозная жизнь бурлит, проповедники спорят друг с другом, Вселенские соборы принимают важные решения. На кону стоит бессмертие души и правильный путь спасения... Поэтому положение Юстиниана было гораздо сложнее, чем принято думать. Он жил в странном изменчивом мире, где все думали о спасении души, но спасались по-разному. Причем многие готовы были ради спасения разрушить зыбкий земной мир и уничтожить империю... Пытливый ум Юстиниана лихорадочно искал выход.

Наконец он решил осудить «три главы» (то есть три сочинения) Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Киррского, Ивы Эдесского, в которых содержались несторианские постулаты. Впоследствии дело о «трех главах» стали рассматривать как дело против «трех голов, вождей», допустивших еретические высказывания.

* * *

Монофизиты постоянно обвиняли сторонников Халкедонского собора в несторианстве и использовали дело «трех глав» как одно из доказательств.

В ответ Юстиниан как последовательный православный выступил с осуждением «трех глав». Император высказался об этом еще в 543 году в своем сочинении против Оригена. Тем самым он приглашал монофизитов к примирению. Компромисс выглядел так. Правящая Церковь осудит несторианские высказывания трех авторов, а монофизиты признают решения Халкедонского собора, после чего православные вновь воссоединятся. Но не тут-то было.

Из-за осуждения «трех глав» разгорелся конфликт. Взбунтовались западные епископы и сам римский папа. Папой в то время был ставленник Юстиниана — Вигилий, римский аристократ, проживший 4 года в Константинополе и показавший себя человеком лояльным по отношению к религиозным взглядам императора. Папа не был аскетом, любил хорошо

поесть, обладал солидной комплекцией. Это шло ему в плюс. Феодора и Юстиниан считали, что таким человеком легче манипулировать.

Но за Вигилием стояли миллионы верующих, а рядом с ним находились непримиримые западные епископы. Они отказались вдаваться в нюансы религиозной борьбы. Живой ум византийцев искал новое и стремился проникнуть мыслью едва ли не на Небо. Усталый западный мир жил сухими формулами и однажды принятыми решениями. Халкедонский собор принял Иву, Феодора и Феодорита. Значит, их сочинения православны. Всё просто.

Юстиниан был в отчаянии. Опять западные иерархи мешали попыткам объединения. Почему они не хотят видеть факты? Почему Халкедонский собор не мог ошибиться относительно сочинений Ивы, Феодора и Феодорита? Почему нельзя исправить решение, не подвергая сомнению авторитет собора в целом? Почему западные епископы закоснели в своем упорстве?

Бесплодные переговоры с папой продолжались четыре года, а затем произошли события, которые изменили баланс сил в пользу Юстиниана. В Италии готы взяли Рим (декабрь 546 года). Папа Вигилий бежал из Вечного города еще раньше, в 545 году. Некоторое время он пробыл на Сицилии, а затем приехал в Константинополь по настоятельной просьбе императора. Понтифик явился в столицу 27 января 547 года.

Юстиниан принял папу с почестями и просил помочь в воссоединении верующих. Вигилий обещал устроить соединение «Кафолической церкви», как говорили тогда в Византии, и анафематствовать *три главы*.

Но затем папа отказался от обещаний. Он поссорился с патриархом Константинопольским Миной и отлучил его от церковного общения на 4 месяца как раз за осуждение «трех глав». Такой неожиданный поворот можно объяснить только тем, что папа легко поддавался советам своего окружения и был до крайности слабоволен.

Впрочем, на сей раз он зашел слишком далеко, и Юстиниан вмешался. Базилевс приказал арестовать Вигилия, который грозил нарушить хрупкий мир между религиозными партиями. Папа страшно перепугался и искал спасения у останков мученика Сергия в одном из храмов. Имперскую полицию это не остановило. У жертвенника разыгралась забавная сцена. Папа схватился за столбы, поддерживавшие жертвенник, и ниспроверг их, будучи тяжел и велик телом. После этого он был арестован.

Юстиниан имел право тревожиться. У Феофана Исповедника мы встречаем известие, что 11 мая, вскоре после приезда римского понти-

фика, возникли смуты и драки партий в цирке. Не исключено, что за этим стоял религиозный конфликт. То есть приезд папы расколол общество. Побоище на ипподроме было столь сильным, что пришлось вызывать войска. «Царь с своей стороны послал экскубиторов и воинов меченосных, которые умертвили многих из бывших на ипподроме, а многие были задавлены во время бегства; а иные умерли от ран и произошла большая пагуба», — говорит Феофан Исповедник по этому поводу. Если ставить событие в связь с деятельностью Вигилия, многое становится ясным в поступках Юстиниана. Активная церковная деятельность императора была не его прихотью, а крайней необходимостью для достижения общественного согласия. Тогда как папа объективно работал на раскол общества и империи. Однако он имел огромный авторитет в глазах верующих.

Поэтому Юстиниан вскоре одумался и снял опалу с Вигилия. Дальше в игру вступила Феодора, которой базилевс велел разобраться с ее ставленником. Императрица уговорила понтифика помириться с патриархом, и Вигилий, «по просьбе Августы Феодоры, принял в общение Мину патриарха Константинопольского 29 июня в день св. апостолов», пишет Феофан.

Тайные переговоры между папой и императором продолжались несколько месяцев. Наконец летом того же 547 года Вигилий пообещал, что осудит «три главы», но только с условием, что их осудит и вся Церковь, а не один император в своем указе. Папа желал сохранить лицо, и это понятно.

В столице собрали 70 епископов, которые не признали осуждения «трех глав». Папа выступил перед ними, задавил духовным авторитетом и 11 апреля 548 года представил патриарху Мине свое решение, так называемый «Юдикатум», который содержал осуждение «трех глав» и подтверждение решений Халкедонского собора. Последний пункт должен был показать верующим, что папа остается твердым православным халкедонитского толка. Однако этот реверанс никого на Западе не убедил, и начались церковные волнения. Епископы Далмации и Иллирика выступили против «Юдикатума». Епископы Африки объявили самого папу низложенным и отлучили его от Церкви до тех пор, пока не покается. Главным зачинщиком этого дела стал епископ Карфагена — Репарат (его имя мелькнуло в нашей истории, когда в Африке пылал мятеж Гонтариса, причем уже тогда Репарат играл двусмысленную роль посредника на переговорах с ромеями, сохранившими верность Юстиниану). В Италии, охваченной Готскими войнами, проигнорировали вопрос о «трех главах» как не самый важный.

К тому времени уже умерла Феодора — верный друг и соратник Юстиниана. Если бы традиционная версия о тайном монофизитстве императрицы была верна, мы вправе ожидать, что Юстиниан отступится от вопроса о «трех главах». Но нет, базилевс по-прежнему ищет контактов с монофизитами. Как православный, он считает их заблудшими овцами, которых нужно вернуть в стадо. Как политик — опасается раскола империи.

Религиозные дела запутывались всё больше. Вигилий написал одному из епископов на Западе, Аврелиану из Арля, пространное письмо. В нем говорилось, что «Юдикатум» не причинил никакого ущерба Халкедонскому собору, поэтому причин для возмущения нет.

Адресат был выбран не случайно. Город Арль, как и весь Прованс, перешел под власть франков. Для папы казалось крайне важным убедить в своей правоте «заграничных» епископов, которые не подчинялись ему напрямую. Однако папское послание осталось гласом вопиющего в пустыне.

Юстиниан переменял тактику. Он понял, что дело не в одном папе Вигилии; проблема гораздо сложнее. Если пойти на попятный в вопросе о «трех главах», обидятся монофизиты. Они и без того обвиняли приверженцев Халкедонского собора в несторианстве. Если настаивать на осуждении «трех глав», взбунтуются западные епископы. А Юстиниан рассматривал их как своих союзников в деле восстановления империи. Православное духовенство было мощным агентом влияния Византии на Пиренеях и в Галлии.

Юстиниан нашел выход. Он разрешил Вигилию отказаться от «Юдикатума», но для преодоления разногласий предложил созвать Вселенский собор. Это была интересная идея. Вновь возник шанс объединить Церковь. Борьба за небеса продолжалась.

4. ПОДГОТОВКА К СОБОРУ

Император начал с главного: принялся смещать неугодных епископов в разных концах империи, чтобы обеспечить нужное решение на предстоящем соборе. В Карфагене наконец-то свергли (по политическому обвинению) епископа Репарата. Его преемника, Примоза, византийцы навязали силой. Африку только что удалось замирить после многолетней войны, поэтому бунтовать против имперского произвола оказалось некому. Вскоре царь отправил в Карфаген одного из своих юристов, Моциана Схластика, чтобы тот подобрал послушных епископов для участия в соборе.

Внезапная вспышка недовольства обнаружилась в вечно бунтующем Египте. Александрийский патриарх Зоил выступил против анафематствования «трех глав». Реакция со стороны правительства последовала мгновенно. Зоила сместили, патриарший престол в Александрии занял Аполлинарий.

Сам Юстиниан начал давить на общественное мнение и опубликовал собственный символ веры. В нем излагалось признание решений первых четырех Вселенских соборов, включая Халкедон, однако содержалось и осуждение «трех глав».

Папа Вигилий считал это нарушением договоренностей. Решение о «трех главах» должен вынести только собор! Юстиниан мог ответить, что это его личное исповедание веры, но имелось серьезное возражение. Сочинение вышло из царской канцелярии, было обнародовано и приобрело силу указа. Следовательно, на будущий собор оказывается неприкрытое давление.

Должно быть, Вигилий считал себя ловким дипломатом, но всё его искусство оказалось бесполезным ввиду твердолобости императора. Сам император считал свой ход, напротив, весьма тонким. Восточным епископам недвусмысленно указали, как голосовать, а западные будут в меньшинстве, тем более что в непокорной Африке провели кадровую чистку.

Но папа взбунтовался. Ему важно было остаться в глазах верующих не императорской марионеткой, но самостоятельной силой. Вигилий жил в константинопольском дворце Платидии, а теперь укрылся в церкви Святого Петра во дворце Гормизда. Его пытались извлечь оттуда солдаты, папа упирался, в столице начались волнения. Православный люд возмущался тем, что правительство вмешивается в дела церковные. Войска отступили.

Тогда император попросил о посредничестве своего старого соратника Велисария, к которому обращался в трудные моменты. Военная карьера Велисария бесславно завершилась в Италии, но политического чутья этот человек не утратил. Он встретился с папой, которого знал еще в свою бытность на Апеннингах, и уговорил вернуться во дворец, пообещав безопасность. Папа вернулся, конфликт угас. Однако Юстиниан был не из тех, кто смиряется с поражением. Вскоре он изолировал папу от общения с епископами и посадил фактически под домашний арест. В Италии византийцы провели пропагандистскую кампанию по дискредитации понтифика.

Постепенно надзор за Вигилием ослаб, и 23 декабря 551 года папа бежал. Он переправился через Босфор, достиг города Халкедон

и укрылся в обширной церкви Святой Евфимии. Укрытие папы носило символический характер: в свое время именно в этом здании происходили заседания Халкедонского собора.

Юстиниан вновь отправил на переговоры Велисария, но на этот раз папа ему не поверил. Вместо этого Вигилий надиктовал энциклику, в которой говорилось об учиненных над ним насилиях и утверждалась безусловная преданность понтифика решениям Халкедонского собора. Дело становилось всё более громким, а император оказался вовсе не всемогущим. Папскую энциклику распространяли повсюду. Власти пришлось идти на уступки. Патриарх Мина принес папе свои извинения, и Вигилий вернулся в столицу.

Мина умер в 552 году. Впоследствии Православная церковь причислила его к лику святых, как и самого Юстиниана. Новым патриархом сделался **Евтихий (552—565, 577—582)**. В год избрания ему было примерно 40 лет. Его давно заметили и стали продвигать по церковной лестнице Мина и Юстиниан.

Евтихий происходил из деревеньки в Малой Азии. Его отец Александр был византийский воин, мать Синезия — домохозяйка, дочь священника. В 12 лет Евтихия отправили учиться в Константинополь. Будущий патриарх преуспел в науках и избрал духовную карьеру: постригся в монахи. Строгая жизнь и успехи в изучении богословия доставили ему славу, Евтихий сделался архимандритом всех монастырей Амасии (Амасия — малоазийский город в провинции Понт).

Когда началась подготовка к Вселенскому собору, кто-то должен был ехать в столицу. Местный митрополит приболел и отправил вместо себя энергичного Евтихия. Молодой архимандрит использовал выпавший ему шанс для того, чтобы завязать связи при дворе и попасться на глаза императору. При обсуждении «трех глав» Евтихий не просто поддержал базилевса, но и привел пример из Библии. Когда-то древнееврейский царь Осия приказал выкопать и сжечь кости идолослужителей. С Ивой, Феодором и Феодоритом поступили гораздо мягче: всего только осудили их ранние сочинения. Этот аргумент понравился Юстиниану, император обратил внимание на честолюбивого малоазийского аскета. Впрочем, ирония неуместна. Евтихий был искренен в своих убеждениях, он боролся за единство Церкви вместе с императором и достоин всяческих похвал. Церковь и его причислила к лику святых.

Само назначение Евтихия патриархом произошло так. Предание гласит, что после смерти Мины император увидел во сне апостола Петра. Апостол указал на Евтихия, который тоже явился в сновиде-

нии, и произнес: «Пускай сей будет вам епископом». Руководствуясь указанием свыше, Юстиниан рекомендовал Евтихия в патриархи Константинополя. Выбор оказался правильным. Тринадцать лет патриарх находился в согласии с императором. Лишь в последний год царствования Юстиниана оба святых поссорились, и Евтихий угодил под арест. Но об этом — позже.

Папа Вигилий осведомился об исповедании веры нового патриарха, одобрил его и вступил с Евтихием в общение в январе 553 года. Папа и патриарх продолжали подготовку Вселенского собора.

Вигилий опасался, что западные епископы проигнорируют мероприятие. В Италии шла война, галльская церковь находилась под властью франков, в Африке многие были возмущены низложением Репарата Карфагенского. Папа считал, что нужно провести на Западе свои поместные соборы, где будут выбраны делегаты на вселенское собрание. Юстиниан полагал, что откладывать дальше некуда. Просьбу папы проигнорировали. Тогда Вигилий принял решение не участвовать в работе религиозного форума.

5. ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Собор начал работу в Константинополе 5 мая 553 года. Сто сорок пять епископов собрались в «Мега секретон» (Большом зале совещаний) Святой Софии. Участвовали патриархи Константинопольский, Александрийский, Антиохийский. Иерусалимский патриарх прислал своего представителя, потому что был занят борьбой с оригенистами. С Запада приехало очень мало епископов. Африку представляли всего шесть делегатов. Сам папа был против Собора из-за малого числа епископов Гесперии, но Юстиниана и Евтихия это не остановило. Имелся прецедент. Второй Вселенский собор, состоявшийся в Константинополе в 381 году, тоже проходил вопреки желанию тогдашнего папы и при фактическом бойкоте со стороны западных епископов. Итак, работа началась. Она продолжалась с 5 мая по 2 июня. Участники Пятого собора провели восемь заседаний.

Первым делом огласили послание Юстиниана. Император пояснил, что все предыдущие документы, изданные им, включая пресловутое исповедание веры, носили консультативный характер, чтобы узнать мнение иерархов Церкви. Главные иерархи — восточные патриархи и западный папа — согласились с осуждением «трех глав», и теперь нужно вынести окончательное решение на Вселенском соборе. При этом папа категорически отказался на нем присутствовать. К понтифику

отправились три патриарха, съехавшиеся в столицу, и принялись уговаривать, как капризного ребенка. Папа упорствовал. К патриархам присоединили высших чиновников империи и вновь отправили на поклон. Вигилий по-прежнему не явился. От него отступились.

Участники Собора произносили речи с обвинениями «трех глав», а папа в это время сочинял «Конститутум» (постановление), в котором пытался достичь компромисса. Всем было ясно, что Ива, Феодор и Феодорит в ранних своих сочинениях впали в несторианство. Но решения Халкедонского собора, как быть с ними? Осудив «три главы», не дискредитирует ли Церковь и сам Халкедон? Это чревато новым расколом; так думал папа, так мыслили его сторонники.

И вот Вигилий в своем «Конститутум» осудил 60 положений трудов Феодора Мопсуэстийского, но не осуждал при этом лично Феодора, потому что тот умер в общении с Церковью и признан православным на Халкедонском соборе. Мертвых нельзя отлучать от Церкви, считал папа. По этой же причине не подлежат отлучению Ива и Феодорит. В конце концов Вигилий дошел до того, что анафематствовал тех, кто призывает к осуждению «трех глав». Под папским посланием подписались 16 епископов и трое римских клириков, в том числе Пелагий, будущий римский папа, который займет престол понтифика после смерти Вигилия. Пелагий считался другом Юстиниана, но религиозные убеждения были важнее.

Заявление епископов всколыхнуло общество. Оно не устроило Юстиниана и его сторонников, которые расценили «Конститутум» как попытку раскола. Пришлось сделать резкое заявление и разоблачить непоследовательность папы Вигилия.

Юстиниан отказался признать «Конститутум» достоверным на том основании, что Вигилий раньше уже осудил «трех глав», причем письменно. Следовательно, написав «Конститутум», он осуждает лишь самого себя.

На седьмом заседании Собора были предъявлены письма понтифика и его же торжественное обещание, сделанное 15 августа 550 года, где Вигилий клялся на четырех Евангелиях сделать всё возможное для осуждения Ивы, Феодора и Феодорита. Поэтому Юстиниан обратился к Собору с просьбой вычеркнуть имя Вигилия из диптихов, а самого папу отлучить от общения, ибо понтифик оказывает противодействие общему мнению Церкви и отказывается от всего, что говорил в предыдущие годы. Собор согласился с мнением императора, и над головой Вигилия сгустились тучи. Впрочем, папа еще рассчитывал на примирение.

Второго июня собор огласил *орос* (определение), который содержал признание главных принципов религиозной политики Юстиниана. Одобрялись решения Халкедона, употреблялись «теопасхистские» формулировки скифских монахов, осуждалось несторианство, а по поводу «трех глав» высказались так: осудить личность Феодора Мопсуэстийского, несколько сочинений Феодорита Киррского и одно письмо Ивы Эдесского как еретические.

В сочинениях Феодорита содержались несторианские формулировки и критика борца с несторианством святого Кирилла, а Ива в своем письме сообщал, что Несторий осужден несправедливо.

Казалось, многолетняя борьба Юстиниана завершилась триумфом. Но на самом деле результаты Пятого Вселенского собора были довольно скромными. Монофизиты приняли к сведению решения форума, однако не отказались от своих убеждений, папа превратился в диссидента, а западные иерархи враждебно взирали на Восток. Дело грозило новым расколом, но, к счастью, до этого не дошло.

6. ПРИМИРЕНИЕ С ПАПОЙ

Должно быть, Вигилий сам поразился собственной смелости. Полгода он провел в изоляции, но по прошествии этого времени стал искать пути примирения. Другого выхода просто не было. Юстиниан контролировал большую часть территории Римской империи, обладал огромной властью и духовным авторитетом. В последние годы правления этот авторитет поколеблется, что видно из сочинения Агафия Миринейского. Но во времена Пятого собора император находился в зените могущества.

8 декабря 553 года Вигилий направил константинопольскому патриарху Евтихию покаянное письмо, в котором сожалел о написании «Конституума». За время нахождения в Византии у папы произошла нравственная ломка. Он прибыл из Италии полным надежд и величия, но в столице понтифика поставили на место. Императорские внушения, домашний арест, драки со стражниками, наконец, отлучение — всё это сломало Вигилия. Папа запросил мира и прощения. Теперь император Юстиниан и верный ему патриарх Евтихий могли диктовать условия капитуляции. Они пошли на это не сразу, и Вигилий должен был понизиться какое-то время.

Папа заявил, что углубленное изучение первоисточников заставило его убедиться в еретических отклонениях «трех глав». В связи с этим понтифик анафематствует их. Что мешало понять это раньше? Юстиниан был прав по существу, западные епископы просто перестраховывались, опасаясь признать его правоту. Или же упрямылись, не желая

задумываться об истине. В общем, папа стал каяться. В начале следующего года он опубликовал второй «Конstitutum», где клялся в верности Халкедонскому собору, осуждал «три главы», хотя оговаривался, что пресловутое письмо Ивы Эдесского в защиту Нестория — фальшивка. Юстиниан признал, что, возможно, так и есть (собственно, в *оросе* Пятого Вселенского собора эта версия присутствовала), после чего состоялось великое примирение. Имя папы восстановили в константинопольских диптихах, Вигилий был реабилитирован. Но нервы папы оказались издерганы, здоровье ухудшилось, он доживал последние годы.

К тому времени византийцы прогнали остготов на север Италии, ничто не мешало Вигилию вернуться в Рим. В 554 году Юстиниан издал «Прагматическую санкцию» о послевоенном устройстве Италии, где обещал привилегии православным епископам. Естественно, они тотчас позабыли о былых разногласиях. Вопрос о «трех главах» больше никого не волновал в этой разрушенной стране. А вот в Галлии и Испании епископы противились еще долго. Многие из них вникли в суть спора гораздо позднее и убедились в правоте Юстиниана уже после смерти императора.

Что касается Вигилия, то он засобирався на родину — в освобожденную Италию. Однако папа добрался только до Сиракуз и умер там 7 июня 555 года. Таков был нелепый конец жизни этого церковника, который постоянно ошибался и лавировал между сильными мира сего.

7. ИТОГ

А что же Юстиниан? Безусловно, он был прав в своем осуждении «трех глав», но весь этот многолетний спор затевался ради того, чтобы примириться с монофизитами. Платформой для примирения были тезисы «александрийского папы» Кирилла (376—444), который разоблачил в свое время несториан. Авторитет Кирилла признавали и халкедониты, и монофизиты. Но последние считали, что Халкедон — это уступка взглядам Нестория и предательство учения святого Кирилла. Юстиниан так и не убедил своих оппонентов в обратном, но и не порвал с монофизитами. Император вел кропотливую работу по перевоспитанию еретиков, искал новые компромиссы и сумел создать оригинальную систему, когда монофизитские епископы оставались верны убеждениям, но служили империи. Мы уже показывали это на примере Иоанна Эфесского. Преемники Юстиниана не могли подняться над схваткой и поссорились с монофизитами, что привело к отпадению и исламизации Сирии и Египта.

Промежуточные итоги религиозной борьбы казались весьма скромными. Многолетняя суета вокруг проблемы «трех глав» превратилась

в какую-то клоунаду. Добиваясь признания решений Пятого Вселенского собора, царь взялся преследовать западных епископов. Африканские клирики Виктор Туннунский, Феодор Кабаруссийский, Примазий Гадруметский и другие были сосланы на Восток за непризнание *ороса* Пятого собора. Еще один диссидент, Факунд Гермианский, скрылся, его искали, нашли в 564 году и также сослали. В Иллирике отправились в ссылку два епископа, другие бежали в Северную Италию. Их приютил аквилейский митрополит Павлин, который не признавал *орос*. Митрополита поддержали епископы Лигурии, Эмилии, Венетии, Истрии, Далмации. Первые четыре области уже в 568 году подверглись нашествию лангобардов, которые превратились из союзников во врагов империи. Следовательно, византийцам стало не до них. Возможно, легкость лангобардского вторжения объяснялась в том числе и позицией италийских епископов, которые перестали поддерживать центральную власть.

В Риме было не лучше. Преемником Вигилия стал Пелагий — тот самый, что поддержал первый «Конституtum», фактически направленный против решений Вселенского собора. Однако жажда карьеры взяла верх над принципиальностью, тем более что Юстиниан был прав по существу. Пелагий признал *орос* Пятого собора. После этого он сразу утратил популярность на Западе. Только два епископа согласились участвовать в его *хиротонии* (посвящении в сан), которая состоялась 17 апреля 556 года под защитой войск Нарсеса, только что разгромивших франков. Папу даже обвинили в убийстве Вигилия (поговаривали, что папа отравлен), но Пелагию удалось оправдаться.

Совершенно очевидно, что «битву за небеса» Юстиниан не выиграл. Но в этом не было вины императора. Ни один смертный, даже самый гениальный, не мог угадать ход этнических процессов, происходящих в империи, и тем более не мог обратить их вспять. Довольно того, что Юстиниан смог сохранить единство империи и сгладить противоречия, заставляя монофизитов и православных уживаться друг с другом. Требовать большего было бы нелепо.

ГЛАВА 6. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЦАРСТВА

1. ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ

Эту главу мы посвятим внутренней политике Юстиниана: его законодательству и административным реформам, его политической эволюции. Конечно, описывать внутреннюю политику — занятие крайне сложное и неблагодарное. В хрониках мы находим упоминания

о внешних войнах, в крайнем случае — о придворных интригах. Данные археологии всегда слишком скудны и вряд ли могут дать полную картину отношений между людьми. Свод законов нужно использовать тоже с большой осторожностью. Законы — это идеал, жизнь была другой. Остаются деловые документы из царских канцелярий, бытовые письма византийцев друг другу, купеческие обязательства и т. д. Что же в итоге?

Византиец эпохи Юстиниана остается загадкой для современных ученых. Эта загадка — результат цепи ошибок и заблуждений. Еще в XIX веке было принято считать, что византийское общество — это общество крепостных. Но в следующем столетии эту гипотезу пришлось отменить. Хорошо разработали тему социально-экономических отношений в Византии советские ученые. Глубокое исследование этих проблем всегда было сильной стороной советской науки. Другой вопрос, что исследователи остались в плену «библейской», прямолинейной концепции исторического времени, усовершенствованной позитивистами и воспринятой Марксом. Так родился миф о последовательной смене общественных формаций — рабовладения, феодализма, капитализма... Сам Маркс постепенно понял, что эта концепция не работает, поэтому заговорил о разных способах производства в рамках того же рабовладения — «восточном», «античном», что порождало дополнительную путаницу, хотя именно здесь и крылся ключ к разгадке развития общества. Концепция о смене формаций, на наш взгляд, ошибочна. Она полна противоречий, мир устроен сложнее. Не поняв этого, многие ученые попали в тенета ошибочных представлений об эпохе Юстиниана. В ряде советских сочинений мы видим картину рабовладельческого мира и старых порядков, которые якобы отстаивает Юстиниан. В нескольких работах З. В. Удальцовой и в сжатом очерке истории Византии и южных славян, написанном А. П. Кажданом и Г. Г. Литавриным, мы наблюдаем именно эту картину общественного устройства Византии. Даже такой крупный исследователь-византист, как Н. В. Пигулевская, написавшая интереснейший очерк о внутреннем состоянии империи Юстиниана (в монографии «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков»), воздержалась от слишком смелых выводов, хотя это не отменяет ни ценности самого исследования, ни уникальности источников, привлеченных этим ученым.

Автор настоящей книги придерживается скорее античных представлений о цикличности времени. Линейной прямой, уходящей в бесконечность, не существует, всё в мире смертно. Это относится и к общественным формациям. Капитализм, социализм, феодализм

появлялись и исчезали на континентах нашей планеты совершенно бессистемно. Последовательной смены по схеме «рабовладение — феодализм — капитализм» не было. Люди искали наиболее приемлемые для себя формы общежития и устраивались так, как удобно. Поэтому в Парфии во II веке до новой эры возник феодализм, а затем прижился в захваченной парфянами Армении, где его «признали» даже советские историки. В Древнем Вавилоне уже в VII веке до новой эры процветал банковский капитализм. В США в XIX веке уживались рабовладение на юге и капитализм на севере, а инки Южной Америки и карматы Аравии, похоже, пытались экспериментировать с одной из моделей социализма в XV и XI веках соответственно. Но Византия развивалась совсем иным путем.

Этот вывод крайне важен и выходит далеко за рамки истории Византии. Если мы отрицаем обязательную смену формаций, то автоматически отрицаем всемирную неизбежность современной модели капитализма и западной демократии. Эта модель работает только в западном мире. Остальное человечество развивалось и развивается по другим законам.

Если принять за основу гипотезу Шпенглера, Тойнби и Гумилева о том, что этнос живет 1000–1500 лет, мы увидим, что за это время он меняет две-три общественные формации, причем в произвольном порядке. Основа этих систем одинакова; она условно называется «капитализм», «феодализм», «социализм» и т. д. При этом есть системы, для которых еще не придуманы названия. Так, систему Киевской Руси, Сельджукского султаната, Монгольской империи правильно было бы называть «архаической», первобытной (что вовсе не отменяет создания государственной надстройки). Похоже, что особая система общественных отношений была в Византии и подобных ей государствах — например, в Московской Руси. Об этом мы поговорим ниже, а теперь вернемся к основной мысли.

На Земле меняются лишь технологии управления и численность населения. Поэтому банковский капитализм Вавилона на первый взгляд не похож на банковский капитализм США, а социализм Маздака отличается от советской модели в СССР. На самом деле всё это явления одного порядка, они начальные и конечные. Прогресса здесь нет, поскольку процессы дискретны. Единственный тренд, который мы видим, — развитие промышленных технологий, которые непрерывно совершенствуются и требуют совершенствования управленческой структуры. Но куда приведет этот путь, пока неясно. Вполне возможно, что человечество ждет тотальный крах после исчерпания ресурсов планеты. Или появятся новые ресурсы, пригодные для поддержания жизни.

Какой общественный порядок господствовал в Византии? Рабовладение? Феодализм? Мы видим, что Юстин — простой крестьянин — свободно пришел в Константинополь и сделался императором. Странно для феодального мира крепостных и тем более для рабовладельческой империи, не так ли? Представим на минуту, что королем средневековой Франции становится не Капетинг, а бывший крестьянин. Или императором Священной Римской империи избран простой вояка, когда-то пришедший в столицу с мешком сухарей. Это полный абсурд, такой вояка не имел права даже на баронский титул в западном мире. Следовательно, перед нами не феодализм.

Другое расхожее мнение: армия Византии состояла сплошь из варваров. Но «румын» Юстин спокойно записывается в войска и делает головокружительную карьеру. Такую же карьеру делают простые византийские парни — Велисарий, Ситта, Вуза. Фактов много, просто объем книги не дает возможности рассказать о каждом, поэтому пусть читатель полистает книги Прокопия, Евагрия, Агафия, Феофана...

Но даже приведенных аргументов достаточно, чтобы понять: византийское общество эпохи Юстиниана было гораздо сложнее, чем принято думать. Выводы, которые делают историки о внутреннем устройстве Византии, нужно перепроверять и принимать с осторожностью.

Так что за страна была Византия и в каком направлении она развивалась? И самое главное для нашей темы: какой видел эту страну Юстиниан? По мнению Прокопия, базилевс систематически разрушал империю. Что ж, разберемся.

2. ФИСКАЛЬНЫЙ ГНЕТ

В «Тайной истории» Прокопий буквально уничтожил Юстиниана как правителя и администратора. Первый упрек — в том, что царь... упорядочил сбор налогов, а вместе с ним и финансы. Прежние императоры часто прощали недоимки, Юстиниан — никогда. «Поэтому обедневшим было необходимо бежать без всякой надежды на возвращение. А ябедники мучили всякими страхами честных людей». Но это касалось лишь крупных землевладельцев. Им было чем платить, было что терять и они знали, как уходить от уплаты налогов. Зато чернь всегда исправно платит подати и укрываться от них не умеет. Поэтому драконовские законы Юстиниана направлены не на уничтожение черни (хотя ее жизнь легкой не назовешь), а прежде всего на уничтожение латифундистов. Этим объясняется любовь простолюдинов к императору и прочность его режима. Чернь видела, что притесняют богатых, и искренне радовалась этому. Юстиниан то и дело

выезжает к народу практически без охраны, не отгораживается от толпы и совершенно не боится покушений. Это не объяснить забитостью масс. Достаточно было бы одного-двух террористов, чтобы убить царя. Желających не оказалось, что свидетельствует о стабильности системы.

Другой вопрос, что Юстиниан как прагматичный управленец не знал сострадания. Даже районы, в которых шла война, он не освобождал от повинностей. Исключение было сделано лишь для жителей городов, взятых врагами, да и то лишь на один год. Прокопий называет эту поблажку «смехотворной». Посему для налогоплательщиков «этот император был злом более тяжелым, чем все варвары».

Казна Юстиниана всегда была полна, бюджет выполнялся с профицитом, и царь имел резерв для строительства зданий, крепостей, для выплат наемникам и вассалам. В общем, при императоре жилось тяжело, но терпимо. Страна расширялась и напрягала силы, чтобы обеспечить собственную безопасность. На наш взгляд, вина царя в другом: он не смог обуздать коррупцию, и часть средств утекала в карманы государственных воров. Сам государь был аскетичен, но его соратники жили на широкую ногу. Неумение пресечь злоупотребления нужно поставить Юстиниану в минус.

Повинности не ограничивались уплатой прямых налогов. Имперские финансисты придумали массу косвенных платежей, от которых страдали землевладельцы. Хозяева имений «попадали в сети императорских декретов», как выражается Кесариец. Один из таких декретов — *синона* — о принудительной скупке хлеба по твердым ценам (мы говорили о нем во второй части книги). Предполагалось обеспечить население городов продовольствием по низкой цене. Но Прокопий утверждает, что и здесь имели место злоупотребления. Государство сделалось монополистом на хлебном рынке и занималось наглыми спекуляциями: хлеб скупали по дешевой цене, продавали пекарям дороже, а разницу клали в карман. За счет этого обогащалась казна, а вместе с нею — государственные вору, имевшие отношения к закупкам.

Это не всё. Одна из повинностей называлась *эпибола* («прикидка» или «надбавка»). Это взимание платы за опустевшие земли. Если помещик сгонял крестьянина с земли, то всё равно платил поземельный налог. Закон был направлен против латифундистов, но теоретически мог задеть и свободных общинников, если кто-то из них разорялся и уходил в город.

И всё же, кто пострадал больше? Прокопий утверждает, что сильный удар по экономике империи нанесла чума. «Моровая язва, охватившая

всю остальную землю, поразила также и Римскую империю и уничтожила большую часть колонов (крепостных)», — сообщает Кесариец. Имена обезлюдели, «но Юстиниан не оказал никакой пощады *их владельцам*». Он разложил недоимки на помещиков. Правительство не было заинтересовано в разорении крестьянских общин, ведь тогда их земли могли захватить магнаты — главные враги императорской власти. Это нужно хорошо понимать при анализе деятельности Юстиниана. Тогда становятся понятны и обвинения Кесарийца по адресу базилевса: мол, Юстиниан постоянно нарушал собственное законодательство. Та же *этибола* теоретически должна была коснуться всех, но страдали латифундисты.

Еще одна важная повинность — «*диаграфа*». Это вроде бы налог с горожан. «Необходимость заставляла, особенно в эти печальные времена, налагать на города большие взыскания», — пишет Прокопий. Следовательно, перед нами пример притеснения городских пролетариев? Нет. «Эти суммы платили *владельцы имений*, прибавляя их пропорционально к наложенной на каждого из них подати», — поясняет Прокопий. Вероятно, пострадали «боги недвижимости» в крупных городах. Им-то и сочувствует Кесариец. Судя по всему, Юстиниан начал борьбу со спекулянтами жильем. Неясно, добился ли он какого-то результата, но впоследствии Константинополь превратился в город-сад, застроенный небольшими коттеджами, в которых жили простые византийцы среднего класса. Трущобы сохранились лишь в отдельных районах. Легко предположить, что перестройка города началась после погрома «Ника», когда часть столицы сгорела и лежала в руинах. Владельцы многоэтажных домов, квартиры которых сдавались внаем, разорялись.

Несчастных латифундистов, помещиков, спекулянтов жильем действительно становится жаль после всех этих перечислений. Правительство преследовало их всеми возможными способами. Но, может быть, преследуемые перекладывали повинности на плечи крепостных? Не похоже. Если следовать схеме Прокопия, мы видим совершенно иную картину: крестьяне и пролетарии («бунтовщики», стасиоты) могли жаловаться на помещиков и спекулянтов, и царь принимал сторону низших против высших. Количество латифундий сокращалось, а число свободных крестьянских хозяйств росло. Хотел этого Юстиниан или нет — смысл его политики был именно таков.

Интересно, что Юстиниан укрепил денежную систему, но Прокопий и это поставил ему в вину. «Обычно раньше менялы за один золотой статер давали обрабатывавшимся к ним 210 оболов, которые они назы-

вали *фоллами* (обрезки кожи). Юстиниан же с Феодорой, изобретая всевозможные источники личного обогащения, постановили давать за статер 180 обол. Этим от каждой золотой монеты они отрезали седьмую часть». Укрепление собственной валюты означало, что Византия диктует цены в международной торговле. Возможно, от этого выигрывали те купцы, что были связаны с государственным сектором и торговали продуктами монополий (это не модернизация; каждый исследователь, глубоко знакомый с историей позднего Рима и Византии, знает, что подобные термины правомерны по отношению к описываемой эпохе).

Частники проигрывали. К ним-то и апеллировал Прокопий Кесарийский, желая хоть как-то уязвить Юстиниана. Другого объяснения этому пассажи я не нахожу.

Н. В. Пигулевская отмечает, что произошло удешевление золота, но тотчас констатирует удорожание разменной монеты, что опять приводит нас к выводу об укреплении статера как международной валюты. Гиббон подметил, что золотая монета осталась без подмеси и не возвысилась в цене. Мы должны дезавуировать очередное обвинение, брошенное Кесарийцем.

В очередной раз выходит, что Прокопий цепляется за старое, отстаивает интересы крупных собственников. А Юстиниан строит (с большим или меньшим успехом) совсем другую страну, где государство вмешивается в экономическую жизнь, пытается регулировать промышленность, торговлю и создает сбалансированное общество, в котором нет места диктатуре земельного или спекулятивного олигархата. Перед нами — разделенная на социальные группировки страна; над ними стоит бюрократия и пытается помешать одной группе возвыситься за счет другой.

Поэтому супербогатство в Византии есть нечто крайне нестабильное. Сенаторы и прочие латифундисты в начале правления Юстиниана гибнут в народных смутах или от кинжалов стасиотов. В середине правления сам Юстиниан и его жена Феодора выдумывают десятки способов, чтобы покончить с крупными землевладельцами и обновить сенат; латифундистов преследуют как в соответствии с законодательством, так и в обход законов.

Однако продолжим анализ обвинений, изложенный Прокопием.

Мы говорим об усилении государственного вмешательства в экономику. Подтверждая это, Кесариец упрекает Юстиниана в попытке регулировать цены, чтобы защитить рядовых граждан от произвола купцов. Попутно он сообщает интересные сведения о шелкоткацких

мануфактурах, работавших на китайском сырье. О чем же говорит Проконий, обвиняя Юстиниана и его губернаторов?

«Введя на большую часть товаров так называемые монополии и заставив желающих что-либо купить задыхаться каждый день в петле этих цен, эти правители оставили незакабаленной только одну торговлю — платьем, но и тут они придумали следующее. Платья из коконов шелка-сырца издревле обычно делались в двух городах Финикии: в Берите и в Тире. Крупные торговцы этим товаром, их представители и ремесленники-мастера со времен отцов и дедов жили здесь, и отсюда обычно после выработки эти товары распространялись по всей земле. Когда же во время правления Юстиниана занимавшиеся этим делом в Византии и в других городах стали продавать эту одежду дороже, ссылаясь на то, что в настоящее время персы накинули цену на сырец значительно выше, чем она была в прежнее время, и что теперь десятичные сборы в Римской империи выше, чем прежде, то император, делая перед всеми вид, будто он негодует на это, законом запретил, чтобы цена на такую одежду была выше, чем восемь золотых за фунт шелка. Тем, кто нарушит этот закон, грозило наказание в виде конфискации всего наличного состояния. Торговавших этим товаром такое постановление ставило в совершенно безвыходное и невозможное положение. <...> Впоследствии эти государи не сочли недостойным себя самим заняться производством таких одежд из шелка в Византии. Во главе этого производства стоит заведующий царскими сокровищами. Назначив Петра, по прозванию Барсима, на эту должность, немного времени спустя они разрешили ему совершить безбожные поступки. По отношению к другим он считал нужным строго придерживаться закона, а заставляя рабочих-специалистов по этому производству работать только на одного себя, он продавал, вовсе не скрываясь, но открыто, на площади, унцию шелка, окрашенного в какую-нибудь краску, не меньше чем за шесть золотых, а шелк, окрашенный в царскую краску, которая называется “голове́ром” (чистый пурпур), он продавал более чем за 24 золотых. Он извлек отсюда для императора большие деньги, а сам, прикрываясь этим, тайно воровал еще большие суммы. Начиная с этого времени, такая система так и осталась на все времена».

То есть мы видим откровенную попытку огосударствления шелкоткацких предприятий и введения косвенного налога на роскошь. Это вполне укладывается в русло социальной политики Юстиниана, если мы правильно понимаем смысл этой политики: ограничить богатство и уравнивать сословия под эгидой государственной бюрократии. Хорошо это или плохо, но такова была эволюция императора, когда-то находившегося под влиянием идей маздакистов.

3. ЗАПРЕТИТЕЛЬ ЗРЕЛИЩ

Помимо этого царь наложил руку на городские расходы. Раньше жители городов скидывались на устройство зрелищ, ремонт домов, освещение улиц. Император был убежден, что граждане его страны самостоятельно могут создавать лишь отряды стасиотов, а потому причислил суммы из местных бюджетов к налогам. Тратил он на строительство действительно очень много, как об этом пишут Иоанн Малала и Прокопий. Но в «Тайной истории» Кесариец указывает на другое.

«Никто уже не мог заботиться о городском благоустройстве, — говорит он, — не было уже освещения по городам на государственный счет, не было никаких других удовольствий для населения городов. Театральные представления, скачки, охоту (на арене) с этого времени он почти все прекратил, а ведь в этой обстановке его жена родилась, воспиталась и выросла. Впоследствии он велел прекратить эти зрелища и в Византии, для того, чтобы не отпускать на это обычных средств из казначейства, благодаря которым находили себе пропитание очень многие, почти бесчисленное количество лиц. И в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной».

Выходит, что император за большими делами не уделял внимания частностям вроде освещения темных переулков и совсем лишил народ зрелищ. Но почему народ покорно терпел это? Почему, например, во время вторжения болгар в Константинополе было всего несколько сотен воинов, но там царил гражданский мир? Опять что-то не сходится.

...Оказывается, базилевс ограбил даже городских нищих. «Прежде всего, взяв в свое распоряжение все лавки и введя так называемые монополии на товары первой необходимости, он стал взыскивать со всех людей более чем тройную цену». Это ложь, император последовательно боролся с теми, кто завывшал цены. Напротив, в его правление цены начали снижаться. Но не мог же Прокопий лгать на пустом месте? Вероятно, повышения цен имели место после тяжелых персидских и славянских набегов, но не везде, а в отдельных регионах и в столице. Они также могли произойти из-за неурожая. Но перед нами всё же эпизодические события, которые Прокопий непременно хочет возвести в систему.

На самом деле в Константинополе работали специальные комиссии, которые следили за весом и качеством хлеба. Это была своеобразная госприемка. Прокопий опять темнит. Если только мы не читаем описа-

ние картины первых лет чумы, когда страшная пандемия выкосила всех: и солдат, и простых граждан, и работников госконтроля...

Был еще один эпизод в 543 году, тоже в разгар чумы. Вследствие эпидемии население сократилось, следить за общественными местами стало некому, один из водопроводов пришел в негодность, и Юстиниан приказал его разрушить, нуждаясь в свинце (вероятно, для каких-то военных целей). Замену выстроить не успели, наступила засуха, а вместе с ней разгул эпидемии. Люди толпились в очередях за водой, бани были закрыты, из-за антисанитарных условий распространился целый букет болезней во главе с той же чумой.

А что вышло через несколько лет, когда жизнь наладилась? В трактате «О постройках» Кесариец рисует обратную картину: базилиевс возводит множество общественных зданий. Среди них — цистерны для сбора дождевой воды. Таким образом царь хотел решить проблему водоснабжения, и он ее решил. Огромные Юстиниановы цистерны пригодились Константинополю во время многочисленных осад, которые пережил город в поздние времена. Враг мог перекрыть акведуки, но город выживал за счет цистерн. Что же остается от рассказа Прокопия? Опять очень мало.

Прокопий объясняет спокойствие и покорность людей просто. Византийцы были изолированы друг от друга и утратили навыки коллективных действий. «Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастиях, о чудовищных размерах этого небывалого горя». Но если присмотреться повнимательнее, мы обнаружим другие причины этих странных противоречий. Юстиниан действительно приостановил на несколько лет цирковые представления после восстания «Ника», но партии ипподрома при этом почему-то не распались и понемногу стали усиливаться. По свидетельствам новейших исследователей, цирковые партии во времена преемников Юстиниана вновь обрели сильное влияние на власть. Сложилась своеобразная система, когда «демы» играли роль народного парламента, участвуя в принятии решений. Не к этому ли вел Юстиниан? Эта система пошатнулась в начале VII века, после мятежа Фоки, и окончательно погибла под волной нашествия арабов, аваров и славян. Трудно предположить, в каком направлении развивалась бы Византия, если бы не пережила эту грандиозную катастрофу VII века. Но даже и тогда многие вещи, заложенные во времена Юстиниана, прижились и дали всходы (прежде всего мы говорим о мощном государственном вмешательстве в экономику).

Еще одна мысль о зрелищах. Может быть, народ молчал потому, что в те времена византийцы испытывали мощную духовную жажду? Крестьянский император был плоть от плоти народа, и мы видим, как увлекали его вопросы богословия. Юстиниан жил не только государственными делами, но и молитвами, духовными исканиями. Интеллигентской профессуре и юристам всё это было чуждо. Прокопий, тайный язычник и явный скептик, игнорирует религиозные споры или отделяется общими фразами. Но даже в «Тайной истории», не щадя для Юстиниана и Феодоры самых обидных слов, Прокопий не решается нападать на православие или смеяться над религиозными дискуссиями. Это значит, что большинство читателей были православны. Они могли смеяться над императором, некоторые (наверно, женщины и полусумасшедшие либеральные мыслители) даже могли поверить, что перед ними безголовый демон, но никто не простил бы Кесарийцу нападков на православие.

В этом еще одно объяснение отмирания старых форм общественной жизни. Из цирков она переходила на площади, заставляла византийцев спорить до хрипоты о «единосутии» или «подобосутии» Бога, но Прокопий ничего этого не видел. Ему казалось, что настоящая жизнь — это пропитанные цинизмом и скепсисом адвокатские школы да философские тусовки. Юстиниан лучше чувствовал потребности и вкусы своего народа, из которого поднялся на высшую ступень власти.

4. АРМИЯ

Юстиниана часто ругали за то, что он развалил армию. Мы уже познакомились с критическими замечаниями Агафия Миринейского на эту тему и с тезисами Э. Люттвака в защиту императора. Но больше всех в этом вопросе развернулся, конечно, Прокопий.

Он полагает, что во главе солдат император «поставил самых негодных людей, приказав им собирать и здесь возможно большее количество денег, причем они знали, что двенадцатая (ср. Новелла 130, гл. 1) часть добытого будет принадлежать им. Этим людям было дано имя логофетов».

В полемическом угаре Кесариец называет логофетов-снабженцев самыми главными людьми в армии, которые, однако, использовали власть во вред. Эти люди, считает историк, обкрадывали войска. Способы находились различные: от банальных хищений до спекуляций едой, как делал Бесс вместе с интендантами во время осады Рима. Практиковалась и выписка довольствия в армии на «мертвые души»,

в результате чего живые солдаты утратили возможность продвигаться по службе и работали за небольшое жалованье. Это снижало качество армии. Впрочем, неясно, сколько таких случаев имело место. Современные комментаторы любят ссылаться на того же Агафия, но Агафий пишет совсем о другом: он говорит, что Юстиниан сокращал списки армии и военные расходы.

Наконец, Юстиниан уничтожил обозных верблюдов на Восточном фронте, и армия лишилась мобильности, потому что не могла перевозить столько припасов, как раньше. Чем императору помешали верблюды, неясно, но вряд ли Прокопий лжет, говоря об этом.

Это не отменяет махинаций логофетов, но ставит вопрос об их масштабе. Прокопий описывает один-два случая, имевших место в Африке и Италии, и вновь пытается возвести это в систему.

Впрочем, кое в чем Кесариец сошелся с Агафием. По мнению Прокопия, базилевс небрежно относился к пограничным войскам и сократил их число. Солдатам задерживали жалованье, «границы Римской империи остались без охраны». Это не красит Юстиниана, хотя нужно сказать, что в данном случае речь идет о *лимитанах* — пограничниках, которые служили плохо, обросли семьями и даже не относились к регулярной армии. Это было нечто среднее между казаками и военными поселенцами, набранными из всякого сброда. *Лимитаны* не справлялись со своими обязанностями и пропускали врага на территорию Византии. Юстиниан делал ставку на мобильные армии.

Дворцовых *схолариев* он превратил в парадную гвардию, члены которой покупали себе места, но не умели сражаться. Этот обычай родился еще при Зеноне. В итоге, когда болгары появились под стенами столицы в 559 году, отражать их было некому. Со *схолариями* обращались плохо. Префект гвардии, знакомый нам по событиям в Италии Петр Патрикий, «чуть не ежедневно мучил их несказанными вымогательствами». Вопрос в другом: зачем *схоларии* покупали свои должности? Думается, представители богатых семей пытались таким образом спрятаться от репрессий. Пускай император относился к ним с презрением, *схолариям* удавалось сохранить главное: жизнь в обмен на деньги.

Наконец, базилевс имел еще один грех: он грабил военных чиновников — секретарей и прочих нестроевых. При прошлых императорах нестроевые получали огромное вознаграждение. Правда, его выплачивали к концу службы и далеко не всем. Но сумма была сказочно велика:

общим счетом 10 тысяч фунтов золота в год или 100 кентинариев. За 38 лет своего правления Юстиниан немало сэкономил на этих выплатах. Прокопий понимает, что известие о притеснении чиновной братии вряд ли вызовет сочувствие в народе, к тому же показать на этом примере упадок армии не удастся. Поэтому наш достойный юрист прибегает к иной аргументации. По его мнению, отказ выплачивать пособие нестроевым дармоедам привел к тому, что вся их обслуга разорилась и вынуждена была идти работать в мастерские или найти себе другое пролетарское занятие. Для представителей «праздного сословия» это, конечно, ужас, но к ослаблению армии отношения не имеет. С аргументацией Прокопия следует быть очень осторожным. Однако факт остается фактом: в конце правления Юстиниана армия сократилась в результате военных потерь, чумы и экономии (которая явилась следствием сокращения населения). В то же время границы империи расширились. Как результат, в обороне появились бреши.

5. РАЗРУШИТЕЛЬ ПОЧТЫ И ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Предшественники Юстиниана беспокоились о почтовом сообщении. Чем быстрее доходит информация, тем больше преимуществ получает правительство. «На расстоянии однодневного пути, который может пройти человек налегке», были устроены станции в разных областях государства. На каждой содержалось до 40 лошадей; при них находились конюхи. Владельцы окрестных имений получали большую выгоду, так как продавали еду для станций.

Юстиниан сократил расходы на почту и придумал несколько новых маршрутов. В ряде случаев он закрыл прежние станции, а вместо них направлял почту по морю, тем более что Византия всегда была морской страной. В общем, он развивал морские коммуникации. Вместо помещиков дополнительные доходы стали получать корабли. По этому поводу Прокопий ворчит, сетует на штормы и сокрушается насчет утраченных преференций помещиков. Но это нытье совершенно не убеждает.

Кесариец сообщает уникальные данные и о носителях тайной информации, то есть шпионах. Многие люди не любят конспирологию, считая вымыслом закулисные интриги и тайные замыслы. Прокопий рассказывает, что римские императоры широко использовали шпионаж, разведку, агентуру влияния. По мнению Кесарийца, прежняя разведка была разрушена Юстинианом.

Юстиниан скупился на содержание внешней разведки, «вследствие чего ему пришлось совершить много ошибок». Это похоже на поведе-

ние революционера, который презирает шпионов. Во всяком случае, Юстиниан играл роль «народного императора» и не считал нужным расходовать деньги на «гнусное» ремесло. О том же думала Феодора. Сами царь и царица были опытными интриганями, политическими борцами, но недооценивали роль внешней разведки, что пошло во вред Византии. Правда, пренебрежение к шпионам компенсировалось искуснейшей дипломатией... При этом, что греха таить, дипломаты играли роль шпионов. Это опять заставляет отнестись с недоверием к словам Прокопия. Видимо, мы всё же имеем дело не с разрушением военной разведки, а с пренебрежением ею, что всё равно принесло империи вред, и оправдывать Юстиниана в этом вопросе бессмысленно.

«Между прочим, из-за этого врагами была захвачена Лазика, — всегда готов подсказать Прокопий, — так как ромеи совершенно не были осведомлены, куда пойдет персидский царь со своим войском». Прорисовки Юстиниана были с трудом устранены его полководцами, Лазика отстояли, хотя и большой кровью.

В общем, ошибки были, но у кого их нет? Доказывать непогрешимость императора глупо. Но что предлагал базилевс взамен? Чтобы понять это, нужно ответить на несколько ключевых вопросов.

6. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И ПРИНЦИПЫ КАРЬЕРЫ

Для начала спросим себя: в какую сторону эволюционировало общество? Какой была Византия во второй половине правления великого базилевса? Главной проблемой оставались латифундисты на селе и заворовавшиеся муниципальные власти — в городах-полисах. Первых царь систематически истреблял, забирая земли в государственный фонд или отдавая крестьянским общинам, вторых — отстранял и заменял чиновниками. В результате Византия становилась страной свободного общинного крестьянства и управляемых бюрократами городов.

Кто жил в империи?

Если судить по Кодексу Юстиниана, самым низшим и бесправным сословием были рабы. Их можно дарить, покупать, продавать. Но кто попадал в рабы? Ясно, что это — не православные. Перед нами либо пленные язычники, либо «живой товар», купленный на рынке. Где использовали рабов? Тоже неясно. Во всяком случае, пленные варвары-германцы никак не могли быть домашними учителями или приобрести иные интеллектуальные профессии. Это абсурд. Ничего не известно о том, чтобы их использовали на крупных общественных стройках или в рудниках, хотя как раз эти факты исключить нельзя. Почему

же нам так мало известно о рабах? Ответ прост. Судя по всему, рабов было немного. Советские историки пытались доказать обратное, но их выводы противоречат друг другу.

Одна из причин таких противоречий — узкая специализация. Обобщающие труды по Византии — это сборники, где каждый ученый отвечает за свое направление, а редактор издания пытается выстроить общую стратегию. В результате мы видим своеобразный вариант «Сборника летописей» под редакцией Рашид эд-Дина, где части сочинения, написанные разными авторами, противоречат друг другу. Даже в классической трехтомной «Истории Византии», изданной в конце 60-х годов XX века в Советском Союзе, имеются логические погрешности: например, сперва обстоятельно рассказывается о неразвитом рабовладении в восточной части Римской империи, а затем, спустя несколько глав, подробно повествуется о рабовладельческой политике Юстиниана на основании Кодекса и... Дигест, которые содержат документы старого римского права! Еще худшего результата добились авторы первого тома «Культуры Византии». Перед нами — эклектичный сборник статей разных ученых, содержащий множество нестыковок.

Что же на самом деле?

Неэффективность рабского труда поняли еще поздние римские императоры. Диоклетиан обратил земледельческих рабов в крепостных. На основании этого некоторые современные авторы, находящиеся в плену позитивистских представлений о поступательной смене общественных формаций, приписывают Диоклетиану и его времени начало феодализма в Европе. В этом есть своя логика. Империя Диоклетиана не менее «феодална», чем Московская Русь, ранняя Византия или Сельджукский султанат. Но к западному феодализму это не имеет отношения. Перед нами какая-то другая модель.

Итак, в Византии рабов оставалось немного, и Юстиниан делал всё для того, чтобы их вообще не осталось. Процедура освобождения раба была упрощена до предела. Вероятно, к концу правления императора количество подневольных людей было сведено к минимуму. Абсолютных цифр, увы, нет.

Тогда мы переходим к главной проблеме. Византия — аграрная страна. Какое сословие составляло основу ее населения — свободные или зависимые крестьяне?

Диоклетиан называл крепостных *колонами*. Это же понятие находим и в Кодексе Юстиниана. Причем видим, что император ограничивает их правоспособность. Это делается в пользу магнатов — хозяев коло-

нов. Но самих магнатов систематически истребляют в течение целых десятилетий. Колоны получают свободу и переходят в разряд государственных крестьян.

Политика императора направлена на увеличение числа свободных людей. Правда, в Византии сохранялась частная собственность на землю, поэтому царь-законодатель, стремясь ограничить ее пределы, постоянно нарушает собственные законы и не гнушается никакими средствами в борьбе с крупным землевладением. Юристы Прокопий и Евагрий не устают осуждать Юстиниана за это.

Император уничтожал магнатов и отбирал у них земли. Из-за этого, с одной стороны, латифундисты уже не могли атаковать владения мелких свободных крестьян, потому что сами находились под ударом. С другой, они были вынуждены превращать колоннов в свободных арендаторов, чтобы искусственно раздробить собственные поместья и уйти из-под атаки правительства, но сохранить при этом большую часть доходов. Важный момент: из-за планомерного наступления правительства магнаты теряли деньги и утратили возможность содержать частные армии, с помощью которых могли терроризировать деревни.

Одним из последних лишился своей частной армии Велисарий (как и большей части владений). Об этом мы расскажем в следующей главе, но пока прокомментируем смысл. То, что у Велисария отберут частную армию, не значит, что император «завидовал» полководцу и обошелся с ним несправедливо. Похоже, что Велисарий неожиданно для себя оказался осколком прошлого — ему разрешали иметь дружину в то время, когда «мода» на частные армии уже прошла. Полководца просто уравнивали с остальными.

Так рождалось свободное византийское крестьянство, которое станет опорой государства в ближайшие несколько веков. Политику Юстиниана продолжали его преемники. В результате латифундисты как класс надолго исчезнут и возродятся лишь во времена Македонской династии, когда вновь станут появляться крупные поместья. Правда, и тогда Византия останется страной свободных людей, так как в поместьях будут работать наемники.

Юстиниан боролся еще с одной категорией богачей — спекулянтами недвижимостью. Эта узкая прослойка паразитировала в городах, и справиться с ней не составляло труда.

А вот честным купцам базилевс покровительствовал. Он поощрял торговую инициативу и не покушался на купеческие прибыли. Торговля

подчинялась жестким правилам и контролировалась государством, но на VI век приходится ее расцвет. Византийские предприниматели везут в варварские страны Запада шелк и пряности, одежду и посуду, ювелирные украшения и благовония. Византийская денежная система господствует в Средиземноморье. Золотые *номизмы* (монеты) Юстиниана становятся надежным средством платежа и играют роль международной валюты.

Правда, был неясный и короткий период порчи монеты. Об этом смутно сообщает Иоанн Малала. Писатель говорит, что вскоре после расправы с Тотилой наступил финансовый кризис, и Юстиниан стал портить монеты примесями, чтобы рассчитаться с войсками. Однако это вызвало всеобщее недовольство, против девальвации запротестовали партии цирка, и базилевс вернул деньгам их чистоту, чтобы спасти финансовую систему. Более подробных сведений об этом инциденте мы не имеем. Ясно, только, что Юстиниан совершил финансовую ошибку и был тотчас «поправлен» политическими партнерами.

Ромейские негоцианты борются за рынки сбыта не только на Западе, но и на Востоке, хотя соперничество персидских купцов оказывается очень сильным. Примерно в 548 году в Византии входит в моду новая книга — рассказы некоего Косьмы Индикоплавателя (Индикоплова) о путешествии в Индию. Косьма был купцом, затем ушел «на пенсию», постригся в монахи и сделался известным писателем. Из его книги неясно, добрался ли сам Косьма до страны слонов. Однако понятно, что ромейские купцы туда плавали.

Известен эпизод из сочинения Косьмы, когда ромейский купец повстречал на острове Цейлон коллегу-иранца. Цейлонский правитель должен был сделать выбор, с кем торговать. Конкуренты показали изображения своих правителей на монетах. В Иране ходило серебро не очень хорошей чеканки. В Византии — золото. Ромейский купец предъявил *номизму* с изображением Юстиниана. Чистота чеканки и четкость портрета так изумили цейлонского царька, что он сделал выбор в пользу византийцев. Но это был лишь один из эпизодов борьбы за торговые пути. Окончательной победы византийцам одержать так и не удалось.

Всё это делает беспочвенными упреки Прокопия об утеснении купечества Юстинианом. Реальность была иной.

В числе любимцев императора оказались также церковники — православное духовенство он рассматривал как своих соратников по

укреплению страны и строительству на земле «царства небесного». Монахов было много, но монах, например, в России и в Византии — совершенно разные категории населения. Ромейская империя была пропитана духом религиозности настолько, что граница между клиром и паствой первоначально вообще отсутствовала. Император, как мы видели, пытался систематизировать религиозную жизнь: создавал общины, хотел избавиться от бродячих клириков и подчинял монахов иерархии Православной церкви. К концу правления Юстиниана церковники представляли строго организованную армию, которая верно служила царю.

В городах во времена Юстиниана мы находим большое число пролетариев, то есть людей, которые живут случайными заработками и ждут подачек от государства. Судя по всему, крестьянский сын Юстиниан считал такую ситуацию нездоровой. Он обеспечивал пролетариев работой, чтобы покончить с развратным обычаем государственных подачек. Это делалось не сразу. Пока пролетарии были нужны Юстиниану, он их задаривал — пышно праздновал собственное консульство, предоставил Африканский триумф Велисарию, чтобы добавить правительству популярности и сплотить народ на почве патриотизма. Но затем эта практика прекратилась. Чума, набеги врага и тяжелые войны заставили забыть бывшие языческие празднества и раздачи хлеба. В то же время мы видим, что значительная часть населения трудоустроена в государственных мастерских, которые активно создает Юстиниан. Это были мануфактуры по производству различных товаров гражданского и военного назначения (льняной и шерстяной ткани, шелка, оружия, деталей и оснастки кораблей, красильни для окраски товара и т. д.). В столице работало 120 пекарен, которые также принадлежали государству. В них выпекался стандартный хлеб, размеры и вес которого определялись специальным регламентом. Юстиниан усилил государственный сектор экономики, чтобы обрести финансовую и экономическую независимость. У латифундистов выбивали почву из-под ног.

Это не означает, что император пресекал частную инициативу. Государство решало проблему изготовления промтоваров по-разному: поощрялся семейный подряд, но в то же время были и большие государственные предприятия. Всё зависело от эффективности. Правда, работа в государственной корпорации налагала на людей обязанности. Работник прикреплялся к ней, хотя и не терял личной свободы. Он мог перейти на другую работу, но замена должна быть адекватной. То есть человек мог перейти с одного предприятия на другое, но не мог закаба-

литься и уйти к латифундисту. Думается, именно в этом смысл некоторых статей Кодекса Юстиниана, в которых говорится о прикреплении людей к определенному месту работы.

В то же время мы видим, что в одном только Константинополе имелось 1600 кустарных мастерских (в них трудились ювелиры, скорняки, кожевники, гончары и т. д.). Существовала масса строительных организаций — спрос был огромный. Перед нами сложная экономическая система, в которой государственные предприятия конкурируют с частными.

Известный византинист А. А. Чекалова утверждает, что «Константинополь стал к тому времени подлинным центром свободного ремесла», и с этим мнением нужно согласиться. Сходная ситуация была во всех крупных византийских городах — таких как Антиохия, Александрия, Фессалоники. Огромные портовые города Византии поражали воображение, здесь сосредоточилась жизнь империи. Частники и предприятия государственного сектора не только конкурировали, но и дополняли друг друга. При этом Юстиниан осторожно поощрял именно государственные предприятия. Это позволяло регулировать цены и обеспечить безопасность малоимущих слоев населения.

Корпорации, находившиеся под контролем государства, были освобождены от налогов. Это позволяло снизить себестоимость, а значит — и цену конечного товара. Кстати, от налогов освобождались и владельцы частных мастерских.

Многочисленные строительные организации работали подрядным способом. Подрядчик обговаривал условия работ с заказчиком, а потом набирал работников под конкретную задачу. Таких задач в империи было много — мы видели это в материалах предыдущих глав. Крепости, общественные здания, восстановление пострадавших от стихии городов — всё это требовало рабочих рук. А. А. Чекалова предположила, что строители часто устраивали забастовки, чтобы поднять расценки. В Кодексе Юстиниана появилась специальная статья, которая запрещала рабочим бастовать до окончания строительства объекта.

В то же время император сурово карал монополистов, если они пытались вступить в сговор для поднятия цен. Империя, по мысли базилевса, должна была стать приятной для жизни страной, где государство заботится о благосостоянии подданных. Это страна равных возможностей без чрезмерно богатых и бедных. В экономической жизни тесно переплетались принципы государственного регулирования и частная инициатива.

Часть работников государственных мастерских являлась рабами, но число рабов продолжало сокращаться и в этой сфере, так как в христианской империи не приветствовалась внеэкономическая эксплуатация единоверцев. Десятки исследователей указывали на то, что менялся статус раба. Раб мог копить имущество, создавать семью, но не имел гражданских прав. И всё же постепенно он превращался в государственного работника, получая всё больше прав.

Скажем еще раз: в Византии эпохи Юстиниана увеличились объемы государственного сектора как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Это помогало выработать единый стандарт качества для товаров и делало их конкурентоспособными. Кроме того, государство могло влиять на политику ценообразования в империи. Для народа это было выгодно: пресекались спекуляции частников. Юстиниан не придумал нового: государственный сектор имелся и в поздней Римской империи, но в небольшом объеме. Главными людьми тогда были латифундисты и бюрократы, которые погубили западную часть империи и пытались сделать то же самое с восточной частью.

При Юстиниане роль бюрократии изменилась. Теперь это была надклассовая прослойка, не связанная с латифундистами; в нее рекрутировали представителей всех слоев общества. Бюрократы были верховными арбитрами в социальных спорах. Они чувствовали свою значимость и нередко злоупотребляли служебным положением. Такие люди, как Иоанн Каппадокиец или Трибониан, накопили крупные состояния незаконным путем. Юстиниан боролся с коррупцией, но победить ее не смог. И всё же созданная базилевсом модель управления была наименьшим из зол, потому что соответствовала уровню сознания масс и их запросам. Гениальность Юстиниана была в том, что он создал рабочую модель, которая устраивала византийцев. Ее могли критиковать, ее пытались исправить, но понимали, что ничего лучше придумать нельзя. Именно поэтому правление Юстиниана проходило спокойно, если не считать бунта «Ника» и окраинных мятежей.

Изменения коснулись и декоративных должностей, казалось бы, освященных обычаем. Ежегодно в Римской империи выбирались два консула: один — для Гесперии, другой — для Византии. Всякий, кто стал консулом, обязан был истратить на всякие празднества и увеселения 2000 фунтов золота. Небольшая часть этой суммы шла из личных средств консула, а остальные расходы — из царской казны. Должность второго консула (для Гесперии) царь вообще упразднил. На Востоке ее пока оставили, чтобы не ломать традиций.

К интеллигенции царь был равнодушен. За это его ненавидели многие. Например, юристы. Дело вот в чем.

Во времена поздней Римской империи юрист был главным лицом после губернатора провинции. Законов появилось столько, что простой смертный толковать их не мог. Частная собственность, государственная собственность, корпорации (этот термин — не модернизация, но часть римской экономической системы), землевладельцы, сенаторы, колонны, рабы, купцы... Прежняя империя дряхла, а ее структура неуклонно усложнялась. Она разваливалась под собственной тяжестью, но императоры, квесторы, сенаторы штамповали сотни и тысячи законов для улучшения нравов. Лабиринты права создавали множество лазеек для ловких людей, которые нанимали законников и принимали нужные решения: отсуживали недвижимость, присваивали поместья, осуществляли захват промышленных предприятий...

О том, как Юстиниан начал наступление на юристов, рассказывает Прокопий — сам представитель почтенного сословия судейских.

«Он прежде всего отнял у них всякое право на гонорар, благодаря которому прежде, выступая с защитительными речами, они обычно получали средства для роскошной жизни и для своего внешнего блеска. Император приказал, чтобы обе стороны приносили присягу, и с этого времени адвокаты, поставленные в столь унижительное положение, были в большом унынии». Как говорится, просто и со вкусом.

Кесариец уверен, что крестьянский император вообще не любил интеллигенцию. «Он заставил нуждаться в самом необходимом и врачей, и профессоров общеобразовательных предметов (права). То содержание, которое прежние императоры установили выплачивать им по этим профессиям из государственного казначейства, Юстиниан отнял всё». Возможно, речь идет о гонениях на эллинистических ученых, которых Прокопий отождествляет со всей интеллигенцией. Но не исключено, что император действительно сделал образование частным. Если так, то он считал излишние знания бесполезными для трудового народа. Кто может — накопит денег на обучение, а кому не повезет, останется безграмотным. Для нас этот поступок императора VI века выглядит недалеким и неприятным. Ведь таким образом поощрялось постепенное воссоздание аристократии, против которой царь вроде бы боролся. Впоследствии византийские императоры возродят бесплатные школы.

Итак, адвокаты его презирали, философы — разбежались кто куда. Правда, это не мешало работе юридической высшей школы в Бейруте

или академии в Александрии. И всё же позволим себе предположить, что прослойка интеллектуалов относилась к императору-простолюдину скептически. Иногда это делалось небескорыстно. Интеллигентов было легко купить, они служили и собственным латифундистам, и персам. Интеллектуалов в империи имелось немного, но вред они приносили огромный. О чем говорить, если только один Прокопий сумел так очернить царя, что убедил в своей точке зрения потомков на полторы тысячи лет вперед. А ведь Юстиниан был не самым плохим императором. Скорее наоборот — одним из лучших. В общем, скептики ждали своего часа и дождались после смерти царя, когда новое правительство оценило его работу критически. Тогда стала появляться сдержанная критика в работе Агафия или развернутая — в книге Евагрия.

* * *

А теперь вернемся к вопросу о том, какая социальная модель строилась в Византии. Разумеется, «надклассовая» империя Юстиниана — это далеко не социализм. Мы видим, что существует мощный частный сектор, земля находится в обороте, чиновники и сенаторы сколачивают огромные состояния. Но это не рабовладение, не феодализм, не капитализм. Перед нами *этатизм* — сильное госвмешательство в экономику, при этом сама экономика смешанная и состоит из государственного и частного секторов. Отличие от социализма в том, что декларируется право частной собственности, и с государственным сектором соседствует частный, причем достаточно мощный. Наличие частной собственности порождает ряд достоинств и недостатков. С одной стороны, это дает выход инстинктам людей к накоплению и приумножению богатств, а значит, делает экономику более гибкой. С другой — порождает серьезную коррупцию в органах власти; такой коррупции не знает социалистическая система из-за отсутствия частного капитала. Плох или хорош этатизм — вопрос праздный. Однако очевиден факт, что византийская система просуществовала тысячу лет и погибла в тот момент, когда ее правители решили заменить этатизм феодализмом, а усталый и одряхлевший народ промолчал.

...В точности неизвестно, чего хотел достигнуть Юстиниан. По нашему мнению, речь шла об уничтожении крупной собственности и создании более справедливого общества, жизнь которого регламентировалась государством и Церковью. Точнее, идеалом Юстиниана было общество с преобладанием среднего класса и серьезным вмешательством государства в экономику и управление. В этом смысле

Юстиниан наследник двух политических доктрин — маздакитов Ирана и римских императоров времен принципата. Неспроста Прокопий говорит о внешнем сходстве базилевса с одним из ранних римских принцев — Домицианом. По словам Кесарийца, Юстиниан и Домициан были словно на одно лицо. Сходство оказалось не только внешнее; историк почувствовал тождество задач, которые оба правителя ставили перед собой. Но если Домициан просто боролся с богатыми сенаторами и уничтожал их, в результате чего восстановил против себя правящий класс, утратил связь с народом и был убит, то Юстиниан пытался представить себя императором-революционером, который выдвигает во власть простолудинов, решает общегосударственные задачи и строит социально ориентированное государство. Эта задача оказалась утопией, потому что идеальной государственной модели не существует, но добавила императору популярности, а Византии — устойчивости.

ГЛАВА 7. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЮСТИНИАНА

1. СЛУХ О СМЕРТИ

Последние годы императора известны нам по скурым строкам «Хронографии» Феофана Исповедника да по отрывкам из сочинений Менандра о событиях той поры.

Перед нами — уже не прежний подтянутый энергичный политик с полноватым подбородком и ясным взором. Теперь это худощавый лысый старик с седой бородой. Морщины состарили его, а годы согнули. Единственное, что осталось прежним — пытливый взгляд умных глаз.

Царь дряхлел, а вместе с ним дряхлела и замирала жизнь всей империи. Сказано не в упрек: слишком много было войн и смут в это бурное царствование.

Если прежние годы наполнены событиями, то в 559 году у Феофана только одна запись: «...начал царь строить мост чрез реку Сагарис и, отведши поток в другое русло, создал пять громадных устоев, и устроил удобную переправу, тогда как прежде был деревянный мост».

Сагарий — это Сакарья, небольшая река в современной Турции, которая впадает в Черное море неподалеку от Стамбула. В XI веке здесь сражался с турками царь Алексей Комнин и обнаружил какие-то рвы. Ему объяснили, что это — остатки грандиозного канала, который собирался провести Анастасий Дикор. Но, возможно, здесь были и сооружения самого Юстиниана. Через полтысячи лет после смерти императора многое позабылось.

В молодости базилевс Юстиниан управлял из Большого дворца. Это не означает, что он постоянно находился на одном месте. Император ездил на богомолье во фракийские и малоазийские храмы, совершал инспекционные поездки, хотел быть в курсе событий и постоянно контролировать вопросы управления. Но в годы войн, которые вели его полководцы на рубежах страны, это выглядело мелко: путешествия по Малой Азии и Балканам против экспедиций в Африку и Испанию... Поэтому поездки царя по стране как-то затерялись среди подвигов и путешествий его полководцев. Зато после окончания войн мы видим, что значение царских поездок по стране вновь возросло. Писать стало не о чем, и повседневная работа царя попала в поле зрения авторов хроник.

В начале сентября 560 года Юстиниан серьезно заболел. Это произошло сразу после одной из инспекционных поездок по Фракии. Император много работал, вел сложную дипломатическую игру с аварами, а годы были уже не те. Характер болезни неизвестен: может быть, простуда или что-то иное. Феофан Исповедник пишет, что у царя сильно болела голова. Это могло быть переутомлением или реакцией на изменение погоды. Обычно энергичный и общительный, царь заперся во дворце и несколько дней никого не принимал. Злые языки распространили сплетню, что базилевс умер.

Столичная чернь ринулась грабить лавки. Люди хотели хлеба и выносили его из пекарен. «И в третьем часу дня уже нельзя было найти хлеба во всем городе; и дождь сильный был в этот день; и затворены были мастерские», — сообщает Феофан Исповедник. Сенаторы всполошились и попытались попасть на прием к базилевсу. Сделать это не удалось, тогда они стали сплетничать о мнимой смерти царя. Часов через шесть сенаторы собрались на экстренное заседание. Пригласили епарха Георгия — столичного мэра. К тому времени стало известно, что царь жив, хотя чувствует себя плохо. Его жизни ничего не угрожает, но нужно удержать народ от волнений. Находчивый епарх предложил устроить иллюминацию по поводу мнимого выздоровления самодержца. Так и сделали, а через некоторое время Юстиниан действительно пошел на поправку. «И таким образом удержан был город от волнения», — добавляет Феофан.

Началось расследование — кто распространял слухи о смерти Юстиниана. Среди главных зачинщиков оказался бывший префект Евгений, один из чиновников, которые плодятся в любую эпоху и чувствуют себя великими, чтобы попасть в забвение сразу после отставки. Говорили,

что Евгений хотел произвести переворот в пользу Феодора, одного из военных. Странная кандидатура для чиновников. Видимо, столичная бюрократия давно утратила популярность, и в воздухе витала мысль поставить во главе империи военного человека — одного из тех, что сражались на ее рубежах. Велисарий был для этого слишком дряхл, искали людей помоложе.

Евгений думал запутать ситуацию, сообщив, что в заговоре участвовал сам епарх Георгий. Однако после проведенной следственной проверки выяснилось, что Георгий ни при чем. Тогда Евгения попытались арестовать и наложили секвестр на его имущество. Доносчик скрылся в храме и таким образом избежал тюрьмы. Эти склоки утомляли императора, но что еще было делать? Решать мелкие конфликты и восстанавливать страну после войны.

Вскоре епарх Георгий был снят с должности. То ли он провинился, то ли просто получил новое назначение. Место Георгия занял некто Прокопий. Ряд историков полагает, что перед нами небезызвестный автор «Тайной истории» и «Войн». Если это так, можно сказать, что наш юрист и историк сделал блистательную карьеру. Правда, его должность оказалась беспокойной. Управлять городом было гораздо сложнее, чем писать книги. Поэтому продержался Прокопий недолго.

Жизнь шла своим чередом. Юстиниан выслушивал от своих чиновников доклады о происшествиях, и все они были невеселы. В декабре произошел огромный пожар в портовых складах Константинополя. Склады сгорели, а вместе с ними и несколько приморских кварталов. В Киликии и Северной Сирии бушевала чума, в большом количестве гибли люди. Император помогал семьям погибших, выделял деньги на строительство, сам ездил по городам и наблюдал за работой.

2. ДЕЛО ВЕЛИСАРИЯ

Из восточных провинций опять и опять доносили о религиозных смутах. Приверженцев антиохийского патриарха Севера не удалось ни покорить, ни уговорить. С ними сражались. Точнее, сами еретики сражались и бунтовали против насилия над совестью. «Было много убийств», — лаконично пишет Феофан Исповедник. Начались волнения, которые царь приказал подавить. Зимарх, *комит* диоцеза Восток, собрал внутренние войска, разогнал монофизитские демонстрации и приступил к наказаниям: «многих отправил в ссылку, лишил имущества, и казнил членотсечением».

Подавление восточных бунтов и расследование их причин заняло и значительную часть следующего, 561 года. В этом году Юстиниан перебросил несколько военных подразделений из Вифинии во Фракию. Вероятно, он ждал нападения аваров и укреплял границы. Меры оказались небесполезны. Феофан Исповедник пишет о каких-то «фракийских гуннах», которые взяли несколько городов на Балканах. В действиях против них участвовал племянник царя — Юстин. Варваров удалось отогнать. Схватки продолжались в течение весны, а летом вспыхнул бунт в столице. В июле поссорились партии ипподрома — прасины выступили против венетов.

Юстиниан регулярно появлялся на бегах, но тут ссора началась до его прибытия. Когда император явил себя, побоище между членами партий было в самом разгаре.

— Жги здесь, поджигай там! — вопили венеты, вскакивая в ложи прасинов.

— Гей, гей! Все на середину! — орали в ответ прасины, стараясь держаться плотной массой.

Византийские блюстители порядка, дежурившие на ипподроме, не могли разогнать дерущихся. Много людей пострадало, были трупы. Наконец Юстиниан разгневался и подтянул стражу. Он счел виновными прасинов и приказал начать аресты. «Зеленые» скрывались в храмах, но церковники отказались предоставить защиту хулиганам. Бунтовщики попали в руки блюстителей закона «и наказаны были они многими муками». Прасины долго вымаливали прощение для своих сотоварищей, но Юстиниан смилостивился лишь к Рождеству и тогда снял опалу. Возможно, за этими беспорядками стояла политическая борьба, но не исключено, что мы имеем дело с обычной «футбольной» потасовкой.

* * *

563 год был омрачен новыми мятежами и заговорами.

В один из первых месяцев года «в день субботний вечером некоторые злоумыслили убить царя, когда он пребывал во дворце». Так начинается рассказ Феофан Исповедник. Крамольниками стали... ремесленники? рабы? крестьяне? Отнюдь. Главных деятелей заговора было трое. Их звали Авлавий, Маркелл и Сергей. Первый и третий — правительственные чиновники-финансисты, второй — банкир, племянник *куратора* Этерия. Эти события получили в истории название «заговор аргиропратов».

Конечная цель заговорщиков неизвестна. Чего они добивались? За что озлобились на царя? Имеем мы дело с обычным дворцовым переворотом или перед нами разветвленный умысел византийской знати? Первый вариант вероятнее. Несколько денежных тузов решили сменить власть, потому что царь мешал проворачивать финансовые дела. Напомним, что Юстиниан проводил последовательную политику «дешевых кредитов» для оживления экономики. Но банкиры, естественно, были заинтересованы в обратном: чтобы процент был велик и чтобы это позволило банкротить промышленные предприятия с последующей наживой.

Планировалось напасть на Юстиниана в *триклиннии* (столовой), во время ужина. Заговорщики должны были набербовать сторонников и объявить во всеуслышание о передаче власти. На эти цели банкир Маркелл передал Авлавию 50 фунтов золота. Авлавий соблазнил несколько человек, а затем отправился к двум влиятельным людям — *комиту* федератов Евсевию и Иоанну-логофету. Злоумышленник попытался подкупить обоих бюрократов, но не преуспел. Евсевий помчался с докладом к царю и объявил о злом умысле. Юстиниан приказал арестовать заговорщиков перед самым роковым ужином. Под одеждой у них обнаружили мечи. Банкир Маркелл успел зарезаться на пороге триклинния. Сергей скрылся в церкви Влахерн, но был извлечен оттуда по благословению патриарха и предстал перед судом. Расследованием руководил не кто иной как епарх Константинополя Прокопий. Вероятно, епарх находился на плохом счету у Юстиниана, потому что хотел выслужиться. Он сфабриковал грандиозное обвинение о разветвленном заговоре, в котором якобы участвовала вся финансовая элита столицы, а конечной целью заговорщиков было возведение на трон престарелого Велисария, авторитетного полководца и недавнего спасителя Константинополя от болгар.

Обвинению подверглись несколько банкиров и один приближенный Велисария. Оба арестованных главных заговорщика «сдали» старого полководца, заявив о его стремлении захватить трон. Возможно, обоих подвергли пыткам. А может, они действовали из мстительной ярости, желая увести с собой в могилу как можно больше людей. Хотите признаний — вот они. О ком вы желаете слышать?

Если епарх Константинополя и автор «Тайной истории» — одно лицо, если перед нами борец за правду Прокопий Кесарийский, — его подлость действительно велика. Целенаправленно оклеветать своего бывшего начальника только для того, чтобы сохранить должность сто-

личного мэра — это отвратительно. Между тем даже Агафий, далекий от Велисария, отзывается с сочувствием о великом военачальнике. В общем, вполне ясно, что Прокопий был довольно подлым человеком.

Юстиниан наложил опалу на Велисария. Должно быть, полководцу стало очень горько. Человек, расширивший границы империи, стоял перед судом в ожидании казни. Вот благодарность за всё.

Юстиниан, однако, хотел разобраться до конца. Он собрал *силенцион* (тайный совет), куда пригласил несколько высших чинов империи и столичного патриарха Евтихия. В качестве обвиняемого вызвали Велисария. Стали читать материалы дела. «Велисарий, бывший тут же в совете и слышавший показания их, был крайне огорчен», — пишет Феофан Исповедник. Огорчение не помогло. Улики казались железными. Юстиниан приговорил Велисария к конфискации имущества, «забрал всех его людей» и посадил под домашний арест. О «всех людях» историки говорят вскользь, но похоже, что Велисарий стал жертвой общей политики по уничтожению частных армий. Ветерана эта напасть обходила, армии распускали только у богатеев. И вот теперь — час пробил. Велисария постигла опала, и он лишился войск.

Но и Прокопия это не спасло. Город волновался, эпарх управлял плохо. В апреле 564 года император отстранил чиновника от должности. Ясно, что хитрый мэр не нравился императору. Возникает мысль: уж не тогда ли Прокопий обнародовал свои тайные записки? Сочинял он их, конечно, уже давно, но момент публикации спорен. Логичнее всего было бы сделать это сейчас. Историка отправили в отставку, и он решил отомстить. Однако всё это вполне вероятно лишь при одном условии: эпарх и историк — одно лицо. Если перед нами два разных Прокопия, версия рассыпается в прах. О дальнейшей судьбе Кесарийца мы ничего не знаем. Он не попал под нож репрессий и, скорее всего, умер в забвении, поругивая ненавистного царя, которого считал порождением мира демонов, посланного на Землю, чтобы уничтожить латифундистов и правоведов...

Вместо Прокопия градоправителем назначили *логофета* по имени Андрей (мы встречали это имя во время битвы при Даре, но вряд ли перед нами одно и то же лицо: слишком много времени прошло с момента битвы). Тотчас выяснилось, что Андрей — ставленник венецов, а прасины его не любят. «Зеленые» швыряли в него камнями, венецы заступились за логофета, возникли митинги и драки, которые переросли в настоящее восстание. Прасины ворвались в тюрьмы, стали освобождать своих. «И продолжалось побоище от десятого часа

до вечера», — констатирует Феофан Исповедник. Это дает право предположить, что перед нами — взаимосвязанные события. После долгих лет молчания прасины рвались к власти и хотели сменить венетов у руля. Возможно, «заговор банкиров» тоже был звеном в этой цепи.

Царь послал против мятежников своего племянника *куропалата* Юстина с внутренними войсками, которые разогнали дерущихся. Но в середине ночи прасины опять вышли бунтовать и были арестованы. «И предавал их Юстин публичному позору много дней; а тем, которые бились мечами, были отсечены большие пальцы», — констатирует Феофан. Это было сделано, чтобы мужчины не могли взять в руки оружие. Город затих.

В этом сообщении очень важно имя человека, который подавил мятеж. Это Юстин, носивший звание *куропалата* («высочества»). Тогда оно означало командира дворцовой гвардии. Не нужно путать этого персонажа с Юстином сыном Германа, который сражался в Колхиде и Фракии. Перед нами — совсем другой племянник Юстиниана, чиновник, а не военный. Считается, что Юстин-куропалат родился около 520 года. Следовательно, в момент подавления мятежа ему было примерно 43 года. Он пошел по пути царственного дяди: обучился наукам, постиг тайны управления и постепенно доказал свою незаменимость. Юстина женили на Элии Софии (ок. 530 — после 601) — племяннице Феодоры. Это была дочь актрисы Комито и полководца Ситты. Вероятно, свадьба Юстина и Софии состоялась в начале 50-х годов, то есть уже после смерти базилисы. И вполне возможно, что после смерти Германа. «Административная» партия стала продвигать во власть Юстина-куропалата, а военные — его родича Юстина сына Германа. Сперва было неясно, кто победит. Но после того как Юстин сын Германа зарекомендовал себя рвачом и хапугой во время войны в Колхиде, куро-палат решительно вышел на первый план. О нюансах его продвижения по карьерной лестнице мы не знаем, но вот он уже стоит перед нами в полном блеске и выполняет важное задание по разгрому мятежных жителей столицы. Вернемся, однако, к последствиям отставки константинопольского епарха.

Соратники Юстиниана стали разбирать злоупотребления Прокопия, а среди прочего опять вернулись к обвинениям против Велисария. Взялись допрашивать свидетелей, и постепенно открылась правда. Это произошло на первый взгляд неожиданно. Однако...

Прокопия отставили весной, а новое разбирательство по делу Велисария состоялось летом. Может быть, старый полководец забрасывал

императора письмами с просьбой о повторном расследовании. Или Юстиниану самому было тяжело оттого, что он осудил соратника, и царь доискивался правды?

Лето выдалось жарким, в Константинополе даже пришлось закрыть общественные бани из-за недостатка воды, а у колодцев возникали драки. В это время тайные советники императора кропотливо разбирали документы о мнимом заговоре Велисария. Становилось ясно, что его оклеветали. В итоге Велисарий был оправдан. Извинился Юстиниан лично: это явствует из рассказа Феофана Исповедника. «19 июля месяца патриций Велисарий был принят царем, причем получил по-прежнему и все свои достоинства», — пишет Феофан. Наверно, реабилитация великого военачальника стала главным событием 564 года. Юстиниан не хотел умереть, совершив несправедливость...

Были и другие события. В октябре вспыхнул бунт в Питтаких. Его подавили войска, после чего Юстиниан начал казни.

В Африке заволновались берберы. Их вождь Куцина получал от ромеев ежегодную дань. Куцина явился в очередной раз за деньгами, но был убит по приказу африканского префекта Иоанна, который счел себя достаточно сильным для того, чтобы покончить с позорной зависимостью от кочевников. Тотчас началось восстание. «Дети Кутцины (так в тексте. — С. Ч.) поднялись мстить за отеческую кровь и, учинив возмущение в Африке и производя грабеж, захватили некоторые провинции ее», — пишет Феофан Исповедник. Убийство бербера свершилось, несомненно, по приказу самого императора, потому что никакого наказания Иоанн не претерпел. Узнав о мятеже, Юстиниан послал в Африку войско под началом Маркиана — одного из своих племянников. Мавров удалось разбить, «и умиралась Африка».

В то же время было направлено посольство в Персию. Его возглавлял *магистр* (генерал) Петр. Это опять наш знакомец Петр Патрикий. Об этом посольстве мы уже упоминали. Петр пытался договориться с шаханшахом Хосровом о мире «относительно Лазики и восточных провинций». Хосров поначалу отказал, но затем подписал договор уже с новым византийским дипломатом. «Наконец римляне и персы согласились между собой не уступать друг другу ни крепостей, ни другого какого-либо из занимаемых ими мест и оставаться в том положении, в каком были до точнейшего рассмотрения спора», — пишет об этом историк Менадр Протектор, продолживший труд Агафия Миринейского.

Юстиниан словно спешил закончить земные дела, чтобы передать преемнику упорядоченную страну с богатой казной. Кстати, казна

была полна вопреки тому, что говорит Прокопий в «Тайной истории». Но читатель, думаю, уже привык к постоянной лжи этого человека, а потому не будет удивлен.

3. СМЕРТЬ

Остаток года выдался тихим. Видимо, Юстиниан занимался исключительно богословскими проблемами. Его не устраивал патриарх Евтихий. Кажется, он не сошелся с императором в религиозных вопросах. Евтихию казалось, что Юстиниан делает слишком большие уступки монофизитам. Есть даже гипотеза, что государь готовил полную реабилитацию последователей Севера или изобрел новую примирительную формулу, которая оскорбляла православных. Так или иначе, царь готовил свержение патриарха. Не исключено, что с этой целью Юстиниан совершил поездку по стране. Официальным предлогом стало богомолье. Император отправился в город Термион в Галатии (сейчас эта область находится в центре Турции), то есть по-прежнему не боялся покидать столицу. О чем он советовался с губернаторами провинций и церковными иерархами пока ехал на свое богомолье — неясно. Однако отставка патриарха была подготовлена. Она состоится в следующем году.

В ноябре царь уже снова в столице. Здесь он принял послов от *гассанидского* царька **Флавия Ареты (Харис ибн Джабал, 559—569)**, который доложил обстановку во враждебном Ираке и заодно договорился о вопросе наследования трона самих *гассанидов*. Арабское княжество оставалось безусловным вассалом Ромейской империи.

А потом настал последний год жизни Юстиниана. Он начался грустно. В марте 565 года скончался Велисарий — старый товарищ, испытанный вождь. Юстиниану не в чем было себя упрекнуть по отношению к нему. Велисарий побеждал — и получал великолепные награды. Затем был отставлен, но не из зависти, которую император не мог питать к нему, а за неудачи. Теперь пришла смерть. Велисария похоронили, а его имущество сдали в казну. Вероятно, к тому времени давно умерла его жена Антонина. Других наследников не осталось. Собственных детей он не имел.

Вскоре после смерти Велисария, 12 апреля 565 года, был низложен константинопольский патриарх Евтихий. Его сослали в город Амасия в Малой Азии, откуда он начинал карьеру. Когда-то здесь находилась одна из столиц понтийских царей, но в описываемое время регион был греческим и православным. На место Евтихия был поставлен Иоанн «из схоластиков, апокрисиарий Антиохии великой».

Юстиниан упорно пытался примирить монофизитов и православных. От этого зависела целостность империи. В 565 году царь «создал догмат о тленном и нетленном и разослал всюду ужас, чуждый благочестия». Так трактует события Феофан Исповедник. Документ, сочиненный императором, утерян, поэтому обсуждать нечего. Крупные византиноведы — такие, как Шарль Диль и Федор Иванович Успенский, — убеждены, что под конец жизни Юстиниан впал в монофизитскую ересь, но это недоказуемо. Ясно, что он нашел какую-то формулировку, которая позволяла примирить верующих, но ужаснула ортодоксов. Однако в чем состоял компромисс, мы не знаем.

Так или иначе, в византийской Церкви возникло брожение. Ждали новых религиозных споров, а может быть, и гонений: Юстиниан был жестким политиком. Но вдруг империю облетела весть: 11 ноября 565 года император скончался после 38-летнего царствования. Как он умер? В мучениях или тихо? Успел исповедаться, принял иноческий чин? С каким напутствием обратился к приближенным? Всё это остается неясным. У Юстиниана не было своих мемуаристов, а житие «святого Иустиниана», написанное церковниками, занимает всего полстраницы печатного текста.

Можно представить, какая возникла пустота после кончины Юстиниана. Царя могли не любить, могли ненавидеть, но его смерть после многолетнего правления казалась чем-то ужасным. Как жить? Какие потрясения ждут империю?

4. СУДЬБА ВИЗАНТИИ

Потрясений будет очень много. Впереди неудачи, расколы, территориальные потери. По какой-то роковой случайности история Византии станет историей мученичества православного суперэтнуса, который живет и страдает в окружении грозных врагов. Врагов становилось всё больше, а территория православного царства уменьшается с каждым поколением. Правление Юстиниана уже лет через сто воспринимали как золотой век. Это был последний император единой Римской державы. И в то же время — первый настоящий византиец, который строил государство нового типа.

* * *

После смерти Юстиниана его преемником сделался племянник — Юстин-куропалат. Это был ставленник новой бюрократии, которая соперничала с военными. Вождь военной партии Юстин сын Германа

был дискредитирован и убит по приказу нового императора. О Юстиниане теперь отзывались критически, но никакой позитивной программы новым правительством предложено не было.

Бюрократы зарекомендовали себя плохо. Они поссорились с монофизитами внутри страны и блестяще проиграли все войны на границах. Конфликт с персами перерос в позиционное противостояние. На Балканах Юстин поссорился с аварами и славянами, и те вторглись в пределы империи. Пройдет немного времени, и славяне дойдут до Пелопоннеса. На сторону аваров переметнулись лангобарды — старые союзники Византии, теперь изменившие дружбе. Лангобарды ушли из Паннонии в Италию и захватили север Апеннинского полуострова, который вновь стал ареной затяжного конфликта.

Но самое страшное было не это. Ромеи отбросят аваров, кое-как отобьются от лангобардов, сделают своими данниками славян... Гораздо более опасный враг придет с юга, причем его появление не мог предсказать никто.

Через 5 лет после смерти Юстиниана родится в Аравии младенец по имени Мухаммад. Он будет беседовать с Аллахом, летать во сне в Иерусалим и надиктует Коран, следуя которому его соратники объявят византийцам *джихад* — войну за веру. Веру Мухаммада назовут исламом, а ее последователей — мусульманами. Для Византии нашествие мусульман станет катастрофой, потому что монофизиты и несториане сдадут арабам восточные провинции. Однако империя выживет в смертельной борьбе и просуществует еще не одно столетие. Лишь в 1453 году Константинополь возьмут штурмом другие мусульмане — *османы*. Но даже после этого Византия не умрет окончательно. Ее культуру и ее идеи унаследуют русские. Дело Юстиниана не погибнет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I

Кем же был Юстиниан Великий?

Прежде всего перед нами — очень симпатичный человек с огромным внутренним обаянием и несомненным благородством. Это великий завоеватель и строитель, упорный труженик, искренний православный. Он вышел из народа и остался крестьянским императором по своему духу — хозяйственным, основательным, морально здоровым. Но в то же время этот крестьянин был человеком с богатым воображением. Он понимал, что такое империя, и посвятил жизнь расширению имперских границ. Юстиниан не был завоевателем, экспансионистом. Империя возвращала утраченные территории. Современная российская византинистка и блестящая переводчица Прокопия — А. А. Чекалова — полагает, что император был латиноязычным римлянином и действовал именно в «римском» контексте, пренебрегая интересами Византии. С этим нельзя согласиться. Юстиниан — имперский политик, он не грек и не римлянин. Это типичный византиец, прекрасно сознававший, что делает нечто новое. Новшеством была православная Византийская империя.

Юстиниан не водил войска в бой, но являлся талантливым стратегом. Он воевал всю жизнь и выиграл все войны, какие вел. Он вернул Африку, Италию, Далмацию, юг Испании, отбросил болгар, захватил Колхиду и отразил натиск персов. Он наступал, отступал, откупался, но неуклонно шел к цели и всегда побеждал. А ведь оценка правителя во многом зависит от его успеха. Юстиниан был феноменально успешен!

Рассуждения о том, что император якобы подорвал ресурсы страны и привел Византию к краху, не выдерживают критики. Никто не мог предвидеть пассионарного взлета в Аравии, благодаря которому Византия лишилась половины владений. Это произошло через 80 лет после смерти Юстиниана — больше, чем через два поколения.

Рискуно высказать мысль, что без войн энергичного базилевса Византия могла погибнуть под натиском арабов. Захватить небольшую компактную империю легче, чем страну, раскинувшуюся от Сеуты до Еревана. Юстиниан вовсе не погубил Византию — он ее создал и подарил ей тысячу лет жизни.

Для юристов это великий законник, для православных — святой и организатор Церкви, упорядочивший управление ею и создавший регулярное монашество из толп религиозных фанатиков, для политика — образец заботы о государстве.

II

Теперь — о темной стороне правления Юстиниана. Он возглавил социальную революцию, которая началась в империи по образцу революции маздакитов. Благодаря народному подъему и жажде перемен этот человек пришел к власти. И это прекрасно. Но этот же император подавил революцию, как только понял, что она может разрушить империю изнутри. Пассионарную энергию масс он направил на внешние войны, однако незавершенность революции привела к массе бед. Сенаторы и латифундисты спровоцировали восстание «Ника», которое император потопил в крови. Уцелела прежняя структура правительства, осталась разница между бедностью и богатством, сохранились рабство, бюрократический аппарат, коррупция. Дела решались при помощи взяток, было развито кумовство. Все эти недостатки застилали глаза некоторым интеллигентам, которые писали о недостатках императора. Но они не разглядели другого. Вместо революции Юстиниан выбрал эволюцию и постепенно менял облик империи. В экономике росла роль государства, и государственное регулирование позволило гарантировать людям если не процветание, то выживание. У богатых людей эта идея вызывает усмешку, они не понимают нужд бедняков и любят презрительно рассуждать о господстве «нищеты», к которому приводит строительство социально ориентированного государства. У самих бедняков другое мнение на этот счет. Они равнодушны к тому, что у богатых отбирают имения и распределяют их в пользу бедных.

Есть и еще один аспект: этнический, который мы почти не затрагивали, но всегда имели в виду. Лев Гумилев, создавший теорию этногенеза, полагает, что Византия Юстиниана находилась в состоянии «перегрева» — так называемой акматической фазы развития этноса. Это значит, что византийцы похожи на крестоносцев XI века, которые были «моложе» в этническом смысле и переживали ровно то же, что Византия: завоевательные походы, внутреннюю религиозную борьбу, народные восстания, поиски истины... Тогда Юстиниана вообще не в чем винить. Он был один из многих византийцев и действовал так, как диктовали биоритмы тогдашней Византии. Другого поведения никто бы не понял. При этом его действия оказались замечательно эффективны и оставили глубокий след в истории человечества.

Гениальность императора в том, что он сумел сохранить систему, избежать хаоса гражданской войны и направить энергию населения в нужное русло. В то же время Ромейская империя стала «социальной»

империей. Дворянства здесь так и не возникло, а крупное землевладение неуклонно сокращалось. Империя была государством крестьян и ремесленников, и каждый ее гражданин теоретически мог стать императором. Законченную форму эта система приняла через 500 лет после смерти Юстиниана. Мы описали ее в книге об императоре Алексее Комнине и привели основную литературу по этому вопросу.

III

Благодаря принципам, которые заложил Юстиниан, здание Византии продержалось очень долго — до середины XV столетия. Менее счастливые государства погибли раньше. Через несколько лет после смерти Юстиниана было разгромлено аварами вождество «склавинов». Авары кое-как продержались до IX века и были поглощены венграми. В VII веке произошел пассионарный взлет у арабов. Они приняли ислам, угрожали Константинополю и уничтожили государство вестготов в Испании. Еще до этого жертвой арабов стали берберы. Под натиском арабских захватчиков исчезли древние персы-арийцы: прогнившее аристократическое царство погибло и возродилось через много лет уже как шиитский Иран.

Арабский халифат развивался по тем же принципам, что и Ромейская империя: захват огромных территорий, распад и политическая смерть. При этом Византия пережила халифат арабов; она оказалась жизнеспособнее.

В VIII веке погибло государство лангобардов, его захватили франки. Сами франки пережили пассионарный толчок и обновились. Старый этнос сгинул, а вместо него появились новые народы — немцы, итальянцы, французы.

Странное дело: Ромейская империя пережила всех соседей-ровесников. Ее задавили уже другие, более молодые этносы. Это были османы на Востоке и европейцы — на Западе. Византия оказалась устойчивее многих соперников.

Юстиниан сделал всё для того, чтобы обеспечить своей державе блистательное будущее. Даже лишившись половины владений, Византия долгое время оставалась самым мощным, густонаселенным, богатым и культурным царством Средиземноморья.

Базилевс расширил империю до возможных пределов. В итоге византийцам было что терять и куда отступать. В этом я вижу главную заслугу Юстиниана, и она перечеркивает все недостатки этого правителя.

Эта точка зрения не вызывала сомнений в средневековой Европе. Когда жизнь была цельной, а мысль человеческая не отравлена ядом философских сомнений, европейцы превозносили Юстиниана. Данте в «Божественной комедии» отвел византийскому императору почетное место. По мнению поэта, Юстиниан «подправил повода коню», «в законах всякий устранил изъян», вступил на путь истинной веры, и Бог «его отметил». Быть может, это лучшая оценка православного императора, прозвучавшая из уст католика. Тем ценнее она для нас, русских — наследников Византии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Агафий Миринейский.* История императора Юстиниана. — URL: <http://krotov.info/acts/06/1/agafiy0.html>
- Аммиан Марцеллин.* Римская история. — М., 2005. — 634 с.
- Аноним Вalezия.* Извлечения // *Евагрий Схоластик.* Церковная история. — СПб., 2006. — 670 с.
- Аноним Вalezия.* Извлечения. — URL: http://www.drevlit.ru/texts/a/annonim_valez_text.php
- Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — 216 с.
- Георгий Амартол.* Временник. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Amartol/frameset11.htm>
- Григорий Турский.* История франков. — М., 1987. — 462 с.
- Дигесты Юстиниана.* — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VI/520-540/Digestae_Just_II/text1.htm
- Евагрий Схоластик.* Церковная история. — СПб., 2006. — 670 с.
- Захария Ритор.* Церковная история // *Евагрий Схоластик.* Церковная история. — СПб., 2006. — 670 с.
- Захария Ритор.* Хроника Захарии Ритора // *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории СССР. — URL: <http://eknigi.org/istorija/116370-sirijskie-istochniki-po-istorii-narodov-sssr.html>
- Идаций.* Хроника. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Idatius/pred1.phtml?id=12355>
- Иоанн Малала.* Хронография. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Malalas/frameset.htm>
- Иоанн Эфесский.* Церковная история. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Ioann_Efess/text12.phtml?id=665
- Иордан.* Гетика. — СПб., 2013. — 506 с.
- Исидор Севильский.* История вандалов. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/vand.phtml?id=582
- Исидор Севильский.* История готов. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frameset.htm
- Исидор Севильский.* История свевов. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/svev.phtml?id=583
- Кодекс Юстиниана. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VI/520-540/Codex_Justinianus/text.htm
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — М., 1991. — 496 с.
- Марцеллин Комит.* Хроника // *Евагрий Схоластик.* Церковная история. — СПб., 2006. — 670 с.
- Менандр Протектор.* История. — URL: http://krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_06.htm
- Новеллы Юстиниана. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VI/520-540/Novellae%20Constitutiones/text1.phtml>
- Орозий.* История против язычников. — СПб., 2009. — 544 с.
- Павел Диакон.* История лангобардов. — М., 2008. — 318 с.

Приск Панийский. Сказания. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext21.htm>

Проконий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. А. А. Чекаловой. — М., 1993. — 570 с.

Проконий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Война с готами. Тайная история. О постройках / пер. С. П. Кондратьева. — URL: <http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/P.phtml?id=2056>

Сократ Схоластик. Церковная история // *Евагрий Схоластик*. Церковная история. — СПб., 2006. — 670 с.

Феофан Исповедник. Хронография. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Feofan/text4.phtml?id=9630>

Фирдоуси. Шахнаме. — Т. 6. — М., 1989. — 656 с.

Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Искусство войны. — СПб., 2007. — 542 с.

Хроники длинноволосых королей. — М., 2004. — 352 с.

Юстиниан. Корпус гражданского права. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VI/520-540/Corpus_juris_civilis/text.htm

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М., 1993. — 514 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992. — 510 с.

Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 1993. — 336 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990. — 528 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С. В. Славянская Европа V—VI вв. — М., 2008. — 446 с.

Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV—XII вв.). — СПб., 2013. — 688 с.

Бейкер Дж. Юстиниан : Великий законодатель. URL: <http://knigosite.org/library/read/83763>

Васильев А. А. История Византийской империи : Византийская империя до Крестовых походов. — М., 2012. — 432 с.

Величко А. М. История византийских императоров. — М., 2009. — Т. 2. — 448 с.

Воронов Ю. Н. Научные труды. — Т. 1 : Колхида в Железном веке. Колхида на рубеже Средневековья. — URL: http://apsnyteka.org/file/Voronov_Yu_Nauchnye_trudy_v_7_tomah_T-1.pdf

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. — М., 2008. — Т. 4. — 624 с.; Т. 5. — 592 с.

Грегориус Ф. История города Рима в Средние века. — М., 2008. — 1280 с.

Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. — М., 2001. — 556 с.

Дашков С. Б. Императоры Византии. — URL: <http://lib.rus.ec/b/326502/read>

Диль Ш. Византийские портреты. — М., 2011. — 742 с.

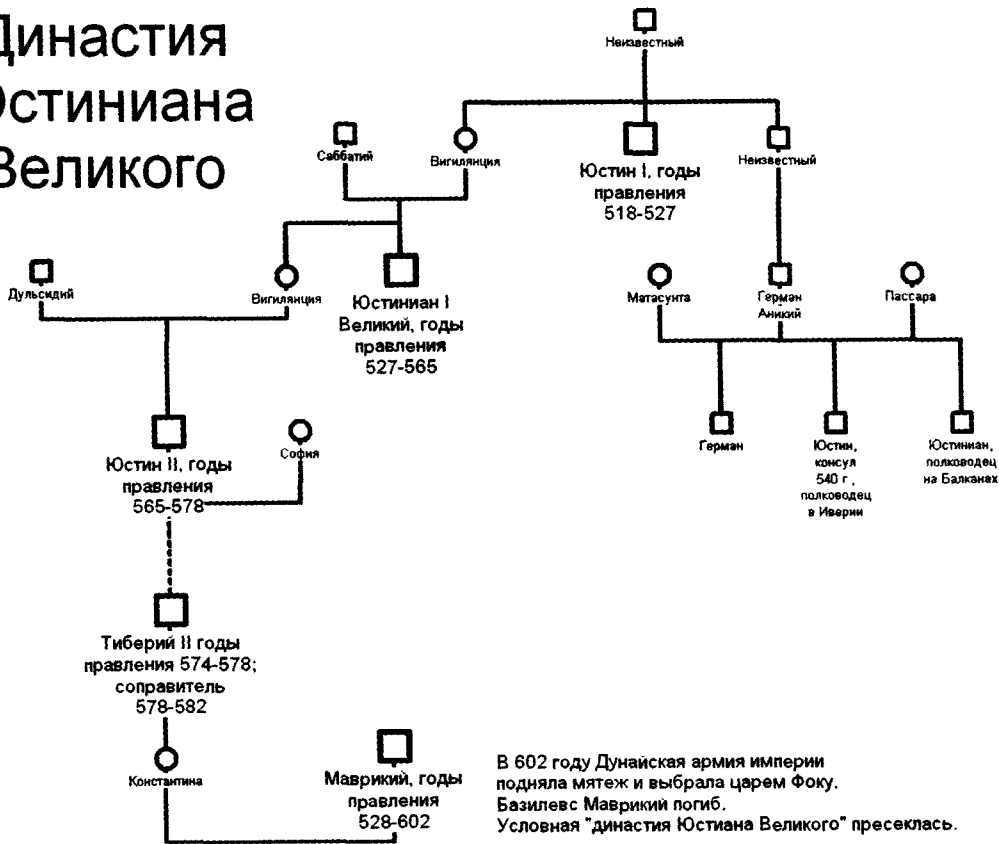
Диль Ш. Император Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. — Минск, 2010. — 654 с.

Диль Ш. История Византийской империи. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Diehl_Ist/

Епископ Иоанн. История Вселенских соборов. — Киев, 2007. — 550 с.

- История Византии. — М., 1967. — Т. 1. — 524 с.
- Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб., 1998. — 336 с.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. — Т. 1. — URL: <http://lib.rus.ec/b/443806/read>
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. — Т. 2. — URL: <http://knigi4me.com/category4/book1909-down.html>
- Культура Византии. IV—первая половина VII в. — М., 1984. — 723 с.
- Лебедев А. П.* Вселенские соборы VI, VII и VIII веков. — СПб., 2007. — 320 с.
- Лиддел Гарт Б.* Энциклопедия военного искусства : Стратегия непрямых действий. — М. ; СПб., 1999. — 652 с.
- Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв. — Л., 1986. — 310 с.
- Люттвак Э.* Стратегия Византийской империи. — М., 2010. — 647 с.
- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства // Древняя и раннесредневековая Русь. — СПб., 2009. — 720 с.
- Мейендорф И.* Единство империи и разделения христиан : Церковь в 450—680 годах. — М., 2012. — 448 с.
- Мюллер А.* История ислама. — М., 2006. — Кн. 1. — 912 с.
- Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. — СПб., 2006. — 416 с.
- Острогорский Г.* История Византийского государства. — М., 2011. — 890 с.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. — URL: http://eknigi.org/estestvennye_nauki/1188-pigulevskaya-nv-vizantiya-i-iran-na-rubezhe-vi-i.html
- Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана. — URL: <http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1085>
- Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории СССР. — URL: <http://eknigi.org/istorija/116370-sirijskie-istochniki-po-istorii-narodov-sssr.html>
- Пирени А.* Империя Карла Великого и Арабский халифат : Конец античного мира. — М., 2011. — 350 с.
- Пфайльшифтер Г.* Теодорих Великий. — СПб., 2004. — 272 с.
- Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана. — URL: <http://www.vremennik.biz/opus/VV/27/51976>
- Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. — URL: <http://padabum.net/d.php?id=31949>
- Уколова В. И.* «Последний римлянин» Боеций. — М., 1987. — 160 с.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — М., 2001. — Т. 1. — 624 с.
- Хэлдон Дж.* История византийских войн. — М., 2007. — 460 с.
- Циркин Ю. Б.* Испания: от античности к Средневековью. — СПб., 2010. — 456 с.
- Чекалова А. А.* Западные и восточные тенденции в Византии в ранний период (борьба и взаимодействие). — URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25644/1/adsv-41-03.pdf>
- Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. — URL: http://www.razlib.ru/istorija/konstantinopol_v_vi_veke_vosstanie_nika/p1.php
- Чекалова А. А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV—первая половина VII века. — М., 2010. — 344 с.
- Чиркович С.* История сербов. — М., 2009 — 448 с.

Династия Юстиниана Великого

В 602 году Дунайская армия империи подняла мятеж и выбрала царем Фоку. Базилевс Маврикий погиб. Условная "династия Юстиана Великого" пресеклась.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдоин (Эдвин), лангобардский герцог, затем король (546—566) 396—398, 411
Авлавий, византийский чиновник-финансист 499, 500
Авраам, древнееврейский пророк 459
Агапит, римский папа 232, 310—312
Агафий Миринейский, византийский историк 7, 240, 320, 383, 416, 418, 427, 429, 430, 432—442, 444, 445, 447, 448, 450—453, 472, 476, 484, 485, 495, 501, 503
Агила I, вестготский король (448—449) 422, 424, 426
Азарет, иранский военачальник 145
Азинаний, остготский полководец 234, 241
Акакий, отец византийской императрицы Феодоры 78, 79
Акакий, византийский чиновник в Армении 250, 251
Акум, «гунн» (болгарин) на византийской службе 269, 270
Аламанни Никколо, греческий гуманист, издатель «Жизни Юстиниана» 31
Александр, византийский сенатор, посол в Италию 217
Александр, византийский воин, отец патриарха Евтихия 349
Александр, епископ Диоспольский 123
Александр Македонский, царь Македонии и Ирана (336—323 гг. до н. э.) 109, 292
Александр «Ножницы», византийский чиновник 348, 350—352, 361
Алексеев Сергей Викторович, российский историк 400, 401, 446, 456
Алексей Комнин, византийский император (1081—1118) 509
Алигерн, остготский герцог, брат Тейи 416, 421, 428, 430, 434
Ал-Мунзир III ибн Нуман, царь государства *лахмидов* (505—554) 96, 134, 145, 321, 381, 382
Алфия, византийский военачальник 189
Амазасп, армянский князь, племянник Симеона 250
Амаларих, король вестготов (511—531) 420
Амаласунта, остготская королева, дочь Теодориха Великого († 535) 181, 193, 206, 214—221, 233, 239, 240, 247, 422, 436
Амалафрид, византийский военачальник, внучатый племянник Теодориха Великого 410, 411
Амалафрида, вандалская королева, сестра Теодориха Великого 173—175, 216
Амалы, династия остготских королей 201, 215, 218, 220, 240, 395
Амантий, византийский сановник, приближенный императора Анастасия Дикора 43—45, 54
Аммата, вандалский принц, брат короля Гелимера 183—185
Аммиан Марцеллин, римский историк
Анатолий, византийский сенатор 444
Анастасий Дикор, византийский император (491—518) 25—30, 34—46, 49, 52, 54—60, 63, 64, 67, 68, 73, 77, 78, 84, 92, 93, 95, 98, 100, 103, 106, 107, 118, 135, 148—150, 155, 157, 174, 207, 208—210, 296, 301, 304, 316, 317, 445, 496
Андрей, византийский воин в битве при Даре 139, 140
Андрей, логофет, затем епарх Константинополя 501
Андрей, апостол 293
Антала, вождь берберов 224, 226, 358, 359, 361, 371, 373—375
Антемий, император Западной Римской империи (467—472) 299
Аноним Валезия, византийский историк 20, 43, 53, 204, 212
Антонина, жена Велисария 114, 181, 185, 222, 250, 254, 278, 330, 331, 366, 369, 370, 504
Анфим, константинопольский патриарх 232, 308, 311
Анфимий из Тралл (Антемий), византийский архитектор, строитель собора Св. Софии 289, 293, 445
Аратий (Трагат) Камсаракан, армянский князь, полководец 99, 144, 145, 262, 263, 273, 398, 400, 401, 410
Аргик, византийский копьеносец 344
Ардавур, византийский временщик, сын Аспара 17, 18
Ареобинд, византийский наместник Африки 361, 362, 371—373, 375, 377

- Арета см. Харис
 Ариадна, византийская императрица, супруга Зенона 19, 25
 Арий, византийский ересиарх 22, 213
 Ариман, олицетворение зла, владыка тьмы у древних иранцев 68, 70, 89
 Аристотель, древнегреческий ученый, основатель афинской Академии 127, 128, 318
 Артабан Аршакуни, армянский князь, участник антивизантийского восстания 251, 252, 361, 362, 371, 372, 374—378, 380, 395, 404, 428, 429, 432, 433
 Арташир, телохранитель Артабана Аршакуни 375
 Арташир Аршакуни, армянский князь, участник антивизантийского восстания 251
 Архелай, казначей армии Велисария, византийский наместник Африки 195, 197
 Архимед, древнегреческий философ, математик, военный инженер 41
 Аршак Аршакуни, византийский заговорщик против Юстиниана 377—380
 Аршакуни (Аршакиды), династия царей Армении и армянских князей 251, 361, 377
 Асбад, византийский офицер, убитый славянами 398
 Асбад, гепид на византийской службе, убийца Тотила 412, 414
 Аскан, предводитель болгар на византийской службе 139
 Асклепидот, византийский чиновник, язычник 128
 Аспар, византийский временщик, имперский полководец 17, 18
 Аспарух, болгарский хан (665?—700) 86, 452
 Аталарих, король остготов (526—534) 215, 216, 217, 218, 247
 Атанагильд, король вестготов (554—568) 424—427
 Афанасий, византийский дипломат, епарх Карфагена, сенатор 234, 236, 361, 372, 374, 439, 441
 Ахемениды, династия древнеперсидских царей 94, 321
 Ахура Мазда, бог света и добра в зороастризме 68, 89
 Ацисклий, христианский мученик 424
 Бадвила см. Тотила
 Бакур, марзпан Иверии 97, 129
 Балты, династия вестготских королей 420, 421
 Бартольд Василий Владимирович, русский советский историк-востоковед 28
 Басс, наместник византийской провинции Палестина Вторая 125
 Баударий, византийский военачальник 269
 Баян, аварский хан 454—457
 Бесс, византийский полководец 147, 222, 238, 243, 246, 273, 274, 350, 352, 353, 364, 365, 366, 384, 385, 386, 437, 484
 Бледа, остготский военачальник 351
 Богумил (Теофил), священник, автор «Жизни Юстиниана» 31
 Бонифаций, западноримский наместник в Африке 171
 Боэций Аниций, римский политик на готской службе, автор трактата «Утешение философией» 207, 212—214
 Бутилин, герцог алеманнов (швабов) 427, 429, 431—433
Ваким, остготский военачальник 262, 263, 266
 Вако, король лангобардов (ок. 510—ок. 540) 265, 396, 397
 Вакх, христианский святой 293
 Валентиниан III, западноримский император (425—455) 174, 200
 Валентин, византийский военачальник 222
 Валериан, византийский военачальник 189, 229, 231, 242, 248, 333, 335, 343, 369, 382, 408, 433
 Вальгари (Вальтер), сын короля Вако, лангобардский король (540—546) 396, 397
 Варват, византийский военачальник 189
 Васак Мамиконян, армянский князь, участник антивизантийского восстания 251, 336
 Василиск, византийский узурпатор (475—476) 20, 21, 172, 176
 Василид, византийский чиновник, квестор империи в дни восстания «Ника» 154
 Васильев Александр Александрович, русский историк-византинист 75, 163, 165

- Вегетий *см.* Флавий Вегетий Ренат
Велас, телохранитель короля Хильдебарда 349
Велисарий Флавий, византийский полководец 6, 14, 15, 30, 34, 57, 98, 99, 113, 114, 120, 129, 131, 135, 198, 199, 200, 214, 222–225, 229–231, 234, 236, 237–250, 253–255, 260–267, 270–275, 278, 279, 284, 293, 295, 312, 320, 322, 328, 330, 331, 333–336, 339, 342, 346–348, 351–353, 355, 357, 358, 362, 363, 364, 366–371, 378–380, 382, 391, 393–395, 405, 406, 408, 411, 430, 431, 442, 449–451, 468, 469, 477, 489, 491, 498, 500–504
Вернадский Георгий Владимирович, русский историк 270
Веспасиан, римский император (69–79) 108, 199
Вигилий, римский папа 248, 313, 365, 393, 464–469, 470–473, 474
Вигилянция, мать Юстиниана Великого 31
Виктор Туннунский, африканский епископ, 474
Виктор, епарх Константинополя 123, 474
Вильгельм Завоеватель, король Англии (1066–1086) 13
Виталиан, византийский полководец 38, 39, 40, 41, 42, 55, 56, 59–62, 63, 129, 210, 253, 255, 262, 264, 267, 273, 285, 350, 352, 353, 355, 364, 366, 367, 398, 401, 403, 407, 412, 413, 428, 430
Виталий, византийский полководец 349, 350, 362, 363
Витигес (Витциг), остготский король (536–540) 216, 239–245, 246, 248, 249, 252, 253, 254, 255, 260, 261, 262, 263, 265–267, 271–274, 275, 321, 330, 333, 334, 346, 347, 411, 417
Воа, предводительница гуннов-сабиров 130
Вой, персидский военачальник 95
Воронов Юрий Николаевич, советский и российский археолог, историк-кавказовед 512
Врадукий, персидский переводчик на переговорах с византийцами 381
Вуза, византийский военачальник 138, 139, 147, 252, 253, 322, 327, 333, 361, 398, 438, 439, 440, 477
Гаина, александрийский архидиакон 309
Галла Плацидия, мать императора Валентиниана III 205
Ганнибал, карфагенский полководец 434
Гаусы, династия лангобардских королей 396, 397
Гезон, византийский интендант в Африке 356
Гекебол, византийский чиновник 83
Гелимер, последний король вандалов (530–534) 175, 178, 180, 182–192, 194, 195, 198, 199, 200, 232, 330, 420
Гензерих (Гизерих, Генрих), король вандалов (427–477) 11, 171–175, 182, 199, 374
Гензон, вандалский принц, старший сын Гензериха 172, 173, 175
Генрих *см.* Гензерих
Георгий, константинопольский епарх 497, 498
Георгий Амартол, византийский историк 148
Герман, византийский офицер в битве при Даре 139
Герман Аникий, византийский полководец, двоюродный брат Юстиниана Великого 136, 137, 256–260, 285, 322, 323, 346, 360, 364, 378–380, 395, 401–403, 410–412, 437, 442, 452, 502, 505
Гермий финикиянин, византийский философ 320
Герман, сын Дорофея, византийский офицер, руководитель обороны Херсонеса Фракийского 451
Германарих, остготский король (350–375) 201, 202
Гермоген, византийский военачальник на Востоке 138–143
Гермоген, византийский перебежчик в Италию 416, 428
Геродиан, византийский военачальник 241, 353, 354
Гец фон Берлихинген, немецкий дворянин, предводитель мятежа, предшествовавшего Великой крестьянской войне 228
Гибамунд, вандалский принц, племянник короля Гелимера 184
Гиббон Эдвард, британский историк 13, 16, 66, 75, 78, 458, 480
Гизерих *см.* Гензерих

- Гилара, византийский сенатор, жертва репрессий Юстиниана 299
- Года, военачальник на службе у вандалов 178, 180, 181, 186
- Годилла, византийский военачальник 270
- Гонтарис (Гюнтер), германец на византийской службе 356, 371—375, 466
- Горд (Грод), царь Восточного Рима (20-е гг. VI в.) 130, 131
- Гормизд, римский папа 59, 60, 209, 212, 276, 293, 305, 312, 468
- Грат, византийский комес 209
- Грагат Камсаракан см. Аратий
- Грегориус Фердинанд, немецкий историк 206, 246, 368
- Гретис, вождь герулов 135
- Григор Мамиконян, армянский князь, участник антивизантийского восстания 251
- Григорий Великий, римский папа 214
- Григорий Турский, средневековый историк 173, 208, 221, 420—422
- Грипп, остготский полководец 234, 237
- Грод см. Горд
- Гуваз II, царь Лазики (?—554) 382—384, 389, 437—439, 441
- Гумилев Лев Николаевич, советский и российский историк-этнолог 12, 21, 124, 136, 288, 304, 307, 320, 390, 459, 476, 508
- Гундальф см. Индульф
- Гунерих (Гюнтер), вандалский король (477—484) 172—174
- Гундамунд, вандалский король (484—496) 173
- Гурген см. Цатий
- Гюнтер см. Гунерих
- Гюнтер см. Гонтарис
- Дабрагез (Доброгаст), ант на византийской службе 439, 440
- Дагисфей, византийский военачальник 382—384, 386, 412
- Дан Феликс, немецкий романист, автор книги «Битва за Рим» 214
- Данте, итальянский поэт 510
- Датис, миланский епископ 254
- Дельбрюк Ганс, немецкий военный историк 433
- Деметрий, византийский сановник и военачальник, посол в Италию, начальник пехоты у Велисария 217, 222, 353
- Демосфен, византийский чиновник 146, 299
- Деций, римский император (249—251) 459
- Джабала ибн Харис, правитель гассанидов (549—559) 382
- Диль Шарль, французский историк-византист 78, 88, 159, 292, 314, 369, 448, 505
- Диоген, византийский военачальник 394
- Диоген финикиянин, византийский философ 320
- Диоклетиан, римский император (284—305) 47, 283, 488
- Дитгун, царь Восточного Рима (50-е гг. VI в.) 131
- Дитивист, брат императора Юстина I 16, 19
- Дитрих см. Теодорих Великий
- Доброгаст см. Дабрагез
- Добрыя, князь славян-дунайцев 456, 457
- Домициан, римский император (81—96) 72, 108, 496
- Домник, византийский сенатор и полководец 256, 258, 260, 271, 272
- Дорофей, византийский военачальник в войнах с персами 139, 144, 146, 451
- Дюма Александр, французский писатель 141
- Евагей, вандалский герцог, брат короля Хильдерика 175, 183
- Евагрий Схоластик, византийский историк 7, 26, 45, 54, 61, 63, 74, 294, 298, 337, 340, 477, 489, 495
- Евгений, византийский чиновник 497, 498
- Евлалий, комит доместиков (византийский офицер) 121, 122
- Евлалий фригиец, византийский философ 320
- Евсевий, епископ Кизика 332
- Евсевий, комит федератов 500
- Евстофий, иерусалимский патриарх 463
- Евтихий, византийский ересиарх, крайний монофизит 305, 306, 469, 470, 472, 501, 504
- Евфалий, византийский чиновник 249
- Евфимия (Луппкина), византийская императрица, супруга Юстина I 46, 87

- Евфимия, дочь префекта Иоанна Каппадокийца 330
- Епифаний, константинопольский патриарх 61, 307, 308
- Есдилас, берберский вождь 224, 225
- Ефрем из Амиды (Либералий), наместник Антиохии, затем антиохийский патриарх 99, 103, 313, 323
- Заберган, хан кутургуров 399—401, 446, 447, 449—453, 455—457
- Зенон, византийский богач, внук западноримского императора Антемия 299
- Зенон Исавр (Тарасикодисса), византийский император (474—475, 476—491) 19—21, 23—26, 28, 49, 52, 58—60, 172, 203, 207, 209, 304
- Зилингд, хан утургуров 90, 91
- Зимарх, брат императора Юстина I 16, 19
- Зимарх, комит диоцеза Восток 498
- Зонара, византийский историк 152, 156
- Зороастр (Зердушт), тайный основатель секты зердуштакан 58, 69
- Ива Эдесский, византийский богослов 306, 463—465, 469, 471—473
- Иванов Валентин Дмитриевич, советский писатель, автор романа «Русь изначальная» об эпохе Юстиниана 154, 179, 268, 461
- Идаризий, вождь антов 270
- Идаций, средневековый историк 171, 419
- Ильдибад *см.* Хильдебад
- Индульф (Гундальф), перебежчик из Византии, прототип одного из персонажей романа «Русь изначальная» 393, 394, 408, 415, 417, 427
- Иннокентий, византийский военачальник 222
- Иннокентий Маронийский, православный епископ 305
- Иоанн I, римский папа 212, 213
- Иоанн II (533—535), римский папа 310
- Иоанн II Каппадокиец, константинопольский патриарх 54, 59, 61, 209
- Иоанн Армянин, византийский военачальник 182, 184, 185, 188—190, 192, 351
- Иоанн, брат Паппа, византийский военачальник в Африке 258, 259
- Иоанн, византийский вельможа, сын Помпея 377
- Иоанн, византийский консул, завоеватель Боспора, внук Иоанна Скифа 131
- Иоанн, византийский логофет 500
- Иоанн, византийский наместник в Африке 361, 375, 376, 422, 503
- Иоанн, византийский офицер в битве при Даре 139
- Иоанн «из схоластиков, апокрисиарий Антиохии великой», константинопольский патриарх 504
- Иоанн Каппадокиец, префект претория Византийской империи 113, 114, 117—120, 150, 154, 164, 177, 277, 293, 328—222, 408, 493
- Иоанн, квестор Священного Палатия 106, 116
- Иоанн Кирт, византийский военачальник 26
- Иоанн Лид, византийский поэт 153, 292
- Иоанн Максенций, скифский монах 210, 211
- Иоанн Малала, византийский историк 7, 42, 51, 63, 101, 102, 104, 107, 121, 123, 125, 127, 130, 132, 134, 147, 152, 154, 158, 482, 490
- Иоанн, незаконный сын императрицы Феодоры 280
- Иоанн Никиусский, византийский церковный деятель, монофизит 53, 63
- Иоанн Обжора (Фага), византийский военачальник 340, 343
- Иоанн, племянник Виталиана, византийский военачальник 253, 255, 262, 264, 267, 273, 274, 285, 350, 352, 353, 355, 364, 366, 367, 398, 401, 403, 407, 409, 412, 413, 428, 429, 430
- Иоанн, предводитель антивизантийских мятежников в Африке после смерти Стозы 371
- Иоанн Скиф, византийский полководец 131
- Иоанн, сын Никиты, византийский военачальник в Закавказье 343
- Иоанн, сын Сисиниола, византийский военачальник в Африке 359, 361, 362
- Иоанн Телльский, епископ-монофизит 346
- Иоанн, трибун (офицер), претендент на императорский трон Византии 46
- Иоанн Цив, византийский военачальник в Лазике 334
- Иоанн Эфесский, византийский церковный деятель, монофизит 77, 276, 293, 303, 305, 310, 315—319, 473

- Иордан, сын Вильямота, готский историк 136, 171, 200, 201, 203, 207, 239, 425, 426
- Ипатий, племянник императора Анастасия Дикора 30, 38, 39, 40, 42–46, 56, 92, 93, 97–99, 102, 103, 118, 135, 148, 157–162, 163
- Ипатий, византийский вельможа, убитый стасиотами 100, 101
- Ипатий, византийский сановник, посол в Италию 217
- Иринея, византийский военачальник в Палестине и на Кавказе 127, 129
- Исайя, епископ Родосский 123
- Исдигусна см. Йезд Гушнасп
- Исидор из Милета, византийский архитектор, строитель собора Св. Софии 289, 445
- Исидор Севильский, средневековый историк 171, 419, 421, 424, 426
- Истеми, тюркютский хан 454
- Йезд Гушнасп (Исдигусна), иранский вельможа 381, 387–389**
- Йерсен, Александр, французский ученый-биолог 337
- Кабус, иранский принц, сын шаханшаха Кобада 72, 133**
- Каждан Александр Петрович (Песехович), советский и американский историк-византист 164, 475
- Калигула, римский император (37–41) 72, 107
- Калоподий (Деревяшка), византийский чиновник, спафарий 150
- Карл Великий (Шарлемань), король франков (768–800), император «Священной Римской империи германской нации» (800–814) 11, 13, 267
- Кассиодор Флавий, римский политик на готской службе, автор исторических сочинений 207, 212, 425
- Келагаст, вождь антов 270
- Келер, византийский чиновник эпохи Юстина I 46, 54, 57, 59, 60, 62, 67, 102, 106
- Кий, мифический основатель Киева 137
- Киприан, византийский военачальник 189, 246, 352, 353
- Кир, византийский чиновник, племянник евнуха Соломона 357, 358
- Кирилл, византийский военачальник 39
- Кирилл, византийский офицер 139
- Кирилл, византийский архонт 179, 192
- Кирилл Александрийский, византийский богослов, один из «отцов Церкви» 307, 472, 473
- Кирик, византийский военачальник 129
- Клавдиан, византийский наместник Далмации 394
- Кобад, шаханшах Ирана (488–533) 70–72, 74, 90–92, 94, 95, 98, 99, 129, 132, 133, 147, 169
- Кольбер Жан-Батист, французский государственный деятель, экономист, основоположник политики меркантилизма 70
- Комито, сестра императрицы Феодоры, супруга полководца Ситты, мать императрицы Элии Софии 78, 79, 131, 502
- Конон, византийский военачальник 253, 352, 354, 365, 370
- Константин Великий, римский император (306–337) 12, 13, 35, 47
- Константин Багрянородный, византийский император (913–957) 105, 262
- Константин, византийский военачальник, казненный Велисарием в Италии 254
- Константин, сын Флоренция, византийский военачальник во Фракии 243, 269, 270
- Константин, византийский полководец 222, 237, 243, 245, 350–353, 355, 398, 403, 404
- Косьма Индикоплаватель (Индикоплов), купец и путешественник эпохи Юстиниана 490
- Кулаковский Юлиан Андреевич, русский историк-византист 75, 292
- Кутцина см. Куцина
- Куца, византийский военачальник, сын Виталиана 129
- Куцина (Кутцина), берберский вождь 224, 225, 371, 374, 375, 503
- Лавр, карфагенянин 188**
- Лазарь, византийский военачальник 397
- Лебедев Алексей Петрович, русский историк Церкви 457
- Лев I Мясник, византийский император (457–474) 18, 19, 20, 172
- Лев II, византийский император (474–475) 20

- Левдерис, остготский военачальник 240, 241
- Леодард, посол короля Австразии Теодобальда 393
- Леонтий, скифский монах, родич полководца Виталиана 210
- Леонтий, византийский военачальник в Африке 260, 392, 393
- Леонтий Византийский, богослов, тайный оригенист 460, 461
- Лех, мифический предок поляков 137
- Либералий см. Ефрем
- Либериий Петр Марцеллин Феликс, римский политик на готской и византийской службе 207, 212, 220, 284, 395, 404, 425, 426, 427
- Лиддел Гарт Бэзил, британский военный историк 143, 413
- Лисипп, античный скульптор 294, 318
- Литаврин Геннадий Григорьевич, советский и российский историк 475
- Литинги, династия лангобардский королей 396, 397
- Лотар, герцог алеманнов 427, 429, 431, 432
- Лука, апостол 293
- Лупикина см. Евфимия
- Люттвак Эдвард, американский разведчик, политолог, историк 285, 337, 340, 341, 342, 393, 448, 449, 484
- Маврикий, сын византийского полководца Мунда 235
- Магн, византийский военачальник 222, 363
- Маджак, вождь дулебов 270
- Маздак, предводитель народного восстания в Иране 70, 476
- Макарий, иерусалимский патриарх 463
- Македоний, константинопольский патриарх 37, 60, 61, 128
- Максимиан, организатор антивизантийского заговора в Карфагене 260
- Максимин, византийский чиновник, уполномоченный императора Юстиниана в Италии 271, 272, 356, 361
- Мани, основатель манихейской ереси 67—69
- Марин Сириец, византийский флотоводец 41, 42
- Марон, монофизитский монах и врачеватель 315, 316
- Маркелл, византийский военачальник на персидском фронте, затем начальник стражи Священного Палатия 139, 331, 332, 379, 380
- Маркелл, византийский военачальник в Африке 139, 255, 379, 380
- Маркелл, банкир, участник заговора против Юстиниана 499, 500
- Маркиан, византийский заговорщик, противник императора Зенона 24
- Маркиан, византийский военачальник эпохи Юстиниана Великого 503
- Маркс Карл, европейский мыслитель, политик и философ 475
- Мартин, византийский военачальник 344, 345, 389, 437—442
- Марцеллин Комит, византийский историк 38, 39, 41, 54, 154, 302
- Марция, римская патрицианка 290
- Массона, берберский вождь 224, 226
- Мастина, берберский вождь 224
- Матасунта, остготская принцесса, дочь Амаласунты, вторая жена Аникия Германа 215, 240, 271, 272, 346, 347, 395
- Махмуд Газневи, правитель Восточного Ирана (998—1031) 70
- Махуд Сурен (Мевод), иранский полководец 92, 93
- Медисинисса, берберский вождь 224, 225
- Мезамир, вождь антов 270, 455
- Мейендорф Иоанн, православный богослов и историк Церкви 314, 457, 458
- Менандр Протектор (Протиктор), византийский историк 455, 496, 503
- Мина, константинопольский патриарх 232, 311, 462, 463, 465, 466, 469
- Мир Мерой, иранский полководец 144, 147, 382, 383, 386, 387, 389, 390, 437
- Митра, бог верности у арийских народов 89, 290
- Моисей, древнееврейский пророк 459
- Молац, византийский военачальник 323
- Монтац, византийский ересиарх, основатель секты монтанистов 318
- Моциан Схоластик, византийский юрист 467
- Муагер, боспорский царь, брат Горда (30-е гг. VI в.) 131
- Мунд, вождь гепидов, византийский полководец 135, 146, 151, 154, 155, 159—161, 222, 223, 235
- Мундила, телохранитель Велисария 249, 250, 261, 264

- Мухаммед (Мухаммад), пророк ислама, правитель Аравии (630—632) 506
- Мюссе Люсьен, французский историк 200
- Навед, персидский полководец 343, 384
- Наполеон I, первый консул (1799—1804), император Франции (1804—1814) 106
- Нарсес, евнух, византийский полководец 144, 145, 160, 161, 262—265, 272, 273, 284, 295, 331, 407—409, 412—417, 428—436, 474
- Нарсес Камсаракан, армянский полководец 99, 262, 309, 343
- Нахогаран, иранский военачальник 437, 438, 440, 441, 443
- Нерон, римский император (54—68) 107
- Несторий, византийский патриарх, основатель ереси несториан 23, 305—307, 472, 473
- Никий, возничий на ипподроме в Палестине 126
- Оамер, вандалский военачальник 175, 183
- Ованес (Иоанн) Аршакуни, армянский князь, участник антивизантийского восстания, убит Вузой 251, 253, 361, 378
- Сванес Аршакуни (младший), сын Ованеса старшего, погиб в Африке 362
- Одоакр, вождь скиров, полководец Западной Римской империи, правитель Италии (476—493) 11, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 203—206, 228, 230, 272, 425
- Опилион, посол Теодата к Юстиниану 220
- Оптарис, остготский воин 239
- Ориген, сенатор, один из предводителей восстания «Ника» 153, 158
- Ориген, раннехристианский философ 459—464
- Орозий Павел, римский историк 171, 419
- Ортаия, берберский вождь 224, 226, 258
- Осия, древнееврейский царь 469
- Павел, апостол 293
- Павел, византийский военачальник 222, 253
- Павел, александрийский патриарх 313
- Павел, византийский священник в Африке 360
- Павел Дякон (Дьякон), лангобардский историк 396
- Павел из Киликии, домоправитель Велисария, затем византийский офицер 394
- Папн, византийский военачальник 189, 258
- Пассара, первая жена Германа Аникия 346
- Патрокл, ахейский воин, персонаж «Илиады», друг Ахилла 385
- Пелагий, дьякон, затем римский папа, друг Юстиниана 365, 471, 474
- Пераний, сын царя Иверии, византийский военачальник 222, 343, 344
- Перикл, древнеафинский государственный деятель 32
- Пероз (Фируз), иранский принц, военачальник 129
- Петр, апостол, первый римский епископ 59, 469
- Петр, византийский военачальник в Лазике 129, 334, 343, 344
- Петр Барсима, префект Священного Палатия 333, 481
- Петр Великий, российский царь, император (1682—1725) 111, 119
- Петр Патрикий, византийский чиновник и дипломат 218—221, 232—234, 236, 443, 485, 503
- Пигулевская Нина Викторовна, советский историк 341, 342, 381, 390, 475, 480
- Пидзас, остготский военачальник в Самнии 242
- Пиренн Анри, бельгийский историк 11
- Питиакс, иранский военачальник 138, 141, 142
- Платон, античный философ 318
- Плутарх, античный историк 318
- Помпей, племянник императора Анастасия Дикора 42—44, 60, 157, 158, 162, 163, 377
- Пракситель, античный скульптор 294
- Прейкета, племянница Юстиниана, жена Ареобинда 361, 375, 377
- Примазий Гадруметский, африканский епископ 474
- Примоз, карфагенский епископ 467
- Прискиан лидиец, византийский философ 320

- Проб, племянник императора Анастасия Дикора 42—44, 95, 107, 118, 125, 155, 162, 316
- Прокл, византийский философ, военный инженер 41, 42
- Прокл, византийский чиновник, глава правительства императора Юстиниана I 54, 55, 57, 59, 61, 62, 67, 92, 101—104, 106, 112, 316, 317, 319
- Прокопий Кесарийский, историк и биограф Юстиниана 5—7, 15—17, 24, 26, 31, 34, 45, 51—53, 55, 63—65, 73—75, 77—88, 92, 93, 95, 97, 98, 100—102, 104, 105, 107—113, 118, 119, 121—124, 128, 136—138, 140, 142—145, 147—149, 154, 155, 157, 158, 161—163, 165—167, 173—181, 183—191, 194, 199, 200, 213, 215—223, 226—227, 229—233, 235, 238—250, 252, 253, 255—257, 261, 263—272, 274—280, 282, 284, 285, 288, 289, 291—303, 314, 322—326, 329, 329, 331—334, 336—338, 340, 341, 344, 345, 347, 349—355, 360—364, 368, 369, 372—381, 383—389, 391, 393—395, 399—415, 418, 426, 449, 452, 458, 477—487, 489, 490, 494—496, 498, 500—502, 504, 507
- Псевдо-Дионисий, византийский автор 340
- Пуденций, римлянин, предводитель антивандалского восстания 177, 178, 193, 357
- Пфайлшифтер Георг, немецкий историк, автор биографии Теодориха Великого 206
- Рагнар, вождь биттоугров 435, 436
- Рашид эд-Дин, автор «Сборника летописей» 488
- Репарат, префект претория Рима 264
- Репарат, епископ Карфагена 372, 466, 467, 470
- Рецимер, западноримский временщик 18
- Ризнульф, племянник короля Вако 396
- Робесьер Максимилиан, французский политический деятель 106
- Родерик, остготский военачальник 351
- Рус, мифический предок русских 137
- Рустик, посол остготского короля Теодата 234
- Рустик, византийский интендант в Лазике 437—439, 441
- Руфин, патрикий, византийский дипломат и полководец 145, 169, 225, 260
- Савва, византийский подвижник, житель Палестины 460
- Сампсон, придворный медик Юстиниана 102, 155
- Сандилх, хан утургуров 400, 401, 446, 453
- Свартус, герул, византийский военачальник 410
- Север, антиохийский патриарх, монофизит 54, 55, 304, 306—309, 313, 314, 498, 504
- Сергий, византийский чиновник, племянник евнуха Соломона 357—362
- Сергий, византийский чиновник-финансист, участник заговор против Юстиниана 499, 500
- Сигеберт, король Австразии (561—575) 456
- Сильверий, римский папа, ставленник остготов 232, 239, 248, 312, 313
- Симашко (Шамис) Морис Давидович, советский исторический писатель-романист 69
- Симеон, правитель рудников Фарангия, армянский князь 144, 250
- Симеон Столпник Младший, подвижник времен Юстиниана 293
- Симма, предводитель болгар на византийской службе 139
- Симмах, эпарх Карфагена 256—258, 260
- Симмах Квинт, римский политик на готской службе 207, 212—214
- Симплиций кидикиянин, византийский философ 320
- Синдерит, остготский военачальник 223
- Синдуал, предводитель герулов 429, 434
- Синезия, мать патриарха Евтихия 469
- Ситта Урсикий, византийский полководец 57, 97—99, 129, 131, 132, 144—147, 251, 252, 285, 321, 477, 502
- Сиявуш, иранский полководец 28, 29, 92, 93, 101
- Скипуар, телохранитель Тотилы 414
- Скржинская Елена Чеславовна, советский историк 201
- Соломон, евнух, византийский наместник Африки 197, 225—230, 260, 284, 355—359, 375
- Соломон, иудейский царь 199, 291, 292

- Стоза, предводитель антивизантийского военного мятежа в Африке 179, 230, 231, 255–260, 359–362, 371, 373, 374
- Суника, предводитель болгарских наемников на византийской службе 138, 142, 143
- Сталин Иосиф Виссарионович, политический лидер СССР (1925–1953) 13
- Стефан, посол Тотилы 395
- Сумайф Ашва, царь Йемена (525–533) 96
- Схоластик, евнух, полководец византийской армии на Балканах 403, 407
- Татиан, византийский вельможа, жертва репрессий Юстиниана 299
- Таттимут, римлянин, предводитель антивандалского восстания 177, 178, 193
- Тарасикодисса см. Зенон
- Тарле Евгений Викторович, советский историк 71
- Тевдис (Тьюдо), король вестготов (531–548) 47, 208, 275, 347, 420–422
- Тейя, остготский король (552) 413, 415–417, 421, 427, 434, 435
- Теодат, остготский король (534–536) 216–221, 231–234, 236, 237, 239, 240, 311, 312, 422
- Теодегизел, остготский принц, сын короля Теодата 239
- Теодегискл (Теодегизел), вестготский герцог, король (448–449) 421, 422
- Теодената, остготская принцесса, дочь короля Теодата 237
- Теодобальд, франкский король Австрии, сын Теодоберта (548–555) 392–394, 413, 416, 427
- Теодоберт, франкский король Австрии, сын Теодориха (534–548) 261, 267, 268, 392
- Теодорих, франкский король Австрии (511–534) 392
- Теодорих Великий (Дитрих, Флавий Теодорикус), король остготов, правитель Италии (493–526) 25–28, 47, 53, 173, 181, 202–210, 212–216, 218, 220, 240, 242, 247, 349, 411, 417, 420, 422, 425, 436
- Теофил см. Богумил
- Теудемир, остготский король, отец Теодориха Великого 202, 203
- Тиберий II, император Византии (578–582) 319
- Тимофей, апостол 293
- Тимофей, константинопольский патриарх 37, 54
- Тимофей, крещеный перс 132
- Тойнби Арнольд, британский историк 476
- Торимут, византийский офицер 363
- Торисмунд, король лангобардов 398, 399
- Тотила (Бадвила), остготский король (541–552) 348, 350–355, 363–368, 370, 371, 376, 392–397, 399, 401, 402, 404, 407–409, 411–417, 421, 422, 436, 445, 454, 490
- Тразамунд, вандалский король (496–523) 173, 174
- Трибониан, византийский юрист, квестор империи 102, 112–114, 116, 117, 154, 164, 177, 277, 293, 299, 339, 493
- Трибун, византийский врач 346
- Трифон, византийский чиновник, эпарх Константинополя в дни восстания «Ника» 154, 225
- Туфа, полководец на службе у Одоакра 204–206
- Удальцова Зинаида Владимировна, советский историк-византист 115, 148, 164, 203, 205, 475
- Улдах, болгарин на византийской службе 432
- Улиарис, византийский офицер, наемник 184, 192, 264, 351
- Улифей, остготский военачальник, дядя короля Витигеса 255
- Управд см. Юстиниан Великий
- Урайя, остготский военачальник 261, 271, 347–349
- Урсицн, византийский военачальник 222
- Усигард, варвар на византийской службе 439
- Успенский Федор Иванович, русский историк-византист 16, 75, 78, 169, 505
- Фаза, племянник царя Иверии 353, 354
- Фальк см. Фулкарис
- Фара, предводитель отряда герулов на византийской службе 138, 141, 142, 179, 192, 194, 195
- Фарасман, иранский военачальник; погиб в битве при Даре 138, 141, 143

- Фарасман, марзпан Иверии (527?–561?) 97, 129, 260
- Фаустин, тайный самаритянин 458
- Феодор, референдарий 339
- Феодор, византийский офицер, начальник отряда цаннов 442
- Феодор Аскида, епископ Кесарии Каппадокийской 463
- Феодор Мопсуэстийский, византийский богослов 306, 463–465, 469, 471, 472
- Феодора, императрица Византии, супруга Юстиниана Великого 7, 77–89, 105, 107, 109–111, 114, 120–122, 131, 158, 161, 162, 167, 168, 188, 199, 200, 214, 220, 221, 248, 277, 278–282, 287, 294, 295, 298, 299, 303–305, 307–316, 319, 328–332, 339, 348, 369, 370, 376, 377, 402, 406, 458, 461, 465–467, 471, 480, 484, 487, 502
- Феодорит Киррский, византийский богослов 306, 463–465, 469, 471, 472
- Феодосий I Великий, восточноримский император (379–395) 10
- Феодосий II, император Византии (408–450) 33
- Феодор, византийский офицер, заговорщик в последние годы жизни Юстиниана 498
- Феодор Кабаруссийский, африканский епископ 474
- Феодор из Каппадокии, византийский военачальник, участник завоевания Африки 225, 229–231, 258, 259, 260
- Феодор Курносый, византийский командующий в Палестине 126, 127
- Феодор Теганист, префект Константинополя 103
- Феодот Тыква, префект Константинополя 101–103
- Феодот, префект Священного Палатия после Иоанна Каппадокийца 333
- Феодосий Великий, римский император (379–395) 10
- Феодосий, александрийский патриарх 308, 309, 313–315, 458
- Феокрит, претендент на византийский престол 45, 54
- Феоктист, византийский военачальник 323, 343
- Феофан Исповедник, византийский историк 46, 51, 56, 63–65, 75, 91, 96, 97, 105, 118, 123, 128, 130, 131, 134, 135, 150–153, 155, 161–163, 169, 269, 270, 282, 294, 357, 436, 452, 465, 466, 477, 496–499, 501–503, 505
- Фируз см. Пероз
- Фируз Мухран, иранский полководец 138–143
- Филемут, вождь герулов на византийской службе 343, 398, 428
- Фирдоуси, средневековый иранский поэт, автор эпоса «Шахнаме» 70, 71
- Флавий Арета см. Харис ибн Джабал
- Флавий Вегетий Ренат, римский военный теоретик 15
- Флавий Теодорикус см. Теодорих Великий
- Фока, византийский чиновник, язычник, префект двора в период восстания «Ника» 128, 154
- Фока, византийский мятежник, император (602–610) 483
- Фома, византийский квестор, язычник 128
- Фотий, пасынок Велисария 222
- Фридман Милтон, американский экономист, теоретик либерализма в экономике 70
- Фридрих, король ругов († 491) 204, 206
- Фулкарис (Фульк, Фальк), предводитель герулов 428, 429
- Хаммурапи, вавилонский царь, законодатель (XVIII в. до н. э.) 117
- Ханаранг, участник заговора против Юстиниана 380
- Харис ибн Саалаба (Арета), правитель арабов-гассанидов (529–549) 315, 381, 382
- Харис ибн Джабал (Флавий Арета), правитель арабов-гассанидов (559–569) 504
- Хильбуд (Хвалибуд), византийский военачальник, воевавший со славянами 236, 268, 439
- Хильбуд, предводитель славян 137, 365
- Хильдебалд, остготский король (541) 275, 347–350, 421
- Хильдеберт, парижский король франков (511–558) 392, 394, 421
- Хильдегер, византийский военачальник 225, 231, 254, 258–260, 263, 343
- Хильдегес, лангобардский принц 396, 397
- Хильдерик, вандалский король (523–530) 174, 175, 180, 181, 183, 213

- Хильдерих, византийский военачальник в Лазике 129, 200
- Хлодвиг, король франков (481–511) 10, 14, 28, 58, 87, 223, 240
- Хориван, иранский полководец 384
- Хорив, мифический славянский князь, брат Кия 137
- Хосров Ануширван, шаханшах Ирана (531–579) 72, 91–93, 129, 132–134, 142, 144, 145, 147, 169, 252, 253, 265, 320–328, 334–336, 343–346, 381–384, 387–389, 437, 440, 443, 445, 449, 454, 503
- Хрис, византийский военный инженер 293, 295–297, 326
- Христос Иисус 12, 15, 22, 23, 74, 210, 304–307, 309, 315, 462, 463
- Хэлдон Джон, американский историк-византист 413
- Цазон**, вандальский герцог, брат короля Гелимера 180, 186, 187, 189, 190, 192
- Цате II, принц, сын Гуваза, царь Лазики (554–?) 439
- Цатий (Гурген), царь Иверии (?–522) 95
- Цетег, принцепс сената Рима 214, 240, 241, 364, 393
- Циркин Юлий Беркович, советский и российский историк 171, 419
- Чекалова Александра Алексеевна**, советский и российский историк-византист 75, 149, 492, 507
- Чех, мифический предок чехов 137
- Шпенглер Освальд**, германский философ 476
- Щек**, мифический славянский князь, брат Кия 137
- Эбримут**, остготский военачальник, зять короля Теодата 237, 238
- Эванс Артур, британский археолог 31
- Эвдемоний, эпарх Константинополя в период восстания «Ника» 151, 152, 154
- Эврих, готский герцог, муж королевы Амаласунты 215
- Эган, предводитель болгарских наемников на византийской службе 139, 142, 189, 225
- Эдика (Эдвард), вождь скиров, отец Одоakra 203
- Эдип, легендарный древнефиванский царь 235
- Элия София, жена императора Юстина I, племянница базилиссы Феодоры 252, 502
- Элмингир, болгарин на византийской службе 440
- Эни, византийский военачальник, исавр 222, 238
- Эрарих, вождь рогов, король остготов (541) 348, 349, 350
- Эрильева, мать Теодориха Великого 202
- Юлиан**, самаритянин, предводитель еврейского восстания против Византии 125, 126, 146
- Юлиан Отступник, римский император 65
- Юлий Непот, западноримский император (474–475) 21
- Юрфут, берберский вождь 224, 225
- Юст, византийский военачальник в Закавказье 162, 343, 344
- Юст, предводитель восстания самаритян против Византии 24
- Юстин, византийский военачальник, пал в битве с болгарами 269
- Юстин II см. Юстин куроपालат
- Юстин куроपालат, преемник Юстианиана Великого, византийский император (565–578) 319, 361, 448, 502, 505, 506
- Юстин I Флавий, византийский император (518–527) 15–19, 24–27, 29–32, 34, 38, 43–47, 51–57, 59–67, 72–74, 83, 84, 87, 88, 90–105, 112, 136, 137, 202, 208, 209, 210, 212, 213, 215, 316, 319, 477
- Юстин, сын Германа, византийский полководец 352, 353, 410, 411, 437, 438, 442, 443, 452, 502
- Юстиниан, византийский полководец, сын Германа 378, 379, 380, 410
- Юстиниан I Великий, Флавий Петр Саббатий (Управд), византийский император (527–565) 5–9, 12, 13, 15, 30–34, 40, 43, 45, 47, 55, 57, 59, 60–68, 70, 72–77, 79, 84–89, 91, 94, 95, 97–122, 124, 125–131, 133–137, 139, 140, 1440151162, 163–170, 173–179, 181, 182, 186, 193, 194–200, 207–223,

225, 227, 228, 231—234, 236—239,
241, 242, 248, 249—253, 255—258,
260, 261, 263, 265, 266, 269, 270—273,
275—318, 319—340, 342, 343, 346,
348—360, 362—365, 367, 369—373,
375—395, 397—403, 405—410, 412,
413, 415—418, 420—427, 433, 435—
443, 445—475, 477—481, 483—510

Юсуф зу-Нуvas, царь Йемена (515—
525) 95

Яков Барадей (Бар-Аддай), монофизит-
ский епископ Эдессы 315, 458

Яуда, берберский вождь 224, 226, 227,
229, 258—260, 356, 371, 375

Яхве, верховный бог евреев 124

Научно-популярное издание

Чернявский Станислав Николаевич

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ
Император и его век

Редактор *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги, 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 25.06.2015
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 37,63. Печ. л. 38.
Тираж 500 экз. Заказ 3659.

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12/28